

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2019. № 444. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2019. № 444. July

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; Т.С. Портнова,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р
юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор
Издательства ТГУ; С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татянин,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук,
проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; A. Korotaev, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy,
Professor; V. Parnachev, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; Z. Sakharova, PhD in
Economics, Associate Professor; Yu. Slizhov, PhD in Chemistry,
Associate Professor; V. Sumarokova, Director of TSU Publishing
House; S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; V. Utkin, Dr. of Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; E. Chernyak, Dr. of
History, Professor; V. Shilko, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Брагина Н.Г. Речевые оплошности в интернет-коммуникации	5
Волков И.О. Поэтика образа Гамлета в романном творчестве И.С. Тургенева	14
Волкова Т.А. Экспериментальная апробация дискурсивно-коммуникативной модели перевода в письменном переводе: пилотное исследование	27
Волкова Т.Ф. Речевая деятельность современного судебного оратора (на материале выступлений в прениях)	38
Галимуллина А.Р., Милутина М.Г. Инфинитивные техники в поэзии И. Бродского (на примере анализа отрывков из поэмы «Зофья»)	46
Зюзина О.Н. Языковое выражение социальных действий управления (на материале устной речи гуманитарной интеллигенции)	52
Стрельникова А.Б. К вопросу о переводческом «производе»: англоязычный сборник «The sweet-scented name» Ф. Сологуба в контексте авторских афоризмов	60

ФИЛОСОФИЯ

Гончарова А.А. Деструктивное влияние социальных сетей на взаимосвязь языка и мышления в контексте медиаэкологии	65
Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Практики политики памяти: парк-музей «Россия – моя история» в системе институциональных противоречий	72
Линченко А.А., Головашина О.В. «Русские» в Европе: память о прошлом, идентичность и историческое сознание русскоговорящих мигрантов в Центральной и Восточной Европе	83

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Аванесова Е.Г., Микаелян Н.А. Проблема разрешения противоречия между религиозным и светским в политической сфере: региональный аспект	93
Гайданка Е.И. Общественное и политическое пространство децентрализованных процессов в Трнавском крае Словакии	101
Романович Н.А. Образ власти в России и его базовые характеристики	110

ИСТОРИЯ

Ванчикова Ц.П., Аюшиева И.Г. К истории формирования буддийских монашеских общин среди монголоязычных народов	120
Ермолова А.И. Методологические особенности изучения детства социальными антропологами	125
Коньков Д.С. Doctiloquus Сидония Аполлинария: слово как социальное действие	130
Кривошеев Д.С., Троицкий Е.Ф. Региональная политика Европейского Союза в Валлонии (2000–2017 гг.)	136
Птицына Г.М. Религиозные представления крестьян Владимирской губернии в марте–октябре 1917 г.	143
Салмин А.К. Гуннская версия в истории чувашей (этнографические штрихи)	150
Симонова М.В. Е.И. Пугачёв в отечественной историографии	155
Шевляков А.С., Черемных О.А. Снабжение городского населения Новосибирской области товарами широкого потребления в годы Великой Отечественной войны	164

CONTENTS

PHILOLOGY

Bragina N.G. Speech Missteps in Internet Communication	5
Volkov I.O. The Image of Hamlet Poetics in I.S. Turgenev's Novels	14
Volkova T.A. Testing a Discourse and Communication Translation Model: A Pilot Translation Experiment	27
Volkova T.F. Speech Activity of the Modern Forensic Orator (On the Material of Speeches in Debates)	38
Galimullina A.R., Milyutina M.G. Infinitive Techniques in the Poetry by Joseph Brodsky (On the Example of the Analysis of the Poem "Zofia")	46
Zyuzina O.N. The Linguistic Expression of Social Management Actions (On the Material of the Oral Speech of Scholars)	52
Strelnikova A.B. Towards Translator's "Excesses": <i>The Sweet-Scented Name</i> by F. Sologub in the Context of Authorial Aphorisms	60

PHILOSOPHY

Goncharova A.A. Social Networks' Devastating Effect on the Interrelation Between Language and Thinking in the Context of Media Ecology	65
Krasilnikova Ye.I., Valdman I.A. Practices of the Politics of Memory: The Park-Museum "Russia – My History" in the System of Institutional Contradictions	72
Linchenko A.A., Golovashina O.V. "Russians" in Europe: Memory of the Past, Identity and Historical Consciousness of Russian-Speaking Migrants in Central and Eastern Europe	83

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Avanesova E.G., Mikaelyan N.A. The Problem of Resolving Contradictions Between the Secular and the Religious in the Political Sphere: A Regional Aspect	93
Haydanka Ye.I. The Public and Political Scope of Decentralisation in the Trnava Region of Slovakia	101
Romanovich N.A. The Image of Power in Russia and Its Basic Characteristics	110

HISTORY

Vanchikova T.P., Ayushieva I.G. On the History of Buddhist Monastic Communities Formation Among Mongolian Peoples	120
Ermolova A.I. Methodological Peculiarities of Childhood Studies in Social Anthropology	125
Konkov D.S. "Doctiloquus" by Sidonius Apollinaris: Word as a Social Action	130
Troitskiy D.S., Krivosheev E.F. The EU Regional Policy in Wallonia (2000–17)	136
Ptitsyna G.M. Religious Views of the Peasants of Vladimir Guberniya in March–October 1917	143
Salmin A.K. The Hunnic Version in the Chuvash History (Ethnographic Notes)	150
Simonova M.V. Yemelyan Pugachev in Russian Historiography	155
Shevlyakov A.S., Cheremnykh O.A. The Supply of the Urban Population of Novosibirsk Oblast with Consumer Goods During the Great Patriotic War	164

ПЕДАГОГИКА

Малкова И.Ю., Масленикова О.Г. Интернационализация образовательных программ как ресурс формирования глобальной компетентности выпускников магистратуры	169
Мокрецова Л.А., Беспалов А.М., Прудникова М.М. Восприятие образов идеального и реального учителя студентами и педагогами	178
Пономарева Н.И. Комплексная программа аэробики как средство повышения уровня физической и функциональной подготовленности студентов	193
Симакова Т.П., Костюкова Т.А. Особенности педагогической позиции во взаимодействии с семьями обучающихся	198
Сурнин Д.И., Усачёв Н.А. Проблемы и перспективы развития системы физического воспитания вузов г.о. Тольятти	206
Терентьев В.И. Специфика преподавания истории в российских школах Монголии	212

ПРАВО

Болтанова Е.С. Производные финансовые инструменты: развитие российского законодательства	217
Ермакова О.В., Ботвин И.В., Репьева А.М. Концептуальные основы реформирования института принудительных мер воспитательного воздействия	222
Нищимная С.А., Крупко Я.М., Доний Н.Е. Проблемы содержания общих принципов финансового права	228
Тепляшин П.В. Европейский пенитенциарный комплаенс: постановка вопроса, факторы актуализации и стратегические риски для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации	235
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	240

PEDAGOGICS

Malkova I.Yu., Maslennikova O.G. Internationalization of the Curriculum as a Resource for Building Global Competence of Master's Graduates	169
Mokretsova L.A., Bespalov A.M., Prudnikova M.M. An Ideal Teacher: Students' and Teachers' Views	178
Ponomareva N.I. A Comprehensive Aerobics Program as a Means of Increasing the Level of Students' Physical and Functional Fitness	193
Simakova T.P., Kostyukova T.A. Peculiarities of the Teachers' Position in Interaction with Schoolchildren's Families in Educational Institutions	198
Surnin D.I., Usachev N.A. Problems and Prospects of the Development of the Physical Education System in the Universities of Togliatti	206
Terentyev V.I. The Specifics of Teaching History in Russian Schools in Mongolia	212

LAW

Boltanova E.S. Derivative Financial Instruments: Development of Russian Legislation	217
Ermakova O.V., Botvin I.V., Rep'eva A.M. Conceptual Bases of Reforming the Institute of Compulsory Measures of Educational Influence	222
Nishchinnaya S.A., Krupko Ya.M., Doniy N.E. Problems of the Content of General Principles of Financial Law	228
Tepliyashin P.V. The European Penitentiary Compliance: Problem Statement, Actualization Factors and Strategic Risks for the Penitentiary System of the Russian Federation	235
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	240

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Н.Г. Брагина

РЕЧЕВЫЕ ОПЛОШНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Исследуются речевые оплошности – ошибки, которые говорящий или пишущий допускает случайно и / или вследствие недостаточного владения нормами языка. Определена специфика функционирования речевых оплошностей в интернет-коммуникации: оплошности допускает «естественный пользователь»; они могут тиражироваться другими пользователями, служить стилистическим приемом, становиться интернет-мемами. Исследование проводилось на материале собранных автором примеров и опубликованных на медиасайтах образцов оплошностей.

Ключевые слова: речевые оплошности; «естественный пользователь»; метатекстовые реакции; интернет-коммуникация; интернет-мемы; лексикализация; черномырдинки.

1. Из истории исследования речевых ошибок.

Исследования *речевых ошибок* на материале русского языка имеют достаточно длительную историю, начало которой было положено описанием детской речи. А.Н. Гвоздев с февраля 1923 г. стал вести дневник, в котором по дням отслеживал формирование речи у своего сына [1].

Во второй половине XX в. тема речевых ошибок начинает все больше привлекать внимание русистов. Можно выделить два основных направления: описание особенностей детской речи, одной из целей которого было предотвращение ошибок у школьников [2–4], и изучение функционирования стилистических норм и общей культуры речи, что впоследствии позволило предложить обобщенную классификацию речевых ошибок и *недочетов* [5].

Благодаря этим работам речевые ошибки имеют достаточно полное описание и развернутую классификацию, соотношенную с языковыми уровнями (фонетическим, лексическим, морфологическим и т.д.). Отдельным классом выделены также *неязыковые ошибки*, которые относятся к устной или письменной формам речи: орфографические, пунктуационные, графические и др. [4]. Как особый тип охарактеризованы *речевые недочеты*, связанные преимущественно с нарушением правил стилистики [6]. Была предложена классификация ошибок, имеющая отношение к нарушению трех типов норм: структурно-языковых, коммуникативно-прагматических и этико-речевых [7].

В русле общей теории лингвистики интерес к описанию речевых ошибок сформировался в 20-х гг. XX в. В 1929 г. вышла работа А. Фрея «Грамматика ошибок» [8], в которой на материале французского языка была предпринята попытка классификации типов ошибок и были объяснены причины их возникновения. Источником для анализа стали письма попавших в плен французских военнослужащих. А. Фрей полагал, что комплексное описание системно повторяющихся ошибок позволяет отслеживать процессы постепенного изменения языковой системы. Эта мысль оказалась созвучной идеям Л.В. Щербы, который считал анализ отрицательного материала важным элементом лингвистических исследований [9].

С появлением корпусов тема грамматики ошибок и использование отрицательного материала в лингви-

стических описаниях получила дальнейшее развитие. Встал вопрос о создании Корпуса ошибок, или Корпуса нестандартных говорящих [10, 11]. Такой Корпус позволяет исследовать разные формы отклонения от норм языкового употребления, а также описывать грамматику русского языка с привлечением отрицательного материала, возникшего в естественных условиях порождения речи.

Анализ речевых ошибок, используемый применительно к разным лингвистическим областям, сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Во многом это обусловлено потребностями социума в определении норм и правил коммуникации. Это имеет отношение и к предметной области, в которой коммуникация осуществляется. Так, в теории перевода анализ и классификация переводческих ошибок на конкретном языковом материале побудил исследователей к обсуждению новой дисциплины – *эпратологии* [12].

Для психолингвистов речевые ошибки – это инструмент исследований [13]. Глубокий анализ причин *речевых отклонений (сбоев)* был дан в рамках антропоцентрической парадигмы [14].

В работе [15] к анализу *речевых неудач* применялся как функциональный, так и когнитивный подходы. Последний связан с исследованием механизмов порождения высказываний, а также с классификацией трудностей, которые возникают при выполнении речемыслительных действий.

Таким образом, можно отметить, что научное описание и классификация речевых ошибок является целью исследования для лингвистов разных направлений, причем в последние годы интерес к этой проблематике усиливается настолько, что идея о формировании новой дисциплины, связанной с комплексным анализом речевых ошибок, не кажется утопичной. Наблюдается также некоторое терминологическое разнообразие: при описании сходных явлений авторы используют термины *речевые ошибки*, *речевые отклонения (сбои)*, *речевые неудачи*.

В настоящей работе предложен еще один ракурс рассмотрения речевых ошибок, или *речевых оплошностей*, – социокультурный. Это означает, что будут определены роль и функции речевых оплошностей в современной коммуникации, и прежде всего в интернет-коммуникации. Также будут рассмотрены реак-

ции носителей языка на появление речевых оплошностей в текстах разных жанров.

Такая постановка вопроса обусловлена тем, что в 1990-е гг. в обществе изменилось отношение к речевым оплошностям: их «перестали стесняться» [16]. Они стали частотным явлением в пространстве публичных текстов. Одновременно в социуме возник всплеск интереса к ним. С 1990-х гг. начали обсуждаться оплошности публичных людей – журналистов, политиков, переводчиков, представителей рекламного бизнеса, т.е. тех, чьи тексты влияли на формирование массового языкового сознания. Издавались работы, в которых были собраны и прокомментированы такие оплошности, например, летописи нарушений языковой нормы [17].

В начале 2000-х гг. происходит развитие интернета, появляются форумы, социальные сети. Публичное пространство активно формируется за счет «обычных пользователей интернета». Оплошности, допускаемые как в интернете, так и вне его, порождают метатекстовые реакции у пользователей социальных сетей. Они становятся объектом возмущения, насмешки, языковой игры и могут рассматриваться как разновидность провокативного текста. В интернете и вне его становится популярным разговор о грамотности / безграмотности. Это не остается без внимания лингвистов. Например, были проанализированы «народные» представления о грамотной и безграмотной речи [18].

По сравнению с эпохой до интернета, интернет-коммуникация значительно расширяет условия существования, функционирования и воспроизводства речевых оплошностей, а также способствует появлению устойчивых форм реагирования на них.

В интернет-коммуникации формируется особый «малый жанр» – разговор о русском языке, который затрагивает такие темы: богатство русского языка, его возможности; любовь к русскому языку, его особенности; невозможность для иностранцев полностью понять особенности русского языка во всем его свое- и многообразии; порча и обеднение русского языка; общее падение грамотности; смешные, курьезные ошибки в русском языке и т.д.

Этот жанр оказывается возможным и уместным в разных коммуникативных ситуациях. Он воспроизводится в интернет-чатах, СМИ, «аткрытках» и демотиваторах, в бытовых разговорах дома, в общественном транспорте, на улице. Это позволяет говорить о некотором его сходстве с английским small talk. Однако в отличие от намеренно недискуссионного small talk разговор о русском языке может провоцировать дискуссию, вызывать оценочные суждения, приводить к поляризации мнений и точек зрения, использоваться для дискредитации оппонента. Последнее особенно характерно для разговора о русском языке «в формате» обсуждения допускаемых участниками коммуникации речевых оплошностей.

2. Речевые оплошности и их функционирование в интернет-коммуникации. Под речевыми оплошностями я буду подразумевать ошибки, которые допускаются *говорящим*¹ или *пишущим*² случайно, по неосторожности (ляпы, оговорки, опiski) и / или вследствие недостаточно хорошего владения нормами

языка. Оплошности возникают в ситуации сниженного контроля за своим текстом.

Речевые оплошности могут быть зафиксированы письменно, на видео или на других носителях. В статье будут рассматриваться оплошности, получившие письменную фиксацию. Они возникают в естественных условиях речевой коммуникации. У человека либо вообще нет установки на создание письменного текста, либо она слабо выражена, не отрефлексирована.

Переключение пишущего с устной формы общения на письменную может осложняться из-за недостаточного владения письменной нормой, несформированного навыка саморедактирования, из-за желания быстро, спонтанно реагировать на чье-либо высказывание, влекущее небрежность в правилах оформления текста и др.

В работе [19. С. 105] противопоставляются неграмотность (неполное владение правилами), безграмотность (невладение правилами) и антиграмотность (владение правилами и сознательное их нарушение). Речевые оплошности возникают как следствие неграмотности или безграмотности авторов текста, а также как результат спонтанного и быстрого производства письменного текста грамотным человеком.

Речевые оплошности следует отличать от окказионализмов и эрративов. В отличие от окказионализмов, которые «создаются и употребляются намеренно» [5. С. 193], речевые оплошности допускаются пишущим ненамеренно. При этом если чья-либо речевая оплошность начинает использоваться другими как экспрессивное средство, как стилистический прием, то она может рассматриваться как окказионализм.

Речевые оплошности сходным образом отличаются от эрративов (эрратив: ‘слово или выражение, подвергнутое умышленному искажению носителем языка, владеющим литературной нормой, для придания особого эффекта’ [20]). Эрративы создаются и употребляются сознательно, их употребление стилистически оправдано, их можно рассматривать как разновидность окказионализмов³, в то время как речевые оплошности допускаются, как уже было отмечено, случайно.

В интернет-коммуникации могут возникать двусмысленные ситуации, когда граница между эрративом и оплошностью неясна. В этом случае внутри сообщества вырабатываются свои правила, например: эрратив следует заключать в кавычки, чтобы нельзя было спутать его с оплошностью, ср. диалог двух пользователей с никнеймами moderator_pablo и ramses333 (URL: <https://echo.msk.ru/blog/statya/2346089-echo/comments.html#comments> (accessed: 01.02.2019)):

moderator_pablo04 января 2019 | 10:35

а ты <...> круглосуточно здесь ошиваешься? МИНТАЛЕТЕТ! Так?

ramses33304 января 2019 | 12:13

moderator_pablo: Подучи русский язык, прежде чем пользоваться клавишей капслок. Дабы аршинными буквами на собственном лбу не писать, что ты неуч. Это слово пишется так: МЕНТАЛИТЕТ.

moderator_pablo04 января 2019 | 12:25

ramses333:

не лезь туда, куда тебя не просят, я прекрасно ЗНАЮ, пишется ЭТО слово!

moderator_pablo04 января 2019 | 12:26
ramses333:

... как пишется ЭТО слово !

ramses33304 января 2019 | 13:40

moderator_pablo: Я тебя понял. Но цитату следует брать в кавычки. А то, что ты изобразил, можно истолковать только так, как истолковал я.

Надо при этом добавить, что современные пользователи интернета любят употреблять эрративы как средства стилизации, языковой игры.

С развитием интернет-коммуникации речевые оплошности в массе своей стали доступными для наблюдения. Появилась возможность аналитически осмысливать это социокультурное явление исходя из нескольких перспектив. Перечислю их.

Во-первых, интернет-коммуникация – это публичная среда, в которой происходит письменная фиксация устной речи (чаты, посты). Пользователи могут допускать спонтанные речевые оплошности, на которые другие пользователи ответно и так же спонтанно реагируют. В этом случае возникают микродиалоги о грамотности / безграмотности, доступные всем.

Многих участников интернет-коммуникации, допускающих речевые оплошности, можно отнести к категории «естественных пользователей». Они воспроизводят на письме спонтанную речь, однако навык грамотного письма у них выработан недостаточно, отсутствует желание проверять орфографию и пунктуацию текстов (spell-чекер помогает не всегда). «Естественный пользователь» пишет «как он слышит / <...> Как он дышит, так и пишет, / Не стараясь угодить» (Б. Окуджава).

А.М. Пешковский различал «стремление говорящего нормировать свою речь, говорить не просто, а как-то» и «естественное состояние языка», ср.: «В естественном состоянии языка говорящий не может задумываться, как он говорит, потому что самой мысли о возможности различного говорения у него нет. Не поймут его – он перескажет, и даже обычно другими словами, но все это совершенно “биологически”, без всякой задержки мысли на языковых фактах» [21. С. 58]. У «естественного пользователя» интернетом также может отсутствовать «задержка мысли на языковых фактах» и, как следствие этого, он допускает опiski, ошибки, или речевые оплошности.

Таким образом, первая перспектива позволяет рассматривать интернет-коммуникацию как среду, благоприятную для речевой деятельности «естественного пользователя», а также для его предполагаемого оппонента, который указывает на допущенные речевые оплошности, осуждая пишущего.

Исходя из второй перспективы, интернет-коммуникацию можно определить как публичную среду, в которой речевые оплошности получают распространение (тиражируются). В первую очередь это относится к оплошностям известных людей (политиков, актеров, музыкантов и т.д.), ведущих свои блоги, участвующих в интернет-чатах. Например, Павел Астахов, бывший уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка в твиттере допустил оплошность (URL: <https://twitter.com/RFdeti/status/1081917338599997441> (accessed: 01.02.2019)). На сайте (URL:

https://pikabu.ru/story/priblezhaetsya__6407162#comments (accessed: 01.02.2019)) был опубликован скриншот с комментарием ПриблЕжается :(((((((

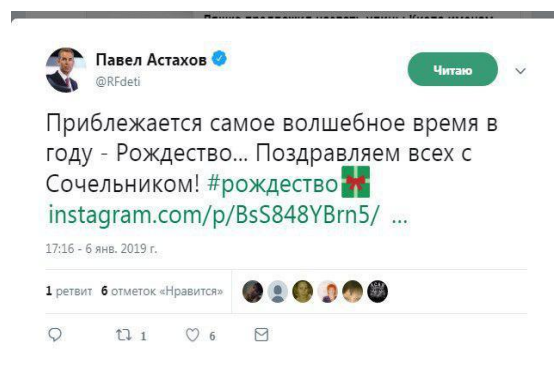

Рис. 1. Скриншот

Эта публикация, в свою очередь, была прокомментирована несколькими пользователями, ср., например: *hupol21* Он ведь юрист, а не филолог => *dobriydzuck* ...с уважением, Павел Астахов и др.

Популярно также воспроизводство в интернете текстов с *оплошностями*, допущенными в реальности (в режиме «оффлайн»), а не в виртуальном пространстве. В социальных сетях, в блогах, на форумах выкладывают фотографии текстов (реклама, слоганы, надписи на заборах и т.д.), в которых были допущены речевые оплошности. Например, сайты *Орфосвинство* (URL: <https://vk.com/orfosvinstvo> (accessed: 01.02.2019)); *Меня укусил филолог* (URL: <https://vk.com/ukusfilologa> (accessed: 01.02.2019)) и др.

Сравнительно недавно известность получил сайт Татьяны Гартман «Училка vs TB» (URL: <https://www.youtube.com/channel/UCOb8k2TxJ8KtSmTZxWVfC2g/about> (accessed: 01.02.2019)). На сайте Татьяна выкладывает видеоролики с записями оплошностей, которые были допущены известными людьми в телепрограммах, интервью и т.д. Т. Гартман рассказывает, в чем состояло нарушение нормы и как правильно надо было употреблять слово или выражение.

Таким образом, вторая перспектива дает возможность характеризовать интернет-коммуникацию как среду, благоприятную для (массового) воспроизводства речевых оплошностей. Это делается для привлечения внимания, для борьбы с неграмотностью, для унижения говорящего или пишущего, для развлечения (но не как стилистический прием) и др.

Речевые оплошности вызывают интерес: нарушение нормы более информативно, чем следование ей, ср.: «Непорядок информативен уже тем, что не сливается с фоном. Аномалия часто загадочна или опасна. Она поэтому заставляет думать (творит мысль) и действовать (творит жизнь)» [22. С. 76].

Наконец, третья перспектива позволяет определить интернет-коммуникацию как публичную среду, в которой речевая оплошность может становиться мемом, т.е. множественно и устойчиво воспроизводиться на форумах, в чатах и т.д. В этом случае оплошность рассматривается как окказионализм, как разновидность прецедентного текста. Она может использоваться в других текстах как стилистический прием

для придания экспрессии, создания комического эффекта, обыгрывания каких-либо ситуаций. Некоторые такие *мемы* могут лексикализироваться, закрепляясь в языке в качестве оценочной единицы.

Таким образом, третья перспектива дает возможность характеризовать интернет-коммуникацию как среду, которая благоприятна для использования речевых оплошностей в качестве стилистического приема. Рассмотрим последовательно на примерах функционирование речевых оплошностей исходя из трех указанных перспектив.

3. Речевые оплошности «естественного пользователя» и «наивный нормативизм». Речевые оплошности в чатах, на форумах, в комментариях к статьям интернет-изданий имеют высокий нарративный потенциал. Они порождают метатекстовые реакции, как правило, иронического и / или страстно-обличительного характера.

Речевые оплошности и последующие метатекстовые реакции изменяют ход коммуникации: обсуждение содержания чего-либо, например фильма, статьи, поста, переходит на обсуждение орфографической, грамматической, синтаксической и других норм. Допущенная речевая оплошность пишущего может рассматриваться как свидетельство низкой культурной грамотности. Речевые оплошности обостряют дискуссию, меняя ее характер: суждение о предмете дискуссии трансформируется в негативное суждение о ее участнике.

Плохое владение русским языком служит едва ли не самым веским аргументом для дискредитации пишущего. Это выражается в осуждении и уничтожении того, кто допустил оплошность. Применяются разные формы речевого воздействия на пишущего: его наставляют, воспитывают, демонстрируют нежелание продолжать коммуникацию, ему советуют учиться, пользоваться словарями и т.д. Действует «наивный нормативизм интеллигента-обывателя» [21].

Приведу несколько примеров из комментариев к статьям в интернет-издании (colta.ru)⁴. Комментарии являются усредненным (смягченным) текстом, в котором частично устранена речевая агрессия (работает модератор, который удаляет наиболее агрессивные комментарии). Издание адресовано тем, кто интересуется современной литературой, искусством, музыкой, кино, т.е. интеллигентному читателю. В целом комментарии можно оценить как нормативные для коммуникации. В них отражены характерные черты этически допустимого интернет-общения образованной части общества. Ср.⁵:

(1) 1. – *хватит вынимать настольгию, девушка. это негегегично.*

– «вынимает», «настольгия»... ну понятно

(2) – *Татьяна, два тебе совета. Во-первых. русский подучи - не «прИвратилась», а прЕвратилась.*

(3) – *Не буду Вас учить орфографии и грамматике русского языка, но внимательно читайте комментариев, если что-то собираетесь отвечать.*

(4) – *Для начала узнайте значение слова демократия, а потом не смешите читателей пассажирами про «частный песок» и «волейбол». А может, вы все яв-*

ления, которые вам не нравятся и непонятны называете демократией?!

(5) – *Огромное количество грамматических ошибок в Вашем тексте, неизвестный мне Шон Бронский, свидетельствует о низком интеллектуальном уровне и узком кругозоре его автора, что, возможно, не позволяет Вам увидеть то, что в России уже давно нет разлухи.*

Популярность метатекстового нарратива, акцентирующего внимание на речевых оплошностях пишущего, стала одной из заметных черт современной интернет-коммуникации.

Метатекстовые реакции на речевые оплошности являются следствием укорененных в социуме идей о том, что: а) любой язык является одной из важных основ идентичности; б) русский язык – это особая ценность (для его носителей)⁶; в) неграмотная речь свидетельствует о низком культурном уровне говорящего или пишущего и о его невысоком социальном статусе.

Есть также причина, которая относится к области социальной психологии: оплошности «другого» создают хороший повод для того, чтобы повысить в собственных глазах свой статус. Иногда могут возникать парадоксальные ситуации: автор текста, направленного на критику чужих оплошностей, может сам допускать оплошности.

Пространство интернета становится ареной борьбы за русский язык⁷, важной частью которой является демонстративно негативная реакция на речевые оплошности. Речевые оплошности в интернет-коммуникации способствуют развитию метаязыковой рефлексии его пользователей.

4. Воспроизводство речевых оплошностей в интернете как способ привлечения внимания. В социуме сформировался запрос на обсуждение ошибок и речевых оплошностей. Они привлекают внимание. Популярны сайты, на которых размещают подбор ошибок в текстах реклам, слоганов, в названиях магазинов, улиц, в объявлениях, надписях на одежде и т.д.⁸ Приводятся также ошибки из школьных сочинений и из текстов ЕГЭ. Оплошности даются списком, без комментариев или с небольшими комментариями. Например, сайты AdMe.ru, fishki.net публикуют такие подборки: «25 зубодробительных опечаток», «Перлы из ЕГЭ», «Перлы из школьных сочинений», «20 детских перлов в записках» и др.

Оплошности являются важной темой современных интернет-изданий⁹. Популярны также размещенные в электронных СМИ или в социальных сетях фотографии объекта с текстом, в котором была допущена ошибка (рис. 2–4).

Таким образом, вокруг речевых оплошностей формируется нарратив о русском языке. Как беспроблемно дискуссионный предмет речевые оплошности становятся общими местами интернет-коммуникации, одной из форм провокации, развлечения, игры, ментальной и психической разрядки. Это закрепляет статус речевых оплошностей в роли информационного повода для высказывания, ответной реплики, а также для выражения насмешки, иронии, сарказма.

Рис. 2. «Внимание!!! Проход запрещен Ведутся строительные Роботы!!!»

Рис. 3. СТОЛЫПИНСКИЕ ЧТЕНИЯ Пути модернизации России: от Столыпина к современности

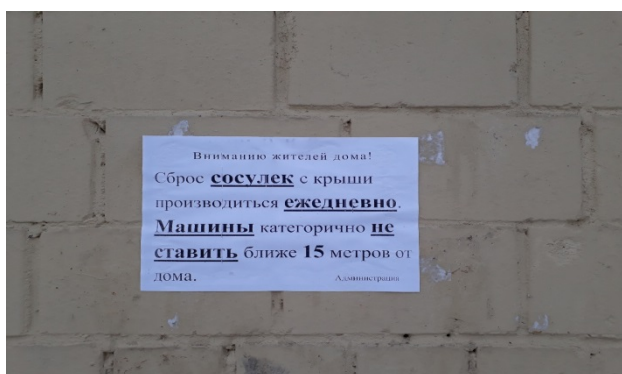

Рис. 4. Вниманию жителей дома! Сброс сосулек с крыши производится ежедневно. Машины категорично не ставить ближе 15 метров от дома. Администрация

5. Речевые оплошности как стилистический прием. Интернет-мемы. Косвенным свидетельством того, что в интернет-коммуникации у речевых оплошностей формируется свой особый статус, является их способность становиться интернет-мемами, т.е. самостоятельно функционировать, устойчиво воспроизводиться как стилистический прием в текстах разных жанров. Некоторые воспроизводятся в течение длительного времени, что несвойственно быстро появляющимся и быстро устаревающим мемам. Стабильное употребление оплошностей в течение длительного времени (2–5 и более лет) позволяет считать, что они обнаруживают тенденцию к лексикализации. Таким образом, может выстраиваться цепочка: речевая оплошность => интернет-мем => окказионализм

=> движение к узусу (лексикализация). Единицы, которые регулярно воспроизводятся, постепенно меняют свой статус, пополняя лексикон экспрессивных средств. Рассмотрим такие случаи на примере нескольких лексических единиц.

«Мы стали более лучшие одеваться»

Ролик, снятый журналистом Е. Гладилиным в декабре 2011 г., получил широкую известность в рунете (более четырех миллионов просмотров). Его героиня «Света из Иванова» (С.И. Курицына) прославилась несколькими фразами, которые стали интернет-мемами, например: *Овощи там, рожь, вот это все!* Самая известная ее фраза: *Мы стали более лучшие одеваться*. По этой модели с грамматической неправильностью (*более лучшие*) начали возникать новые высказывания: *мы стали более лучшие собираться, нас стало более больше*¹⁰, *мы стали более лучшие писать* и т.д. Это высказывание, а также фразы, образованные по его модели, продолжают тиражироваться в течение семи лет. Это дает основание полагать, что происходит постепенная лексикализация этого выражения, используемого как средство иронии ср.:

(1) 03.02.2012. *Мы стали более лучшие одеваться, как верно заметила одна прославленная особа, более лучшие есть, более лучшие зарабатывать, более лучшие, более лучшие. Мы вообще стали более лучшие, кажется* (И. Давыдов «Более лучше» // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Bolee-luchshe> (accessed: 15.06.2018)).

(2) 15.10.2017. Заголовок статьи. «Мы снова станем “более лучшие одеваться”» (URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/16/737910-mi-snovastanem> (accessed: 25.06.2018)).

(3) 28.02.2018. Заголовок статьи. «Мы стали более лучшие есть» (URL: <http://seanews.ru/2018/02/28/> (accessed: 01.07.2018)).

Появились также поэтические высказывания, референциально связанные с исходной фразой, ее коннотативным фоном и контекстом употребления, ср. например, стихотворение: «Когда мы стали более лучшие думать... Вариации» (С. Ягодкин) (URL: <https://www.stihi.ru/2015/09/30/9621> (accessed: 01.07.2018)).

«Мичеть»

Слово «мичеть» появилось на сайте певицы Е. Ваенги 04.07.2012. Эмоционально и с большим количеством речевых оплошностей певица отреагировала на выступление участниц панк-группы Pussy Riot. Реакция рунета последовала незамедлительно. Появились пародии В. Шендеровича, К. Собчак, Г. Пьяных¹¹. Ваенгу стали называть «Мичеть»; ср.: «Ваенга получила прозвище “Мичеть”» (URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2012/08/02/1017985.html> (accessed: 01.06.2018)).

Спустя несколько лет такое написание слова *мечеть* продолжает ассоциироваться с Е. Ваенгой; ср., например, комментарий к небольшой заметке о том, что певица Е. Ваенга в своем «Инстаграме» написала слово *сосиска* как «сосиська»:

Добрый Самаритянин 05.12.2016: *это одно из слов, в стройном ряду с лОжить, звОнить и т.д. Постоянно встречаю людей говорящих сосисЬки. До*

чего же это нелепо и безграмотно. Но Ваенга это апогей – вынос разговорных ошибок на письмо. *Мичетей на неё нет!* (URL: https://life.ru/t/%D1%81%D0%BE%D1%86%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8/941640/podpischiki_vysmieiali_vaienghu_v_instagrami_e_zs_sosisku (accessed: 01.02.2019)).

Речевая оплошность превратилась в интернет-мем, который используется в качестве заголовка, а также употребляется для создания определенного коннотативного фона, например, в блоге журналиста И. Мильштейна. Он воспроизвел мем в своем комментарии, посвященном реакции части граждан России на теракт, который произошел 7 января 2015 г. в редакции парижской газеты «Charlie Hebdo». «Мичеть» становится символом неадекватности. Примеры указывают на тенденцию лексикализации интернет-мема, ср.:

(1) 29.08.2013 Заголовок блога А. Плющева «*Я твой мичеть голосовал*» (URL: <http://echo.msk.ru/blog/plushev/1145844-echo/> (accessed: 01.06.2018)).

(2) 25.01.2014 Заголовок блога Артура Popados Шигапова «*Мичеть паттайской богоматери*» (URL: <http://popados.livejournal.com/122202.html> (accessed: 01.06.2018)).

(3) 10.01.2015 Заголовок статьи И. Мильштейна «*Мичеть парижской Богоматери. Россия в зеркале французского теракта*». Слово «мичеть» в наш обиход ввела певица Ваенга. <...> Про несчастную эту «мичеть» как символ дурдома с тех пор вспоминалось не раз. <...> «Мичеть» торжествует. <...> Вообще говоря, это очень серьезная и практически пока нерешаемая наша внутренняя проблема – вот эта «мичеть» в головах. (URL: <http://snob.ru/profile/27216/blog/86210> (accessed: 01.06.2018)).

В последних двух примерах присутствует также аллюзия на роман-антиутопию Е. Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», опубликованный в 2005 г. и получивший скандальную известность за свою антиисламскую направленность.

«Никто лучше нас»

«Никто лучше нас» стало девизом для воинов и гражданских специалистов материально-технического обеспечения (МТО) Вооруженных сил. Девиз утвердил министр обороны РФ Сергей Шойгу 18.02.2015. Блогеры отозвались пародиями: *Непобедимые как совсем! Быстрые как тогда! Никто более лучше нас! После нас хоть никто!* (URL: <http://www.tramvision.ru/forum/index.php?PHPSESSID=f53f3a968fef16123143bd50cd3a9ba7&topic=5976> (accessed: 01.06.2018)). Семантическую неоднозначность девиза также обсудили лингвисты. Однако это не повлияло на военных, попытка исправить формулировку не была предпринята и девиз силой указа закрепился в армейском дискурсе в своей первоначальной форме.

Эта ситуация отличается от рассмотренных выше «мичети» и «мы стали более лучше одеваться». «Никто лучше нас» получило распространение не благодаря интернету, а независимо от него. Тенденция к лексикализации сформировалась непосредственно под влиянием указа, а не благодаря воспроизводимости в интернет-коммуникации. Тем не менее, став интернет-мемом, а также будучи неоднократно спародированным, это выражение именно благодаря ин-

тернету получило известность и распространение не только среди военных.

Таким образом, наиболее характерные и яркие речевые оплошности становятся социокультурным феноменом. Регулярно в течение длительного времени воспроизводясь в текстах, они обнаруживают тенденцию к лексикализации. Ярким примером, иллюстрирующим эту тенденцию, являются не вполне грамотные, алогичные, парадоксальные *черномырдинки*.

6. Тенденция к лексикализации речевых оплошностей: черномырдинки. Черномырдинки – это ставшие афоризмами письменные фиксации устных спонтанных высказываний Виктора Степановича Черномырдина (ЧВС), советского и российского государственного деятеля (1938–2010). Самое известное: *Хотели как лучше, а получилось как всегда*. Так Черномырдин охарактеризовал подготовку и проведение денежной реформы 1993 г. Максим Соколов, обозреватель «Коммерсанта», отметил на страницах издания первую годовщину этого высказывания, назвав его эпиграфом ко всей истории российского централизованного государства. Так устное высказывание получило письменную фиксацию.

Ю.М. Лужков, мэр Москвы (1992–2010 гг.), писал, что афоризм вошел в золотой фонд российского управленческого фольклора. Фраза также была использована для иллюстрации одного из сквозных мотивов русской языковой картины мира, «согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и в результате его собственных действий, случилось как бы само собою» [26]. М. Кронгауз об этой фразе пишет: «Она стала столь популярной, потому что необычайно точно отражает даже не принцип, а взгляд на устройство российской жизни и российских социальных процессов. За этим “как всегда” скрывается не злая воля, воровство и мздоимство, а фатум, сводящий на нет все благие намерения» [27].

Таким образом, журналисты, политики, лингвисты согласились с тем, что эта фраза очень хорошо характеризует российский исторический и политический контекст, а также выражает некоторые важные свойства русской языковой картины мира.

Строго говоря, именно эту фразу нельзя отнести к речевым оплошностям. Она парадоксальна, но не нарушает языковых норм¹². Однако многие высказывания Черномырдина (их более ста пятидесяти единиц), собранные в словаре [29] и ставшие крылатыми, являются речевыми оплошностями, например: *Все это так прямолинейно и перпендикулярно, что мне неприятно; Народ пожил – и будет! Надо же думать, что понимать; Много говорить не буду, а то опять чего-нибудь скажу; Мы продолжаем то, что мы уже много наделали; Нам никто не мешает перевыполнять наши законы; А страна у нас, хватит ей вприпрыжку заниматься прыганьем; Нас никто не может упрекнуть в том, что у нас хорошие помыслы и др.* Показательно, что они регулярно воспроизводятся и не теряют своей популярности, а сам автор, похоже, стал родоначальником традиции афористично-косноязычного разговора ответственного лица с народом (точнее, с журналистами, берущими интервью).

В.С. Черномырдин ушел из жизни около восьми лет назад, разрыв между сегодняшним днем и временем высказывания составляет в среднем 15–25 лет, однако пользователи социальных сетей, интернет-изданий продолжают воспроизводить (постить) подборку черномырдинок, популяризировать их. Например, в журнале «Сноб» К. Туркова опубликовала тест: «Кличкомырдинки. Хорошо ли вы знаете афоризмы политиков?». В нем предлагается угадать, какая фраза принадлежит Черномырдину, а какая – Кличко (20.10.2014) (URL: <https://snob.ru/selected/entry/82447> (accessed: 01.06.2018)). В блоге «О фигурном катании языком политика» автор с никнеймом *zapas* использовала черномырдинки для описания чемпионата мира по фигурному катанию (31.03.2015) (URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/fsledlife/759894.html> (accessed: 01.06.2018)). В интернет-коммуникации черномырдинки воспроизводятся достаточно регулярно и очень популярны. Например, 29 января 2018 г. пользователь с никнеймом *Viktor Terechov* опубликовал в Фейсбуке подборку черномырдинок, сопроводив их фотографией В.С. Черномырдина и краткой записью: «ПАМЯТИ ВИКТОРА ЧЕРНОМЫРДИНА, КОТОРЫЙ ВНЕС НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В ИДИОМАТИКУ РУССКОГО ЯЗЫКА : Здесь вам не тут» (URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=2000778656913696&set=a.1442230542768513&type=3&theater>). На этот пост отреагировало 3 500 человек (значок лайк; эмодзи: Ха-ха! Супер!), поделились им 7 200 человек, под ним было оставлено 548 комментариев. Большинство комментариев восторженные, например: **Edward Babajanyan:** *Опусы-шедевры и с этим все сказано. Светлана Тютюнник: Забыли ещё – «Никогда у нас этого не было! И вот опять!»* **Ludmila Degaltseva:** *Неужели забыли, как можно ?!* **Владимир Перцов:** *просто гений! Пушкин!!! Надо ввести его цитатник в школьную программу!* **Яна Гетманова:** *«Я готов и буду объединяться. И со всеми. Нелзя, извините за выражение, все время вращаюсь» – теперь это будет моим жизненным девизом и др.*

В биографии В.С. Черномырдина обязательно указывается его способность создавать афоризмы. Они являются самой яркой характеристикой его речевого

портрета. В Википедии им посвящена отдельная статья; по запросу на слово черномырдинки в Яндексе можно найти множество сайтов. Они также опубликованы в нескольких изданиях словарей крылатых слов.

Черномырдинки являются наглядной иллюстрацией того пути, который проходит речевая оплошность, становясь мемом и впоследствии закрепляясь в узусе в качестве единицы, используемой как средство экспрессивности.

В заключение можно сказать следующее.

Речевые оплошности играют заметную роль в современной интернет-коммуникации. Пользователи интернета допускают спонтанные речевые оплошности, на которые другие пользователи ответно и так же спонтанно реагируют. Возникают дискуссии о грамотной / неграмотной речи, развивается метаязыковая рефлексия.

В интернет-коммуникации оплошности массово получают распространение (тиражируются). Это делается для привлечения внимания, в целях языковой игры, а также для борьбы с неграмотностью.

Речевые оплошности могут становиться интернет-мемами, использоваться как стилистический прием. Впоследствии некоторые из них обнаруживают тенденцию к лексикализации, закрепляясь в языке в качестве оценочной единицы.

В целом интернет-коммуникация меняет ландшафт современной речи, создает фокусы повышенного внимания к грамотной / неграмотной речи. В русском сегменте интернета тема русского языка оказывается одной из ведущих. Соответственно, отдельного интереса заслуживает и то, как в современной интернет-коммуникации существуют речевые оплошности, какую реакцию они вызывают у пользователей и какие формы включения их в узус на сегодняшний день просматриваются. Такой взгляд на проблему возможен, если рассматривать речевые оплошности как социокультурный феномен.

Результаты данной работы могут стимулировать дальнейшее исследование роли и функционирования речевых оплошностей в интернет-коммуникации. Анализ речевых оплошностей должен быть включен в описание активных процессов современного русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под говорящим здесь и далее понимается человек, допустивший в устной речи оплошность, которая впоследствии была зафиксирована и процитирована. Классическим примером являются черномырдинки.

² Под пишущим здесь и далее понимается человек, допустивший на письме речевую оплошность.

³ См. также словарную статью *графон* [5].

⁴ URL: <http://www.colta.ru/galleries/specials/4459#ad-image-0> (accessed: 23.05.2018); <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/books/nas-vseh-toshnit-lyubov-k-trem-cukerbrinam-viktora-pelevina/> (accessed: 23.05.2018); <http://www.colta.ru/articles/society/4100#comment-1519387579> (accessed: 23.05.2018); <http://www.colta.ru/articles/literature/4782> (accessed: 23.05.2018).

⁵ Орфография и пунктуация сохранены.

⁶ Подробнее о концепте русский язык см. в [23. С. 345–352].

⁷ Ситуация «лингвистических скандалов» была описана в [24].

⁸ Ср. также деятельность «Тайной орфографической полиции» – волонтерского движения, охраняющего правила русского языка – на плакатах, памятниках и указателях (URL: <https://vk.com/orthopolice> (accessed: 20.05.2018); цитированные выше <https://vk.com/orfosvinstvo> (accessed: 01.02.2019); <https://vk.com/ukusfilologa> (accessed: 01.02.2019) и др.).

⁹ См., например, статьи Н. Белошиной: «Горжество абырвалга» (URL: <https://snob.ru/profile/26524/blog/62101?v=1455734241&v=1456331131&v=1458585119&v=1460796406> (accessed: 01.06.2018)); «Великий, могучий, правдивый, свободный, мстительный русский язык» (URL: <https://snob.ru/profile/26524/blog/88149> (accessed: 01.06.2018)).

¹⁰ См. также работу И.Б. Левониной [25. С. 82].

¹¹ См. об этом подробнее работу М. Кронгауза [19].

¹² Подробнее о черномырдинках см. [28. Т. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений / подгот. к печати и науч. ред. Е.С. Скобликовой. М., 2005. 320 с.
2. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение: пособие для учителей. М., 1982. 143 с.
3. Капинос В.И. О критериях оценки речи и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку: пособие для учителя / сост. В.И. Капинос, Т.А. Костяева. 2-е изд., перераб. М., 1986. С. 78–88.
4. Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд. М., 1997. 240 с.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М., 2011. 480 с.
6. Барина А.В. Речевые недочеты // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2011. С. 468–469.
7. Сковородников А.П. О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Красноярск; Ачинск, 1998. Вып. 3 (7). С. 10–19.
8. Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006. 304 с.
9. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
10. Рахилина Е.В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб., 2014. С. 87–95.
11. Рахилина Е.В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.
12. Шевнин А.Б. Эрратология и межязыковая коммуникация // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 36–44.
13. Залевская А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 6–22.
14. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М., 2013. 568 с.
15. Кукушкина О.В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998. 173 с.
16. Кнорре-Дмитриева К. «В 90-е перестали стесняться неграмотности». Лингвист Ксения Кнорре-Дмитриева о русском языке после перестройки. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/26/language/> (accessed: 01.02.2019).
17. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н. и др. Не говори шершавым языком (О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ). М., 1999. 215 с.
18. Геккина Е.Н. Речевые ошибки как фокусы метаязыковой рефлексии // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 66–73.
19. Кронгауз М.А. Самоучитель Олбанского. М., 2013. 416 с.
20. Гусейнов Г.Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику. 2005. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (accessed: 25.05.2018).
21. Пешковский А.М. «Объективная и нормативная точка зрения на язык» // Избранные труды / сост. и ред. И.А. Василенко, И.Р. Палей. М., 1959. 252 с.
22. Аругюнова Н.Д. Аномалии и язык // Язык и мир человека. М., 1999. С. 74–94.
23. Брагина Н.Г. Словосочетание русский язык: ценностные коннотации // Память в языке и культуре. М., 2007. С. 345–352.
24. Кронгауз М.А. «Скажи – и я скажу, кто ты» // Слово за слово: о языке и не только. М., 2015. С. 385–389.
25. Левонтина И.Б. О чем речь. М., 2015. 400 с.
26. Шмелев А.Д. Русская языковая картина мира // Учительская газета. 2009. № 9. 3 марта. URL: <http://www.ug.ru/archive/27478> (accessed: 22.05.2018).
27. Кронгауз М.А. Краткий курс новояза // Вопросы литературы. 2015. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html> (accessed: 25.05.2018).
28. Брагина Н.Г. Поэтика косноязычия: черномырдинки // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. Т. 7, № 7. С. 168–179.
29. Душенко К.В. Зернистые мысли наших политиков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2019 г.

Speech Missteps in Internet Communication

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/444/1

Natalia G. Bragina, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation); Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: natasha_bragina@mail.ru

Keywords: speech missteps; “naïve user”; metatextual reactions; online communication; Internet memes; lexicalization; *chernomyrdinki* (Chernomyrdin’s idioms).

The article discusses speech missteps, i.e. errors which a speaker (the one who speaks) or a writer (the one who writes) makes accidentally. One can also do speech missteps if s/he is not good enough in standard Russian. Speech missteps are registered in online communication, and later they can be replicated in different texts. They also can become Internet memes, and/or be used as a kind of a stylistic mark. The aim of the article is to examine some speech missteps and metatextual reactions to them to analyse the way speech missteps function in modern Internet communication. The article considers works in the field of speech errors, namely, in Russian ontolinguistics (S.N. Tseytlin, B.I. Kapinos, M.R. Lvov), Russian stylistics (A.P. Skovorodnikov, A.V. Barinova), grammar of errors (*Grammaire des Fautes* by H. Frei), corpora of errors (E.V. Rakhilina), erratology (A.B. Shevnin), psycholinguistics (A.A. Zalevskaya), cognitive linguistics (M.V. Rusakova, O.V. Kukushkina). The research methodology was based on discourse analysis, since it combines the analysis of language with the discussion of sociocultural strategies. The article considers speech missteps in Internet communication both as a linguistic and as a sociocultural phenomenon. As a linguistic phenomenon, speech missteps have a tendency to penetrate into common usage and to become standardized. When one uses a well-known speech misstep deliberately, it helps him/her to create expressive and ironic utterances. As a sociocultural phenomenon, speech missteps produce metatextual reactions from participants of online communication. Metatextual reactions to speech missteps transfer communication from the discussion of “what-one-speaks-about” to the discussion of “how-one-speaks”. This is a significant feature of modern speech communication. Speech missteps also initiate narratives about the Russian language (its corruption and debasement; the general deterioration of literacy in Russia; funny mistakes in Russian, etc.). The material under analysis is examples of speech missteps which the author collected herself (more than two hundred examples). She also took into account lists of missteps published on Internet sites

AdMe.ru, fishki.net, orfosvinstvo (<https://vk.com/orfosvinstvo>), menya ukusil filolog (<https://vk.com/ukusfilologa>) etc. Thus, there were approximately 600 units under consideration. More than 30 examples illustrate the main points of the article. The author examined: (a) speech missteps and metatextual reactions to them extracted from a range of comments to articles on colta.ru, an online media outlet; (b) collections of speech missteps published on the Internet sites; (c) blogs in which speech missteps were used to create an ironic effect; (d) a collection of chernomyrdinki (Chernomyrdin's idioms), i.e. spontaneous public statements of Viktor Chernomyrdin, one of the key figures in Russian politics in the 1990s. Chernomyrdin's idioms came to be Internet memes. Now they are considered as units of Russian lexicon. They illustrate how speech missteps enter common usage and become standardized. The results of the study can motivate a further research on the role and function of speech missteps in Internet communication, since they are included in the active processes in modern Russian.

REFERENCES

1. Gvozdev, A.N. (2005) *Ot pervykh slov do pervogo klassa: Dnevnik nauchnykh nablyudeniy* [From first words to the first grade: A diary of scientific observations]. Moscow: KomKniga.
2. Tseytlin, S.N. (1982) *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie* [Speech missteps and their prevention]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Kapinos, B.I. (1986) *Otsenka znaniy, umeniy i navykov uchashchikhsya po russkomu yazyku* [Assessment of students' knowledge and skills in Russian]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie. pp. 78–88.
4. L'vov, M.R. (1997) *Slovar'-spravochnik po metodike russkogo yazyka* [A reference dictionary on the methodology of Russian]. 2nd ed. Moscow: ROST: Firma "SKRIN".
5. Skovorodnikov, A.P. (ed.) (2011) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of Russian and speech errors and flaws]. 3rd ed. Moscow: FLINTA.
6. Barinova, A.V. (2011) *Rechevye nedochety* [Speech flaws]. In: Skovorodnikov, A.P. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of Russian and speech errors and flaws]. 3rd ed. Moscow: FLINTA.
7. Skovorodnikov, A.P. (1998) O sostoyanii rechevoy kul'tury v rossiyskikh sredstvakh massovoy informatsii (opyt opisaniya tipichnykh narusheniy literaturno-yazykovykh norm) [On the state of speech culture in the Russian media (the experience of describing typical violations of literary-language norms)]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya*. 3 (7). pp. 10–19.
8. Frei, H. (2006) *Grammatika oshibok* [Grammatical errors]. Translated from French. Moscow: URSS Editorial.
9. Shcherba, L.V. (1974) O troynom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii [On the three aspects of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics]. In: Zinder, L.R. & Matusevich, M.I. (eds) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
10. Rakhilina, E.V. (2014) Grammatika oshibok: v poiskakh konstant [Grammatical errors: in search of constants]. In: Daniel, M.A. et al. (eds) *Yazyk. Konstanty. Peremennyye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika* [Language. Constants. Variables. In memory of Alexander E. Kibrik]. St. Petersburg: ALETEYYA.
11. Rakhilina, E.V. (2016) Russian learner corpus as a new tool of grammatical description of Russian. *Russkiy yazyk za rubezhom – Russian Language Abroad*. 3. pp. 20–25. (In Russian).
12. Shevvin, A.B. (2004) Erratology and interlingual communication. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2. pp. 36–44. (In Russian).
13. Zalevskaya, A.A. (2009) Rechevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya [Speech error as a tool for research]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 9. pp. 6–22.
14. Rusakova, M.V. (2013) *Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the anthropocentric grammar of Russian]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Kukushkina, O.V. (1998) *Osnovnye tipy rechevykh neudach v russkikh pis'mennykh tekstakh* [The main types of speech missteps in Russian written texts]. Moscow: Dialog-MGU.
16. Knorre-Dmitrieva, K. (2016) "V 90-e perestali stesnyat'sya negramotnosti" ["In the '90s, they stopped feeling embarrassed about illiteracy"]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2016/03/26/language/>. (Accessed: 01.02.2019).
17. Gorbanevskiy, M.V. et al. (1999) *Ne govori shershavym yazykom (O narusheniyakh norm literaturnoy rechi v elektronnykh i pechatnykh SMI)* [Do not speak a rough tongue (On violations of the norms of literary speech in electronic and print media)]. Moscow: Galeriya.
18. Gekkina, E.N. (2014) Speech Errors as the Focus of Metalinguistic Reflection. *Antropologicheskii forum*. 21. pp. 66–73. (In Russian).
19. Krongauz, M.A. (2013) *Samouchitel' Olbanskogo* [Manual of Albanian]. Moscow: AST.
20. Guseynov, G.Ch. (2005) *Berloga vebloga. Vvedenie v erraticheskuyu semantiku* [The den of a weblog. Introduction to erratic semantics]. [Online] Available from: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm. (Accessed: 25.05.2018).
21. Peshkovskiy, A.M. (1959) Ob"ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk [Objective and normative point of view on the language]. In: Vasilenko, I.A. & Paley, I.R. (eds) *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow: Uchpedgiz.
22. Arutyunova, N.D. (1999) Anomalii i yazyk [Anomalies and language]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, pp. 74–94.
23. Bragina, N.G. (2007) *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 345–352.
24. Krongauz, M.A. (2015) *Slovo za slovo: o yazyke i ne tol'ko* [Word by Word: about the language and not only]. Moscow: DELO. pp. 385–389.
25. Levontina, I.B. (2015) *O chem rech'* [What we are talking about]. Moscow: CORPUS.
26. Shmelev, A.D. (2009) Russkaya yazykovaya kartina mira [Russian language picture of the world]. *Uchitel'skaya gazeta*. 9. 3 March. [Online] Available from: <http://www.ug.ru/archive/27478>. (Accessed: 22.05.2018).
27. Krongauz, M.A. (2015) Kratkiy kurs novoyaza [Newspeak: a short course]. *Voprosy literatury*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/voplit/2015/1/1k.html>. (Accessed: 25.05.2018).
28. Bragina, N.G. (2016) Poetic manner of the tongue-tie: Chernomyrdinkis (Chernomyrdin's idioms). *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 7 (7). pp. 168–179. (In Russian).
29. Dushenko, K.V. (2007) *Zernistye mysli nashikh politikov* [Expressive thoughts of our politicians]. 6th ed. Moscow: Eksmo.

Received: 14 March 2019

И.О. Волков

ПОЭТИКА ОБРАЗА ГАМЛЕТА В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Анализируется романное творчество И.С. Тургенева сквозь призму поэтики У. Шекспира. Предметом исследования выступают центральные образы тургеневских романов, в которых обнаруживаются значительные приметы шекспировской характерологии, а именно черты, определившие нравственно-психологический облик принца Гамлета. Присутствие «гамлетовского текста» объясняется сознательной установкой русского писателя на достоверную передачу драмы современной личности, определенной противоречиями самой эпохи.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; Шекспир; Гамлет; роман.

В последнем прижизненном издании своих сочинений 1880 г. И.С. Тургенев открыл третий том, который начинал единственную полную и последовательную публикацию всех его романов (том 3–5), специальным предисловием. Это авторское введение должно было стать не только своеобразным объяснением с русской публикой, но также и заключением, подводящим итог художественного опыта в большом жанре. Подчеркивая с самого начала, что автор «Рудина» и «Нови» – это «один и тот же человек» [1. С. V], писатель формулирует эстетический принцип, ставший ориентиром собственных творческих поисков. Для его точного определения Тургенев прибегает к словам Шекспира, причем приводит их на языке оригинала: «В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений» [Там же. С. V–VI].

Писатель цитирует здесь в сокращенном и измененном виде слова Гамлета (акт III, сцена 2), которые произносятся им в форме наставления актерам (перед представлением «Мышеловки»). Шекспир устами своего героя выводит концепцию театрального искусства: «...показывать добродетели ее собственные черты, тому, что достойно презрения, – его собственный образ, и самому возрасту и телу века – его внешность и отпечаток» [2. С. 379]. В предисловии Тургенева усеченный вариант фразы переведен в сноске как «самый образ и давление времени» [1. С. VI]. Вероятно, это перевод самого писателя, хотя в рукописи заметки на русском еще не было.

Используя гамлетовскую формулу и указывая имя английского драматурга, Тургенев не просто наиболее точно и полно выразил свою эстетическую позицию, но в определенной степени задал установку на восприятие «быстро изменявшейся физиономии русских людей культурного слоя» через призму шекспировской характерологии. Основания же для такого способа интерпретации были заложены им еще в самом процессе создания романов, а именно произнесением (а затем и публикацией) речи «Гамлет и Дон Кихот» (1860).

Работа Тургенева над произведениями романного жанра (поначалу осмысляемого им как большая повесть) проходила на протяжении двадцати лет – с

1855 по 1876 г. Появление практически каждого романа предварялось публикацией «цепи повестей интимно-лирического или лирико-философского содержания» [3. С. 175]. Постепенный и закономерный переход к большой прозаической форме сопровождался размышлениями о типологическом свойстве созданных Шекспиром и Сервантесом образов. В результате этого характер главного (либо очень близкого к этой позиции) героя каждого тургеневского романа в большей или меньшей степени был наделен нравственно-психологическими чертами образов Гамлета и Дон Кихота (см. подробнее: [4–10]).

Содержание тургеневской статьи насыщено смысловыми акцентами, однако ее объем (заданные «статейные» рамки) и живая стихийность мысли не позволили автору во всей полноте раскрыть каждый выдвинутый им тезис. Статья во многом несет на себе отпечаток того плотного и логически выстроенного конспекта, вид которого она имела в черновом варианте (см.: [11]). В то же время это не помешало Тургеневу ярко и актуально изложить свою художественно-эстетическую концепцию.

Образ принца Гамлета писатель относит к той обобщенной категории, которая воплощает одну из главных «особенностей человеческой природы» [12. Т. 5. С. 331]. Заявляя об условности и отвлеченности своих суждений, Тургенев одновременно сохраняет их живую связь с первоисточником и часто обращается за подтверждением к тексту трагедии, цитируя отдельные фрагменты. Важно и то, что образ Гамлета (как и антитеза с Дон Кихотом), по словам Ю.В. Манна, не имел у Тургенева «строгой политической и исторической конкретизации» [13. С. 30], но мыслился писателем в области универсального. Однако эта авторская установка на универсальность получала воплощение на сложном материале российской действительности: «Проблема гамлетов и донкихотов в собственном, тургеневском ее понимании, включающем и философское, и психологическое, и социальное содержание, соединяет начало и конец длинной творческой жизни» [14. С. 158].

В разборе образа Гамлета Тургенев очень неоднозначен в своей оценке, выделяя как положительные, так и отрицательные черты. Сначала писатель высказывает резко критическую оценку, а затем он столь же рьяно защищает шекспировского героя – такое амбивалентное чередование будет повторяться несколько раз на всем протяжении статьи. В этой противоречиво-

сти сказались сложность авторского отношения к Гамлету, которая обозначилась уже в середине 1840-х гг. и оставалась таковой на протяжении всего творчества.

Не умалчивая о «темных сторонах» Гамлета («при случае коварен и даже жесток») [12. Т. 5. С. 345], ярко проявленных в сюжетной структуре трагедии, Тургенев в большей степени именно эти «изъяны» героя подвергает критике. Так, в качестве основных отрицательных свойств его характера называются эгоизм и безверие, которые породили в нем крайний скептицизм, т.е. предельное недоверие к окружающему миру и сомнение в разумности его устройства. Эгоизм Гамлета, по мысли писателя, заключается в его упорной «центростремительности», т.е. потребности каждое явление жизни измерить с позиции своего «я», противопоставить себя другому и выявить невыгодность своей фигуры в этом сравнении. Однако такая поверка не способна удовлетворить героя, что неоднократно подчеркивается писателем. Постоянная занятость «своим положением» приводит лишь к мучительному сознанию собственной же слабости.

Колебание и сомнение в Гамлете Тургенев тесно связывает с анализом — «разлагающим ядом анализа» [Там же. С. 339]. Стремление разложить целое на составные части объясняется той жаждой истины, в которую герой «не может вполне поверить» [Там же. С. 340]. Именно недоступность для него открытой и абсолютной истины делает невозможным разрешение сомнений в процессе беспощадного анализа. Неспособность Гамлета к любви («Чувства его к Офелии <...> либо циничны <...> либо фразисты...») [Там же. С. 339] и одновременно сильная любовь к жизни («Любовь к жизни высказывается в самых этих мечтах о прекращении ее») [Там же. С. 334], которая не позволяет в колебании между «быть» и «не быть» совершить самоубийство, обрекают его на одиночество, заставляющее все больше углубиться в рефлексию, расширить ее пределы.

Одновременный акцент на наличие в характере шекспировского героя также важных положительных качеств смягчает резкость суждений Тургенева. Способность к самосознанию, полному и ясному пониманию своего бессилия оказывается одним из главных достоинств героя («всякое самосознание есть сила») [12. Т. 5. С. 333]. В этом он опять же обязан своему «слишком развитому» уму, который не позволяет «удовлетвориться тем, что он в себе находит» [Там же].

Чтобы оттенить человечность Гамлета, Тургенев вводит фигуру Мефистофеля, которая своим обратным, противоположным свойством подчеркивает неполноту гамлетовского отрицания. Здесь писатель вносит этический аспект, оценивая героя Шекспира с позиций добра и зла. Он делает упор на отсутствие в позиции Гамлета, его скептической природе безразличия: «...добро и зло, истина и ложь, красота и безобразие не сливаются перед ним в одно случайное, немое, тупое нечто» [Там же. С. 340]. Он лишен равнодушия и безучастия, что в совокупности со способностью различать прекрасное и безобразное твердо отделять правду от лжи придает особую нравственную значимость его существованию.

Одним из важнейших положительных свойств в характеристике шекспировского образа писатель называет способность образовывать и развивать «людей, подобных Горацию» [12. Т. 5. С. 346]. Оценка, которую Гамлет дает своему ученику и другу (акт III, сцена 2), для Тургенева становится утверждением «высокого достоинства человека, его благородных стремлений» [Там же. С. 346–347]. Горацио же своей привязанностью к принцу показывает наличие (или саму возможность) в нем созидательного начала.

Результатом выстроенной Тургеневым антитезы внутреннего мира Гамлета становится выявление масштабной трагедии индивидуального мироощущения, которая заставляет отнестись к страдающей личности с искренним пониманием. Герой Шекспира «лишен гармонии и светлых красок» [Там же. С. 342], но в то же время он силен и самостоятелен в своем страдании.

Последующее после публичного чтения печатание речи «Гамлет и Дон-Кихот» вызвало многочисленные отклики со стороны российской критики, которая большей частью касалась образа Дон Кихота. Ю.Д. Левин оправдывает этот перевес тем, что в отношении шекспировского героя статья «вносила мало нового», поскольку «еще ранние рассказы Тургенева связали имя Гамлета с образом “лишнего человека”» [4. С. 153]. Однако нет возможности согласиться с таким объяснением, поскольку писатель в своей статье представил Гамлета в очень ярком виде, насыщенном многими смыслами. А категория «лишности» никогда не абсолютизировалась писателем и тем более не отождествлялась им на равных позициях с созданным Шекспиром образом. В этой связи очень показательное содержание неопубликованного письма В.П. Титова, автора повести «Уединенный домик на Васильевском» (1829), к В.Ф. Одоевскому (от 24 февраля 1860 г.).

Значительная часть названного письма посвящена изложению того впечатления, которое его автор испытал при чтении статьи Тургенева, и развитию собственных мыслей по поводу предложенной писателем антитезы. Тургеневская концепция Гамлета закономерно навела Титова на Гете и его роман «Ученые годы Вильгельма Мейстера» (1795): «Недаром сравнил он несчастливца-героя с драгоценным сосудом, куда всадили растение не под силу ему» [15. Л. 84 об. — 85]. Титов посчитал, что Тургенев забыл о том, «что весь духовный состав» Гамлета «пошатнулся от тяжести задачи, возложенной на него судьбою» [Там же. Л. 84 об.]. В своем рассуждении он стремится оправдать героя тем, что «корень всех его зол положен суровою судьбой», олицетворенной «в погибшем отце» [Там же. Л. 85]. Отстаивая трактовку немецкого классика, Титов снимает с шекспировского принца всякую вину и представляет его в качестве несчастной жертвы высших обстоятельств.

Связывая трагизм гамлетовской судьбы с «ужасной задачей», Титов противопоставляет року «сердце врожденно нежное и способное к живой любви и дружбе» [Там же]. Такая идеализация Гамлета, отчасти обусловленная и романтической традицией, со всей очевидностью противостоит идее Тургенева с его более объективным подходом. Но яркая реакция

Титова (в документе личного характера) интересна и важна тем, что наглядно раскрывает новизну и оригинальность писательского взгляда, его широту и многоплановость. Эта нетривиальная сложность не была замечена в ранних рассказах Тургенева, где образ Гамлета пунктирно включался в структуру характера главного героя, органично сочетался с его художественной индивидуальностью, но встретила удивление с появлением статьи «Гамлет и Дон-Кихот», в которой шекспировский тип предстал выпукло и объемно.

Размышления Тургенева по поводу сущности образа «русского Гамлета» в рамках романного жанра не только находились в тесной связи с идейно-эстетическим комплексом речи «Гамлет и Дон-Кихот», но также получали закономерное развитие – увеличение в масштабе.

Все шесть романов Тургенева условно можно разделить на две равные группы по характеру (методу) авторского осмысления проблемы «героя времени» сквозь призму Шекспира. С одной стороны, наследуя традицию рассказа «Гамлет Щигровского уезда», роман «Рудин» представляет развитие образа молодого идеалиста с жаждой личного участия в процессах большого мира, но неуверенного и сомневающегося, а затем и пасующего в пугающей для него ситуации выбора. К «Рудину» примыкает «Накануне», где слабость натуры (постоянная или временная) либо мешает осуществлению творческих возможностей (Шубин), либо замыкает их узкой сферой (Берсеньев), либо, наконец, заставляет испытать серьезные опасения и сомнения в решительный момент (Инсаров). Через пятнадцатилетний промежуток «Новь» обозначит еще более усложненный вариант «русского Гамлета», с помощью которого Тургенев не только показал трагическую несостоятельность рефлектирующей личности в роли двигателя исторического процесса, но также заявил о необходимости героя иного склада: не вершителя судеб с жаждой подвига, а представителя обыкновенного, прозаического мира. Все эти варианты представляют драму человека, обусловленную резкими противоречиями личного и внешнего, мыслимого (желаемого) и реального (действительного). Не случайно в этих романах имя Гамлета или прямо называется и сопоставляется с ключевым персонажем, или совершенно очевидно подразумевается в таком сравнении.

С другой стороны, «Отцы и дети» – роман о конфликте человека, «самого себя воспитавшего», с миром естественного и непосредственного чувства (в широком понимании). Здесь же стоят «Дворянское гнездо» и «Дым», развивающие идею надломленной личности, которая мечется между утешением в малом и желанием «воскреснуть» (реабилитировать себя). Проблематика произведений в этом случае значительно смещается в область личного, т.е. драма большей частью происходит из разногласий внутри душевного и интеллектуального мира самого человека. Аналогия с трагедией Шекспира здесь усилена за счет нарастающего звучания нравственно-философского аспекта в сложном комплексе индивидуального мироощущения.

Первый роман Тургенева «Рудин» (1856) представляет «героя времени» в пространстве «русско-

го национального быта» [16. С. 83]. Очевидная художественная связь Дмитрия Рудина с шекспировским Гамлетом, безусловно, не исчерпывает всего богатства его образа (что справедливо и по отношению к героям других романов Тургенева), но очень многое в нем определяет.

Имя трагического героя Шекспира в произведении ни разу не называется, однако «ощущение» его присутствия проходит пунктиром через весь роман. Прежде всего, главный аспект сопоставления связан с категорией слова и позицией личности относительно него. Почти все действие в пьесе Шекспира воспроизводится устами принца: «Вся трагедия “Гамлет” представляет собой фактически монолог главного героя, все другие действующие лица предстают в его восприятии» [17. С. 69]. У Тургенева с явлением Рудина в романе также начинает активно звучать слово – произносимое вслух, оно и предназначено именно для восприятия одним или несколькими слушателями¹. Повествователь неслучайно выделяет манеру речи героя: Рудин владел «музыкой красноречия» и говорил вдохновенно, с «жаром убеждения» [12. Т. 5. С. 229]. Но тут же отмечается двойственность производимого им впечатления. Он приковывает к себе внимание, и в то же время его мастерская речь оказывается «не совсем ясной». Герой никогда «не искал слов», он импровизировал, однако «иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чем шла речь» [Там же]. Неясность рудинской речи родственна умным, полным смысла и эмоциональной энергии высказываниям Гамлета.

Рудин «умел и любил говорить», но вести равный разговор «было не по нем», так как он привык «чувствовать себя выше других» и всегда подавлял противника «своей стремительной и страстной диалектикой» [12. Т. 5. С. 232]. Высокомерие героя проистекало от сильно развитого самолюбия – «деятельного стремления к совершенству», по его собственному определению [Там же. С. 227]. Гамлету же свойственно не столько высокомерие, сколько всеобщее презрение, которое происходило от разочарования в человеке.

Воздействуя на слушателей, заставляя их преобразиться под очаровательным влиянием своих вдохновенных слов, Рудин, вместе с тем, воодушевлялся сам, а причиной уже собственного преображения был взгляд на себя со стороны. Рудинское «оглядывание» в романе очень точно охарактеризовал Пигасов, чей образ генетически связан с образом Лупихина из рассказа «Гамлет Щигровского уезда»². В начале VI главы он подводит своеобразный итог двухмесячного пребывания Рудина у Ласунской: «...выражается он неестественно, ни дать ни взять, лицо из русской повести; скажет: “Я”, и с умилением остановится... “Я, мол, я...” Слова употребляет все такие длинные. Ты чихнешь, он тебе сейчас станет доказывать, почему ты именно чихнул, а не кашлянул... Хвалит он тебя, точно в чин производит... Начнет самого себя бранить, с грязью себя смешает – ну, думаешь, теперь на свет божий глядеть не станет. Какое! повеселеет даже, словно горькой водкой себя попотчевал» [Там же. 247].

Последнее замечание Пигасова усиливает и заостряет ту двойственность, что заключена в привлекательном красноречии героя. Размышления Рудина, «направленные в будущее» и утверждающие «вечное значение временной жизни человека» [12. Т. 5. С. 229–330], на самом деле оказываются слишком далеки от своего воплощения в реальность. Героя больше занимает не их действительное значение, а тот красивый эффект, который они производят и который дает ему возможность любоваться собой со стороны. Самолюбование дополняется также преувеличенным самоунижением, которое придает Рудину восторженность и уверенность. Точно таким же образом Тургенев характеризует и Гамлета в своей статье: «...с наслаждением, преувеличенно бранит себя, постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя» [Там же. С. 333].

Однако избыток «эгоизма, самолюбия» и недостаток «истины и любви», отмеченные Лежневым, самим Рудиным также ясно осознаются и признаются. Он и упрекает себя за напрасную трату сил «на одну болтовню, пустую бесполезную болтовню, на одни слова» [Там же. С. 242]. «Слова, слова, слова», – повторяет Гамлет в полном сознании их бессилия и бесполезности. Но, как и Рудину, они ему необходимы в качестве выражения и воплощения себя.

У Шекспира главный герой произносит несколько больших монологов, в которых мысль о собственной слабости, колебании и бездействии перемежается с общими заключениями относительно природы человека и его взаимоотношения с миром. Особую возможность высказать себя дает своему Рудину и Тургенев – через письмо-исповедь в форме «внутреннего монолога» [19. С. 63]. Это большое письмо, создаваемое как последнее объяснение с Натальей, по своему содержанию оказывается оправданием. На всем его протяжении пятьдесят три раза повторяется местоимение «я», всецело акцентирующее внимание на личности героя и словно делающее его переживания намного важнее, чем горькое разочарование девушки. Но в то же время это кратное выражение себя означает и крик смятенной человеческой души, которая желает быть услышанной и понятой.

Характерна концовка рудинского письма, а именно обращение Дмитрия к Наталье: «Иногда вспоминайте обо мне. Надеюсь, что вы еще услышите обо мне» [12. Т. 5. С. 295]. Последний аккорд исповеди Рудин опять же посвящает себе, стремясь остаться в памяти несостоявшейся возлюбленной. Здесь снова обнаруживается след Шекспира, поскольку такой финал представляет реминисценцию к заключительным словам в монологе Гамлета «Быть или не быть», содержащем тот же мотив: «Офелия! О нимфа! Помяни / Мои грехи в твоей святой молитве!» [20. С. 104].

Таким образом, личность Рудина от начала романа и до его финала проходит страдательный путь разоблачения, которое достигает своей кульминации в момент объяснения с Натальей возле Авдюхина пруда. Однако, постепенно раскрывая несостоятельность героя, Тургенев все же не дает возобладать ему, на первый взгляд, отрицательной характеристике. Устами Лежнева автор вносит и значимый поло-

жительный момент, который связан с претворением в жизнь рудинского идеала через других, более искренних и способных к деятельности людей: «...кто вправе сказать <...> что его слова не заронили много добрых семян в молодые души» [12. Т. 5. С. 304]. Так происходит утверждение того позитивного свойства, что видел Тургенев в образе Гамлета: воспитание и развитие «лучших из людей», таких как Горацио. В этой роли рудинского ученика выступает Басистов, до самого конца сохранивший к нему восторженную преданность.

Кроме того, присутствие рядом с Рудиным юной девушки, чувственный выбор которой пал именно на него, преображение внутреннего мира которой произошло вблизи и под воздействием исключительно нецельности его собственного характера, вносит аспект нравственного достоинства. Точно так же и Офелия своим предпочтением оттеняет высокое преимущество Гамлета перед всеми другими и прямо это проговаривает: «Ума и нравов образец» [20. С. 108]. Весомая корректировка образа Рудина в сторону положительного, но опять же в драматическом ключе произойдет и в двух финальных дополнениях к основному действию.

В романе «Дворянское гнездо» (1859) имя Гамлета также не появляется, однако дважды звучит имя Шекспира: сначала упоминается немецкое собрание его сочинений в переводе А. Шлегеля, которое входило в круг чтения Лемма, а затем о нем случайно заговаривает Паншин: «Мы с вами поспорим о Шекспире» [12. Т. 6. С. 23]. В то же время «Гамлет» в качестве трагического представления явлен в романе через фигуру П.С. Мочалова. Своеобразным внесценическим действием оказывается постановка шекспировской трагедии в переводе Н.А. Полевого на сцене Большого театра, ставшего местом роковой встречи Лаврецкого и Варвары Павловны. Игра Мочалова в произведении практически не отмечена авторской рефлексией, лишь замечается, что артист «был в тот вечер “в ударе”» [Там же. С. 45].

«Шекспировский элемент» почти полностью сосредоточен на личности главного героя и являет себя через мотив скептицизма, а также трагическое внутреннее противоречие – колебание между «стремлением к личному счастью» и «требованием нравственного долга» [21. С. 57].

Лаврецкий предстает во многом отличным от Рудина. Автор подчеркивает в его облике «чисто русскую» природу, глубокую укорененность натуры: от него «так и веяло степным здоровьем, крепкой, долговечной силой» [12. Т. 6. С. 26]. И лишь глаза – не то задумчивые, не то усталые – могли выдать в нем «жеству рока».

Страдания молодости, мало отразившиеся во внешних чертах Лаврецкого, нашли иное воплощение, в состоянии скептицизма: «Он стал очень равнодушен ко всему» [Там же. С. 55]. Именно скептиком Тургенев настойчиво именует в своей статье Гамлета, делая упор на отсутствие веры и эгоизм. Эти же черты будут постепенно раскрыты писателем в ходе романного повествования.

Лаврецкий возвращается в свое родовое гнездо, чтобы забыть «скорбь о прошедшем» и «не спеша делать дело» [12. Т. 6. С. 65]. Это стремление к деятельности на протяжении всего романа дважды сталкивается и чередуется с жадой личного счастья, в результате чего путь героя рисуется неравномерным и сбивчивым. Осуществлению избранного им долга неизменно мешает мысль об индивидуальном. Очень характерен в этом плане ночной разговор с Михалевичем, во время которого Лаврецкий аттестуется как человек умный, но в то же время холодный: «нет теплоты сердечной; ум, все один только копеечный ум» [Там же. С. 76]. Особенно примечателен фрагмент диалога, содержательно восходящий к трагедии Шекспира:

«— Положим, положим; я был тут орудием судьбы, — впрочем, что это я вру, — судьбы тут нету; старая привычка неточно выражаться. Но что ж это доказывает?»

— Доказывает то, что меня с детства вывихнули.

— А ты себя вправь! на то ты человек, ты мужчина; энергии тебе не занимать стать!» [Там же. С. 75].

Звучащий здесь мотив «вывихнутой личности», которую необходимо «вправить», соотносится со словами Гамлета о времени, вывихнувшим сустав, и задаче по его исправлению, которую герой полностью берет на себя после встречи с призраком отца (акт I, сцена 5). Тургенев словно встраивает в диалогическую речь своих героев монологическое заключение героя Шекспира, причем использует его практически дословное значение: «Век вывихнут... О, проклятое несчастье, что я родился на свет, чтобы вправить его!» [2. С. 355].

Лаврецкий действительно постарается «вправить» себя, т.е. покориться, научиться «пахать землю и трудиться не для одного себя» [12. Т. 6. С. 157], к этому он придет в финале романа. Однако все попытки «отстраниться» и результат их в то же время оборачиваются для него «старостью души». Это символическая смерть, которая у Шекспира реальна: Гамлет за невольное исполнение долга платит жизнью.

Очень детально Тургенев раскрывает «элегическое самочувствие Лаврецкого» [21. С. 60], используя прием внутренней речи, родственной монологам Гамлета. Таких внутренних монологов герой произносит несколько, и все они носят отпечаток гамлетовской диалектики. Так, глава XXXI открывается рассуждением Лаврецкого о любви к Лизе и счастье с ней. Но предметом рефлексии становится не столько сама девушка, сколько личность героя. Он сомневается («...опять отдать свою душу в руки женщины?»), задумывается о возможных изменениях в сравнении с прошлым («она бы не потребовала от меня постыдных жертв») [12. Т. 6. С. 96]. В любви к Лизе для Лаврецкого выражалась «жажда самоутверждения» [21. С. 63], он больше озабочен тем, чтобы, с одной стороны, не повторить для себя горький опыт, и, с другой, заново (по-настоящему) реализоваться в сфере интимного чувства.

Показателен и другой монолог: в начале XLI главы. Здесь Лаврецкий уже вступает в своеобразный спор с собой, обращаясь к себе на «ты» («Ты захотел

вторично изведать счастья», «ты приехал волочиться на старости лет за девочками») [12. Т. 6. С. 135–136]. Он осуждает себя за эгоизм, на который ему указал Михалевич, и противопоставляет ему еще недавние, полные самоотверженности и энтузиазма планы («приехал в Россию затем, чтобы пахать землю») [Там же. С. 136]. Лаврецкий судит и порицает себя, как Гамлет Шекспира, и точно так же он покоряется нравственному долгу, отказываясь от притязаний на личное счастье.

Значимы в романе две аллюзии на «Гамлета», в которых явлен сначала безмолвный укор малодушию героя, а затем пример должного, но невозможного поведения. Первая из них связана с портретом прадеда Андрея, который «презрительно глядел с полотна на хилого своего потомка». Умерший предок становится судьей героя в его сомнениях и нерешительности: «“Эх ты! Мелко плаваешь!” — казалось, говорили его набок скрученные губы» [Там же]. Это отсылка, во-первых, к тени отца Гамлета, призывающей к мщению, а во-вторых, к портретам «двух родных по телу братьев» [20. С. 143] в комнате королевы.

Вторая аллюзия вводит параллель со знаменитой сценой «о Гекубе» (акт II, сцена 2). Гамлет был впечатлен тем, как правдоподобно актер воспроизвел горе троянской царицы, и невыгодно сравнил эту страстность со своим положением. Подобным образом у Тургенева возникает сравнение между Лаврецким и мужиком, встреченным им в церкви. Крестьянин, у которого умер сын — и это несчастье сурово отпечаталось на его лице и движениях, — усердно молился, стоя на коленях. «Горькое горе» этого мужика поразило Лаврецкого, и он задумался: «Что для них может заменить утешения церкви?», но сам оказывается неспособен к молитве — «сердце его отяжелело, ожесточилось» [12. Т. 6. С. 147].

Однако, по верному замечанию Г.А. Бялого, поэзия тургеневского романа — это «поэзия обновления» [3. С. 113], полно отвечавшая шекспировскому принципу хроникальности. Несмотря на все удары судьбы, у Лаврецкого «нет тяжести и скорби на сердце, нет горечи в его думах» [Там же]. Как и принц Гамлет в завещании Фортинбрасу, он, встречаясь с новым поколением в калитинском доме, словно передает им свое утерянное (истраченное) «право на жизнь».

В романе «Накануне» (1860) «носителем гамлетизма» [22. С. 174] часто называли художника Шубина, который произносит речь о «грызунах, гамлетиках, самоедах» [12. Т. 6. С. 278]. Но если проводить серьезную параллель между двумя произведениями, то черты шекспировского героя (именно черты, а не насмешливую подражательность) можно обнаружить в комплексе образов Шубина и Берсенева. Также не столь однозначной в этом вопросе оказывается и фигура Инсарова, которого по традиции целиком и полностью относят к герою донкихотовского склада (см., например: [4, 23]).

С одной стороны стоит Шубин — это талантливый юноша-художник, который не может полностью сосредоточиться на своем призвании («что он сделал до сих пор?») [12. Т. 6. С. 177]. Человек чувствительный и глубоко чувствующий, он ко всему окружающему

относится слишком поверхностно и наигранно. Эта неестественность связана, прежде всего, с предельной сосредоточенностью на самом себе, чувственном мире своей личности, который вынужден через слово искать и находить выражение вовне.

Рядом с Шубиным находится Берсенов – кандидат университета, человек мыслящий и часто задумчивый, но, в отличие от своего товарища, он «не грешил многоглаголением» [12. Т. 6. С. 164]. «Нервический» характер заставлял его по-иному строить диалог с внешним миром: впечатления окружающего он переживал исключительно внутри себя, практически не высказывая их словами. Хотя в условиях взаимного понимания, «перед другим, дорогим ему человеком», речь его «текла легко, если не совсем свободно» [Там же. С. 177].

Эти «две контрастные точки» [21. С. 97], развивая с первых страниц романа (вслед за «Дворянским гнездом») проблему счастья и долга, оформляют в своем неслучайном соседстве двойственную природу образа Гамлета. Герой Шекспира до встречи с призраком хочет уехать из опротивевшей ему страны и снова возвратиться в Виттенберг. Личное счастье для него олицетворяют, таким образом, свободное существование вдали от Дании-тюрьмы и занятия в университете. При этом существует и еще один «счастливый компонент» – это любовь Офелии и, вероятно, уже давно решенная женитьба. Озвученный тенью отца долг мщения заставляет отринуть все личное и сосредоточиться на его исполнении.

Берсенов четко определил для себя жизненную цель – стать профессором истории и философии (символично произносимое им имя Грановского как примера высокого служения науке) и, таким образом, не претендуя на главные роли, «поставить себя номером вторым» [12. Т. 6. С. 167]. Однако возникшее неравнодушие к Елене (и сдерживаемая ревность к Инсарову) заставляют его пережить «тихое умиление благородных чувств» [Там же. С. 177] и испытать мгновение личного счастья. Столкновение желаемого с необходимым побуждает его к рефлексии.

Шубин также имеет определенную цель: развить свой талант и стать скульптором по-настоящему («быть номером первым»). Но от исполнения этого «долга» его отклоняет поэтическая слабость натуры, склонность легко поддаваться увлечению сиюминутным. Сознвая разрыв между желаемым и действительным, он порицает себя, и тешится этим порицанием («самое ваше раскаяние вас забавляет») [Там же. С. 196].

Не избегает Тургенев и непосредственных текстовых отсылок к трагедии Шекспира. Так, приводимое Шубиным сравнение человека с насекомыми, а именно с комаром, который «сядет на нос царю создания и станет употреблять его себе в пищу» [Там же. С. 162], связано с размышлениями Гамлета в сцене на кладбище. Принц также в категориях великого и ничтожного уподобляет Александра Македонского земному праху: «Александр умер, Александр похоронен, Александр сделался прахом; прах – земля; из земли делается замазка, и почему же бочке не быть замазанной именно прахом Александра?» [20. С. 204].

Интересно, что в статье «Гамлет и Дон-Кихот» два этих сравнения смешиваются вместе: «...комар, севший на лоб Александра Македонского, с спокойной уверенностью в своем праве, питался его кровью, как следующей ему пищей» [12. Т. 5. С. 341].

Философские рассуждения Гамлета на тему конечности человеческой жизни отражены и в последующих беседах Берсенова и Шубина о неполноте человека в окружении непогрешимости природы, его неумолимом одиночестве перед ней: «Сколько ты ни стучись природе в дверь, не отзовется она понятным словом, потому что она немая» [Там же. Т. 6. С. 164].

Наконец, Шубин дважды цитирует небольшие фразы из «Гамлета», которые принадлежат главному герою (акт I, сцена 2). Сначала он говорит, обращаясь к Берсенову: «...мой друг Горацио?» [Там же. С. 204] (неточная цитата: «...my good friend»), а затем в контексте разговора об Инсарове произносит: «Человек он был» [Там же. С. 277] («He was a man»). Последнее также связано с репликой из трагедии «Юлий Цезарь»: «Это был человек» («This was a man») – говорит Антоний о Бруте (в романе Шубин уподобляет Бруту Инсарова).

Черты Гамлета в Дмитрие Инсарове проявлены, во-первых, в мотиве мести. Герой сознает на себе долг мщения за убийство родителей турецким агоем, но, как и Гамлет, он откладывает его исполнение. Но если у Шекспира медлительность принца внешне объясняется необходимостью удостовериться в виновности Клавдия, то Инсаров медлит ввиду «общего дела» – освобождения болгарского народа от турецкого владычества (Болгария / Дания – тюрьма). То есть для тургеневского героя личная месть и воздаяние народное оказываются в неравных позициях (последнее намного превосходит), в то время как Гамлет воспринимает злодеяние короля в качестве главного проявления порока пошатнувшегося века.

Во-вторых, значимым оказывается мотив смерти – «главный предмет рассуждений Гамлета, центральная тема его монолога “Быть или не быть”,» [24. С. 61]. Этот мотив явлен в последних главах романа. Инсаров, строго и определенно посвятивший свою жизнь служению долгу, в столкновении с надличностной силой признает свою слабость. Смерть для него сначала предстает в иносказательном виде – через оперу Дж. Верди «Травиата». Вместе с Еленой он наблюдает из зрительного зала за тем, как молодая девушка с исключительной правдоподобностью играет роль умирающей от чахотки куртизанки Виолетты. Впечатление от поразительно живого исполнения Инсаров выражает так: «смертью пахнет» [12. Т. 6. С. 288]. Метафорой неизбежной гибели Инсарова становится и чайка, «как подстреленная, с жалобным криком» упавшая в темную даль [Там же. С. 291]. Герой принимает смерть со свойственными ему твердостью и спокойствием, без ропота и отчаяния, равно как и Гамлет, который ясно сознает, что «все кончено».

Инсаров своим долгом – служением родине – поставил себе задачу «быть», однако на этом четко определенном пути вдруг возникает препятствие, которое заставляет переменить акценты, и все теперь с неуклонной скоростью стремится к противоположно-

му полюсу – «не быть». Эта случайная (а Гамлет, по мысли Тургенева, «убивает своего вотчима случайно») [12. Т. 5. С. 335] трагическая развязка вследствие невозможности «уйти от драматичных отношений с вечными стихиями мироздания» [16. С. 86] совершается в романе не без влияния Шекспира. Но значительно и утверждение Елены в прощальном письме к родным примиряющего смысла смерти: «Но смерть все прикрывает и примиряет, – не правда ли?» [12. Т. 6. С. 298]. В этих словах, заключенных вопросом, который просит подтверждения, звучит то же шекспировское понимание смерти как избавления от страданий и сомнений. Гамлет в трагедии только сквозь череду убийств и собственную гибель освобождается от бремени долга.

В романе «Отцы и дети» (1862) гамлетовское начало обнаруживается в Евгении Базарове – герое трагического склада, по мысли самого писателя: «Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная – и все-таки обреченная на погибель...» [25. Т. 5. С. 59]. С первых страниц Базаров предстает человеком со строго определенной жизненной программой, в которой главную роль играла мысль и воля человека. Такая позиция соответствует той «самоценной индивидуальности» [9. С. 59], что утверждает шекспировский герой. Но если в сознании Гамлета с самого начала определен страшный антагонизм человека и вечности, то Базаров к этому придет только в конце романа под воздействием того «романтизма», который прежде отрицал.

Признавая себя «работником в мастерской», герой Тургенева свою деятельность подчиняет естественнонаучному изучению природы. Его «натуралистические» высказывания («мы с тобой те же лягушки, только что ногами ходим» [12. Т. 7. С. 21–22]; «достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других» [Там же. С. 78]) являются следствием принятой на себя равнодушной роли по отношению ко всякому проявлению живого человеческого чувства. Но в то же время они словно в перевернутом виде выражают заключения Гамлета об уравнивателем всех и всякого законе смерти. Принц, пройдя череду тягостных раздумий, в разговоре об убитом Полонии, а затем и в сцене на кладбище с иронией размышляет о том, как легко притязания даже самых сильных в конечном итоге «замечательно превращаются» в прах: «Жирный король и тощий бедняк – только различные кушанья, два блюда для одного стола. Этим все кончается» [20. С. 159].

Своеобразное «перерождение» в Базарове начинается после встречи с Одинцовой, это изменение автор отмечает как «небывалую прежде тревогу» [12. Т. 7. С. 86]. Новые для себя ощущения герой воспринимает двойственно: с одной стороны, он нацелен к ним враждебно («легко раздражался, говорил нехотя, глядел сердито...») [Там же. С. 86], а с другой – в нем скрыта жадная готовность отдаться им («...ему представлялось, что эти руки обовьются вокруг него, эти губы ответят на его поцелуи...») [Там же. С. 87].

Сознание в себе чувства любви и жажда его взаимности (а все вместе – тяга к личному счастью) по-

буждают героя к изменению ракурса своего взгляда и к прямому – словесному – воплощению мыслей. Соображения Базарова теперь принимают отвлеченную форму, а содержание их носит явно философский характер. По канве определений Гамлета он сравнивает себя с прахом, из которого «лопух расти будет» [12. Т. 7. С. 121]. Будущность, прежде относимую в полную зависимость от собственного ума и науки, герой уже считает подчиненной случайности: «не от нас зависит» [Там же. С. 97].

Вместе с оживлением сферы человеческих чувств в Базарове оказывается видна и самолюбивая черта характера, его стремление к самореализации. «Великая будущность», о которой Аркадий говорит Василию Ивановичу, оказывается предметом и базаровской мысли, герой лишь скрывает это под внешне определенной для себя судьбой уездного лекаря. Признание вырывается у него при последнем разговоре с Одинцовой: «И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант!» [Там же. С. 183].

Меланхолия, в которую впадает Базаров после объяснения с Одинцовой, заставляет его задаваться практически теми же вековыми вопросами, что тягостно довлеют над Гамлетом. Характерно его размышление о бездне, что может ежеминутно разверзнуться под человеком, который «на ниточке висит» [Там же. С. 104]. Высказать мысль, полную трагизма мироощущения, по дороге в бедную деревеньку родителей его подталкивает «сидевший на козлах мужик» [Там же. С. 105]. Этот «мудрец», как называет его сам Базаров, на вопрос Аркадия о расстоянии до имения незамысловато отвечает: «Хтошь е знает – версты тутотка не меряные» [Там же]. Прямой и простодушный ответ о «немереных верстах» в отвлеченных думках героя вырос до более масштабного значения – пространства человеческой жизни. Невольный «мудрец» по своей роли соотносим с философствующим могильщиком Шекспира, который и Гамлету дает важную пищу для размышлений.

Рядом с базаровским высказыванием о человеке и угрожающей ему бездне в смысловом отношении стоит другое замечание героя, исполненное в «трагически-бунтарской тональности» [26. С. 63]: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже...» [12. Т. 7. С. 119].

Сохраняя на себе след философии Б. Паскаля [26. С. 60–76], этот отрывок соотносится и с проблематикой трагедии Шекспира. В бунтарском духе Базаров здесь не только высказывает личное несогласие, в котором отозвались гордость и самолюбие, но также в своей индивидуальности он выражает и общечеловеческий протест. Это именно то философское обобщение, что присуще словам Гамлета.

Базаров «обречен на душевный разлад» [21. С. 130], поскольку заранее задал себе такую задачу, которую невозможно исполнить в условиях человеческого мира. Его индивидуализм, скептицизм и отри-

цание неизбежно становятся в противостояние со «всей природой, всем богатством простых человеческих чувств» [21. С. 130]. При приближении к развязке романа душевное состояние героя испытывает все большее напряжение: Базаров уже не может забыться в «лихорадке работы», его одолевает «тоскливая скука и глухое беспокойство» [12. Т. 7. С. 171]. В этом плане случайная гибель героя имеет определенную закономерность (в которой также можно заподозрить и мотив самоубийства³) – неразрешимость противоречий получает истинно шекспировский исход. При этом даже такая деталь при заражении героя тифом, как порез от скальпеля, отзывается вполне гамлетовской метафорой – рана от отравленного железа, т.е. меча, смазанного ядом.

В ясном сознании неотвратимости своей гибели Базаров не только отказывается противостоять болезни, что вообще противоестественно для «этого волевого и телесно могучего человека» [9. С. 30], но, как и Гамлет у могилы Офелии, практически все свои мысли он нагружает семантикой смерти: «Со мной кончено. Попал под колесо. И выходит, что нечего было думать о будущем. Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспмятство, и фюить! (Он слабо махнул рукой.) Ну, что ж мне вам сказать... я любил вас! Это и прежде не имело никакого смысла, а теперь подавно. Любовь – форма, а моя собственная форма уже разлагается» [12. Т. 7. С. 182].

Особенным смыслом наполнены и последние слова Базарова. Во-первых, самолюбивое сожаление об уходе из жизни без серьезного воплощения себя («Я нужен России...») – в этой связи возникает ироническое сравнение с людьми более необходимыми: «Сапожник нужен, портной нужен, мясник... мясо продает... мясник...» [Там же. С. 183]. Троекратный повтор слова «мясник» и родственной ему формы, предвещающий скорое беспмятство, проводит шекспировскую символику жестокой и безжалостной смерти. Подобным образом Тургенев выражается в стихотворном письме к А.А. Фету (от 28 июля 1859 г.):

А смерть, мясник проворный, ждет – да режет...

Сравнение, достойное Шекспира!

[25. Т. 4. С. 66].

Во-вторых, измененное цитирование слов умирающего Гамлета. В последнее мгновение своего сознания Базаров произносит: «Теперь... темнота» [12. Т. 7. С. 183]. У Шекспира: «The rest is silence» (Остальное – тишина / безвестность). Еще в статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев перевел эти слова как «Остальное... молчание» [Там же. Т. 5. С. 347]. Таким образом, в устах Базарова писатель сохраняет эту фразу с той же синтаксической функцией (указание на время + предмет) и с той же пунктуацией, что и в своем переводе, но меняет ее смысл. Молчание Гамлета Тургенев воспринимал не столько как навсегда уносимую им в неизвестность тайну, загадку, но как абсолютную невозможность для него какой-либо надежды на свое претворение в будущем: «взор Гамлета не обращается вперед» [Там же. С. 347]. Замена молчания на темноту существенно сгущает краски и ставит на первый план трагизм самоощущения героя:

Базаров видит перед собой (вкруг себя) темноту – это и тихий ужас смерти, и отчаянное забвение в жизни.

Однако положительный момент, означенный Тургеневым для Гамлета, сохраняется и здесь. В роли лучшего человека, воспитанного шекспировским принцем, выступает Аркадий. Заслуга Базарова видится в том, что своей неестественной системой отрицания (т.е. действием от противного) он подтолкнул юношу к выбору естественного, чувственно человеческого. Базаров вольно и невольно ведет младшего товарища «навстречу семейному счастью» [27. С. 326]. Его «забота» об Аркадии проявляется и совершенно явно: например, когда он посоветует Одиновой благословить брак двух влюбленных. Таков и финал романа (перед эпилогом): перекликаясь с завершением «Рудина» («бесприютные скитальцы» и «измученные и усталые» – это явная отсылка к словам короля Лира в III акте, 4-й сцены), он задает пошекспировски жизнеутверждающую перспективу дальнейшего развития человеческой судьбы.

В последних двух романах Тургенев «с наибольшей полнотой приблизился к воспроизведению внутренних непосредственных процессов сознания персонажей» [28. С. 219]. Форма самосознания в них наследует метод изображения психологии внутреннего мира человека, который был ярко представлен уже в «Дворянском гнезде» (Лаврецкий). Эта рефлексивная природа главных героев подкрепляет обозначенную в них художественную параллель с образом шекспировского принца.

В текст романа «Дым» (1867) Тургенев включил несколько шекспировских цитат и упоминаний. К таковым можно отнести неожиданное замечание Ворошилова о Шекспире и его современниках, «относящихся к нему, как отроги Альп к Монблану!», перевод слов Гамлета (в варианте М.П. Вронченко) «Есть многое на свете, друг Гораций» [12. Т. 7. С. 349], а также междометное восклицание безумной леди Макбет в устах Бамбаева: «о... о... о!» [Там же. С. 357] (ср. у Шекспира: «Oh, oh, oh!» – акт V, сцена 1).

Центральная фигура романа – «дюжинный честный человек» [25. Т. 7. С. 209] Григорий Литвинов близок герою Шекспира как в сюжетном плане, так и в своей образной характеристике. Через авторское описание он изначально предстает перед читателем личностью самоуверенной, с четко определившейся судьбой. Столь же определенно выстраивается и антитеза между Литвиновым и миром «русского Бадена», ненависть к которому далее проявится в герое со всей силой. Эта ясно осознаваемая чуждость одного человека большому «нечеловеческому» обществу, в котором он оказался не по своей воле и отношение к которому выражено в полном презрении, совершенно очевидно отсылают к схожей ситуации в трагедии Шекспира. Литвинов, подобно Гамлету, воспринимает немецкий город, в котором вынужден находиться, как тюрьму без выхода, – и этот акцент у Тургенева будет нарастать по мере развития драматического действия.

Поставленная героем задача по разумному усовершенствованию помещичьего хозяйства воспринимается им в качестве необходимого личного долга.

Постоянным напоминанием об острой необходимости его исполнения Литвинову служат письма отца, который «с отчаянными заклинаниями и мольбами» [12. Т. 7. С. 255] просит сына скорее возвратиться на родину. Так возникает очевидная параллель с текстом Шекспира, где дважды являющаяся Гамлету тень отца требует совершить назначенное.

Так же, как и принц Датский, Литвинов проявит слабость, будет долго медлить и откладывать исполнение долга, но не вследствие возникших сомнений, а по причине борьбы его сознания «с неразумной стихийной страстью» [28. С. 219]. В этой драматичной борьбе личный долг практического характера дополнительно отягощается нравственной проблематикой – ответственностью за порушенное счастье Татьяны. У Шекспира с Гамлета также не снимается вина за гибель (или вероятное самоубийство) Офелии.

Обращаясь к теме «враждебности человеку стихийных сил природы и любви» [29. С. 59], Тургенев в изображении всей сложности душевных перипетий своего героя прибегает к «внутренним монологам в форме “внутреннего говорения”» [28. С. 221]. Словно следуя примеру Шекспира, писатель существенное место отдает «точке зрения персонажа», расширяя его «субъектную сферу» [30. С. 101]. Личной драме «обыкновенного» человека, выраженной через рефлектирующее сознание Григория Литвинова (в соединении авторской речи и голоса героя), сообщается те острота и напряженность, которых исполнены грандиозные монологи Гамлета:

Он начал безжалостно упрекать себя, но тотчас же сам остановил свои порывы. «Что за малодушие? – подумал он. – Не до упреков теперь; надо теперь действовать; Таня моя невеста, она поверила моей любви, моей чести, мы соединены навек и не можем, не должны разъединиться». Он живо представил себе все качества Татьяны, он мысленно перебирал и пересчитывал их; он старался возбудить в себе и умиление, и нежность. «Остается одно, – думал он опять, – бежать, бежать немедленно, не дожидаясь ее прибытия, бежать ей навстречу; буду ли я страдать, буду ли мучиться с Таней, – это невероятно, – но во всяком случае рассуждать об этом, принимать это в соображение – нечего; надо долг исполнить, хоть умри потом!..» [12. Т. 7. С. 342].

Чрезвычайная расколотость сознания героя усиливается за счет его прямого обращения к самому себе, т.е. возникновению в нем «другого голоса». Литвинов в споре с собой выделяет как бы две позиции, соответствующие долгу и страсти, и к одной из них он обращается во втором лице:

«Но ты не имеешь права ее обманывать, – шептал ему другой голос, – ты не имеешь права скрывать от нее перемену, происшедшую в твоих чувствах; быть может, узнав, что ты полюбил другую, она не захочет стать твоей женой? – Вздор! вздор! – возражал он, – это все софизмы, постыдное лукавство, ложная добросовестность; я не имею права не сдержать данного слова, вот это так. Ну, прекрасно... Тогда надо уехать отсюда, не выдавшись с тою...» [Там же].

Однако, по точному замечанию И.А. Семухиной, раздвоенность сознания героя у Тургенева не выливается лишь «в элементарное противопоставление вы-

сокого и низкого» [30. С. 105], но перед ним возникает проблема истины. То есть он не знает, что в его случае будет считаться правильным: сдержать данное Тане слово, но при этом солгать или открыться ей (рассказать о вспыхнувшей страсти к Ирине) и в то же время нарушить обещание. В этом отчаянном поиске правды Литвинов предельно близок позиции Гамлета: герой Шекспира также тяготеет неизвестностью и пытается отделить заблуждение от истины.

Еще одна шекспировская особенность сознания Литвинова – это его внутренняя диалектика, т.е. движение от изначальной определенности через «холод, и мрак, и пустоту» [12. Т. 7. С. 331] к искомой ясности. Такой же путь прошел и Гамлет. Хотя жизненный итог (в условленном промежутке) у героев Шекспира и Тургенева различен: в последнем случае человек все-таки получает возможность на возрождение. Английский же драматург такого варианта для своего героя не видит и ограничивается только тем, что освобождает его от забвения («...расскажи стеченье / Всех странных случаев») [20. С. 232].

Своей психологической кульминации раздвоенность сознания Литвинова достигает в момент, сразу следующий за чтением письма Ирины. Наивысшее (по глубине и масштабу) выражение получает реакция героя на сделанное ему предложение принять на себя «жалкую роль тайного любовника» [12. Т. 7. С. 376]. Внутренняя речь Литвинова, «осложненная несколькими приемами диалогизации» [30. С. 105], выполнена в тех же смысловых категориях, что и монолог «To be, or not to be».

Перед ним стоит необходимость последнего выбора, обозначенная фразой «что было делать?» (по-другому: «Вот в чем вопрос»). Ирина, признавшись в своей лжи и позвав Литвинова за собой, четко представила ему наличие только двух взаимоисключающих вариантов. Этот выбор теперь имеет для него точное нравственное значение: принять предложение и сделаться рабом – значит «не быть» (смерть), разорвать все путы и уехать в Россию – «быть» (жизнь). Сразу решиться на что-то герой Тургенева не может: он то в негодовании вскакивает и хватается за шляпу («я не позволю ей так безжалостно играть моею жизнью...») [12. Т. 7. С. 391], то бросается на диван и продолжает раздумывать («А не то послушаться ее? – мелькнуло в его голове») [Там же. С. 392]. Однако к окончательному решению Литвинов все же приходит, делая выбор в пользу своей свободы, хотя несчастной и одинокой. Это движение в сторону «быть», вероятно, определено в нем гордостью и самолюбием, а вместе с ними и сознанием внутреннего достоинства – те же стимулы, что и Гамлета подвигают к окончательному кровавому действию.

Герой последнего романа «Новь» (1877) не только самим автором напрямую сопоставляется с Гамлетом, но уже изнутри, через его самосознание Тургенев проводит нравственно-психологическую параллель с шекспировским образом. Явное отождествление Нежданова с Гамлетом происходит дважды, в начале и середине романа, устами Паклина, который именует героя «российским Гамлетом». Эту характеристику герой не только не опровергает, но даже закрепляет, когда в конце своего наиболее объемного монолога (гл. XVIII), описывающе-

го драму души, произносит: «О Гамлет, Гамлет, датский принц, как выйти из твоей тени? Как перестать подражать тебе во всем, даже в позорном наслаждении самобичевания?» [12. Т. 9. С. 233].

Формальное название Нежданова именем шекспировского принца имеет у Тургенева глубокое закрепление как в изображении его драматичной судьбы, так и в передаче сложных душевных противоречий. Писатель изначально – в «Подготовительных материалах» к роману признает своего героя натурой трагической и определяет трагическую же развязку его жизненного пути («должен кончить самоубийством»), «Надо, чтобы читатель понял, что Нежданов не удержится на земле» [Там же. С. 400, 419].

С разными основаниями Тургенев вписывает Нежданова в мотивные комплексы шекспировской пьесы. Так, сам герой с иронией сознает свой несостоявшийся аристократизм (внебрачный сын «князя Г., богача, генерал-адъютанта») [Там же. С. 154] и в сложившемся двойственном положении винит умершего отца. Его тяготит не только социальная неопределенность своей личности, но более всего – неоднородность характера. Отец дал сыну хорошее воспитание и образование («пустил по эстетике»), которое, по собственному признанию героя, совершенно не согласуется с избранной им целью служения народу. Точно так же Гамлет оказался не готов к тому, чтобы выступить в роли хладнокровного мстителя. В словах Нежданова признание себя изначально надломленной личностью оформляется гамлетовской же мыслью о «вывихнутости»: «Я был рожден вывихнутым... хотел себя вправить, да еще хуже себя вывихнул» [Там же. С. 373]. Противоречивый характер героя и одновременно конфликтную суть романа Тургенев выразил формулой «романтик реализма». В этом эстетическом определении запечатлено временное и психологическое несоответствие между человеческой индивидуальностью и большим миром национальной жизни.

С первых страниц романа произносится обличительная речь «гадкому городу» Петербургу, где нельзя не наткнуться на «какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху!» [Там же. С. 141]. Нежданов, чувствует себя в невольном заключении: «Жить здесь больше невозможно» [Там же], а по Гамлету – в тюрьме. Он желает не только вырваться на свободу, но и обрести спокойное уединение – это гамлетовское стремление к одиночеству.

Меланхолия, ум, рефлексия, задумчивость, самолюбие, гордость – весь этот качественный комплекс страдающей личности сближает Нежданова с Гамлетом. Для передачи мятущейся природы героя в ее «психологической непосредственности» [28. С. 227] Тургенев прибегает к формам внутренней речи, которые представляют монолог и письмо. Но эти формы различны между собой. Если первая предельно насыщена размышлениями о своей личности и обязательно содержит резкую самокритику («речи его почти постоянно отзывались желчью и едкостью самобичевания») [12. Т. 9. С. 214–215], то вторая несет в себе более объективную оценку, хотя и в письмах Нежданов тоже «жаловался – искренно жаловался» [Там же. С. 215].

Письма к Силину были беседой «с собственной совестью» [12. Т. 9. С. 182], где позволялось высказываться «беззаветно». За время романного действия таких искренних посланий товарищу по гимназии (Силин для Нежданова значит то же, что Горацио для Гамлета) будет написано несколько, четыре из них непосредственно включены в текст произведения. Эти письма полны лирического признания Нежданова в своих сомнениях и одновременно лишены внешней рисовки, любования собой. Здесь он высказывается о смутной природе чувства к Марианне, признается в искреннем безверии и пытается передать ощущаемую им тяжесть («Владимир, мне очень, очень тяжело») [Там же. С. 325] от неопределенности собственного положения.

Как и Гамлет Шекспира, Нежданов наделен поэтическим даром и сведущ в театральном искусстве. Его тонкая артистическая натура подчеркнута чужда народническому движению. Примеряя на себя чужую роль, Нежданов словно «садится не в свои сани» – это значимый мотив пьесы А.Н. Островского, на представлении которой он присутствует в начале романа. В этом несоответствии (несоразмерности) человека избранному им долгу ясно звучит гетевская трактовка Гамлета. Но Тургенев не ставит своего героя в зависимость от надличностных сил: Нежданов самостоятельно принимает на себя высокую задачу (как и Гамлет, который уверен, «что именно на него уже с самого рождения положена задача ни много ни мало, как восстановить справедливость в мире») [18. С. 33]. И муки его исходят в том числе от того, что он не может утвердить себя в роли народника, т.е. гордая и самолюбивая природа не получает необходимого оправдания.

В этом плане характерен эпизод облачения Нежданова в нанковый кафтан – «водевил с переодеванием» [12. Т. 9. С. 319]. Собственное преображение в мещанина стойко воспринимается им как нелепое подражание, актерство. Метафора неудавшейся игры – «скверный актер в чужой роли» [Там же. С. 325] – будет повторяться и в сценах пропаганды среди крестьян. Неестественность ощущается Неждановым не только потому, что он ясно понимает чуждость своей роли, но еще и вследствие того, что самому себе не нравится в этой игре. Эгоистическая тяга к эстетическому самолюбованию, оглядыванию себя со стороны не позволяет ему вжиться в предложенную роль. Мещанский костюм Нежданов примеряет не с чувством долга, не с сознанием того, что это теперь его настоящий облик, но с «экзотическим» интересом, переходящим в брезгливость:

«Оставшись один, Нежданов прошелся раза два взад и вперед какой-то особенной, шмыгающей походкой (он почему-то воображал, что мещане именно так ходят), понюхал осторожно свой собственный рукав, внутренность фуражки – и поморщился; посмотрел на себя в маленькое зеркальце, прикрепленное на стене возле окна, и помотал головою: очень уж он был неказист» [Там же. С. 317].

Скептицизм и безверие Нежданова приводят его к мыслям о смерти. По замечанию автора, эти меланхолические раздумья «о неминуемом конце» были хо-

рошо знакомы герою. Так, еще в доме Сипягина, «то содрогаясь перед вероятностью ничтожества, то приветствуя ее, почти радуясь ей» [12. Т. 9. С. 202], он в особенном волнении пишет стихотворение, где поэтически воображает свою смерть. К этому тексту его мысли обратятся снова в ходе подготовки самоубийства. Решение гамлетовского вопроса Неждановым не вполне лишено картинности. Трагическое нахождение между «быть» и «не быть» герой расценивает все в той же стихии актерской игры перед зеркалом. В последнем письме к Силину он вспоминает роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1833), а именно гибель Ленского. Цитируя строки «Окна мелом забелены; хозяйки нет» и добавляя «и т.д.» [Там же. С. 378], Нежданов вместо объяснений своего решения призывает друга обратиться к стихам поэта. Пушкинская метафора смерти – «дома опустелого», таким образом, переносится на героя Тургенева, причем здесь также возникает мотив «живого трупа», каким себя ощущает Нежданов («трупом», «существом полумертвым» он называется в третьем письме к Силину) [Там же. С. 325].

Однако, несмотря на объемно звучащий в романе голос сомнения, сопряженный с беспощадным самопорицанием, Тургенев в финале романа все же возвращается в образе Нежданова к элементу положительного, осмысленного через трагедию Шекспира. В своем последнем письме, а также в словах, произнесенных после рокового выстрела, Нежданов в завещательной форме дает Марианне и Соломину «отече-

ское» благословение (дважды повторяя заклінательное «дети мои») [12. Т. 9. С. 378–379]. Точно умирающий Гамлет в косвенном обращении к Фортинбрасу, он просит их соединить свои судьбы в честном и живом стремлении и так передает им свое нереализованное право на деятельную и счастливую жизнь.

В результате сопутствующая эпическому изображению шекспировская образность делает возможным представить неординарную личность в качестве яркого выразителя масштабных противоречий русской жизни. Но человек у Тургенева не остается лишь в формальной роли транслятора изменений окружающей действительности. Как и Шекспир, писатель в этой сопричастности заключает трагедию индивидуального существования, раскрывает глубину человеческого восприятия сложных процессов внешнего мира.

Грандиозная фигура шекспировского героя, проходя через все романное творчество Тургенева, придает особый – драматический характер эпическому жанру. С одной стороны, процесс драматизации происходит путем варьирования прозаического материала (письмо, дневник, записка), насыщения его развернутой сетью диалогов, включения в повествование монологических форм с усложненной (раздвоенной) структурой, использования логики хроникального развития сюжета. С другой стороны, Тургенев психологизирует речь и поведение героев, углубляет (делает более явной) работу сознания и чувства, не нарушая при этом «тайного» (деликатного) свойства последнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Значительно указание В.С. Баевского: «Рудин» выглядит «...как один огромный диалог, а описания и небольшие клочки повествования в его ткани – как вкрапления авторской речи в прямую речь действующих лиц, или, если угодно, как разросшиеся ремарки драматурга» [18. С. 136].

² Это неслучайное сходство двух образов было отмечено также в работе Г.А. Бялого [3. С. 82].

³ «...не сама современная, а лишь ее неумеренная “скорошь” удручает героя. <...> тургеневский герой уже решил для себя, как и датский принц Шекспира, гамлетовский вопрос в пользу его второй части» [9. С. 30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И.С. Сочинения. М., 1880. Т. 3. XV, 326 с.
2. Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце Датском (подстрочный перевод и комментарии) // Морозов М.М. Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954. С. 331–464.
3. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Советский писатель, 1990. 640 с.
4. Левин Ю.Д. Статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева) // Н.А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965. С. 122–163.
5. Герасименко Л.А. К концепции личности в эстетике Тургенева // Второй межвузовский тургеневский сборник. Орел, 1968. С. 35–49.
6. Буданова Н.Ф. Роман «Новь» в свете тургеневской концепции Гамлета и Дон-Кихота // Русская литература. 1969. № 2. С. 180–190.
7. Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. С. 131–151.
8. Манн Ю.В. И.С. Тургенев и вечные образы мировой литературы (статья Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43, № 1. С. 22–32.
9. Недзвецкий В.А. Типы Гамлета и Дон Кихота в романе «Отцы и дети» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 1. С. 20–32.
10. Ефимчик С.М. «Гамлет» и «Дон Кихот» как смыслопорождающие структуры в творчестве И.С. Тургенева // Встречи и диалоги в смысловом поле культуры. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2011. С. 193–201.
11. «Гамлет и Дон-Кихот». План-конспект и наброски текста (публ. Ю.Д. Левина) // Тургеневский сборник: материалы к Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева. М.; Л.: Наука, 1966. С. 71–82.
12. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1978–1986.
13. Манн Ю.В. Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008. 359 с.
14. Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.
15. ОР РНБ Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 1063. Л. 84–85 об.
16. Недзвецкий В.А. И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 208 с.
17. Степанян К.А. Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком; ЯСК, 2016. 296 с.
18. Баевский В.С. «Рудин» И.С. Тургенева (к вопросу о жанре) // Вопросы литературы. 1958. № 2. С. 134–138.
19. Цейтлин А.Г. Роман И.С. Тургенева «Рудин». М.: Худож. лит., 1968. 78 с.
20. Шекспир У. Гамлет / пер. А.И. Кронеберга. М., 1861. 234 с.
21. Курляндская Г.Б. Романы И.С. Тургенева 50-х – начала 60-х годов // Ученые записки Казанского государственного университета. 1956. Т. 116, кн. 8. 180 с.

22. Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л. : Наука, 1988. 326 с.
23. Винникова И.А. И.С. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов : Изд-во СГУ, 1965. 113 с.
24. Швецова Т.В. «Гамлет» в контексте творчества И.С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002. 194 с.
25. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1981 – издание продолжается.
26. Батюто А.И. Тургенев-романист. Л. : Наука, 1972. 387 с.
27. Ребель Г.М. «Гений меры»: Тургенев в русской культуре // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 305–348.
28. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула : Приокское кн. изд-во, 1973. 342 с.
29. Муратов А.Б. И.С. Тургенев после «Отцов и детей» (60-е годы). Л. : Изд-во ЛГУ, 1972. 143 с.
30. Семухина И.А. «Убитые насмерть не мечутся...»: внутреннее слово духовно расколотой личности в поздней романистике И.С. Тургенева («Дым») // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2014. Вып. 6. С. 100–110.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 мая 2019 г.

The Image of Hamlet Poetics in I.S. Turgenev's Novels

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 14–26.

DOI: 10.17223/15617793/444/2

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: I.S. Turgenev; Shakespeare; Hamlet; novel.

The article covers the analysis of Ivan Turgenev's novels through the perspective of William Shakespeare's poetics. The object of analysis is the central images of the epic genre with significant features of Shakespeare's characters. The focus is on the way Turgenev artistically shapes the portrait of the "hero of the time" in close connection with Prince Hamlet's moral and psychological image. Turgenev's critical thoughts on the essence of Hamlet's image were expressed in a programmatic article "Hamlet and Don Quixote". In the article, on the example of Hamlet's image, Turgenev developed the problem of a tragic character emphasizing the disharmony of his inner world. To a large extent, the article followed the artistic and aesthetic motif shaped in Turgenev's tale "Hamlet of the Shchigrovsky District". Simultaneously, Turgenev came to his own artistic form of understanding Hamlet's ambivalent traits of character. On the material of the novel, through Shakespeare's imagery, the writer created an unordinary personality that vividly expressed the massive contradictions of Russian life. All six novels by Turgenev are conventionally subdivided into two equal groups on the basis of the author's method of developing the problem of the "hero of the time". On the one hand, *Rudin* shows the development of an image of a young idealist who craves to actively participate in the life of the big world. However, he is unconfident and doubting; and later he even shies away from making a choice, a situation which is unnerving for him. Along with *Rudin*, *On the Eve* shows the weakness of a person's nature which either obstructs the performance of the artistic talent (Shubin), locks the talent in a narrow field (Bersenev), or, finally, makes a person feel serious concerns and doubts in a critical moment (Insarov). Fifteen years later, *Virgin Soil* becomes a much more complicated variant of the so-called Russian Hamlet with the help of which Turgenev not only showed the tragic failure of a reflecting personality as a permanent motor of historical processes but also claimed the necessity of a hero of a different nature: a representative of an ordinary prosaic world rather than a master of the Universe with a desire to accomplish a feat. On the other hand, *Fathers and Sons* is a novel about a conflict of a self-made person with the world of a natural and immediate feeling (in a broad sense). *Home of the Gentry* and *Smoke* also develop the idea of a broken personality which is torn between a consolation in the small favours and a desire to "rise" (to redeem oneself). The problems of the novels in this group dramatically shift to the sphere of the personal. In other words, the drama is mostly caused by the internal disagreement of the person's mental and intellectual world. The majestic character of Shakespeare's hero, part of each Turgenev's novel, makes the epic genre more dramatic.

REFERENCES

1. Turgenev, I.S. (1880) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: tipografiya E.Lissner i Yu.Roman.
2. Shakespeare, W. (1954) *Tragediya o Gamlete*, printse Datskom (podstrochnyy perevod i kommentarii) [The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark (interlinear translation and commentary)]. In: Morozov, M.M. *Izbrannye stat'i i perevody* [Selected articles and translations]. Moscow: GIKhL.
3. Balyay, G.A. (1990) *Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu* [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
4. Levin, Yu.D. (1965) *Stat'ya I.S. Turgeneva "Gamlet i Don Kikhot"* (K voprosu o polemike Dobrolyubova i Turgeneva) [Turgenev's article "Hamlet and Don Quixote" (On the issue of the controversy of Dobrolyubov and Turgenev)]. In: Dobrolyubov, N.A. *Stat'i i materialy* [Articles and materials]. Gorky: [b.n.]. pp. 122–163.
5. Gerasimenko, L.A. (1968) *K kontseptsii lichnosti v estetike Turgeneva* [On the concept of personality in Turgenev's aesthetics]. In: Gavrilov, A.I. (ed.) *Vtoroy mezhvuzovskiy turgenevskiy sbornik* [Second Inter-University Turgenev Collection]. Orel: Kurskiy GPI, pp. 35–49.
6. Budanova, N.F. (1969) *Roman "Nov"* v svete turgenevskoy kontseptsii Gamleta i Don-Kikhota [The novel "Virgin Soil" in the light of Turgenev's concept of Hamlet and Don Quixote]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 180–190.
7. Markovich, V.M. (1975) *Chelovek v romanakh I.S. Turgeneva* [Man in the novels by I.S. Turgenev]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 131–151.
8. Mann, Yu.V. (1984) *I.S. Turgenev i vechnye obrazy mirovoy literatury (stat'ya Turgeneva "Gamlet i Don-Kikhot")* [I.S. Turgenev and the eternal images of world literature (Turgenev's article "Hamlet and Don Quixote")]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 43 (1). pp. 22–32.
9. Nedzvetskii, V.A. (1999) *Tipy Gamleta i Don Kikhota v romane "Ottsy i deti"* [Types of Hamlet and Don Quixote in the novel "Fathers and Sons"]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 58 (1). pp. 20–32.
10. Efimchik, S.M. (2011) ["Hamlet" and "Don Quixote" as meaning-generating structures in the works of I.S. Turgenev]. *Vstrechi i dialogi v smyslovom pole kul'tury* [Meetings and dialogues in the semantic field of culture]. All-Russian Conference. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 193–201. (In Russian).
11. Alekseev, M.P. & Izmaylov, N.V. (eds) (1966) *Turgenevskiy sbornik: materialy k Poln. sobr. soch. i pisem I.S. Turgeneva* [The Turgenev collection: materials to Turgenev's Complete Collection of Works and Letters]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 71–82.
12. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete Works: In 30 vols. Works: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
13. Mann, Yu.V. (2008) *Turgenev i drugie* [Turgenev and others]. Moscow: RSUH.
14. Time, G.A. (2011) *Rossiya i Germaniya: filosofskiy diskurs v russkoy literature XIX–XX vekov* [Russia and Germany: The philosophical discourse in Russian literature of the 19th–20th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

15. Manuscript Department of Russian National Library (OR RNB). Fund 539. List 2. Item 1063. Pages 84–85 rev. (In Russian).
16. Nedzvetskiy, V.A. (2011) *I.S. Turgenev: logika tvorchestva i mentalitet geroya* [I.S. Turgenev: the logic of creativity and the mentality of the hero]. Moscow: Moscow State University.
17. Stepanyan, K.A. (2016) *Shekspir, Bakhtin i Dostoevskiy: geroi i avtory v bol'shom vremeni* [Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors in big time]. Moscow: Global Kom; YaSK.
18. Baevskiy, V.S. (1958) "Rudin" I.S. Turgeneva (k voprosu o zhanre) ["Rudin" by I.S. Turgenev (on the genre)]. *Voprosy literatury*. 2. pp. 134–138.
19. Tseytlin, A.G. (1968) *Roman I.S. Turgeneva "Rudin"* [The novel "Rudin" by I.S. Turgenev]. Moscow: Khudozh. lit.
20. Shakespeare, W. (1861) *Gamlet* [Hamlet]. Translated from English by A.I. Kroneberg. Moscow: A.S. Velikanov.
21. Kurlyandskaya, G.B. (1956) Romany I.S. Turgeneva 50-kh – nachala 60-kh godov [Turgenev's novels of the 1850s – early 1860s]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 116 (8).
22. Levin, Yu.D. (1988) *Shekspir i russkaya literatura XIX veka* [Shakespeare and Russian literature of the XIX century]. Leningrad: Nauka.
23. Vinnikova, I.A. (1965) *I.S. Turgenev v shestidesyatye gody* [I.S. Turgenev in the sixties]. Saratov: Saratov State University.
24. Shvetsova, T.V. (2002) "Gamlet" v kontekste tvorchestva I.S. Turgeneva [Hamlet in the context of I.S. Turgenev's works]. Philology Cand. Diss. Arkhangelsk.
25. Turgenev, I.S. (1981—present) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete Works: In 30 vols. Letters: In 18 vols]. Moscow: Nauka.
26. Batyuto, A.I. (1972) *Turgenev-romanist* [Turgenev the novelist]. Leningrad: Nauka.
27. Rebel', G.M. (2009) "Geniy mery": Turgenev v russkoy kul'ture ["The genius of the norm": Turgenev in Russian culture]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 305–348.
28. Kurlyandskaya, G.B. (1973) *Khudozhestvennyy metod Turgeneva-romanista* [The literary method of Turgenev the novelist]. Tula: Priokskoe kn. izd-vo.
29. Muratov, A.B. (1972) *I.S. Turgenev posle "Otsov i detey" (60-e gody)* [Turgenev after "Fathers and Sons" ('60s)]. Leningrad: Leningrad State University.
30. Semukhina, I.A. (2014) "Ubitye nasmert' ne mechutsya...": vnutrennee slovo dukhovno raskolotoy lichnosti v pozdney romanistike I.S. Turgeneva ("Dym") ['Men wounded to death don't fling themselves about': The inner word of a spiritually torn personality in the later novels of I.S. Turgenev ("Smoke")]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh sistem*. 6. pp. 100–110.

Received: 13 May 2019

Т.А. Волкова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АПРОБАЦИЯ ДИСКУРСИВНО-КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА В ПИСЬМЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Представлено пилотное экспериментальное исследование, цель которого – продемонстрировать корреляцию между дискурсивно-коммуникативной моделью перевода и стратегией письменного перевода на основе анализа переводов, выполненных испытуемыми без модели и с применением модели, и корпуса метаданных. Установлено, что модель позволяет точнее оценить и подробнее проанализировать исходный текст, более осознанно подойти к структуре, стилистике, прагматике текста перевода. Стратегия перевода формируется средствами модели и реализуется с учетом ряда дополнительных факторов.

Ключевые слова: дискурсивно-коммуникативная модель перевода; стратегия перевода; переводческий эксперимент; письменный перевод; дискурсивное досье; переводческий анализ; институциональный дискурс; модель перевода.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода понимается как инструмент анализа исходного текста для формирования стратегии перевода на уровне текста, уровне дискурса, уровне коммуникации, уровне действительности.

Гипотеза экспериментального исследования на данном этапе сформулирована следующим образом: дискурсивно-коммуникативная модель перевода структурирует процесс разработки переводчиком стратегии перевода и определяет принимаемые переводчиком решения на различных уровнях, при этом на реализацию выработанной на основе модели стратегии перевода могут влиять дополнительные факторы.

Предварительно испытуемые выполнили письменный перевод текста с английского языка на русский (версия перевода TR1). На следующем этапе испытуемым необходимо было выполнить перевод того же исходного текста с использованием модели (версия перевода TR2), письменно зафиксировать дискурсивное досье и итоговую (с использованием модели) стратегию перевода.

Для эксперимента предложен исходный текст общей тематики (описание новой модели смартфона) [1], использован фрагмент текста объемом 1 637 знаков с пробелами. Испытуемые пилотного этапа – студенты второго курса магистратуры факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. Для эксперимента составлены письменная инструкция и методические материалы, проводился краткий устный инструктаж (ответы на вопросы). В процессе перевода испытуемые могли пользоваться любыми вспомогательными ресурсами (словари, справочная и научная литература, интернет и др.).

И на предварительном (TR1), и на экспериментальном (TR2) этапе к предложенному тексту было сформулировано следующее переводческое (коммуникативное) задание: выполнить перевод текста для русскоязычной версии официального сайта <http://www.yotaphone.com>¹, кратко сформулировать свою переводческую стратегию.

Основные положения дискурсивно-коммуникативной модели перевода

Коротко рассмотрим уровни предлагаемой дискурсивно-коммуникативной модели перевода, подробнее описанной нами в [2].

Уровень текста: выявление и анализ лингвистических (лексико-семантических, синтаксических, стилистических, прагматических) особенностей исходного текста, его дискурсивных характеристик (авторство, адресность текста, нарратив). Параметры «авторство» и «адресность» в дискурсивных характеристиках текста связаны с параметром «направление (участники)» на уровне дискурса.

Уровень дискурса: узловые точки дискурса, цели, ценности, тематика (поле), участники (направление), хронотоп, языковое воплощение (форма) дискурса, интердискурсивность (полидискурсивность).

Уровень коммуникации: функции, типовые свойства и стратегии коммуникации.

Уровень действительности: предметная ситуация перевода; предметная область, к которой относится исходный текст.

Для создания «общей картины» исходного текста все параметры по категориям модели группируются (систематизируются) в дискурсивное досье, которое понимается как форма представления результатов анализа исходного текста и основа для последующего формулирования стратегии перевода. Досье составляется для конкретного исходного текста, однако может иметь универсальные черты. Переводчик может опираться на существующие исследования по различным видам дискурса, индивидуальный и коллективный опыт, «заполняя» дискурсивно-коммуникативную модель перевода соответствующими данными. В предлагаемой концепции институциональный дискурс трактуется в широком социальном (институциональном) контексте.

Стратегия перевода формулируется нами как открытая совокупность целенаправленных профессиональных, динамических, логически взаимосвязанных, последовательных универсальных и индивидуальных действий переводчика (приемов, переводческих решений). Стратегия перевода подвижна, индивидуальна (но не уникальна) и формулируется для конкретного исходного текста: переводчик выделяет в исходном тексте параметры в соответствии с дискурсивно-коммуникативной моделью перевода; группирует их так, чтобы определить те, что попадают в разряд переводческих трудностей; находит к обозначенным трудностям (группам трудностей) переводческие решения, которые составляют стратегию перевода.

Теоретико-методологической основой исследования послужили, в частности, работы и обзоры отечественных и зарубежных ученых, освещающие вопросы моделирования перевода (В.Н. Базылев, Н.К. Гарбовский, В.Е. Горшкова, Ю.И. Гурова, В.В. Гусев, В.Н. Комиссаров, Е.Ю. Куницына, Ю.Н. Марчук, А.Г. Минченков, Л.Л. Нелюбин, К. Норд, О.В. Петрова, И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг, В.В. Сдобников, А.П. Седых, Е.А. Селиванова, Л.Г. Федюченко, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер, D. Gile, M. Lederer, D. Robinson, D. Seleskovitch, G. Toury и др.).

Авторы рассматривают герменевтическую, диалогическую, информативную, когнитивно-эвристическую, коммуникативную, констелляционную, лингвокультурологическую, людическую, психолингвистическую, семантическую, семиотическую, ситуативно-денотативную, трансформационную, функционально-прагматическую (динамическую) модели перевода, эмпатическую модель в формировании стратегии перевода, использование фреймов при выстраивании структуры переводимого текста, лингвокультурологические схемы перевода с учетом предпочтительных структурно-функциональных моделей представления реальности в различных языках, модель социальной регуляции переводческой деятельности, коммуникацию перевода, понятие интерпретативно-порождающего дискурса и т.д.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода применима в практике перевода (письменный перевод текстов институциональной сферы – формирование переводческой стратегии на всех этапах; устный перевод – подготовка к переводу и анализ результатов), дидактике перевода (обучение письменному и устному переводу), теории перевода (как основа дискурсивно-коммуникативного подхода к переводу). Впервые модель перевода и стратегия перевода рассматриваются в рамках единой схемы, впервые модель перевода опирается не только на универсальные особенности текстов институциональной сферы и закономерности перевода, но также задействует дополнительные структурированные «слои» дискурса и коммуникации и позволяет переводчику интегрировать подходы к переводческому анализу исходного текста. В настоящем исследовании описан пилотный этап экспериментальной апробации дискурсивно-коммуникативной модели перевода в письменном переводе.

Письменные переводы пилотной экспериментальной группы. В силу ограничений, связанных с объемом настоящей статьи, рассмотрим лишь часть примеров, проанализированных в исследовании: сегменты исходного текста и предложенные испытуемыми переводы, выполненные без применения модели (TR1) и с применением модели (TR2), чтобы затем сравнить их с дискурсивными досье и стратегиями перевода испытуемых. Отметим, что на основе анализа работ пилотной группы в исследовании определены реперные точки эксперимента, частотные трудности перевода, которые лежат в основе последующего сопоставительного анализа переводов разных экспериментальных групп². Мы разделили корпус частотных трудностей, с которыми столкнулись переводчики, на реперные точки общего характера

(встречаются в разных частях текста, относятся ко всему тексту в целом) и реперные точки частного характера (отдельные термины, словосочетания, имена собственные, etc.). Подчеркнем, что единицей исследования является текст в его связи с дискурсом, коммуникацией и действительностью; на всех этапах анализа переводческих решений по реперным точкам учитывается переводческое (коммуникативное) задание.

Так, следующий сегмент представляет собой комплекс реперных точек. Во-первых, в ряде случаев при переводе нарушается хронология событий, упоминаемых в тексте оригинала:

YotaPhone was showcased in January at CES 2013 and in Mobile World Congress 2013. It won the CES 2013 Award for its innovation.

Y1.MAG.2 TR1

YotaPhone был представлен на выставке Всемирного мобильного конгресса³ 2013 г., а также на Международной выставке потребительской электроники в январе того же года, где был удостоен премии за свой инновационный характер.

Y1.MAG.2 TR2

YotaPhone был *впервые* представлен на выставке Всемирного мобильного конгресса 2013 г. Более того, на Международной выставке потребительской электроники в январе того же года, смартфон был удостоен премии в области инноваций.

Международная выставка потребительской электроники (CES) прошла в Лас-Вегасе в январе 2013 г., Всемирный мобильный конгресс – в Барселоне в феврале 2013 г.

Во-вторых, затруднения у большинства участников эксперимента вызвала передача фрагмента «CES 2013 Award for its innovation». Позволим себе предположить, что принципиально переводчики могли выбирать из двух переводческих решений: «держаться» ближе к тексту и подобрать узуальный вариант для словосочетания «for its innovation», попутно выбирая между «наградой», «призом», «премией» и др., либо ориентироваться на официальное название упомянутой номинации *Best of Show* и соответствующие прецедентные тексты, например:

Yota Devices объявила сегодня о победе YotaPhone в номинации «Лучший продукт» (Best of Show) Международной выставки потребительской электроники (CES) [4], (ср.: [5]).

В-третьих, сегмент показателен с точки зрения выбора переводчиком кириллицы или латиницы для передачи названий мероприятий, решения сохранять или не сохранять оригинальные названия и сопровождать либо не сопровождать их аббревиатурами и / или пояснениями:

Y5.MAG.2 TR1

YotaPhone был продемонстрирован в январе на Международной выставке потребительской электроники (CES) 2013 и на Всемирном мобильном конгрессе (MWC) 2013.

Y5.MAG.2 TR2

YotaPhone впервые показали в январе на Международной выставке потребительской электроники (CES) 2013 и на Всемирном мобильном конгрессе (MWC) 2013.

В переводе следующего сегмента обращают на себя внимание избыточность и создание противопоставления, которое не читается в оригинале; смешение кириллицы и латиницы; ошибки при оформлении числительных:

The LCD and EPD are of same size: 4,3 inches with different resolutions.

У4.МАГ.2 TR1

LCD- и EPD-экраны одного размера (4,3 дюйма), но с разным разрешением.

У4.МАГ.2 TR2

LCD- и EPD-экраны одного размера (4,3 дюйма), но с разным разрешением.

The color display comes with a resolution of 1 280×720 pixels, and the black and white ePaper display has a resolution of 640×360 pixels.

У1.МАГ.2 TR1

Цветной экран выпускается с разрешением 1 280×720 пикселей, *в то время как* чернильный экран имеет разрешение 620×360 пикселей.

У1.МАГ.2 TR2

Жидкокристаллический цветной дисплей выпускается с разрешением 1 280×720 пикселей, *в то время как* чернильный дисплей имеет разрешение 620×360 пикселей.

У3.МАГ.2 TR1

Разрешение жидкокристаллического экрана составляет 1 280×720 пикселей, *в то время как* разрешение черно-белого дисплея – *лишь* 640×360.

У3.МАГ.2 TR2

Разрешение жидкокристаллического экрана составляет 1 280×720 пикселей, *в то время как* разрешение черно-белого дисплея – *лишь* 640×360.

Обратим внимание на вводимые переводчиками варианты «цветной» и «черно-белый» («монохромный»). В ряде случаев это создает ненужную множественность вариантов в тексте перевода и может свидетельствовать о том, что переводчики действуют «линейно», несмотря на проводимый, как ожидается, переводческий анализ и «челночный» характер перевода (в данном случае на микроуровне, в пределах одного предложения и пары взаимосвязанных вариантов). Вероятно, вариант «цветной» переводчик выбирает, опираясь исключительно на данный сегмент оригинала (далее в ряде случаев возникает пара «цветной – монохромный»), и не соотносит получившийся фрагмент текста перевода с другими фрагментами исходного текста – сознательно нарушая единообразие терминологии или не замечая ошибки.

В заключительном сегменте текста к реперным точкам можно отнести передачу термина «scratch-resistant» и названия «Corning Gorilla Glass», где Corning – название компании (ср.: [6]). Переводчики опускали название компании или использовали амплификацию, прилагательное scratch-resistant передавали придаточным предложением, причастным оборотом либо определением, стоящим перед определяемым словом:

The screens are covered with scratch-resistant Corning Gorilla Glass.

У1.МАГ.2 TR1

Оба дисплея защищены стеклом Corning Gorilla Glass, которое является устойчивым к механическим повреждениям.

У1.МАГ.2 TR2

Оба дисплея защищены стеклом Corning Gorilla Glass, обладающим повышенным сопротивлением к механическим повреждениям.

У2.МАГ.2 TR1

Оба дисплея покрыты защитным стеклом Gorilla Glass, которое предохраняет их от механических повреждений.

У2.МАГ.2 TR2

Оба дисплея покрыты защитным стеклом Gorilla Glass, которое предохраняет их от механических повреждений.

У4.МАГ.2 TR1

Оба экрана защищены устойчивым к царапинам покрытием – Gorilla Glass от компании Corning.

У4.МАГ.2 TR2

Оба экрана защищены устойчивым к царапинам покрытием Gorilla Glass от компании Corning.

У5.МАГ.2 TR1

Оба экрана покрыты устойчивым к царапинам стеклом Gorilla Glass от компании Corning.

У5.МАГ.2 TR2

Оба экрана покрыты устойчивым к царапинам стеклом Gorilla Glass от компании Corning.

Отметим преобразование «сверхпрочное стекло... делает экран устойчивым к царапинам» в переводе У3.МАГ.2:

У3.МАГ.2 TR1

Оба экрана изготовлены из сверхпрочного стекла Gorilla Glass, которое делает экран YotaPhone устойчивым к царапинам.

У3.МАГ.2 TR2

Оба экрана изготовлены из сверхпрочного стекла Gorilla Glass, которое делает экран Yotaphone устойчивым к царапинам.

Обратимся к переводу заголовка⁴:

YotaPhone Review – Specs & Features of LCD & e-ink dual display Android Phone

К основным трудностям можно отнести необходимость создать емкий и компактный заголовок, передачу атрибутивной конструкции LCD & e-ink dual display Android phone и словосочетания specs & features.

У1.МАГ.2 TR1

Краткий обзор YotaPhone – *специфические особенности* жидкокристаллического и чернильного дисплея телефонов Android.

У1.МАГ.2 TR2

Краткий обзор YotaPhone: *спецификации устройства, характерные особенности* жидкокристаллического и чернильного дисплея смартфона на платформе Android

У4.МАГ.2 TR1

Обзор YotaPhone – *технические и ключевые характеристики* LCD-дисплея и дисплея на электронных чернилах смартфона на базе Android.

У4.МАГ.2 TR2

Обзор YotaPhone – *спецификация и ключевые характеристики* LCD-дисплея и дисплея на электронных чернилах в смартфоне на базе Android.

У5.МАГ.2 TR1

Обзор YotaPhone, смартфона на базе Android с двумя экранами: технические *характеристики* и *особенности*.

У5.МАГ.2 TR2

Обзор YotaPhone – смартфона на базе Android с двумя экранами: технические *характеристики* и *особенности*.

В ряде примеров нарушение согласования при передаче атрибутивной конструкции приводит к фактической ошибке (specs and features в оригинале относятся к смартфону, а не к дисплеям). Обращает на себя внимание выбор соответствий: «спецификация» как тип документа не отражает содержания исходного текста, прилагательные и существительные оказываются избыточны и / или не употребительны для описания смартфона: «специфические особенности», «характерные особенности», «технические и ключевые характеристики», «характеристики и особенности».

В одной из работ переводчик сокращает заголовок, делает его компактнее:

У2.МАГ.2 TR1

Обзор смартфона с двумя дисплеями YotaPhone: технические характеристики и функции.

У2.МАГ.2 TR2.

Обзор смартфона с двумя дисплеями YotaPhone.

Свое решение в версии перевода TR2 переводчик объясняет следующим образом: «Заголовок был сокращен: во-первых, на мой взгляд, само понятие “обзор” подразумевает, что далее речь пойдет о технических характеристиках и функциях устройства; во-вторых, лаконичность заголовка позволяет воплотить одну из главных функций текста – побудить рецепиента прочитать текст, [приобрести товар]»⁵.

Далее рассмотрим корпус метаданных, содержащих комментарии испытуемых в отношении стратегий перевода, составленных на первом и втором этапах эксперимента: с опорой на (пред)переводческий анализ, проводимый при подготовке версии перевода TR1 (без модели), и дискурсивное досье, составленное при подготовке версии перевода TR2 (с моделью) – стратегия STR1 и стратегия STR2 соответственно.

Дискурсивные досье пилотной экспериментальной группы. Систематизируем дискурсивные досье участников данной экспериментальной группы. Отметим, что не все параметры и категории модели эксплицитно описаны испытуемыми в дискурсивных досье.

На уровне текста участники указывают на следующие лексико-семантические особенности исходного текста: специальная терминология, аббревиатуры, имена собственные, оценочная лексика, клише.

Так, испытуемый У4.МАГ.2 выделяет особенности исходного текста и предлагает к ним следующие переводческие решения: «В тексте преобладает нейтральная лексика, содержится лексика, относящаяся к таким семантическим полям, как “мобильная электроника” (dual-screen phones, battery performance, screen, smartphone, e-ink power-saving display, resolution), “интернет” (browsing, notifications & social network updates, content-rich news) – обращаться к техническим словарям. В тексте присутствуют имена соб-

ственные: название компании (Yota Devices), название самого устройства (YotaPhone) – использовать названия на английском языке, так как это соответствует оригинальному названию, которое используется на официальном российском сайте компании; названия выставок (CES 2013, Mobile World Congress 2013) – расшифровать... чтобы они были понятны российской аудитории, оригинальное название дать в скобках, чтобы читатель при необходимости смог найти дополнительную информацию».

В комментариях участника У5.МАГ.2 лексико-семантические особенности исходного текста эксплицитно не выделены, но описаны впоследствии в стратегии перевода STR2, в версию перевода TR2 внесены соответствующие правки:

«...Заменить аббревиатуры LCD и EPD на русский аналог ж/к и относительно привычный вариант e-ink соответственно. Это связано с тем, что эти аббревиатуры будут лучше понятны потенциальному читателю. ...Стоит также учитывать современные тенденции к уменьшению доли иностранных вкраплений в текстах (особенно с учетом того, что компания-производитель позиционирует себя как чисто российская компания), которые, однако, компенсируются прежней любовью основной целевой аудитории к иностранным словам».

В категории синтаксических особенностей исходного текста переводчики обращают внимание на стандартные синтаксические различия между языками (временные и глагольные формы, типичные синтаксические конструкции), логику и композицию текста, частое употребление страдательного залога, сложные предложения с большим количеством придаточных, безличные и неполные предложения. Испытуемый У4.МАГ.2 в стратегии перевода STR2 отмечает, что «короткие и неполные предложения чередуются с тяжелыми сложноподчиненными», и предлагает следующее переводческое решение:

«Правило построения любого публицистического текста в русском языке – перевернутая пирамида. Необходимо подавать информацию по мере уменьшения значимости, а также чередовать сложные предложения с более простыми и короткими».

Подобное решение можно было бы, на наш взгляд, рассматривать уже как адаптацию при переводе, однако переводчик не вносит композиционных изменений в версию перевода TR2 и в обеих версиях следует композиции ИТ, возможно, считая, что указанная схема подачи информации в нем уже реализована.

К стилистическим особенностям исходного текста переводчики относят следующее: оценочность, эмоциональность, призывность, использование олицетворений. В отдельных работах определен стиль, к которому принадлежит ИТ (публицистический). В комментариях испытуемого У4.МАГ.2 определен жанр ИТ («аналитический, интернет-статья») и сформулировано следующее переводческое решение: «Так как публицистический стиль речи служит для воздействия на людей через СМИ, соблюдать [при переводе] логичность и оценочность. Текст выполняет информационную функцию». В целом переводчику удастся сохранить информативность и оценочность.

К прагматическим особенностям исходного текста переводчики относят следующее:

У3.МАГ.2

«Текст создан, во-первых, для представления нового смартфона аудитории, его функций и возможностей, во-вторых, текст отчасти носит рекламный характер, одна из его целей – привлечь потенциальных покупателей. Все эти особенности влияют на выбор лексики (например, большое количество прилагательных), соблюдение регистра и т.д.».

У4.МАГ.2

Интересно, что при анализе прагматических особенностей исходного текста переводчик обращается к типам информации по И.С. Алексеевой: «Типы и плотность информации в тексте: когнитивная (информация о смартфоне, технические характеристики, внешний вид, факты), плотность высокая (сокращения, скобки). Трудность: донести всю важную фактическую информацию до русскоязычного читателя. Решение: проверять соответствие в терминах на русском и английском языках, расшифровывать по необходимости сокращения (например, в названиях выставок)».

Обратимся к комментариям переводчиков относительно дискурсивных характеристик исходного текста (авторство, адресность, нарратив). Отметим, что у глобального исходного текста (в терминах И.С. Алексеевой), фрагмент которого предложен для перевода участникам эксперимента, есть конкретный автор, указанный на сайте, однако при оценке авторства большинство переводчиков данной экспериментальной группы считают автора коллективным, приравнивая автора к источнику публикации.

У2.МАГ.2

«Текст создан одним журналистом / группой журналистов или специалистом / группой специалистов компании, ответственным(и) за написание пресс-релизов⁶. Автор неизвестен».

У3.МАГ.2

«Сайт о новостях в области современных технологий, рассчитанный на широкую аудиторию, не владеющую специальным образованием в этой отрасли».

У4.МАГ.2

Отметим предложенное участником переводческое решение: «Автор текста коллективный. Решение: не вводить личные местоимения и личностные оценки».

Адресность переводчики описывают следующим образом:

У2.МАГ.2

«Текст рассчитан главным образом на среднестатистического реципиента, интересующегося основными возможностями смартфона YotaPhone».

У3.МАГ.2

«Широкая аудитория, потенциальные покупатели данного продукта».

У5.МАГ.2

Эксплицитно адресность не описана, но упоминается в стратегии перевода: «Даже несмотря на то, что потенциальный читатель сайта может разбираться в этих обозначениях [аббревиатуры LCD и EPD], целевую аудиторию текста полезно расширить».

Сравним эти трактовки с характеристиками направления (участников) дискурса, рассматриваемыми в модели на уровне дискурса:

У2.МАГ.2

«Один – много: повествует один человек, текст предназначен для широкой аудитории (реципиент, интересующийся основными возможностями смартфона YotaPhone)».

У3.МАГ.2

«Автор – коллективный, реципиент – широкая аудитория, заинтересованная в данном продукте».

Трактовка нарратива как дискурсивной характеристики текста, несмотря на предложенное в инструкции экспериментальное определение⁷, вызвала трудности.

У2.МАГ.2

Переводчик определяет нарратив как композицию / архитектуру текста: «Текст представляет собой стандартное оформление пресс-релиза: заголовок, кратко передающий основную информацию текста, первый абзац, повествующий о создании нового продукта, последующие абзацы, сообщающие читателю особенности и функционал смартфона».

У3.МАГ.2

Переводчик определяет нарратив как «вариант текста»: «Можно предположить, что этот текст является одним из вариантов схожих текстов, посвященных выходу нового смартфона».

Далее рассмотрим метаданные, связанные с описанием уровня дискурса в предложенной модели. Так, к узловым точкам дискурса, отраженным в предложенном исходном тексте, переводчики отнесли следующие:

У1.МАГ.2

«Инновационные технологии, удобство, доступность, развитие, знание, информация».

У2.МАГ.2

«Технология, инновация, технический прогресс».

У3.МАГ.2

«Информация, знание».

Цели дискурса, цель конкретного исходного текста и цель текста перевода в большинстве работ совпадают:

У1.МАГ.2

«Презентация нового товара».

У2.МАГ.2

«Проинформировать читателей данного интернет-ресурса о функциях такой технической новинки, как YotaPhone, и продать товар».

У3.МАГ.2

«Образовательная, рекламная».

У4.МАГ.2

«Цель текста – рассказать о новинке в мобильной индустрии, описать характеристики».

Ценности дискурса переводчики рассматривают следующим образом:

У1.МАГ.2

«Восприятие новой информации, значимость развития современных технологий, важность удобства использования средств коммуникации, значимость коммуникации и обмена информацией».

У2.МАГ.2

«Уникальность дизайна и функционала устройства».

У4.МАГ.2

«Ценности – представление максимально полной и привлекательной информации [для] реципиентов».

Поле (тематику) дискурса переводчики определяют достаточно широко:

У1.МАГ.2

«Инновационные технологии».

У2.МАГ.2

«Текст повествует о новом товаре и его возможностях, отличительных чертах».

У3.МАГ.2

«Современные технологии, устройства связи и передачи информации».

В комментариях переводчиков находим узкое и широкое толкования хронотопа:

У1.МАГ.2

«Момент публикации ИТ не определен».

У3.МАГ.2

«Сайт о новостях в области современных технологий, рассчитанный на широкую аудиторию, не владеющую специальным образованием в этой отрасли».

У4.МАГ.2

«Место общения – интернет-сайт <http://b4tea.com>, время общения – с момента выпуска статьи».

У5.МАГ.2

Переводчик предлагает расширенное толкование хронотопа и подробный анализ: «В тексте присутствуют точные указания на время создания текста (после 2013 года), однако если исключить эти данные из анализа и опираться на текст, то стилистически он относится к текстам конца 2000-х и первой половины 2010-х годов. Дело в том, что активное развитие проектов, описанных в тексте, началось примерно в это время. Тогда же в дискурс вошло слово “инновации”, которое стало употребляться гораздо чаще, чем раньше, что могло определить подчеркивание того факта, что телефон получил награду именно за инновации. В те же годы начали активно развиваться технологии, описанные во второй части статьи. Несмотря на то что оригинал текста написан на английском языке, вполне возможно, что он написан изначально с учетом русскоязычной аудитории, что и позволяет трактовать текст так, как описано выше».

Определение интердискурсивности (полидискурсивности), несмотря на пояснения в инструкции⁸, вызвало у переводчиков затруднения. Так, испытуемый У4.МАГ.2 скорее указывает на отсутствие интердискурсивности (полидискурсивности): «В тексте выдержана одна тематика, единые ценности и направление».

Типовые свойства коммуникации переводчики рассматривают следующим образом⁹:

У1.МАГ.2

«Информативность, институциональность, явная оценочность, экспрессивность, толерантность, монологичность».

У2.МАГ.2

«Информативность, институциональность, общедоступность, редукционизм, сочетает стандартность и экспрессивность; монологичность, явная оценочность, толерантность».

У3.МАГ.2

«Информативность, институциональность, общедоступность, явная и скрытая оценочность, монологичность».

У4.МАГ.2

«Информативность, институциональность, общедоступность, полнота информации, стандартность и экспрессивность, явная и скрытая оценочность».

Функции коммуникации¹⁰ переводчики рассматривают следующим образом:

У1.МАГ.2

«Когнитивная, коммуникативная, метаязыковая, побудительная».

У2.МАГ.2

Переводчик связывает функции коммуникации с типами информации по И.С. Алексеевой, а не выбирает из предложенного списка, поэтому функции коммуникации мы можем зафиксировать лишь имплицитно (когнитивная, побудительная): «Текст примарно-когнитивный с вкраплениями оперативной информации».

У3.МАГ.2

«Когнитивная, коммуникативная, побудительная».

У4.МАГ.2

«Когнитивная, коммуникативная, побудительная».

У5.МАГ.2

«Эксплицитная когнитивная функция».

Рассмотрим коммуникативные стратегии, которые испытуемые выделяют в исходном тексте. Наименования стратегий приводятся в авторской редакции и свидетельствуют, на наш взгляд, об определенной теоретической подготовке переводчиков¹¹:

У1.МАГ.2

«Могу предположить, что конкретно в этом исходном тексте преобладает стратегия манипуляции (т. к. текст с явными элементами рекламы)».

У3.МАГ.2

«Прагматические стратегии (по О.С. Иссерс) построения образа продукта и влияния на потенциальных покупателей».

У4.МАГ.2

«В тексте можно выделить коммуникативные стратегии позиционирования (автор формирует у реципиента определенное восприятие); информирования (приводится много фактической информации); убеждения (автор пытается изменить наше представление о привычном смартфоне, приводя большое количество полезной фактической информации в пользу смартфона YotaPhone)».

У2.МАГ.2

В дискурсивном досье для данной категории переводчик скорее формулирует собственную установку для дальнейшей разработки стратегии перевода: «Добиться максимального сходства в восприятии переводного текста русскоязычными реципиентами и оригинала англоязычными реципиентами».

Обратимся к уровню действительности в предложенной модели. Испытуемые характеризуют отраженную в исходном тексте предметную ситуацию следующим образом:

У2.МАГ.2

«Публике представляют новый товар, а также рассказывают о его функционале».

У3.МАГ.2

«Выпуск Yotaphone в 2013 году».

У4.МАГ.2

«В тексте представлен обзор новинки в области мобильной индустрии – смартфон с двумя экранами YotaPhone».

Переводчики одинаково описывают поле (тематику) на уровне дискурса и предметную область на уровне действительности: «современные технологии, устройства связи и передачи информации» (У3.МАГ.2); «мобильная индустрия» (У4.МАГ.2). В ряде случаев параметры эксплицитно не описаны либо трактуются неверно: например, предметная область приравнивается к жанру (типу) текста.

Далее рассмотрим, определен ли в работах участников тип дискурса (прямое или косвенное указание на институциональность) и указан ли конкретный вид институционального дискурса.

У1.МАГ.2

Тип дискурса: не определен; «институциональность» указана в типовых свойствах коммуникации.

Вид дискурса: не определен.

У2.МАГ.2

Тип дискурса: не определен; «институциональность» указана в типовых свойствах коммуникации.

Вид дискурса: не определен.

У3.МАГ.2

Тип дискурса: определен; «институциональность» указана в типовых свойствах коммуникации.

Вид дискурса: определен, «институциональный массово-информационный дискурс».

У4.МАГ.2

Тип дискурса: не определен; «институциональность» указана в типовых свойствах коммуникации.

Вид дискурса: определен, массово-информационный дискурс.

У5.МАГ.2

Тип дискурса: не определен.

Вид дискурса: не определен.

С тем чтобы проанализировать динамику «перевод без модели / перевод с моделью», необходимо установить корреляцию между параметрами модели, описанными в комментариях участников, и переводческими решениями, реализованными в тексте перевода. Мы соотносим версии перевода TR1 и TR2 и две основные группы переводческих решений: переводческие решения, реализованные переводчиками в отношении обозначенных реперных точек; переводческие решения, на которые переводчики эксплицитно обращают внимание в стратегиях перевода.

Стратегии перевода пилотной экспериментальной группы

Обратимся к анализу стратегий перевода, составленных на первом и втором этапах эксперимента. Приведем несколько развернутых комментариев.

В целом дискурсивное досье и стратегия STR2 подробнее, нежели переводческий анализ и стратегия STR1, в том числе по собственному мнению переводчика. Описывая стратегию перевода STR2, испытуе-

мый отдельно отмечает, что «все переводческие решения, обозначенные в стратегии, являются новыми по отношению к предыдущему переводу» (TR1).

У1.МАГ.2

Переводческий анализ TR1	Дискурсивное досье TR2
Лексико-семантические особенности: использование специальной терминологии, аббревиатур, имен собственных. «Стилистика текста не представляет большой сложности для переводчика, так как язык довольно формальный, художественные и выразительные средства отсутствуют». Синтаксис: «наличие длинных предложений, члены которых в русском языке тяжело согласовать. Проблему можно решить дроблением предложения, а также опущением повторяющейся информации». Прагматика: «целевая аудитория – непрофессиональная публика, потенциальный покупатель. Функция текста – презентация продукта, реклама. Большая часть когнитивной информации нацелена на предоставление аудитории знания о данном продукте»	Лексико-семантические особенности: использование специальной терминологии, аббревиатур, имен собственных. Стилистические особенности на уровне текста: «использование олицетворений, использование оценочной лексики, использование оценочных суждений». Синтаксические особенности на уровне текста: «использование временных форм, отсутствующих в русском языке; использование глагольных форм, отсутствующих в русском языке; конструкция предложений не соответствует типичным синтаксическим конструкциям русского языка; прослеживается структура сопоставления (дисплеев), эту структуру нужно соблюдать при переводе текста». Прагматические особенности на уровне текста: «В тексте присутствует элемент рекламы; текст выполняет одновременно две прагматические функции: рекламирует появившийся на рынке продукт, предоставляет не большой по объему, но достаточно точный и подробный технический анализ продукта. С первого взгляда видится, что текст предназначен для широкой целевой аудитории, но при более детальном рассмотрении кажется, что представители далеко не всех профессий и возрастов смогут в полной мере понять его»

Переводчик отмечает «примерное равенство ситуаций получения ИТ и ПТ» и, что интересно, дополнительно прибегает к анализу *текста перевода* по предложенной модели:

«Ситуации, в которых читатели получают ИЯ и ПЯ, практически идентичны (текст размещается на англоязычном и русскоязычном сайте, посетители читают текст, видят фотографии продукта и т.д.). Поэтому было принято решение максимально сохранить особенности исходного текста на уровне дискурса и коммуникации (мне кажется, что именно эти уровни модели отражают глобальные параметры ситуации, в которой действует текст). Конечно, “дословно перевести” особенности нельзя. Поэтому соблюдение своей установки я проверил(а) при помощи анализа ПТ по модели. По итогам анализа выявил(а), что особенности на уровне дискурса и коммуникации сохранились (исключением являются хронотоп и направление дискурса, их изменение в данном случае неизбежно).

В процессе перевода старался(лась) учитывать все выявленные особенности ИТ на уровне текста. В связи с тем что ситуации восприятия ИТ и ПТ, на мой взгляд, практически одинаковы, решил(а) не упрощать русскоязычный текст терминологически (ведь целевая аудитория ИТ не отличается от целевой аудитории ПТ – они все интересуются техникой, все яв-

ляются потенциальными покупателями). Вместе с этим было принято решение одновременно адаптировать ПТ для русскоязычного читателя (так как языки у целевых аудиторий все же разные). Лексико-семантические и стилистические трудности решались при помощи... функциональных эквивалентов в русском языке. Синтаксические трудности решались при помощи перестроения синтаксических конструкций, чтобы они, по возможности, стали более естественными для русского языка. При решении прагматических трудностей учитывалось примерное равенство ситуаций получения ИТ и ПТ. Старался(лась) сохранить прагматический потенциал».

На уровне переводческих решений положительная динамика TR1–TR2 выражается в следующем: обоснованные синтаксические трансформации в версии TR2, стремление к лексическому единообразию. Однако в ряде случаев в тексте сохраняются фактические ошибки, неясности, избыточность, нарушения узуса и несоответствие стилю текста в целом, искусственные связи (противопоставления), нарушения сочетаемости, нарушения согласования. Более тщательная проверка и поиск информации позволили бы переводчику избежать ошибок выбора лексического эквивалента, неясности при указании на хронологию событий, неточности в названии номинации (награды) при наличии прецедентного варианта.

У2.МАГ.2

Переводческий анализ TR1	Дискурсивное досье TR2
Оценочная лексика – «подобрать аналог, являющийся максимально близким к оригиналу по эмоциональности, стилю и смыслу»; клише – «подобрать максимально близкий аналог на языке перевода»; имена собственные – «использовать перевод по традиции, нулевой перевод с уточняющими членами предложения»; термины, «описывающие характеристики устройства» – «переводчик обращался к официальным веб-сайтам компаний, на которых приводится полная информация о каждой конкретной функции устройства». Стилистические особенности отдельно не описаны. Выделены «грамматические трудности: сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, простые предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами... Предложения такого рода разбивались на несколько частей». Прагматика: «переводчик старался максимально полно передать прагматику, заложенную в текст автором»	Лексико-семантические особенности на уровне текста: термины, имена собственные, оценочная лексика, клише. Стилистические особенности на уровне текста: «Данный текст принадлежит к публицистическому стилю речи. Текст характеризуется эмоциональностью, оценочностью, призывностью». Синтаксические особенности на уровне текста: «стандартное синтаксическое оформление текста на английском языке»; в разделе «языковое воплощение» (т.е. форма дискурса, реализованная в тексте и объединяющая уровни текста и дискурса) и в своих комментариях в целом участник уделяет внимание композиции / архитектонике исходного текста. Более четко сформулированы прагматические особенности исходного текста: «проинформировать читателя, повлиять на желание потенциального покупателя купить товар»

В стратегии перевода STR2 переводчик последовательно объясняет внесенные в версию TR2 изменения:

«Два первых предложения были объединены для того, чтобы текст был изложен более простым и доходчивым языком, поскольку в пункте “адресность” мы отмечали, что реципиентом является среднестати-

стический человек, интересующийся новым смартфоном. Более того, в первом варианте перевода присутствовала конструкция “Главная причина такой ситуации заключается в...”, которая значительно утяжеляла структуру предложения и всего текста.

В первоначальной версии перевода присутствовал страдательный залог (“Эта проблема была решена российской компанией Yota Devices”), который исчез в новой версии перевода. Такая конструкция не слишком характерна для русскоязычного читателя. На мой взгляд, при прочтении текста взгляд невольно оставался на этом фрагменте.

В первоначальной версии перевода присутствовало предложение “YotaPhone является первым в мире смартфоном, сочетающим в себе все вышеперечисленные функции”, к которому был применен прием компенсации во втором варианте перевода. Это позволило избавить текст от... избыточности, добавить в текст динамизм.

Предложение “Презентация YotaPhone состоялась в рамках Международной выставки потребительской электроники (CES 2013), на которой смартфон был удостоен награды за инновационный характер идей, а также выставки мобильной индустрии Mobile World Congress 2013” (выделено испытуемым. – Т.В.), было перестроено в новой версии перевода, поскольку ключевая часть текста выбивается из общей структуры предложения и может в том числе привести к недопониманию со стороны читателя.

Предложение “Смартфон оснащен двумя 4.3-дюймовыми экранами¹², причем LCD-экран имеет разрешение 1280×720 пикселей, а экран e-ink – 640×360” был незначительно видоизменен в связи с тем, что лексическая единица “причем” не соотносится с первой частью предложения».

На уровне переводческих решений положительная динамика TR1–TR2 выражается в следующем: более компактный заголовок текста в версии перевода TR2 (соответствующий комментарий переводчика процитирован нами ранее), обоснованные синтаксические трансформации – устранены повторы, в отдельных случаях текст перевода легче читается, устранены искусственные связи (противопоставления). Однако в ряде случаев, напротив, в тексте перевода используются сложные синтаксические конструкции, при попытке объединить предложения, сократить либо конкретизировать текст возникают неясности, неточности. Сохраняются избыточность, несоответствие стилю, смешение кириллицы и латиницы, нарушения сочетаемости, узуса, согласования, ошибки в оформлении числительного. Более тщательная проверка и поиск информации позволили бы переводчику избежать ошибок выбора лексического эквивалента, неточности в названии номинации (награды) при наличии прецедентного варианта.

У5.МАГ.2

Выполняя переводческий анализ TR1, испытуемый оставляет комментарии в свободной форме, которые, тем не менее, можно сгруппировать:

Семантика, прагматика, стилистика: «В переводе я старался(лась) как можно более точно передать значимую информацию (данные о выставках, названия

устройств и организаций). В тексте также имелась информация, основной целью которой было привлечь внимание читателя к достоинствам нового телефона – в таких случаях я перефразировал(а) формулировки, чтобы получившийся текст выглядел правильно с точки зрения стилистики русского языка, сохраняя при этом основное содержание. Однако я остерегался(лась) слишком далеко отходить от текста оригинала, так как это могло бы вызвать вопросы у потенциального заказчика». Лексика: «После редактуры (при переходе от версии перевода TR1.1 к версии TR1.2. – *T.B.*) я также решил(а) разобраться с терминами, обозначающими разные типы экранов. Я решил(а) объяснить латинские аббревиатуры в первом абзаце текста, а затем использовать их в некоторых местах текста наряду с другими обозначениями». Описывая стратегию перевода STR2, испытуемый отмечает, что «стратегия перевода, касающаяся способов передачи фактической информации, в целом не изменилась», были внесены изменения на уровне лексики и стилистики.

На уровне переводческих решений положительная динамика TR1–TR2 выражается в следующем: в ряде случаев в TR2 применяются обоснованные синтаксические трансформации, в отдельных случаях текст перевода легче читается. Отдельные переводческие решения на уровне лексики позволяют учесть нужды целевой аудитории («широкая группа заинтересованных пользователей»). Однако в ряде случаев, напротив, используются сложные синтаксические конструкции, аббревиатуры, смешение кириллицы и латиницы. Сохраняются искусственные связи (противопоставления), избыточность, неясности, несоответствие стилю текста, нарушения узуса, орфографические и пунктуационные ошибки. Более тщательная проверка и поиск информации позволили бы переводчику избежать ошибок выбора лексического эквивалента, неточности в названии номинации (награды) при наличии прецедентного варианта.

Связь стратегии перевода и дискурсивно-коммуникативной модели перевода можно дополнительно проследить в комментариях испытуемых об использовании модели, например:

У1.МАГ.2

«Придерживаюсь мнения о том, что дискурсивно-коммуникативная модель – один из наиболее эффективных инструментов переводческого анализа. С ее помощью можно не только выявить наиболее значимые особенности / трудности исходного текста, но и последовательно составить переводческую стратегию, направленную на их решение. Использование модели упрощает процесс перевода, делает его более эффективным. Перевод при помощи модели имеет еще одно важное, на мой взгляд, отличие от перевода, выполненного без нее. С помощью модели можно «отпустить текст». Это, конечно, не означает, что можно позволять себе убирать / добавлять информацию, изменять стиль текста и т.д. Мне кажется, что в процессе такого перевода невольно получается сделать готовый текст легче, не утяжеляя его прямым следованием английской конструкции (все уже заранее проанализировано, решения сформированы, цели поставлены¹³). Определенные переводческие трансформации

можно производить избирательно: допустим, сохранить особенности на уровнях дискурса и коммуникации, но преобразовать ИТ на уровне текста».

У2.МАГ.2

«Изначально я составил(а) дискурсивное досье, на основе которого создала новый перевод текста. Всякий раз, когда возникали трудности или проблемы с выбором варианта перевода, обращался(лась) к модели».

У4.МАГ.2

«Анализ текста оригинала с помощью дискурсивного досье помог дополнить общее представление о тексте. В тексте перевода были исправлены не только некоторые недочеты в лексике, но текст также был проверен на соответствие дискурсивных характеристик: переданы ли цели и ценности, выдержана ли тематика. Дискурсивно-коммуникативная модель при анализе текста помогает лучше понять автора, а значит, при переводе легче будет передать весь заложенный в текст смысл».

По результатам пилотного экспериментального исследования на данном этапе можно сделать следующие выводы. В отношении характера использования модели, выраженного переводчиками эксплицитно либо имплицитно, мы можем выделить две основные тенденции с возможностью их комбинации. Во-первых, дискурсивно-коммуникативная модель перевода функционирует как аналитический инструмент переводчика – так, переводчики указывали, что дискурсивно-коммуникативная модель перевода оптимизирует (упрощает) процесс перевода, позволяет «дополнить общее представление о тексте», «лучше понять автора». Модель вписывается в челночный характер процесса перевода. Во-вторых, можно зафиксировать «эффект второго прочтения», под которым мы понимаем естественное, на наш взгляд, желание переводчика внести изменения в собственный перевод при повторном его прочтении. Так, изменения в версию перевода TR2 вносятся с целью привести текст в соответствие с лексическими конвенциями в текстах на сайте производителя, уточнить смысл, облегчить чтение перевода, устранить лексические и стилистические недочеты.

Таким образом, дискурсивно-коммуникативная модель перевода позволяет точнее оценить и детальнее проанализировать исходный текст, более осознанно подойти к структуре, стилистике, прагматике перевода. Однако модель не заменяет общей профессиональной квалификации переводчика, не отменяет необходимого профессиональному переводчику уровня владения родным языком и умения выстраивать причинно-следственные и иные логические связи, владения приемами перевода, знания правил орфографии и пунктуации, умения использовать необходимые для выполнения перевода параллельные тексты и справочные ресурсы. Ошибки переводчиков нередко носят системный характер и остаются незамеченными при работе над версией перевода TR2. Кроме того, в ряде случаев подробный анализ исходного текста по модели не находит реализации в стратегии перевода (переводческих решениях) и не позволяет добиться существенных улучшений в версии перевода TR2. Привлечение дополнительных групп испытуемых и

анализ взаимных комментариев переводчиков (возможность испытуемых дополнительно прокомментировать работы друг друга, сравнивая версии перевода

TR1 и TR2) позволят уточнить полученные данные и установить возможные конфигурации параметров, регулируемых и не регулируемых моделью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мы осознаем, что переведенный текст не обязательно может быть опубликован в соответствующем разделе на сайте YotaPhone без дополнительной обработки, но по условиям эксперимента (в соответствии с полученным испытуемыми переводческим заданием) текст не подвергался специально адаптации или рерайтингу.
- ² Подробнее о реперных точках см. [3].
- ³ Переводы и комментарии испытуемых приводятся в авторской редакции, орфография и пунктуация сохранены.
- ⁴ Отметим, что заголовок переведен не во всех работах; в переведенных заголовках испытуемые допускают пунктуационные ошибки.
- ⁵ В скобках заметим, что порядок слов в заголовке создает неясность, смартфон YotaPhone vs. дисплей YotaPhone.
- ⁶ Обращает на себя внимание определение жанра исходного текста: пресс-релиз vs. обзор или рецензия в других работах.
- ⁷ «Соотношение данного текста со множеством других текстов, ориентированных на описание одних и тех же событий» [7. С. 73].
- ⁸ Мы предлагаем следующие толкования: если речь идет о пересечении разных дискурсов в конкретном исходном тексте, можно говорить об интердискурсивности. Если речь идет о частотных наборах текстов и пересекающихся дискурсов (с которыми переводчик сталкивается в ходе профессиональной деятельности) с более или менее *устойчивыми* характеристиками, целесообразнее говорить о полидискурсивности (вслед за Е.В. Белоглазовой [8. С. 70]). Связующая точка (например, тема, направление, ценности) в нашей концепции становится признаком интердискурсивности в конкретном тексте либо при наличии повторяющихся характеристик – полидискурсивности в однотипных исходных текстах.
- ⁹ Параметры предложено выбрать из списка, составленного с опорой на [9. С. 42–53].
- ¹⁰ В инструкции эксперимента предложено следующее пояснение: «Функции коммуникации традиционно включают когнитивную, коммуникативную, побудительную, эмотивную, метаязыковую, фатическую, эстетическую функции».
- ¹¹ Отметим, что испытуемые группы МАГ.2 имеют возможность дополнительно опираться на свой исследовательский опыт, обращаться к библиографии собственных магистерских диссертаций.
- ¹² Ошибка в оформлении числительного при передаче на русский язык сохраняется и в тексте перевода, и в комментарии переводчика.
- ¹³ Очевидно, что именно такую цель в идеале преследует любой (пред)переводческий анализ; на первом этапе (TR1) испытуемые могли использовать любые схемы анализа по своему усмотрению. Позволим себе предположить, что схема анализа по модели для формирования стратегии перевода на втором этапе (TR2) воспринимается переводчиком как более эффективная.

ЛИТЕРАТУРА

1. YotaPhone Review – Specs & Features of LCD & e-ink dual display Android Phone. URL: <http://b4tea.com/information/review-information/Yotaphone-review-lcd-e-ink-dual-display-phone> (дата обращения: 19.10.2018).
2. Волкова Т.А. От модели перевода к стратегии перевода. М.: Флинта; Наука, 2016.
3. Волкова Т.А. Реперные точки как инструмент экспериментального исследования и оценки качества перевода // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 850–853.
4. YotaPhone признан лучшим мобильным устройством Международной выставки потребительской электроники (CES) 2013 года, по версии CNET. URL: https://yotaphone.com/media/pressreleases/russia/788a3-yotaphone_and_boca_winner_release_rus.docx (дата обращения: 19.10.2018).
5. YotaPhone Wins the CNET Best of CES Award for Hottest Mobile Device at the 2013 International CES. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20130110006316/en/YotaPhone-Wins-CNET-CES-Award-Hottest-Mobile> (дата обращения: 19.10.2018).
6. Защитное стекло Gorilla Glass. URL: <http://www.mvideo.ru/obzor-gorilla-glass> (дата обращения: 19.10.2018).
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2006.
8. Белоглазова Е.В. Полидискурсивность как особый исследовательский фокус // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2009. № 3. С. 66–71.
9. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 18 ноября 2018 г.

Testing a Discourse and Communication Translation Model: A Pilot Translation Experiment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 27–37.

DOI: 10.17223/15617793/444/3

Tatiana A. Volkova, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: tatia.volkova@gmail.com

Keywords: discourse and communication translation model; translation strategy; translation experiment; translation; discursive profile; translation analysis; institutional discourse; translation model.

The article focuses on a pilot translation experiment aimed at showing the correlation between a translation strategy and a discourse and communication translation model comparing model-based and non-model based translations. The source text used for the experiment is a review describing a new smartphone. Participating in the experiment are second-year master students of the Faculty of Linguistics and Translation, Chelyabinsk State University. At the first stage of the experiment, the participants were given the text to translate from English into Russian (version TR1). At the second stage, they were given the same text to translate applying the discourse and communication translation model (version TR2) and were asked to write down a discursive profile and the final translation strategy with the model applied. The participants were allowed to use any resources they needed when analyzing and translating. The author compares the source text segments and their respective model-based (TR1) and non-model based (TR2) translations, discursive profiles and translation strategies developed by the participants of this particular experimental group. Translation versions TR1 and TR2 and the two main groups of translators' solutions are compared: solutions implemented with regard to the specified experimental markers; solutions that translators explicitly emphasize when describing their translation strategies. In terms of the model application, two potentially combinable trends have emerged. First, the discourse and communication translation model serves as a translator's analytical tool: translators noted that the model streamlined the process of translation. Second, there is a natural tendency among translators to make changes to the target text upon second reading for it to sound better, to meet the lexical norms established in similar texts posted on the official website of the manufacturer, to make the target text more accurate or to eliminate

lexical errors and stylistic flaws. The discourse and communication translation model provides a more accurate evaluation and more profound analysis of the source text, as well as a more informed approach to the target text structure, style and pragmatics. However, in some cases the detailed model-based analysis of the source text does not transform into appropriate translation strategies (translation solutions). The model is by no means a substitute for the overall professional competence of a translator as translators are expected to demonstrate mother tongue proficiency and logic, check spelling and punctuation, possess a variety of translation skills and use parallel texts and reference sources.

REFERENCES

1. B4tea.com. (n.d.) *YotaPhone Review – Specs & Features of LCD & e-ink dual display Android Phone*. [Online] Available from: <http://b4tea.com/information/review-information/Yotaphone-review-lcd-e-ink-dual-display-phone>. (Accessed: 19.10.2018).
2. Volkova, T.A. (2016) *Ot modeli perevoda k strategii perevoda* [From translation model to translation strategy]. Moscow: Flinta; Nauka.
3. Volkova, T.A. (2018) Repernye točki kak instrument eksperimental'nogo issledovaniya i otsenki kachestva perevoda [Reference points as a tool for experimental research and evaluation of translation quality]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Is. XXXIV. pp. 850–853.
4. Yotaphone.com. (2013) *YotaPhone priznan luchshim mobil'nyim ustroystvom Mezhdunarodnoy vystavki potrebitel'skoy elektroniki (CES) 2013 goda, po versii CNET* [YotaPhone recognized as the best mobile device of the International Consumer Electronics Show (CES) 2013, according to CNET]. [Online] Available from: https://yotaphone.com/media/pressreleases/russia/788a3-yotaphone_and_boca_winner_release_rus.docx. (Accessed: 19.10.2018).
5. Businesswire.com. (2013) *YotaPhone Wins the CNET Best of CES Award for Hottest Mobile Device at the 2013 International CES*. [Online] Available from: <https://www.businesswire.com/news/home/20130110006316/en/YotaPhone-Wins-CNET-CES-Award-Hottest-Mobile>. (Accessed: 19.10.2018).
6. Mvideo.ru. (n.d.) *Zashchitnoe steklo Gorilla Glass* [Gorilla Glass cover glass]. [Online] Available from: <http://www.mvideo.ru/obzor-gorilla-glass>. (Accessed: 19.10.2018).
7. Chudinov, A.P. (2006) *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow: Flinta; Nauka.
8. Beloglazova, E.V. (2009) Polydiscursivity as special research focus. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 3. pp. 66–71. (In Russian).
9. Chudinov, A.P. (ed.) (2009) *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern political communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Received: 18 November 2018

Т.Ф. Волкова

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СУДЕБНОГО ОРАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПРЕНИЯХ)

Поставлена проблема изменения стандартов ораторской судебной практики в начале XXI в. Проанализирована речевая деятельность современного судебного оратора как конкретной языковой личности. Для судебной речи адвоката типичны не только логичность, правильность в качестве базовых характеристик, но и широкое использование речевых клише, стилистическое однообразие, эмоциональная сдержанность, связанные с влиянием современной языковой ситуации и индивидуальными особенностями говорящего.

Ключевые слова: судебный оратор; судебная риторика; языковая личность.

В последние десятилетия в связи с интенсивным развитием антропоцентрической парадигмы науки языковая личность активно изучается во многих аспектах: лингвостилистическом, психолингвистическом, социолингвистическом, когнитивном, лингвокультурологическом, лингводидактическом и др. [1. С. 25–31]. Широко обсуждаются проблемы эффективности коммуникации человека, свидетельствующей об уровне его развития в целом. В рамках лингвоперсонологии изучается вопрос о критериях результативности, успешности профессиональной языковой личности, прежде всего, связанных с речевой практикой. Фрагментарно описана речь конкретных представителей профессии актера [2], политика [3, 4], телеведущего [5]; в последние годы появились монографические исследования, в которых рассматриваются языковые личности видных деятелей науки [6, 7], спортивных комментаторов [8, 9], переводчиков [10].

Один из типов профессиональной реализации индивида, вызывающий пристальное внимание исследователей, – судебный оратор. Целый ряд работ посвящен основам судебной риторики [11–15]; начинают рассматриваться типологические признаки языковой личности юриста [16, 17]. При обращении к этому объекту развивается и лингвоперсонологическое направление. Теоретик судебного красноречия П.С. Пороховщиков (писавший под псевдонимом П. Сергеев) сделал отдельные наблюдения по поводу факторов успешности таких судебных ораторов прошлого, как А.Я. Пассовер, В.Д. Спасович, А.Ф. Кони, С.А. Андриевский и др., в широко известной книге «Искусство речи на суде», впервые опубликованной еще в 1910 г. [18]. Речь известного судебного оратора В.Д. Спасовича анализировал и В.В. Виноградов [19]. В последние два десятилетия предметом детального лингвистического описания стали языковые личности выдающихся судебных ораторов XIX – начала XX в.: Ф.Н. Плевако [20], государственного обвинителя А.Ф. Кони [21, 22], адвокатов С.А. Андриевского и Н.П. Карабчевского [23]. В то же время ораторская практика современных юристов в лингвоперсонологическом аспекте практически не изучена.

Говоря о традициях судебного красноречия XIX – начала XX вв., можно выделить ряд характерологических черт. В.В. Виноградов отмечал смешение стилей при написании текста судебных выступлений, стандартность композиции, задаваемой рамками судебного

го разбирательства, опору на актуальные морально-нравственные топосы, например, порядочность, охрана семьи и т.д. В качестве главных особенностей ораторской практики В.Д. Спасовича им отмечены названные выше особенности, а также использование манипулятивных приемов [19].

Своеобразие судебных речей Н.Ф. Плевако объясняется их когнитивными особенностями (приемами убеждения и воздействия, основанными на обращении оратора к знаниям слушающего, отражающим систему ценностей), выстраиванием убедительной системы доказательств с опорой на законы логики, языковыми характеристиками в виде ярко выраженного синкретизма публицистического, официально-делового, научного, художественного и разговорного стилей, широкого использования приема метафоризации (олицетворения), императивных форм глагола, экспрессивного синтаксиса [20. С. 5–6]. Согласно выводам З.В. Баишевой, А.Ф. Кони как судебному оратору были присущи «высокая нравственность; владение лексическим богатством русского языка; логикой изложения и логикой рассуждения; умелое использование в речи средств выразительности» [21. С. 42]. Т.В. Артёмова отмечает сочетание аналитичности и «рассказовости» как две основные черты ораторской манеры Кони [22. С. 12].

Эффективность профессиональной речевой деятельности адвоката определяется О.В. Климович через свободное владение языковыми, коммуникативно-прагматическими, этическими и риторическими нормами. Адвокаты С.А. Андриевский и Н.П. Карабчевский характеризуются использованием разнообразных эффективных стратегий речевого поведения (защита, нападение, психологическое воздействие). Убедительность как базовое свойство судебной речи проявляется в точности выбора слов, образности и эмоциональности, использовании изобразительно-выразительных средств языка, в том числе образов из художественной литературы [23]. Обобщая, можно выделить главные черты речи судебных ораторов, считающихся эталонами красноречия: смешение стилей, правильность, точность, логичность речи, богатство и выразительность языка.

В статье ставится задача описания речевой деятельности судебного оратора наших дней как конкретной языковой личности. Это важно для постановки проблемы трансформации черт судебного красно-

речия начала XXI столетия в профессиональной речи ратора.

Исследуемая языковая личность – один из успешных адвокатов г. Томска (обозначим его как А.Г.). Имеет два высших образования: историческое и юридическое. В сфере юриспруденции работает 22 года. Адвокатской деятельностью занимается в течение 17 лет, имеет значительный опыт публичных выступлений. Выбор данного информанта для исследования был обусловлен, с одной стороны, его плодотворной адвокатской деятельностью, с другой – возможностью доступа к существующим материалам в виде набросков речей в прениях и аудиозаписям, а также личного наблюдения индивида в профессиональной деятельности. Объем материала – 13 582 слова, количество записанных устных выступлений – 12, записи сделаны в 2016–2018 гг.

Проанализируем особенности проявления базовых качеств хорошей речи [24. С. 162–163] в выступлениях А.Г. Наличие этих качеств считается основным условием эффективности, убедительности судебной речи [12. С. 13–25]. Правильность понимается как нормативность [24. С. 162]. Н.Н. Ивакина указывает, что судебный оратор должен соблюдать как языковые, так и стилистические нормы [12. С. 12]. Изучаемая нами языковая личность в большинстве случаев соблюдает орфоэпические, морфологические, лексические и синтаксические нормы. Иногда в набросках речей отмечены ошибки, например, орфографические: *согласно данному заключению*; *Согласно заключению дополнительной судебно-медицинской экспертизы*; пунктуационные: *Хотя налицо, что такое положение было удобно прежде всего самой К.*; *Как установлено материалами уголовного дела К. осуществляла предпринимательскую деятельность оказывая населению услуги юридического характера*; *Следовательно можно сделать обоснованный вывод о том, что К фактически занималась лжепредпринимательством*; речевые: *Следовательно, действия Г. надлежит квалифицировать, как минимум (надо «как максимум»), по ч. 1 ст. 118 УК РФ – причинение тяжкого вреда по неосторожности*. Неверное использование предлога «согласно» носит системный характер, речевая ошибка единична, запятые пропускаются часто, но нет определенных нарушаемых правил, так как невыделенные в вышеприведенных примерах вводные слова, деепричастные обороты в других случаях выделяются на письме. Имеются и лишние знаки: *За всё время предварительного следствия, никто из сотрудников полиции не обратил внимания на объяснение В.*

Особого внимания заслуживает вопрос соблюдения судебным оратором стилистических норм. Вопрос о стилевой принадлежности судебной речи остается открытым. Например, М.Н. Кожина относит судебную речь к устному жанру юрисдикционного подстиля официально-делового стиля [24. С. 275]. Н.Н. Ивакина считает этот жанр разновидностью публицистического стиля, «который включает в себя элементы официально-делового и научного стилей» [12. С. 48].

Анализ особенностей выступлений А.Г. показал, что их стиль можно квалифицировать как официально-деловой, включающий элементы публицистиче-

ского. О синкретизме всех стилей речь не идет. Вероятно, это то новое, что появилось в XX в. и развивается в настоящее время. Этот стиль языковой личностью хорошо освоен, он отражает новые черты речи раторов, отличающиеся от принятых в прошлом принципов построения эффективных публичных выступлений в судебной практике.

На морфологическом уровне зафиксировано обилие отглагольных существительных, чаще всего терминов, и страдательных кратких причастий, которыми заменяются глаголы: *указано, отнесено, совершено, применим, нивелированы, сохранено, освобожден* и др. *Возникновение возгорания паров «Уайт Спирита» возможно только при условии попадания источника зажигания непосредственно в объем паровоздушной смеси; В процессе оказания медицинской помощи было введено две инъекции наркотических средств; Измерить количество оставшегося в канистре уайт-спирита ни для следствия, ни для экспертов работников никакой сложности не представляло*. В том числе отмечено частое использование глагольно-именных сказуемых: *принимать меры, вступить в брак, искать конфликты, пройти путь, оправдать доверие, иметь место, перестроить жизнь*; словосочетаний с зависимым словом в родительном падеже: *итог встречи, отрезок времени*. Деепричастные и причастные обороты уточняют отдельные признаки, действия: *Таким образом, размер полученного В. только комиссионного вознаграждения (не считая заработной платы) вдвое превышает доход, полученный самой К. за 2014–2015 года – 51 217 рублей 25 копеек*.

Пассивные конструкции и глагольно-именные формы используются как при приведении фактов, так и в оценочных высказываниях. Это говорит о хорошем владении книжным стилем речи, стремлении к точности. Возможно, при помощи пассивных конструкций говорящий дистанцируется от ситуации. Это хотя и способствует объективности, официально-сти, безличности повествования, но снижает степень психологического воздействия, демонстрируя сдержанность, придавая текстам излишнюю наукообразность, сухость, лаконичность.

На лексическом уровне можно отметить широкое использование книжных слов, специальной юридической терминологии и штампов: *законодатель, дело, деяние, инкриминируемое деяние, подзащитный, подсудимый, потерпевший, квалификация, преступление небольшой тяжести, предварительное следствие, ходатайство, в порядке особого судопроизводства, правовые основания, противоправное поведение, незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, совершенное с применением насилия, борьба с преступностью, подвергать избиению, сектор трудовой адаптации, антисоциальная и криминальная направленность* и др. С одной стороны, использование терминов делает речь А.Г. точной, лаконичной, с другой стороны, обедняет, она становится менее выразительной. Однако сказать, какая речевая практика эффективна в наши дни, однозначно на данный момент невозможно. Использование языковых средств официально-

делового стиля необходимо для именования элементов состава преступления, процессуальных действий и документов, для формулирования выводов о фактических обстоятельствах дела.

Особенности публицистического стиля должны проявляться в сочетании информативности и воздействия. Информативность проявляется в речевых стандартах, использовании нейтральной лексики, а воздействие – в использовании оценочной лексики, особым синтаксисе [24. С. 313]. Вопрос о соблюдении или несоблюдении норм публицистического стиля в выступлениях адвоката остается открытым. Выделены отдельные элементы, которые не типичны для официально-делового стиля.

К публицистическому стилю выступления А.Г. приближает апелляция к нравственным ценностям (**совесть, порядочность, честность**): *Ваша честь, я убежден, что при рассмотрении данного дела и принятии по нему решения, помимо закона, мы все должны руководствоваться тем подсознательным, что у **порядочных**, я подчеркиваю, **порядочных** людей называются **совестью**; **непорядочность в противовес честности**: Так думать могут только те люди, которые **ни дня** не занимались оперативной работой как таковой, **ни разу** не задерживали преступников, а только способны из своих теплых служебных кабинетов давать указания и привлекать к уголовной ответственности невиновного сотрудника милиции, **честно** и в соответствии с законом выполнившего свой долг; **легкомысленность, бессовестность** как причина несчастья: **Ведь, если бы К. не искал приключений, не думал, что ему все дозволено, то все бы в порядке было и у семьи Г., и у семьи К.** Инициатором конфликта мой подзащитный не был, не мог заранее предвидеть, чем закончится данное поведение К. для него, поэтому и защищался, как мог.*

В выступлениях оратора наличествуют конструкции, делающие речь персонализированной: *Я считаю, я думаю, по мнению защиты, я уверен, и др.* Еще одной стилевой чертой публицистического стиля можно считать соединение книжной и разговорной лексики и оборотов в пределах одного контекста, особенно во вступлениях, а также при характеристике личности и анализе причин совершения преступления: *В своем заявлении о **совершении В. преступления К. ни слова не пишет про наличие актов приема-передачи денежных средств**, которые в дальнейшем появились, когда стало понятно, что вину В. не доказать.*

О ведущем месте логичности как качества речи эффективной языковой личности юриста говорят многие исследователи [11, 18, 20, 21 и др.]. В данной работе произведен анализ приемов и методов доказательства, видов аргументов, а также языковых средств, способствующих связности речи. Композиционно-логическое строение речи адвоката, с одной стороны, должно быть стандартно: зачин, вступление, анализ фактических обстоятельств дела и юридической стороны предъявленного обвинения, характеристика личности подсудимого, заключение. С другой стороны, выступление защитника более вариативно

по сравнению с обвинительной речью, так как целью выступает стремление убедить суд в правильности собственных выводов, переубедить, разрушить доводы оппонента – прокурора [25. С. 15–19]. Построение речи должно зависеть и от цели конкретной речи. Н.Н. Ивакина утверждает, что в ней отчетливо проявляется связь логико-смысловой структуры и замысла. Если виновность подсудимого доказана, защитнику нужно сконцентрироваться на анализе причин совершения преступления, поиске смягчающих обстоятельств. Эмоциональные средства воздействия уместны, по мнению Н.Н. Иванкиной, в особенной степени, если «фабула дела ясна» [12. С. 71]. Например, в одном из выступлений А.Г. делает акцент не на анализе фактических материалов дела, а на характеристике личности подзащитного, потому что целью речи было вызвать сочувствие и доверие к личности подсудимого. Выбор цели был обусловлен эстралингвистической ситуацией: преступление квалифицировалось по степени тяжести как небольшое, подзащитный дал признательные показания. Но данное выступление, скорее исключение, чем правило. В остальных случаях оратор сосредоточивает внимание на анализе имеющихся доказательств (показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключенного и показания эксперта).

В текстах информанта имеются различные приемы создания логичного текста, составляющие систему доказательства: косвенные и прямые приемы доказательства, индуктивный и дедуктивный методы, аналогия, опровержение. Отмечены разнообразные виды аргументов, при помощи которых производится доказательство. Это факты и ссылки на законы: ***Само преступление было совершено Г. исключительно из-за противоправного поведения потерпевшего К.*** (тезис), *который в свою очередь также совершил в отношении Г. преступление небольшой тяжести, предусмотренное ч. 2 ст. 139 УК РФ – **незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, совершенное с применением насилия*** (ссылка на закон, касающийся точной квалификации преступления как противоправного действия, прямое доказательство, дедукция); *Потерпевший К., приехав в с. Парabelь из города Северска, был радушно принят семьей Г., вместе с ними провел вечер, после чего ушел, никаких поводов для конфликтов не было. Сам же Г. лег спать в квартире по ул. Ш., 118-б, которую он арендовал вместе с супругой* (факты, взятые из материалов дела); аргументы к авторитетному мнению говорящего: *Я уверен, что, **знай Г., каков будет итог его встречи с К., он положил бы на лестничную ступеньку свою голову первый**, лишь бы с К. ничего не произошло*; аргументы к личности: ***Инициатором конфликта мой подзащитный не был, не мог заранее предвидеть, чем закончится данное поведение Кондратьева для него, поэтому и защищался, как мог.***

Независимо от цели выступлений, аргументы всегда располагаются в выигрышном порядке: сильные – средние – наиболее сильный. Для доказательства одного тезиса используются от 1 до 4 аргументов. При этом рациональные доводы чередуются с эмоцио-

нальными оценками. Для текстов характерна также кольцевая композиция: тезис – доказательства – доказанный тезис: *Как я уже говорил ранее, Г. обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести (тезис 1). Данное преступление он совершил в период условно-досрочного освобождения от наказания по приговору Парабельского районного суда Томской области. Г. был освобожден условно-досрочно Асиновским городским судом Томской области, так как администрация исправительного учреждения ЯУ-114/2 не возражала против этого* (сильный аргумент – факт как ссылка на документ, прямое доказательство, индукция). *В процессе отбывания наказания Г. соблюдал принятые нормы поведения и правила внутреннего распорядка... имел положительные планы на будущее* (средний аргумент, пример и оценка). ***Все эти обстоятельства указаны в постановлении Асиновского городского суда Томской области, которые судом были проверены и приняты*** (сильный аргумент, факт), *что послужило основанием для освобождения Г. от отбывания дальнейшего наказания (доказанный тезис 1). С момента освобождения и до совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ, прошло два года. Давайте подробно остановимся на том, как же жил этот отрезок времени Г. (тезис 2). Не покривлю душой, если скажу, что Г. полностью оправдал доверие, оказанное ему исправительным учреждением и судом* (аргумент 1, сильный, факт как ссылка на документы-характеристики). *За время условно-досрочного освобождения Г. ни разу не нарушил обязанности, возложенные на него судом, положительно характеризуется сотрудниками Парабельского РОВД УВД Томской области, отвечающими за надзор за условно осужденными, трудоустроивался по мере возможности подсобным рабочим к индивидуальному предпринимателю З. и консультантом в магазин «Мастер», по обоим местам работы характеризуется только положительно. В настоящее время Г. стоит на учете в центре занятости населения Парабельского района Томской области, то есть принимает меры по своему трудоустройству* (аргумент 2, примеры и оценка). *В семейной жизни у Г. также все складывалось хорошо, он вступил в брак с В., у них родился сын В. (аргумент 3, положительная оценка семейного положения). Таким образом, все вышеприведенные доводы позволяют сделать обоснованный вывод, что у Г. с момента освобождения полностью отсутствовала криминальная и антисоциальная направленность в поведении, он полностью перестроил свою жизнь на позитивный лад* (доказанные тезисы 1 и 2).

Анализ употребления языковых средств, способствующих логичности речи, показал, что они типичны для многих ораторов [20, 21], но их индивидуальный набор может быть шире или уже. В речи изучаемой личности выделены средства выражения логических связей, указывающие на: последовательность развития мысли (*давайте подробно остановимся, прежде всего, в свою очередь, кроме, также*), на причинно-следственные, условные отношения (*так как, поэтому, поскольку, исключительно из-за, без всяких на то*

причин, в результате чего; если бы, то; знай, он бы; лишь бы), на отношения противопоставления (*ведь, же, но, в то же время*), на итог, вывод (*следовательно, таким образом*). В качестве внутритекстовых средств связи используются местоимения, прилагательные и причастия *этот, последний, данный, следующий, вышеприведенный* и др.: *Вот в принципе все показания потерпевших и свидетелей, которые, несмотря на всю их противоречивость, по моему мнению следствия, доказывают вину Х. Кроме этих показаний есть и письменные якобы доказательства*.

У исследуемой языковой личности встречаются также «авторские ремарки» – по определению З.В. Баишевой, «выражения, привлекающие внимание аудитории к последующему высказыванию, поясняющие порядок изложения, основные цели речи или задачи, решаемые в данной части выступления» [21. С. 24]. «Авторские ремарки» выполняют в его речи разнообразные функции. С их помощью адвокат 1) даёт объяснение, почему избрана такая последовательность изложения: *Прежде всего, я хочу остановиться на квалификации деяния моего подзащитного и причинах совершения преступления, которое законодателем отнесено к преступлениям небольшой тяжести*; 2) объясняет, почему не нужно обращаться к этому вопросу: *Поскольку Г. на предварительном следствии полностью признавал свою вину в инкриминируемом ему деянии и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке особого судопроизводства, оспаривать предложенную квалификацию у меня нет никаких правовых оснований*; 3) указывает на повторяющуюся информацию: *Как я уже говорил ранее, Г. обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести*; 4) сообщает, к какому вопросу переходит: *Давайте подробно остановимся на том, как же жил этот отрезок Г.*; 5) демонстрирует свое отношение к предмету речи: *Я понимаю, как трудно суду вынести в нашем государстве оправдательный приговор невиновному человеку*; 6) объясняет то, что уже доказано: *Ваша честь, я считаю, что Г. может быть сохранено условно-досрочное освобождение с учетом обстоятельств совершения преступления, инициатором которого подсудимый не был, с учетом поведения Г. на предварительном следствии, с учетом всех характеристик*.

Богатство выделено как важная черта судебной речи рядом ученых [12, 21, 24 и др.]. Хотя детальный анализ лексикона языковой личности пока не проводился, в том числе отсутствуют количественные подсчеты, можно утверждать, что на развитость словарного запаса указывает наличие разговорной и книжной, нейтральной и экспрессивно-эмоциональной, общеупотребительной и специальной лексики, фразеологии. Прежде всего, разнообразят речь и делают ее более выразительной книжные слова и фразеологизмы: *постулат, нивелировать, сподвижник, безропотно, вопиющий, все дозволено, положить голову, а также разговорные выражения: идти на поводу, не покривить душой, искать приключений (на свою голову), приличный (в значении «хороший») доход, не удосужиться, лад, переживать* и др. Они концентрируют внимание слушателей, так как немного-

численны, выражают оценку, индивидуальное отношение к людям и событиям. Книжные и разговорные слова и ФЕ в одном контексте выступают как сознательное сочетание, стилистически удачное: *В начале своего выступления, я, невзирая на итоговый результат данного дела, хотел бы поблагодарить суд за объективность и полноту, присутствующую на стадии судебного следствия, чего нельзя сказать о предварительном следствии, которое проведено просто безобразно; Следует отметить, что на всем протяжении следствия правоохранительные органы безропотно шли на поводу у потерпевшей К.*

Экспрессивная лексика для изучаемой личности также свойственна, но немногочисленна, а набор экспрессивных лексических средств ограничен. Это разговорные ФЕ (*выпасть на долю; остаться один на один*), эмоционально-оценочные глаголы (*рухнуть*), прилагательные (*несчастливая милиция, теплые служебные кабинеты*), существительные (*лжепредпринимательство, трагедия, тяготы, лишения*) и наречия (*безобразно, радушно*). Особенностью идиостиля информанта является употребление слов и словосочетаний с семой усиления, при оценке часто используются выражения с отрицательными частицами «не» и «ни»: *ни разу не нарушил; не будет раскрыто ни одно преступление, всё рухнуло и др.* К функциям экспрессивной лексики в речи оратора можно отнести обобщение информации, выражение эмоций при характеристике отрицательных и положительных личностных качеств участников событий, характеристику образа действий, оценку фактов.

Выразительность является, по мнению всех исследователей, писавших о знаменитых риториках прошлого, важной характеристикой речи судебного оратора. Выразительные средства способствуют поддержанию внимания, отражают ценностную картину мира, индивидуализируют стиль [11, 18, 20, 21, 23]. Так, О.В. Климович считает, что фигуры и тропы в речах изучаемых языковых личностей усиливают суггестивное воздействие [23. С. 15], эмоциональная лексика оказывает психологическое воздействие [23. С. 19]. При этом необычные средства отвлекают внимание, а общезыковые способствуют точности речи. Такого же мнения придерживается З.В. Байшева относительно присутствия в выступлениях Кони выразительных средств: «Умело использованные в речи средства выразительности обеспечивают судебному оратору эффективное решение всех задач, связанных с процессом убеждения» [21. С. 27]. Н.В. Пиримова пишет о воздействующей функции изобразительно-выразительных средств и элементов разговорной речи в судебных речах Ф.Н. Плевако [20. С. 9–11].

Для речи изучаемого судебного оратора характерно присутствие нескольких видов тропов и фигур речи, усиливающих убеждающее воздействие: синтаксического параллелизма (*Ведь, если бы К. не искал приключений, не думал, что ему все дозволено, то все бы в порядке было у семьи Г., и у семьи К.; может быть сохранено условно-досрочное освобождение с учетом обстоятельств совершения преступления, инициатором которого подсудимый не был, с учетом поведения Г. на предварительном следствии,*

с учетом всех характеристик Г. после его освобождения из исправительного учреждения; ...люди, которые ни дня не занимались оперативной работой как таковой, ни разу не задерживали преступников), инверсии (*инициатором конфликта мой подзащитный не был; К административной ответственности Г. не привлекался ни разу; в семейной жизни тоже всё складывалось хорошо*; он положил бы на лестничную ступеньку свою голову **первый**, лишь бы с К. ничего не произошло), градации: *Получается, что преступник начнет совершать кражу, грабеж, разбой, изнасилование, убивать самого сотрудника милиции, а уже после этого его подвергать обоснованному задержанию*». Выделены «логические» (риторические) вопросы: *Если, по мнению следствия, не достаточно при такой ситуации оснований для задержания при таких вопиющих обстоятельствах, то позволю себе спросить: «Какие же это должны быть основания?»*

Прецедентные тексты можно рассматривать как способ повышения выразительности и индивидуализации текста. Они демонстрируют эрудицию оратора. Так, в одном из выступлений адвокат использует цитату из литературного источника: *Известному немецкому писателю Эрих Мария Ремарку принадлежит фраза: «Человек сам причина своих ошибок». И этот постулат полностью применим к рассматриваемым нами событиям. Ведь, если бы К. не искал приключений, не думал, что ему все дозволено, то все бы в порядке было и у семьи Г., и у семьи К. Инициатором конфликта мой подзащитный не был, не мог заранее предвидеть, чем закончится данное поведение К. для него, поэтому и защищался, как мог.* В этой процитированной фразе значимо каждое слово. Всё выражение названо «постулатом», т.е. положением, принимаемым за истину без доказательств. Слово *человек* соотносится с необходимостью характеристики личности потерпевшего. Слово *ошибка* подразумевает квалификацию поведения человека, сознательно причинившего вред себе и другим людям. Необходимо подчеркнуть, что называть слова писателя постулатом – значит преувеличивать, гиперболизировать очевидность выражения. Отметим также трансформированное выражение «История не имеет сослагательного наклонения», автором которого считают немецкого историка Карла Хампе: *Но жизнь не предусматривает сослагательных наклонений, и машину времени ученые еще не изобрели.* Говорящий окончил исторический факультет, поэтому апелляция к выражению, связанному с историей, объяснима. При этом слово *история* заменено на слово *жизнь*, вероятно, здесь тоже проявилась особенность языковой личности – стремление обобщать, категорично оценивать.

Среди тропов ирония как средство непрямой оценки в речи А.Г. встречается часто и направлена на определенных людей и ситуации. Высказывания выражают сомнение в истинности суждения: *Для меня до знакомства с делом В. всегда оставалось загадкой, как работают юридические фирмы, обещающие в своих рекламных проспектах полное освобождение от кредитной задолженности, поскольку*

я прекрасно понимал, что в данной ситуации кредитор всегда прав, и существующая судебная практика практически в 100% на стороне кредитора, а не гражданина; За время годичного следствия сумма причиненного материального ущерба **чудесным образом** выросла до 1 130 813 рублей, то есть на 802 813 рублей больше, чем заявлено ранее. Типичным является ироническое уничижение: *Ознакомившись с делом В., выслушав пояснения потерпевшей К. и её сподвижников, я понял, что можно, практически ничего не делая, получать неплохой и что самое главное, никем не контролируемый доход; «Потерпевшая» К. используя непрофессиональный подход к расследованию уголовного дела, сумела убедить следствие, что В. совершила у нее хищение денежных средств.* Все высказывания сопровождаются интонацией неодобрения. Отмечен единичный случай иронического сожаления по поводу нереального факта: **Но жизнь не предусматривает сослагательных наклонений, машину времени ученые еще не изобрели.** Добавление информации о машине времени делает высказывание ироническим и еще более категоричным, так как любой человек понимает, что это научно-фантастическое, нереальное понятие.

Присутствуют единичные метафоры: **кривить душой говорить неправду, отрезок времени, все рухнуло исчезло, перестало существовать** и эпитеты: **дутые дела.** Лексические повторы более многочисленны: все вышеприведенные доводы позволяют сделать обоснованный вывод, что у Герасименко С.В. с момента освобождения **полностью** отсутствовала криминальная и антисоциальная направленность в поведении, он **полностью** перестроил свою жизнь на позитивный лад; я уверен, что мой подзащитный **оправдывает** доверие суда, как **оправдывал** его ранее; мы все должны руководствоваться тем подсознательным, что у **порядочных**, я подчеркиваю, **порядочных людей** называются совестью. В некоторых случаях лексические повторы превращаются в стилистическую погрешность: ...никакого бухгалтерского учета ИП К. **не вела**, что позволяло последней уходить от уплаты налогов, **вела** по сути незаконную предпринимательскую деятельность.

Итак, речам в прениях рассматриваемого адвоката свойственны логичность и правильность как базовые качества хорошей речи, в том числе судебной, выяв-

ленные в работах о выдающихся ораторах начала XX в. Выразительность и богатство проявлены слабее, создаются при помощи вкрапления книжной и разговорной лексики, экспрессивных элементов, прецедентных текстов. Оценки часто категоричны, языковым средством их выражения являются отрицательные частицы. Тропы единичны, используются уместно, ирония наиболее частотна, среди фигур речи, усиливающих аргументацию, предпочтение отдается параллельным конструкциям.

Специфические черты, отличающие современного судебного оратора от эталонов прошлого века, могут быть объяснены как влиянием времени, так и особенностями личности ратора, например, полученным гуманитарным (историческим) образованием, которое, предположительно, позволило сформировать культуру речи, общий уровень эрудированности. Если говорить о времени, то богатство и выразительность речей судебных ораторов конца – начала XX в. связаны с другой эпохой, несформированностью юридического языка, который был смесью научного, публицистического и художественного стилей. Конец XX – начало XXI в. характеризуется стандартизацией языка, загруженностью участников судебных прений, прагматичностью целей, в результате чего эмоциональность нивелируется. Использование клише хотя и не обогащает речь, но, возможно, в существующих условиях является эффективным приемом, опираясь на который, ритор достигает успеха.

Таким образом, в текстах речей в прениях находит отражение грамотная, эрудированная, образованная, компетентная, интеллектуальная, со стандартизированной речью, «не дотягивающая» до элитарной речевой культуры, сдержанная в эмоциях, но категоричная в оценках языковая личность современного оратора. На основе выступлений одной языковой личности практически невозможно сделать окончательные выводы об особенностях речевой деятельности современных судебных ораторов в целом. Можно предположить, что трансформация традиций судебного красноречия связана как с индивидуальными особенностями говорящего, так и с влиянием современной языковой ситуации. Опровергнуть или подтвердить это позволит дальнейшее исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
2. Волкова Т.Ф. К проблеме типологизации публичных языковых личностей // Молодой учёный. 2008. № 1. С. 101–104.
3. Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б. Речевой этикет как показатель сильной языковой личности политика // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 150–154.
4. Цуциева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 104–108.
5. Акаева Э.В. Языковая личность врача ведущего научно-популярной медицинской программы // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 57, № 24 (239). С. 189–190.
6. Федорченко И.А. Метафорическая и метаязыковая константы языковой личности академика В.В. Виноградова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
7. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.
8. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 46 с.
9. Асмус Н.Г. Языковая личность британского футбольного комментатора // Перевод и сопоставительная лингвистика. Вып. 12. С. 148–151.
10. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

11. Волков А.А. Курс русской риторики. М. : Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.
12. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М. : Юрист, 2007. 464 с.
13. Отургашева Н.В. Судебная риторика : учеб. пособие для дистанц. обучения и самост. работы студ. Новосибирск : СибАГС, 2006. 152 с.
14. Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Аргументация в судебной риторике // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 101–105.
15. Федулова М.А. Судебная риторика как составная часть ораторского искусства // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 81–85.
16. Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 19 с.
17. Ипатова И.С. Языковая личность юриста: вчера, сегодня, завтра // Государство и право в изменяющемся мире : материалы науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 5 марта 2016 г.). Н. Новгород : РГУП, 2016. С. 952–962.
18. Сергеич П. Искусство речи на суде. М. : Юрайт, 2016. 395 с.
19. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М. : Наука, 1980. Т. 5. 360 с.
20. Пиримова Н.В. Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф.Н. Плевако : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006. 24 с.
21. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007. 47 с.
22. Артёмов Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
23. Климович О.В. Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С.А. Андриевского и Н.П. Карабчевского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 20 с.
24. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котурова, А.П. Сковородников. М. : Флинта ; Наука, 2011. 696 с.
25. Мельников И.И., Мельников И.И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2003. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 мая 2019 г.

Speech Activity of the Modern Forensic Orator (On the Material of Speeches in Debates)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 38–45.

DOI: 10.17223/15617793/444/4

Tatyana F. Volkova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

Keywords: forensic orator; language personality; forensic rhetoric.

The problem of studying the traditions of forensic eloquence of the early 21st century is posed. The speech practice of a modern forensic orator is studied on the example of a certain language personality. The analysis of this speech practice is important for determining the features of forensic eloquence of the beginning of the 21st century in the professional speech of rhetoricians. The development of linguopersonology is due to the fact that a person as a culture bearer has been the focus of numerous studies in opposition to the technogenic approach. The problems of human communication effectiveness are widely discussed. In particular, the question of efficiency criteria of a professional language personality is open. There have been no works so far in which special aspects of the speech of an ordinary contemporary orator are considered in detail. The language personality under study is one of the successful lawyers in Tomsk. Thus, the speech of the lawyer in question is characterized by consistency and correctness as the basic qualities of good speech, including the court one, that were identified in the works on the outstanding speakers of the early 20th century. Expressiveness and richness are less manifested; they are created by units of bookish and colloquial vocabulary, evocative elements, precedent texts. Evaluation is often categorical, and negative particles are the linguistic means of its expression. Tropes are single and are used appropriately; irony is the most frequent among the figures of speech that reinforce the line of reasoning, and preference is given to parallel structures. The specific features that distinguish the modern forensic orator from the standards of the previous century can be explained both by the influence of the time and by the orator's personality, for example, a degree in the humanities (history) which, presumably, contributed to the formation of the culture of speech, the general level of erudition. Concerning the time, the richness and expressiveness of the speeches of forensic orators of the late 19th – early 20th centuries are associated with a different era, the unformed legal language that was a mixture of scientific, journalistic and literary styles. The late 20th and early 21st centuries are characterized by the standardization of the language, by the workload of forensic debate participants, by the pragmatic nature of the goals, which results in the leveling of emotionality. The use of clichés does not enrich speech, but in the current environment can be an effective technique for the orator to succeed. Thus, speeches in debates reflect the modern orator's language personality that is literate, erudite, educated, competent, intelligent, with standardized speech that is a little lower than the elite speech culture, restrained in emotions but categorical in assessments. On the basis of the speeches of one language personality, it is almost impossible to draw definitive conclusions about the features of speech practice of modern forensic orators in general. It can be assumed that the transformation of the traditions of forensic eloquence is connected both with the individual characteristics of the speaker and with the influence of the modern state of language. Further research will allow refuting or confirming this.

REFERENCES

1. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Lingvopersonology: Fundamentals of the theory of language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Volkova, T.F. (2008) K probleme tipologizatsii publicnykh yazykovykh lichnostey [On the typology of public language personalities]. *Molodoy uchenyy*. 1. pp. 101–104.
3. Ryadchikova, E.N. & Tkachukshinova, Zh.B. (2009) Rechevoy etiket kak pokazatel' sil'noy yazykovoy lichnosti politika [Speech etiquette as an indicator of a strong language personality of a politician]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i isskusstvovedenie – Bulletin of Adyghe State University. Series 2*. 4. pp. 150–154.
4. Tsutsieva, M.G. (2013) Linguistic personality of a politician as a dynamic phenomenon of discourse and text. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 5 (83). pp. 104–108. (In Russian).
5. Akaeva, E.V. (2011) Yazykovaya lichnost' vracha vedushchego nauchno-populyarnoy meditsinskoy programmy [The language personality of a doctor that hosts a popular medical program]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Isskusstvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Study of Art*. 57:24 (239). pp. 189–190.

6. Fedorchenko, I.A. (2002) *Metaforicheskaya i metazykovaya konstanty yazykovoy lichnosti akademika V.V. Vinogradova* [Metaphorical and metalinguistic language personality constants of Academician V.V. Vinogradov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
7. Parsamova, V.Ya. (2004) *Yazykovaya lichnost' uchenogo v epistolyarnykh tekstakh (na materiale pisem Yu.M. Lotmana)* [The language personality of a scholar the epistolary texts (on the material of the letters of Yu. Lotman)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
8. Malysheva, E.G. (2011) *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya* [Russian sports discourse: theory and methodology of a cognitive linguistic research]. Abstract of Philology Dr. Diss. Omsk.
9. Asmus, N.G. (2016) The language personality of the British football commentator. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*. 12. pp. 148–151. (In Russian).
10. Shevchenko, O.N. (2005) *Yazykovaya lichnost' perevodchika (na materiale diskursa B.V. Zakhodera)* [The language personality of the translator (based on the discourse of B.V. Zakhoder)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
11. Volkov, A.A. (2001) *Kurs russkoy ritoriki* [The course of Russian rhetoric]. Moscow: Izdatel'stvo khrama sv. much. Tatiany.
12. Ivakina, N.N. (2007) *Osnovy sudebnogo krasnorechiya* [The fundamentals of forensic eloquence]. Moscow: Yurist".
13. Oturgasheva, N.V. (2006) *Sudebnaya ritorika* [Forensic rhetoric]. Novosibirsk: SibAGS.
14. Zemlyakova, N.V. & Garbovskaya, N.B. (2017) The reasoning in forensic rhetoric. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 6. pp. 101–105. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2017.6.25
15. Fedulova, M.A. (2009) *Sudebnaya ritorika kak sostavnaya chast' oratorskogo iskusstva* [Forensic rhetoric as part of oratory]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 4. pp. 81–85.
16. Kubits, G.V. (2005) *Professionalizatsiya yazykovoy lichnosti (na primere yuridicheskogo diskursa)* [Professionalization of a language personality (on the example of legal discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
17. Ipatova, I.S. (2016) [The language personality of a lawyer: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchetsya mire* [State and law in a changing world]. Proceedings of the Conference. N. Novgorod. 5 March 2016. N. Novgorod: Russian Academy of Justice. pp. 952–962. (In Russian).
18. Sergeich, P. (2016) *Iskusstvo rechi na sude* [The art of speech in court]. Moscow: Yurayt.
19. Vinogradov, V.V. (1980) *O yazyke khudozhestvennoy prozy. Izbrannye trudy* [On the language of fiction. Selected Works]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
20. Pirinova, N.V. (2006) *Kognitivnaya obuslovlennost' i stilevoe svoeobrazie sudebnykh rechey F.N. Plevako* [Cognitive conditionality and stylistic originality of the forensic speeches of F.N. Plevako]. Abstract of Philology Cand. Diss. Taganrog.
21. Baisheva, Z.V. (2007) *Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A.F. Koni* [The language personality of the forensic orator A.F. Koni]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ufa.
22. Artemova, T.V. (2008) *Narrativ kak komponent ritoricheskoy strategii obvinitel'nykh rechey A.F. Koni* [Narrative as a component of the rhetorical strategy of accusatory speeches of A.F. Koni]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
23. Klimovich, O.V. (2016) *Yazykovaya lichnost' advokata v kontekste yuridicheskogo diskursa (na materiale rechey S.A. Andrievskogo i N.P. Karabchevskogo)* [The language personality of a lawyer in the context of legal discourse (based on the speeches of S.A. Andrievsky and N.P. Karabchevsky)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
24. Kozhina, M.N. et al. (eds) (2011) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta; Nauka.
25. Mel'nikov, I.I. & Mel'nikov, I.I. (2003) *Sudebnaya rech': Dlya uchastnikov sudebnykh preniy po ugovnym delam* [Forensic speech: For participants in court debates in criminal cases]. Moscow: IKF "EKMOS".

Received: 01 May 2019

А.Р. Галимуллина, М.Г. Милютин

ИНФИНИТИВНЫЕ ТЕХНИКИ В ПОЭЗИИ И. БРОДСКОГО (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОТРЫВКОВ ИЗ ПОЭМЫ «ЗОФЬЯ»)

Представлены характерные черты инфинитивного письма и инфинитивные техники в поэтическом тексте И. Бродского. Проанализированы особенности выражения категории модальности и темпоральности в инфинитивных конструкциях на примере фрагментов из поэмы «Зоя». Рассмотрены пространственно-временные модели и выявлен особый семантический эффект внутренней речи в поэзии И. Бродского, который помогает отобразить специфическое авторское видение мира.

Ключевые слова: инфинитивное письмо; синтаксические конструкции с инфинитивом; субъективная модальность; темпоральность.

В данной статье обсуждаются проблемы, имеющие отношение к поэтической грамматике, к тому, что Р.О. Jakobson обозначил как «поэзия грамматики и грамматика поэзии» [1]. Ключевые смыслы заголовка его статьи, впервые увидевшей свет в 1961 г. и впоследствии ставшей знаменитой, не случайно построены на хиазме, помогающем актуализировать проблему взаимоотношений (притяжений и отталкиваний) между такими разными, и, казалось бы, далёкими друг от друга феноменами, как поэзия и грамматика. Р.О. Jakobson было проложено то новое русло, по которому потекла современная лингвистика, образовав два близких друг другу направления: поэтическая грамматика и поэтический синтаксис (см., например: [2, 3] и др.).

Особенность инфинитива¹ заключается в том, что он, являясь неспрягаемой формой, лишен важнейших грамматических категорий глагола: наклонения, времени, лица. Однако, не будучи выражены эксплицитно на морфологическом уровне, эти категории могут быть представлены имплицитно на уровне синтаксиса. Частеречная гибридность инфинитива не могла не отразиться на специфике его функционирования в тексте. И заключается эта специфика в том, что инфинитив открывает возможности для его необычного, значимого в смысловом и стилистическом плане использования.

Особую эстетическую и смысловую нагрузку имеют конструкции с инфинитивом (инфинитивные ряды, серии, цепочки, фрагменты) в поэтических текстах [5–9]. Художественный потенциал таких (серийных) инфинитивов настолько высок, что это позволило А.К. Жолковскому обозначить поэтические тексты, написанные в указанном грамматико-синтаксическом ключе, специальным термином метафорического характера – «инфинитивное письмо» [10. С. 187–198; 11. С. 34–42]. Такой – особый – статус поэтического письма представляется исследователям совершенно обоснованным [12. С. 69–87].

Под инфинитивным письмом А.К. Жолковский подразумевает тексты, «содержащие достаточно автономные, независимые инфинитивы, однородные инфинитивные серии, зависящие от одного управляющего слова и, благодаря своей протяженности, развивающие мощную инерцию» [13]. С лингвистической точки зрения под это определение попадают как конструкции с независимым инфинитивом, так и конструкции с зави-

симым инфинитивом, причем синтаксически это могут быть предложения простые и сложные.

А.Н. Черняков справедливо полагает, что А.К. Жолковскому удалось доказать следующее: «инфинитивное письмо представляет собой регулярную и осмысленную стратегию текстопорождения» [17. С. 28–32]. Примеры применения различных техник поэтического письма – инфинитивной и номинативной – и их анализ А.Н. Черняков продемонстрировал в своей статье «Инфинитивное или номинативное письмо? К описанию одного фрагмента «поэзии грамматики». [18. С. 68–80].

Термин «инфинитивное письмо» оказался настолько удачным, что не только закрепился в филологии, но и получил дальнейшее развитие: сегодня для анализа поэтических текстов, опирающихся на определённую грамматическую технику написания, используются также термины «номинативное письмо», «адъективное письмо». Ю.Б. Орлицкий называет обозначенную технику написания поэтического текста «частеречной поэтикой». По его мнению, наиболее широко частеречная поэтика развернулась во второй половине XX в., а современные методы филологической науки на настоящий момент только начали подходить к поэтико-грамматическому анализу такого рода текстов [14, 15].

По мнению Жолковского, инфинитивное письмо «...оказывается носителем особого размытого модального – «медитативного» – наклонения... Это наклонение, продукт многообразной стихотворной разработки, для практической речи нехарактерной, можно считать вкладом поэзии в обогащение естественного языка» [16. С. 252].

Жолковский посвятил инфинитивному письму целую серию статей. В одной из них он обратился к инфинитивному письму И. Бродского. Исследователь отметил обширность его инфинитивного корпуса. В частности, Жолковский упоминает поэму «Зоя» (1962) с несколькими инфинитивными сериями характерного для Бродского типа, когда слово, управляющее инфинитивом, не опускается, а повторяется: «...не следовало в ночь под Рождество // вторгаться в наступающую мглу <...> не следовало в ночь под Рождество // высказывать из дома своего» [10. С. 187–198].

Обратимся к подробному анализу нескольких отрывков из поэмы, чтобы показать специфику использования поэтом инфинитивных техник, которые могут

быть разными. Предварительно укажем на характерную для поэтики И. Бродского черту, образно обозначенную Владимиром Набоковым в романе «Дар» как «мучительная обстоятельность слога». И. Кручик к этому добавляет еще, что мысль у Бродского почти всегда логически внятно движется сквозь усложненные придаточные предложения, сквозь затруднения синтаксиса и фонетики. Исследователь резюмирует, что обозначенные черты обнаруживаются скорее в прозе научно-популярного либо публицистического стиля, чем в лирике [19]. Сам И. Бродский нередко подчеркивал значимость именно синтаксического компонента и уделял особое внимание лингвистической стороне своих стихотворений («поэзия вся состоит из лингвистических нюансов»). На это указывают Н.К. Богомолова [18. С. 57–59; 20. С. 16].

Большинство инфинитивных серий представлено во второй главе поэмы «Зофья». Рассмотрим одну из начальных строф этой главы:

*Раскачивалась штора у плеча,
за окнами двуглавая свеча
раскачивалась с чувством торжества,
раскачивался сумрак Рождества,
кто знает, как раскачивать тоску,
чтоб от прикосновения к виску
раскачивалась штора на окне,
раскачивались тени на стене,
чтоб выхваченный лампочками куст
раскачивался маятником чувств
(смятение – унижение – и месть)
с той разницей, чтоб времени не счесть,
с той разницей, чтоб времени не ждать,
с той разницей, чтоб чувств не передать.
Чтоб чувства передать через него,
не следовало в ночь под Рождество
вторгаться в наступающую мглу
двуглавыми свечами на углу,
бояться поножовщины и драк,
искусственно расталкивая мрак,
не следовало требовать огня.*

В этой строфе представлено несколько инфинитивных серий. Независимые инфинитивы *раскачивать*, *не счесть*, *не ждать*, *не передать*, *передать* и зависимые инфинитивы *вторгаться*, *бояться*, *требовать* включаются в общий авторский замысел – с помощью повторов, представленных не только на синтаксическом, но и на лексическом уровнях, создать подобие движения «маятника», отражающего чувства лирического героя [21]. Этот «маятник чувств» двигается по заданным координатам – *смятение – унижение – месть*, и позволяет понять, что лирический герой находится на границе двух миров – реального и потенциального, умозрительного. В анализируемом фрагменте имеется два плана повествования, два коммуникативных регистра речи (терминология Г.А. Золотовой [22]): первый (репродуктивный регистр) описывает фактические действия и сообщает о наблюдаемых, зримо происходящих событиях, второй (информативный регистр) является абстрактным рассуждением о том, что может или должно произойти в «другой» реальности. Таким образом, буквально на наших глазах происходит переход от конкретики к абстракции, от реального к воображаемому.

Строфа начинается с изображения конкретных реалий, где репродуктивный регистр представлен в форме [вижу, как...] «*раскачивалась штора, раскачивалась свеча, раскачивался сумрак, раскачивались тени, раскачивался куст*». При этом к лексическому значению глагола *раскачиваться* подключается многократный повтор на синтаксическом уровне. А прошедшее время, употребленное в имперфектном значении, еще больше растягивает темпоральную ось, буквально передавая движения раскачивающегося «маятника» времени и раздваивающихся чувств лирического героя. Однако уже в этот конкретно-образительный событийный ряд однородных простых предложений с предикатом *раскачиваться* в прошедшем времени вместе с придаточной частью сложноподчиненного предложения, выраженной инфинитивом *раскачивать* и абстрактным существительным в метафорическом значении *тоска*, вторгается медитативность абстрактного рассуждения: в репродуктивный регистр вмешивается информативный с формулой [знаю / думаю, что...] («*кто знает, как **раскачивать** тоску*»). При этом независимый инфинитив *раскачивать* обладает индикативной модальностью как обозначение фактического осуществления действия [4]. Окончательный переход к «медитативному наклонению» [10] происходит после возникновения образа куста, символически осмысленного как *маятник чувств*. Здесь, внутри придаточного со значением цели («*раскачивались тени на стене, // чтоб выхваченный лампочками куст // раскачивался маятником чувств*») появляется обстоятельственный компонент *с той разницей*. Он повторяется три раза и присоединяет к себе определительные придаточные с главным членом, выраженным независимыми инфинитивами *не счесть*, *не ждать*, *не передать*. Такой синтаксический параллелизм с лексическим повтором продолжает раскачивать *маятник* и создает определенную методичность действия. Но при этом данная часть строфы по смыслу оказывается резко противопоставленной предшествующей: реальность маятника, отсчитывающая реальное течение времени, противопоставляется нереальности неуловимого времени. Инфинитивы, представленные в этом «вневременном» пространстве, приобретают модальное значение невозможности совершения действия в будущем, что выражает частица *не*, категоричность которого усиливает форма совершенного вида инфинитивов *счесть* и *передать*. Инфинитивы маркируют невозможность *счесть* протекающее в «медитативном наклонении» время, невозможность его *ждать*, а самое главное – невозможность *передать* то смятение чувств, тот «*куст противоречивых чувств*», которые начинает испытывать лирический герой.

Продолжает данный медитативный план серия зависимых инфинитивов *вторгаться*, *бояться*, *требовать* в главной части сложноподчиненного предложения со значением цели, которая сцеплена со словом *не следовало*. Аналогичную инфинитивную технику Бродский использует и в дальнейшем контексте поэмы. Мы подробно рассмотрим ее в другом примере, также извлеченном из второй главы поэмы «Зофья». Проанализируем отрывок, в который входят одна

строфа полностью и первое предложение следующей строфы:

Чтоб чувства, промелькнувшие сквозь ночь,
укрыли блудных сыновей и дочь
прекрасную и, адрес изменив,
чтоб чувства не усиливали миф,
не следовало в ночь под Рождество
выскакивать из дома своего,
бояться поножовщины и драк,
выскакивать от ужаса во мрак,
не следовало в панике большой
спасаться от погоны за душой,
не следовало верить в чудеса,
вопросам устремляться в небеса,
не следовало письма вам писать,
не следовало плоть свою спасать.

Но в ночь под Рождество не повторять
о том, что **можно** много потерять,
что этого **нельзя** предотвратить,
чтоб жизнь свою в корову обратить.

В данном отрывке цепочка зависимых инфинитивов в главной части первого сложноподчиненного предложения со значением цели семантически и синтаксически закреплена за словом *не следовало*, которое обозначает модальное значение отсутствия долженствования с оттенком совета, предостережения, усиливаемое повтором этой лексической единицы пять раз. Данная модальность оказывает влияние на семантику акциональных глаголов *выскакивать*, *спасаться*, *устремляться*, *писать*, *спасать* (в том числе глагола эмоционального переживания, выраженного неопределенной формой *бояться*, и ментального действия – *верить*), представленных в стихотворении в форме инфинитивов несовершенного вида. Модальный глагол привязывает инфинитивы в пространстве текста к прошедшему времени (*не следовало*). При этом обнаруживается интересное явление: техника перечисления, напоминающая каталогизацию² (черта, характеризующая поэзию Бродского и неоднократно отмеченная исследователями [19]), обычно присуща номинативным рядам. Однако в данном случае она используется с опорой на ряды инфинитивные, при этом высвечивается их именная природа и абсолютно неактуальным в смысловом отношении оказывается такой глагольный показатель, как внутреннее время, обозначенное видом: перечисляются ситуации, которые в прошлом происходили, но их одновременность, или последовательность, или длительность не являются важными. *Выскакивать*, *спасаться*, *устремляться*, *писать*, *спасать*, *бояться*, *верить* – все это фактические действия (обобщенно-фактическое значение несовершенного вида), которые имели место быть в прошлом. Они осложнены модальным отношением к ним лирического героя: все это было сделано, но делать этого не следовало. Перед нами ситуация, типичная для недифференцированного таксиса [24. С. 253]. Тем не менее связь предикатов, выраженных данными инфинитивными конструкциями, способствует созданию движения в пространстве (*выскакивать из дома – выскакивать от ужаса во мрак – спасаться от погоны – устремляться в небеса*). Ин-

финитивные ряды помогают расширить пространственные рамки, определяя вектор перемещения субъекта (лирического героя).

В последних четырех строках данного фрагмента временная ось меняет свое направление:

Но в ночь под Рождество не повторять
о том, что **можно** много потерять,
что этого **нельзя** предотвратить,
чтоб жизнь свою в корову обратить.

Противительный союз *но* разрывает модальную и темпоральную связь между цепочкой инфинитивных рядов. Появляется сложная синтаксическая конструкция: сложноподчиненное предложение с зависимыми инфинитивами в придаточной изъяснительной части *потерять* (с модальным значением возможности, выраженным словом *можно*) и *предотвратить* (с модальным значением невозможности и неизбежности, обозначенным словом *нельзя*) и независимым инфинитивом *обратить*, представленном в придаточной части, со значением цели. Все это формирует семантическую область темпорально-ограниченного действия субъекта [мне / я], которое представлено через внутреннее время (совершенный вид) инфинитивов *потерять*, *предотвратить*, *обратить* и направлено на совершение в будущем.

На уровне внешнего времени разрыв между строфами (до союза *но* и после него) очевиден. Если первая строфа целиком в прошлом времени, которое выражено эксплицитно модальным глаголом (*не следовало*), то начало второй строфы уже в настоящем неактуальном, выраженном имплицитно и имеющем очевидную футуральную перспективу (*можно много потерять*), поскольку модальный оператор *можно* выражает значение возможности.

Примечательно, что инфинитив несовершенного вида «*не повторять*» по инерции продолжает смысловую сцепку с модальным оператором *не следовало* («*не следовало* плоть свою *спасать*. / *Но в ночь под Рождество не повторять*»), однако этой инерции мешают точка, завершающая одну смысловую серию инфинитивов и обозначающая начало другой, и союз *но*, противопоставляющий одну смысловую часть контекста другой. При этом кольцевая композиция строфы, возвращающая нас к описанию происходящего в *ночь под Рождество*, помогает заметить изменения в модально-семантической и временной нагрузке инфинитивных рядов. Эксплицитно представленная модальность долженствования (*не следовало*) резко обрывается союзом *но* и превращается в имплицитную модальность независимого инфинитива с отрицанием (*не повторять*) в главной части сложноподчиненного предложения. От первой части приведенного отрывка остается только модальность отрицания, однако имплицитный смысл, заключенный в инфинитиве *не повторять*, становится более сложным и может интерпретироваться неоднозначно: 1) [**не следовало**] (несовершенный вид, прошедшее время, модальное значение отсутствия долженствования в форме совета) **повторять**; 2) [**не нужно**] (совершенный вид, синтаксическое настоящее время, модальное значение долженствования в значении

необходимости) **повторять**. Наиболее вероятна (учитывая точку и союз *но*) вторая интерпретация модального и временного значения.

Следует отметить, что начало сложноподчиненной конструкции «*Но в ночь под Рождество не повторять...*» без модального оператора выглядит аномально с точки зрения нормативной грамматики книжного языка: инфинитив несовершенного вида настоятельно требует эксплицитно представленного модального оператора, который здесь опущен³. Представляется, что именно эта аномальность придает всему предложению, несмотря на очевидную сложность его структуры (три придаточных), разговорный характер, предполагающий недоговоренность, пропуски. Вообще вся фраза выглядит как повторяющееся заклинание, бег по кругу; неслучаен, очевидно, и своеобразный возврат к началу поэмы:

За окнами *описывал круги*
сырой ежевечерний снегопад...

Ядвига Шимак-Рейфер отмечает эллиптичность второй главы «Зофья» наряду с настойчивостью лексических и синтаксических поворотов [25].

Грамматическая семантика глагола *повторять* (несовершенный вид в неограниченно-кратном значении) усиливает лексическую, сосредоточивая внимание на повторях, имеющих неопределённую длительность и соответствующих движению маятника, образ которого является ключевым и эксплицитно представлен во второй главе через многократный повтор глагола *раскачивался* и существительного *маятник*.

Таким образом, в проанализированном отрывке поэмы «Зофья» И. Бродского предикативным центром является конструкция зависимого инфинитива несовершенного вида с модальным глаголом и отрицательной частицей *не следовало*, которая создает общую

модальность совета и темпоральное значение прошлого. Однако в последней строфе представленного фрагмента поэмы происходит смещение данного ядра во временном и модально-семантическом плане. В текстовом пространстве прошлое время переходит в синтаксическое настоящее с футуральной перспективой, а модальность совета трансформируется в модальное значение приказа и неизбежности свершившихся действий. Это выражено появлением сложной синтаксической конструкции, где независимый инфинитив в главной части сложноподчиненного предложения (*не повторять*), приобретая новое модальное и темпоральное значение, проецирует его на последующий ряд зависимых инфинитивов (*можно потерять, нельзя предотвратить, обратить*), меняя тем самым общую семантическую канву поэтического контекста.

Инфинитивные техники, представленные в поэме И. Бродского «Зофья», помогают отобразить специфическое авторское видение мира посредством создания модально-временных моделей, на которых основан особый семантический эффект внутренней речи (потока сознания). Парадоксальность при этом заключается в том, что в инфинитивном письме, где инфинитивы по определению не выражают ни времени, ни реальной модальности, дается представление о развитии реальных событий, об оценке происходящего определенным действующим лицом. При этом иногда невозможно точно определить модально-семантическую и темпоральную нагрузку инфинитивных рядов в текстовом пространстве, так как неопределенность является одной из эстетических задач инфинитива в поэтическом тексте. И поэт это, очевидно, хорошо понимает, потому что, по мнению Л. Баткина, его «отношения с любой эпохой, страной, погодой, вещью, мыслью, речью слишком неистово обдуманно» [26].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как форму промежуточную между именем существительным и глаголом рассматривал инфинитив А.А. Потебня. Об этом пишет В.В. Виноградов, который, обзорно излагая точки зрения Д.Н. Овсянико-Куликовского, А.А. Шахматова и А.М. Пешковского на инфинитив, называет его «глагольным номинативом / nominativusom» [4. С. 423–430].

² Л.В. Лосев называет это свойство поэтического языка Бродского умением с помощью остро высмотренных деталей и неожиданных метафор выстроить в стихотворении подробную картину вещного мира [23].

³ В диссертационном исследовании М.К. Богомолковой показана связь между семантическими эффектами, возникающими в таких типах аномальных предложений [20].

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М. : Радуга, 1983. С. 462–482.
2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1986. 205 с.
3. Поэтическая грамматика / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Е.В. Красильникова и др. М. : Азбуковник, 2005. Т. I. 429 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. ; Л. : Учпедгиз, 1947. 784 с.
5. Панченко О.Н. Номинативные и инфинитивные ряды в строе стихотворения // Очерки истории русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста / отв. ред. Е.В. Красильникова. М. : Наука, 1993. С. 81–100.
6. Конькова О.С. Поэтические функции грамматических форм русского глагола (на материале лирики Н. Гумилева) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 1998. 22 с.
7. Змазнева О.А. Инфинитивные ряды в поэтическом синтаксисе Максимилиана Волошина // Языковая деятельность: переходность и синкретизм : сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS» / под ред. д. филол. наук, д-ра К.Э. Штайн. Москва ; Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. Вып. 7. С. 345–347.
8. Николина Н.А. Инфинитивные ряды в темпоральной структуре поэтического текста // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 80–83.
9. Василевская Ю.А. О семантике инфинитивных конструкций в поэтических текстах О. Мандельштама и Б. Окуджавы // Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П.П. Шубы) : сб. материалов VII Междунар. науч. конф. (г. Минск, Беларусь, 18–19 октября 2016 года) / редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) и др. Минск : РИВШ, 2016. С. 185–189.
10. Жолковский А.К. Бродский и инфинитивное письмо (материалы к теме) // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 187–198.

11. Жолковский А.К. К проблеме инфинитивной поэзии: Об интертекстуальном фоне «Устроиться на автобазу...» С. Гандлевского // Известия РАН. Сер.: Литература и язык (61). 2002. С. 34–42.
12. Невзглядова Е.В. Виртуальное инобытие поэзии // О стихе. СПб. : Издательство журнала «Звезда», 2005. С. 69–87.
13. Жолковский А.К. Из записок об инфинитивной поэзии (Проблемы описания и образцы комментариев). URL: <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib198.htm> (дата обращения: 14.10.2017).
14. Орлицкий Ю.Б. Частеречные «поэтики» в русской поэзии XX в. // Тезисы докладов XLIV Международной филологической научной конференции. М., 2015. URL: <http://conference-spbu.ru/conference/30/reports/2183> (дата обращения: 12.07.2017).
15. Суховой Д. Сапгировские чтения – 2011 // НЛО. 2012. № 118. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/s56.html> (дата обращения: 12.07.2017).
16. Жолковский А.К. Инфинитивное письмо: тропы и сюжеты // Эткиндовские чтения : сб. статей по материалам Чтений памяти Е.Г. Эткинда (г. Санкт-Петербург, Россия, 27–29 июня 2000 года) / ред. П.И. Вахтина, А.А. Долинин, Б.А. Кац и др. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 252.
17. Черняков А.Н. «Февраль» Б. Пастернака: инфинитивное письмо и его переводы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, Педагогика, Психология. 2014. № 8. С. 28–32.
18. Черняков А.Н. Инфинитивное или номинативное письмо? К описанию одного фрагмента «поэзии грамматики» // Альтернативный текст, версия и контрверсия : сб. ст. / ред. Т.В. Цвигун, А.Н. Чернякова. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. Вып. 2. С. 68–80.
19. Кручик И.П. Какие особенности поэтики Иосифа Бродского чаще всего используют его подражатели // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/kruchik/brodsky.html> (дата обращения: 18.10.2017).
20. Богомолова Н.К. Семантика синтаксиса в поэтических текстах И. Бродского : автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2006. 16 с.
21. Полухина В.П. Иосиф Бродский: большая книга интервью. М., 2000. 702 с.
22. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : МГУ, 1998. 528 с.
23. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М. : Молодая гвардия, 2006. 447 с. URL: <https://profilib.com/chtenie/36911/lev-losev-iosif-brodskiy.php> (дата обращения: 18.10.2017).
24. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А.В. Бондарко. Л. : Наука, 1987. 348 с.
25. Шимак-Рейфер Ядвига «ЗОФЯ» (1961) // Как работает стихотворение Бродского. М. : Новое литературное обозрение, 2002. URL: <https://coollib.net/b/156482> (дата обращения: 18.10.2017).
26. Баткин Л.М. Вещь и пустота. Заметки читателя на полях стихов Бродского // Октябрь. 1996. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/october/1996/1/batkin.html> (дата обращения: 15.08.2017).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 июля 2018 г.

Infinitive Techniques in the Poetry by Joseph Brodsky (On the Example of the Analysis of the Poem “Zofia”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 46–51.

DOI: 10.17223/15617793/444/5

Alina R. Galimullina, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: alin_240593@mail.ru

Marina G. Milyutina, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: mmilyutina@inbox.ru

Keywords: infinitive writing; syntactic infinitive constructions; subjective modality; temporality.

The aim of the following article is to prove that the infinitive as a non-conjugated form lacking major grammatical categories of verb expressed at the morphological level (modality, temporality, person), has a potential to express all mentioned categories syntactically. The focus of this article is to review infinitive techniques applied in the poetic texts by Joseph Brodsky. The research is devoted to the identification and analysis of the features of expression of the category of modality and temporality in the infinitive constructions drawing on the example of the fragments of the poem “Zofia”. Existential modal and time models of the poem are analyzed. The special semantic effect of internal speech, which allows reflecting the distinctive author’s worldview taking into account the applied infinitive techniques, is revealed. The authors managed to demonstrate that the semantic potential of the infinitive is at its highest in the poetic text. This confirms the position of A.K. Zholkovsky who investigated groups of infinitives in poetic texts and revealed a peculiar poetic function of infinitive constructions which he metaphorically described as “infinitive writing”. Infinitive writing aims to promote a special “meditative modality” in the poetic context, which creates a particular mood of a poetic persona. In one of his articles, Zholkovsky focuses on a group of infinitives found in the poem “Zofia” by Joseph Brodsky. Further, the article provides an insight into two fragments of Brodsky’s “Zofia”; special attention is paid to the semantics, modal and temporal meanings of the infinitive constructions. Analyzing the fragments of the poem, the authors have determined the influence of the change of the poetic text’s syntactic structure on the general modal and temporal meaning of infinitive groups. In the analyzed stanzas, the predicative center of the sentence is represented by groups of infinitives of imperfective and perfective aspects dependent on the repeating modal verb with a negative particle “*ne sledovalo*” and collocation “*s toy raznitsey*”. At the same time, the modality of advice and the modal meaning of impossibility are expressed, and dependent infinitives refer to the past forms of the modal verb. However the syntactic construction changes. It is supported by the full stop at the end of the stanza of the second fragment and the conjunction “*no*” at the beginning of the next stanza. There is a contextual change of temporal and modal perspectives: the past shifts to the syntactic present with the meaning of future and the modality of obligation with a hint of advice is transformed to the modality of obligation with a hint of necessity. Consequently, the authors of the article come to the conclusion that the infinitive techniques presented in Brodsky’s poems allow reflecting the specific author’s worldview by means of creating distinctive modal and time models and a particular semantic effect of internal speech (stream of consciousness).

REFERENCES

1. Jakobson, R.O. (1983) *Poeziya grammatiki i grammatika poezii* [Poetry of grammar and grammar of poetry]. In: Stepanova, Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga.
2. Kovtunova, I.I. (1986) *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow: Nauka.
3. Krasil’nikova, E.V. et al. (eds) (2005) *Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
4. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (A grammatical doctrine of the word)]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.

5. Panchenko, O.N. (1993) Nominativnye i infinitivnye ryady v stroe stikhotvoreniya [Nominative and infinitive series in the structure of the poem]. In: Krasil'nikova, E.V. (ed.) *Ocherki istorii russkoy poezii XX veka. Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta* [Essays on the history of Russian poetry of the twentieth century. Grammatical categories. Text syntax]. Moscow: Nauka.
6. Kon'kova, O.S. (1998) *Poeticheskie funktsii grammaticheskikh form russkogo glagola (na materiale liriki N. Gumileva)* [Poetic functions of the grammatical forms of the Russian verb (based on the lyrics of N. Gumilyov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.
7. Zmazneva, O.A. (2001) Infinitivnye ryady v poeticheskom sintaksise Maksimiliana Voloshina [Infinitive series in Maximilian Voloshin's poetic syntax]. In: Shtayn, K.E. (ed.) *Yazykovaya deyatel'nost': perekhodnost' i sinkretizm* [Language activity: transitivity and syncretism]. Is. 7. Moscow; Stavropol: Stavropol State University. pp. 345–347.
8. Nikolina, N.A. (2008) Infinitivnye ryady v temporal'noy strukture poeticheskogo teksta [Infinitive series in the temporal structure of the poetic text]. *Prepodavatel' XXI vek*. 2. pp. 80–83.
9. Vasilevskaya, Yu.A. (2016) [On the semantics of infinitive constructions in the poetic texts of O. Mandelstam and B. Okudzhava]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovanie (k 95-letiyu BGU, 50-letiyu kafedry russkogo yazyka, 90-letiyu professora P.P. Shuby)* [Russian: The system and functioning (on the 95th anniversary of BSU, 50th anniversary of the Russian Language Department, 90th anniversary of Professor P.P. Shuba)]. Proceedings of the VII International Conference. Minsk, Belarus. 18–19 October 2016. Minsk: RIVSh. pp. 185–189. (In Russian).
10. Zholkovskiy, A.K. (2000) Brodskiy i infinitivnoe pis'mo (materialy k teme) [Brodsky and infinitive writing (materials on the topic)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 45. pp. 187–198.
11. Zholkovskiy, A.K. (2002) K probleme infinitivnoy poezii: Ob intertekstual'nom fone "Ustroit'sya na avtobazu..." S. Gandlevskogo [On infinitive poetry (A propos the intertextual background of S. Gandlevskiy's "To get a job as a trucker..."). *Izvestiya RAN. Ser.: Literatura i yazyk*. 61. pp. 34–42.
12. Nevzglyadova, E.V. (2005) *O stikhe* [On a verse]. St. Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda". pp. 69–87.
13. Zholkovskiy, A.K. (2007) *Iz zapisok ob infinitivnoy poezii (Problemy opisaniya i obratznykh kommentariy)* [Notes on infinitive poetry (Issues in analysis and samples of annotation)]. [Online] Available from: <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib198.htm>. (Accessed: 14.10.2017).
14. Orlitskiy, Yu.B. (2015) [The part-of-speech "poetics" in the Russian poetry of the twentieth century]. *Abstracts of the XLIV International Philological Scientific Conference*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. [Online] Available from: <http://conference-spbu.ru/conference/30/reports/2183>. (Accessed: 12.07.2017). (In Russian).
15. Sukhovey, D. (2012) Sapgirovskie chteniya – 2011 [Sapgirov Readings – 2011]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 118. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/s56.html>. (Accessed: 12.07.2017).
16. Zholkovskiy, A.K. (2003) Infinitivnoe pis'mo: tropy i syuzhety [Infinitive writing: tropes and plots]. In: Dolinin, A.A. et al. (eds) *Etkindovskie chteniya: sb. statey po materialam Chteniy pamyati E.G. Etkinda* [Etkind Readings: Articles on the Readings in Memory of E.G. Etkind]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
17. Chernyakov, A.N. (2014) B. Pasternak's "February": infinitive writing and its translations. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser. Filologiya, Pedagogika, Psikhologiya – IKBFU's Vestnik. Ser. Philology, Pedagogy, and Psychology*. 8. pp. 28–32. (In Russian).
18. Chernyakov, A.N. (2007) Infinitivnoe ili nominativnoe pis'mo? K opisaniyu odnogo fragmenta "poezii grammatiki" [Infinitive or nominative writing? On the description of a single fragment of "poetry of grammar"]. In: Tsvigun, T.V. & Chernyakova, A.N. (eds) *Al'ternativnyy tekst, versiya i kontrversiya* [Alternative Text, Version and Counter-Version]. Is. 2. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University.
19. Kruchik, I.P. (n.d.) Kakie osobennosti poetiki Iosifa Brodskogo chashche vsego ispol'zuyut ego podrazhateli [The features of Joseph Brodsky's poetics his imitators most often use]. *Setevaya slovesnost'*. [Online] Available from: <http://www.netslova.ru/kruchik/brodsky.html>. (Accessed: 18.10.2017).
20. Bogomolova, N.K. (2006) *Semantika sintaksisa v poeticheskikh tekstakh I. Brodskogo* [Semantics of syntax in J. Brodsky's poetic texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Polukhina, V.P. (2000) *Iosif Brodskiy: bol'shaya kniga interv'yu* [Joseph Brodsky: a big book of interviews]. Moscow: Zakharov.
22. Zolotova, G.A. et al. (1998) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [The communicative grammar of Russian]. Moscow: Moscow State University.
23. Losev, L.V. (2006) *Iosif Brodskiy: Opyt literaturnoy biografii* [Joseph Brodsky: An experience of a literary biography]. Moscow: Molodaya gvardiya. [Online] Available from: <https://profilib.com/chtenie/36911/lev-losev-iosif-brodskiy.php>. (Accessed: 18.10.2017).
24. Bondarko, A.V. (ed.) (1987) *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality Temporal localization. Taxis]. Leningrad: Nauka.
25. Shimak-Reyfer, Ya. (2002) "ZOF'Ya" (1961) ["Zofia"]. In: Losev, L.V. & Polukhina, V.P. (eds) *Kak rabotaet stikhotvorenie Brodskogo* [How Brodsky's poem works]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [Online] Available from: <https://coollib.net/b/156482>. (Accessed: 18.10.2017).
26. Batkin, L.M. (1996) Veshch' i pustota. Zametki chitatel'ya na polyakh stikhov Brodskogo [Thing and emptiness. Reader's notes on the margins of Brodsky's poems]. *Oktyabr'*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/october/1996/1/batkin.html>. (Accessed: 15.08.2017).

Received: 12 July 2018

О.Н. Зюзина

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ УПРАВЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНОЙ РЕЧИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

Рассмотрено языковое выражение социальных действий управления в речи гуманитарной интеллигенции. Данные действия определяются как действия коагентивного типа. Проведен анализ социальных действий управления с точки зрения официальности – наличия юридической оформленности самого действия и отношений между его субъектами. Рассмотрены санкции и поощрения как факультативные операции действий изучаемого типа. Описаны варианты реализации структуры социальных действий управления на исследуемом материале.

Ключевые слова: семантика действия; социальная семантика; социальное действие; действие управления; гуманитарная интеллигенция.

Данная работа посвящена изучению социальных действий управления (СДУ) в речи представителей гуманитарной интеллигенции новосибирского Академгородка. **Объектом** исследования являются лексические и синтаксические единицы с семантикой СДУ, а **предметом** – их функционирование в речи представителей гуманитарной интеллигенции как фрагмента семантического пространства мемуарного нарратива. Контексты, содержащие изучаемые языковые единицы, были отобраны методом сплошной выборки из расшифрованных аудиозаписей шести публичных бесед с разными информантами, которые были проведены в рамках проекта «Легенды и мифы Академгородка», организованного кафедрой общего и русского языкознания Гуманитарного института НГУ.

Всего в исследуемой речи гуманитарной интеллигенции отмечено 530 контекстов с 235 различными лексическими и синтаксическими единицами с семантикой СДУ. Это соответствует 17,7% от общего количества (3 000) выделенных примеров употребления языковых единиц со значением различных социальных действий.

Обратим внимание на то, что в настоящем исследовании мы опирались на концепцию СДУ, представленную в монографии «Власть в русской языковой и этнической картине мира» [1], один из разделов которой посвящен официальной разновидности действий данного типа. Указанная теория была переработана нами в соответствии со спецификой изучаемого материала. Кроме того, представленные в названной монографии данные по выражению СДУ являются в некоторой степени основанием для выявления специфики устной речи гуманитарной интеллигенции, поскольку характеризуют общезыковые закономерности выражения исследуемых действий. Однако отметим, что количественные данные в этом источнике используются в другом формате, что не всегда позволяет прямо сопоставить их с полученными нами результатами.

Определение СДУ как разновидности социального действия

СДУ являются одной из разновидностей социального действия. Социальное действие мы определяем как комплексное событие, «представляющее собой последовательность процессов, связанных между со-

бой одновременно следующими видами отношений: причинно-следственным отношением, целерезультативным отношением и отношением коммуникативного намерения и коммуникативного эффекта» [2. С. 70]. Таким образом, в социальном действии принимают участие два социальных субъекта, которые в простейшем случае являются двумя лицами. В соответствии с актантной, или пропозитивной, моделью социального действия, рассматриваемой в работах Т.В. Шмелёвой [3], Н.Б. Кошкарёвой [4], И.Е. Кима [2, 5], которая основывается на соотношении позиций субъектов в типизированной ситуации действия, СДУ представляют собой **коагентивные действия**, т.е. сложные кооперативные действия, при которых оба социальных субъекта, выполняя, как правило, разные операции, стремятся к достижению одной цели [5. С. 75].

Общий смысл СДУ можно описать следующим образом: первый социальный субъект в знаковой форме каузирует второго социального субъекта совершить действие в интересах, как правило, первого субъекта, которое второй субъект совершает. Следовательно, первый субъект оказывается здесь ведущим участником ситуации. Таким образом, СДУ является сложным действием, состоящим из двух операций: управляющей и исполняющей. Отсюда можно сделать вывод о том, что полная структура действия рассматриваемого типа включает следующие элементы: субъекта управляющей операции, или инициатора (S_1), предикат с семантикой управляющего действия (Pr_1), субъекта исполняющей операции, или исполнителя (S_2), предикат со значением исполняющего действия (Pr_2), т.е. любого действия, не обязательно социального. При этом результатом СДУ является реализация субъектом исполняющей операции цели, поставленной ему субъектом управляющей операции и оказываемой общей для обоих субъектов.

Рассмотрим следующий пример: *Вот помню, я (S_2) с удовольствием расписывал (Pr_2) Бунина, Ларин (S_1) мне поручил (Pr_1) Бунина (Информант 2 (в дальнейшем информант обозначается выражением «И+номер», в данном случае И2)).* Здесь выделяются две обозначенные выше операции СДУ: *Ларин поручил* – управляющая операция, *я расписывал* – исполняющая операция. Очевидно, что исполняющая операция производится в интересах субъекта-иници-

атора. Однако к действиям управления мы относим также случаи, когда исполняющая операция производится в интересах субъекта-исполнителя, например: <Строили (Pr₂) 0 (S₂, неполное предложение, субъект выражен незамещенной позицией с анафорическим значением множественного числа) «Интеграл» после того, как **разрешено было** (Pr₁) **президиумом** (S₁), **значит, > и дан... отдано было здание нам** (S₂), **которое ныне представляет «Урсабанк»** (ИЗ). В данном случае также выделяются две операции СДУ: *президиум разрешил* – управляющая операция, (мы) *строили* – исполняющая операция. Предикат управляющей операции выражен глаголом *разрешить* с семантикой слабой каузации, который, как и многие подобные ему глаголы, указывает на то, что исполняющая операция совершается в интересах ее субъекта, а не субъекта управляющей операции. Следовательно, в приведенном контексте субъекты СДУ имеют общую цель, которая формируется субъектом исполняющей операции, а субъект управляющей операции оценивает ее как не противоречащую его интересам или интересам более высоких иерархически социальных субъектов.

Рассмотрим еще один пример: *Ну а нас с Кириллом Алексеевичем* (S₂) *он* (S₁) *пригласил* (Pr₁) *затем, чтобы заниматься* (Pr₂) *русским языком, русистикой...* (И2). Здесь также выделяются две составляющие СДУ операции: *он пригласил* – управляющая операция, *мы с Кириллом Алексеевичем занимались* – исполняющая операция, но не действие, а деятельность. В приведенном контексте исполняющая операция реализует цель субъекта-инициатора. Эта цель состоит в том, чтобы конкретный субъект-исполнитель занимался русистикой в Новосибирском государственном университете и научно-исследовательском институте Академгородка, так как эти люди (в описываемой ситуации это наш информант и его коллега) являются хорошими специалистами в данной области. В рассматриваемом случае субъект-исполнитель выражен синтаксически несвободным «словосочетанием» со значением совместности [3. С. 75]. Эта общая для обоих социальных субъектов цель СДУ, поставленная субъектом управляющей операции и реализуемая субъектом исполняющей операции, конечно, потенциально не является целью последнего, поэтому управляющая операция не носит формального характера: ее субъект совершает социальную каузацию, которая имеет не только коммуникативную составляющую, но и социально-управленческую, стимулирующую. Так, для субъекта-исполнителя собственный мотив для совершения действия заключается в улучшении жилищных условий: «И здесь сразу встретил Векуа очень хорошо, да, квартиру сразу мне дали. А в Питере было очень плохо: квартиры не было и пришлось в коммунальной квартире в комнате – дети, жена...» (И2). Таким образом, цель субъекта-инициатора может быть для второго субъекта не основной, а промежуточной, она должна способствовать достижению собственной конечной цели, которая может заключаться, например, в том, чтобы иметь более выгодные условия жизни и работы.

Сложность, возникающая при присвоении цели субъектом-исполнителем СДУ, отражается в высказываниях, в которых предикат управляющей операции выражен словом или словосочетанием, в значении которого присутствуют семы 'нежелательность', 'против воли', 'сопротивление' и т.п., например глаголом *заставить*, который получил следующее толкование: «Поставить в необходимость делать что-нибудь, принудить. *Заставить отвечать*» [6. С. 220]. В данном случае можно говорить о присутствии в семе 'принудить' скрытой семы¹ 'против воли', так как принудить кого-либо можно только к тому, чего он не хочет делать. Указанный смысл относится к пресуппозиции рассматриваемой лексемы, само употребление которой предполагает его осознание говорящим, что подтверждает и анализ ее лексической сочетаемости (например, *принудить сдаться*, так как в противном случае был бы использован глагол «позволить»). Приведем подобные примеры из исследуемого материала: *Они там питаются фруктами, они растили деревья. Вот. <А их заставили* (Pr₁) **выращивать** (Pr₂) **хлопок** (ИЗ); *Так вот что это за такой был беспощадный, так сказать, деспот-то Лаврентьев, <что он его заставлял* (Pr₁) *наукой-то заниматься* (Pr₂)>, так сказать, что он, собственно, добивался-то от него? (И4). Таким образом, цель, которую преследует субъект управляющей операции, не всегда положительно оценивается субъектом исполняющей операции.

Итак, специфика СДУ заключается в том, что первый субъект является здесь доминирующим участником ситуации, руководит операциями второго субъекта. При этом важно обратить внимание на то, что описанная ситуация управления может усложняться, так как действие данного типа, как и любого другого, по утверждению И.Е. Кима [5. С. 72], может регулярно воспроизводиться, в результате формируя социальную деятельность управления, языковое выражение которой широко представлено в исследуемой речи интеллигенции (123 контекста, 23,2% от общего количества примеров употребления языковых единиц с семантикой СДУ). Значение деятельности управления выражается в том числе лексемами *руководить* и *руководитель* (последней в совмещении с семантикой лица, нейтрализуемой в предикатной позиции), являющимися наиболее употребительными среди языковых единиц, обозначающих действия и деятельность анализируемого типа (12 и 10 контекстов соответственно): *Векуа уехал, <стал руководить* (Pr₁) *вот... Новосибирским университетом Спартак Тимофеевич Беляев>...* (И2); *Однажды участвовал приехавший театр «Мой дом» университетский, <которым руководил* (Pr₁) *Розовский>* (ИЗ); *Ну и этот аспирант Ильенко был такой, служил на Балтике во флоте и писал вместе с тем диссертацию. Защитил диссертацию, <я был его руководителем* (Pr₁)> (И2); *Это... наставник был у меня Иван Иванович Совертинский, художественный руководитель* (Pr₁) *императорской филармонии* (И6). Отметим, что при последующем описании с целью его удобства и упрощения мы будем действие и деятельность

управления рассматривать в комплексе, по мере необходимости обращая внимание на некоторые имеющиеся между ними различия.

Для дальнейшего анализа языкового выражения СДУ необходимо обратить внимание на тот факт, что, как утверждается в монографии «Власть в русской языковой и этнической картине мира» [1. С. 194], в социальной действительности границы между их иницирующими и исполняющими субъектами относительно и задаются конкретной ситуацией. Это объясняется особенностью государственной системы управления, в которой один субъект, являясь руководящим по отношению к определенному субъекту-исполнителю, одновременно оказывается субъектом-исполнителем по отношению к другому руководящему субъекту, занимающему более высокое положение в социальной иерархии. Наиболее ярко данная черта государственной управляющей системы проявляется в таком СДУ, как выборы в управляющие органы. В результате этого действия одни социальные субъекты предоставляют другому социальному субъекту полномочия на руководство ими, однако при этом также имеют право обращаться к нему, иницируя осуществление с его стороны определенных желаемых ими действий. Приведем пример языкового выражения рассматриваемого СДУ: *...Лаврентьева за уши... за уши тянули по команде ЦК КПСС на этот пост академика-секретаря в 53-м году, <когда совсем других людей, так сказать, собирались избрать (Pr₁) физики и математики> (И4).*

Указанная особенность государственной системы управления в частности и социальной деятельности управления в целом находит отражение в изучаемой речи гуманитарной интеллигенции, где события, о которых рассказывают информанты, относятся преимущественно к эпохе социализма, советскому историческому периоду. Именно в социалистическом обществе, в котором всем руководило государство, а частные организации и предприятия отсутствовали, она проявлялась наиболее ярко. Рассмотрим следующий пример языкового выражения СДУ: *28 мая 1957 года было принято постановление (Pr₁) ЦК и Совета министров (S₁) по созданию (Pr₂) Сибирского отделения и строительству (Pr₂) Академгородка (И4).* Из него следует, что ЦК и Совет министров предоставили полномочия одним лицам или организациям на управление другими лицами или организациями, в результате чего должны были появиться Сибирское отделение и Академгородок. Таким образом, в данном случае не выраженный второй субъект является одновременно и руководящим и исполняющим субъектом по отношению к разным социальным субъектам сложной государственной системы управления. Отметим, что рассмотренная особенность СДУ наиболее характерна для официальных действий данного типа.

Официальные и неофициальные СДУ

С точки зрения наличия юридической оформленности самого действия и отношений между его субъектами СДУ делятся на официальные и неофициальные. Официальные СДУ реализуются внутри различ-

ных социальных институтов, которые юридически оформлены на государственном уровне, имеют законодательно закрепленные иерархию, права и обязанности каждого своего субъекта, или между такими социальными образованиями. Следовательно, в рассматриваемом случае обязательно существуют документы, предоставляющие субъекту-инициатору данного действия властные полномочия и определяющие границы этих полномочий. Таким образом, к официальным СДУ относятся только такие действия, управляющие операции которых совершаются субъектами, уполномоченными на них системой, в соответствии с правилами этой системы.

Из приведенной характеристики описываемого действия следует, что его участники всегда предстают как субъекты, наделенные определенными социальными статусами. Под социальным статусом мы понимаем «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [8. С. 3]. С понятием социального статуса соотносимо понятие социальной роли, которую Л.П. Крысин называет динамическим аспектом статуса [9. С. 134] и определяет как «форму общественного поведения человека, обусловленную его положением в некоторой социальной группе и в некоторой ситуации общения» [Там же. С. 136]. Необходимо обратить внимание на то, что в рассматриваемом случае СДУ социальная роль управляющего субъекта обычно более высокая по сравнению с ролью исполняющего субъекта. Данный факт объясняется тем, что сама ситуация управления предполагает в первую очередь, как отмечает Л.П. Крысин [9, 10], асимметрию социальных ролей ее участников. Это подтверждают примеры языкового выражения исследуемых действий из изучаемого материала: *Значит, я работал (Pr₂) в педагогическом, <после защиты кандидатской меня (S₂) Министерство (S₁) направило (Pr₁) туда, значит, в педагогический вуз> (И6); Именно под этим предлогом госбанк (S₁) запретил (Pr₁) операции (Pr₂) этой фирмы (S₂) в 70-м году... в апреле 70-го года... (И4).*

Исключение здесь составляют случаи, когда некоторый субъект обращается к субъекту с более высоким социальным статусом с просьбой решить конкретную возникшую проблему. Тем самым он инициирует определенные действия с его стороны, т.е. выступает в роли субъекта-инициатора данного СДУ. Подобные примеры языкового выражения рассматриваемых действий также зафиксированы в исследуемой речи интеллигенции: *...Надо добрым словом отметить Алексея Андренча Ляпунова (S₁), великого математика, основоположника классической кибернетики, который очень любил гумфак, <по его (S₁) инициативе (Pr₁) здесь 0₅ (S₂) было создано (Pr₂) отделение математической лингвистики> (И4).* Академик Ляпунов – авторитетный ученый с высоким социальным статусом, тем не менее его полномочий недостаточно для того, чтобы официально управлять процессом создания учебного подразделения, что отражено и в синтаксической позиции языкового выражения, обозначающего управляющую операцию. Таким образом, инициатор очевидным образом ниже по ста-

тусу неназванного исполнителя. Важно обратить внимание на то, что данный факт возможного несоответствия постоянных социальных ролей субъектов ролям, выполняемым ими в конкретном СДУ, также подтверждает существование охарактеризованной выше условности границ между иницирующими и исполняющими субъектами в государственной системе управления.

Абсолютное большинство представленных в рассматриваемом материале примеров языкового выражения СДУ (473 контекста, 89,2%) относится именно к официальным действиям. Приведем некоторые из них: **Он (S₁) руководил (Pr₁) кафедрой (S₂) вот журналистики в Воронеже 19 лет (И1); И директором (Pr₁) ЦГАЛИ (S₂) бессменным была Наталья Борисовна Волкова (S₁)... (И5); У комсомола никогда не было денег, <то есть партия (S₁) руководила (Pr₁) комсомолом (S₂)>, он был ее подспорьем, но денег комсомол не имел... (И3).**

Выражение неофициальных СДУ представлено в изучаемой речи гуманитарной интеллигенции в сравнительно небольшом количестве (57 контекстов, 10,7%). В социальной действительности данные действия характеризуются тем, что не регулируются правилами управляющей системы, т.е. субъекты управляющих операций не имеют на них юридически закрепленных полномочий. Рассматриваемые действия можно разделить на две группы. Первую образуют неофициальные СДУ (42 примера, 7,9%), в которых на первый план выходят личные отношения между их субъектами и отсутствует установка на официальность. Следовательно, эти действия осуществляются вне рамок государственной управляющей системы, при этом их субъекты внутри нее могут быть связаны иерархическими отношениями. Приведем примеры контекстов, выражающих описываемые СДУ: **<И однажды я (S₁) потребовал (Pr₁), чтобы он (S₂) извинился (Pr₂)>, хоть и Аврорина там не было (И2)** (описывается ситуация, которая произошла между информантом и его коллегой, оскорблявшим при нем уехавшего ученого); **Да, я говорю, <я (S₂) просто под влиянием вот... я рассказывала вам, под влиянием (Pr₁) вот этой молодой женщины (S₁) (поступила в МГУ на факультет журналистики)>, которая со мной лежала в больнице и вот так мне вот расписала этот факультет (И1).**

Ко второй группе относятся неофициальные СДУ (15 примеров, 2,8%), субъекты управляющих операций которых имеют документально подтвержденное право на руководство субъектами-исполнителями, однако переходят границы своих полномочий, злоупотребляют своим положением. Следовательно, официально данные действия не могут быть осуществлены. Приведем примеры выражения таких действий: **...Лаврентьева за уши... за уши тянули (Pr₂) по команде (Pr₁) ЦК КПСС (S₁) на этот пост академика-секретаря в 53-м году... (И4); Наших аспирантов (S₂), я в аспирантуре был тогда у Филина, заставляли (Pr₁, S₁ (неопределенно-личное предложение)) заниматься (Pr₂) так называемой теорией четырех элементов (И2).**

В исследуемом материале также зафиксированы контексты, выражающие косвенные СДУ (23 контекста, 4,3%), субъекты-инициаторы которых, желая побудить субъектов-исполнителей к определенным действиям, осуществляют свои управляющие операции не посредством предъявления прямого распоряжения. Это объясняется прежде всего тем, что подобные действия носят преимущественно неофициальный характер, исключения здесь составляют единичные случаи. Приведем примеры косвенных СДУ: **То есть, конечно, я ... мы потом... я это потом даже узнала точно, конечно, <тут сыграли роль лингвисты (S₁), которые (S₁) просто сумели повлиять (Pr₁) таким образом на него (S₂), что он (S₂) решил своим авторитетом поддержать (Pr₂) лингвистов> (И1); Значит, Гера договорился с артистами балета, что они, вот когда они решили провести конкурс «Мисс Интеграл», чтобы они выделили вот... соответствующее лицо (S₁), <которое (S₁) бы, ну, так сказать, подстегнуло (Pr₁) девушек (S₂), раньше в таких мероприятиях не участвующих, к тому, чтобы тоже как-то поучаствовать (Pr₂)> (И3).**

Санкции и поощрения как операции СДУ

В государственной системе управления субъекту-инициатору также присуща функция контроля выполнения субъектом-исполнителем его поручений, соответствия реально достигнутых целей поставленным изначально. Для этого им используются в качестве факкультативной операции СДУ санкции и поощрения, выражающие соответственно отрицательную и положительную оценку результатов исполняющей операции и приносящие либо вред, либо пользу ее субъекту.

В исследуемой речи гуманитарной интеллигенции Академгородка примеры выражения санкций и поощрений также зафиксированы (всего 80, или 15%). Причем контексты, обозначающие санкции, здесь значительно преобладают над примерами выражения поощрений (68 контекстов, или 12,8%, и 12 примеров, или 2,2%). Данный факт можно объяснить стремлением информантов показать отрицательные стороны социалистической системы управления, представив прежде всего случаи проявления в ней субъектами-инициаторами излишней строгости в оценке осуществления субъектами-исполнителями порученных им операций и применяемых по отношению к ним мер. Полученный результат соответствует общей тенденции в современном русском языке, отмеченной в монографии «Власть в русской языковой и этнической картине мира» [1]. Приведем примеры выражения санкций и поощрений из изучаемого материала: **<Короче, нас раскулачили вот таким образом>, мы остались в чистом поле (И1)** (санкция); **Он получил строгий выговор с занесением в учетную карточку по партийной линии за аморальное поведение и, так сказать, был снят с поста заместителя... (И4)** (санкция); **...вот после Лаврентьева это был самый известный, самый популярный человек, человек всемирно известный, <человек, который первый из академгородских ученых получил Ленинскую премию>... (И4)** (поощрение). Отметим, что второй из представ-

ленных контекстов иллюстрируют системную особенность санкций и поощрений, которая заключается в том, что одни из них часто влекут за собой другие (выговор – увольнение).

Санкции и поощрения характеризуются тем, что воспринимаются как самостоятельные социальные действия, а не как операция СДУ. В связи с этим семантическая модель санкций и поощрений включает в качестве семантической валентности исполняющую операцию СДУ, а управляющая операция остается неактуализированной. Как можно заметить, санкция или поощрение как факультативная операция СДУ связывается с исполняющей операцией причинно-следственным отношением. Таким образом, полная структура санкции или поощрения включает в себя следующие элементы: субъекта, осуществляющего санкцию или поощрение (S_3); предикат с семантикой санкции или поощрения (Pr_3); субъекта, к которому применяется санкция или поощрение (S_2); предикат со значением исполняющего действия, являющегося причиной санкции или поощрения, предшествующего СДУ (Pr_2); субъекта управляющей операции (инициатора) предыдущего СДУ (S_1 или S_3) и предикат с семантикой управляющего действия предшествующего СДУ (Pr_1). Однако в изучаемой речи гуманитарной интеллигенции примеров реализации приведенной структуры описываемых социальных действий в полном виде не зафиксировано. Ее полный вариант, представленный в рассматриваемом материале, включает следующие элементы: S_3 , Pr_3 , S_2 и Pr_2 . Таким образом, реализуемая в анализируемой речи интеллигенции структура санкций и поощрений похожа на структуру СДУ, однако отношения Pr_3 и Pr_2 отличаются: это отношения причины и следствия, в то время как отношения Pr_1 и Pr_2 – целевые. В связи с установленным сходством (с учетом частого совпадения S_3 и S_1) при описании структурных типов СДУ для его удобства и создания более компактной классификации мы не рассматривали санкции и поощрения в качестве самостоятельной группы.

Типы языковой реализации СДУ

На исследуемом материале мы выделили девять вариантов реализации представленной выше структуры СДУ, взяв за основу виды выражения официальных СДУ, представленные в монографии «Власть в русской языковой и этнической картине мира» [1]. Они приведены ниже в порядке убывания количества входящих в них элементов и контекстов, формирующих каждую из групп.

1. S_1 , Pr_1 , S_2 , Pr_2 (инициатор, предикат управляющей операции, исполнитель, предикат исполняющей операции). Указанный вариант рассматриваемой структуры СДУ в полном виде, где эксплицитно выражены все четыре ее элемента, реализуется в 72 контекстах (13,6%). Таким образом, в абсолютном большинстве случаев СДУ в изучаемой речи гуманитарной интеллигенции Академгородка не реализуются во всей полноте своей структуры. Это соответствует общей языковой тенденции, отмеченной в монографии [1]. В данном случае приведенный факт можно объяс-

нить особенностью разговорной речи, которая позволяет говорящему опустить некоторые очевидные социальные смыслы, входящие в пресуппозицию различных лексических и синтаксических единиц. Это возможно благодаря знанию, полученному в том числе из предшествующего повествования, социальных реалий автором и адресатом, наличием у них общей апперцепционной базы. Описанное обстоятельство служит проявлением принципа экономии речевых усилий. Представим некоторые примеры: *Я говорю: «А почему вы (S_1) Галю (S_2) не пригласили (Pr_1) на эту роль (Pr_2)?» (ИЗ); Я-то, вообще, полагала, <что меня (S_2) туда от райкома (S_1) направили (Pr_1)... ну, в некотором смысле надзирать (Pr_2)>... (ИЗ); Я знаю, <что Шанявский (S_1) не жалел средств, привлекал (Rr_1) лучших ученых (S_2) того времени для работы (Pr_2) со студентами> (И5).*

Второй из приведенных примеров интересен тем, что субъект-исполнитель здесь вступает в сложные референтные отношения с субъектом-инициатором, так как фактически он входит в состав последнего, если мыслить сложный социальный субъект как совокупность лиц: райком направляет на работу своего представителя. Этот пример также показывает, что субъект управляющей операции СДУ может быть выражен формой не только именительного падежа, но и родительного падежа с предлогом. Последний контекст показывает, что средства выражения предикатов (в данном случае предиката исполняющей операции) СДУ в исследуемом материале разнообразны. В частности, помимо глаголов и их форм для этой цели могут использоваться имена существительные с семантикой действия или, что представлено в рассматриваемом контексте, деятельности.

2. S_1 , Pr_1 , S_2 (инициатор, предикат управляющей операции, исполнитель). Приведенный вариант реализации структуры СДУ является самым распространенным в рассматриваемой интеллигентской речи (166 контекстов, 31,3%), что составляет ее особенность, так как в монографии [1] он не описывается как значительно преобладающий. Указанная структура характерна прежде всего для социальной деятельности управления, о которой говорилось выше. Следовательно, подобные контексты составляют большую часть в описываемой группе. Таким образом, для информантов первостепенное значение приобретает не сам факт действия, а характеристика лица, являющегося субъектом-инициатором, и его отношений с субъектом-исполнителем. Можно предположить, что преобладание рассматриваемого варианта структуры СДУ отражает специфику жанра, с помощью которого респонденты взаимодействовали с аудиторией, – рассказа-воспоминания. Приведем некоторые из них: *Она очень долгое время руководила (Pr_1) нашей картинной галереей (S_2) вот эта Галя Лаевская (S_1) (ИЗ); Это Игорь Витальевич Силантьев (S_1), сейчас директор (Pr_1) института (S_2) филологии (И6); Ну откровенно говоря, не только ученые так относились, но вот мой (S_2) командир (Pr_1) Иван Егорыч Гаврош (S_1)... (И2).* Отметим, что субъект-исполнитель в последнем случае выражен формой притяжательного местоимения, а предикат управля-

ющей операции во втором и третьем примерах выражается с помощью имени существительного с семантикой деятельности (которая в данных контекстах становится обозначением социального статуса). Это служит проявлением разнообразия используемых языковых средств в изучаемом материале. Приведем также пример собственно социального действия управления рассматриваемой структуры: *Герман Петрович Безносков, который, кстати сказать, был большим вообще выдумщик и работал в Институте автоматики, <и, собственно говоря, его (S₂) Толя (S₁) переманил (Pr₁) в «Интеграл»>... (ИЗ).*

Важно обратить внимание на то, что в состав данной группы, как и многих других, входят различные односоставные предложения, прежде всего неопределенно-личные. В настоящей работе мы относили их к структурным типам с представленными конкретными субъектами на основании выраженности этих субъектов личными окончаниями глаголов. Приведем подобные примеры: *Ну и правда, меня (S₂) через три дня зачислили (Pr₁, S₁). На... на факультет журналистики (И1); Приглашают (Pr₁, S₁) не только, значит, Валентина Александровича Аврорина (S₂), но и профессора Тимофеева (S₂) (И6)* (неопределенно-личные предложения).

3. **S₁, Pr₁, Pr₂** (инициатор, предикат управляющей операции, предикат исполняющей операции) – 56 контекстов, 10,5%: *Руководил (Pr₁) подготовкой (Pr₂) академик Орлов Александр Сергеевич (S₁), литературовед (И2); ...под его (S₁) руководством (Pr₁) были созданы (Pr₂) установки... так называемые парогазовые установки>... (И4).* В последнем из представленных примеров предикат исполняющей операции выражен краткой формой причастия, что также свидетельствует о разнообразии применяемых языковых средств в исследуемой речи гуманитарной интеллигенции. При этом в качестве предикатов исполняющих операций здесь могут использоваться слова с семантикой не только действия или деятельности, но и события, мероприятия: *Двадцатые годы, когда она (S₁) затеяла (Pr₁) эти субботники (Pr₂) (И5); Вот игру (Pr₂) устроили (Pr₁) наши учителя (S₁), значит вот: «Кто неправильно русское слово при нас скажет, тот приглашает на плов!» (И3).* В рассматриваемом материале также зафиксированы примеры, в которых предикат исполняющей операции СДУ выражен указательным местоимением «это» или местоименным наречием «так» с предикативным антецедентом: *Но ведь это (= одного ученого подвергли гонениям, Pr₂) же не Путин с Медведевым (S₁), так сказать, санкционировали (Pr₁) (И4); Он: «Да вот, это ведь не я, это вот Михаил Алексеевич (S₁) так (= нужно перевести гуманитарный факультет в другой город, Pr₂) говорит (Pr₁)...» (И2).*

4. **Pr₁, S₂, Pr₂** (предикат управляющей операции, исполнитель, предикат исполняющей операции) – 25 контекстов, 4,7%: *Я видела воззвание (Pr₁) в газете местной к молодежи (S₂), которая пусть в горы лезет и выращивает (Pr₂) там сады (И3); Первый ее поступок, значит, состоял в том, <что она собирала деньги на разрешенный (Pr₁) концерт (Pr₂) Галича (S₂) > (И3).*

5. **Pr₁, S₂** (предикат управляющей операции, исполнитель) – 78 контекстов, 14,7%: *Те, кто составляли прежде этот словарь, разъехались, <нужно было набрать (Pr₁) молодых аспирантов (S₂)> (И2); А ректор говорит: «Да, вы знаете, у меня таких, как она, несколько человек по университету (S₂). Но ведь мне надо дать хлебную карточку, <а у нас (S₂) лимит (Pr₁) на хлебные карточки...»> (И1); Это был сорок, эхх... простите, это был сорок шестой год, <были сплошные демобилизованные (Pr₁) ребята (S₂)> (И1).*

6. **S₁, Pr₁** (инициатор, предикат управляющей операции). Указанный вариант структуры СДУ является одним из наиболее широко представленных в исследуемой интеллигентской речи (83 контекста, 15,7%). Именно он описывается как наиболее распространенный в монографии «Власть в русской языковой и этнической картине мира» [1]. Приведем подобные примеры: *Его привезли, он сидел... привезли в «Интеграл», <и он (S₁) сидел в жюри (Pr₁)> (И3); Это опять Александр Данилович Александров, <который (S₁) был некое время ректором (Pr₁)> (И3); Они (S₁) были... там дверь, знаете, приоткрыли (Pr₁), но так, что вот в эту щелочку вот кто-то один протиснулся, и дверь тут же хлоп – и захлопнули (И5)* (в данном случае глагол, которым выражен управляющий предикат, имеет метафорическое значение).

7. **Pr₁, Pr₂** (предикат управляющей операции, предикат исполняющей операции) – 14 контекстов, 2,6%: *И никогда уже с тех пор в Академгородке не было такой инновационной деятельности (Pr₂), <то есть это (Pr₂), так сказать, было заблокировано (Pr₁)> (И4); Разумеется, эта речь делает плохую услугу русскому литературному языку, который начинает испытывать влияние средств массовой информации. Это совершенно, конечно, нежелательно. <Нарушаются (Pr₁, отрицательная реализация исполняющей операции) нормы² (Pr₂) > (И2).*

8. **S₂, Pr₂** (исполнитель, предикат исполняющей операции). Представленный вариант реализации структуры СДУ является наименее распространенным в исследуемой речи гуманитарной интеллигенции (4 контекста, 0,7%). Приведем эти примеры: *Не нашли никаких нарушений, <чтобы кто-то (S₂) воровал (Pr₂)>, <кто-то (S₂) там злоупотреблял (Pr₂) этим> (И3); И вот это, собственно, и был, так сказать, по тем временам основной... основной криминал (Pr₂), основной объект претензий к этим людям (S₂) (И4); ...райком КПСС принимал решение о привлечении его (S₂) к уголовной ответственности, <поскольку куча была всяких, так сказать, тоже нарушений³ (Pr₂)> (И4).* Важно обратить внимание на то, что во всех представленных случаях имеет место отрицательная реализация субъектом-исполнителем операции, порученной ему субъектом-инициатором: руководитель запретил воровать, однако подчиненный воровал, т.е. не выполнил его приказ. При этом в первом примере наличие дополнительного отрицания опровергает указанные негативные факты (обозначенные нарушения в действительности не имели места).

9. **Pr₁** (предикат управляющей операции) – 32 контекста, 6%: *...идея научного сообщества, идея научной*

структуры как основы вообще всего **управления** (Pr₁) – это вот у него была такая идея-фикс (**И4**); < Тогда не было **ограничений** (Pr₁) объема> – у меня кандидатская была вдвое больше моей докторской (**И1**).

Таким образом, из приведенной классификации можно заключить, что в исследуемой речи гуманитарной интеллигенции Академгородка СДУ представлены в 9 вариантах своей структуры. Как правило, они реализуются в неполных ее вариантах. При этом во всех (за единичными исключениями) рассматриваемых примерах выражен предикат управляющей операции, что позволяет сделать вывод о его обязательности и главной роли в структуре действия описываемого типа, остальные компоненты которой могут опускаться. Данный результат соответствует общей тенденции, выявленной в монографии «Власть в русской языковой и этнической картине мира» [1]. Он служит проявлением особенности разговорной речи, которая допускает невыраженность некоторых очевидных для говорящего и слушающего социальных смыслов, а также принципа экономии речевых усилий. Специфика устной речи гуманитарной интеллигенции заключается в том, что, по сравнению с данными, представленными в [1], значительно преобла-

дающим в ней оказывается другой, более полный вариант структуры СДУ, включающий инициатора, предикат управляющей операции и исполнителя.

Выводы. Итак, СДУ, включающие управляющую и исполняющую операции, представляют собой сложные действия коагентивного типа, при которых оба социальных субъекта стремятся к достижению одной цели. Для оценки полученных результатов и стимулирования субъектами-инициаторами применяются санкции и поощрения, являющиеся особыми операциями СДУ. С точки зрения наличия юридической оформленности самого действия и отношений между его субъектами рассматриваемые действия делятся на официальные, примеры языкового выражения которых преобладают в изучаемом материале, и неофициальные. Анализ структурных типов СДУ показал, что обычно они реализуются в неполных вариантах своей структуры, при этом практически всегда эксплицирована управляющая операция (ее предикат), что говорит о ее большей значимости для информантов. Для выражения компонентов описываемых действий в исследуемой речи гуманитарной интеллигенции используются разнообразные языковые средства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Явные и скрытые семы – деление сем по характеру их представленности в лексическом значении (ЛЗ) слова. «Явные семы представлены в ЛЗ непосредственно, явно, не скрыты в каких-нибудь других семах. Скрытые семы потому и называются так, что они скрыты в других семах. Явные семы эксплицируются в словарных метатолкованиях и контекстах, скрытые семы не имеют явной выраженности. В то же время скрытые семы, как правило, осознаются говорящими на основании их коллективного опыта» [7. С. 62]. В данном случае, как известно из опыта, принудить кого-либо к чему-либо можно только против его воли.

² «Норма» в данном случае представляет собой управленческое решение (кто-то распорядился так, чтобы что-то считалось нормой, которую следует соблюдать). См. о законе: [1. С. 209–211].

³ «Нарушение» в рассматриваемом случае представляет собой отрицательную реализацию исполняющей операции (были нарушения с его стороны – он нарушал).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермаков С.В., Ким И.Е., Михайлова Т.В., Осетрова Е.В., Суховольский В.Г. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Знак, 2004. 408 с.
2. Ким И.Е. Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия: фрагмент языковой картины мира // Филология и человек. 2011. № 2. С. 59–71.
3. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1988. 54 с.
4. Кошкарёва Н.Б. Синтаксис современного русского языка. Ч. 1. Простое предложение: Материалы к лекциям. Новосибирск, 2010. 264 с.
5. Ким И.Е. Сопричастность и контроль в личной и социальной семантических сферах современного русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2011. 433 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
7. Лукьянова Н.А. Термины и понятия лексикологии в схемах, таблицах, пояснениях и образцы анализа слов. Новосибирск, 2013.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. пед. ин-т, 1992. 330 с.
9. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 187 с.
10. Крысин Л.П. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 34–54.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 апреля 2019 г.

The Linguistic Expression of Social Management Actions (On the Material of the Oral Speech of Scholars)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 52–59.

DOI: 10.17223/15617793/444/6

Olga N. Zyuzina, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: 8olechka@mail.ru

Keywords: semantics of action; social semantics; social action; management action; scholars.

The article aims to study the linguistic expression of social management actions in the oral speech of scholars of Novosibirsk Akademgorodok on the material of decoded audio recordings of the scholars' speech in six informal public conversations held in the framework of the project "Legends and Myths of Akademgorodok" organized by the Section of General and Russian Linguistics of the Institute for the Humanities of Novosibirsk State University. The general meaning of a social management action can be described in the following way: the first social subject entrusts the second social subject to perform an action. Consequently, the first

subject is the leading participant of this situation. Thus, the analyzed management actions consist of managing and executive operations, so they are complex co-agentive, or cooperative, actions whose subjects perform different operations yet tend to achieve the same goal. The complete structure of this action includes the following elements: the managing subject, or initiator (S1), the predicate with the semantics of a management action (Pr1), the executing subject, or performer (S2), the predicate with the meaning of an executive action (Pr2), i.e. any action, not only social action. Initiators also use sanctions and incentives, which are special social management actions, to evaluate the results and to stimulate performers. Along with this, the boundaries between managing and executing subjects are relative and are set by a specific situation. This is explained by the feature of the state management system, in which one subject being the initiator in relation to a certain performer is simultaneously a performer in relation to another initiator who is higher in the social hierarchy. It is important that the management situation can be complicated, because actions of this type, like any other, can be regularly reproduced; as a result, social management activity is formed. Social management actions are divided into official and unofficial in terms of the legal formalization of the action itself and the relations between its subjects. Social management actions are mainly official actions, because the management situation itself implies, first of all, legally formalized hierarchical relations between its participants. The analysis of structural types of social management actions showed that usually they are not realized in the full of the structure in the studied material. This fact can be explained by the peculiarity of the colloquial speech that allows speakers to omit some obvious social meanings and by the principle of economy of speech efforts. At the same time, the managing operation (its predicate) is verbalized in almost all cases, so it is more important for informants than the executive operation. Various linguistic means are used for expressing the components of the described actions in the investigated speech of scholars.

REFERENCES

1. Ermakov, S.V. et al. (2004) *Vlast' v russkoy yazykovoy i etnicheskoy kartine mira* [Power in the Russian language and ethnic pictures of the world]. Moscow: Znak.
2. Kim, I.E. (2011) Consequence, Goal and Communicative Intention in the Semantics of Social Action: Fragment of Language Picture of the World. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 59–71. (In Russian).
3. Shmeleva, T.V. (1988) *Semanticheskiy sintaksis: Tekst lektsiy iz kursa "Sovremennyy russkiy yazyk"* [Semantic syntax: The text of lectures from the course "Modern Russian"]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
4. Koshkareva, N.B. (2010) *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [The syntax of modern Russian]. Pt. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
5. Kim, I.E. (2011) *Soprichastnost' i kontrol' v lichnoy i sotsial'noy semanticheskikh sferakh sovremennogo russkogo yazyka* [Participation and control in the personal and social semantic areas of modern Russian]. Philology Dr. Diss. Krasnoyarsk.
6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language. 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik.
7. Luk'yanova, N.A. (2013) *Terminy i ponyatiya leksikologii v skhemakh, tablitsakh, poyasneniyakh i obraztsy analiza slov* [Terms and concepts of lexicology in diagrams, tables, explanations and patterns of word analysis]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
8. Karasik, V.I. (1992) *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of the social status]. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Volgograd State Pedagogical Institute.
9. Krysin, L.P. (1989) *Sotsiolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka* [Sociolinguistic aspects of studying modern Russian]. Moscow: Nauka.
10. Krysin, L.P. (1986) *Sotsial'nye ogranicheniya v semantike i sochetnosty yazykovykh edinit* [Social restrictions in semantics and compatibility of language units]. *Semiotika i informatika*. 28. pp. 34–54.

Received: 06 April 2019

А.Б. Стрельникова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ «ПРОИЗВОЛЕ»: АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ СБОРНИК «THE SWEET-SCENTED NAME» Ф. СОЛОГУБА В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКИХ АФОРИЗМОВ

Исследование посвящено изучению англоязычного сборника рассказов Ф. Сологуба в аспекте обоснованности субъективной выборки текстов, произведенной переводчиком. В качестве верификатора привлекаются неопубликованные при жизни автора афоризмы, рассматриваемые как пред-текст. Выявлены тематические и художественные параллели между текстами, помещенными в переводной сборник, и авторскими афоризмами. Проведенный анализ свидетельствует о том, что тексты, составившие сборник, фиксируют принципиально значимые для русского автора темы и воссоздают опорные элементы его поэтики.

Ключевые слова: Сологуб; дневниковый текст; афоризмы; художественный перевод; переводческая рецепция.

Художественный перевод, являющийся формой репрезентации оригинального текста в иноязычной культуре, всегда несет в себе отпечаток творческой индивидуальности переводчика. Сопоставительный анализ оригинала и перевода позволяет определить уровни художественного текста, на которых возникают трансформации, и выявить индивидуальную переводческую стратегию. В случае, когда результатом переводческой работы становится сборник (сборник малой прозы, поэтический сборник, цикл, книга и т.п.), творческая индивидуальность переводчика проявляется уже на этапе отбора и компоновки текстов. В этом аспекте особо показательной представляется публикация первых сборников переводов, поскольку, во-первых, это ситуация первого знакомства иноязычного читателя с творчеством автора, и во-вторых, в силу того, что последующие переводные сборники появляются уже «в контексте» первого, что в определенной степени и определяет их состав: либо обращение к ранее не переведенным текстам, либо создание нового перевода (в результате чего возникает феномен переводной множественности). В целом данная проблема снимается в случае, когда перевод выполнен при жизни автора и вопрос о конкретном объекте перевода обсуждается с автором напрямую. Напротив, в ситуации отсутствия документов, прямо или косвенно свидетельствующих о воле автора, возникает необходимость прояснения специфики переводческой рецепции и определения степени произвольности в переводческой интерпретации через обращение к оригинальному творчеству автора, в том числе к дневниковым текстам как форме авторской саморефлексии.

Ф. Сологуб – писатель, в чьем творчестве идея солипсизма реализуется с максимальной для русской литературы интенсивностью: «Нет иного бытия, как только я...» (стихотворение «Все во всем...») [1. С. 353], «Я – бог таинственного мира» [1. С. 370–371], «Беру свое везде, где нахожу его» (из письма к А.А. Измайлову) [2. С. 419] и т.д. За Сологубом прочно закрепился статус художника предельного самоутверждения, что дает основание предположить высокую вероятность наличия в творческом наследии автора эго-текста, т.е. текста о себе самом и обстоятельствах собственной жизни. В определенном смысле таким текстом является «Канва к биографии» [2. С.

250–260], представляющая собою компоновку кратких записей автора, охватывающих период с раннего детства до 1907 г. (увольнение в отставку за выслугой 25-летнего стажа, с этого времени Сологуб занимается исключительно литературным трудом). Записи сопровождаются указанием места, иногда даты, но наиболее примечательной особенностью этого текста является краткость фрагментов: это фиксация локаций, присутствующих лиц, обрывков разговоров, редко – с лаконичным комментарием автора, с множественными сокращениями. Эта дневниковая форма не провоцирует автора на размышления, воспоминания, обобщения и т.п. Вероятно, это во многом объясняется отношением Ф. Сологуба к составлению биографий, выраженным им в интервью А.А. Измайлову: «Указание внешних вех жизни я считаю слишком мало уясняющим жизнь человека» [3. С. 6].

Сологуб часто фиксировал воспоминания, размышления, отрывки художественных текстов, наброски переводов на отдельных листах, в тонких тетрадах, на карточках. Подобная фрагментарность не являлась проявлением творческой рассеянности: «писатель-инспектор» (пользуясь определением М. Павловой) [4] нередко создавал целые картотеки, в том числе с фиксацией даты создания текста, наименованием издания (в которых текст печатался или в которые подавался для публикации), наименованием текста оригинала (в случаях с переводом) и прочей фактической информацией. Примечательно, что одной из характерных черт творческой работы писателя становится комбинирование фрагментов. Об этом красноречиво свидетельствует работа А.В. Сысоевой «Творимая легенда»: история текста и принципы издания» [5]. Так, исследователь указывает, что метод работы Ф. Сологуба с текстом романа-трилогии характеризуется автономностью и взаимозаменяемостью элементов разных уровней (слов, предложений, фрагментов, персонажей, сюжетных ходов).

Своего рода компенсаторную функцию по отношению к «Канве к биографии» выполняют авторские афоризмы (словом «афоризмы» обозначаем два текста, озаглавленные собственно «Афоризмы» [2. С. 192–200], а также «Достоинство и мера вещей» [Там же. С. 201–206]). Афоризмы Сологуба состоят из отдельных лаконичных фрагментов философского содержания, характеризующихся неординарностью

лексических приемов и синтаксических конструкций. Примечательным является и тот факт, что афоризмы занимают особо значимое место в художественном наследии автора, поскольку известно, что незадолго до смерти Ф. Сологуба по его же просьбе некоторые из особо ценных для автора бумаг были перебелены родственницей его жены Ольгой Черносвитовой, и в их числе – «Достоинство и мера вещей» (подробнее см.: «Вступительная заметка к публикации текстов “Афоризмы” и “Достоинство и мера вещей” М.М. Павловой» [2. С. 189–191]).

Афоризмы рассматриваются исследователями в качестве одного из малых жанров дневникового текста [6]. Во-первых, импульсом к созданию афоризма всегда служит событие реальной жизни; описание события как такового может отсутствовать, но фиксируется впечатление и рефлексия «по поводу». Во-вторых, значимой характеристикой является фрагментарность: даже ввиду отсутствия дат сохраняется установка на принципиальную разделимость текста. Безусловно, афоризмы являются способом «выговаривания» себя (множество узнаваемых мотивов), пусть косвенно, посредством изображения других субъектов и вещей именно такими, какими воспринимает их автор. В целом афоризмы Сологуба представляют собой некий пред-текст его творчества (по определению М.Ю. Михеева, «текст в его неокончателном, черновом, незаконченном виде, к которому автор еще предполагает вернуться, чтобы его переписать или дополнить» [6]): фиксируя знаковые аспекты поэтики Сологуба, «Афоризмы» и «Достоинство и мера вещей» предстают как принципиально незавершенные, или «бесконечные», открытые к дополнениям путем увеличения числа фрагментов.

Афоризмы представляют собой оригинальные высказывания Сологуба о добре и зле, красоте и безобразии, пользе и искусстве, любви и смерти. Некоторые фрагменты звучат вполне актуально и в контексте XXI в., например: «Ученые поступают слишком попростежки, отдавая свои услуги государству; они сами могли бы установить царство гения и науки» [2. С. 194]; «Чем больше порицают газеты правителей, тем лучше правительство. Если же министрам льстят в печати, то это признак полнейшего порабощения общества» [Там же]; или «Человек может быть кумиром толпы, – толпа не должна быть кумиром человека» [Там же]. Другие выглядят парадоксально и провокационно: «Прелюбодействуй целомудренно» [2. С. 195]; «Не будь слишком правдив, – а то тебя сочтут лжецом» [Там же]; «Я не знаю, – и кто знает? – Сатана ли искушал Христа в пустыне, или Христос Сатану» [Там же. С. 198]. Некоторые из афоризмов звучат иронично, если не саркастично: «Воровать труднее, чем работать. Поэтому справедливо, что удачливых воров почитают люди. Ценят здесь их искусство» [Там же. С. 194], или «Для толпы вещи ценнее людей: уважают того, кто имеет или делает вещи; презирают того, кто не имеет вещей; ненавидят отнимающего или ворующего; убийц охотнее прощают, чем воров...» [Там же. С. 197] и т.д. Одно неизменно: Сологуб предстает в этих текстах как мыслитель: афоризмы наиболее точно воссоздают парадигму его худо-

жественного сознания, фиксируя принципиальные составляющие авторской поэтики. Важно, что афоризмы, будучи материалом личным и откровенным (последний из афоризмов – «Интимное стало всемирным» [2. С. 200]), при жизни автора не издавались и были опубликованы только в конце 90-х гг. XX в. Представляется, что этот документ может свидетельствовать о мощном рецептивном потенциале текстов русского писателя и может быть привлечен, в том числе для исследования англоязычной переводческой интерпретации.

Первые переводные сборники Сологуба, опубликованные на английском языке, датируются 1915 г. Сборник «The Old House and Other Tales» выходит в переводе Дж. Курноса. В истории англоязычного перевода эта фигура достаточно известная: он переводит также произведения А. Ремизова и Л. Андреева. Джон Курнос состоял в переписке с Сологубом, приезжал в Россию (однако личной встречи не случилось ввиду исторических обстоятельств), и можно говорить о том, что в данном случае выбор текстов (а в отдельных случаях – и сами переводческие решения) обсуждались напрямую с автором. Сборник включает преимущественно «детские» рассказы (тексты, посвященные теме детства, системам образования и воспитания), а также рассказы о пограничном состоянии человеческой души и метафизической реальности. Художественные произведения русского автора воспринимаются в контексте творчества Э. По, что переводчик и фиксирует в предисловии: “<...> if Poe were a Russian, he might have written as Sologub writes” («будь По русским, он писал бы как Сологуб») (здесь и далее перевод наш. – А.С.)) [7. С. 10].

Второй сборник, переведенный Стивенем Грэмом, озаглавлен «The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales». Издание так же, как и издание переводов Курноса, включает предисловие от переводчика, в котором Грэм говорит о том, что отбор текстов для перевода осуществлялся им самим и его женой; получившийся же сборник «создает представление об очень значительном художественном творчестве» («This volume, which my wife and I have selected and translated, is offered as a foretaste of some very remarkable work» [8. С. 9]). Состав сборника выглядит достаточно неожиданно: переводчик уже в самом начале предисловия заявляет (и потом по тексту еще раз акцентирует) мысль о том, что автор – один из умнейших современных русских писателей, и именно ввиду такого ракурса восприятия существенную долю в подборке (15 из 29 текстов) составляют сказки. Сологуб создает оригинальный цикл сказок в середине 1890-х гг., и первые публикации отдельных миниатюр появляются уже в 1898–1899 гг., как отдельные издания – в 1904 (на обложке – 1905 г.) и 1906 гг. Последовавшие затем критические отзывы были весьма далеки от положительных: «образчик бессмыслицы», «одно сплошное недоумение» (цит. по: [4. С. 202]) и т.д. Автору выдвигались претензии в непонятности и бессмысленности текстов, неясности художественной идеи и пр. Сказочки называли «крошечными по размерам и по мысли» [Там же. С. 203]. Справедливости ради следует заметить, что позже (уже в конце 1905 г.)

в критике намечается тенденция к пересмотру критических оценок «Книги сказок», и вместе с изменением общей политической ситуации в стране за сказками Сологуба признается глубокий смысл. Таким образом, первоначальный прогноз массовой печати об отсутствии читательской аудитории у книги (не для детей и не для взрослых) оказался несостоятельным. Более того, именно через сказки с Сологубом знакомится англоязычный читатель.

В книге сказок, как справедливо замечает М. Павлова, Сологуб сочетает притчу с элементами поэтики абсурда. По свидетельствам современников, Сологуб имел природные наклонности к занятиям логикой, логическим и речевым экспериментам, сочинению каламбуров. Как фиксирует Э. Голлербах, «нужно было длительное общение с ним, долгие беседы, чтобы увидеть его “во весь рост”, узнать исключительную остроту и пронизательность его капризного ума, проследить тонкие извилистые изгибы его мысли, оценить огромную его культурность. Слушать его проповеди-импровизации на любую, случайно брошенную тему было величайшим наслаждением. Он “препарировал” любой образ, любое явление по-своему, по-Сологуби, выворачивая тему наизнанку <...> он бросал иногда тезисы, вызывающие недоумение, – и через полчаса это недоумение рассеивалось под неотразимым воздействием его парадоксальных доводов» [9. С. 151]. Во многом именно таким Сологуб и предстает впервые перед западным (англоязычным) читателем.

В предисловии от переводчика Грэм ставит Сологуба в один ряд с А. Чеховым, А. Куприным и А. Ремизовым, замечая, однако, что Сологуб является «более современным» («he is more modern than these» [8. С. 7]): у русского автора новые мысли, новый язык (для вербализации этих мыслей) и абсолютно новый стиль (для адекватной из репрезентации). Сологуб предстает как мастер суггестии, внушения; он околдовывает с первых фраз и не отпускает уже читателя до финала («he can cast the reader into a spell and they say magical sentences in his ears» [Там же]). Кроме того, в текстах Сологуба, по замечанию переводчика, отразилось потрясающее чувство юмора автора.

Тексты, отобранные С. Грэмом, часто являются своего рода художественными иллюстрациями к неопубликованным при жизни афоризмам. В переводе сборник озаглавлен «The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories» («Благоуханное имя и другие сказки, истории и рассказы»). Фиксация в заглавии малопопулярной в России авторской сказки является проявлением глубокой художественной интуиции переводчика, не претендующего, как видно из предисловия, на литературно-критическое осмысление творчества Сологуба (отбор текстов производится на основе субъективного критерия). Во-первых, Грэм очень точно «улавливает» суть декадентского искусства, метафорично сформулированную в одном из писем к З. Гиппиус А. Блоком: «Декаденты ведь ангелы, не забывшие о своем начальстве, но “оставившие” свое жилище. Всегда брезжит в памяти иной смысл, когда кругом отбивается такт мировой жизни» [10. С. 46]. Во-вторых, уже в заглавии сборника пере-

водчик делает акцент на принципиально важной для понимания творчества русского писателя авторской концепции слова.

Повествование сказки «Благоуханное имя» выстраивается вокруг царевны Маргариты – ангела, в наказание за высокомерие отправленного на землю и забывшего «про небо, и про все, что было, и <...> даже свое имя». Царевна Маргарита постоянно ощущает неполноту бытия и пытается вспомнить свое настоящее имя. При этом окружающие даже сомневаются в умственных способностях царевны, которая хочет «слышать рассвет», «чувствовать запах слов» и т.д. Однажды царевна попадает в дом крестьянской девочки, жалеет ее и, чтобы порадовать, начинает петь и танцевать. Девочка вспоминает, что однажды видела во сне танцующего ангела и громко называет его имя, дом наполняется ароматом цветов, и царевна Маргарита вспоминает все: и свое небесное имя, и ангельский статус, и причину, по которой была отправлена на землю. Важно, что само имя не названо (подобный ход Сологуб использует и в других своих произведениях, например в рассказе «Одно слово», где единственное слово, написанное в записке и разрешающее сюжетную коллизию, так и не названо). Это отвечает авторской концепции слова как такового; и в афоризмах находим: «Слова возрастают в своем значении. Грядет Слово – царить, судя» [2. С. 198]. Как пишет Сологуб в статье «Не постыдно ли быть декадентом» [4. С. 494–501], земные слова «закрывают от нас действительность» [Там же. С. 499], люди привыкли к шаблонам, и точная речь кажется им непонятной в силу своей неожиданности: «Если декадент говорит о зеленых собаках ревности или о голодных царевнах в пустыне... слова вводятся в новые и точные сочетания, непривычные для слуха, – хотя некоторые из них употреблялись и в старину <...> декадентство вызывает заботу об очищении и улучшении речи, об ее точности и силе» [Там же. С. 500]. Повышенное внимание к слову, ощущение его сакральности, постоянное стремление обрести слово истинное, т.е. «благоуханное имя», и есть важнейшая задача писателя.

Другой афоризм актуализируется в тексте сказки «Благоуханное имя» в отношениях окружающих к царевне Маргарите: «Чем святее для тебя истина, тем менее говори о ней: люди подумают, что их хотят обмануть, и запачкают твою правду своею глупостью» [2. С. 194]. Царевна, ввиду своего божественного происхождения, интуитивно ощущает существование истины, пытается говорить о ней, в первую очередь задавая вопросы своим близким – отцу, матери, няне. Но никто не мог ответить на ее вопросы, все только смеялись, и «стали говорить в той стране, что у царя дочка растет глупая. И было много заботы царю, сделать так, чтобы царевна была как все. Но она все задумывалась и спрашивала о ненужном и странном...» [11. С. 34].

Примеры подобных художественных иллюстраций множественны. Так, афоризм 34 гласит: «Подчиняйся всему, что установят люди: все это слишком ничтожно, чтобы спорить против этого» [2. С. 195]; и Турандина, героиня одноименного рассказа, извлекает из

мешка неизвестно откуда взявшийся там паспорт, чтобы избежать конфликта с урядником и отвести подозрения от своего возлюбленного, при этом вслух произносит: «<...> меня никогда не звали Тамарою. Эта книжка говорит неправду, – она для твоего урядника и для всех тех, кто правды не знает и знать не может. А я – Турандина, дочь короля Турандоне. Живя среди людей, уже успела я увидеть, что правды они не хотят» [12. С. 420].

Художественной иллюстрацией к афоризму «Не отвергаю добра, – но ничтожно и лицемерно добро Ваше. Не хвалю зла, но что есть зло? То, что иным зло – возвышеннее и лучше добра» [2. С. 203] является сказка «Леденчик» (The Bit of Candy): «добрая» девочка, подумав о леденце «Съесть самой или на бедных пожертвовать?», решает, что «Лучше буду делиться с бедными пополам», и затем доедает последние полполовинки, ведь «так мало осталось, что уже и не стоило отдавать бедной девочке» [11. С. 16]. Афоризм «Элемент опасности должен быть в воспитании. Иначе дряблые и дранные вырастут дети» [2. С. 204] раскрывается в сказке «Нежный мальчик» (The Delicate Child). И совсем традиционно в контексте творчества Сологуба звучит афоризм «Если же ты слаб, удел твой – удел раба. Служи сильным и не ропщи. – Устанешь, озлишься – умри» [Там же. С. 204], иллюстрацией к которому служит рассказ «Голодный блеск» (The Hungry Gleam). Заметим здесь, что на английский язык данный рассказ переводился дважды, переводы Дж. Курноса и С. Грэма сделаны почти одновременно (публикуются в составе сборников в 1915 г.), при этом существенно отличаются ракурсами переводческой (т.е. первой читательской) интерпретации, что отражается уже в переводе заглавий – «The Glimmer of Hunger» Дж. Курноса (буквально – «Мерцание / Проблеск голода») и «The Hungry Gleam» С. Грэма (буквально – «Голодный блеск»).

Итак, основными темами сборника в переводе С. Грэма становятся абсурд земного существования и

попытка обрести себя, относительность добра и зла, невозможность «карманной истины», сакральность слова. Выбор текстов осуществлен переводчиком и до сих пор не было обнаружено свидетельств тому, что Сологуб каким-либо образом влиял на отбор произведений. Принципиально, что весьма значительную часть сборника составляют сказки-притчи, лаконичные по форме и по самой сути своей провоцирующие интерпретацию, читательское истолкование-дистраивание. Тексты, отнюдь не сразу воспринятые современниками-соотечественниками, высоко оценены переводчиком, и именно с ними Сологуб входит в англоязычную переводную литературу. Выявленные тематические и художественные параллели между текстами, помещенными в переводной сборник, и авторскими афоризмами свидетельствуют о том, что подборка в переводе оказывается созвучна дневниковым афоризмам, текстам, принципиально важным для самого русского автора, опубликованным исследователями в конце XX в. и на английский язык не переводившимся. Переводы, составившие ранний англоязычный сборник, фиксируют принципиально значимые для русского автора темы и воссоздают опорные элементы его поэтики. Таким образом, переводчик очень точно «считывает» Сологуба (что афоризмы и подтверждают). Следуя концепции слова, разработанной самим Сологубом, возможно, что именно в силу своей совершенно объективной дистанцированности от «словесных шаблонов» языка оригинала, следуя за сюжетами и образами, переводчик «улавливает», прежде всего, те краеугольные смыслы, которые формируют парадигму художественного мышления и творчества автора. На этапе знакомства англоязычного читателя с творчеством Сологуба переводчик обратился к жанру, отнюдь не определяющему в творчестве русского автора, актуализировав те смыслы его творчества, которые традиционно не являлись и не являются доминантными в представлении русскоязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сологуб Ф. Полное собрание стихотворений и поэм : в 3 т. СПб. : Наука, 2014. Т. 2, кн. 1. 992 с.
2. Неизданный Федор Сологуб. М. : Новое литературное обозрение, 1997.
3. Аякс <Измайлов А. А.>. У Ф.К. Сологуба // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. № 13151. 19 сент.
4. Павлова М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф.К. Тетерников. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 512 с.
5. Сысоева А.В. Роман Ф. Сологуба «Творимая легенда»: история текста и принципы издания : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 177 с.
6. Михеев М.Ю. Дневник в России XIX–XX века – эго-текст, или *пред*-текст. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>
7. Sologub F. The Old House and Other Tales / translated from the Russian by John Cournos. London : Martin Secker, 1915.
8. Sologub F. The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories / ed. by Stephen Graham. London : Constable and Company Ltd., 1915.
9. Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб. : ИНАПРЕСС, 1998. 566 с.
10. Письмо А.А. Блока к З.Н. Гиппиус, 14 сентября 1902 // Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л. : Гослитиздат, 1963. Т. 8. 770 с.
11. Сологуб Ф.К. Собр. соч. : в 12 т. СПб. : Шиповник, б.г. Т. 10. 230 с.
12. Сологуб Ф. Книга стремлений. Неутолимое. Рассказы. СПб. : Навьи Чары, 2002. 529 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 апреля 2019 г.

Towards Translator's "Excesses": *The Sweet-Scented Name* by F. Sologub in the Context of Authorial Aphorisms

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 60–64.

DOI: 10.17223/15617793/444/7

Anna B. Strelnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: annas24@yandex.ru

Keywords: Sologub; "diary" text; aphorisms; translation of fiction; translator's reception.

The research is conducted within the scope of receptive aesthetics and deals with the analysis of one of the first Fyodor Sologub's collections of stories translated into English. The focus of the study is the content of the collection composed by the translator through selecting the stories according to his own preferences. The texts investigated in the course of the research include the lifetime edition of fairy tales within Sologub's collected writings issued in 12 volumes, the reprint of English-language collection of stories *The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories* translated by S. Graham and published in 1915, Sologub's "Aphorisms" and "Things' Worth and Value" that remained unpublished during his lifetime (the latter two are considered to be pre-text). The first collections of stories by Sologub were translated into English and published in 1915. *The Old House and Other Tales* was translated by J. Cournos, who also translated the writings by A. Remizov and L. Andreyev. Cournos and Sologub were in correspondence; therefore, it is possible to trace back how the texts were selected and how some of the translation choices were made, as a rule, in discussion with the author of the original texts. The collection of stories translated by S. Graham comprises a noticeable number of fairy tales (15 out of 29 texts in total). Despite the fact that the translator did not choose the most famous writings and the tales were selected based on the translator's preferences, the comparative analysis of Sologub's aphorisms and his writings translated by Graham shows a number of mutual points. Graham gave an unpopular fairy tale in the title of the collection, which indicates his profound artistic intuition as a translator. Firstly, Graham clearly understood the idea of Decadents' art, which A. Blok metaphorically formulated as follows: "Decadents are angels who did not forget their supervisor but left their home". Secondly, the title of the collection emphasized the concept of word, which was crucial for the Russian author. The main topics in the translated collection are the absurdity of the earthly life, an attempt to comprehend oneself, the relativity of good and evil, the invalidity of "one's own truth", the sacral meaning of word. The texts of the collection emphasize the topics which were particularly important for Sologub and reflect the principle points of his art. In the course of the research, it has been revealed that the texts Graham selected are artistic illustrations to Sologub's aphorisms that remained unpublished during his lifetime. The fact that the translator turned to the genre moderately presented in Sologub's writings allowed emphasizing the writer's ideas traditionally considered as marginal within the scope of his art.

REFERENCES

1. Sologub, F. (2014) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem: v 3 t.* [Complete Collection of Verses and Poems: In 3 vols]. Vol. 2. Book 1. St. Petersburg: Nauka.
2. Pavlova, M.M. & Lavrov, A.V. (eds) (1997) *Neizdannyy Fedor Sologub* [The unpublished Fyodor Sologub]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Ayaks <Izmaylov, A. A.>. (1912) U F.K. Sologuba [Visiting F.K. Sologub]. *Birzhevye vedomosti*. 13151. 19 September. Evening Issue.
4. Pavlova, M.M. (2007) *Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F.K. Teternikov* [An Inspecting Writer: Fyodor Sologub and F.K. Teternikov]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Sysoeva, A.V. (2011) *Roman F. Sologuba "Tvorimaya legenda": istoriya teksta i printsipy izdaniya* [F. Sologub's novel "A Created Legend": the history of the text and the principles of publication]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Mikheev, M.Yu. (2006) *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka – ego-tekst, ili pred-tekst* [The diary in Russia of the 19th–20th centuries: ego-text, or pre-text]. [Online] Available from: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>.
7. Sologub, F. (1915) *The Old House and Other Tales*. Translated from Russian by John Cournos. London: Martin Secker.
8. Sologub, F. (1915) *The Sweet-Scented Name, and Other Fairy Tales, Fables and Stories*. Ed. by S. Graham. London: Constable and Company Ltd.
9. Gollerbach, E. (1998) *Vstrechi i vpechatleniya* [Encounters and impressions]. St. Petersburg: INAPRESS.
10. Blok, A.A. (1963) Pis'mo A.A. Bloka k Z.N. Gippius, 14 sentyabrya 1902 [Letter from A.A. Blok to Z.N. Gippius, September 14, 1902]. In: *Sobr. soch.: v 8 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
11. Sologub, F.K. (n.d.) *Sobr. soch.: v 12 t.* [Works: In 12 vols]. Vol. 10. St. Petersburg: Shipovnik.
12. Sologub, F.K. (2002) *Kniga stremleniy. Neutolimoe. Rasskazy* [The Book of Aspirations. The Insatiable. Stories]. St. Petersburg: Nav'i Chary.

Received: 28 April 2019

ФИЛОСОФИЯ

УДК 81:1+304.2

А.А. Гончарова

ДЕСТРУКТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАЭКОЛОГИИ

Статья посвящена осмыслению механизма влияния современных горячих медиатехнологий (в частности социальных сетей) на взаимосвязь языка и мышления. Целью данной статьи является анализ механизма деструктивного влияния социальных сетей на мышление человека через воздействие на язык. Автор, опираясь на теорию Г.М. Маклюэна, делает акцент не на содержание медиа, а непосредственно на средство коммуникации.

Ключевые слова: горячие медиатехнологии; распознавание паттернов; язык; мышление; медиаэкология.

Современные медиа оказывают все более ошутимое влияние на общество в целом и социальные коммуникации в частности. Процесс их интеграции в различные сферы жизни и формирование новой культурно-коммуникационной системы социума носит название «медиазация». Информационный компонент проникает во все другие компоненты культуры, которые способны функционировать независимо от него. Появляется так называемый человек медийный, чье бытие обуславливается содержанием СМИ. Медиазация начинает определять социальные практики в аспекте как формы, так и содержания [1]. Поэтому исследования в данной области приобретают особую актуальность, причем в ней сходятся научные интересы представителей различных наук – философии, социологии, филологии, культурологии, психологии.

Первостепенное значение для всестороннего изучения человека медийного имеют фундаментальные идеи философов и социологов XX в. Одной из отправных точек в исследовании многочисленных проблем этой относительно новой области можно назвать учение Г.М. Маклюэна. В своей работе «Понимание медиа: внешние расширения человека» он утверждал, что средство коммуникации способно определять человеческие действия и контролировать их масштабы, при этом его характер скрыт за содержанием. А содержанием любого средства коммуникации является другое средство коммуникации [2. С. 10–11].

Ученый установил, что горячие средства коммуникации, расширяющие чувства до состояния наполненности данными (или высокой определенности), приходят на смену холодным, стимулирующим пользователя к мышлению и воображению с целью формирования целостной картины на основе небольшой дозы информации. Но состояние высокой определенности порождает фрагментацию, позволяющую человеку справиться с интенсивными переживаниями, тем самым предотвращая истощение нервной системы и причинение ущерба системе ценностей. Поэтому в периоды внедрения новых технологий многие впадают в состояние «психического *rigor mortis* (Окоченение (лат.))» [Там же. С. 28–29].

Стоит отметить, что у человека – современника Маклюэна (данная работа была написана в 1964 г.) – этот механизм работал бесперебойно. Однако нельзя

отрицать, что эволюционирующие технологии коммуникаций предпринимают все более успешные попытки его подавления. Упомянув о горячих технологиях коммуникации, доводящих человека до состояния информационной наполненности и не оставляющих ему возможности ее осмысления с целью восстановления целостной картины, мы сразу находим довольно очевидный пример в современном мире. Разновидность информационно-коммуникационных технологий, развернувшая свою экспансию в последнее десятилетие и именуемая «social media» (нередко встречается и термин «social networks», более соответствующий русскоязычному понятию «социальные сети»), изначально разрабатывалась именно по такому принципу. И, выделяя специфические особенности ее функционирования, мы не можем не допускать, что упомянутый Маклюэном механизм фрагментации современные медиаинженеры научились подавлять.

Человек медийный 10-х гг. XXI в. не впадает в «психическое *rigor mortis*», напротив, он постоянно пребывает в состоянии информационной перегрузки, его нервная система вынуждена непрерывно перерабатывать все возрастающий объем информации, который подается ограниченными порциями (клипами). На данном этапе исследования мы не будем вдаваться в детальное описание влияния этих коммуникационных технологий на систему ценностей, однако тот факт, что традиционным ценностям наносится ущерб (как и предупреждает Маклюэн), мы отрицать не можем. И причина тому – не только и не столько отсутствие модерации контента и перекладывание ответственности за содержание с владельцев социальных медиа и лиц, ими управляющих, на пользователей. Это лишь один из вторичных факторов. Куда более актуальным нам видится выяснение тех оснований, по которым человек медийный становится столь уязвимым, что позволяет коммуникационной технологии, которая должна быть всего лишь инструментом в его руках, разрушать его систему ценностей. И, опираясь на идеи Г.М. Маклюэна, правомерно предположить, что одной из причин является именно возможность современных горячих технологий преодолеть фрагментацию, необходимую для так называемого охлаждения.

Однако вернемся к работе Маклюэна и рассмотрим далее, что происходит с человеком под напором горячей технологии. Процесс взрыва, предотвращая полное разрушение, преобразуется в процесс импловизирующего сжатия, человек приспосабливается к «расширению самого себя» и сам становится закрытой системой [2. С. 44–51]. А средствами расширения становятся в данном случае средства коммуникации. Они действуют «внезапно», а не «продуманно», взаимодействуют и гибридизируются, выступают источником вечного удивления и не оставляют «возможности их обдумывания» [2. С. 59–60]. Человек переводит себя в иные формы выражения – в информационные системы – и подчиняется тотальной и инклюзивной технологии [Там же. С. 69–71]. Как справедливо отмечает современный исследователь Н. Больц, возникает «тотальность всех охватываемых осознаний», где последовательность заменяется мгновенностью, необходимость в классификациях утрачивается – достаточным становится «распознавание паттернов». Постепенно под влиянием средств расширения сознание «депотенцируется» (т.е. слабеет при взаимодействии с ними) [3]. В результате мы наблюдаем пассивную, подчиненную позицию человека по отношению к медиа и серьезные последствия такого взаимодействия (от регресса мышления к клиповому формату до развития аддикций). И возникает вопрос: почему это становится возможным? В работе Маклюэна подобным антропологическим трансформациям мы находим психофизическое объяснение.

Процесс внедрения новой технологии философ сравнивает с «хирургической операцией на социальном теле при полном пренебрежении к антисептикам». Сама технология воздействует наркотически, усыпляя внимание. А в результате «операции» на отдельном участке «заражается вся система». Изменения выражаются в «сдвигах в чувственных пропорциях психического и социального мировосприятия». И если избежать этих сдвигов или хотя бы взять контроль над ними, можно развить «иммунитет к новым расширениям». А для этого необходимо сосредоточить внимание на самом средстве коммуникации, а не на его содержании [2. С. 75–77]. Поэтому на практике перед нами встает задача выявления способов развития резистентности к воздействиям горячих медиатехнологий в процессе взаимодействия с ними человека. Так, мы подходим к междисциплинарной научной области, известной как медиаэкология.

Ее появление действительно связывают с именем Г.М. Маклюэна, хотя термин ввел в научный оборот Н. Постман, определивший его как научную область, которая изучает, как средства массовой информации влияют на восприятие, понимание, ощущения и ценности человека, а также как взаимодействие человека с медиа облегчает или затрудняет его выживание. Использование термина «экология» подразумевает исследование среды: ее структуры, содержания и влияния на людей. Среду же Н. Постман понимал как сложную систему обмена сообщениями, которая накладывает определенный отпечаток на мышление, чувства и поведение человека [4. Р. 160–168].

Для М. Фуллера медиаэкология – это одновременно и эвфемизм, выражающий распределение информационных ролей в организациях и совместных работах с использованием компьютеров; и направление энвайронментализма, исследующее медиа как относительно стабильное явление человеческой культуры; и учение, где медиа во всех отношениях рассматриваются с точки зрения политики и этики [5. Р. 3–5].

Основная цель медиаэкологии – всестороннее исследование взаимосвязей индивида и медиасреды с целью минимизации негативных эффектов и достижения их продуктивного взаимодействия. Г.М. Маклюэн стремился к освобождению человеческого разума от медиаэкспансии. Однако медиаэкология, как утверждает основатель и первый президент Ассоциации медиаэкологии Л. Стрэйт, – «это нечто большее, чем маклюэнизм». Последователи философа считали, что коммуникационные изменения воздействуют на общество сильнее, чем экономические, и классификация культур на письменную, печатную и электронную не менее актуально, чем выделение традиционного, индустриального и информационного обществ. И одна из главных идей медиаэкологии – рассмотрение медиа как среды, которая способствует сепарации индивида от его естественной среды [6]. Такое расширение спектра проблематики неудивительно, ведь процесс медиатизации затрагивает человеческое бытие на разных уровнях – от индивидуально-личностного до социокультурного.

Представители белорусской школы медиаэкологии В.П. Воробьев и В.А. Степанов характеризуют медиаэкологию как подход, рассматривающий медиа в качестве среды, влияющей на организацию общества, когнитивные процессы, философские и политические взгляды. Медиаэкология сосредоточивается на вопросах социально-психологического взаимодействия человека и общества с информационной средой. На микроуровне ее задача сводится к минимизации деструктивного влияния медиасреды на индивида. На мезоуровне, отталкиваясь от «здорового информационно-когнитивного пространства», она решает задачи развития медиакультуры без ущерба культурному и языковому многообразию. Наконец, на макроуровне основная цель медиаэкологии – «обеспечение коэволюции человека и медиатехнологий» [7].

В данном исследовании мы особое внимание уделим проблемам медиатизации микро- и мезоуровня. В перспективе перед медиаэкологией стоит цель поиска способов выработки «иммунитета» к воздействию горячих технологий социальных сетей для минимизации их негативного влияния. Очевидно, ее реализация будет осуществляться на микроуровне. Однако начать нам необходимо с решения такой задачи, как объяснение закономерности подчинения человека данному пласту медиасреды. Ограничиться микроуровнем мы не можем, поскольку разрушительное воздействие на людей не может осуществляться изолированно, не затрагивая культуру.

Итак, почему социальные сети получают власть над человеком? Отчасти ответ на этот вопрос мы находим в исследовании С. Белкасем и Л.Е. Хаас, которые установили связи между теорией социального

воздействия и программированием. Основная идея теории социального воздействия заключается в том, что человек с большой вероятностью реагирует на социальное воздействие при соблюдении трех условий: сила (т.е. важность группы влияния), непосредственность (т.е. близость группы влияния и человека в момент воздействия) и значимое количество (т.е. размер группы влияния).

Однако современный человек вступает в социальное взаимодействие не только с другими людьми, но и с машинами (программами). Изучение работы алгоритмов, действий по кликам, перемещения человека в пределах социальной сети помогают объяснить взаимоотношения человека и программного обеспечения. Отношения эти двусторонние: человек вступает в социальное взаимодействие с программой, а программа «расширяет» его мысли и чувства. В итоге эта технологическая социализация прототипирует человека. Его «Я» расценивается как параноидальное и неуверенное, ему навязывается необходимость укрепления, которое удовлетворяет его базовые потребности в безопасности, целостности и автономности, что ему якобы и дают социальные сети [8]. Наглядным примером могут послужить технологии таргетинга.

Алгоритм анализирует интересы пользователя, которые он несколько раз продемонстрировал лично: что искал, какие страницы / сообщества посещал, какого рода контенту ставил знаки одобрения (так называемые лайки), какой контент сохранял на свою страницу (делал репост). Принимаются во внимание и время нахождения на той или иной странице, время, затраченное на знакомство с контентом, глубина прокрутки ленты, частота возвращений. На основе этого формируется образ личности этого пользователя, и ему регулярно даются некие рекомендации о том, что ему будет интересно. И уже в специально подобранный материал можно интегрировать предпочтительные смыслы для манипуляции, ведь пользователь, не имея возможности осмыслить поступающую информацию, принимает на веру утверждение, что это – *его* интересы.

Далее, если рассматривать социальные сети как медиасистемы, т.е. совокупности неоднородных средств массовой информации (текстовых, аудиальных, аудиовизуальных), соединенных в единую структуру и образующих единое информационное пространство, следует учесть и наблюдение М. Фуллера. Он задался вопросом: что происходит, когда медиасистемы со всеми их движущими силами и композиционными условиями используются вместе, сталкиваются и приводятся в состояние некой взаимосогласованности? Исследователь пришел к выводу, что каждый элемент, будучи шлюзом в другое медиаизмерение, проходит множество процессов. Все они связаны таким образом, что блокируют, извлекают, удаляют или усиливают возможности того, с чем связаны. Поэтому диапазон онтологических модальностей, возможностей машин строить реальности, бесконечен [5. Р. 109–110]. Иными словами, человек попадает в информационный плен, воздействие на него осуществляется комплексно, и в состоянии высокой определенности под действием многократно усилив-

шегося потенциала медиасистем пользователь не способен из него освободиться.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса следует отметить, что социальные сети относятся к категории экранных медиа. В работе И.И. Волковой и Н.М. Лазутовой найдено отражение проблема деструктивного воздействия последних на аудиторию. Исследователи пришли к выводу, что экранные медиа являются средством создания обратной связи в форме «бессознательного присоединения к эмоциональному послы», минуя «осознанную интерпретацию событий». Познавательная потребность личности игнорируется, поскольку основной целью таких медиа является не передача знаний, информации, а манипулирование. Они угнетают не только волю человека, но и его «исследовательский рефлекс», что противоречит и этике журналистики, уважающей право общества на истину, и базовым принципам информационной экологии [9]. Затрагивая тему информационной экологии, стоит отметить, что она предполагает защиту человека от морального, психологического и психофизического вреда, который способна нанести информация. Только в данном случае проблема не ограничивается содержанием информации (хотя и его роль отрицать нельзя): вносят свой вклад и вышеупомянутые алгоритмы, создающие благотворную почву для деструктивного воздействия, и моральные установки, принятые в данной медиасреде. Хотя и существует мнение о вытеснении классической журналистики блогосферой и социальными сетями, признавать и допускать это нам бы не хотелось, поскольку подобное может привести к крайне негативным последствиям для общества с точки зрения этики.

Ведь следует учитывать, что медиа в целом, а социальные сети в особенности, нередко используются для разрушения существующей картины мира и создания новой, выгодной инициаторам этого разрушения. И создаваемый в этом случае «информационный вихрь», по наблюдениям К.А. Зорина, не всегда существует сам по себе: он неизбежно вступает во взаимодействие с другими «информационными вихрями», их суммарная интенсивность возрастает, и воздействие на когнитивное пространство усиливается [10].

Выяснив это, мы можем перейти к анализу результатов воздействия среды социальных сетей на человека. Основные направления этого воздействия уже были определены выше: это депотенцирование сознания со стороны горячих медиатехнологий, в том числе обусловленная им трансформация мышления, и ущерб традиционным ценностям.

Проблема влияния медиатехнологий на мышление человека получила рассмотрение, в частности, в работах В.П. Терина, основателя российской медиаэкологической школы и члена международной сети исследователей Ассоциации медиаэкологии. Он описывает процесс понимания сообщений в медиасреде следующим образом. Медиакоммуникации интенсифицируют процесс извлечения информации, что приводит к информационным перегрузкам. В результате восприятие и мышление основываются на механизме распознавания паттернов, поскольку на линейно-последовательное понимание у человека не остается

ни времени, ни психофизиологических возможностей. Понимание текста происходит в режиме восприятия «содержательно обобщающих конфигураций» [11]. Для пояснения следует обратиться к теории распознавания образов.

Человеку свойственна динамическая логика, которая не зависит от его желаний, а существует на уровне инстинкта. Имеется в виду инстинкт к знанию, под действием которого знания накапливаются, культура развивается, а представления человека об окружающем мире становятся ближе к истине. Транслируются знания через язык. И именно взаимосвязь языка и мышления отличает работу мозга человека от работы компьютера, который только распознает предварительно заложенные формулировки (образы), но не осознает их связь с реальным миром [12]. Получается, с одной стороны, ученые на протяжении долгих лет стремятся приблизить уровень искусственного интеллекта к человеческому. С другой стороны, в медиасреде под действием социальных сетей человеческое мышление низводится до уровня машинного.

Итак, в состоянии высокой определенности под воздействием горячих медиатехнологий сознание распознает тексты, но не осмысливает их. Как отмечают С. Белкасем и Л.Е. Хаас, быстрый поток новостей отчасти подпитывается технологическим возбуждением, которое люди склонны испытывать под действием усиливающейся тяги использовать новые приложения и делиться информацией (видео, изображениями текстами); мыслят они при этом как минимум не критически.

Замешательство и утомление, вызываемые у современного человека информацией (это явление также известно как информационное перенасыщение), — одни из признаков информационного контроля. Информационный контроль кроется в секретных компонентах алгоритмов.

Защитой от этого контроля может выступить критическое мышление. Оно должно проявляться не только в отношении источника информации, содержания и формата, но и в отношении непосредственно медиа как среды. Мало иметь доступ к информации, необходимо быть в курсе об экспертных знаниях или точках зрения людей, которые вносят вклад в формирование информационного массива, к которому мы получаем доступ, включающего и веб-страницы, и базы данных, и поисковые алгоритмы, и дизайн. Когда социальная сеть предлагает человеку актуальную тему, тот должен задаваться вопросом: о чем ему недоговаривают, что скрывают, а на чем акцентируют внимание намеренно? [8].

Затрагивая вопросы мышления, нельзя проигнорировать и вопросы языка, ведь эти два явления тесно взаимосвязаны. Как мы уже отмечали, именно эта взаимосвязь отличает человеческий интеллект от искусственного. Человек медийный действительно меняется как языковая личность, как субъект, готовый создавать, транслировать и принимать медийные тексты. Ценность индивидуального языкового мира для него становится вторичной. Медиатизация «разрушает границы персональности», межличностная и массовая коммуникация накладываются друг на друга,

возникает гибридизация устной и письменной речи, невербальная коммуникация вербализуется [13]. И здесь мы снова возвращаемся к теории распознавания образов. Для разрушения динамической логики достаточно разрушить взаимосвязь языка и мышления, а для этого, в свою очередь, требуется вынудить человека отказаться от осознанно-рационального использования языка. Дискредитация его ценности — первый шаг к этому. Далее для подавления инстинкта к знанию важно лишить человека связанных с ним эмоций. Вербализация невербальных компонентов коммуникации действительно служит достижению этой цели. Несложно заметить, какие трудности в выражении эмоций и эмпатии испытывают люди, зависимые от социальных сетей и выработавшие рефлекс подбора картинок под те или иные языковые паттерны вместо выражения собственных эмоций в ответ на описываемые этими паттернами ситуации.

Итак, затронув проблемы языка, мы неизбежно выходим на мезоуровень медиаэкологии. И это вполне закономерно, ведь медиа больше не ограничивается инструментами передачи сообщения. Формируется особое коммуникативное пространство, социокультурная среда, где медиа непрерывно транслируют информацию и побуждают ее потребителей к реконфигурации этих сообщений. Семиотические коды, обуславливающие направленность интерпретационной активности, также задаются медиа. «Локальная специфика культурных семиосфер» растворяется и заменяется межсемиотическим пространством. Функционирующее в нем «медиатизированное сознание» живет в условиях гибридизации стабильных ранее культурных практик [14].

В условиях медиатизации медиакultura уже перестает восприниматься как подсистема культуры информационного общества, а становится самостоятельной культурной системой с собственной иерархией. Е.И. Кузнецова обращает внимание на присущий ей сложный уровень символических форм, образованный естественным языком и невербальными иконоческими системами. Уровень символической реальности здесь состоит из медиареальности, эстетической реальности, виртуальной реальности [15]. Соответственно, новые слои реальности порождают и новые тенденции в коммуникациях и языке. И, как уже сказано выше, эти тенденции имеют негативную направленность.

Возникает и особое бытие текста, которое А.А. Шмаков определяет как «формально-содержательные коммуникативные трансформации текста», претерпеваемые им в процессе интернет-коммуникации. Адресаты текстов не представляются в реальной действительности, но и не могут быть охарактеризованы как воображаемые [16]. Подобное восприятие бытия текста придает сетевым перепискам как жанру текстов относительную анонимность, большую свободу самовыражения автора, но в то же время усиливает ощущение вседозволенности, порождает условия для нарушения социальных, моральных, а порой и правовых норм.

Следование нормам в среде межличностных медиакommunikаций превращается в условность, из-за

чего общение нередко приобретает деструктивный характер. Поэтому девиантное коммуникативное поведение в медиaprостранстве становится актуальной проблемой для многочисленных исследований [17]. Происходит это на фоне широкомасштабных изменений ценностных ориентаций, которые из виртуальной реальности проецируются на реальность объективную.

Как справедливо замечает Е.Я. Дугин, информационно-коммуникативная медиасистема распространяет такие ценности, как культ насилия, цинизм, самолюбие, бездумное времяпрепровождение. Искусственно занижаются ожидания молодежи относительно развития личности, межличностное взаимодействие теряет значимость. «Качество человеческого капитала» не столь важно, когда необходимо увеличить рейтинги. А благодаря технологиям кастомизации у потребителей этой информации формируется впечатление, будто контент подобного рода преподносится им в соответствии с их личными потребностями [18]. К тому же, по мнению Е.Г. Ним, цифровые медиа навязывают императив «быть всегда на связи», из-за чего индивид вынужден повышать степень своей доступности, чтобы оправдать коммуникативные ожидания других. При этом он готов жертвовать своими витальными потребностями, попасть в конфликт темпоральностей, где акторы принимают темпы медиа в ущерб своему «внутреннему времени» [19]. Таким образом, мы снова находим подтверждение тому, что горячие медиатехнологии наносят ущерб ценностям, который должна предотвращать фрагментация. И поскольку язык тоже можно рассматривать как ценность, деструктивное воздействие на него социальных сетей в свете сказанного также вписывается в фундаментальную теорию Г.М. Маклюэна.

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать ряд частных выводов, которые помогут сформировать представление о том, как именно социальные сети воздействуют на мышление индивида через разрушение его взаимосвязи с языком, и сформулировать соответствующую медиаэкологическую проблему. Соответственно, решать эту проблему во многом предстоит с применением лингвофилософских концепций и подходов, чтобы учесть все особенности языка как феномена и рассматривать его в неразрывной связи с мышлением человека.

До настоящего времени существовало представление о деструктивном влиянии социальных сетей на мышление человека, но как основная причина чаще всего рассматривалось качество их контента. Однако, как заявил Г.М. Маклюэн, сосредоточиться нужно не на содержании средства коммуникации, а на самом этом средстве. Исходя из концептуальных положений его теории, мы выяснили, что горячие средства коммуникации расширяют сознание, стремятся его ослабить и нанести ущерб основным человеческим ценностям. Установлению информационного контроля и последующей манипуляции массовым сознанием в обычных условиях препятствует так называемый механизм фрагментации. Современные медиа столкнулись с задачей подавления этого «охлаждающего ме-

ханизма», чтобы из коммуникационного инструмента в руках человека трансформироваться в средство его подчинения.

Современные коммуникационные технологии обеспечивают социальное взаимодействие человека с программой, которая обучается прототипировать его, в дальнейшем подменяя его интересы и предпочтения необходимой информацией. У индивида вырабатывается привычка безапелляционно доверять той информации, которую ему предлагают социальные сети. Он переходит в режим распознавания паттернов и больше не предпринимает попытки противостоять информационному перенасыщению с целью осмыслить предлагаемые сведения. Разнообразные движущие силы медиасистем, действуя синергетически, усиливают эффект друг друга. Человек оказывается в информационном плену и ориентируется только на эмоциональные послы, а не на рациональную интерпретацию событий.

И если вернуться к теории Маклюэна, такой процесс полностью соответствует описываемой им «анестезии» – наркотическому воздействию горячей технологии, усыпляющему внимание. Очевидно, что маклюэновского «заражения системы при хирургической операции» еще не происходит, однако для этого подготовлены все условия.

Далее, когда восприятие и мышление перепрограммировано на распознавание паттернов, ослабевает динамическая логика человека, а вместе с ней – и инстинкт к знанию. А поскольку нет необходимости транслировать знания и двигаться к истине, теряет свою ценность язык. Язык и мышление человека существуют в непрерывной взаимосвязи, и если мышление не определяется языком, оно низводится до уровня машинного. Уместно учесть, что социальные сети задают собственные семиотические коды, способствуют вербализации невербальной коммуникации, распространению деструктивного коммуникативного поведения. Языковая личность человека медийного претерпевает негативные трансформации. Наконец, язык дискредитируется и утрачивает статус основной ценности.

И когда языковая личность становится вторичной, мышление оказывается беззащитным перед воздействием социальных сетей как горячих коммуникационных технологий. С этого момента и возможно «заражение», т.е. информационный контроль и последующие манипуляции. Из сказанного становится очевидным, что для сохранения резистентности сознания к деструктивному влиянию горячих медиатехнологий требуется защита языка в его взаимосвязи с мышлением в условиях медиасреды. Следует отметить тот факт, что поскольку медиа – это неотъемлемый элемент современной культуры, бороться с отдельными проявлениями этой среды бессмысленно. Однако достижение продуктивного взаимодействия индивида с этой средой во избежание регресса крайне желательно.

Развивая идею о необходимости поиска путей повышения устойчивости человека к воздействию горячих медиатехнологий, в частности социальных сетей, считаем важным сформулировать основные лингвофилософ-

ские проблемы, которые предстоит решить в рамках медиаэкологии для достижения обозначенной цели.

На микроуровне хотелось бы особо отметить такие проблемы, как негативные изменения языковой личности, навязываемый извне отказ от практики интерпретации, а также девиантное коммуникативное поведение, хотя последнее выходит за пределы лингвофилософии. На мезоуровне основными проблемами нам видятся дискредитация языка как ценности, конвергенция вербальной и невербальной коммуникации как изначально

противоположных явлений, а также деструктивная практика взаимодействия индивида с медиатекстами.

И только когда эти проблемы будут решены и язык, с точки зрения медиаэкологии, будет в безопасности, появятся перспективы для столь ожидаемой коэволюции человека и медиатехнологий. А поскольку лингвофилософии предстоит решать их в принципиально новой среде, правомерно сказать о формировании нового научного направления – медиаэкологической лингвофилософии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
2. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. Москва ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2003. 464 с.
3. Больц Н. Ваше внутреннее воню и ваше внешнее внутри. Мифический мир электронных медиа / пер. с нем. И. Чубарова и И. Градинари // Логос. 2015. № 2. С. 162–172.
4. Postman N. The Reformed English Curriculum // High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education / ed. A.C. Eurich, Academy for Educational Development. New York : Pitman Pub. Corp., 1970. 304 p.
5. Fuller M. Media ecologies: materialist energies in art and technoculture. Cambridge : The MIT Press, 2005. 265 p.
6. Strate L.A. Studying Media as Media // MediaTropes. 2008. Vol. I. P. 127–142.
7. Воробьев В.П., Степанов В.А. Проблемное поле медиаэкологии: опыт демаркации научного направления // Вестник БДУ. Сер. 4. 2011. № 2. С. 86–90.
8. Aboulkacem S., Haas L.E., Winard A.R. Perspectives from Algeria and the United States: Media and News Literacy Perceptions Practices of Pre-service Teachers // International Journal of Media and Information Literacy. 2018. № 3 (2). P. 40–52.
9. Волкова И.И., Лазутова Н.М. Экранные массмедиа и экология человека: от зачаровывания к присоединению // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 12 (212). С. 106–111.
10. Зорин К.А. Медиа-система как совокупность «информационных торнадо» // Медиа-скоп. 2014. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/1655> (дата обращения: 29.12.2018).
11. Терин В.П. В условиях электронного коммуникационного окружения // Вестник МГИМО. 2014. № 6 (39). С. 68–72.
12. Перловский Л.И. Искусственный интеллект: распознавание образов и мышление // Второе дыхание. 2008. № 22.
13. Загидуллина М.В. Ключевые черты медиаэстетики: ментально-языковые трансформации // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 46–54.
14. Анохина В.В. Медиатизация как фактор трансформации социальных пространств и метаморфозы культурных традиций // Философия и социальные науки. 2015. № 3. С. 13–18.
15. Кузнецова Е.И. Медиальность и медиакультура как факторы динамики социальной среды : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2010. 305 с.
16. Шмаков А.А. Речевые тактики девиантного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 293–305.
17. Курьянович А.В. Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 7 (184). С. 78–86.
18. Дугин Е.Я. Теории среднего уровня в исследованиях информационно-коммуникационных медиасистем // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 1. С. 3–23.
19. Ним Е.Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 409–427.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 мая 2019 г.

Social Networks' Devastating Effect on the Interrelation Between Language and Thinking in the Context of Media Ecology
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 65–71.

DOI: 10.17223/15617793/444/8

Alina A. Goncharova, Sergiev Posad Humanitarian Institute (Sergiev Posad, Russian Federation). E-mail: lynn-goncharova@mail.ru

Keywords: hot media mechanism; recognition of patterns; language; thinking; media ecology.

This article focuses on the modern hot media's (including social networks') influence on the interrelation between language and thinking. The aim of this article is to analyze the mechanism of social network's devastating impact on thinking by means of influence on language. This modality overview is given based on foreign and Russian publications. Using the theory built by H.M. McLuhan, the author places emphasis on the communication means rather than on their content. She applies the general methods of analysis and synthesis as well as the analog model study technique. Today, we live in an era of media technologies. A new round of their development has come. Media technologies have a strong impact on people. Therefore, there is a relevant research problem. It is quite important to understand their influence on thinking. The trend towards a transition from critical thinking to clip one has been established at the current stage of research. However, the causes and mechanisms of this transformation are still not determined. The author uses a linguistic-philosophical approach to the problem. Thinking in its indisputable interrelation with language is under review in this case. The principal points of McLuhan's theory on hot media are compared to the regular features of modern media's (including social networks') performance. The author also emphasizes that the hot media technology developers learned to inhibit fragmentation mechanism – the so-called psychic rigor mortis whereas this particular mechanism enables the nervous system to resist the hot media's destructive influence. The article treats linguistic-philosophical problems at the micro- and meso-scales of media ecology, describes the destructive effect on language and its consequences for critical thinking. The author emphasizes the depotentiation of consciousness and the damage to traditional values. The work has been carried out at the intersection of two fields – linguistic philosophy and media ecology. Following the approach, the author comes to a conclusion that it is necessary to create a new

cross-disciplinary field of research called media-ecological linguistic philosophy. Such a solution will promote a more thorough study of the problems identified within this investigation and a search of effective ways to protect language in the conditions of media environment.

REFERENCES

1. Gureeva, A.N. (2016) Teoreticheskoe ponimanie mediatizatsii v usloviyakh tsifrovoy sredy [Theoretical understanding of mediatization in the digital environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 6. pp. 192–208.
2. McLuhan, H.M. (2003) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow; Zhukovskiy: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.
3. Bolz, N. (2015) Your inside is out and your outside is in — die mythische Welt der elektronischen Medien. Translated from German by I. Chubarov and I. Gradinari. *Logos*. 2. pp. 162–172. (In Russian).
4. Postman, N. (1970) The Reformed English Curriculum. In: Eurich, A.C. (ed.) *High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education*. New York: Pitman Pub. Corp.
5. Fuller, M. (2005) *Media ecologies: materialist energies in art and technoculture*. Cambridge: The MIT Press.
6. Strate, L.A. (2008) Studying Media as Media. *MediaTropes*. 1. pp. 127–142.
7. Vorob'ev, V.P. & Stepanov, V.A. (2011) Problemnoe pole mediaekologii: opyt demarkatsii nauchnogo napravleniya [The problem field of mediaecology: the experience of the demarcation of the scientific direction]. *Vestnik BDU. Ser. 4. 2*. pp. 86–90.
8. Aboulkacem, S., Haas, L.E. & Winard, A.R. (2018) Perspectives from Algeria and the United States: Media and News Literacy Perceptions Practices of Pre-Service Teachers. *International Journal of Media and Information Literacy*. 3 (2). pp. 40–52.
9. Volkova, I.I. & Lazutova, N.M. (2017) Screen media and human ecology: from charming to joining. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 12 (212). pp. 106–111. (In Russian). DOI: 10.25198/1814-6457-212-106
10. Zorin, K.A. (2014) Media System as a Complex of “Information Tornadoes”. *Mediascope – Mediascope*. 4. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/1655>. (Accessed: 29.12.2018).
11. Terin, V.P. (2014) The Electronic Communication Environment Impact. *Vestnik MGIMO – MGIMO Review of International Relations*. 6 (39). pp. 68–72. (In Russian).
12. Perlovskiy, L.I. (2008) Iskusstvennyy intellekt: raspoznavanie obrazov i myshlenie [Artificial intelligence: pattern recognition and thinking]. *Vtoroe dykhanie*. 22.
13. Zagidullina, M.V. (2016) Klyuchevye cherty mediaestetiki: mental'no-yazykovye transformatsii [Key features of media aesthetics: mental and language transformations]. *Chelyabinskii gumanitarny*. 2 (35). pp. 46–54.
14. Anokhina, V.V. (2015) Mediatization as a factor of social sphere transformation and metamorphosis of cultural traditions. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 13–18.
15. Kuznetsova, E.I. (2010) *Medial'nost' i mediakul'tura kak faktory dinamiki sotsial'noy sredy* [Mediality and media culture as factors of social environment dynamics]. Philosophy Dr. Diss. N. Novgorod.
16. Shmakov, A.A. (2015) Speech tactics of deviant communicative behavior of Internet users. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1. pp. 293–305. (In Russian).
17. Kur'yanovich, A.V. (2017) Deviant speech behavior of the users of the network communication: factors of discourse conditionality and forms of manifestation. *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 7 (184). pp. 78–86. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-78-86
18. Dugin, E.Ya. (2017) Middle Range Theories in the Research of Information and Communication Media Systems. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. 1. pp. 3–23. (In Russian).
19. Nim, E.G. (2017) The (Non)social Construction of Reality in the Age of Mediatization. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 16 (3). pp. 409–427. (In Russian).

Received: 13 May 2019

Е.И. Красильникова, И.А. Вальдман

ПРАКТИКИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: ПАРК-МУЗЕЙ «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ» В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

*Статья подготовлена в рамках реализации проекта РФФИ № 19-011-31114
«Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе
социально-политической саморегуляции региона (Сибирь XX – нач. XXI в.)»*

Раскрываются противоречия, которые обнаруживают себя в репрезентациях общенационального и регионального прошлого, предлагаемых сетью мультимедийных исторических парков «Россия – моя история». Показаны специфические интенции различных лиц и групп, стремящихся оказывать влияние на формирование политики памяти, которые выражаются в характере музейных репрезентаций прошлого. Выявлены противоречия, возникшие между декларируемыми установками концепции отечественной истории, избранной авторами проекта, особенностями отбора и описания содержания исторических процессов и смыслами интерпретационными, техническими и институциональными средствами ее реализации.

Ключевые слова: историческая память; политика памяти; коммеморация; музейная экспозиция; исторический парк «Россия – моя история».

Историческое сознание является важной составной частью этнического и национального сознания. Оно обеспечивает не только легитимацию существующих социальных порядков и идентичностей, но и дает локализованное в ретроспективе, содержательное и персонафицированное наполнение интерпретациям смыслов, значимых для символического универсума [1. С. 151–190]: этнического, национального, политического. Каждое общество легитимирует собственную доминирующую картину мира как концептуально организованное целое, используя и свою, и чужую историю в качестве эффективного средства конструирования системы отношений как внутри социума, так и с внешним миром.

Историческое сознание формируется под воздействием ряда факторов. Очевидно, что к числу наиболее значимых из них относятся попытки целенаправленного конструирования исторических образов и нарративов, релевантных господствующей идеологии, действующих социальных субъектов и основанных на их специфической рефлексии задач перспективного действия, которые обоснованы такой «проработанной» историей. Для обозначения идеологической «нагруженности» коллективных представлений (памяти) о прошлом современная социальная теория предлагает ряд сходных понятий: «историческая политика», «политика памяти», «политика прошлого», «проработка прошлого». Не вдаваясь в специфику их разграничения, обусловленную различными научными традициями, отметим лишь то, что ведущие субъекты в системе политической деятельности и, прежде всего, основные носители и институты государственной власти, всегда стремятся контролировать сферу социокультурных мнемических практик, порождающих коммеморативные знаки [2. С. 4]. Начиная с архаических традиционных обществ, знание о прошлом (или то, что считалось в той или иной традиции таким знанием) использовалось в нормативно-регулятивных, дидактических целях. Лишь одним из наиболее известных и ярких примеров такого использования знаний о прошлом является конфуцианская традиция в Китае. Исторические конструкции, созда-

ваемые или реинтерпретируемые с подачи тех или иных политически значимых субъектов, представляют собой системы в смысловом отношении дифференцированных, хронологически и топографически локализованных образов, соединяемых в разнообразных конфигурациях, которые репрезентируют прошлое. Такие репрезентации заведомо привлекают внимание к одним сюжетным линиям исторического процесса, а также к причинам и следствиям подчеркнуто значимых событий и одновременно умалчивают о других, актуальных в контексте альтернативных оценок прошлого или дискредитирующих официальный исторический нарратив.

При всей распространенности манипуляций исторической памятью в прошлом и настоящем, возникает ключевой, основополагающий в рамках данного исследования вопрос: где граница эффективности и самой возможности идеологически и дидактически «препарированного» репрезентирования прошлого в рамках социальной трансляции тем или иным целевым аудиториям в соотношении с состоянием исторического сознания и самой спецификой исторического знания той или иной эпохи? Обратим внимание в связи с данным вопросом на ряд проблем и противоречий, которые обнаруживают себя в репрезентациях общенационального и регионального прошлого, предлагаемых сетью мультимедийных исторических парков «Россия – моя история». Цель статьи – выявить особенности практик политики памяти в реализации проекта парка-музея «Россия – моя история» и их включенность в систему институциональных противоречий общественного сознания современного российского социума. В рамках данной статьи предполагается последовательно решить ряд задач. Во-первых, рассмотреть специфические интенции различных лиц и групп (носителей идеологических позиций), стремящихся оказать влияние на формирование политики памяти посредством создания музейных репрезентаций прошлого в рамках проекта «Россия – моя история». Во-вторых, выявить противоречия, возникшие между декларируемыми установками избранной авторами проекта концепции отечественной

истории, особенностями отбора и описания содержания исторических процессов и смысловыми интерпретационными, техническими и институциональными средствами ее реализации.

В последние два года историческому парку «Россия – моя история» нередко уделяют внимание журналисты массовых информационных периодических изданий. В российской прессе фигурируют новости об очередных открытиях региональных исторических парков, освещается ход дискуссий о его концепции и содержательном контенте, приводятся интервью с создателями сети парков [3, 4]. В их адрес публично звучат многочисленные критические замечания. Значимой реакцией на расширение сети парков стала подборка посвященных ей публикаций в научном журнале рецензий «Историческая экспертиза», где приводятся критические замечания в адрес общей концепции проекта, его идеологической составляющей и методов экспозиционной практики [5–8]. Одновременно церковь и часть педагогического сообщества выступают в поддержку проекта, рассматривая его, прежде всего, в качестве эффективного (или удобного) средства духовно-нравственного воспитания молодежи [9]. Несмотря на обилие новостных публикаций и отзывов о проекте экспертов из числа историков, последовательной научной критики его концептуальных основ и общей экспозиционной методологии до сих пор все-таки не было предложено. Между тем на примерах других музеев мира сегодня изучаются принципы и практики репрезентации прошлого в различных национальных, культурных и тематических контекстах. Сопоставляются и различные национальные традиции музейного конструирования истории отдельных стран [10], исследуются разные технологии построения таких экспозиций [11], а также их идеологические контексты [12]. Опыт, нарабатанный нашими коллегами историками – специалистами по музейному делу, дает нам основания попытаться комплексно оценить проект «Россия – моя история» как средство трансляции в массовое сознание с помощью музейных средств определенной идеологизированной версии отечественной истории, а также оценить сами методы и технические особенности исторических репрезентаций с точки зрения их соответствия критериям научности и полезности в учебном процессе.

В данной статье предлагается анализ экспозиции исторического парка-музея «Россия – моя история» на предмет соответствия имеющихся в нем репрезентаций прошлого современному научному пониманию принципа историзма [13, 14]. Оценивая проект, авторы статьи ориентируются на современное состояние исследований «memory studies», предполагающих анализ социальной и культурной памяти и их включенности в присущие обществу той или иной эпохи коммеморативные практики, формирующиеся под воздействием конкурирующих трендов и интерпретаций значимого прошлого как выражение политики памяти [15, 16]. Распространение в мире мультимедийных музеев, к категории которых целесообразно отнести и исторический парк «Россия – моя история», отражает, на наш взгляд, тенденцию развития фено-

мена клипового сознания, активно обсуждаемого в настоящее время. Оценивая потенциальные преимущества и риски репрезентирования истории (в частности, отечественной) в музейном пространстве мультимедийными средствами, мы опираемся на концепции клипового сознания, разработанными российскими авторами – К.Г. Фрумкиным [17] и Ф.И. Гиренком [18]. Исходя из их основных выводов, будем учитывать, что клиповое сознание характеризуется как присущее среднестатистическому жителю современного мегаполиса, мышление которого фрагментарно, обрывочно, упрощено. Необходимость «переваривать» и фильтровать огромные объемы новой информации, заниматься одновременно несколькими делами и жить на высокой скорости заставляют современного человека иначе воспринимать и обрабатывать информацию. Клиповость сознания характеризуется склонностью к «монтажу» реальности, обращением к воображению, а не опыту, языковым минимализмом, визуальностью мышления, разрывом связи между реальным и воображаемым. В качестве проблем клипового сознания выделяются некритичное, эмоциональное отношение к информации, неспособность к аргументации и синтезу, нарушение причинно-следственных связей в мыслительном процессе. Возникают вопросы: как в условиях усиления влияния клиповой организации современных коммуникаций трансформируется представляемое с их помощью историческое знание? Соблюдаются ли важнейшие составляющие принципа историзма? Остается ли таким образом представленное знание собственно историческим или становится чем-то иным?

Масштабный проект «Россия моя история», представляющий сегодня сетью интерактивных парков-музеев, вырос из отдельных выставок, демонстрировавшихся с 2005 г. в московском Манеже. Автором идеи проекта выступил ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, епископ Егорьевский Тихон (Шевкунов), нередко называемый в СМИ «духовником В.В. Путина» [19]. Идея была реализована Патриаршим советом по культуре и Фондом гуманитарных проектов. К разработке экспозиций привлекались профессиональные историки, архивисты, музейные работники и дизайнеры. В 2013 г. на базе материалов прежних выставок начала складываться серия последовательных экспозиций, первая из которых, подготовленная к 400-летию с начала правления Романовых в России, охватывала период царствования этой династии и носила соответствующее название: «Романовы». Вторая выставка, «Рюриковичи», открылась в 2014 г., третья – «От великих потрясений к Великой Победе» – в 2015 г., наконец, в 2017 г. вниманию посетителей была предложена заключительная экспозиция «От Победы в Великой Отечественной войне до 2016 года». В настоящее время московский исторический парк расположен на территории Всероссийского выставочного центра в огромном павильоне № 57 площадью в 27,7 тыс. квадратных метров. По принципиальному замыслу авторов проекта парк вмещает лишь мультимедийные экспозиции, в нем не экспонируются подлинные музейные предметы – следы исторического прошлого России. Однако помимо

этого посетителям предлагается ознакомиться и с историческими панорамами (реконструкциями), воссоздающими в вещественной форме вагон поезда, где подписал отречение от престола последний российский император Николай II, и сцены битвы за Москву зимой 1941 г.

Митрополит Тихон (Шевкунов), который позиционирует себя как знаток отечественной истории, последовал, создавая первые выставки, прежде всего, миссионерские цели. История государства представлена им в консервативном, православном контексте. Этим обусловлены «антилиберализм» и «панегирический уклон в изображении всех без исключения царей», в котором ряд профессиональных историков обвинили митрополита Тихона (Шевкунова) [20]. Патриотический дух репрезентаций как одна из основ православной концепции отечественной истории оказался удобен для использования исторического парка носителями власти в качестве инструмента государственной политики памяти как в электоральных целях, так и для самолегитимации действующего режима. Не случайно критики из числа историков, в частности И.И. Курилла, отмечают: «Все “удобные” случаи в прошлом изложены таким языком, чтобы можно было догадаться, что это о сегодняшнем дне» [21].

Московские выставки неоднократно посещал В.В. Путин, при непосредственном участии которого проект разросся до масштабов федерального уровня, превратившись в сеть типовых мультимедийных парков-музеев. По сообщениям периодической печати, после первого посещения выставки в 2013 г. президент поручил ее создателям «в будущем больше внимания уделять внутреннему единству народа, предупреждать об опасностях от раскола, раздела и раздробленности страны» [Там же]. В дальнейшем лидер государства ежегодно показательно посещал выставки в День народного единства. Сегодня официальный сайт проекта приводит оценку проекта, принадлежащую Президенту РФ: «Экспозиция дает объективную картину истории нашей страны со всеми ее победами, достижениями проблемами» [22]. Безусловно, с точки зрения профессионального историка очевидно, что никакой объективной оценки прошлого не может быть в принципе. И разумеется, никакой, даже столь масштабный проект не способен отразить без основательного упрощения всю сложность прошлого такой огромной страны, как Россия, с более чем тысячелетней историей. При том что официально в России нет идеологии, а фактически реализуемая политика памяти отличается непоследовательностью, внимание президента и правительства к данному проекту все-таки очевидно соответствует общей тенденции унификации исторического знания, репрезентируемого на массовом уровне в публичном пространстве. Открытие сети типовых парков-музеев по всей стране, схематично и однозначно репрезентирующих историческое прошлое страны, явно ассоциируется с созданием единой «линейки» школьных учебников по истории и идей введения обязательного ЕГЭ по истории для всех выпускников российских школ.

Сами выставки вплоть до 2016 г. были открыты для массовых посещения на протяжении всего ноября,

а в дальнейшем стали работать на постоянной основе, разместившись в новом специально для них подготовленном павильоне. В июле 2016 г. первым заместителем главы Администрации Президента В.В. Володиным было проведено совещание по развитию проекта, в феврале 2017 г. он обсуждался на селекторном совещании у премьер-министра Д.А. Медведева с главами крупных городов.

Сегодня официальный сайт проекта сообщает о том, что «Россия – Моя история» – это самый масштабный экспозиционный комплекс в России, а география его площадок простирается от Южно-Сахалинска до Санкт-Петербурга, от Перми до Махачкалы и насчитывает более 15 городов». Проект продолжает свое развитие. Официальный сайт также сообщает: «Создатели парка – а это историки, художники, кинематографисты, дизайнеры, специалисты по компьютерной графике – сделали все, чтобы российская история перешла из категории черно-белого учебника в яркое, увлекательное и вместе с тем объективное повествование, чтобы каждый посетитель почувствовал сопричастность к событиям более чем тысячелетней истории своего Отечества» [22]. Основным спонсором дорогостоящего проекта стал «Газпром», потративший на создание сети парков-музеев более 26 млрд руб. [21]. Существенные финансовые вложения на создание парков-музеев в российских городах потребовались и от местных властей. Проект получил широкую рекламу и информационную поддержку как в столице, так и в регионах России. Министерство образования и науки РФ рекомендовало использовать парки в интересах школьного образования и патриотического воспитания граждан, привлекая тем самым в исторические парки, прежде всего школьников и студентов – учащуюся молодежь [23]. Полное соответствие экспозиций парка-музея историко-культурному образовательному стандарту подтвердил директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров [20]. Широкое привлечение учащихся в парки-музеи организуется и на местах.

Региональные воплощения парка-музея оказались в русле общероссийских трендов, хотя и дополнительно заострили ряд проблемных позиций в ходе их создания. Примечательным примером такого рода стало взаимодействие ряда представителей различных социально значимых групп и институтов в процессе подготовки к открытию исторического парка «Россия – моя история» в Новосибирске – крупнейшем мегаполисе Азиатской России. Активную позицию в процессе подготовки к открытию исторического парка занял епископ Русской православной церкви митрополит Новосибирский и Бердский, глава Новосибирской митрополии Тихон (Емельянов). Именно он, по его собственному заверению, еще в 2016 г. добился решения об открытии парка в Новосибирске. Видя в проекте, прежде всего, миссионерский потенциал, митрополит Тихон (Емельянов) создал оргкомитет исторического парка из числа местных историков (ученых и преподавателей истории), преимущественно «воцерковленных», священнослужителей и деятелей культуры (писателей, журналистов, музыкантов, библиотекарей), которым предлагалось посетить мос-

ковские экспозиции, дать экспертную оценку проекту и внести предложения по созданию регионального контента будущей новосибирской экспозиции, а также обдумать, как в дальнейшем использовать исторический парк, исходя из потребностей Новосибирска. В число членов оргкомитета был приглашен и один из авторов данной статьи.

Параллельно работу по подготовке к открытию парка вели представители местных властей, вынужденных форсировать свои действия в условиях приближавшихся выборов президента РФ, поскольку открытие парков преподносилось как заслуга действующего президента и вполне официально рассматривалось как часть избирательной кампании. На плечи правительства Новосибирской области легла подготовка здания под экспозицию. По предложению министра культуры Новосибирской области И.С. Решетникова было выбрано пустующее здание дома офицеров на территории 17-го Военного городка, где, хотя и в плохом состоянии, но сохранилась застройка начала XX в., которой немного в относительно молодом городе Новосибирске. Здание потребовало серьезной реконструкции, которая велась вплоть до осени 2017 г. Решение разместить исторический парк в здании, являющемся не безликим ангаром, а памятником, тем самым, спасая его от разрушения, отличает Новосибирск от большинства других городов, задействованных в проекте.

Открытие парка планировалось на ноябрь 2017 г. К этому моменту состоялось несколько заседаний оргкомитета парка-музея, члены которого оценили свое участие в проекте как потенциальную возможность реализовать собственные инициативы: коммеморативные, краеведческие, научные, культурные, образовательные. Несмотря на то что в адрес московских экспозиций прозвучало немало критических замечаний, касавшихся концепции парка, в последствии они так и остались без внимания. Однако важнее то, что общим стало мнение, согласно которому исторический парк, который создается в Новосибирске по инициативе столичных властей, – это неожиданная и хорошая возможность обустроить в городе, относительно бедном памятными местами, привлекательный с точки зрения брендинга региона исторический квартал и создать недостающую Новосибирску площадку для местных историко-краеведческих дискуссий, научных конференций, просветительских, образовательных и культурных проектов. Именно в перспективах развития культурной инфраструктуры Новосибирска оргкомитету виделось основное значение проекта. В частности, РПЦ удалось добиться возможности взяться за восстановление старого гарнизонного храма на территории Военного городка около мультимедийного парка; историки, занимающиеся Гражданской войной в Сибири, стали продвигать инициативу возведения памятника ее негероическим жертвам из числа гражданского населения на территории парка и т.д.

Очевидно, что в ходе подготовки к открытию парка-музея возник ряд противоречий. Так, создание регионального контента экспозиции было посвящено команде Новосибирского краеведческого музея, по-

скольку исторический парк открывался, как его филиал. Коллектив музейных работников подошел к решению этой задачи со светской позиции, чем вызвал недовольство митрополита и его сторонников, потребовавших дополнить контент сюжетами, посвященными истории РПЦ на территории Новосибирской области.

Заслуживает отдельного описания состоявшаяся 12 ноября 2017 г. церемония открытия парка, на которой присутствовали лица, непосредственно занятые в проекте, а также «высокие гости»: оба митрополита – Тихон (Шевкунов) и Тихон (Емельянов), полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе С.И. Меняйло, временно исполняющий обязанности губернатора Новосибирской области (с 6 октября 2017 г.) – А.А. Травников, многочисленные представители местной администрации, ученые, журналисты, музейщики, деятели культуры. На открытие парка был приглашен и мэр города – коммунист А.Е. Локоть, лишь несколько дней назад устроивший в городе собственные коммеморативные торжества в честь столетия Октябрьской революции, к слову, менее масштабные, нежели праздник в честь открытия парка. Безусловно, эта церемония, кроме прочего, нацеливалась на отвлечение внимания жителей региона, входящего в так называемый красный пояс, от 100-летия «Великого октября».

Каждый из ораторов, выступивших на открытии парка, достаточно явно старался использовать событие в собственных политических целях. Так, еще малознакомый новосибирцам А.А. Травников, сделал акцент на том, что «открытие парка – только первый шаг на пути возможного создания здесь целого кластера, посвященного истории нашей страны, краеведению и патриотическому воспитанию подрастающего поколения» [24]. Епископ Тихон (Шевкунов) в который раз «напомнил» собравшимся о многочисленных «фальсификациях» и «искажениях» отечественной истории, с которыми «борется» предлагаемый проект, призванный донести до граждан России «правдивую» версию прошлого страны. В частности, епископ фактически объяснил, как работает один из механизмов политического индоктринирования, использованный создателями мультимедийных репрезентаций прошлого России: «Ребята сами могут исследовать источники, чтобы самим понять, что же происходило тогда, какие уроки мы должны вынести из истории. И здесь во всем нужно разбираться самим» [25]. Очевидно, что особым образом подобранные источники приводят посетителей парка ко вполне определенным выводам.

Как мы уже отметили, волна открытий исторически парков по всей стране не оставила равнодушным сообщество российских историков, некоторые из которых выступили с резкой критикой концепции проекта. Наиболее заметным стало обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки РФ О.Ю. Васильевой. К этому обращению присоединилась ассоциация «Свободное слово» – правозащитное объединение литераторов, журналистов, переводчиков, редакторов, издателей, профессио-

нальных блогеров. Авторы обращения высказали возмущение рекомендацией Министерства науки и образования России использовать исторические парки в образовательных целях. Представители Вольного исторического общества обвинили создателей парка в «панегерическом уклоне в изображении всех без исключения русских царей» и в христианизации истории, а также в исключительно монархическом взгляде на отечественную историю («словно из XIX в.»), в несоблюдении принципа историзма, т.е. в «модернизации» прошлого, приписывании ему современных контекстов, в использовании маргинальных с точки зрения науки теорий для объяснения событий исторических явлений (концепция информационной войны применительно к периоду правления Ивана Грозного). Кроме того, прозвучали обвинения в крайне произвольном отборе фактов, в многочисленных фактических ошибках и в неточном цитировании классиков [26, 27].

Как уже упоминалось выше, к критике присоединился и журнал «Историческая экспертиза», в январе 2018 г. предложивший профессиональным историкам посредством своего сайта и социальных сетей делиться впечатлениями и наблюдениями от посещения парков «Россия – моя история». В итоге был собран ряд отзывов от ученых и журналистов из разных городов. Все они отметили идеологическую подоплеку экспозиции и высказали сомнения в целесообразности использования проекта «Россия – моя история» как «учебного пособия». Интересны и некоторые частные замечания. Доктор исторических наук, профессор НИУ ВШЭ А.А. Селин, сконцентрировавший внимание на парке, открытом в Санкт-Петербурге, описал свое первое впечатление от экспозиции: «Профессиональный историк выходит [из парка] с ощущением проигрыша». Это ощущение историк объяснил «примитивностью использованного подхода», дурно представленными евразийскими оценками исторического прошлого страны, увлечением создателей проекта концепциями заговора против России и ее «особого пути». Получившаяся «история без сомнений и раздумий», по оценке этого ученого, переполнена фактическими ошибками, небрежностью подбора фактов и иллюстраций, к тому же неудачно представленных технически несовершенными средствами. Общее заключение содержит вывод о создании сети парков как инструмента исторической политики, сущность которой, однако, А.А. Селин не взялся разъяснить [5]. Свой отзыв о пермском историческом парке опубликовал в «Исторической экспертизе» А.Б. Суслов – доктор исторических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, активный деятель международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» [6]. Отметив востребованность подобного музея в Прикамье, этот ученый фактически присоединился к критике Вольного исторического общества, разделив его тезис об оправдании создателями парка практически любой власти в России, клерикальном уклоне выставок и «фейковых» интерпретациях исторических источников. Им была отмечена и «растворенность» регионального

компонента экспозиции в доминирующей общей концепции проекта, дающей однолинейное и упрощенное представление об отечественной истории [7]. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России УрФУ, председатель Уральского отделения археографической комиссии РАН А.Г. Мосин, посетивший клон парка в Екатеринбурге, в целом оценил проект «не столько как историко-просветительский, сколько как агитационно-пропагандистский, цель которого – утвердить в сознании посетителей выставки идею «особого пути» и особой миссии России, на протяжении многих веков противостоявшей враждебному ей западу». Земляк А.Г. Мосина журналист А.А. Прокопьев добавил к уже высказанной критике замечание о невозможности оценок прошлого с позиции современной морали и поведенческой логики, что фактически игнорируют создатели парка, а также непоследовательность идеологической основы экспозиции и сбой в логике ее репрезентирования: «Свою некомпетентность авторы контента пытаются маскировать обилием незначительных деталей и пафосом – эмоциональным, религиозным, местами великодержавным, но имеющим явно случайный, а не заказной характер» [8].

Создатели сети парков-музеев активно отражают «нападки» ученых, демонстрируя готовность «исправлять мелкие ошибки», а также заручаясь поддержкой и защитой привлекаемых ими на собственную сторону специалистов [28, 29]. PR-стратегия проекта выстраивается в опоре на мнения экспертов из числа профессиональных историков, музейных работников, журналистов, деятелей культуры. Однако, как заметил Санкт-петербургский историк И.И. Курилла, «организаторы этих центров действительно обращались в институты, но насколько потом было принято во внимание то, что было сделано профессиональными историками, непонятно... те, с кем я это обсуждал, говорили, что не видят, чтобы их мнение было принято во внимание» [21]. Курилла обращает внимание и на то, что консультанты выставок не скрывают факта постановки перед собой задачи провести параллели с сегодняшним днем [Там же]. Эта претензия также означает уличение авторов проекта в откровенной идеологизации и политизации истории.

В целом отметим, что историки выявили и прокомментировали многочисленные ошибки и огрехи контента экспозиции, вследствие чего мы считаем нецелесообразным продолжать и так внушительный список частных замечаний. Вместо этого обратим внимание на более существенные противоречия и изъяны концепции проекта, обусловленные как целями и обстоятельствами его создания, сложностью переплетения мотивов и убеждений людей, привлеченных к его разработке, так и формой выражения содержания.

Во-первых, действующая экспозиция как в московском, так и в региональных вариантах репрезентует историю страны с точки зрения столицы, в логике последовательности «славных» правлений «великих» князей и царей, предлагая однозначные, исключительно консервативные оценки исторических деятелей и событий. При этом принципиально отсутству-

ет попытка показать Россию как страну в многообразии региональных и этнокультурных отличий. В региональных парках представлен местный исторический контент, однако история других регионов и специфика их взаимоотношений не репрезентируется. Нет и сколько-нибудь значимых упоминаний о конфессиональных различиях, существующих в одной стране в исторической ретроспективе. В рамках проекта вся отечественная история представлена без сравнения с качественно иным опытом как в своей стране, так и своей страны с другими странами.

История России показана как история государства, при этом в экспозиции очевидно не представлена «история народов». Такое решение можно трактовать как принципиальное. Митрополит Тихон (Шевкунов) лично заявил, что «исторические парки становятся потенциалом для развития *единого пространства нашей страны*» [19]. Для современной политики памяти ряда «новых государств», особенно постсоветских, характерен способ представления своей истории как истории народа (национальной истории). Обычно эта установка реализуется в радикально националистическом ключе конструирования истории путем предвзятого вычленения из массива фактов исторического процесса лишь удобных и, зачастую, искусственного противопоставления «собственного народа» иным. Такой вариант подачи истории избирается в связи с неприемлемостью для современных элит государств репрезентации истории того, что ими полагается как «собственный отдельный народ на том или ином этапе своего развития в прошлом» в рамках истории иных государств (Россия, СССР). Концепция парка «Россия – моя история» не столь радикальна, как националистические концепции, что обусловлено фактическим наличием у нашей страны длительной истории в статусе независимого государства, позволяющим на уровне конструирования музейных репрезентаций «нашего» прошлого обходить скользкую тему народа, выведение которой на первый план неизбежно в случае слишком короткой истории государственности. В такой многонациональной стране, как Россия, говорить об истории государства, а не ее народов, как это делают создатели сети парков, сравнительно проще и безопаснее с точки зрения потенциального затрагивания острых и конфликтных тем этнических и конфессиональных противоречий. Однако их полное замалчивание на фоне противопоставления России внешнему миру очевидно ведет к идеализации прошлого бывшей империи, к сильному упрощению и схематизации его репрезентаций. Обратим, справедливости ради, внимание и на то, что «русский народ» в репрезентациях все-таки присутствует, однако, вопреки истине, сугубо как единый и православный.

Во-вторых, возвращаясь к упомянутому критиками принципу историзма, напомним, что в основе самого феномена исторического знания лежит базовое различие прошлого и настоящего. Настоящее, даже являясь продолжением прошлого, качественно от него отличается не только тем, что в нем формально действуют ныне живущие люди с иными именами и в иных «костюмированных» контекстах, чем в про-

шедшие периоды. В прошлом на различных его этапах как само общество и его институты, так и отдельные действующие лица были качественно иным образом устроены, бытовали другие практики жизни и профессиональной деятельности, иные смыслы придавались внешне похожим на сегодняшние действиям и предметам, все это встраивалось в существенно отличающиеся от современных символические универсумы (картины мира), в рамках которых предлагались совершенно отличные от популярных ныне мотивации действий, объяснительные принципы, перспективы и возможности индивидуальной, коллективной жизни и существования мира в целом. Это прошлое отличается не только от настоящего, но и также имеет множество качественных отличий в себе самом: как минимум столько же, сколько различных эпох его составляет. Если к сегодняшнему дню уже вполне очевидно, что не является исторически корректным описание мотиваций и смыслов деятельности человека не только в настоящем, но и в различные эпохи как «*homo economicus*» в его либерально-экономическом понимании с главной мотивацией в «максимизации прибыли», то это лишь показывает, что и другие столь же исторически ограниченные способы понимания человека в его индивидуальном и социальном бытии так же не могут выступить в качестве единственной основы репрезентации истории. Не только идеи и стремления «человека экономического», но и «человека государственнического», «человека патристического» или «человека религиозного» и других не могут быть монопольно-релевантными для описания истории, не являются универсальными и сами в себе имели колоссальное качественное развитие в истории. Только архаические традиционные общества видели в прошлом именно полный набор элементов их «живой традиции». То есть, несмотря на декларируемую ориентацию на свое прошлое и «заветы предков», такие общества истории не знали, но видели в прошлом лишь опрокинутое в него настоящее, прецеденты ставшего настоящего порядка и ничего иного.

Современное российское общество вряд ли можно назвать традиционным. Однако в экспозициях проекта мы видим лишь телеологическую линию становления настоящего в прошлом. При том, что никаких вышеуказанных качественных отличий в смыслах, идеях, перспективах, картине мира, ментальности людей разных эпох истории страны мы не наблюдаем. А ведь в стране были еще и различные этнические, религиозные, иерархически-сословные, профессиональные, региональные и иные социальные и культурные группы со своими качественными отличиями сознания, другими значимыми для них событиями и историей. Собственно говоря, этой стороны истории в экспозиции вообще нет. Получается, что посетителю исторического парка предлагается понимать прошлое как в худшем варианте художественных «исторических», а на самом деле лишь «костюмированных» фильмов, где во внешних декорациях прошлого действуют совершенно одиозные современные типажи.

Экспозиция не дает описания конкурирующих парадигм развития, предлагая лишь искусственное представление истории страны как телеологически

предопределенного пути, в прошлом приведшего (даже и после «трудных испытаний», воздействия внешних и внутренних «врагов») к именно существующему сегодня социальному и политическому порядку. Стоит добавить и то, что внешний мир представлен в парке в двух вариантах: как источник враждебного воздействия или как объект экспансии.

В-третьих, несомненно, стоит остановиться на мультимедийном характере репрезентаций прошлого в исторических парках «Россия – моя история». Форма репрезентаций концепции отечественной истории составляет предмет гордости для создателей сети исторических парков. Сайт проекта сообщает, что в историческом парке представлены все новейшие формы информационных носителей: сенсорные столы и экраны, вместительные кинотеатры, лайтбоксы, коллажи, проекторы и планшеты [22]. Авторы проекта считают, что современная мультимедийная техника с ее широкими возможностями и отдельные игровые приложения уже сами по себе способны привлекать внимание посетителей, прежде всего детей и молодежи, привыкших к гаджетам. Педагоги подчеркивают значимость реализации в парке – «учебном пособии» принципа наглядности как эффективного средства обучения. Действительно, использовать средства мультимедиа в музее, как на уроке истории, современно: на сегодняшний день в этих сферах накоплен богатый мировой опыт. Музейщики нередко дополняют экспозицию, построенную из подлинных предметов, интерактивными киосками, видеофильмами, электронными тестами и играми. Электронные устройства помогают сделать экспозицию более насыщенной и информативной. Однако с точки зрения музейного дела едва ли современно считать использование давно привычных посетителям информационных экранов и гаджетов новейшей технологией. Не создавая эффекта технологической новизны и воспринимаясь как ординарная и везде доступная часть повседневности, «экранный» способ отображения исторической информации разрушает ощущение уникальности, складывается впечатление, что все это можно посмотреть в более удобном месте и в другое время. Теряется традиционная ценность посещения музея как места реального соприкосновения с подлинными следами прошлого. Куда более прогрессивно создавать, к примеру, 3D-голограммы, дающие ощущение трехмерного изображения.

Также сомнительно выглядит и возможность полного отказа от подлинных артефактов в рамках музейного пространства. Уникальные исторические артефакты, или хотя бы их качественные копии, удостоверяют подлинность определенных событий и состояний самим фактом своего вещного существования и уже во вторую очередь – фактом их научно адекватной интерпретации. В мультимедийном проекте презентации истории место не только самих артефактов как уникальных вещественных проявлений прошлого или их точных копий занимают графические объекты, заведомо не имеющие иного прототипа, помимо чьей-то (при этом в данной экспозиции вполне анонимной) авторской реконструкции или фантазии. Иными словами, приходится признавать, что образы прошлого,

представленные в экспозиции, являют собой симулякры, которые Ж. Бодрийяр определил как копии, фактически не имеющие реальных прототипов в действительности, но правдоподобно имитирующие реальность [30]. В современном мире немало мультимедийных музеев. Однако можно отметить тенденцию постепенного дополнения визуальных репрезентаций прошлого, представленных в этих музеях, вещественными источниками, вызывающими у посетителя большее ощущение подлинности и объективности предложенных фрагментов. Таков пример интерактивного «Музея истории польских евреев» (Muzeum Historii Żydów Polskich POLIN, Варшава), в мультимедийную экспозицию которого, удачно введены предметы быта, религиозного культа, а также другие артефакты и их модели, предсказуемо притягивающие наибольшее внимание посетителей [31]. Вещественные источники – немые, отдельные и самостоятельные свидетели прошлого, будучи даже помещенными в экспозицию, отражающую определенные идеологические установки, дают посетителю больше свободы в собственной интерпретации прошлого, нежели исторические картины, «оживленные» проектором. Все-таки, движущиеся на стене цветные тени – изображения прошлого имеют меньше отношения к «жизни», нежели, к примеру, вещи, поднятые из курганов, пус-кай и неподвижные, но подлинные.

Создатели экспозиции парка-музея «Россия – моя история», к сожалению, в выборе технических средств репрезентации исторических материалов не воспользовались теми из них, которые в определенной степени отражают процесс и логику работы исследователя с подлинными историческими источниками, а именно: в экспозиции представления об источниках нет совсем. Историческая информация, названия и оценки даны посетителям (как, вероятно, и ее составителям) сразу в готовом виде (не исключено, что вообще посредством некоего «откровения»). Тогда как историческая наука извлекает все это из сложного внешнего и внутреннего анализа разнообразных источников, при необходимости реконструируя научно определенными способами утраченные их фрагменты, осуществляя, в том числе, исторически корректный перевод и интерпретацию первичных текстов. Одним из примеров использования современных технических средств для показа содержания источника и возможностей его понимания может служить электронное представление надгробий на старых еврейских кладбищах в упомянутом музее Polin в Варшаве. Там, к примеру, на специальных информационных экранах демонстрируются изображения отдельных каменных стел – надгробий, посетитель может наводить выделение на отдельные части памятника, содержащие надписи. При этом рядом с надгробием проецируется дословный перевод выделенного фрагмента. Если выделить на изображении тот или иной символ, то появится объяснение его значения и смысла присутствия на данном памятнике. Кроме того, рядом же с изображением можно прочитать и биографическую справку о погребенном здесь человеке. Таким образом, посетитель может отчасти повторить сам путь исследователя, даже не владея

неизвестным ему языком, но сопоставляя ряд представленных переводов и объяснений.

Появление в музеях интерактивных технических средств экспонирования соотносится с развитием концепции виртуального музея (чаще используемой для художественных музеев), логика экспозиции которого выстраивается индивидуально в голове посетителя. Экспонаты и отдельные элементы экспозиции, утрачивающие подлинность, просматриваются произвольно: в любой последовательности, в любом объеме, с любой скоростью [32]. Казалось бы, в исторических парках экспозиция выстраивается в линейной логике, она концептуальна и последовательна. Однако перенасыщенность разнообразными дополнительными вкладками, содержащими большие объемы информации, сбивает посетителя с толку, и он перемещается от одного планшета к другому. Редкий посетитель читает последовательно все предлагаемые тексты. Большинство быстро переключаются на развлечение интерактивными фокусами. При этом систематичность просмотра предсказуемо подменяется произвольной фрагментарностью и контекстным анахронизмом; эстетика и динамичность инсталляций и репрезентаций, развлекающих посетителя, становится для него важнее содержания, которое перестает восприниматься критически. Смысл может теряться вообще. Пожалуй, это допустимо, если посетитель музея знакомится с произведениями искусства ради эстетического наслаждения или развлечения. Однако безопасно ли применение принципа создания виртуального музея к экспозиции исторического содержания? Можно ли делать развлекательный аттракцион из отечественной истории, предлагая его одновременно в качестве «учебного пособия»?

На наш взгляд, элемент виртуальности применительно к реализации проекта сети исторических парков «Россия – моя история», с одной стороны, отражает существующий тренд массового распространения клиповой организации репрезентации информации, а с другой стороны, сам формирует клиповость сознания со всеми присущими ему проблемами полноценного восприятия и осмысления любой сложной информации, в том числе исторической. Следует обратить внимание на то, что, в отличие от восприятия текстовой информации, визуальная репрезентация не включает воображение, реконструирующее смыслы в сознании воспринимающего ее человека. Избыточный динамизм и мелькание картинок (особенно в хроникальных подборках и тематической анимации) мешают работе воображения посетителя и оставляют крайне мало места и времени для критического отношения к информации и формирования собственной оценки и личностной позиции в отношении увиденного. Иными словами, информационное перенасыщение вполне укладывается в рамки манипулятивного воздействия на воспринимающее сознание с целью достижения механического закрепления и воспроизводства оценок истории, предложенных в экспозиции, а не сознательного их выбора аудиторией из ряда серьезно и полно представленных других позиций как более аргументированных. В этом визуализация исторического контента как основной способ подачи ин-

формации в данном проекте вполне реализует потенциал визуальности как антирациональности.

Создатели сети парков декларируют соответствие репрезентаций современному уровню научной историографии. Однако фактически историческая концепция парка выстроена в опоре на труды классиков XIX – начала XX в., преимущественно консервативно-охранительного толка. При этом клиповый подход к репрезентации содержательного контента не позволяет поддерживать даже этот уровень давно оставшегося в прошлом этапа развития историографии отечественной истории. В историческом парке мы имеем дело с симуляцией классической историографии. На самом очевидном уровне это находит отражение в кратких цитатах, столь сильно раздражающих профессиональных историков своей «приблизительностью», отрывом от контекстов и вольностью их сочетаний. Симуляция «живой истории» проявляется и в свободном, вполне постмодернистском обращении с произведениями изобразительного искусства, которые никак не аннотируются, хотя и должны (при условии научного подхода) рассматриваться как варианты авторской, художественной интерпретации событий прошлого, соответствующей определенному времени и историческим условиям. «Оживление» живописных произведений, всегда спорных по смыслу, их сочетание с не менее спорными графическими изображениями, неточными картами, видеофильмами и подвижными мультимедийными экспонатами создает для посетителей эффект виртуальной реальности, что, несомненно, развлекает, но при этом резко снижает градус критичности восприятия увиденного. Тревожно то, что это отказывается замечать педагоги и чиновники, ответственные за образование подрастающего поколения и так мало читающего «скучные» печатные книги. В сущности, исторический парк далек от научности, однако складывается впечатление, что это мало заботит тех учителей, которые готовы развлекать учеников и формально готовить их к ЕГЭ по истории, не берясь за решение своей основной задачи – разъяснения школьникам сущности исторического знания и базовых характеристик исторического процесса. Проект, как уже отмечалось выше, позиционируется как одобренный профессиональными историками, и от этого существенно страдает имидж исторической науки в обществе. Парк-музей является, хоть и специфическим, но все же историческим музеем, где должны быть репрезентированы не любые мнения и дорогие чьему-то сердцу исторические мифы, но максимально достоверные знания о прошлом. И в этом качестве сегодня нет и не предвидится альтернативы научным историческим знаниям со всей их вариативностью и неоднозначностью оценок прошлого.

Несмотря на содержательную ограниченность проекта, а может быть, именно благодаря ей, проект в своем противоречивом сочетании взаимно мало совпадающих подходов и интересов участников в условиях конъюнктурного доступа к ресурсной поддержке разросся до целой историко-пропагандистской сети по всей стране. Посредством парков «Россия – моя история», содержательный контент которых вызвал лавину справедливых критических замечаний про-

фессиональных историков, представители РПЦ, политики и чиновники, как в столице, так и в регионах страны, а также представители общественности, по разным причинам привлеченные к проекту, реализуют собственные идеологические задачи (миссионерские, электоральные, легитимирующие как безальтернативный существующий социально-политический порядок и включенность именно в него отдельных регионов). Все это имеет мало общего с современным научным пониманием истории, поэтому необходимо

признать, что данный проект является хотя и актуальным для основных названных групп влияния, но непригодным в более широкой перспективе развития российского общества и для использования в образовательных целях. Способ «препарирования» и репрезентирования истории в экспозиции парка-музея дискредитирует историческую науку и в целом своей «клиповой организацией» исторического контента содействует дальнейшему разрушению рациональности массового исторического сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012. 53 с.
3. Парк «Россия – моя история» в Омске открыли потомок Бухгольца и духовник Путина // Новой Омск. 2017. 15 нояб. URL: http://newsomsk.ru/news/65777-park_rossiya__moja_istoriya_v_omske_otkrl_i_potomok/ (дата обращения: 12.10.2018).
4. «Россия – моя история» // Сибирские огни: литературный и общественно-политический журнал. 2017. Спец. вып. 100 с.
5. Селин А.А. О выставках в историческом парке «Россия – моя история» в Санкт-Петербурге // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 59–77.
6. Сулов А.Б. Исторический парк «Россия – моя история» в Перми // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 78–81.
7. Мосин А.Г. «Моя история» или «Моя мифология»? // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 82–92.
8. Прокопьев А.А. Другой взгляд на экспозицию в Екатеринбурге. «Россия – моя история»: не так страшен парк, как его малюют // Историческая экспертиза. 2018. № 1. С. 93–102.
9. Самонов С.И. Духовно-нравственное воспитание обучающихся через потенциал православной культуры (на примере Саратовской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3. С. 196–200.
10. Varutti M. Using Different Pasts in a Similar Way Museum Representations of National History in Norway and China // Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research. 2010. Vol. 2. P. 745–768.
11. Фильшкин А.И. Как изображать прошлое нации? Два подхода в музейных экспозициях (на примере Эстонии и Белоруссии) // Вопросы музеологии. 2016. № 1. С. 3–9.
12. National Museums and Nation-building in Europe 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change / P. Aaronson, G. Elgenius (eds.). London : Routledge, 2014. 226 p.
13. Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М. : Юрист, 1994. 719 с.
14. Шичалин Ю.А. История и историзм // Античность – Европа – история. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. С. 65–205.
15. Roediger H.L., Wertsch J.V. Creating a new discipline of memory studies // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 9–22.
16. Radstone S. Memory studies: For and against // Memory studies. 2008. Vol. 1 (1). P. 31–38.
17. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Internum. 2010. Т. 1. С. 26–36.
18. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М. : Проспект, 2016. 256 с.
19. Духовник Путина епископ Тихон назвал омский исторический парк одним из лучших в стране // Без формата: новости Омска и Омской области. 2017. 15 нояб. URL: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/nazval-omskij-istoricheskij-park/62599926/> (дата обращения: 12.10.2018).
20. Берг Е. Выставку под патронажем епископа Тихона предложили изучать школьникам и студентам. Историки называют ее «пропагандистской игрушкой» // Meduza. 2017. 11 дек. URL: <https://mamas.livejournal.com/6158154.html> (дата обращения: 12.10.2018).
21. Историко-финансовая империя духовника Путина // Руспрес: информационное агентство. 2017. 21 нояб. URL: <https://www.rospress.org/dossier/22773/> (дата обращения: 12.10.2018).
22. Исторический парк «Россия – моя история»: официальный сайт. URL: <https://myhistorypark.ru> (дата обращения: 12.10.2018).
23. Минобрнауки рекомендовало школьникам выставки «Россия – моя история» // РИА Новости: Россия сегодня. 2016. 10 нояб. URL: <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html> (дата обращения: 12.10.2018).
24. Парк-музей «Россия – Моя история» торжественно открыли в Новосибирске // Vn.ru: все новости Новосибирска. 2017. 12 нояб. URL: <https://vn.ru/news-park-muzej-rossiya-moja-istoriya-torzhestvenno-otkryli-v-novosibirske> (дата обращения: 12.10.2018).
25. Музей без экспонатов: исторический парк открыли в Новосибирске // Сибкрай. 2017. 13 нояб. URL: <http://sibkrai.ru/news/1/903769/> (дата обращения: 12.10.2018).
26. Обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки Российской Федерации О.Ю. Васильевой // Вольное историческое общество: официальный сайт. URL: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoj> (дата обращения: 12.10.2018).
27. Еще раз о мультимедийных парках «Россия – моя история» // Вольное историческое общество: официальный сайт. URL: <https://volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediynyh-parkah-rossiya-moja-istoriya> (дата обращения: 12.10.2018).
28. Претензии к историческим паркам «Россия – моя история»: ответ специалистов // Православие. ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/109182.html> (дата обращения: 12.10.2018).
29. «Без панегириков царям»: проект «Россия – моя история» защитили от критиков // РИА Новости: Россия сегодня. 2017. 13 дек. URL: <https://ria.ru/religion/20171213/1510875369.html> (дата обращения: 12.10.2018).
30. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
31. Polin. 1000 Years History of Polish Jews / B. Kirshenblatt-Gimblett and A. Polonsky (eds.). Warsaw : Museum of the History of the Polish Jews, 2015. 435 p.
32. Лебедев А.В. Виртуальные музеи и виртуализация музея // Мир музея. 2010. № 10. С. 5–9.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 22 апреля 2019 г.

The aim of the article is to reveal the features of the practices of memory politics in the implementation of the “Russia – My History” park-museum project and the practices inclusion into the system of institutional contradictions of the public consciousness in modern Russian society. The research is based on an analysis of the exposition of the historical park-museum “Russia – My History” in Moscow and in its regional branch in Novosibirsk. Publications about this project in the media and in specialized scientific journals have also been used as sources of the research. The analysis was carried out to determine the correspondence of the museum representations of the past of Russia to the modern scientific understanding of the historicism principle. Evaluating the project, the authors of the article rely on the general basis of the “memory studies” approach. The network of historical parks is researched as an instrument of the politics of memory. Initially, the project was conceived as a missionary one. The patriotic spirit of the representations, as one of the bases of the Orthodox concept of national history, turned out to be convenient for the use of the historical park by the power holders for their electoral purposes. This led to a significant increase in the project scale and to an inclusion of regional politicians and officials. The complex motives and beliefs of the subjects involved in the project development resulted in contradictions in the representations of national history. Thus, the correspondence of historical representations to the modern level of scientific historiography is declared. However, in fact, the historical concept of the park was built on the basis of works of the classic authors of the 19th – early 20th centuries mostly presenting a conservative approach. The current exposition, both in Moscow and in its regional variants, represents the history of the country from the point of view of the capital city, in the conservative logic of the sequence of “glorious” reigns of the “great” princes and kings. At the same time, there is no attempt to show Russia as a country in a variety of regional, ethno-cultural and confessional differences. The whole national history is presented without a comparison with a qualitatively different development experience. Representations are made out of the context of understanding the basic differences in the mentality of people from different epochs. The exposition does not show competing developmental paradigms. The outside world is represented in the park in two versions: as a source of hostile influence or as an object of expansion. The way of presenting history in the exposition of the park-museum discredits historical science and, in general, by its “clip organization” of historical content, contributes to the further destruction of the rationality of mass historical consciousness.

REFERENCES

1. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The social construction of reality]. Moscow: Medium.
2. Svyatoslavskiy, A.V. (2012) *Sreda obitaniya kak sreda pamyati: k istorii otechestvennoy memorial'noy kul'tury* [Habitat as a medium of memory: on the history of national memorial culture]. Abstract of Culture Studies Dr. Diss. Moscow.
3. Novyy Omsk. (2017) Park “Rossiya – moyaya istoriya” v Omske otkryli potomok Bukhhol'tsa i dukhovnik Putina [A descendant of Buchholz and Putin's confessor opened the park “Russia – My History” in Omsk]. *Novyy Omsk*. 15 November. [Online] Available from: http://newsomsk.ru/news/65777-park_rossiya_moya_istoriya_v_omske_otkryli_potomok/. (Accessed: 12.10.2018).
4. Sibirskie ogni. (2017) “Rossiya – moyaya istoriya” [“Russia – My History”]. *Sibirskie ogni*. Special Issue.
5. Selin, A.A. (2018) O vystavkakh v istoricheskom parke “Rossiya – moyaya istoriya” v Sankt-Peterburge [On exhibitions in the historical park “Russia – My History” in St. Petersburg]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 59–77.
6. Suslov, A.B. (2018) Istoricheskiy park “Rossiya – moyaya istoriya” v Permi [Historical Park “Russia – My History” in Perm]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 78–81.
7. Mosin, A.G. (2018) “Moya istoriya” ili “Moya mifologiya”? [“My history” or “My mythology”?]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 82–92.
8. Prokop'ev, A.A. (2018) Drugoy vzglyad na ekspozitsiyu v Ekaterinburge. “Rossiya – moyaya istoriya”: ne tak strashen park, kak ego maluyut [A different view on the exhibition in Yekaterinburg. “Russia – My History”: the park is not so terrible as it seems]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 1. pp. 93–102.
9. Samsonov, S.I. (2016) Spiritual and moral education of students through the Orthodox culture potential (Saratov Region case). *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Idea*. 8 (3). pp. 196–200. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/1-106-200
10. Varutti, M. (2010) Using Different Pasts in a Similar Way Museum Representations of National History in Norway and China. *Culture Unbound: Journal of Current Cultural Research*. 2. pp. 745–768.
11. Filyushkin, A.I. (2016) How to depict the past of the nation? Two approaches in museum exhibitions (for example, Estonia and Belarus). *Vo-prosy muzeologii – Problems of Museology*. 1. pp. 3–9. (In Russian).
12. Aaronson, P. & Elgenius, G. (eds) (2014) *National Museums and Nation-building in Europe 1750–2010: Mobilization and Legitimacy, Continuity and Change*. London: Routledge.
13. Troeltsch, E. (1994) *Istorizm i ego problemy* [Historicism and its problems]. Translated from German. Moscow: Yurist.
14. Shichalin, Yu.A. (1999) *Antichnost' – Evropa – istoriya* [Antiquity – Europe – history]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina. pp. 65–205.
15. Roediger, H.L. & Wertsch, J.V. (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*. 1 (1). pp. 9–22. DOI: 10.1177/1750698007083884
16. Radstone, S. (2008) Memory studies: For and against. *Memory Studies*. 1 (1). pp. 31–38. DOI: 10.1177/1750698007083886
17. Frumkin, K.G. (2010) Global changes in thinking and fate of the textual culture]. *Internum*. 1. pp. 26–36. (In Russian).
18. Girenok, F.I. (2016) *Klipovoe soznanie* [Clip thinking]. Moscow: Prospekt.
19. Omsk.bezformata.ru. (2017) Dуховник Putina episkop Tikhon nazval omskiy istoricheskiy park odnim iz luchshikh v strane [Putin's Confessor, Bishop Tikhon called the Omsk Historical Park one of the best in the country]. *Bez formata: novosti Omska i Omskoy oblasti*. 15 November. [Online] Available from: <http://omsk.bezformata.ru/listnews/nazval-omskiy-istoricheskij-park/62599926/>. (Accessed: 12.10.2018).
20. Berg, E. (2017) Vystavku pod patronazhem episkopa Tikhona predlozhili izuchat' shkol'nikam i studentam. Istoriiki nazyvayut ee “propagandistkoy igrushkoy” [Schoolchildren and students were offered to study the exhibition under the patronage of Bishop Tikhon. Historians call the exhibition a “propaganda toy”]. *Meduza*. 11 December. [Online] Available from: <https://mamlas.livejournal.com/6158154.html>. (Accessed: 12.10.2018).
21. Ruspres. (2017) *Istoriko-finansovaya imperiya dukhovnika Putina* [Historical and financial empire of Putin's confessor]. 21 November. [Online] Available from: <https://www.rospress.org/dossier/22773/>. (Accessed: 12.10.2018).

22. *The Historical Park "Russia – My History": the official website*. [Online] Available from: <https://myhistorypark.ru>. (Accessed: 12.10.2018). (In Russian).
23. Ria.ru. (2016) Minobrnauki rekomendovalo shkol'nikam vystavki "Rossiya – moya istoriya" [The Ministry of Education and Science recommended schoolchildren to visit the exhibitions of "Russia – My History"]. *RIA Novosti: Rossiya segodnya*. 10 November. [Online] Available from: <https://ria.ru/religion/20161110/1481121365.html>. (Accessed: 12.10.2018).
24. Vn.ru. (2017) Park-muzey "Rossiya – Moya istoriya" torzhestvenno otkryli v Novosibirske [The Park-Museum "Russia – My History" was solemnly opened in Novosibirsk]. *Vn.ru: vse novosti Novosibirska*. 12 November. [Online] Available from: <https://vn.ru/news-park-muzey-rossiya-moya-istoriya-torzhestvenno-otkryli-v-novosibirske>. (Accessed: 12.10.2018).
25. Sibkray.ru. (2017) Muzei bez eksponatov: istoricheskiy park otkryli v Novosibirske [Museum without exhibits: a historical park opened in Novosibirsk]. *Sibkray*. 13 November. [Online] Available from: <http://sibkray.ru/news/1/903769/>. (Accessed: 12.10.2018).
26. Volistob.ru. (2017) *Obrashchenie Vol'nogo istoricheskogo obshchestva k ministru obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii O.Yu. Vasil'evoy* [The Free Historical Society's Appeal to Minister of Education and Science of the Russian Federation O.Yu. Vasilyeva]. [Online] Available from: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoy>. (Accessed: 12.10.2018).
27. Volistob.ru. (2017) *Eshche raz o mul'timediynykh parkakh "Rossiya – moya istoriya"* [Once again about the multimedia parks "Russia – My History"]. [Online] Available from: <https://volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediynykh-parkah-rossiya-moya-istoriya>. (Accessed: 12.10.2018).
28. Orlova, O. (2017) *Pretenzii k istoricheskim parkam "Rossiya – moya istoriya": otvet spetsialistov* [Claims to the historical parks "Russia – My History": the experts' answer]. [Online] Available from: <http://www.pravoslavie.ru/109182.html>. (Accessed: 12.10.2018).
29. Ria.ru. (2017) "Bez panegirikov tsaryam": proekt "Rossiya – moya istoriya" zashchitili ot kritikov ["Without panegyrics to tsars": The project "Russia – My History" was defended from critics]. *RIA Novosti: Rossiya segodnya*. 13 December. [Online] Available from: <https://ria.ru/religion/20171213/1510875369.html>. (Accessed: 12.10.2018).
30. Baudrillard, J. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Translated from French. Tula: Tul'skiy poligrafist.
31. Kirshenblatt-Gimblett, B. & Polonsky, A. (eds) (2015) *Polin. 1000-Year History of Polish Jews*. Warsaw: Museum of the History of the Polish Jews.
32. Lebedev, A.V. (2010) Virtual'nye muzei i virtualizatsiya muzeya [Virtual museums and museum virtualization]. *Mir muzeya*. 10. pp. 5–9.

Received: 22 April 2019

А.А. Линченко, О.В. Головашина

«РУССКИЕ» В ЕВРОПЕ: ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ МИГРАНТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 17-78-20149

«Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

Статья посвящена сравнительному анализу особенностей конструирования форм гибридной исторической идентичности и памяти о прошлом в среде русскоговорящих мигрантов в Центральной и Восточной Европе. На основе обработки результатов интервьюирования русскоязычных мигрантов в Польше и Германии были выявлены существенные различия в запросах интеграции представлений о прошлом мигрантов в принимающее общество, способов конструирования гибридной идентичности и трансформации исторического сознания.

Ключевые слова: культурная память; миграционное общество; транснациональные группы; гибридная идентичность; историческое сознание мигрантов.

Как известно, границы культурной памяти не всегда совпадают с границами политических и географических пространств. Это в полной мере относится и к культурной памяти России, границы которой выходят далеко за пределы Российской Федерации и даже постсоветского пространства. Трагический XX в. оказался одним из наиболее значимых для расширения границ культурной памяти России. Речь идет о нескольких волнах русской эмиграции, одной из самых значительных сред которых оказалась эмиграция конца 80-х – начала 90-х гг. Речь идет прежде всего о переселении большого числа русских немцев, евреев, а также этнических русских на территорию Германии. Начиная с 1988 г. в ФРГ из постсоветских стран переехали на постоянное место жительства около 2,5 млн переселенцев немецкого происхождения. Всего в Германии проживает более 4 млн переселенцев из бывшего СССР – это около 4% населения страны. Исследователи сходятся во мнении [1–3], что к настоящему моменту данный миграционный поток существенно сократился. Однако миграционные волны в Центральную Европу в 80–90-е гг. сменились не менее интенсивными миграционными потоками в Восточную Европу в 2000-е гг. Они стали результатом неблагоприятных социально-политических и экономических процессов на постсоветском пространстве и в первую очередь были связаны с Украиной. В этой связи значительные группы русскоговорящих мигрантов появились в Польше. Данные процессы, а также общий рост эмиграции с постсоветского пространства на территорию Европы в течение последних трех десятилетий способствовали формированию особого русскоязычного культурного пространства. В этой связи было бы неверным просто оставить без внимания данную культурную среду, поскольку она не только является частью русскоговорящего зарубежья, но и выступает в качестве одного из факторов трансформации культурной памяти России. В современных исследованиях неоднократно отмечался тот факт, что, несмотря на внешне успешную экономическую интеграцию, овладение языком принимающей страны, мигранты сохраняли свою культурную память, что на

практике приводило к появлению различных форм гибридной идентичности. Характеризуя подобную гибридную идентичность мигрантов в ФРГ, Ольга Курилло, отмечает, что она есть «сочетание преимущественно немецких и русских элементов. С одной стороны, эта характеристика отличает ее от русской, а с другой – от немецкой культуры и определяет ее идентичность. Члены этой смешанной культуры изменяются одновременно в двух разных культурных мирах» [1. С. 65]. Несмотря на критику данного понятия в современной литературе, оно, вне всяких сомнений, маркирует особое измерение интеграции мигранта в принимающее общество. Это измерение можно было бы назвать интеграцией прошлого мигранта.

Прошное оказывается одновременно и источником, и препятствием для интеграции. В материальной жизни мигранта Родина, надо сказать, никакой роли не играет, а она «присутствует» лишь в его социальных и культурных контактах. Данный факт уже был отмечен в литературе. Так, в многолетнем исследовании В.Д. Попкова, проведенном при поддержке Фонда Гумбольдта, было выявлено, что «для русскоязычных групп определяющей характеристикой является не этничность и не гражданство, а культурные практики» [2. С. 15–16]. Подчеркивается, что одной из характеристик, позволяющих провести водораздел между немцами «старой» ФРГ и «новыми немцами» (включая бывших жителей ГДР и русских немцев), является культурная память, границы которой оказывают влияние на границы идентичности. Несмотря на то что «Родина» для мигранта находится в «прошлом», она оказывает свое мощное влияние на его будущее. Ибо для русскоязычных мигрантов, особенно для мигрантов «среднего поколения», прошлое является таким ориентиром и такой целью, которую они стремятся достигнуть в будущем. Речь здесь идет об утраченных или же оставшихся в прошлом социальных позициях, социальном влиянии и социальных функциях мигрантов, которые в «новом» обществе оказались невостребованными. Парадокс, но для мигранта прошлое может стать его будущим. Прошное мигранта, в отличие от прошлого не-мигранта, лежит

в совершенно другой культурной и языковой среде. Оно включает в себя врезавшийся в память момент «разрыва», т.е. момент эмиграции, который символизирует радикальный жизненный «поворот», поделивший жизнь на две части – до и после миграции. Радикальность этого «поворота» проявляется в том, что он определяет «настоящее существование» человека на протяжении всех последующих десятилетий. Все миграционные и интеграционные трудности имеют свое начало и свои причины именно в этом – поворотном – моменте, без которого эти трудности никогда не возникли бы. Без миграции человек имел бы любые другие, но только не миграционные / интеграционные трудности.

Интеграционные трудности затрагивают мигрантов в различной степени, ибо они определяются прежде всего возрастными особенностями. Однако возраст и образование – важные, но отнюдь не единственные факторы, оказывающие влияние на процесс интеграции прошлого мигранта в культурную память принимающего общества. В ранее упомянутом исследовании В.Д. Попкова была обоснована точка зрения, что среда русских немцев является случаем особой «транснациональной идентичности», имеющей плавающие границы, выстраивающиеся ситуативно имеющемуся социальному контексту. Не менее интересны в этой связи выводы М. Савоскул, которая смогла проследить интенсивность использования внутренних структур русскоязычного сообщества (русские землячества, исторические общества, театры, клубы, газеты, интернет-сайты, магазины) различными группами российских немцев, в зависимости от типа этнической идентификации. Для тех русских немцев, которые прошли успешную интеграцию, данные структуры оказываются факторами поддержки. Однако для слабоинтегрированных лиц они «тормозят вхождение поздних переселенцев в жизнь немецкого общества. Не ослабляют, а только усиливают кризис самоидентичности» [3. С. 217]. Казалось бы, результаты исследований дают исчерпывающий ответ, указывающий на роль самой среды в конструировании идентичности мигранта, особенностей его памяти и исторического сознания.

Заметим, что данные выводы только открывают пространство для дальнейших исследований. Первый вопрос, который возникает в этой связи, – это специфика и различие самой социокультурной и политической среды принимающего общества. Насколько сходными будут процессы конструирования гибридной идентичности мигранта и его памяти о прошлом в социокультурных пространствах, по-разному выстраивающих свою историческую политику и акцентирующих внимание на специфических ценностях исторической культуры? Именно этот вопрос и является предметом рассмотрения данной статьи, подготовленной на основе двух проведенных социологических исследований. В исследованиях использовались качественные методы получения информации. Нами применялся метод структурированного интервью, который предполагает, что рассказчику задается серия вопросов в рамках нескольких тематических блоков: мотивы переезда, характер, содержание и направлен-

ность воспоминаний о стране исхода, отношение к истории страны исхода и к истории принимающего общества. Тем не менее в рамках данных блоков мы формулировали открытые вопросы и стимулировали рассказчиков к открытому обсуждению. Рассказчики также могли возвращаться в интервью к тем вопросам, которые были им наиболее интересны, даже если они уже обсуждались. Все интервью проводились на русском языке.

Всего нами было собрано и обработано 58 интервью. Осенью 2017 г. в городах Варшава, Краков, Познань нами было собрано 20 структурированных интервью с представителями русскоязычного сообщества в Польше – выходцами из Восточной Украины, Белоруссии и России. Среди информантов, проживающих в Польше, 13 мужчин и 7 женщин. 10 интервью были даны русскоговорящими студентами, обучающимися в польских высших учебных заведениях (возрастная группа – 18–25 лет). Оставшиеся интервью были даны представителями возрастной группы (25–50 лет). Заметим, что на момент интервью 8 из 10 студентов совмещали учебу с работой, а в старшей возрастной группе только двое находились в поиске работы. Весной 2018 г. в Германии, в городах Бохум, Зиген, Дортмунд, Штутгарт и Вайблинген нами было собрано 38 структурированных интервью. Все интервью были проведены в группе русских немцев. Из них 8 интервью были собраны в возрастной группе 18–30 лет, 15 – в возрастной группе 30–50 лет и 15 – в возрастной группе 50–70 лет. 16 интервью были даны мужчинами, а 22 интервью – женщинами. Отбор информантов производился методом «снежного кома», но при использовании квотной выборки, в которой учитывались половозрастные характеристики и сроки пребывания в Германии и Польше (не менее трех лет).

Теоретические рамки работы связаны с переосмыслением некоторых идей Г. Зиммеля в рамках «поворота к мобильностям», который провозгласил Дж. Урри [4]. Несмотря на наличие множества интеграционных программ, мигрант для принимающего сообщества оказывается в роли «чужака», каким его описывал Г. Зиммель. Он живет вместе с принимающим сообществом, но не является его частью, оказываясь в условиях специфического взаимодействия [5]. Таким образом, индивид является частью группы в пространственном отношении, но не в социальном. В этой связи возрастают роль и значение культурных практик страны исхода как одного из важнейших духовных ориентиров человека в принимающем обществе. Эта ситуация во многом согласуется с идеями Р. Брубейкера, который предлагает отделить этничность от самих групп и от культурных практик данных групп [6]. Именно поэтому современные исследователи миграционных процессов заговорили о «русскоязычности» и «трансгосударственном русскоязычном пространстве». «Русскоязычность» понимается как «абсолютно новый социальный феномен, который возник после распада СССР и относится ко всем гражданам бывшего Советского Союза как к индивидам, имеющим единый культурный базис и, что особенно важно, единую культурную память (по Ассману)» [2. С. 152]. В таком случае этническая

принадлежность может отходить на второй план, а основополагающую роль в конструировании идентичности мигранта могут играть культурные практики советского периода, не только сохраняемые старшими поколениями, но и в своеобразной форме передаваемые молодежи. Данный феномен также можно было бы сопоставить с явлением «культурного гражданства» в трактовке Р. Розалдо [7]. И действительно, с одной стороны, общее прошлое создает особые условия для формирования единого «трансгосударственного русскоязычного пространства» как особой коммуникативной реальности, включающей в себя «фразные (в смысле декларируемой) этничности, группы мигрантов и покрывающей несколько государств» [2. С. 143]. С другой стороны, представители русскоязычных сообществ оказались в условиях взаимодействия с различными социокультурными и политическими процессами. Речь в первую очередь идет об исторических политиках и их существенном различии в Центральной и Восточной Европе. В этой связи изучение особенностей идентичности и памяти о прошлом в русскоязычных сообществах в Польше и Германии, демонстрирующих существенные различия в исторической политике, представляется особенно интересным.

«Восточная политика» Польши в целом определяется историческими стереотипами [8], а поэтический образ прошлого и сложившийся нарратив ценится выше, чем исторические факты [9]. История в этих условиях оказывается не рассказом о событиях прошлого, а одним из акторов политических, социально-экономических процессов. Замеченный польскими исследователями «реванш памяти» превратил социалистический период в новое поле для идеологических и политических битв, однако сейчас идеологические сражения времен холодной войны сменились соответствующей актуальной политической ситуацией конкуренцией исторических нарративов, конфликтогенный потенциал которых должен нивелироваться демократическим дискурсом. За основными темами, которые обсуждают современные историки Польши (сопротивление социалистическому режиму (советским оккупантам), стремление к объединению страны и т.д.), скрывается актуализация основного рефрена польской национальной истории – национальной жертвенности и солидарности поляков. Критичность, характерная для некоторых исследователей [10], скептически воспринимается польским академическим сообществом, а некоторые темы вообще оказываются табуированными [11]. Исторический нарратив, таким образом, оказывается источником не знаний о прошлом, а воспитания патриотических чувств при помощи темпоральных, аксиологических форм переживаний польской национальной истории. Сам дискурс о прошлом в Польше носит прежде всего религиозно-национальный характер. В основе идеологии жертвенности польского исторического нарратива лежат перманентное переживание и постоянная актуализация национальных трагедий. Украинский национализм, характерный для наций, интенсивно формирующих свою идентичность, конфликтует с польским историческим нарративом (который после прихода к власти партии «Право и справедливость» тоже все

более напоминает националистический); и если польско-российский диалог (как разговор с империей) уже накопил определенный, пусть и не всегда успешный опыт, то модели диалога двух национализмов нет. Интерпретация прошлого оказывается социальной практикой, определяющей модели поведения и действий людей. Таким образом, взаимоотношения Польши и прибывающих мигрантов с Украины, России, Белоруссии осложняются не историческими конфликтами, а конкуренцией исторических нарративов, цели которых определяются формированием национальной идентичности, необходимостью сплочения нации, существующими моделями исторического повествования, актуальной политической повесткой.

В отличие от исторической политики в Польше, историческая политика в Германии представляется более гармоничной. Как известно, начиная с 60-х гг. XX в. ее основным лейтмотивом является тема «преодоления прошлого», предполагавшая демократизацию общественного дискурса об истории, формирование исторического сознания на принципах гражданского общества. В практике школьного воспитания это нашло выражение в особой научной дисциплине – «дидактике истории», главной целью которой было формирование многогранного исторического сознания учащихся школ и высших учебных заведений. Общей тенденцией в таком случае оказывались практика преодоления этноцентризма, а также антиколониалистский дискурс в оценках самой Германии, а также других государств. Более того, начиная с 60-х гг. Западная Германия активно стала принимать европейских (а позже и ближневосточных) мигрантов, что существенно изменило к настоящему моменту саму демографическую структуру немецкого общества. В таких условиях «польский вариант» исторического нарратива оказывался просто невозможен, что и привело к дальнейшему развитию плюралистических интерпретаций истории. Как видно, особенности исторической политики в Польше и Германии опираются на различные ценностные системы, что не может не оказывать влияния на характер идентичности и память о прошлом в среде мигрантов. Каковы же эти различия?

При анализе всех интервью, собранных в Польше, независимо от демографических данных респондентов или страны их пребывания, обращает на себя внимание то, что момент переезда, эмиграции представляется мигрантами как ключевое событие (в терминологии Г. Зиммеля) в их биографии. Безусловно, необходимо учитывать ситуацию интервью, положение мигранта и интервьюера-соотечественника, что определенным образом задает рамки образов, которые представляет мигрант. Однако в любом случае переезд представляет собой то самое событие, которое определяет новый вектор, новое направление жизни. Второй важной темой оказывается интеграция в принимающей стране, которая разворачивается как тема поиска своей идентичности в контексте жизненных практик, через преодоление себя и трансформацию собственного Я, решение возникающих в процессе контактов с принимающим сообществом проблем и т.д. Третьей такой темой, которая занимает большое место в автобиографическом нарративе, оказывается

место прошлого, ностальгия: «Я килограммов 15 ностальгии храню в подвале. Чего в этом мешке только нету, и ведь рука не поднимается выкинуть» (жен., 34 года, Польша).

Полученное польское гражданство позволяет жить и работать в любой стране Евросоюза. Было выявлено, что для русскоговорящих мигрантов в Польше интеграция является только одной из задач, а не целью, определяющей всю жизнь. Люди не готовы стать поляками, немцами; как правило, они ценят культурный опыт, который дала им страна исхода, могут определять себя как русских / украинцев / белорусов, но собственная этническая принадлежность не занимает места в их самоописании, однако может актуализироваться в ситуации вызова: «Очень часто и самому хочется все послать на... спаковать чемодан и свалить, но когда подумаешь о том, что в спину скажут: ну и вали, русек... остаешься... Остаешься, чтобы дальше портить кровь недоброжелателям и защищать Родину. Иногда ее и словом можно защитить, не обязательно иметь автомат...» (муж., 34 года, Польша). Таким образом, анализируя проблему интеграции мигрантов в принимающем сообществе, важно понимать, что необходимо говорить, с одной стороны, о проблемах, вызванных невозможностью интеграции в стране пребывания, с другой – о нежелании этой интеграции. Мигрант может рассматривать место пребывания как временное, необходимое для того, чтобы получить образование, гражданство (особенно характерно для украинских мигрантов в Польше), подождать смену режима на родине (для некоторых мигрантов из Белоруссии). Польша вообще рассматривается примерно 40% исследуемых респондентов как плацдарм для того, чтобы потом переехать в более богатую страну. Любопытно, что подобные настроения были выявлены только в 3 из 38 интервью, собранных в Германии.

Большинство опрошенных как в Польше, так и в Германии, вне зависимости от времени нахождения в принимающей стране, продолжают определять себя как русские (украинцы, белорусы). Это во многом является отражением реакции принимающего сообщества на выходцев из всех стран бывшего Советского Союза как на русских (хотя в Польше в последние годы в связи с резким наплывом украинцев оно меняется – теперь почти все мигранты, обладающие так называемым восточным акцентом принимаются за украинцев). Многие в интервью начинают определять себя как «человека между двух миров», «маргинала», практически повторяя, таким образом, дискурс Г. Зиммеля. «Ну сейчас мне как-то комфортно, когда я нахожусь в России. Еду на пару дней, а бывает и на три недели... Когда ты долго там живешь, то уже понимаешь, что тебя какие-то вещи начинают раздражать. Не знаю. Дороги или что-то еще. Какие-нибудь бюджетные инстанции и бардак. ...И мне как-то комфортнее как-то находиться между двух миров. Хотя какое-то время я прямо мечтала уехать. Думала, дочка вырастет, я ее замуж выдам. Мне будет лет сорок. Почему бы нет. Могу еще переехать. Сейчас я, наверное, уже бы не хотела. Но если бы мне сказали, что я там не смогу бывать, то меня это тоже бы не устроило» (жен., 35 лет, Германия).

При отсутствии работающих моделей диалога различных групп памяти мигранты сами находят и / или создают модели взаимодействия в зависимости от личной интерпретации полученной на родине исторической информации, опыта жизни в Польше, социального окружения и т.д. Довольно многочисленные общественные организации, помогающие украинцам в Польше, решают экономические, социальные вопросы, но какая-либо трактовка исторических событий остается личным делом мигрантов. Незнакомые с многочисленными томами исследователей *memory studies* мигранты сами осознают социальную роль прошлого, динамику образов исторических событий, роль культурной памяти в кризисе идентичности. В этой связи нами были выявлены четыре наиболее типичные стратегии выбора мигрантом отношения к истории страны исхода и принимающей страны.

Стратегия, которой в целом придерживалась большая часть опрошенных мигрантов в Польше, – это отказ от конкуренции. В основном ее выбирают молодые люди, которые прожили в Польше или Германии несколько лет. Такие серьезные различия в цифрах среди мигрантов, проживающих в Польше, вызваны различным отношением к прошлому в принимающем сообществе исследуемых стран. Если немецкий исторический нарратив предполагает признание своих ошибок и толерантность к другим представлениям, то в Польше история до сих пор являет собой поэтический и глубоко эмоциональный образ, отношения к событиям которого оказываются индикатором отношения к польской нации вообще. Приезжая, мигранты не отказываются от своего исторического нарратива, но и не готовы принять новый, поэтому они или 1) пытаются снизить значение прошлого в современной жизни, или 2) отрицают личную связь с конфликтными событиями прошлого. Представители первого направления говорят, что трагические исторические события (прежде всего, «Волынская резня» или Великая Отечественная война) были давно, а сейчас другое время и не стоит обращать внимание на прошлое («Пора жить сегодняшним днем... смотреть вперед, а не назад...» (муж., 26 лет, Польша); «Это история... там есть много плохого, но есть и много хорошего... пора уже дать покой этим бесконечным раздорам...» (жен., 37 лет, Польша). Данная стратегия может выражаться в признании равнозначности трактовок и возможности их сосуществования. История в представлениях информантов оказывается собственностью государства, трактуется как часть государственной идеологии: «Пусть здесь снимают такие фильмы, какие им больше нравится. А мы улицы называем, как нам нравится» (муж., 41 год, Польша); «В Варшаве на улицах говорят одно, в Львове – другое. Это нормально» (жен., 37 лет, Польша); «У немцев своя правда – у нас своя» (муж., 27 лет, Германия). Информанты в этом случае избегают давать какие-либо оценки исторических событий или героев – они подчеркивают, что государство (Украина, Польша) имеет право на ту историю, которая им больше нравится, потому что никто не знает, как было на самом деле.

Представители второго направления отрицают личную связь с трагическими событиями прошлого: «Ни я, ни мои родственники в этом (“Волинская резня”) не участвовали» (жен, 29 лет, Польша); «Я вообще из другого города. Это за тысячу километров от меня. Мой прадед на фронте не был, у него бронь» (муж., 23 года, Польша). Подобная позиция позволяет мигрантам объяснить себе, что фильм «Волинь» – не про них, а про каких-то других людей, которые не имеют к ним никакого отношения. Причем другая семейная история не дискредитирует эту стратегию: выходец из Украины, польские родственники которого пострадали при Волини, сказал, что им уже не поможет, если он сейчас будет как-то особенно относиться к этому событию. Такая стратегия позволяет сохранить личную дистанцию за счет отрицания значимости прошлого.

Главная цель отказа от конкуренции исторических нарративов со стороны мигрантов – это желание уменьшить возможность возникновения конфликтных ситуаций в стране пребывания. Необходимость найти хорошую работу, общение с чиновниками представляются мигрантам более серьезными проблемами, чем события прошлого. Эта позиция связана с опытом знакомства информантов с историей. Даже самые молодые из опрашиваемых мигрантов сталкивались на родине с непредсказуемостью прошлого своей страны. Если нарратив школьных учебников сохраняет определенную целостность на протяжении последнего десятилетия, то информация, поступающая через СМИ, постоянно предлагает другие, часто противоположные предыдущим трактовки. Прошлое теряет в представлении мигрантов свой онтологический статус, оказываясь по значимости на уровне художественного произведения, потому что «никто не знает, как было на самом деле» (довольно распространенная фраза среди русскоязычных мигрантов): «Даже если я изучу все факты, источники, разработаю свою точку зрения, все равно потом придет другой человек, который тоже все изучил, но у него будет другая точка зрения» (жен., 21 год, Польша). В разговорах про историю мигранты постоянно переходили к обсуждению актуальных политических вопросов, как правило, не разделяя исторические и политические темы. Таким образом, мигранты настроены на формирование определенной гибридной идентичности, в которой культурная память страны исхода сочетается с актуальной культурной реальностью и прежде всего с исторической политикой страны пребывания.

Вместе с тем длительная последовательная реализация этой стратегии при интеграции в принимающее сообщество невозможна. Это связано с тем, что принимающее сообщество, как правило, имеет сложившееся (в отличие от большинства мигрантов) отношение к истории, и, интернируясь, мигрант оказывается перед выбором. Украинская информантка из Польши рассказывала, как в автобусе, где она разговаривала на русском языке со своей подругой из Молдавии, один из пассажиров встал и начал, с использованием ненормативной лексики, называть их бандеровцами и советовал не только выйти из автобуса, но и вернуться к себе домой. Остальные пассажиры не проявили

инициативы. Информантка, описывая этот эпизод, была согласна с трактовкой образа Бандеры, озвученной поляком, однако считала, что это не может иметь к ней отношение, так как она лично и ее родственники с ним не общались. Принятие (частично или полностью) исторического нарратива принимающего сообщества является еще одной стратегией, которую выбирают русскоязычные мигранты. Некоторые мигранты (24% проживающих в Польше) соглашались с историческим нарративом принимающего сообщества. Как правило, об этом говорится в дискурсе осознания: «Я только здесь понял, какими мы были свиньями» (муж., 38 лет, Польша); «Теперь я смотрю на нашу историю по-другому» (жен., 22 года, Польша). Все мигранты, участвующие в интервью, стремились оправдать принятие исторического нарратива: ссылались на свое гуманитарное образование, позволяющие им делать объективные, как они говорят, выводы (независимо от того, в какой стране это образование было получено), на образование мужа / друга-поляка (немца), реже – на самостоятельное исследование источников. Отказываясь от того, чтобы обращать внимание на возможные конфликты с принимающим сообществом, мигранты подчеркивали те общие черты, которые, на их взгляд, объединяют их с принимающим сообществом, при этом исторические эпизоды, в которых, например, польская сторона проявила себя не лучшим образом (например, «умиротворение» в Галиции), не комментируются или объявляются результатом советской пропаганды. Эта точка зрения позволяет мигрантам констатировать свою интеграцию в принимающее сообщество, однако избежать резкой критики своей родины. В крайних случаях (наше исследование зафиксировало их только в Польше) имеет место изменение собственной семейной истории, в которой дед, существовавший в сознании как участник Великой Отечественной войны (т.е. часть советского героического пантеона), интерпретируется как преступник.

В современных учебниках отношения Польши и России ограничиваются информацией о Речи Посполитой и некоторыми эпизодами Смутного времени. Приехав в Польшу, мигранты соглашались с польской трактовкой событий 1939 г. и начинают говорить о советской послевоенной оккупации, так как других источников информации, кроме польских, у них нет.

Еще одной стратегией является выбор исторического нарратива, характерного для страны исхода. В Польше эта стратегия довольно характерна для выходцев из Республики Беларусь. «Роль нашей Родины, Советского Союза в спасении всего польского народа от тотального и бесповоротного физического уничтожения, вообще, не подлежит никакой дискуссии» (муж., 47 лет, Польша). Среди белорусов в Польше (в отличие от украинцев и россиян) много тех, кто имеет статус политических беженцев. Польшу они воспринимают как страну временного места жительства (как и украинцы, выбирающие родной исторический нарратив) и ориентированы не на интеграцию, а на более-менее комфортное пребывание в стране. Их круг общения составляют в основном соотечественники, и информационное пространство представлено русско-

или белорусскоязычными пабликами в социальных сетях. Даже репатрианты из Беларуси после получения польского гражданства не собираются связывать свою жизнь с этой страной, а воспринимают ее как возможность для передвижения дальше в Европу, а большинство из политических мигрантов готовы вернуться на родину в случае изменения там политической ситуации. Нельзя не обратить внимания и на то, что конфликты в белорусско-польском нарративе не акцентируются в современном политическом пространстве Польши и вряд ли в польско-белорусской истории можно найти что-то похожее на Вольну, учитывая, что это событие не только актуализируется современной исторической политикой памяти в Польше, но и сохранилось в семейной памяти многих поляков. Неудивительно, что сами информанты советуют при слабом знании польского языка (при наличии так называемого восточного акцента) представляться белорусом.

Иная картина складывается при обращении к интервью, собранным в Германии. С одной стороны, как и в Польше, респонденты продемонстрировали огромную важность темы переезда, указав на то, что после него у них началась новая жизнь. Не менее значимыми оказались темы интеграции и ностальгии. Однако, с другой стороны, особенности исторической политики в современной Германии не отличаются враждебностью к другим культурам памяти и интерпретациям истории. Более того, опрошенная группа русских немцев получила всю возможную социально-экономическую поддержку и гражданство после переезда в Германию. Эти обстоятельства стали причиной того, что выявленную при анализе польских интервью типологию способов отношения мигранта к историческому нарративу принимающей страны мы не смогли обнаружить в рамках эмпирического исследования. Русскоговорящие переселенцы в Германии вообще не призваны делать какой-либо выбор в пользу одной интерпретации истории, просто потому что этой единой интерпретации истории, как и единого учебника истории в Германии, просто нет. Каждая федеральная земля определяет свой круг вопросов изучения истории и использует свой земельный учебник истории. В этой связи у русскоговорящих мигрантов нет потребности к трансформации семейной памяти и выбору жесткой линии интерпретации истории страны исхода. Данное обстоятельство, а также проведенные интервью в трех поколениях русских немцев позволяют нам более подробно обратиться к результатам интервьюирования.

Говоря о представителях молодежной группы (18–30 лет, 8 интервью), следует отметить, что несмотря на то, что большинство респондентов переехали в Германию в детстве, общими мотивами для эмиграции признаются тяжелое экономическое положение и отсутствие перспектив для развития на Украине, в Казахстане и в Киргизии. Респонденты указывают на то, что они, как правило, не участвовали в принятии решения. Вопросы о наличии семейных воспоминаний и частоте воспоминаний о стране исхода не выявили обширных знаний семейного прошлого и его роли в истории страны исхода. Сами респонденты в

большинстве случаев объясняют это своим возрастом. Вместе с тем большинство рассказчиков однозначно отмечают тот факт, что их жизнь получила принципиально новый характер после переезда, а также включают переезд в число самых ярких событий своей жизни. Так, одна из респондентов, повествуя о своих связях со страной исхода, отмечает: «До 2016 года я думала практически каждый день о том, как там было, чтобы я там могла иметь. А после 2016 года я поняла, что это бессмысленно... новая жизнь началась когда ты понял то, что дороги назад нельзя, ну нет ее просто. Что прошлое вернуть нельзя и тогда начинается новая жизнь» (жен., 22 года, Германия).

Отсутствие обширных знаний о семейной истории контрастировало с хорошими знаниями имен прабабушек и прадедушек, о чем заявили все рассказчики. Вместе с тем половина респондентов вспомнить имена друзей и коллег в стране исхода не смогли, объясняя это отсутствием общих интересов. Респонденты также не продемонстрировали какого-либо критического отношения к странам исхода (Казахстан, Россия, Украина, Киргизия), а проявили нейтралитет в оценке их прошлого. Более того, отвечая на вопрос о наиболее интересной исторической эпохе, 6 из 8 рассказчиков указали на СССР 60–80-х гг., что, по-видимому, связано с наличием семейных воспоминаний и определенной ностальгией старшего поколения. Не менее интересна ситуация с материальной стороной культурной памяти молодых русских немцев. Несмотря на то что в процессе интервьюирования не удалось выявить обширных знаний семейной истории, практически все респонденты указали на наличие фотографий об их жизни в стране исхода и семейных реликвиях. При этом ответы на вопрос о праздниках, которые отмечают респонденты, не получили такой однозначной оценки. Было выявлено, что респонденты имеют представление о российских и советских праздниках, но в большинстве не празднуют их в силу наличия большого числа немецких друзей и коллег, индифферентных к данным практикам культурной памяти России. В некоторых случаях было выявлено стремление комбинировать данные праздники, и в частности, сочетать православные праздники с праздниками католическими и протестантскими.

Несколько иной воспринимается ситуация с ролью памяти о прошлом и истории в ответах поколения русских немцев в возрастной группе 30–50 лет (15 интервью). В данном случае также доминирует экономическая мотивация. Большинство респондентов указали в интервью именно на экономические трудности конца 80-х – начала 90-х гг. Вместе с тем не менее важным для респондентов оказались и этнические причины – стремление уехать на «Родину предков» или воссоединение с уехавшими родственниками. Достаточно ожидаемым явилось наличие тесной связи семейных воспоминаний и исторических событий. Так, в шести из тринадцати интервью события семейной истории напрямую связывались с распадом СССР, появлением СНГ и политическими событиями в России в начале 90-х гг. Значительное количество рассказчиков в этой группе достаточно часто вспоминают страну исхода, что представляется

объяснимым в силу того, что их молодость прошла в Советском Союзе. Именно детство и юность оказались среди наиболее популярных тем воспоминаний. Еще большее значение, чем в группе молодежи, в данном случае играет память о переезде. Рассказчики не только указывали на факт полной перемены их повседневной и профессиональной жизни после переезда в Германию, но и в 13 из 15 интервью переезд оказался в числе самых ярких событий жизни респондентов.

Как и представители молодого поколения, респонденты данной возрастной группы продемонстрировали высокий уровень осведомленности о некоторых страницах семейной истории. Только в двух интервью не были названы имена прабабушек / прадедушек, причем в качестве причины были названы трагические события 40–50-х гг. XX в., повлиявшие на разрушение межпоколенной памяти. Достаточно хорошим оказался уровень знаний о ближайшем окружении страны исхода. Так, на вопрос об именах друзей и коллег страны исхода две трети респондентов ответили положительно, однако только треть опрошенных указали, что поддерживают отношения.

Достаточно противоречивым оказалось отношение респондентов данной возрастной группы к самой стране исхода. Характерно, что только два интервью продемонстрировали высокий уровень оценки современной ситуации на постсоветском пространстве. Большинство респондентов отметили, что их не интересует современная обстановка в странах бывшего СССР, а в ряде интервью прозвучали критические замечания в адрес действующей политической власти в России, Казахстане и Украине. Вместе с тем абсолютно все респонденты, отвечая на дополнительный вопрос, выделили в качестве позитивных воспоминаний свое детство и юность. Более того, особым предметом ностальгии практически во всех интервью выступила еда. Это соотносится с предшествующими исследованиями, выявившими высокий уровень сохранения практик памяти, связанных с советской и российской кухней [2].

Продолжая разговор о материальной стороне культурной памяти русских немцев, отметим, что поколение в возрасте 30–50 лет продемонстрировало более высокий уровень практик сохранения памяти о стране исхода и жизни до переезда. Так, во всех интервью было выявлено особое отношение к фотографии, семейным реликвиям и советским / российским праздникам. Среди последних наиболее популярными были не только православные праздники, которые имеют свои аналоги в Германии (Рождество, Пасха), но праздники, характерные только для постсоветского пространства (8 марта, 23 февраля, 1 мая, 9 мая). Любопытно, что наши респонденты не только активно отмечают данные праздники но и стремятся познакомиться с ними немецкое окружение. «Здесь 8 марта, это не праздник. Здесь не знают, что такое вообще 8 марта. Ну очень, очень мало кто знает. Я, например, на работе женщин поздравляю с 8 марта. Они сначала на меня так: “Чего? Кого? А что это такое?”. Объясняю: “Сегодня в принципе международный женский день”. Как-то так в разговоре немцам могу сказать» (муж.,

39 лет, Германия). Для некоторых респондентов данные праздники оказываются одним из важнейших источников сохранения символической связи со страной исхода и фактором определения границ их культурной идентичности: «Потому что это относится не только к истории страны, но и к моей жизни, моей истории. Почему бы мне не праздновать здесь 8 марта, почему бы мне не получить от мужа цветы или подарок, почему я должна от такого отказываться (смех). Я мужу сказала в России только самый последний самый последний собутыльник не подарит своей жене подарок, и поэтому мой муж на 8 марта приходит и говорит: “Я что хуже русского алкаша” (жен., 45 лет, Германия). Именно в старших возрастных группах нами был выявлен наиболее высокий уровень переноса традиций и практик культурной памяти страны исхода на принимающее общество. Уровень и интенсивность переноса культурных традиций страны исхода мигрантами на принимающее общество в группе русских немцев оказался напрямую связанным с возрастом наших респондентов, где представители молодежной группы выявили нейтральное отношение к факту знакомства немцев с советскими и постсоветскими праздниками.

Еще более интересными оказались ответы данной возрастной группы на вопросы о наиболее интересной для них исторической эпохе, куда бы они хотели отправиться. В 12 из 13 интервью мы обнаружили в качестве таковой эпохи СССР периода 60-х – начала 80-х гг. В данном случае, исторические интересы оказываются проявлением ностальгического отношения к периоду юности и детства респондентов. Причем в процессе движения от возрастного диапазона 30–40 лет к диапазону 40–50 лет данное ностальгическое отношение усиливается.

Мотивация переезда в возрастной группе 50–70 лет также в первую очередь оказалась связана с тяжелым экономическим положением начала 90-х гг. прошлого века. Однако анализ ответов данного поколения, ставшего инициатором переселения, выявил еще один распространенный ответ – движение вслед за родственниками. Респонденты говорят о волне эмиграции, когда за старшими родственниками, братьями и сестрами уезжало и младшее поколение русских немцев. Разительный контраст можно наблюдать в ответах на вопрос о наличии семейных воспоминаний, связанных с историческими событиями. Достаточно ожидаемым было присутствие в них отсылок к распаду СССР, трагическим событиям коллективизации 30-х гг., а также депортации российских немцев в Среднюю Азию в 40-е гг. XX в. Вместе с тем ни в одном интервью мы не обнаружили диссонанса между негативной оценкой действий советского правительства в 30–40-е гг. и негативной интерпретацией событий распада СССР. Наоборот, респонденты рассматривали распад СССР и экономические трудности начала 90-х гг. как личную трагедию. Так, например, одна из наших рассказчиц, повествуя о нелегкой судьбе ее семьи в 40–50-е гг. в Казахстане, о фактах недоброжелательного отношения сверстников, коллег в школе и руководства деревни, ни разу не упомянула об обидах по отношению к советской власти: «Сестра моя уехала и

потом я в 1991 г. Конечно, я очень хорошие проводы сделала в школе. Всех учителей пригласила и тех, которые на пенсии были. Пригласила человек 40. Они все провожали меня очень хорошо. Только три учителя не пришло. Одна живет теперь в Ленинграде, еще живая – 83. Они не пришли, что, мол, фашисты уезжают. И, помоему, и до сих пор это у них осталось. Эти, кто с войны пришел – они все. Но мы не обижались. У меня мать тоже с таким характером была. Ну немцы есть немцы, что теперь поделаешь» (жен., 69 лет, Германия).

Возраст и личный исторический опыт респондентов стали причиной несколько иной интерпретации частоты воспоминаний о стране исхода. Характерно следующее: половина рассказчиков отметили, что очень часто вспоминают свою жизнь до переезда. Как и у предшествующего поколения, в данном случае мы наблюдаем активизацию воспоминаний в контексте семейных, дружеских контактов, а также сравнение бытовых ситуаций до и после переезда. Именно существенные различия в повседневной жизни были обозначены респондентами в качестве причины утверждать, что жизнь после переезда принципиально изменилась. Достаточно типичными оказались и их рассказы о наиболее ярких и трагических событиях их жизни. Среди них – переезд в Германию, рождение детей, получение высшего образования, смерть родителей. Только в одном интервью респондент указала распад Советского Союза как одно из наиболее важных для нее событий.

Исследование выявило гораздо больший уровень осведомленности данной возрастной группы по вопросу памяти имен близких родственников (прабабушки, прадедушки), а также высокий уровень памяти о друзьях и коллегах в стране исхода. Большинство респондентов заявили, что поддерживают отношения и даже предпринимали визиты в последние 5 лет. Лишь в нескольких интервью прозвучала мысль об отсутствии информации обо всех дальних родственниках в связи с депортацией 40-х гг. и смертью некоторых членов семьи. Противоречивое отношение предшествующих групп к стране исхода в данной возрастной группе сменяется в пользу однозначно положительного. Характеризуя свои воспоминания о стране исхода, рассказчики указывали на однозначно позитивные воспоминания, фокусируясь на фактах личной жизни и юношеском периоде. Лишь в одном случае рассказчик, указавший на то, что старается крайне редко вспоминать советский период жизни, отметил, что его воспоминания о стране исхода очень противоречивы. Существенное отличие данной возрастной группы было выявлено в вопросе ностальгии. Если для представителей предыдущей возрастной группы ностальгические воспоминания были связаны в первую очередь с практиками еды, то респонденты возрастной группы 50–70 лет указали на друзей, пространство малой родины, контакты с современниками. В данном случае отмечались близкие и знакомые люди, ушедшие из жизни и выступающие в качестве эмоционального источника воспоминаний. Ценность советского периода жизни оказалась ярко представленной и в контексте оценок значимости навыков и опыта, полученного до переезда. Рассказчики говори-

ли в основном о немецком языке, образовании и психологических качествах, воспитанных советской системой.

Еще более интересными представляются ответы на вопросы, связанные с анализом материальной стороны культурной памяти русскоязычных мигрантов. Исследование выявило обширный запас фотографий, отсортированных по периодам жизни и по значимости для респондента. Несколько респондентов также отметили, что посвятили особое время созданию семейных альбомов (*das Familienbuch*). В 12 интервью из 15 собранных в данной возрастной группе были упомянуты семейные архивы, состоящие из фотографий, портретов, книг и памятных вещей. Неожиданные результаты были получены в ходе бесед с респондентами по вопросу о наиболее значимых праздниках. Здесь мнения представителей старшей возрастной группы разделились. Для половины респондентов (7 интервью), хранящих особо теплые воспоминания о советском периоде жизни, все основные российские и советские праздники (23 февраля, 8 марта, 9 мая, 7 ноября, Рождество, Пасха) были названы в качестве значимых. Вторая часть респондентов (6 интервью) отметили, что из всех праздников страны исхода они отмечают только православные праздники и 8 марта, которые значимы и в Германии. Один из рассказчиков указал на то, что все эти праздники для него никакого значения не имеют, а еще один рассказчик отметил, что относится к советским и российским праздникам «с юмором» (жен., 51 год, Германия). В отношении исторических знаний и наиболее интересных эпох исследование выявило уход большинства респондентов в семейные практики памяти именно через факты и события семейной жизни. В 13 интервью из 15 было указано, что наиболее привлекательной эпохой, куда бы хотели отправиться наши респонденты, является Советский Союз середины 60-х – середины 80-х гг. прошлого века.

Таким образом, активизация миграционных потоков в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в Центральную Европу, а также увеличение числа мигрантов с постсоветского пространства в Восточную Европу в 2000-е гг. создали особые условия для формирования трансгосударственного русскоязычного пространства. Это существенно расширяет границы культурной памяти России, поскольку большинство русскоязычных мигрантов во многом соотносят свои жизненные ценности и стандарты с культурными практиками бывшего Советского Союза. Вместе с тем представители русскоязычных сообществ оказались в условиях взаимодействия с различными социокультурными средами, порождаемыми в том числе и специфическими для стран Центральной и Восточной Европы политиками памяти. В этой связи предпринятое исследование особенностей идентичности и памяти о прошлом в русскоязычных сообществах в Польше и Германии выявило существенные различия в вопросах интеграции представлений о прошлом мигрантов в принимающее общество, способов конструирования гибридной идентичности и трансформации исторического сознания. На основе собранных интервью было выявлено, что взаимоотношения мигрантов с истори-

ческими нарративами в Польше строятся на более противоречивой и уязвимой основе в силу конфликтогенности самого официального исторического нарратива принимающего общества. Нами были выявлены четыре стратегии взаимоотношения с историческим нарративом польского общества: отказ от конкуренции, отрицание личной связи с трагическими событиями прошлого, выбор исторического нарратива страны исхода, согласие с историческим нарративом принимающего сообщества. Исследование в Германии выявило отсутствие у русскоговорящих мигрантов потребности в трансформации семейной памяти и выборе жесткой линии интерпретации истории принимающего общества. Это обстоятельство стало причиной того, что выявленная при анализе польских интервью типология

способов отношения мигранта к историческому нарративу принимающей страны в среде русских немцев оказалась менее эффективной. Русскоговорящие переселенцы в Германии вообще не призваны делать какой-либо выбор в пользу одной интерпретации истории, в силу того что этой единой интерпретации истории как и единого учебника истории в Германии нет. Принципиальное значение для русскоговорящих мигрантов в данной среде приобретают возрастные особенности, оказывающие влияние на интерпретацию истории страны исхода, фактов и событий семейной памяти, ностальгию, конфигурацию значимых воспоминаний о прошлом, а также особенности переноса традиций и практик культурной памяти страны исхода на принимающее общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kurilo O. Russlanddeutsche als kulturelle Hybride // Zuhause? Fremd?: Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien / Markus Kaiser, Michael Schönhuth (Hg.). Bielefeld : Transcript, 2015. S. 53–72.
2. Попков В.Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне : Полев, 2016. 484 с.
3. Savoskul M. Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung // Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / Hrsg. von S. Ipsen-Peitzmeier. Bielefeld : Transcript, 2006. S. 197–221.
4. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.
5. Зиммель Г. Экскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб. : Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
6. Брувейкер Р. Этничность без групп. М. : Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
7. Rosaldo R. Cultural Citizenship and Educational Democracy // Cultural Anthropology. 1994. № 9 (3). P. 402–411.
8. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Poznań, 2011. 344 s.
9. Davies N. God's Playground: A History of Poland. New York : Columbia University Press, 1982. 369 p.
10. Lis D. Wokół „złotych żniw”. Debata o książce Jana Tomasza Grossa i Ireny Grudzińskiej-Gross. Kraków : Znak, 2011. 302 s.
11. White H. Practical Past // Taiwan journal of East Asian Studies. 2010. Vol. 7, № 1. P. 1–20.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 мая 2019 г.

“Russians” in Europe: Memory of the Past, Identity and Historical Consciousness of Russian-Speaking Migrants in Central and Eastern Europe

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 83–92.

DOI: 10.17223/15617793/444/10

Andrey A. Linchenko, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Oksana V. Golovashina, Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Keywords: cultural memory; migratory society; transnational groups; hybrid identity; historical consciousness of migrants.

The article is devoted to a comparative analysis of the features of construction of the forms of a hybrid historical identity and memory of the past among Russian-speaking migrants in Central and Eastern Europe. It justifies the idea that the formation of the trans-state Russian-speaking space expands the boundaries of the cultural memory of Russia. Despite the fact of the important role of the life values and cultural standards of the former Soviet Union for the majority of Russian-speaking migrants, representatives of Russian-speaking communities found themselves in interaction with various sociocultural environments generated by specific politics of memory. Based on the processing of the results of interviewing Russian-speaking migrants in Poland and Germany, significant differences were revealed in the integration of ideas about migrants' past into the host society, ways of constructing a hybrid identity and transformation of historical consciousness. The relations of migrants with historical narratives in Poland are built on a more controversial and vulnerable basis due to the conflict potential of the very official historical narrative of the host society. Four strategies have been identified for dealing with the historical narrative of the Polish society: rejection of competition, denial of a personal connection with the tragic events of the past, selection of the historical narrative of the country of origin, agreement with the historical narrative of the host community. A study in Germany revealed the lack of need for Russian-speaking migrants to transform family memory and to choose a hard line of interpretation of the history of the host society. Russian immigrants in Germany are not at all called upon to make any choice in favor of a single interpretation of history due to the absence in Germany of a single interpretation of history. It is substantiated that age-related features that influence the interpretation of the history of the country of origin, facts and events of family memory, nostalgia, the configuration of significant memories of the past, features of the transfer of traditions and practices of the cultural memory of the country of origin to the host society are more important in this community.

REFERENCES

1. Kurilo, O. (2015) Russlanddeutsche als kulturelle Hybride. In: Kaiser, M. & Schönhuth, M. (Hrsg.) *Zuhause? Fremd?: Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien*. Bielefeld: Transcript.
2. Popkov, V.D. (2016) *Pokidaya predely etnichnosti. Postsovetskaya emigratsiya v Germanii* [Leaving the limits of ethnicity. Post-Soviet emigration in Germany]. Frankfurt: Posev.

3. Savoskul, M. (2006) Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung. In: Ipsen-Peitzmeier, S. (Hrsg.) *Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland*. Bielefeld: Transcript.
4. Urry, J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praxis.
5. Simmel, G. (2008) Ekskurs o chuzhake [The Stranger]. Translated from German. In: Filippov, A.F. (ed.) *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Sociological Theory: Past, Present, Perspectives]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.
7. Rosaldo, R. (1994) Cultural Citizenship and Educational Democracy. *Cultural Anthropology*. 9 (3). pp. 402–411.
8. Fedorowicz, K. (2011) *Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza.
9. Davies, N. (1982) *God's Playground: A History of Poland*. New York: Columbia University Press.
10. Lis, D. (2011) *Wokół „złoty chłiw”*. *Debata o książce Jana Tomasza Grossa i Ireny Grudzińskiej-Gross*. Kraków: Znak.
11. White, H. (2010) The Practical Past. *Taiwan Journal of East Asian Studies*. 7 (1). pp. 1–20.

Received: 02 May 2019

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 322

Е.Г. Аванесова, Н.А. Микаелян

ПРОБЛЕМА РАЗРЕШЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМ И СВЕТСКИМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данная статья представляет собой исследование проблемы разрешения противоречия между светским и религиозным в политике. Методологическую основу исследования составил постсекулярный подход, согласно которому одной из важнейших характеристик современного общества является возвращение религии в публичное пространство. Указанный подход позволил выявить проблемы взаимодействия власти и религиозных организаций в таком сложном в политическом и конфессиональном отношениях регионе, каким является современный Татарстан.

Ключевые слова: постсекулярность; публичная сфера; противоречие между религиозным и светским; взаимодействие власти и мусульманских организаций Татарстана.

Название данной статьи требует пояснения, так как возникает вопрос, о каком «присутствии» религиозного в политической сфере идёт речь. Ведь традиционно считалось, что религия «ушла» из публичного пространства и сохранила свою значимость лишь в приватной сфере. Однако вопреки устоявшемуся мнению о том, что религия на протяжении последних столетий теряла контроль над политикой [1], на практике дело обстояло иначе. Даже в условиях секуляризованного мира взаимодействие религии и политики не только не прекращалось, но находило новые формы. Что касается дня сегодняшнего, то можно констатировать, что религия активно возвращается в публичное пространство, а «политико-институциональная» сторона религиозного присутствия может быть рассмотрена и как деятельность религиозных институтов в поле публичной политики, и как использование религиозной идеологии и риторики в качестве легитимации деятельности различных политических субъектов, и как соотношение светских и религиозных институтов и соответственно государственной политики» [2. С. 169].

Новая реальность демонстрирует отход от традиционных форм взаимодействия религии и политики и требует изменения подхода к разрешению проблемы внутреннего противоречия между светским / секулярным и религиозным в политической сфере. Как пишет М.М. Мчедлова, есть целый ряд парадигм, идей и проектов, предлагающих разрешение указанного противоречия. Одной из таковых является идея постсекулярного общества и глокально организованного мира [Там же. С. 165]. Теоретики данной идеи исходят из того, что постсекуляризм выступает очередной крупной формацией и фазой развития общественного сознания, которая сменяет собой фазу секуляризации [3], при этом одной из базовых характеристик новой фазы является возвращение религии в публичное пространство, не исключая и сферы политики.

Очевидно, что возвращение религии в публичную сферу сопряжено со многими трудностями. Во-первых, происходят качественные изменения современного общества, оно становится все более мультикультурным и мультирелигиозным [4. С. 26]. Глобализация и последующая за ней мобильность населе-

ния привели к глобальному смешению культур и религий в границах локальных территорий. Мощные миграционные волны существенно повлияли на этнический и культурный состав многих национальных государств (которые и так не были моноэтническими), превратив их в иммиграционные общества [5. С. 75]. Более того, традиционные религии сегодня вынуждены конкурировать с новыми религиозными движениями, которые стали заметным социокультурным феноменом XX–XXI вв.

Во-вторых, меняется привычный «рисунок» локализации традиционных религий вследствие роста «виртуальных транснациональных религиозных объединений и сообществ» [6. С. 36]. Данные объединения утрачивают связь с привычными территориями и традициями, что приводит к «масштабным сдвигам в отношениях между основными религиями», реконструированию коллективных идентичностей и формированию нового религиозного пространства [Там же. С. 37].

В-третьих, политика как одна из сфер публичного пространства долгое время «отторгавшая» религию, не жадет её возвращения, на что указывают осторожные заявления не только политических деятелей, но и учёных-теоретиков относительно возможных места и роли религии в современной политике. Так, Дж. Ролз предложил предоставить религии ограниченное место в публичной сфере, мотивировав это тем, что религиозные доктрины могут вводиться в публичную политическую дискуссию только при условии наличия политических оснований, достаточных для поддержания того, что предлагается религией [7]. Данное предложение вполне может расцениваться как попытка не «допустить» религию в сферу политики на партнёрских основаниях, а выстраивать асимметричные отношения между религиозным и светским в политике.

По мнению С.С. Хоружего, видные теоретики постсекуляризма, к которым он относит Ю. Хабермаса и Ч. Тейлора, идут в своих рассуждениях дальше Дж. Ролза и отводят религии более значимое место в публичной сфере, полагая, что между религиозным и светским в политике возможно партнёрское взаимодействие. Однако необходимо понимать, что указанное полагание не есть признание особой роли Религии

озного в современном мире. По словам Ч. Тейлора, анализ социума на базе дихотомии Секулярное / Религиозное не является адекватным в силу наличия в этом мире большого разнообразия различных воззрений (и не обязательно религиозных). Поэтому не следует отводить религии «выделенное положение» [8], но в то же время нельзя делать вид, что политика не должна учитывать мнение верующих людей. Пожалуй, эта мысль включает в себе одно из базовых положений доктрины постсекуляризма, без осознания которого невозможно выстраивать все дальнейшие рассуждения.

В чём суть противоречий между религиозным и секулярным в политической сфере? Ответ на данный вопрос требует понимания природы рассматриваемых нами явлений. Религиозное и светское как своеобразные мировоззрения строятся на разных ценностных основаниях. Если «религия – это система верований и практик, основанных на невыразимой природе религиозной коммуникации» [3. С. 38], то «секуляризм принципиально дистанцируется от предельных вопросов» [9. С. 66]. Соответственно, религия привносит «трансцендентные смыслы» в политику, секуляризм пытается её освободить и очистить от них, так как исходит из того, что привнесение в политику религиозных и моральных смыслов может оказаться тем бременем, которое не позволит политике быть эффективной. В истории новейшего времени это противоречие разрешалось просто: в процессе политической секуляризации место религии в общественной жизни определялось и регулировалось государством [4. С. 26], которое не допускало религиозное в сферу политики. Однако такая позиция государств, которые были вполне светскими (что отражалось в их конституциях), часто противоречила позиции общества, которое оставалось по сути религиозным.

Так, П. Бергер называет ряд стран, в которых население чувствовало себя «неудобно в светском, религиозно нейтральном по своему характеру государстве»: Израиль, США, Индия, Турция, Иран и др. [10. С. 14–18]. Рано или поздно такая ситуация должна была привести к конфликту между светским и религиозным. Эта ситуация, помноженная на то, что «современность обязательно порождает плюрализм» [10. С. 9], актуализировала ряд вопросов, на которые обществу предстоит ответить: если либеральные конституции призваны защищать интересы всех граждан, то как быть с верующими людьми, которые являются полноправными гражданами государства, но политика государства при этом должна быть освобождена от любого «загрязнения» религией [7]? Каким образом должны учитываться их интересы? При этом следует отметить, что пересмотреть роль религиозного в политике заставляют не только вопросы, актуализируемые современностью, но и осознание того факта, о котором сказал Дж. Ролз, и суть которого состоит в том, что «проблема политического влияния религии в гражданском обществе так и не была решена за счет секуляризации политической власти как таковой» [Там же].

Так какую же модель взаимодействия светского и религиозного в политике предлагают теоретики про-

екта постсекулярного общества и глокально организованного мира? На наш взгляд, в основе данной модели лежит представление о плюрализме мировоззрений и форм жизни [11. С. 14], которые существуют внутри каждого современного общества и государства. Политическая справедливость в подобном государстве может быть достигнута при условии доминирования таких базовых принципов справедливости, которые «оказываются нейтральными по отношению ко всем мировоззрениям» [11. С. 16]. Дж. Роулс называет модель, при которой реализуется данный принцип, моделью взаимоперекрестного консенсуса. Названный консенсус может быть достигнут, с одной стороны, путём взаимных уступок, а с другой стороны, путем выработки таких принципов, которые могут быть приемлемы и выгодны для каждой из сторон, которая хотела бы достигнуть согласия. Представляется, что рассуждения сторонников постсекулярной парадигмы, касающиеся разрешения проблемы противоречия между светским и религиозным в политической сфере, вполне «укладываются» в рамки названной модели. Таким образом, мы можем рассматривать постсекуляризм не только как мировоззрение, сопутствующее новой культурной ситуации, но и как социально-политическую практику [12], которая должна быть выстроена на следующих базовых идеях:

- религиозное мировоззрение является неотъемлемой частью современности *наряду с другими мировоззрениями*;

- религии находятся в состоянии конкуренции друг с другом;

- религия не только не утратила свои позиции в политической и социальной сферах, но, напротив, часто становится тем фактором, который влияет на принятие политических решений. Так, «соседство мусульман не только принуждает сограждан-христиан так или иначе соотносить свою деятельность с практикой “конкурирующей” веры» [13], но и оказывает влияние на законодательный процесс, что указывает на невозможность осуществления политической деятельности без учёта религиозного фактора;

- «постсекулярность не означает возвращения в досовременную эпоху», поскольку, по замечанию Д. Узланера, «подразумевает дальнейшее движение, а не обратное колебание маятника». А это может быть расценено не как попытка борьбы религии с достижениями модерна, «будь то развитие светского научного знания, становление светских политических институтов, развитие светского права» [Там же], но как стремление религиозных сообществ интегрироваться в культурную, общественную, политическую жизнь отдельных государств.

Постсекулярность характеризуется тем, что государство не может больше игнорировать стремление верующих быть полноправными участниками политического процесса. При этом важнейшим условием участия является принятие приверженцами той или иной религии идеи «многоголосой сложности» [14], другими словами, осознание того факта, что при принятии политических решений *одновременно* с моим мнением имеет право на существование мнение Дру-

гого (как светских граждан, так и иноверцев). Но это не единственное условие. Как указывает Ю. Хаббермас, для полноценного участия верующих граждан в политическом процессе необходим «перевод» их мнения на светский язык, который является определённого рода условием его учёта в политике. Причиной же этой необходимости выступает потребность сохранения «принципа мировоззренчески нейтральной реализации политического господства», поскольку государство должно говорить на языке, понятном всем его гражданам [14]. Если все предварительные условия будут соблюдены, то возможен диалог между светским и религиозным в политике на партнёрских основаниях, при всей сложности которого и необходимости уступок со стороны и верующих, и светских граждан, результат может быть позитивным и заключаться во взаимовыгодном сотрудничестве: верующие смогут сказать своё слово в политике, государство – получить голоса религиозных граждан «в сфере политической публичности и в политическом участии религиозных организаций» [Там же]. По мнению Ю. Хаббермаса, к такому диалогу наиболее предрасположены государства, которые строят свою политику на либеральных основаниях, и те исторические религии, которые способны быть терпимыми к иной точке зрения.

Идея «многоголосой сложности» понятна и весьма привлекательна в теории, но возможность её практической реализации представляется не бесспорной. Достижение согласия между гражданами, являющимися носителями различных мировоззрений, потребует значительных уступок от каждой из сторон взаимодействия. Секулярной стороне необходимо признать за оппонентами право на «участие в общественно-политической жизни», стороне религиозной – приоритет секулярных оснований в сфере политики [13]. Но возможны ли такие уступки? И являемся ли мы сегодня свидетелями выстраивания такой коммуникации между религиозным и светским, которая была бы основана на взаимном доверии и желании сотрудничества? Думается, что современные сообщества пока в начале этого сложного пути, так как сегодня существует масса препятствий (и прежде всего ментального свойства), которые не способствуют диалогу между религиозным и светским. Светская сторона подчас воспринимает активизацию религиозных организаций и их желание быть активными участниками политического процесса как возвращение Средневековья. Сторона религиозная не всегда готова к решению герменевтической проблемы, говоря точнее – переводу религиозного языка на язык секулярный, поскольку этот процесс таит опасность секуляризации самой религии, т.е. превращения её из сферы конституирования абсолютных ценностей в одну из эффективных политических программ [15. С. 37].

Следует признать, что «конкретные постсекулярные общественные, культурные и политические конфигурации только еще находятся в процессе формирования – причем в разных контекстах, национальных и региональных» [12]. Но данные конфигурации уже начинают вырисовываться и привлекают внимание научного сообщества, поскольку их анализ будет способствовать более точному прогнозированию бу-

дущего религиозно-политических взаимодействий. Тема эта чрезвычайно актуальна для современной поликонфессиональной России. И особого внимания, на наш взгляд, требуют так называемые мусульманские регионы Российской Федерации. Полагаем, что есть как минимум две причины для особого внимания к таким субъектам: во-первых, мы разделяем точку зрения, что «катализатором постсекуляризма стал глобальный ислам» [12], а во-вторых, уже сейчас понятно, что именно в этих регионах наиболее ярко прослеживается тенденция к тесному взаимодействию религии и политики. Авторы статьи предполагают рассмотрение с точки зрения постсекулярного подхода модели взаимодействия светского и религиозного в политической сфере Татарстана как одного из самых сложных как в культурном и конфессиональном, так и в политическом отношении регионов Российской Федерации.

Активизация религиозных организаций и возрастание роли «религиозных институтов в поле публичной политики» [16. С. 53] Татарстана осуществляются сегодня на фоне качественного изменения отношения к религии в целом со стороны РФ, которая «ушла» от политики государственного атеизма. Конечно, Россия продолжает оставаться светским государством, и принцип светскости закреплён в её Конституции, но это обстоятельство не отменяет того, что государство встало на путь «демократического решения религиозного вопроса» [17. С. 24], активно содействуя возрождению религии. В Татарстане проживает на сегодняшний день около 4 млн человек, большинство из которых относят себя либо к мусульманам, либо к православным. Что касается процентного соотношения тех и других, то оно примерно 50% и 40% соответственно [18. С. 77]. При этом количество верующих за последние годы выросло в разы. Данный рост является проявлением только одной из тенденций десекуляризации, которая характерна для республики. Помимо этой, есть ряд других: рост религиозной идентичности, усиление влияния религии как на государственном уровне, так и в приватной сфере, активная исламизация молодёжи [19. С. 213–216]. Что же касается активизации деятельности религиозных организаций в публичной сфере Татарстана, то речь идёт, в первую очередь, об исламских организациях.

Несмотря на то, что процент христиан в Татарстане достаточно высок, республика все же больше позиционируется как мусульманская территория. Для этого есть основания. Во-первых, следует признать, что большинство в Татарстане составляют татары, многие из которых исповедуют ислам. Во-вторых, в республике начиная с 90-х гг. XX в. активизировались националистические татарские объединения, деятельность которых оказывала влияние на усиление этнической и конфессиональной (исламской) идентичности татар. Так, партии «Иттифак», «Милли меджлис» и «Азатлык» предлагали строить независимое исламское государство, основанное на принципах татарского (этнического) ислама. Сепаратистская риторика этих партий выросла после подписания в 1994 г. двустороннего договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий меж-

ду органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» [20], который стал восприниматься радикальными националистами как уступка светскому государству. На сегодняшний день деятельность исламоориентированных националистических объединений продолжается, несмотря на то, что сепаратистские идеи по национальному (татарскому) и конфессиональному (исламскому) признаку не популярны среди населения. В-третьих, в Татарстане значительно возросла активность мусульманских организаций, которые оказывают влияние на все сферы общественной жизни республики, включая и сферу принятия политических решений. В-четвёртых, властные структуры РТ состоят в основном из представителей татарского народа, что позволяет говорить о наличии этнократической элиты Татарстана. Так, в одном из своих интервью Р. Сулейманов, являющийся руководителем Приволжского центра региональных и этнорелигиозных исследований Российского института стратегических исследований, говорит об отсутствии «пропорциональности этнического представительства во власти. Русские – это половина населения Татарстана, а в элите они почти не представлены» [21].

Вслед за Конституцией РФ, Конституция Татарстана объявляет республику светским государством, в котором религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом [22]. А это означает, что религиозные организации не имеют права законодательной инициативы, создания политических партий по религиозному признаку, непосредственного влияния на принятие политических решений. Между тем для исламской традиции не характерно отделение религии от политики, в ней «не существует понятия светского государства» [23. С. 114]. По словам А. Малашенко, «ислам изначально был обращен на решение светских, в том числе политических, государственных проблем», поэтому все разговоры о необходимости отделить религию от политики являются абсурдными в отношении ислама [24]. Данное противоречие между правом и традицией на практике разрешается путём активизации взаимодействия региональных властей и мусульманских организаций, направленного на решение мирских проблем. С одной стороны, «региональная власть все более активно включается в регулирование религиозной жизни» [23. С. 114], а с другой – мусульманские организации ищут возможности влияния на политический процесс, и особенно в этом преуспело Духовное управление мусульман РТ (ДУМ РТ), которое является одной из самых влиятельных организаций в республике. ДУМ РТ ведёт работу по целому ряду направлений: молодёжная политика, социальное служение, международная деятельность, развитие вакфа, телевизионная и издательская деятельность [25]. Более того, Духовное управление мусульман оказывает косвенное влияние на законодательный процесс в республике посредством тесного сотрудничества с субъектами законодательных инициатив. Так, ДУМ РТ стало инициатором принятия ряда поправок к закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» [26], пролоббировав включение в указанный закон пункта о вакфах. Что

касается христианских организаций, то на данный момент в республике не замечено какой-либо политической активности с их стороны. Изучение материалов сайта Татарской митрополии показало, что перед ней стоят задачи иного плана: восстановление христианских храмов, строительство новых корпусов богословских образовательных учреждений, социальная деятельность [27], т.е. речь идёт скорее о внутренней жизни митрополии, а не о стремлении оказать влияние на политическую повестку дня в регионе.

Власть РТ ведёт активный диалог с мусульманскими организациями, так как заинтересована в их деятельности, поскольку ислам становится той силой, которая является «оплотом действительной самостоятельности и отличия от соседних регионов» [28]. Наблюдатели отмечают усиливающееся «представительство официальных лиц на религиозных мероприятиях» и отмечают, что «даже формально светские мероприятия приобретают все больший религиозный оттенок» [Там же]. Власть и религиозные организации взаимно заинтересованы в активизации взаимодействия. Оно позволяет исламским организациям устанавливать как формальные, так и неформальные контакты с органами власти, посредством чего влиять на формирование политической повестки дня; органам власти, в свою очередь, такое взаимодействие даёт возможность легитимации этнократического характера власти в республике.

Ещё одной тенденцией, говорящей о попытке Татарстана «впустить» религию в публичное пространство республики, является подписание договоров между органами власти и религиозными организациями, в первую очередь мусульманскими. Множество таких договоров заключено между правительством Татарстана и ДУМ РТ [29. С. 27], но есть и трёхсторонние договоры. Это договоры между Правительством РТ с ДУМ РТ и Татарстанской митрополией РПЦ [30]. Данные договоры свидетельствуют о тесной кооперации между органами власти и религиозными организациями, что вполне может расцениваться как нарушение светского характера республики, закреплённого в её Конституции. Трёхсторонние договоры являются, на наш взгляд, попыткой властей Татарстана продекларировать формальное равенство двух самых многочисленных конфессий республики.

Всё вышесказанное позволяет сделать вывод о наличии в Татарстане ряда тенденций, указывающих на то, что территория вступила на путь постсекулярного развития. Между тем движение к постсекулярному обществу в республике представляется на сегодняшний день «половинчатым». Как было сказано выше, одним из признаков такого общества является нейтральная позиция государства по отношению ко всем представленным на её территории мировоззрениям. Данное положение не характеризует современное состояние дел в Республике Татарстан. С одной стороны, Татарстан достиг больших успехов в достижении межконфессионального мира: в РТ праздничными выходными днями являются как Рождество, так и Курбан-байрам, конференции и мероприятия на различных уровнях проходят с межрелигиозным уча-

стием, возрождаются мусульманские и христианские религиозные центры, в частности исламский Булгар и христианский Свияжск, заключаются трехсторонние договоры. С другой стороны, современное руководство республики проявляет нейтральную позицию по отношению к представленным в ней религиозным мировоззрениям только в культурно-бытовом (обеспечение возможности исповедования религий, проведение религиозных праздников, воссоздание религиозных памятников), но не в политическом аспекте. Исламоориентированная позиция власти не вызывает никаких сомнений. На это указывают некоторые формальные признаки:

- власть поддерживает активность населения, направленную на формирование исламских религиозных организаций. ДУМ РТ сообщает на своём сайте о том, что «наибольшее количество религиозных организаций ПФО находится в Татарстане». В 2013 г. их насчитывалось 1 594, из них 1 193 приходится на организации мусульманские. Более того, «в некоторых районах республики количество мусульманских организаций в несколько раз превышает количество поселений в составе района» [31];

- власть не идёт до конца в деле передачи культовых православных сооружений РПЦ. И самый яркий пример – Дворцовая церковь в Казанском Кремле, где располагается музей государственности татарского народа. В связи с чем Р. Сулейманов задаёт вопрос: «Вы можете представить себе ситуацию, чтобы в каком-нибудь регионе в здании мечети располагался бы музей государственности русского народа?» [21];

- власть активно поощряет развитие системы мусульманского образования. «В настоящее время в Татарстане функционируют 9 медресе, Российский исламский институт и Болгарская исламская академия.

С открытием Болгарской исламской академии в 2017 г. система религиозного образования Республики Татарстан окончательно сформировалась как четырехступенчатая: примечетские курсы – медресе – институт – академия» [32]. Но в то же время власти отказались включить предмет «Основы православной культуры» в программы республиканских школ [33].

Таким образом, несмотря на все сложности, власть Татарстана «отвечает» на стремление религиозных сообществ, в первую очередь мусульманских, интегрироваться в культурную, общественную и политическую жизнь республики. Процесс этот весьма болезненный как для Татарстана, так и для России в целом в силу отсутствия общественного консенсуса между светским и религиозным [12]. Между тем обществу придётся найти этот консенсус, так как игнорировать религиозную составляющую современной российской культуры больше не удастся. По словам А. Кырлежева, «Россия является одной из значимых арен, на которых будет складываться новейшая постсекулярная конфигурация» [Там же]. Данное замечание справедливо в отношении как России в целом, так и отдельных её регионов. И особая активность общества ожидаема в мусульманских регионах, в силу специфики данной религии. Исламские организации Татарстана встали на путь активизации своей деятельности. И если их политическая активность, в силу ряда причин, пока не очень значима, то нет никаких сомнений в том, что она будет возрастать. Также нет сомнений в том, что политической беспристрастности власти Татарстана не достигнуто. Поэтому Россия и её регионы будут выстраивать свои, специфические, постсекулярные политические конфигурации, решая всё более актуализирующуюся проблему разрешения противоречия между светским и религиозным в политической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Русский журнал: сайт. [Б.м.], 1997–2015. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 24.08.2018).
2. Мchedлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. 2016. № 1. С. 157–174.
3. Хоружий С.С. Постсекуляризм и ситуация человека // Институт синергийной антропологии: портал. [Б.м.], 2011. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf (дата обращения: 02.02.2019).
4. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 21–51.
5. Аванесова Е.Г. Трансформация функций государственной власти в мировом космополитическом сообществе // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2015. № 4 (20). С. 73–78.
6. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 33–56.
7. Хабермас Ю. Что такое политическое? Рациональный смысл сомнительного наследия политической теологии // Русский журнал: сайт. [Б.м.], 1997–2015. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe> (дата обращения: 27.01.2019).
8. Хоружий С.С. Постсекуляризм и антропология // Институт синергийной антропологии: портал. [Б.м.], 2011. URL: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2014/02/hor_postsecularizm_i_anthropology.pdf (дата обращения: 02.02.2019).
9. Кырлежев А. Постсекулярная концептуализация религии. К постановке проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 52–68.
10. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 8–20.
11. Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. 2010. № 2. С. 7–21.
12. Кырлежев А. Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире // Журнал «Отечественные записки» 2001–2014 гг.: архив номеров: сайт. [Б.м.], 2001–2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 16.02.2019).
13. Узланер Д. Картография постсекулярного // Журнал «Отечественные записки» 2001–2014 гг.: архив номеров: сайт. [Б.м.], 2001–2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo> (дата обращения: 16.02.2019).
14. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией // Предание.ру: православный портал. [Б.м.], 2008–2019. URL: <https://predanie.ru/habermas-yurgen/book/216268-mezhdu-naturalizmom-i-religiey/> (дата обращения: 19.02.2019).
15. Аванесова Е.Г. Политика как форма религиозной деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 36–38.
16. Кудряшова М.С., Мchedлова Е.М. Религия и политика: от секуляризации к новым теоретическим координатам исследования // Политическая наука. 2016. Специальный выпуск. С. 43–58.
17. Кудряшова М.С., Мchedлова Е.М. Религия и политика в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2008. № 4. С. 23–30.

18. Гузельбаева Г.Я. Исламская идентичность молодых татар в республике Татарстан (по материалам социологических исследований 2008–2012 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 6. С. 76–86.
19. Гузельбаева Г.Я. Постсекулярные тенденции у татар в начале XXI века // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, кн. 6. С. 212–219.
20. Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан. 15.02.1994. № 199, ред. от 26.06.2007 // Государственный совет Республики Татарстан: официальный сайт. Татарстан, 2008–2018. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzrfir/dogovor/> (дата обращения: 10.03.2019).
21. Русских в Татарстане ждёт судьба русских Северного Кавказа // Агентство Политических Новостей: сайт. [Б.м.], 1999–2018. URL: <https://www.apn.ru/publications/article26361.htm> (дата обращения: 16.03.2019).
22. Конституция Республики Татарстан // Конституции Российской Федерации: сайт. [Б.м.], 2003–2019. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/ (дата обращения: 10.03.2019).
23. Нуруллина Р.В. Конфессиональная модель Республики Татарстан: роль и место ислама // Власть. 2010. № 9. С. 113–115.
24. Малашенко А. Религию невозможно отделить от политики // Журнал «Отечественные записки» 2001–2014 гг.: архив номеров: сайт. [Б.м.], 2001–2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religiya-nevozmozhno-otdelit-ot-politiki> (дата обращения: 22.03.2019).
25. Годовые отчёты // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. URL: <http://dumrt.ru/ru/about-us/godovye-otchety/> (дата обращения: 16.03.2019).
26. О свободе совести и о религиозных объединениях: Закон РТ от 14.07.1999 № 2279, ред. от 17.11.2016 // Кодекс: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Б.м.], 2019. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917008529> (дата обращения: 17.10.2017).
27. Митрополит Феофан: «У меня много планов в Татарстане». Интервью митрополита Казанского и Татарстанского Феофана Информационному агентству ИА «Татар-информ» // Православие в Татарстане: информационно-просветительский сайт Татарской митрополии URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=69212 (дата обращения: 23.03.2019).
28. Мухетдинов Д. Исламская составляющая в современном Татарстане: всё дальше и больше // MuslimBlogs. Блогеры, журналисты, аналитики, учёные: интернет-портал. Казань, 2010–2018. URL: http://www.muslimblog.ru/publ/islam_v_mire/islam_v_rossii/islamskaja_sostavljajushhaja_v_sovremennom_tatarstane_vse_dalshe_i_bolshe/63-1-0-158 (дата обращения: 16.03.2019).
29. Диалог религий Татарстана: культура сотрудничества и стратегии этноконфессионального взаимодействия : сб. материалов грантового проекта. М. : Московская областная общественная организация содействия формированию здорового образа жизни «Здоровое поколение», 2018. 166 с.
30. Впервые в истории Татарстана подписано соглашение о сотрудничестве Кабина РТ с ДУМ РТ и Татарстанской митрополией РПЦ // Духовное Управление Мусульман Республики Татарстан: сайт. Казань, 2015. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_11871.html?curPos=96 (дата обращения: 22.03.2019).
31. Татарстан лидирует по количеству религиозных организаций в ПФО // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. Казань, [б.г.]. URL: http://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1178.html (дата обращения: 17.03.2019).
32. Муфтий РТ в Москве выступил с предложениями по развитию системы исламского образования // Магариф РТ: сайт. [Б.м.], 2015. URL: http://magarifrt.ru/news/news_894.html (дата обращения: 17.03.2019).
33. В Татарстане не торопятся с введением «Основ православной культуры» в школах // Коммерсант. [Б.м.], 1991–2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2912570> (дата обращения: 20.03.2019).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 4 мая 2019 г.

The Problem of Resolving Contradictions Between the Secular and the Religious in the Political Sphere: A Regional Aspect

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 93–100.

DOI: 10.17223/15617793/444/11

Elena G. Avanesova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Nina A. Mikaelyan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nina952@mail.ru

Keywords: postsecularity; public sphere; contradiction between the religious and the secular; interaction of authorities and Muslim organizations of Tatarstan.

This article is devoted to the study of the problem of resolving the contradiction between the secular and the religious in politics. The study is based on a postsecular view of modern society and the processes taking place in it. Supporters of postsecularism believe that it is a new formation and a phase in the development of social consciousness, which replaces the phase of secularization. In their opinion, one of the most important characteristics of the postsecular world is the active return of religion to the public space, including the political sphere. The new reality demonstrates a departure from the traditional forms of interaction between religion and politics and requires its own understanding. Thus, modernity has actualized a number of questions that society has to answer. And one of the key questions is this: if liberal constitutions are designed to protect the interests of all citizens, what should be done with believers who are full citizens of the state, but the state policy should be freed from any religious “pollution”? The authors attempted to answer this question by studying the sphere of interaction between religion and politics in the Republic of Tatarstan, a subject that positions itself as a territory of interfaith harmony. The empirical basis of the research was legal documents of the republican level concerning the subject matter, materials of the site of the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan and the site of the Tatarstan Metropolis of the Russian Orthodox Church. As a result, it was concluded that the problem of resolving the contradictions between the secular and the religious in politics is solved by enhancing interaction between government departments and religious organizations, especially Muslim ones. The republic’s Muslims actively establish both formal and informal contacts with the authorities, thereby influencing the formation of the political agenda. This fact itself indicates the presence of trends showing that the territory has embarked on the path of postsecular development. However, the movement towards a postsecular society in the republic seems today to be “half-hearted”. As mentioned above, one of the hallmarks of such a society is the neutral position of the state in relation to all worldviews represented on its territory. This provision does not characterize the current state of affairs in the Republic of Tatarstan, since the Islamic-oriented position of the state is obvious. Postsecular trends in the republic are only beginning to emerge, the political influence of Muslim organizations is fragmented, but it tends to increase.

REFERENCES

1. Habermas, J. (2008) *Protiv "voinstvuyushchego ateizma". "Postsekulyarnoe" obshchestvo – chto eto takoe?* [Against "militant atheism". What is a "postsecular" society?]. Translated from German by I. Fridman. [Online] Available from: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyushchego-ateizma>. (Accessed: 24.08.2018).
2. Mchedlova, M.M. (2016) Sociocultural Meanings of Politics: New Logic of Interpretation and Religious References. *Polis – Political Studies*. 1. pp. 157–174. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.11
3. Khoruzhiy, S.S. (2011) *Postsekulyarizm i situatsiya cheloveka* [Post-secularism and the human situation]. [Online] Available from: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2012/08/hor_postec_i_sit_chel.pdf. (Accessed: 02.02.2019).
4. Terner, B. (2012) Religion in Postsecular Society. Translated from English. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2 (30). pp. 21–51. (In Russian).
5. Avanesova, E.G. (2015) Transformatsiya funktsiy gosudarstvennoy vlasti v mirovom kosmopoliticheskom soobshchestve [Transformation of the functions of state power in the world cosmopolitan community]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4 (20). pp. 73–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/20/10
6. Eisenstadt, S. (2012) The New Religious Constellations in the Frameworks of Contemporary Globalization and Civilizational Transformation. Translated from English. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 1 (30). pp. 33–56. (In Russian).
7. Habermas, J. (2011) *Chto takoe politicheskoe? Ratsional'nyy smysl somnitel'nogo naslediya politicheskoy teologii* [What is the political? The rational meaning of the dubious legacy of political theology]. Translated from English. [Online] Available from: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/CHto-takoe-politicheskoe>. (Accessed: 27.01.2019).
8. Khoruzhiy, S.S. (2011) *Postsekulyarizm i antropologiya* [Post-secularism and anthropology]. [Online] Available from: http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2014/02/hor_postsecularizm_i_anthropology.pdf. (Accessed: 02.02.2019).
9. Kyrlezhev, A. (2012) Post-Secular Conceptualization of Religion: Formulating the Problem. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2 (30). pp. 52–68. (In Russian).
10. Berger, P. (2012) Secularization Falsified. Translated from English by A. Shishkov. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2 (30). pp. 8–20.
11. Habermas, J. (2010) Religion, law and politics. – On political justice in a multicultural world-society. Translated from German by A. Sidorov. *Polis – Political Studies*. 2. pp. 7–21. (In Russian).
12. Kyrlezhev, A. (2013) *Sekulyarizm i postsekulyarizm v Rossii i v mire* [Secularism and postsecularism in Russia and in the world]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>. (Accessed: 16.02.2019).
13. Uzlaner, D. (2013) *Kartografiya postsekulyarnogo* [Mapping the postsecular]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/kartografiya-postsekulyarnogo>. (Accessed: 16.02.2019).
14. Habermas, J. (2005) *Mezhdue naturalizmom i religiei* [Between naturalism and religion]. Translated from German. [Online] Available from: <https://predanie.ru/habermas-yurgen/book/216268-mezhdu-naturalizmom-i-religiei/>. (Accessed: 19.02.2019).
15. Avanesova, E.G. (2004) Politics as a form of religious activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 282. pp. 36–38. (In Russian).
16. Kudryashova, M.S. & Mchedlova, E.M. (2016) Religion and politics: From secularization to the new theoretical coordinates of research. *Politicheskaya nauka – Political Science*. S. pp. 43–58. (In Russian).
17. Kudryashova, M.S. & Mchedlova, E.M. (2008) *Religiya i politika v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Religion and politics in modern Russian society]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Ser. 12: Political Science*. 4. pp. 23–30.
18. Guzel'baeva, G.Ya. (2012) Islamic Identity of Young Tatars in the Republic of Tatarstan (based on social studies 2008–2012). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 154 (6). pp. 76–86. (In Russian).
19. Guzel'baeva, G.Ya. (2014) Post-Secular Tendencies amongst Tatars in the Early 21st Century. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 156 (6). pp. 212–219. (In Russian).
20. State Council of the Republic of Tatarstan. (2007) *The treaty on the delimitation of jurisdiction and mutual delegation of powers between the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the Republic of Tatarstan No. 199, 15 February 1994, as amended on 26 June 2007*. [Online] Available from: <http://gossov.tatarstan.ru/dokument/dogovor/fzfrft/dogovor/>. (Accessed: 10.03.2019). (In Russian).
21. Agentstvo Politicheskikh Novostey. (2012) *Russkikh v Tatarstane zhdet sud'ba russkikh Severnogo Kavkaza* [Russians in Tatarstan will have the fate of Russians of the North Caucasus]. [Online] Available from: <https://www.apn.ru/publications/article26361.htm>. (Accessed: 16.03.2019).
22. Constitution of the Russian Federation: website. (1992) *Konstitutsiya Respubliki Tatarstan* [Constitution of the Republic of Tatarstan]. [Online] Available from: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/. (Accessed: 10.03.2019).
23. Nurullina, R.V. (2010) *Konfessional'naya model' Respubliki Tatarstan: rol' i mesto islama* [Confessional model of the Republic of Tatarstan: the role and place of Islam]. *Vlast'*. 9. pp. 113–115.
24. Malashenko, A. (2013) *Religiya nevozmozhno otdelit' ot politiki* [Religion cannot be separated from politics]. [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2013/1/religiya-nevozmozhno-otdelit-ot-politiki>. (Accessed: 22.03.2019).
25. Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan. (2018) *Godovye otchety* [Annual reports]. [Online] Available from: <http://dumrt.ru/ru/about-us/godovye-otchety/>. (Accessed: 16.03.2019).
26. Republic of Tatarstan. (2016) *O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyakh: Zakon RT ot 14.07.1999 № 2279, red. ot 17.11.2016* [On Freedom of Conscience and Religious Associations: Law of the Republic of Tatarstan No. 2279 of July 14, 1999, as amended on November 17, 2016]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/917008529>. (Accessed: 17.10.2017).
27. Pravoslavie v Tatarstane. (2019) *Mitropolit Feofan: "U menya mnogo planov v Tatarstane"* [Metropolitan Feofan: "I have many plans in Tatarstan"]. [Online] Available from: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=69212. (Accessed: 23.03.2019).
28. Mukhetdinov, D. (2011) *Islamskaya sostavlyayushchaya v sovremennom Tatarstane: vse dal'she i bol'she* [The Islamic component in modern Tatarstan: farther and wider]. [Online] Available from: http://www.muslimblog.ru/publ/islam_v_mire/islam_v_rossii/islamskaya_sostavljajus_hhaja_v_sovremennom_tatarstane_vse_dalshe_i_bolshe/63-1-0-158. (Accessed: 16.03.2019).
29. Gus'kova, A.O. & Kostylev, P.N. (eds) (2018) *Dialog religiy Tatarstana: kul'tura sotrudnichestva i strategii etnokonfessional'nogo vzaimodeystviya: sb. materialov grantovogo proekta* [Dialogue of religions of Tatarstan: culture of cooperation and strategies of ethno-confessional interaction: Grant project materials]. Moscow: Moskovskaya oblastnaya obshchestvennaya organizatsiya sodeystviya formirovaniyu zdorovogo obraza zhizni "Zdorovoe pokolenie".
30. Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan. (2015) *Vpervye v istorii Tatarstana podpisano soglasenie o sotrudnichestve Kabmina RT s DUM RT i Tatarstanskoy mitropoliey RPTs* [For the first time in the history of Tatarstan, an agreement on cooperation between the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, the Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan and the Tatarstan metropolis of the Russian Orthodox Church was signed]. [Online] Available from: http://dumrt.ru/ru/news/news_11871.html?curPos=96. (Accessed: 22.03.2019).
31. Spiritual Administration of Muslims of the Republic of Tatarstan. (2013) *Tatarstan lidiruet po kolichestvu religioznykh organizatsiy v PFO* [Tatarstan leads in the number of religious organizations in the Volga Federal District]. [Online] Available from: http://dumrt.ru/ru/articles/mm-islam/mm-islam_1178.html. (Accessed: 17.03.2019).

32. Magarif RT. (2015) *Muftiy RT v Moskve vystupil s predlozheniyami po razvitiyu sistemy islamskogo obrazovaniya* [In Moscow, the Mufti of the Republic of Tatarstan made proposals for the development of the Islamic education system]. [Online] Available from: http://magarifrt.ru/news/news_894.html. (Accessed: 17.03.2019).
33. Kommersant. (2016) *V Tatarstane ne toropyatsya s vvedeniem "Osnov pravoslavnoy kul'tury" v shkolakh* [Tatarstan does not hurry with the introduction of "Fundamentals of Orthodox culture" in schools]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2912570>. (Accessed: 20.03.2019).

Received: 04 May 2019

Е.И. Гайданка

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТРНАВСКОМ КРАЕ СЛОВАКИИ

*Исследование проведено на базе Трнавского университета (Трнавский край, Словакия) при финансовой поддержке
Международного Вышеградского Фонда.*

Предпринята попытка изучения постсоциалистической модели децентрализации западного региона Словакии (Трнавский край) с применением прикладных методик социологического и политологического анализа. Определены проблемные аспекты в процессах децентрализации в условиях постсоциализма и современная проблематика социально-политического размежевания самоуправляющегося региона в формате децентрализации. Прослежена динамика уровня эффективности самоуправления Трнавского края в ходе реализации децентрализационной реформы.

Ключевые слова: постсоциалистическая децентрализация; эмпирическое измерение; экспертный опрос; социально-экономическая динамика развития региона; региональные выборы; индекс управления Бертельсмана; трансграничное сотрудничество; Трнавский край; Словацкая Республика.

Актуальность проблемы. Для последних трех десятилетий был свойствен, наверное, самый масштабный эксперимент с внедрением демократического транзита в мире, который наполнен соответствующим масштабным геополитическим потенциалом и неоднозначными результатами инсталляции. В соответствии с логикой протекания постсоциалистических демократических транзитов в ряде стран был инсталлирован политический набор демократических инструментов управления. Со временем большинство политических институтов продолжает воспроизводить необходимые для жизнедеятельности политической системы демократические процедуры, хотя стали видны и проблемные позиции. Вопросы развития местной демократии всегда оставались проблемными в свете нежелания элит постсоциалистических стран приближаться к принципам отцентрованности в управлении. Вместе с тем процессы евроинтеграции существенно интенсифицировали ход демократических реформ в вопросах стандартизации постсоциалистических управленческих систем к условным «европейским шаблонам». В этом контексте реформа децентрализации оформилась как эталон развития местных демократических инициатив и постепенной управленческой автономизации территориальных администраций.

Несмотря на многолетний опыт внедрения децентрализации в постсоциалистических странах, открытыми остаются некоторые вопросы, связанные с этой проблематикой. В первую очередь, понимание непосредственно природы децентрализации, т.е. ее «административного», «экономического» или «политического» наполнения, и соотношение этих компонентов в управленческой системе. Важным также является восприятие децентрализации на уровне местного депутатского корпуса, ответственного за полученные практические результаты реформирования. Сопоставление концептуальной основы децентрализации, понимание природы децентрализационных процессов местными политиками и политико-экономическая динамика региона в комплексе дают целостную картину по эффективности децентрализационных процессов в постсоциалистической стране / регионе.

Составные методологии. За основу анализа актуальной проблематики децентрализации взят соответствующий управленческий опыт в Трнавском крае Словацкой Республики. Целесообразность нашего выбора подчеркивает не только постсоциалистическое прошлое региона, но и политико-административный статус трансграничного региона, что, с наших позиций, значительно активизирует децентрализационные процессы.

В рамках очерченной проблематики целесообразно использование концептуальных наработок, с помощью которых можем понять состояние и перспективы децентрализации на постсоциалистическом пространстве. Среди последних исследований специфики моделей постсоциалистической децентрализации делаем акцент на эмпирическом подходе Павела Свяневича [1]. Польский экономист сформировал целостный подход к пониманию логики децентрализации на постсоциалистическом пространстве, опираясь на методологические основы структурализма. Согласно предложенному польским ученым теоретико-методологическому подходу с набором институциональных составляющих децентрализации, сделаем попытку определить специфику словацкого варианта децентрализационной реформы.

Практическое измерение децентрализации соотносится с эмпирическими показателями в экономической сфере и в политическом измерении, оценочными суждениями субъектов децентрализационных процессов и индикаторами трансформации управленческой системы по индексу управления Бертельсмана.

Эмпирическая основа предоставлена Словацким бюро статистики и включает как микроэкономические показатели развития Трнавского края (типа доли регионального ВВП в общенациональном, динамики предоставления государственных финансовых трансферов, финансовой самостоятельности региона), так и политологический материал (результаты электоральных циклов на местном уровне, социополитический состав местной элиты).

Нами было проведено экспертное социологическое исследование с целью выяснения актуальных проблем децентрализации в Трнавском крае. Методо-

логическим инструментарием было определено социологическое интервью, на основе которого опрошены представители местных Краевых Собраний (представительных органов местного самоуправления в регионе). На протяжении января 2018 г. были опрошены представители местных администраций всех районных центров Трнавского края – Трнавы, Скалицы, Сеницы, Пиештянов, Глоговеца, Галанты и Дунайской Стреды.

Концептуальные подходы к постсоциалистической децентрализации в Словацкой Республике. Вопросам раскрытия многоаспектности децентрализации посвящено множество как целых научных школ, так и наработок отдельных ученых. Среди набора концептуальных подходов, объясняющих управленческую природу децентрализации на постсоциалистическом пространстве, выделяется комплексный подход польского экономиста Павла Свяневича, который, прежде всего, основан на понимании управленческих принципов формирования местной финансовой политики. Рассматривая содержание постсоциалистической децентрализации, ученый отмечает, что направления децентрализации в переходных странах нецелесообразно сводить исключительно к экономическим аспектам, по сути, децентрализация не может быть только инструментом «умной» финансовой политики. В таком случае логика децентрализационных процессов приводила бы, в большей степени, к одинаковым результатам в деятельности местных администраций в вопросах формирования уравновешенной и эффективной налоговой политики в регионах. Основными факторами, определяющими различные результаты децентрализационной реформы в номинально однотипных постсоциалистических странах, следует считать следующие: 1) административно-территориальное структурирование страны и регионов, включая формат территориальной организации местных общин; 2) система горизонтальных властных связей в пределах одного региона; 3) возможность местной территориальной общины проводить самостоятельную фискальную политику за счет экономической самодостаточности страны; 4) доля местных финансово-бюджетных систем в общенациональном ВВП [1]. Такой подход позволяет не сужать децентрализацию в постсоциалистических странах исключительно к ситуативному набору фискальных инструментов, которые используют местные администрации, но и определяет институциональную зависимость децентрализации от специфики управленческих отношений между центром и регионами, и на межрегиональном уровне. Поэтому на передовые позиции выходят собственно субъекты децентрализации, точнее местные чиновники.

О значимости децентрализационной реформы в Словацкой Республике свидетельствует степень заинтересованности этой проблематикой словацкими учеными. Процесс адаптации страны в составе Европейского Союза, в том числе, знаменовал завершение реализации общей стратегии широкой реформы децентрализации. Именно с 2004 по 2005 г. стартует третий заключительный этап децентрализации – фискальная децентрализация [2]. После десятилетия ре-

формирования следует констатировать, что полноценно административной и финансовой самостоятельности регионов так и не было достигнуто. Проблемной осталась модель финансового обеспечения на региональном и местном уровнях, поскольку в стране продолжал фиксироваться высокий уровень коррупции, а система публичного управления оставалась достаточно забюрократизированной.

Практика децентрализации опирается на тип взаимодействия между институтами экономической и политической систем. Сложности внедрения децентрализации в управленческую систему Словакии добавляет непростая траектория демократических трансформаций в течение 1990-х гг. и реформы «вдогонку» в экономической системе. Ученые Высшей школы экономики Словацкой Республики отмечают, что весомым компонентом успеха децентрализации является незначительная корреляция между степенью управленческой автономии местных администраций и общим уровнем эффективности функционирования финансовой системы по стране [3]. То есть в государстве необходимо найти разумный баланс между реальными управленческими полномочиями в пределах региона и соответствующим финансовым обеспечением территориальных общин.

Наряду с необходимостью оптимизации управленческой системы на местах важными факторами внедрения децентрализации в Словацкой Республике обычно остаются индикаторы экономического потенциала. Задекларированная в 2005 г. фискальная децентрализация на протяжении последующих десяти лет закрепила за местными самоуправляющимися органами компетенцию финансовой автономии. Причем эти полномочия местных администраций являются неотъемлемой частью системы государственного управления [4]. Одновременно практика децентрализационного управления на местах показала двухвекторное влияние на эффективность муниципальных систем. Во-первых, внешние факторы, связанные с общими кризисными явлениями внутри Европейского Союза, часто приводят к ограничению финансовых поступлений. Хотя в некоторых регионах Словакии эффективная система трансграничного сотрудничества способна во многом нивелировать эту тенденцию. Во-вторых, для страны свойственна проблема несбалансированности местных бюджетов. Речь идет о неравномерности между собственными доходами общины и дотациями из центрального бюджета, что существенно увеличивает административную зависимость регионов от общей государственной политики.

Для полноты понимания природы децентрализации рассмотрим финансовую сторону децентрализационной реформы, что отражается в официальных нормативах Словацкой Республики. Согласно Концепции фискальной децентрализации, разработанной Министерством финансов Словакии, в современных условиях государственного строительства основным результатом внедрения реформы должно стать устойчивое финансовое развитие регионов. Наряду с административной автономией, также устойчивое развитие регионов способно обеспечить финансово-кредитную самостоятельность территориальных общин. Фис-

кальная децентрализация должна опираться на четыре основных условия при выполнении местными администрациями конкретной функции публичного управления [5]:

- 1) независимость – при принятии решений местными администрациями по использованию собственных доходов;
- 2) ответственность – при использовании местными органами власти ресурсов государства;
- 3) справедливость – при определении местными общинами направлений реализации государственных средств;
- 4) прозрачность – при распределении финансов на принципах объективных статистических показателей.

Непосредственно стратегия внедрения децентрализации, направленная на реформу системы финансирования субъектов местного самоуправления, реализовывалась в три этапа, институционально связанных между собой: 1) делегирование системы компетенций из центра местным администрациям (2002–2004 гг.), 2) общее изменение налоговой системы в стране за счет расширения фискальных полномочий местных органов власти (в течение 2004 г.) и 3) собственно начало фискальной децентрализации (2005 г. – до сих пор) [Там же].

Социоэкономическое и политическое измерение децентрализации в Трнавском крае. Обращаясь к политическим обстоятельствам внедрения децентрализованного реформирования в Словацкой Республике, отметим, что как и для большинства постсоциалистических стран ориентация на децентрализацию стала фактическим дополнением к оптимизации деятельности высших органов государственной власти, и, более того, институциональным требованием в вопросах углубления евроинтеграции. Переломным для ввода стратегии децентрализации в Словакии стал 2001 г., когда с принятием нового законодательства оптимизировалось административно-территориальное деление страны [6] и проведение на базе новой избирательной системы [7] первых выборов в новосформированных округах в высшие органы самоуправления – Учредительные Собрания. Сейчас административно-территориальное деление в Словацкой Республике структурно соответствует требованиям децентрализации с соответствующим условным разделением на высшие и низшие уровни местного самоуправления с управленческим аспектом на юридическую субъектность местных территориальных общин (табл. 1).

Таблица 1

**Административное деление в Словацкой Республике
(по состоянию на 31.12.2016 г.)**

№	Регионы (Kraj)	Административные районы (Okresy)	Муниципалитеты (Obce)
1	Прешовский	13	665
2	Баньскобыстрицкий	13	516
3	Кошицкий	11	440
4	Жилинский	11	315
5	Тренчинский	9	276
6	Братиславский	8	73
7	Нитранский	7	354
8	Трнавский	7	251

Источник: данные региональной статистики Словацкого бюро статистики [8].

Раскрывая природу децентрализации как системы реформирования и векторы децентрализационных процессов, необходимо определиться с конкретным типом децентрализации. Дело в том, что в постсоциалистических странах, кроме первоочередной обязательной функции делегирования полномочий из центра в администрации регионов, центробежные управленческие тенденции способны подтвердить общий уровень демократичности в конкретной общественной сфере. То есть избранный первоочередной формат децентрализации, точнее, первоочередная сфера ее применения, закладывает институциональные основы успеха / неудачи инсталляции децентрализационных норм в различных социальных сегментах. По мнению экспертов, в Трнавском крае наиболее важной формой децентрализации, которая позволила оптимизировать систему публичного управления в будущем, стала административно-территориальная. Так считают 80% респондентов, тогда как лишь 20% оказались благосклонны к другим формам децентрализации, а именно политической, национально-культурной, финансовой и экологической. Фактически после государственного структурирования территориальных границ регионов и перераспределения управленческих полномочий в Трнавском крае удалось реализовать «догоняющую» децентрализацию в других общественных сегментах. Также показательно, что респондентами вовсе не был поддержан вариант с отрицанием децентрализации как инструмента оптимизации публичного управления в Трнавском крае, что свидетельствует о безусловном позитивном восприятии местной элитой демократических принципов самоуправления.

Децентрализация как составляющая, в общем, положительных реформ в сфере публичного управления, определяется соответствующими эффективными результатами. В Трнавском крае наиболее весомым результатом реализации децентрализации считают финансовую автономию региона; дальше экспертами отмечается развитие институтов местной демократии и приумножение ценностей гражданского общества; также внимание акцентируется на улучшении коммунальной инфраструктуры в регионе. Без внимания респондентов остается только предложение отождествления децентрализации с изменением каналов формирования местных элит. Кроме того, 20% респондентов поддержали вариант с отсутствием положительных результатов децентрализации. В этом контексте децентрализацию, очевидно, воспринимают как действенный управленческий инструмент институализации автономии местных администраций путем обеспечения финансово-кредитной самостоятельности регионам. Тезис «богатые регионы = автономные регионы», так или иначе, актуализируется при анализе степени благосостояния граждан Трнавского края в общем разрезе регионов Словацкой Республики (рис. 1).

Как видим, для общего успеха децентрализации в Трнавском крае заложена прочная экономическая составляющая. Ведь по уровню индивидуальных доходов, которые формируют общую картину социально-экономического благосостояния территориальной

общины, регион Трнавы занимает высокое третье место, фактически отстав только от столичного Братиславского края.

Традиционно для постсоциалистических стран европейская интеграция считается своеобразным Рубином в непростых процессах реформирования управленческих систем, без преодоления которого вряд ли можно говорить о консолидации демократи-

ческих инициатив. В первую очередь, необходимо отметить институциональное сближение и вхождение в европейские экономические структуры и центры международной политики. Более того, процесс подготовки, т.е. стандартизации отечественных властных институтов к европейским стандартам, позволяет довести начатые реформы до логического успешного завершения.

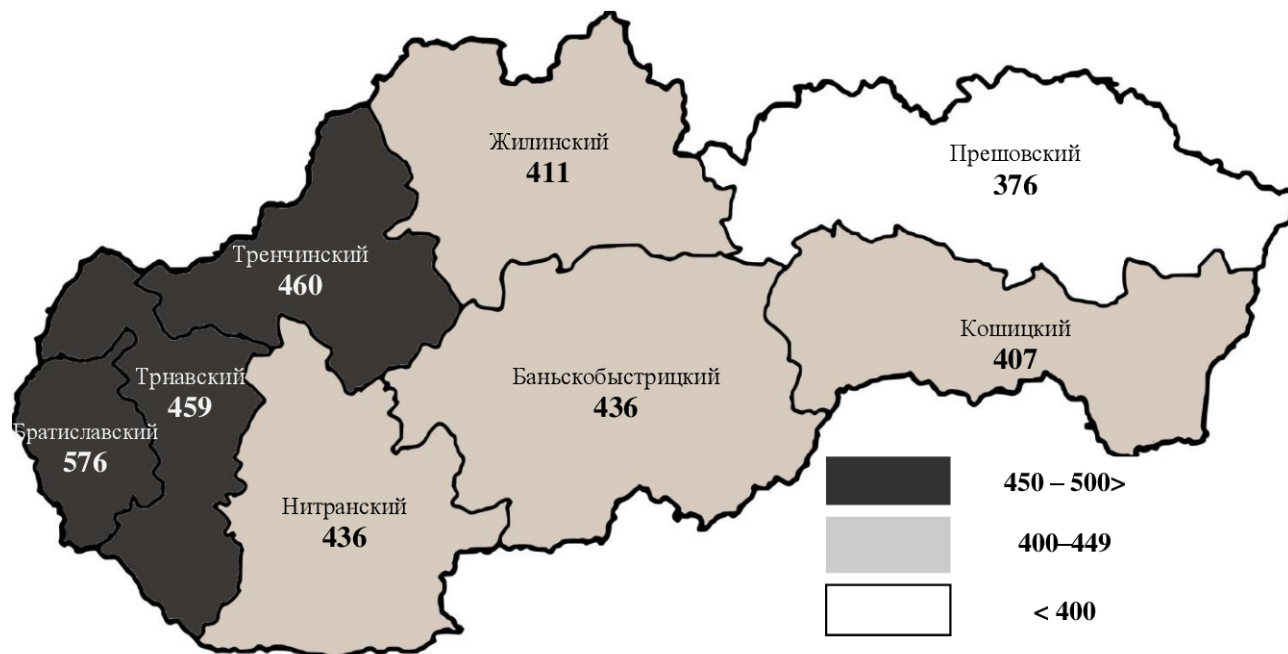

Рис. 1. Денежные доходы домашних хозяйств в регионах Словацкой Республики (в евро/месяц, по состоянию на 31.12.2016 г.).
Рассчитано автором на основе данных Словацкого бюро статистики [9]

В случае с Трнавским краем отмечается общий высокий уровень влияния европейских структур на процессы децентрализации, хотя 20% респондентов отметили, что влияние европейских структур является незначительным. Среди приоритетных направлений влияния фондов Европейского Союза на направления децентрализации прослеживается паритет: в сумме 60% ответов респондентов набрали варианты финансовой и технической помощи, поддержки местных неправительственных организаций и координации программ регионального развития. Отметили также «сотрудничество на уровне местных администраций» и «консультативную и экспертную помощь». Согласно своему пограничному расположению, в Трнавском крае активными темпами ведется трансграничное сотрудничество как с новыми евросоюзными партнерами (Австрия), так и с традиционными странами-партнерами по Вышеградской четверке (Венгрия, Чехия). Основопологающей стратегической программой развития европейских территорий и реализации трансграничного сотрудничества в Трнавском регионе является фондовая поддержка Европейской Комиссии в формате программы Interreg: European Territorial Cooperation [10]. В качестве примера: на реализацию проектов трансграничного сотрудничества между Трнавским краем и сопредельными территориями Чешской Республики в период 2007–2013 гг. было выделено более 92 млн евро [11. С. 51]. Фактические финансо-

вые поступления со стороны фондовых структур ЕС существенно укрепляют финансовую автономию регионов, особенно в контексте реализации долгосрочных программ трансграничного сотрудничества.

Еще одним фактором динамики децентрализационных процессов является степень ротации местных элит. Понятно, что стабильность в политикопартийном пространстве, с одной стороны, обеспечивает устойчивое развитие региона, предохраняя местную общину от серьезных потрясений и опасных инициатив. С другой стороны, длительное и неизменное пребывание главных актеров на политическом олимпе потенциально приводит к консервации управленческой системы, в худшем случае – к трайбализму.

Выборы высшего должностного лица Трнавского края Жупана начали проводиться, начиная с 2005 г. Из пяти избирательных кампаний три выиграл Тибор Микуш, всегда лояльный к провластным политическим силам: в 2005 г. Т.Микуш победил при поддержке Движения за демократическую Словакию; в 2009 г. – уже как независимый кандидат, но при фактической поддержке SMER; в 2013 г. – как кандидат от правящей SMER [12]. Последние выборы на пост Жупана 2017 г. Тибор Микуш в качестве независимого кандидата проиграл Йозифу Вискупичу от консервативной коалиции OĽaNO, SaS.

Схожими с жупанскими выборами являются электоральные процессы, касающиеся формирования состава

Учредительного Собрания Трнавского края. Фрагментация политико-партийного пространства характеризуется неизменностью и фактическим доминированием группы

партий общенационального масштаба или венгерских партий, которым удалось заручиться электоральной поддержкой этнических венгров на юге (рис. 2).

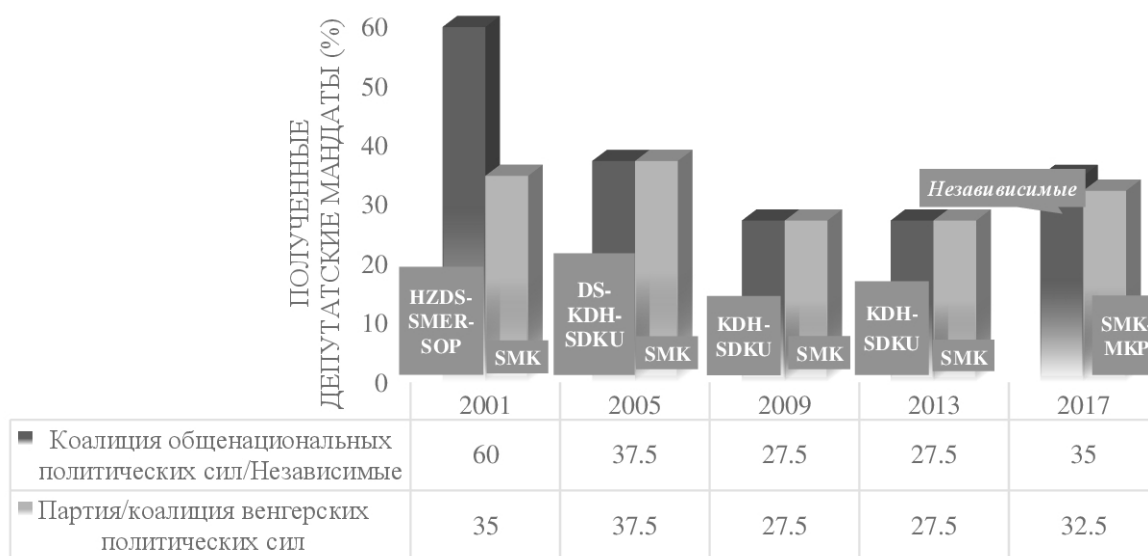

Рис. 2. Распределение депутатских мандатов между двумя ведущими политическими силами на региональных выборах в Трнавском крае (4 ноября 2017 г.).
Рассчитано автором на основе данных Словацкого бюро статистики [13]

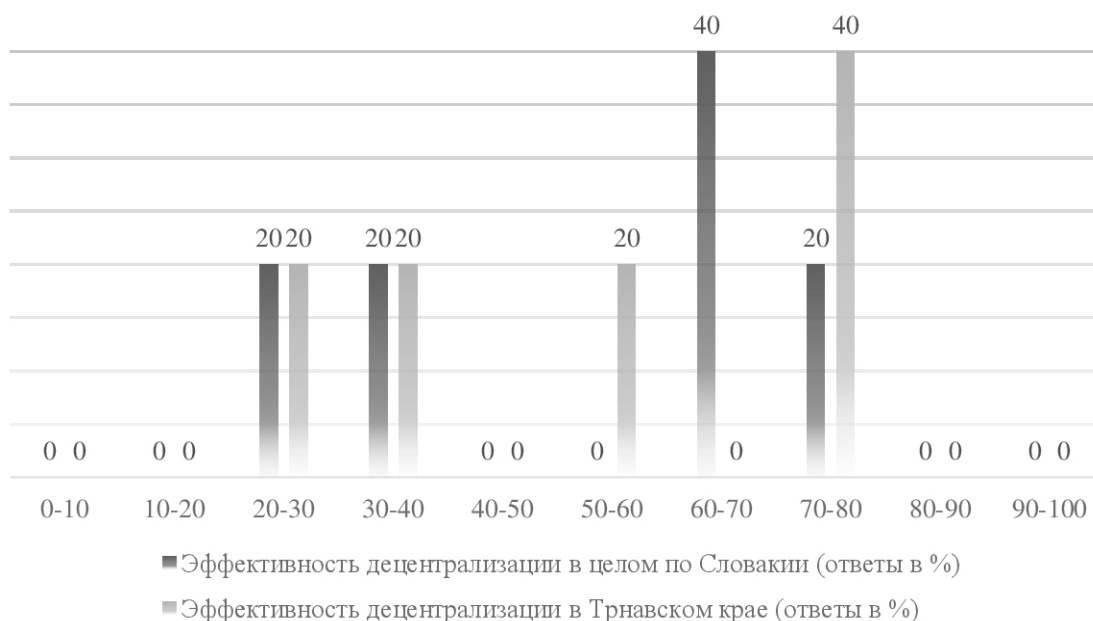

Рис. 3. Корреляция уровня эффективности децентрализации в Словацкой Республике и Трнавском крае.
Рассчитано автором на основе данных экспертного интервью

Показательно, что малозначимыми в политической жизни региона являются региональные политические формации. Только последний состав Учредительного Собрания свидетельствует о частичном изменении раскладов партийной конъюнктуры, поскольку первенство досталось независимым кандидатам. Хотя, по мнению словацких исследователей, статус «независимых» кандидатов часто не соответствует критерию реального отсутствия партийной принадлежности либо лояльности к провластным общенациональным политическим силам [14]. Очень часто дальнейшее голосование уже в статусе депутатов Учредительного

Собрания происходит по направлению поддержки местной политики провластных политических сил. Соответственно значительная часть независимых кандидатов пользуется как политической, так и финансовой поддержкой партий центра.

Подтверждением слабой динамики развития политико-партийного пространства стали результаты нашего экспертного интервью. В вопросе определения влияния последних региональных выборов 2017 г. на процессы децентрализации в Трнавском крае, более половины респондентов (60%) считают, что перспективны децентрализации останутся неизменными.

По 20% получили варианты «существенной ротации элит не произошло» и «местные выборы не играют существенной политической роли».

Наконец, с помощью экспертной оценки полученных результатов децентрализации можем спроектировать общий уровень эффективности децентрализационной реформы и непосредственно проанализировать ее действие в Трнавском крае. Респондентам было предложено определиться с уровнем эффективности децентрализации как на общегосударственном, так и региональном уровнях. В итоге мы получили, с одной стороны, близкие, но вместе с тем разные результаты. Первое: никто из опрошенных в своих оценках не был склонен к крайним полюсным определениям: «наиболее эффективная децентрализация» (оценка 90–100) и «неэффективная децентрализация» (0–10). Такая оценочная ситуация скорее свидетельствует об общих успехах в процессах автономизации территориальных общин региона, а не о провале децентрализационной реформы. Также не были выбраны значения шкалы, близкие к общему успеху (80–90) или неудаче (10–20) децентрализации. Немного выше котируется прогресс в децентрализации на региональном уровне Трнавского края (70–80); в свою очередь, самый высокий показатель эффективности децентрализации в целом по Словакии зафиксирован на отметке 60–70.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Постсоциалистическую природу децентрализационных процессов следует определять как неизменный институциональный атрибут плюрализации всей управленческой системы в Трнавском крае. Прибегая к методике эффективности децентрализации на постсоциалистическом пространстве Павла Свяневича, спроектируем системные факторы децентрализации управления в Трнавском крае:

– логика административно-территориального деления, как по стране в целом, так и в Трнавском крае в частности, отвечает требованиям местного самоуправления. Трнавский край находится на предпоследнем месте по стране по количеству муниципалитетов (всего 251 единица на конец 2016 г.) и включает семь административных районов. По сути, административные полномочия сосредоточены на высшем (краевое управление) и низшем (управления муниципалитетов) уровнях местного самоуправления. Учитывая демографические показатели и территориальные масштабы, административно-территориальное устройство региона выдержано в конституционно-политических рамках страны и соответствует разветвленной структуре местного самоуправления;

– в рамках организации управленческо-властных связей в регионе следует отметить управленческий центризм Учредительного Собрания как юридической единицы. Количественный состав представительных органов демократии формируется электоральным путем; Жупан Трнавского края также избирается на региональных выборах. Аналогичной является структура Учредительного Собрания муниципалитетов. В местных Собраниях региона ведется политикопартийная борьба, в ходе которой четко прослеживается определяющее влияние центральных партий.

Весомым является венгерский фактор, поскольку под влиянием коалиций / партий венгерского меньшинства находится юг региона; политические силы венгров неизменно чередуются за победу на выборах с коалициями центральных партий;

– финансово-бюджетная политика в Трнавском крае свидетельствует об успехах и неудачах проведенной фискальной децентрализации. С одной стороны, регион является в меру самоуправляемым в вопросах наполнения местных бюджетов и проводит достаточно удачную налоговую политику. С другой стороны, как и для большинства регионов, для Трнавского края свойственна существенная зависимость от финансовых дотаций центра. В итоге регион Трнавы занимает почетное третье место по уровню денежных доходов домохозяйств (по состоянию на конец 2016 г.).

2. Основными действующими лицами, которые воплощают децентрализационные инициативы в жизнь, являются местные политические элиты. Общие настроения местных депутатов и служащих хоть и транслируют оценочные суждения, соответственно наделены высоким уровнем субъективизма, но формируют общую картину реального состояния с децентрализацией в регионе. Можем сделать несколько выводов по результатам проведенного социологического интервью.

Прежде всего, следует констатировать, что реформа децентрализации в целом удалась, поскольку подавляющее большинство опрошенных считают, что ощутили серьезный прогресс по направлениям автономизации территориальных общин. Причем, в Трнавском крае (региональный уровень) децентрализация определяется как более эффективная (+ 10–20%), чем в целом по Словакии (общенациональный уровень).

Еще одной показательной тенденцией в ходе децентрализационных процессов в Трнавском регионе следует считать слабое влияние политического фактора на формат децентрализации, и, соответственно, слабую динамику ротации политических элит. В подтверждение этого тезиса респонденты вообще не поддерживали вариант определяющих последствий децентрализации как средства изменения каналов формирования местных элит (приоритетным результатом децентрализации считается финансовая автономия регионов – более 50%); также более половины опрошенных считают, что по результатам последних региональных выборов 2017 г. существенных изменений с уровнем децентрализации в регионе не произошло. То есть децентрализация функционирует как принцип самоуправления в регионе, и персонификация или политическая конъюнктура на этот процесс фактически не влияют.

Конечно, подготовка и вступление в Европейский Союз существенно отразились на уровне децентрализации в Словацкой Республике. А в случае с Трнавским краем надо еще отметить эффективную модель трансграничного сотрудничества с Австрией, Венгрией и Чехией. Хотя прослеживается и незначительная доля пессимизма касательно уровня и качества влияния европейских структур на характер децентрализации, но на уровне не более 20%.

3. Децентрализационная реформа остается важной составляющей в процессах оптимизации системы публичного управления. В Словацкой Республике общегосударственная стратегия на децентрализацию, которая включает три основных этапа делегирования управленческих полномочий из центра в регионы (2002–2004 гг.; 2004 г.; 2005 г. – до сих пор), и адаптация страны к институциональным стандартам Европейского Союза отразились на общем уровне эффективности управленческой системы. Эти процессы определили формат децентрализации в Трнавском крае как составном общесловацких децентрализационных реформ. В эмпирическом разрезе специфика трансформации управленческого сегмента в Словакии в период, связанный с подготовкой, вступлением и

проблемами адаптации к европейским стандартам, прослеживается с помощью управленческих индексов Бертельсманна [15]. Согласно методологическому подходу немецких исследователей, любая система управления находится в состоянии динамики, колебания которой можно определить во временном интервале 2–3 лет. Основными институциональными составляющими, характер взаимодействия которых определяет степень эффективности функционирования управленческой системы в стране, являются следующие: уровень сложности управления; достижение целей управления; эффективное использование ресурсов; потенциал управления; вариации достижения консенсуса в управленческой системе; международное сотрудничество.

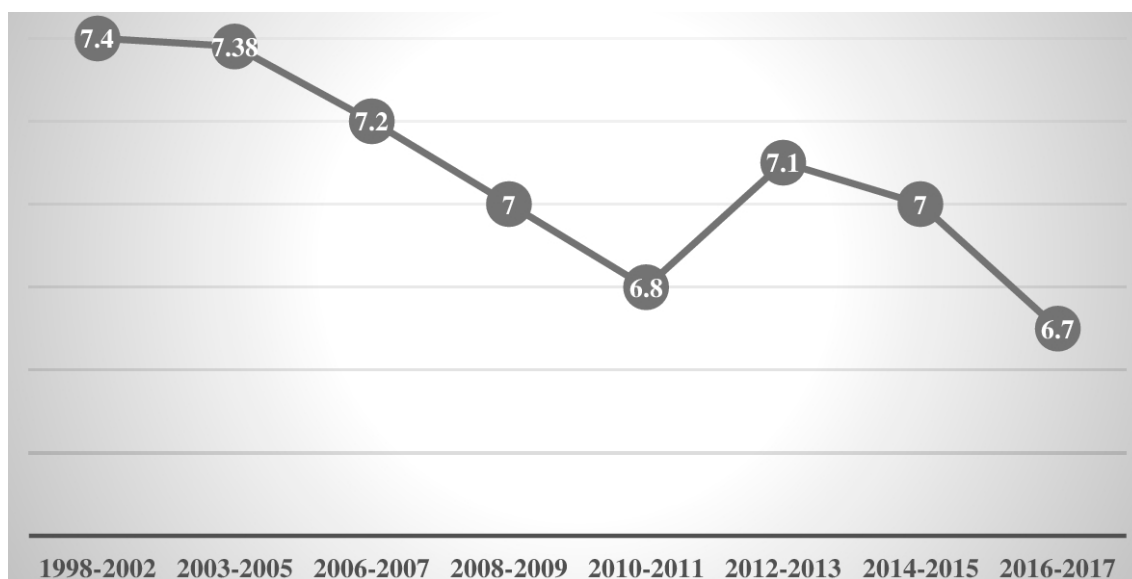

Рис. 4. Динамика уровня эффективности системы управления в Словацкой Республике (1998–2002 гг.).
Рассчитано автором на основе данных индекса управления Бертельсманна [15]

Согласно последним эмпирическим показателям, логика трансформации управленческой системы в Словакии включает три неравномерные волны: 1) затяжная нисходящая волна (1998–2010 гг.); 2) кратковременная волна подъема (2011–2012 гг.); 3) современная нисходящая волна (2013–2017 гг.).

Данные трансформации свидетельствуют о доминировании положительных значений эмпирических индикаторов, влияющих на высокий уровень эффективности управленческой системы страны, ведь в подавляющем большинстве Словацкая Республика входит в группу стран с наиболее успешной формой правления; откровенно провальными выглядят 2010–2011 гг., когда страна выходит из группы успешных

стран. Больше всего настораживает худший показатель эффективности управления, который зафиксирован в период 2016–2017 гг., т.е. это последние данные, потенциально угрожающие перспективам эффективного управления в Словакии. Одновременно следует констатировать, что внедрение децентрализационной реформы, начиная с 2002 г., в общем, способствовало оптимизации института управления как в Словакии, так и в Трнавском крае. Сейчас значительными остаются проблемы в сфере «сверхбюрократичности» управленческого аппарата (индикатор сложности управления) и эффективности каналов коммуникаций центра с регионами (индикатор достижения консенсуса в управлении).

ЛИТЕРАТУРА

1. Swianiewicz P. An Empirical Typology of Local Government Systems in Eastern Europe // *Local Government Studies*. 2014. Vol. 40, № 2. P. 292–311.
2. Niznansky V., Cibakova V., Hamalova M. Tretia etapa decentralizacie verejnej spravy na Slovensku. 1. vyd. Bratislava : Wolters Kluwer, 2014. 231 s.
3. Niznansky V., Hamalova M. Decentralizacia a Slovensko. Bratislava : IAM press, 2013. 77 s.
4. Knezova J. Finančne zdroje obcí v Slovenskej republike v desiatročnej reflexii fiskálnej decentralizácie // *Societas et Iurisprudentia*. 2015. Ročník III. Číslo 3. S. 104–144.
5. Ministerstvo financií Slovenskej republiky. Fiškálna decentralizácia ako súčasť reformy verejnej správy. 24 s. URL: <https://finance.gov.sk> (access date: 17.10.2018).

6. Zákon o podpore regionálneho rozvoja. Zákon č. 503/2001. URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/2001-503> (access date: 14.10.2018).
7. Zákon o voľbách do orgánov samosprávnych krajov a o doplnení Občianskeho súdneho poriadku. Zákon č. 303/2001. URL: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/2001-303> (access date: 14.10.2018).
8. Štatistický úrad Slovenskej republiky. Regionálne štatistiky. URL: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/regional> (access date: 01.10.2018).
9. Bratislavský kraj v číslach–2017. Bratislava: Štatistický úrad Slovenskej republiky, 2017. 31 s.
10. Interreg: European Territorial Cooperation. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/sk/policy/cooperation/european-territorial (access date: 26.09.2018).
11. Operačný program cezhraničnej spolupráce Slovenská republika–Česká republika 2007–2013. Report. 85 s.
12. Trnavský kraj – Výsledky volieb. URL: <https://volby.sme.sk/volby-vuc/2005/vysledky/trnavsky-kraj> (access date: 13.10.2018).
13. Štatistický úrad Slovenskej republiky. Voľby do orgánov samosprávnych krajov. URL: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/elections/vuc/about/> (access date: 18.10.2018).
14. Haydanka Y.I., Martinkovich M. Socio-Political Fragmentation and Peculiarities of Transboundary Cooperation of the Highest Self-government Body (on the example of the Trnava Region of the Slovak Republic) // Гілея. 2017. № 126. S. 483–487.
15. BTI 2018. Slovakia Country Report. URL: <https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/svk/itr/ecse/> (access date: 20.10.2018).

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 14 мая 2019 г.

The Public and Political Scope of Decentralisation in the Trnava Region of Slovakia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 101–109.

DOI: 10.17223/15617793/444/12

Yevheniy I. Haydanka, Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine). E-mail: haydankayew@ukr.net

Keywords: post-socialist decentralisation; empiric dimension; expert survey; socioeconomic dynamics of regional development; regional elections; Bertelsmann Index; cross-border cooperation; Trnava Region; Slovakia.

In the article, the author endeavours to identify and define peculiar features of a post-socialist decentralisation model as represented by the western region of the Slovak Republic, namely, the Trnava Region. The integrated systemic analysis of public structures (expert sociological survey) and of the political layout (method of comparative politological analysis) of the Trnava Region was employed. The conceptual framework of the study relies on the post-socialist decentralisation model suggested by Peter Swianiewicz. The main empiric toolkit includes the method of an expert survey among local deputies and officials, a comparative microanalysis of political and economic indicators of the Trnava Region development and the latest monitoring of the management system efficiency in Slovakia according to Bertelsmann Index. The decentralisation model in the Trnava Region corresponds to the logic of Swianiewicz's post-socialist decentralisation, according to which the main indicators of decentralisation are the optimised administrative-territorial structure of the region, the horizontal organisation of managerial relations and the double nature of the local budgets' filling. In the course of the study, it was determined that the Eurointegration processes of the early 2000s along with the implementation of fiscal decentralisation starting with 2004–05 became an impetus for the consolidation of decentralisation. The specific of the Trnava Region lies in the relatively high level of social and economic provision of communities across the whole of Slovakia (in fact, being inferior only to Bratislava). An important complement to the overall success of decentralisation is the active cross-border cooperation of the Trnava Region with Austria, Hungary and the Czech Republic, mainly within the Interreg Europe, the EU programme aimed at stimulating the development of the border areas. The financial autonomy of the region is predetermined by simultaneously the main cause and result of the decentralisation reform with the minimal impact of the political and party situation in the region. It is peculiar for the Trnava Region to observe a slight rotation of political elites, an electoral struggle mainly taking place between all-national parties and regional Hungarian political coalitions. The highest official office of the president of the region (Zhupan) is, as a rule, static; however, the latest regional elections have unexpectedly changed the status quo. The maximum decentralisation efficiency index in the Trnava Region is 70–80%, which is 10% higher than in Slovakia as a whole. It is necessary to note the three key waves of decentralisation in Slovakia: recession (1998–2010), recovery (2011–12), recession (2013–17). According to the management indices, the most problematic areas are the high level of administrative bureaucracy as well as weak management communication between the centre and the regions.

REFERENCES

1. Swianiewicz, P. (2014) An Empirical Typology of Local Government Systems in Eastern Europe. *Local Government Studies*. 40 (2). pp. 292–311.
2. Niznansky, V., Cibakova, V. & Hamalova, M. (2014) *Tretia etapa decentralizacie verejnej spravy na Slovensku*. 1. vyd. Bratislava: Wolters Kluwer.
3. Niznansky, V. & Hamalova, M. (2013) *Decentralizacia a Slovensko*. Bratislava: IAM press.
4. Knezova, J. (2015) Finančne zdroje obcí v Slovenskej republike v desiatročnej reflexii fiskálnej decentralizácie. *Societas et Iurisprudentia*. Rocnik III. Cislo 3. pp. 104–144.
5. Ministerstvo financií Slovenskej republiky. (2019) *Fiškálna decentralizácia ako súčasť reformy verejnej správy*. [Online] Available from: <https://finance.gov.sk>. (Accessed: 17.10.2018).
6. Zakonypreludi.sk. (2001) *Zákon o podpore regionálneho rozvoja. Zákon č. 503/2001*. [Online] Available from: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/2001-503>. (Accessed: 14.10.2018).
7. Zakonypreludi.sk. (2001) *Zákon o voľbách do orgánov samosprávnych krajov a o doplnení Občianskeho súdneho poriadku. Zákon č. 303/2001*. [Online] Available from: <http://www.zakonypreludi.sk/zz/2001-303>. (Accessed: 14.10.2018).
8. Slovak.statistics.sk. (2013) *Štatistický úrad Slovenskej republiky. Regionálne štatistiky*. [Online] Available from: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/regional>. (Accessed: 01.10.2018).
9. Štatistický úrad Slovenskej republiky. (2017) *Bratislavský kraj v číslach–2017*. Bratislava: Štatistický úrad Slovenskej republiky.
10. Interreg: European Territorial Cooperation. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/sk/policy/cooperation/european-territorial. (Accessed: 26.09.2018).
11. *Operačný program cezhraničnej spolupráce Slovenská republika–Česká republika 2007–2013*. Report.
12. SME. (2005) *Trnavský kraj – Výsledky volieb*. [Online] Available from: <https://volby.sme.sk/volby-vuc/2005/vysledky/trnavsky-kraj>. (Accessed: 13.10.2018).
13. Slovak.statistics.sk. (2017) *Štatistický úrad Slovenskej republiky. Voľby do orgánov samosprávnych krajov*. [Online] Available from: <https://slovak.statistics.sk/wps/portal/ext/themes/elections/vuc/about/>. (Accessed: 18.10.2018).

14. Haydanka, Y.I. & Martinkovich, M. (2017) Socio-Political Fragmentation and Peculiarities of Transboundary Cooperation of the Highest Self-government Body (on the example of the Trnava Region of the Slovak Republic). *Gileya*. 126. pp. 483–487.
15. BTI. (2018) *Slovakia Country Report*. [Online] Available from: <https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/svk/itr/ecse/>. (Accessed: 20.10.2018).

Received: 14 May 2019

ОБРАЗ ВЛАСТИ В РОССИИ И ЕГО БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Целью статьи является анализ образа власти – совокупности представлений о власти, продиктованных спецификой политической культуры страны. Рассматриваются конкретные противоречия между характеристиками традиционной модели образа власти, свойственной российской политической культуре, и характеристиками современной демократической модели. В процессе анализа используются результаты социологических опросов. Делается вывод о воспроизводстве традиционных российских аспектов образа власти.

Ключевые слова: образ власти; традиционная модель; современная модель; источник власти; персонификация; единовластие; централизация.

Образ власти как социокультурный феномен.

Представления населения о том, что есть власть, каковы её обязанности, функции, структурные элементы, каковы должны быть её действия в тех или иных случаях – все это вместе складывается в определенный образ власти, свойственный конкретной политической культуре.

Под образом власти мы будем понимать «систему представлений общества о власти, включающую базовые аспекты (понятие о её сущности, функция, форме, обязанностях и т.д.) и конъюнктурные аспекты (ожидание от конкретной власти определенных социально-политических действий)» [1. С. 16]. Конъюнктурные аспекты в большей степени связаны с отражением объективной действительности, а базовые – со смысловыми интерпретациями. Сосредоточим внимание на базовых аспектах, поскольку «политическое восприятие в основном направлено на смысловые и оценочные интерпретации политических объектов, нежели на отражение объективной действительности» [2. С. 152]. Именно базовые аспекты образа власти формируются как социокультурный феномен конкретного общества в зависимости от исторического контекста его развития.

Исторические пути развития восточной и западной культуры обусловили различия в системе властных отношений. Они отразились в политической культуре народов России и стран Запада, получив практическое воплощение в различных моделях их отношения к власти. Эти различия отражены в базовых характеристиках образа власти, которые имеют свои социокультурные особенности в каждом обществе. Для российского образа власти имманентны такие характеристики, как персонификация, единовластие, централизация, иерархичность в числе прочих структурных и функциональных аспектах [1. С. 272]. По мнению политологов, «в отличие от восприятия как такового, политическое восприятие обусловлено политическим и историческим контекстом, социокультурными особенностями исторического процесса» [2. С. 152], поэтому различным политическим культурам присущи разные базовые характеристики образа власти. Рассмотрим базовые характеристики образа власти в России и основные отличия восприятия власти в российской и западной политических культурах.

Традиционная и современная модели. Восприятие власти в России существенно отличается от восприятия власти населением западных стран. Эти от-

личия подмечались философами, публицистами да и просто думающими людьми уже давно. В частности, в 1892–1896 гг. Схиархимандрит Варсонофий (Плиханков) писал в своих «Келейных записках»: «Преданность Православного русского народа к Царям своим совсем не то, что преданность западных народов к их государям. По современным западным понятиям, государь есть ничто иное, как представитель своего народа – и народы западные любят своих представителей и охотно повинуются, когда они верно выполняют своё назначение. На Западе в своих государях народы любят лишь самих себя. Если король по личному своему характеру не в состоянии быть верным отражением господствующих в народе стремлений, идей и страстей, то ограничивают и сжимают его волю посредством конституционных тисков. Если же король не поддается этим усилиям и не в силах поддаваться под вкус и характер подданных, то лишается не только любви народной, но и престола, как это было с Карлом X и с Людовиком-Филиппом и с сардинским королём Альбертом. Совсем не то у нас в России: наш Царь есть представитель воли Божьей, а не народной. Его воля священна для нас, как воля помазанника Божия; мы любим его, потому что любим Бога» [3. С. 44].

Назовем такую модель образа власти, характеристики которой зиждутся на особой преданности народа своим царям, *традиционной* или *исконной* российской моделью, так как она зародилась и сформировалась вместе с зарождением и образованием России (т.е. искони).

Образ власти включает в себя установочные, структурные, функциональные, оценочные и другие характеристики, которые логически связаны между собой. В частности, в образе власти есть такая установочная характеристика, как идея *служения*. В традиционной российской модели она трактуется так: «власть» – это то, чему нужно и должно служить. Прежде в царской армии говорили: «Служу царю и отечеству». А царь в глазах народа являлся представителем Бога на земле, непосредственным выразителем божественной воли. Поэтому служить царю и служить Богу было почти равносильной добродетелью. В исконной российской модели харизматическое отношение к верховному правителю превалировало над рациональной оценкой его личных качеств.

В отличие от традиционной российской модели, к примеру, американская модель взаимоотношений

народа и власти предполагает противоположное направление *служения*. Верховный представитель власти, избранный народом, служит народу, а не народ служит ему. Поэтому отношение к власти и её верховному представителю спокойное, ровное, без примеси мистики, в какой-то степени напоминающее отношение к обслуживающему персоналу. Это отношение к своему правителю характерно для демократической идеи и является её логическим следствием. Такая установочная характеристика имманентна *современной модели* образа власти.

Необходимо пояснить, что противостояние *традиционной* и *современной* модели рассматривается здесь в классическом варианте как сформулированная Ф. Теннисом оппозиция *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, но без учета расширенной социально-философской трактовки, а напротив, как локализованная в рамках властных отношений.

Современная модель властных отношений является доминирующей в развитых странах в *современном* мире по формальным показателям, откуда, собственно, и произошло её название.

Демократическая концепция привнесла в Россию *современную* модель образа власти, которая противостоит *традиционной* российской модели. Для России следование новой модели означает ориентацию на западные образцы властных отношений и постановку задачи – догнать в культурно-цивилизационной перспективе Запад (или Америку). Современная модель образа власти вступает в противоречие с исконной российской моделью образа власти. Собственно, эти противоречия не есть противоречия между прошлым и настоящим, как может показаться из дихотомии понятий «традиционность» и «современность», эти противоречия, скорее, являются противоречиями между Востоком и Западом, которые существовали во все времена обозримой истории России.

Есть риск обмануться, полагая, что если в политических культурах разных стран существуют институты власти, идентичные по наименованию и устройению, то они идентичны и по содержанию. Так, например, монархия в дореволюционной России имела неприметные, на первый взгляд, но существенные отличия от монархии западных стран. По утверждению современных политологов, некоторые элементы сегодняшнего демократического института были заимствованы из монархической идеологии. Например, политолог М.В. Ильин пишет, что «представительство» (имеются в виду думские и прочие выборы) не было изобретено демократами, а развилось как средневековый институт монархического и аристократического правления. Как он полагает, вполне справедливо считалось, что представительство в корне противоречит прямому участию в принятии решений, т.е. собственно демократии, являясь её логической антитезой. «И действительно, авторитаризм в своей логике есть последовательное проведение принципа представительства, делегирования власти авторитету, т.е. отчуждение её у множества и передачи немногим или даже одному лицу. В пределе – это самодержавие, предполагающее лишение всех и каждого субъектности в пользу единственного актора-самодержца» [4. С. 158]. Этот

вывод может быть справедлив по отношению к монархиям западного типа. Но самодержавие в российском варианте – это вовсе не представительство, не делегирование власти от народу к царю, а нечто противоположное. В России народ не наделял самодержца властью, а признавал его власть. И признавал потому, что считал, что монарха наделил властью сам Бог. В России царь царствовал не от имени народа, но от имени Бога. Вектор делегирования власти в российском случае направлен сверху вниз: от Бога, к царю и далее к народу, а не снизу вверх (от подданных к монарху), как при представительстве. Получается, что хотя формы правления носят одинаковое название «монархия», они имеют существенные идеологические различия, которые и предопределили дальнейшие пути их трансформации. Неудивительно, что «представительство», проросшее из монархии западного типа, в итоге обратилось в свою «логическую антитезу», как окрестил демократию М.В. Ильин. Имея зримое логическое противоречие, они имеют незримое сущностное сходство – одинаковое направление «вектора власти», который является одной из базовых характеристик образа власти.

Если представить модель властных отношений в виде геометрической фигуры, то традиционной моделью для России является остроконечная пирамида (верх – правитель, основание пирамиды – народ). Пирамидальная форма адекватна монархической идее. Чем выше, тем более сконцентрирована власть. Демократическая идея же представит властные отношения в виде перевернутой пирамиды. Основание пирамиды – народ – оказывается сверху, так как именно народ теоретически является основным актором власти. А острый пирамиды (правитель) находится внизу, так как «повеления» народа спускаются к нему и правитель должен их выполнять.

Это характеристики различных моделей образа власти являют собой выпуклые, почти зримые идеологические различия между российской монархией и западной демократией (между исконной российской и современной моделью образа власти) и тем самым предопределяют систему государственных органов, адекватную для каждой модели.

О противоположности геометрических фигур образа власти в России и на Западе говорит доктор философии В.И. Россман, проживающий сейчас в США (Остин) [5. С. 38–50]. Он считает, что доньше не закончено идеологическое противостояние двух древних философов: Платона и Аристотеля. И тот и другой пытались создать концепцию государства. По мнению Россмана, концепция государства Платона и его основные идеи были впитаны Россией с момента её появления на карте мира, и с тех пор преломляются в элементах её государственного устройства в том или ином причудливом виде. А «пирамида власти Платона», – утверждает он, – «это перевернутая пирамида власти западного общества» [Там же. С. 39]. Если во главе «Государства» Платона находятся философы-цари, вооруженные правильной идеологией и абсолютным знанием; за ними следуют воины стражи, призванные обеспечить безопасность граждан; а только после них идут ремесленники и торговцы, то в

западном «капиталистическом обществе на вершине пирамиды располагаются торговцы (генеральные директора крупнейших корпораций); за ними следуют ремесленники (включая инженеров и программистов, автомехаников и бухгалтеров); за ними военные, и уж потом, в поддонных слоях общества, располагаются философы-цари и прочие гуманитарии». В. Россман замечает, что «в противоположность западной пирамиде власти даже постсоветская русская иерархия сохраняет некоторую верность платоновской идее идеократии и воспроизводит платонову пирамиду в причудливых модификациях» [5. С. 40]. Причудливые модификации характерны и для демократии: в российском варианте она преобразуется в «управляемую демократию», «суверенную демократию» и т.п.

Таким образом, можно видеть, что характеристики образа власти, такие как источник власти, направленность вектора и так называемая пирамида власти противостоят друг другу в различных моделях образа власти – традиционной и современной.

Это противостояние отражается в противоречиях между воззрениями населения на власть и содержанием официальных документов. Формально Россия приняла современную модель властных отношений, которая закреплена в Конституции РФ. Любопытно, что действующая Конституция провозглашает современную модель образа власти, а в общественном мнении доминирует традиционная модель. Так, например, согласно опросу ВЦИОМ, «главным источником власти и носителем суверенитета в нашей стране является не народ, как написано в Конституции, а Президент... 55% населения уверены в том, что глава государства и суверенитет – одно и то же. Формально лишь 23% участников всероссийского исследования верят в российскую демократию и полагают, что власть в нашей стране принадлежит... народу» [6].

Власть в России обычно персонифицирована с главой государства, поскольку именно он, по мнению народа, является *источником власти*.

Сергий Булгаков в своем философском сочинении «Свет Невечерний», пытаясь определить религиозную и мистическую природу власти, пишет: «Очевидно, власть имеет отношение к самому существу человеческого духа, и надо, прежде всего, отвергнуть рационалистические измышления “просветительства”, будто власть и право кем-то изобретены, произошли вследствие “общественного договора” или свободного соглашения... Власть излучается произвольно и возникает органически и конкретно как историческая власть... Она присуща всему человечеству и складывается из способности повелевать и повиноваться, из авторитета и лояльности, которые суть лишь два полюса власти... Истинная власть принадлежит одному Богу, земная же власть есть символ Божьего всемогущества» [7. С. 391–392]. В традиционной российской модели образа власти источник власти имеет сакральную природу, поэтому власть персонифицирована с именем верховного правителя государства как носителя этой сакральной власти.

Персонификация. Исконная российская модель образа власти включает в себя такую установочную характеристику, как *персонификация*. Персонифика-

ция власти предполагает восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности, в которой эта власть воплощается. Личным качествам представителя власти придается большее значение, чем законотворчеству.

Восприятие власти, вписанное в мировоззренческие многовековые российские социокультурные традиции, не просто отличается от современной демократической модели образа власти, а противостоит ей логически, если так можно выразиться, «воюет» с ней за каждую «высоту». И одна из «баталлий» – это противостояние концепций персонификации и деперсонификации власти.

В спорах о роли личности в истории сломано немало копий. Есть мнение, что личность представителя власти не должна влиять на функционирование общества во избежание подрыва его стабильности. Демократическая концепция, отображенная в современном образе власти, пропагандирует деперсонификацию власти. Человек, облеченный властью, представляется чем-то вроде необходимой детали в хорошо отлаженном механизме. Эту деталь не только можно, но и нужно менять, скажем, каждые четыре-пять или шесть лет. Схема управления строится таким образом, чтобы система работала независимо от того, кто именно, занимает в ней определенное место. Современная модель образа власти направлена на решение задачи – свести до минимума влияние личности на историю, унифицировать систему управления, обезопасив её от любых неожиданностей, связанных с индивидуальными чертами характера людей. Главное – это закон, который диктует систему управления и обозначает её функции.

Но в российском менталитете роли личности во власти традиционно придается ключевое значение. Для русских мыслителей «личность» во власти была краеугольным камнем государственного строительства. И.А. Ильин настаивал: «Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов», – и грозил: «Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть» [8. С. 246]. Понятие личности – исходный пункт философии Н.А. Бердяева. Личность, по мнению Бердяева, «есть онтологическая реальность, она входит в иерархию онтологических реальностей. Личность предполагает реальность других личностей и реальность того, что выше и глубже её. В номиналистическом индивидуализме личность разлагается и распадается» [9. С. 59]. Бердяев усмотрел внутреннее противоречие личностного и демократического начала: «Демократия неблагоприятна появлению сильных. Ярких, творческих личностей, она создает нивелирующую общественную среду, которая стремится целиком поглотить личность и подчинить её себе. Ваше демократическое мнение есть самая страшная из тираний, оно угнетает дух человеческий, подрезывает крылья» [Там же. С. 169].

С тем, что власть в России воспринимается народом персонифицировано, согласны многие современные исследователи. Это стало общим местом, поэто-

му, например, Ю.С. Пивоваров утверждает это в аксиоматичной форме: «Русская власть предполагает режим персонификации» [10. С. 26]. А в связи с режимом персонификации «русская политическая традиция предполагает наличие явно обозначенного лидера» [11. С. 122]. С приходом к власти нового человека народ ожидает изменений: «новая скрипка по-новому играет». То есть происходит своеобразная легализация того факта, что специфика управления, а подчас и его форма могут определяться характером и личными свойствами конкретного представителя власти. А во время избирательных процессов населению не столь важно читать программы кандидатов, сколь важно видеть лицо того человека, которого он выбирает. Российского избирателя черты характера и конкретные поступки будущего представителя власти интересуют гораздо более той концепции, которую выдвигает последний. Логика населения проста: по внешности и по поступкам люди пытаются «угадать», каких действий можно ожидать от кандидата, насколько он «хорош», какова та «концепция», по которой он живет сам, так как она может существенно отличаться от декларируемой.

Власть не мыслится населением как коллективная форма, образ власти всегда непосредственно связан с определенным действующим лицом. А.И. Соловьев пишет, что политическое пространство в России отмечено «обоюдно согласным отношением к парламенту со стороны элитарных и неэлитарных слоев как к “ненастоящей”, вторичной, показной власти» [12. С. 21]. Поэтому «настоящими выборами» или выборами реальной власти население считает выборы президента страны в отличие от выборов в Государственную Думу или в местные законодательные органы. Последние признаются российским обществом второстепенными, малозначащими. Зачастую гражданами игнорировались выборы в законодательные органы власти (особенно на местном уровне) в противовес более-менее массовому участию их в выборах президента и губернаторов.

Более того, все чаще народ полагает, что Государственная Дума и Совет Федерации – это просто лишние, ненужные органы. «Число россиян, полагающих, что страна может обойтись без Государственной Думы и Совета Федерации, выросло весьма существенно: с 29% в 1997 г. до 40% в 2016 г. При этом тех, кто полагает, что возможно обойтись без многопартийной системы, чуть больше половины (52%). Тех, кто убежден, что эти институты “очень важны”, что без них политическая система страны эффективно функционировать не может, сегодня совсем немного (12–13%)» [13. С. 19]. А как же быть с законами, если упразднить Государственную Думу? Разве россияне считают законы излишней роскошью?

Отношение к закону в России неоднозначное. Не то, чтобы россияне не уважали законность. Но русского человека раздражает именно тот случай, когда «крайняя законность» превращается в «крайнюю несправедливость». Это дает основание И.А. Ильину вынести вердикт: «Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона не есть законность, а карикатура на неё» [8. С. 258]. Неприятие

чисто формальной законности преобразует и формализованные структуры. «Дух христианской любви проник, по мнению И.А. Ильина, и в русскую юриспруденцию с её исканием справедливости» [8. С. 317].

Известно, что идеал западного образа правления – это власть законов, а не власть какого бы то не было любого субъекта власти. В России закон традиционно уступает свои приоритеты главе государства. Именно поэтому личные характеристики представителя высшей власти имеют столь судьбоносное значение для нашей страны. Предсказуема критика такого положения дел в России со стороны Запада, но и современные российские ученые тоже готовы критиковать «обезличенное» либеральной демократической идеей западное общество, отстаивая право на мировоззрение, предполагающее режим персонификации власти. Например, по мнению А.Н. Фатенкова, «Коренной порок либерализма заключается в стремлении одну обезличенную инстанцию (анатомически трактуемого индивидуума) ограничить другой, еще более обезличенной (институциональной социальной структурой). В результате либеральный проект предстает, по образному выражению В.Ф. Одоевского, «городом без имени» [14. С. 165].

Персонификация власти включает в себя набор логических следствий, prestaющих в виде структурных характеристик образа власти: *единовластие, централизация, иерархичность*. Установочные характеристики образа власти формируют её структуру. Или, используя святоотеческое изречение, «дух творит себе формы».

Единовластие. Единовластие предполагает передачу всей полноты власти в государстве в руки одного человека. Единоличная власть на протяжении многих веков была исторической традицией России, даже когда самодержавный царь сменялся генеральным секретарём или президентом, менялось лишь название должности, но сама суть власти.

Концепция единовластия не просто противоречит демократической концепции, она её разрушает. Основопологающей идеей демократии является ограничение единоличной власти путем разделения властей. Предполагается, что правителя, как бы ни был он хорош, необходимо контролировать. Демократическая система сдержек и противовесов создана для разрушения единоличной власти. Для демократического сознания наивысшей крамоллой является идея передачи власти в руки одному человеку.

В современной России результаты социологических исследований доказывают включенность концепции *единовластия* в российский образ власти. По результатам исследований Института общественного мнения «Квалитас» (в рамках инициативного мониторинга, проводимого Институтом с 1998 по настоящее время, ежемесячно опрашивается от 600 до 1 000 жителей города Воронежа по репрезентативной для городского населения выборке методом личного интервью), большинство населения ничего не имеет против перспективы передачи всей полноты власти в государство одному человеку. В январе 2018 г. при ответе на вопрос: «С каким из двух противоположных суждений Вы согласны: “нельзя до-

пускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека» или «в стране должен быть хозяин – нашему народу нужна сильная рука»?», – большинство воронежцев (63%) ответили, что в стране должен быть единый хозяин – «сильная рука». Именно такую власть народ признает «правильной» и заслуживающей уважения. Только 26% горожан выразили по этому поводу опасения [15]. Каждый десятый опрошенный при этом затруднился ответить на вопрос.

В то же время азы демократической теории говорят о том, что нельзя допускать сосредоточение власти в стране в руках одного человека. Многие политические инструменты направлены на это, в том числе система разделения властей и ограничение срока правления. Но традиционное представление народа о власти противоречит азам демократии.

Этот вопрос прозвучал для воронежцев трижды: в 2001, 2008 и 2018 гг. Изменения, произошедшие в восприятии власти за этот период, отображены на рис. 1.

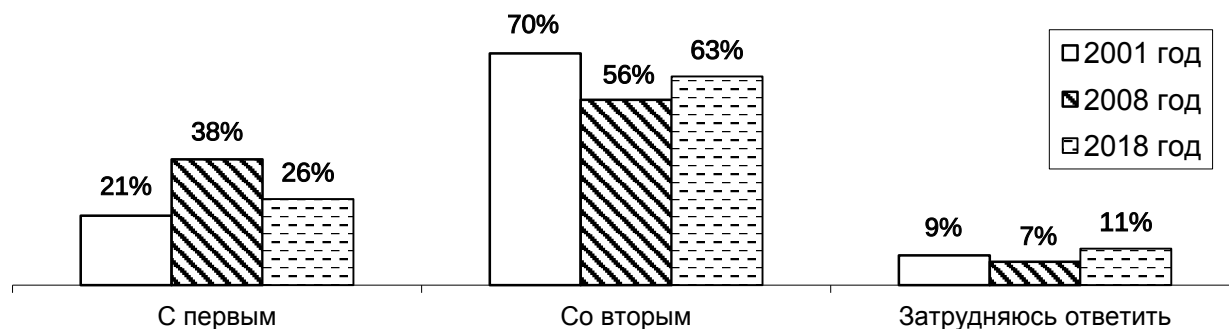

Рис. 1. С каким из двух противоположных суждений Вы согласны: «Нельзя допускать, чтобы власть в России была отдана в руки одного человека» или «В стране должен быть хозяин – нашему народу нужна «сильная рука»?»

В 2018 г. мы прокомментировали обнаруженные в результате опросов тенденции так: «В 2001 году, в начале «правления» В. Путина, после демократического эксперимента Б. Ельцина тоска народа по сильной и авторитетной власти была особенно велика – тогда 70% опрошенных желали видеть истинного «хозяина» во главе государства. В 2008 году жажда народа по сильной власти была в некоторой степени удовлетворена, персонифицировавшись в лице В. Путина. В результате число желающих «сильной руки» снизилось до 56%. Но привычка к стабильности и страх её лишиться поднимают вновь количество сторонников единовластия до 63% в 2018 году» [15. С. 3]. Несомненно, успех В. Путина объясняется тем, что он смог оправдать ожидания людей и в некоторой степени утолить жажду народа по сильной власти.

Следует отметить, что Воронеж в данном случае не является исключением, перевес суждений в пользу единовластия имеет общероссийский масштаб. По результатам опросов ФОМ, около 50% россиян выступают за передачу власти в руки одного человека, против этого – только 38% опрошенных [16. С. 35].

Умонастроение народа предопределяет действия власти. Не случайно власть стала концентрироваться в руках президента РФ, «в новой Конституции закрепился принцип президентской республики, а президент был наделен огромными правами, сравнимыми разве что с властью самодержца» [17. С. 121]. Исследователи утверждают, что форма нынешнего государственного устройства в России по формальным показателям напоминает конституционную монархию. Российский историк В. Старцев провел сравнительный анализ. Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и Конституции 1993 г. и пришел к выводу, что полномочия «конституционного» монарха и президента различаются лишь по трем позициям: в

отличие от монарха, президент РФ не имеет права передавать свой пост по наследству, чеканить собственное изображение на монетах и монопольно распоряжаться «имуществом двора» [18. С. 61].

Единовластие вписано в мировоззренческие схемы жителей нашей страны, и в качестве характеристики образа власти задает нормативные параметры, которые служат причиной трансформации властных структур в соответствии с ожиданиями населения. Традиционный образ власти, присущий народным представлениям, ломает, трансформирует наложенный на него трафарет современной модели. Базовые аспекты исконной российской модели образа власти возрождаются как птица Феникс из пепла. Кстати, книга одного из современных российских исследователей системы власти доктора философских наук Владимира Дмитриевича Попова так и называется: «Полет птицы Феникс...» [19]. Птицей Феникс В.Д. Попов называет характер российской власти, который вновь и вновь возрождается, несмотря на реформы, революции, войны и другие общественные катаклизмы.

Единовластие как базовый аспект образа власти предполагает наличие другого аспекта – централизации власти.

Централизация. Централизация власти как базовый аспект образа власти подразумевает систему, управление которой осуществляется из единого центра, персонифицированного, как правило, с именем главы государства.

Современная модель, не возмогшая перебороть традиционную российскую модель образа власти, начала трансформироваться в нечто иное, адаптированное к российским реалиям. Многие российские аналитики и публичные политики утверждают, что в России установился режим управляемой демократии

(её же называли «суверенной» – впервые применил этот термин В. Сурков). Вектор власти, направленный «сверху вниз», логически соответствует идее централизации власти, которую не смогли пока ещё «выверить» из умов российских граждан ветры перемен. Идея централизация власти «крепко сидит» в головах россиян, даже если не осознаётся ими и не декларируется, поскольку она является одной из основополагающих структурных характеристик, формирующих образ власти.

Современной образ власти, заключенный в демократической идее, имманентно предполагает децентрализацию власти. Один из основополагающих принципов демократии – принцип разделения властей – непосредственно направлен против централизации власти.

В то же время «Централизация власти идет, и пока не понятно, кто и что может её остановить» [20. С. 109]. Такой вывод делает доктор социологических наук А.Е. Чирикова по результатам проведенного исследования, посвященного изучению мнения как представителей российской элиты, так и рядовых граждан страны. «Проведенный анализ, – пишет она, – позволяет говорить о том, что формы существования федерализма, если исходить из оценок региональных элит и экспертов, определяются, по их представлениям, не только и не столько действиями Центра, сколько поведением населения...» [20. С. 110]. Иными словами, централизация власти есть ответ власти на экспектации населения. Таким образом, централизация есть не столько воля центра, сколько воля населения России. Российские исследователи сегодня обращают внимание на то обстоятельство, что сложившаяся в РФ социальная среда по-прежнему благоприятствует воспроизводству (в общенациональном и региональном масштабах) центростремительных, и даже авторитарных тенденций [21. С. 105].

Иерархическая централизованная модель управления на Руси сложилась исторически в силу своей эффективности и социальной востребованности. В ходе эволюции представительства княжеской власти на русских территориях, постепенно объединившихся в рамках единого государства, в XII–XIV вв. была сформирована иерархически выстроенная моноцентричная управленческая модель. Эта модель, по мнению исследователей, позволяла сохранять от разрушения на протяжении многих веков обширную страну [22. С. 5]. Причины распада ССР А.Ю. Федоров усматривает в *разрушении традиционной для России модели взаимодействия между центральным и региональным руководством* [Там же. С. 15]. Централизация вписана в *традиционную модель* образа российской власти в качестве структурной характеристики. Децентрализация – принадлежность *современной модели* власти западного типа.

На Западе доминирует представление, что децентрализация ведет к повышению эффективности государственного управления. Так ли это на самом деле? Реальная ситуация противоречит прогнозам научной теории. По мнению российских политологов, децентрализация не создала предпосылок для повышения эффективности общественного сектора. Если уровни власти начина-

ют конкурировать между собой за экономические ресурсы, властные полномочия и популярность в глазах избирателей, результатом децентрализации может стать только снижение эффективности общественного сектора. «В этом случае мы фактически получаем игру с нулевой или даже отрицательной суммой, где единственный источник выигрыша – проигрыш конкурента» [23. С. 96]. Сходная картина, пишет В.Д. Нечаев, наблюдалась во многих странах третьего мира, вступивших на путь модернизации. Попытки инсталляции скоренных по западным образцам моделей местного самоуправления, как правило, приводили здесь к падению эффективности управления, конфликтам новых институтов местной власти с традиционными (вождями, старейшинами и т.д.) и распространению коррупции [22. С. 95].

В новейшей российской истории тоже можно найти немало примеров такого рода. Весьма показательна в этом плане развернувшаяся в 1990-е гг. борьба между губернаторами и мэрами столичных городов и областных центров, в ходе которой областное руководство, стремясь продемонстрировать неэффективность мэра в решении хозяйственных вопросов и тем самым добиться его провала на выборах, не гнушалось и такой мерой, как целенаправленное ограничение бюджета региональной столицы. Вместе с тем, напоминает В.Д. Нечаев, полезно вспомнить, что муниципальная реформа второй половины XIX в. привела к аналогичным последствиям. «Как показывает в своем блестящем очерке “Земские учреждения и самоуправление” В. Безобразов, выведение земских учреждений за пределы системы государственной власти и тогда обернулось падением эффективности публичного управления, что проявилось в слабой координации усилий государственной бюрократии и земств, в их взаимном недоверии и конкуренции, повлекшей за собой увеличение налогового бремени (цит. по: [23. С. 96]). Следует вывод, что причины возникновения игр с нулевой суммой в отношениях между автономными уровнями власти носят не личностный, а системный, институциональный политико-экономический характер.

«Властечетричность», как считает Ю.С. Пивоваров, является ключевой характеристикой российской политической культуры. «Властечетричность» предполагает выстраивание «вертикали власти». Процесс централизации власти начался ещё при первом Президенте РФ. «Централизация власти в руках президента, – замечает И.К. Пантин, – меньше всего была выражением амбиций Ельцина и его окружения, хотя амбиций у них было достаточно... Не ошибки и не злая воля правителей толкали к централизации власти» [17. С. 121]. Общая тенденция социальных настроений латентно, но неизбежно преобразовывала властные конструкты. Отмена прямых выборов губернаторов в 2004 г. была предопределена совокупностью социальных, политических и экономических причин, а также такой характеристикой образа власти в России, как *централизация*.

Вообще, в современном пространстве постмодерна нет центра в привычном понимании. Мишель Фуко, пытаясь осмыслить систему отношений власти в кон-

цептимальном ключе, приходит к выводу, что в современном обществе власть более не имеет единого центра, будучи разлитой по всему целому. По словам немецкого социолога Лумана, современники живут в обществе без вершины и без центра, в котором в результате функциональной дифференциации и центробежных социальных процессов сегодня больше невозможно помыслить единства внутри общества.

Но у современного человека остается мощная психологическая потребность в центре и пространственно-социальной иерархии. Живучесть этой концепции, по мнению философов, связана с глубоко укорененной психологической потребностью – со своего рода «инстинктом центра» и инстинктом сакрального. Механизм центрирования человека предстает как возможность спасения его от повседневного отчуждения и одиночества. «В традиционных цивилизациях центр открывал дорогу на небо, будучи вертикалью восхождения. В современной цивилизации небо удалилось от нас настолько далеко, что понимание самой концепции центра мира требует от современного человека значительного усилия. Ведь там, где полицентризм, нет больше круговращения по единым орбитам и нет ощущения сакральности. Современная культура – это не культура вокруг, а культура около...» [24. С. 57]. Постмодернистское пространство подчеркнуто ацентрично и неиерархизированно. Тем не менее слухи о «смерти центра», как говорится, сильно преувеличены.

По итогам результатов исследований А.Е. Чирикова делает вывод, что в дальнейшем централизация будет усиливаться, «потому что сторонников этой идеи немало как среди элит, так и среди населения» [20. С. 107]. Процесс централизации, по её мнению, «открывает возможности для административного контроля, заменяя политические каналы коммуникации на иерархические» [Там же. С. 109]. Иерархичность является следствием процесса централизации.

Иерархичность. Иерархия власти есть «система последовательного подчинения структурных подразделений социальной власти от нижестоящего к вышестоящему» [25. С. 131].

Чрезвычайно любопытны в этом плане некоторые исторические документы. В частности, примечательна беседа, которая состоялась 12 декабря 1927 г. между митрополитом Сергием и делегацией к нему из четырех представителей епархии: епископа Гдовского Дмитрия (Любимого), профессора-протоиерея Василия Верюжского, протоиерея Викторина Добронравова и мирянина Алексеева, представляющего верующий народ. Делегаты принесли митрополиту письмо, в котором в числе прочих просьб и предложений содержалось настояние: «Отменить распоряжение... о возношении молитв за гражданскую власть».

Делегаты обосновали это требование следующим образом:

«– С религиозной точки зрения, наши правители – не власть.

– Как так, не власть? – изумился митрополит Сергей.

– Властью называется иерархия: когда не только мне кто-то подчинен, а я сам подчиняюсь выше меня

стоящему, и так далее, и всё это восходит к Богу, как источнику всякой власти.

– Ну, это тонкая философия, – с иронией заметил митрополит Сергей.

– Чистые сердцем это просто чувствуют. Если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, так как вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению» [26. С. 150]. Отказ представителей православного народа называть советскую власть «властью», потому что она не являла собой «иерархию», весьма симптоматичен. Здесь отражена и сама идеологическая подоплека об «источнике всякой власти». Но, несмотря на то, что идеологическая подоплека в сознании русского народа стала размываться, принципы иерархичности во властных структурах выдержали испытание временем как имманентные народному представлению о власти в России.

Коммунистическая идеология, отвергая священство как класс, не смогла, однако, отказаться от идеи иерархии во властных отношениях. Более того, всячески пестовала эту идею как нечто непреложное и сакральное. На жесткую иерархию внутри коммунистической правящей партии обращали внимание отдельные исследователи. В частности, Арчи Браун – почетный профессор политологии Оксфордского университета – пишет: «Идеологии придавалось такое значение (особенно как оправданию жестко иерархической внутренней структуры коммунистической партии и её монополии на власть), что любые изменения в теории влекли за собой глубокие политические последствия» [27. С. 72]. Российский профессор Б.И. Кашников отмечает, что иерархическое общество обычно призвано для служения великой идеи [28. С. 29]. Тысячелетняя идея «святой Руси» требовала иерархической структуры земной власти, в соответствие с властью небесной. Великая идея построения коммунизма, т.е. «царства Божьего на земле», также воспроизвела иерархическую структуру власти. Несмотря на то, что место Бога в СССР стало «вакантным», представления о власти среди населения остались прежними, что способствовало возрождению традиционного иерархического принципа во властных структурах. Советское общество, на взгляд Б.И. Кашникова, следует понимать как иерархическое общество, вариацию на тему извращенного идеала Святой Руси. Более того, и «современное российское общество, – заключают философы, – является по-прежнему обществом иерархическим» [Там же. С. 40–41].

Хотя нынешнее постсоветское общество, несмотря на неоднократные потуги, так и не смогло породить какой-либо «великой идеи», во власти вновь воспроизводится традиционная иерархическая структура. Почему? Потому что именно такая структура присутствует в образе власти россиян, структура «пережила» свою идеологическую подоплеку. *Иерархичность* является структурной характеристикой *исконной российской модели* образа власти.

Иерархичность как структурная характеристика *традиционной* российской модели образа власти противоречит *современной* демократической модели, которая направлена на разрушение всякой иерархии.

Само переизбрание президента РФ через установленный законом срок символизирует то, что любой представитель нации может стать президентом, если его выберет народ. Следовательно, хотя иерархия и существует, но исключительно как условность. Частая смена президента «помогает» разрушать вновь и вновь иерархическую лестницу, едва она начинает формироваться.

Демократическая концепция поставила «на одну ступень» должности президента страны и губернатора, «уравнивая» их путем всенародных выборов. Поскольку губернаторов в России до определенного времени избирал народ, то они тоже находились на одной и той же ступени иерархической лестницы, что и президент. Отсутствие иерархической лестницы, как правило, исключает режим подчинения. Поэтому у Владимира Путина появилось основание провести реформу, направленную на укрепление «вертикали власти», для повышения эффективности управления страной.

Принцип разделения властей на *исполнительную, законодательную и судебную* в демократической схеме не предполагает никакой иерархии между ними. Все три ветви власти находятся, если так можно выразиться, на одном уровне, никакая из них не является «выше» или «ниже» другой, они обладают равной степенью власти, хотя и в разных сферах.

Однако результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что в представлениях россиян вовсе не наблюдается равновесия между этими тремя ветвями власти, а «реальный вес для населения имеет лишь та власть, которая связана с исполнительной ветвью» [29. С. 40].

Социологи отмечают, что выстраивание иерархических отношений на уровне федеральный центр – регионы способствует угасанию конфликтов: «Проведенное исследование сопоставления оценок элит в 2004 и 2006 гг. ясно показало, что отношения между Центром и регионами со временем теряют свою остроту, превращаясь в отношения иерархического соподчинения» [20. С. 111].

Согласно результатам региональных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас», население выстраивает иерархическую лестницу от президента к губернатору и далее – к мэру, полагая, что в отношениях между этими звеньями имеет место строгий режим подчинения. Более того, в единую властную иерархию включается и законода-

тельная власть. *Властная структура не мыслится российскими гражданами вне иерархии.*

Российская власть воспроизводит иерархическую структуру, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей, не потому, что представители власти имеют авторитарные амбиции, а потому, что иерархические схемы лежат в основе исконного образа власти, а профессиональный политик обязан воплотить эти схемы, иначе он потеряет доверие народа. Именно поэтому российская демократия приобретает черты «управляемости», иерархичности.

Вывод. В процессе социального взаимодействия на этапе социализации у личности формируется образ власти, который соответствует ценностно-нормативным установкам, свойственным определенной культуре. «Зерно культурной идеи» [30. С. 357] (термин Флоренского) прорастает, имея свою логику развития, и будучи «всеопределяющим культурным началом» [31. С. 256] (термин Киреевского) задает для данной культуры параметры образа власти. Динамика внутренней логики развития идеи культуры служит чем-то вроде «мотора» [32. С. 8] (термин Ионина), работа которого воспроизводит определенный образ власти из поколения в поколение и отражает его в повседневных практиках социальных взаимодействий.

Сформировавшаяся в иных социокультурных условиях *традиционная модель* образа власти в России противоречит *современной модели* в базовых аспектах образа власти (идея служения, вектор власти, пирамида власти, персонификация, единовластие, централизация, иерархичность и проч.). На невидимом фронте политической культуры идет как бы борьба между двумя моделями – традиционной и современной – образа власти. Исходом этой борьбы является воспроизводство характеристик образа власти, принадлежащих традиционной российской модели. Современные политологи свидетельствуют об этом: «Сложный процесс ценностных трансформаций в России привел к дифференциации ценностных ориентаций. Однако по прошествии 25 лет можно проследить некий фундаментальный вектор: органичные для политической и духовной жизни России глубинные ценностные основания воспроизводятся даже когда она проходит через резкие сломы, деформации, и интериоризацию ценностей модернизации [33. С. 181]. Традиционный образ власти является тем катализатором, который позволяет птице Феникс продолжить свой полет над Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе / Н.А. Романович. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2009. 400 с.
2. Палитай И.С. Трансформация образов власти и политических лидеров Великобритании под влиянием Brexit (на материалах европейских и американских СМИ за 2014–2017 гг.) // ПОЛИС. 2018. № 2. С. 150–162.
3. Плиханков (сх. Варсонофий). Келейные записки. М., 1991.
4. Ильин М.В. Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен? // ПОЛИС. 2003. № 2. С. 157–163.
5. Россман В.И. Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 38–50.
6. Власть в России: по конституции и по жизни. ВЦИОМ. 2014. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=650> (дата обращения: 26.10.2018).
7. Булгаков С. Свет Невечерний. Созерцание и умозрение. М., 1917.
8. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. 368 с.
9. Бердяев Н.А. Философия неравенства / сост., предисл. и примеч. Л.В. Полякова. М. : ИМА-пресс, 1990.
10. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // ПОЛИС. 2006. № 1. С. 12–32.
11. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // ПОЛИС. 2006. № 5. С. 106–128.

12. Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Общенациональный научно-политический журнал Власть. 2006. № 3. С. 20–24.
13. Петухов В.В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации // ПОЛИС. 2016. № 5. С. 8–24.
14. Фатенков А.Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 165.
15. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу / под ред. Н.А. Романович. № 2018-01. Воронеж : Институт общественного мнения «Квалитас», 2018. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/January> (дата обращения: 12.10.2018).
16. Кертман Г.Л. Московские аномалии: экскурсия по Георейтингу // ПОЛИС. 2006. № 6. С. 24–36.
17. Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // ПОЛИС. 2007. № 4. С. 113–135.
18. Россия в условиях трансформаций. Историко-методологический семинар. М., 2002. Вып. 20.
19. Попов В.Д. Полет птицы Феникс (историко-коммуникативный анализ системы власти). М., 2007. 252 с.
20. Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // ПОЛИС. 2008. № 6. С. 98–112.
21. Миролюбов М.Г. Человеческое измерение федерализма. Федералистские теории и тенденции развития федеративных отношений в России // Политические исследования. 2003. № 3. С. 98–108.
22. Федоров А.Ю. Институт представительства центра в регионах: от древней Руси до распада СССР // Власть. 2006. № 9. С. 3–15.
23. Нечаев В.Д. Децентрализация, демократизация и эффективность // ПОЛИС. 2005. № 3. С. 92–101.
24. Россман В.И. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 42–57.
25. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М. : Транзиткнига, 2004.
26. Цыпин Владислав прот. Русская церковь 1925–1938. Издание Сретенского монастыря, 1999. 230 с.
27. Арчи Браун. Горбачев, Ленин и разрыв с ленинизмом // ПОЛИС. 2007. № 6. С. 71–86.
28. Кашников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 29–42.
29. Шестопал Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // ПОЛИС. 2005. № 3. С. 137–151.
30. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия / Флоренский П.А. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2.
31. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979.
32. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М. : Логос, 2000.
33. Мчелова М.М. Судьба человека и судьба общества: 25 лет в пути // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 175–182.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 26 марта 2019 г.

The Image of Power in Russia and Its Basic Characteristics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 110–119.

DOI: 10.17223/15617793/444/13

Nelly A. Romanovich, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Voronezh Branch (Voronezh, Russian Federation); Public Opinion Institute “Qualitas” (Voronezh, Russian Federation). E-mail: nelly@qualitas.ru

Keywords: image of power; traditional model; modern model; source of power; personification; autocracy; centralization.

The problem raised in the article lies in the contradiction between the idea of political power reforms in Russia, which are reflected in the Constitution of the Russian Federation, and the actual process of their implementation, which was not realized according to the plan. The democratic ideology borrowed from Western political culture faced unforeseen difficulties of a sociocultural nature. The power structures began to reproduce features common for the Russian tradition, but not peculiar to the democratic idea. The author aims to identify the reasons for the reproduction of traditional Russian schemes and principles of power relations contrary to the original plans of the reformers. The author analyzes the image of power peculiar to the Russian political culture and identifies its basic characteristics: personification, centralization, hierarchy, autocracy and others. It is proved that each political culture has its own image of power which was formed as a result of a long historical process. The theoretical and methodological basis of the research is a set of different approaches: sociocultural, structural and functional, comparative-historical. The sociocultural approach determined the specificity of the theoretical concept of the developing mechanism of attitude to power formation and the essence of the main categories used in it. The structural and functional approach was used to determine the structure-forming elements of the power image; it contributed to their operationalization in the research theoretical concept and empirical verification of the original sociological concepts. The comparative-historical method allowed to substantiate the historical conditionality of the basic characteristics in the mechanism of attitude to power formation and to compare the models of the power image in different cultures. The author analyzes the public opinion obtained from sociological surveys of both national and local character, compares the basic features of the power image characteristic of the Russian and Western political tradition and concludes that they are opposite to each other since they are based on different historically conditioned, cultural, religious, national and ethnic traditions reflected in values and norms. The author proves that attempts to introduce the power image formed in a different cultural tradition into a destroyed society switch on the mechanism of social regeneration that restores aspects of destroyed social relations. The author comes to the conclusion that the political reforms carried out without taking into account the historically formed attitude to power of most of the country's population will not provide a democratic way of Russian society development. The article proves that the dominance of a basic model's particular type of power image (traditional or modern) in the mass consciousness predetermines the vector of sociopolitical changes.

REFERENCES

1. Romanovich, N.A. (2009) *Formirovanie i vosproizvodstvo obraza vlasti v rossiyskom obshchestve* [Formation and reproduction of the image of power in Russian society]. Voronezh: Voronezh State University.
2. Palitay, I.S. (2018) Transformation of Images of Power and Political Leaders of Great Britain Under the Influence of Brexit (on Materials of European and American Media, 2014–2017). *Polis – Political Studies*. 2. pp. 150–162. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2018.02.11
3. Plikhankov (Schema-Archimandrite Varsonofiy). (1991) *Keleynye zapiski* [Cell Notes]. Moscow: [s.n.].
4. Il'in, M.V. (2003) Rossiyskiy vybor: sdelan, otsrochen, otmenen? [Russian choice: made, delayed, canceled?]. *Polis – Political Studies*. 2. pp. 157–163.

5. Rossman, V.I. (2005) Platon kak zerkalo russkoy idei [Plato as a mirror of the Russian idea]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 4. pp. 38–50.
6. VTsIOM. (2014) *Vlast' v Rossii: po konstitutsii i po zhizni* [Power in Russia: in the constitution and in life]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=650>. (Accessed: 26.10.2018).
7. Bulgakov, S. (1917) *Svet Nevecherniy. Sozertsanie i umozrenie* [Unfading Light: Contemplations and Speculations]. Moscow: Put'.
8. Il'in, I.A. (1993) *O gryadushchey Rossii: Izbrannye stat'i* [On the future Russia: Selected articles]. Moscow: Voenizdat.
9. Berdyaev, N.A. (1990) *Filosofiya neravenstva* [The philosophy of inequality]. Moscow: IMA-press.
10. Pivovarov, Yu.S. (2006) Russian Power and Public Policy (A Historian's Notes about the Reasons of Unsuccess of the Democratic Transit). *Polis – Political Studies*. 1. pp. 12–32. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.01.02
11. Malinova, O.Yu. (2006) "Political Culture" in Russian Scientific and Public Discourse. *Polis – Political Studies*. 5. pp. 106–128. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.05.08
12. Solov'ev, A.I. (2006) The Russian parliament: The dynamics in modern political history and development prospects. *Vlast'*. 3. pp. 20–24.
13. Petukhov, V.V. (2016) The Crisis Reality and Prospects of Political Transformation of the Russian Society. *Polis – Political Studies*. 5. pp. 8–24. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02
14. Fatenkov, A.N. (2005) Who Should Rule: People or Laws? Masses or Personalities? (Apologia of Existential Autocracy). *Polis – Political Studies*. 2. pp. 158–171. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2005.02.15
15. Romanovich, N.A. (ed.) (2018) *Ezhemesyachnyy Byulleten' sotsiologicheskikh soobshcheniy po gorodu Voronezhu* [Monthly Bulletin of sociological reports on Voronezh]. Is. 2018-01. Voronezh: Institut obshchestvennogo mneniya "Kvalitas". [Online] Available from: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/January>. (Accessed: 12.10.2018).
16. Kertman, G.L. (2006) Moscow Anomalies: an Excursion through the "Georating". *Polis – Political Studies*. 6. pp. 24–36. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2006.06.03
17. Pantin, I.K. (2007) The Choice Facing Russia: Character of Changes and Dilemmas of the Future. *Polis – Political Studies*. 4. pp. 113–135. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2007.04.08
18. Sulakshin, S.S. (ed.) (2002) *Rossiia v usloviyakh transformatsiy. Istoriko-metodologicheskii seminar* [Russia in the conditions of transformations. A historical and methodological seminar]. Is. 20. Moscow: FRPTs.
19. Popov, V.D. (2007) *Polet ptitsy Feniks (istoriko-kommunikativnyy analiz sistemy vlasti)* [The flight of the phoenix bird (A historical-communicative analysis of the power system)]. Moscow: Reklayn.
20. Chirikova, A.E. (2008) The Power Vertical in the Estimation of Regional Elites: Dynamics of Changes. *Polis – Political Studies*. 6. pp. 98–112. (In Russian).
21. Mironyuk, M.G. (2003) Chelovecheskoe izmerenie federalizma. Federalistskie teorii i tendentsii razvitiya federativnykh otnosheniy v Rossii [The human dimension of federalism. Federalist theories and trends in the development of federal relations in Russia]. *Polis – Political Studies*. 3. pp. 98–108.
22. Fedorov, A.Yu. (2006) Institut predstavitel'stva tsentra v regionakh: ot drevney Rusi do raspada SSSR [Representation of the center in the regions: from ancient Russia to the collapse of the USSR]. *Vlast'*. 9. pp. 3–15.
23. Nechaev, V.D. (2005) Decentralization, Democratization, and Efficiency (Reform of Federative Relations and of Local Self-Government in the Light of the Theory of Efficient Decentralization). *Polis – Political Studies*. 3. pp. 92–101. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2005.03.08
24. Rossman, V.I. (2008) Misteriya tsentra: Identichnost' i organizatsiya sotsial'nogo prostranstva v sovremennykh i traditsionnykh obshchestvakh [Mystery of the center: The identity and organization of social space in modern and traditional societies]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 42–57.
25. Kravchenko, S.A. (2004) *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliyskiy slovar'* [Sociological Encyclopedic Russian-English Dictionary]. Moscow: Tranzitkniga.
26. Tsypin, V. (1999) *Russkaya tserkov' 1925–1938* [Russian church in 1925–38]. Moscow: Izdanie Sretenskogo monastyrja.
27. Brown, A. (2007) Gorbachev, Lenin, and the Break with Leninism in Russia. Translated from English. *Polis – Political Studies*. 6. pp. 71–86. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2007.06.08
28. Kashnikov, B.N. (2004) Istoricheskiy diskurs rossiyskoy spravedlivosti [Historical discourse of Russian justice]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 2. pp. 29–42.
29. Shestopal, E.B. (2005) New Tendencies of the Perception of the Power in Russia. *Polis – Political Studies*. 3. pp. 137–151. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2005.03.12
30. Florenskiy, P.A. (1994) Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya [The Trinity Lavra of St. Sergius and Russia]. In: *Sochineniya: v 4 t.* [Works: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
31. Kireevskiy, I.V. (1979) O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [On the nature of the enlightenment of Europe and its attitude to the enlightenment of Russia]. In: Ovsyannikov, M.F. et al. (eds) *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow: Iskusstvo.
32. Ionin, L.G. (2000) *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of culture: the way to the new millennium]. Moscow: Logos.
33. Mchedlova, M.M. (2016) Destiny of Man and Fate of Society: 25 Years in Transit. *Polis – Political Studies*. 5. pp. 175–182. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.15

Received: 26 March 2019

ИСТОРИЯ

УДК 930

Ц.П. Ванчикова, И.Г. Аюшиева

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ БУДДИЙСКИХ МОНАШЕСКИХ ОБЩИН СРЕДИ МОНГОЛООЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Рассматривается история формирования буддийских монашеских общин – сангх в контексте истории распространения буддизма среди монголов, ойратов и бурят. Целью статьи является попытка восполнить некоторые лакуны по ранней истории формирования буддийских общин на рубеже XVI–XVIII вв. Для решения поставленной цели были выявлены и изучены монголоязычные исторические летописи, монастырские уставы, сделаны выборки материалов по теме, выявлена их научная ценность для историографии буддизма в Монголии.

Ключевые слова: буддийские монастыри; буддийская община; монашество; ламы; история буддизма в Тибете; Монголия; Бурятия; монголоязычные народы.

Изучение истории бурят или монголов не будет достаточно полным без учета влияния монашества на общество в целом. В связи с этим актуальным становится вопрос о появлении первых монахов и истории становления буддийской сангхи в бурятских и монгольских монастырях, который не был еще предметом исследований. Для того чтобы понять и оценить, какую роль играли в обществе буддийские монастыри в историческом континууме, следует, прежде всего, проанализировать методы и способы, которыми формировались буддийские общины монастырей.

Как известно, первая община – сангха¹ была создана Буддой из своих учеников, которая стала образцом для всех последующих буддийских общин. По мере увеличения числа монахов и количества монашеских общин появилась необходимость в выработке единых обязательных для всех монахов и для монашеских общин правил, которые регламентировали как распорядок внутренней жизни в монастырях, монастырской жизни в целом, так и устанавливали основные правила для принятия послушников в общину. Они были канонизированы в Винае-питаке, составляющей один из разделов буддийского канона Трипитаки. На протяжении веков канонические сочинения Винаи оставались и остаются в неизменности, также как и основные заповеди буддизма. Что касается правил и статей уставов, то они менялись в соответствии с историческими реалиями и политическими обстоятельствами, требованиями времени, места, того или иного монастыря и страны. Со временем каждый монастырь и община стали руководствоваться и своими внутренними правилами (уставами), складывавшимися по мере становления и функционирования монастыря и его сангхи, и закрепленными в качестве общих правил, регламентировавших деятельность монастыря и его монахов.

Во времена правления индийских царей Ашоки (III в. до н.э.) и Канишки (I–II вв. н.э.) началась усиленная миссионерская деятельность по распространению буддийского учения в Китае, Средней Азии и Тибете. Первыми миссионерами были индийские монахи, затем, по мере усиления и расширения их дея-

тельности на местах, стали появляться буддийские монахи и из местного населения.

В Тибете первое знакомство с буддизмом произошло еще в конце IV в., а в Центральном Тибете буддизм начал распространяться с середины VII в., когда тибетский царь Сронгцзан Гампо (627–649) женился на непальской и китайской принцессах, которые обратили его в буддизм [1. Р. 103]. По их совету он послал своих сановников в Индию и Непал за буддийскими книгами и учителями. Первые буддийские монахи-пандиты приходили в Тибет из Индии. Например, Шантаракшита, Падмасабхава стали первыми буддийскими миссионерами при царе, они переводили буддийские сочинения, возводили монастыри и создавали первые буддийские общины в них, принимая в ученики сыновей тибетской знати. По мере строительства монастырей число тибетских лам в монастырях быстро увеличивалось за счет пополнения тибетскими послушниками, которые по мере обучения и освоения религиозной практики принимали обеты и стали активно способствовать широкому распространению буддийского учения среди населения [2. Р. 106].

В период юаньской империи, когда Тибет был завоеван Хубилай-ханом, произошло знакомство монголов с буддизмом. При нем буддизм был объявлен государственной религией, но получил он распространение только среди монгольской знати. При Хубилай-хане прибыли первые тибетские монахи – иерархи школы Сакья – Сакья-пандита и его племянник Пагба-лама со своими учениками. При покровительстве Хубилай-хана было начато строительство буддийских монастырей в Монголии.

Как конкретно проходил процесс формирования буддийского монашества, не известно. Сохранились лишь отдельные сведения в биографиях монгольских лам и в некоторых монгольских исторических сочинениях. Так, в биографии Нейджи-тойна (1557–1653), активного проповедника буддизма среди монгольских племен, говорится: «В то время, когда только что создавалось государство маньчжуров, многие ваны и нойоны каждого хошуна пожелали подарить ламе [Нейджи-тойну] мальчиков, захваченных в плен в Китае и Корее. Когда их привезли

ламе, лама сказал: “Узким головам многочисленных китайских и корейских мальчиков подойдут желтые шапки приверженцев [учения] нашего Цзонхавы. Подарок довольно хорош”. Обрезал косы этим мальчикам, прибывшим из разных стран, дал каждому, согласно его желанию, восемь обетов спасения, обеты и посты гелона, гецула и банди и одел в монашеские одежды. Благодаря этому буддийская религия... стала расцветать, как полнолуние» [3. С. 77]. Таким образом, в Монголии одним из путей формирования монашества и пополнения монастырей послушниками было пополнение их за счет пленных и зависимых молодых людей. Аналогичный пример приводится и в биографии Зая-пандиты Намхай-Джамцо, которому за освящение ступы Кундулунг-убаши «отдал [Зая-пандите] насовсем десять мальчиков, которые были [предварительно] посвящены в банди, а сверх того преподнес ему 5 тысяч голов скота и много других вещей» [4. С. 45].

Эти примеры из биографий свидетельствуют о том, что помимо традиции дарения крупным священнослужителям монастырей, земель, скота, драгоценностей, сложившейся за историю существования буддизма, существовал механизм дарения людей. Так, Ундур-гэгэну Занабазару (1635–1723) при возведении в 1639 г. на престол главного монастыря тушэтухановского аймака, находившегося тогда в местности Ширэту Цаган-нур, князья преподнесли ему в дар по несколько семей из своих подданных в качестве шаби, т.е. учеников. Этим было положено начало образованию в Халха Монголии института шабинаров, преобразованного позднее в шабинское ведомство.

Еще одним важным фактором формирования монашеских общин были тибетские ламы, как в Монголии, так и в Бурятии. Как сообщают монгольские летописи, Ундур-гэгэн Занабазар в 1649 г. отправился на обучение в Тибет к V Далай-ламе, который присвоил ему титул Джебдзундамба-хутухта и объявил его перерожденцем Таранаты (1575–1634), известного тибетского религиозного деятеля и ученого. В 1651 г. Занабазар вместе с большой группой тибетских лам и 50 тибетских хуварак, по некоторым источникам, их число доходило до 600 человек, вернулся в Халху: «В сопровождении учителей, шандзодбы, гэбкюя, сойбона, мастеровых и 50 тибетских хуварак в год беловатого зайца [1651 г.] вернулся в Халху, построил множество монастырей, в которых стали почитать изготовленные им изображения...» [5. С. 202].

Формированию монашеских общин и распространению буддизма среди монгольских племен, в частности, ойратских, способствовали влиятельные князья: «Весьма благодетельный ойратский доблестный нойон Теменес-Мерген-Темене приглашением Цаган-Номнин-хана [Майдари-хутухта] открыл и указал дербен-ойратам путь странствования в Тибет и усвоению подлинных тибетских номов» [6. С. 28]. Более того, они пожаловали своих сыновей в духовное сословие, что послужило примером и стимулом для подражания населению. Об этом ярко свидетельствует сообщение из биографии из-

вестного калмыцкого буддийского деятеля и просветителя Зая-пандиты Намхай-Джамцо (1599–1662): «...все князья дурбэн-ойратов во главе с... князем Байбагасом Баатуром дали обет посвятить в банди по одному из своих сыновей, тогда [все] другие князья посвятили в банди по одному сыну. [Лишь] князь Байбагас Баатур сказал: “Вместо моего сына пусть станет банди [Зая-пандита]”» [4. С. 40]. Об этом факте более подробно с перечислением имен князей, отдавших своих сыновей в послушники, говорится и в «Сказании о дербен-ойратах» Батур-Убуши Тюменя, и в «Сказании об ойратах» Габан Шараба (дербетский Далай-тайши, торгоутский Хо-Орлек, хошоутский Байбагас, зюнгарский Хара-Хула, хошоутские Кундулен-Убаши и Цукер) [6. С. 29–30, 145–146]. И как пишет Габан Шараб: «И сии первые из владельцев были духовными, и сим посвящением владельческих детей в духовный сан Байбагас оказал большую услугу [религии]» [Там же. С. 146].

Более того, со временем калмыцкое духовенство «ввело не только в обычай, но и выдало за правило святости, чтобы одного из трех сыновей обязательно посвящать в духовное сословие» [7. С. 6]. Данный обычай был также распространен и среди монголов, и среди бурят.

Сведений же о формировании монашеских общин среди бурят сохранилось не так много. Согласно бурятским историческим сочинениям, начальный период истории буддизма в Бурятии связан с деятельностью тибетских и монгольских лам, лам, перекочевавших из Монголии на территорию бурят: «В то время на бурятской земле не было дацанов, было только несколько ученых монахов, пришедших из Тибета, среди них... достопочтенный Ранчжун Ешидорже, а также Данби Жалсан Балсанбо. Благодаря их чрезвычайно сердечному милосердию и появился [там] нектар благой Дхармы» [8. С. 46]. Тугулдур Тобоев сообщает, что учению Будды «наставляли некоторое количество лам, явившихся из Монголии и присоединившихся до размежевания российских и китайских земель и водружения в 1727 году пограничных вех, а также и ламы селенгинских родов» [9. С. 15].

А первым настоятелем первого бурятского монастыря Балдан Брайбун стал тибетец Агван-Пунцог: «...по представлению посланного от великого государя российского доверенного сановника графа Рагузинского и по высочайшему правительственному решению в звании главного ламы селенгинских и хоринских дацанов был утвержден Агван Пунцог, из лам, прибывших из Тибета. Главным над хоринскими ламами был в 1752 г. утвержден... тоже тибетец дархан нансо Лубсан Шираб. В то время хоринских лам стало тридцать три» [10. С. 43; 11. С. 15], после него настоятелем становится Дамба-Даржа Заяев (1711–1776).

Непосредственно широкое распространение буддизма среди бурят было начато бурятскими ламами, которые, вернувшись после обучения в монгольских и тибетских дацанах, стали усердно заниматься проповеднической деятельностью, строительством дацанов по всем бурятским землям. Распространению буддизма среди бурят способствовали и бежавшие от воен-

ных смут тибетские и монгольские ламы [9. С. 15]. А также «некоторое количество лам, явившихся их Монголии и присоединившихся до размежевания российских и китайских земель и водружения в 1727 году пограничных вех, а также и ламы селенгинских родов!» [Там же].

К числу первых бурятских лам относится Дамба-Даржа Заяев, которым был построен первый войлочный дуган и проведено первое богослужение: «Впервые совершил богослужение в войлочной юрте, собрав нескольких странствующих тибетских, монгольских и амдосских хувараков. Этот первый хурал был проведен в год водяной мыши у подножия горы, называемой Узон. Одновременно на хуралы приходили [верующие] из низовий Чикоя. Число хувараков, собравшихся с разных сторон, достигло 150. В 1741 г., год водяной собаки, после обращения к вышестоящим был утвержден так называемый комплект хувараков из 150 человек» [8. С. 41].

О том, как формировалась монашеская община Цугольского дацана, можно судить по сообщению одной из летописей хоринских бурят: «Зайсаны ближайших окрестностей Онона, Цугола и Аги – Хуяк Лубсанов и Тугулдур Тобоев устроили совещание с другими родовыми сайтами и с народом и, когда они попросили главного ламу пандита хамбо-ламу забайкальских буддистов о присылке ламы, который мог бы распространить в этой местности религию Будды, по приказу пандита-хамбо пожаловал шанзодба Кудунского дацана Лубсан Дондоб Дандаров» [11. С. 26].

Как видно из данного сообщения, распространению буддизма среди агинских бурят способствовали как представители родовой знати, так и местное население, которые активно поддерживали все начинания и, следовательно, активно отдавали детей в послушники. Так, например, зайсан Тугулдур Тобоев, известный также как и автор одной из наиболее ранней и авторитетной летописи «Прошлая история хоринских и агинских бурят», отдал своего сына Галсан-Жимбу (1808–?) хувараком в Цугольский дацан. Впоследствии Галсан-Жимбав (1858 г.) был избран настоятелем Агинского дацана и прославился как ученый богослов, лингвист, переводчик с тибетского языка буддийских сочинений, автор ряда работ философского и филологического содержания,

наиболее известными из которых является труд по истории астрономии и тибето-монгольский билингвальный словарь «Светильник, разъясняющий значение правил грамматики». Более того, Тугулдур Тобоев в летописи приводит следующее важное сообщение: «В то время среди агинских бурят вообще не было никаких лам и духовных лиц, кроме одного хуварака из мужчин по имени Чойдор Пунцуков и одной шабагансы из женщин по имени Доржима Албияханова. Все прочие исповедовали шаманизм. После этого пригласили из Тугнуйского дацана Верхнеудинского округа гелуна Жамсо Бахаева и гецула Вандана Зодбоева с товарищами. В 1811 г. собрали по одному юноше от каждого, кто имел много сыновей, сделали их хувараками и впервые начали обучать их науке» [12. С. 23]. Это было написано им про начальный этап создания монашеской сангхи и начало богослужений в Агинском дацане. Можно предположить, что так было и в Цугольском дацане, да и во всех других бурятских дацанах.

Чаще всего монастырские общины формировались вокруг крупных буддийских деятелей, известных своей активной проповеднической деятельностью или прославившихся своей ученостью или своими благотворительными деяниями, как в случае с упомянутыми выше Нейджи-тойном, Зая-пандитой, Ундур-гэгэном и Лубсаном Дандаровым [13. С. 85–101].

Сведения, сообщаемые в ряде бурятских, монгольских и ойратских исторических сочинений, свидетельствуют о наличии сложившейся традиции, согласно которой активное участие в распространении буддизма, строительстве монастырей и наполнении их ламами, увеличении их численности принимали представители родовой знати.

По мере расширения сети монастырей и дацанов, увеличения их роли в жизни общества, ламы и монастыри стали получать определенные привилегии и законодательную поддержку. В правовые сборники бурят и монголов включаются статьи, направленные на поддержку буддизма и лам, тем самым юридически оформляя их статус. Ламы разных степеней и должностей приравнялись светским рангам, освобождались от воинской повинности и налогов. Постепенно буддийская церковь с духовенством превратились в мощный социальный институт, ставший неотъемлемой частью монгольского и бурятского общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Сангха (санскр. *saṅgha*, тиб. *dge 'dun*) – община буддийских монахов, одна из трех буддийских драгоценностей (санскр. Триратна, тиб. гончоксум, монг. *yurbanerdeni*), жизнь которых регламентируется монашескими правилами, изложенными в Винае. В тибетском буддизме добавлялась 4-я драгоценность – лама-учитель. Для создания полноправной сангхи должно быть не менее 4 монахов-лам (*dge-slong*, санскр. бхикшу), принявших все монашеские обеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sarat Chandra Das. Buddhism and written language in Tibet // Encyclopaedia of Tibet. Vol. 4. Religious heritage of Tibet / ed. by S.K. Sharma, Usha Sharma. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD, 1996. 258 p.
2. Waddell A. Rise, development and spread of Lamaism // Encyclopaedia of Tibet. Vol. 4. Religious heritage of Tibet / ed. by S.K. Sharma, Usha Sharma. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD, 1996. 258 p.
3. Пурбуева Ц.П. «Биография Нейджи-тойна» – источник по истории буддизма в Монголии. Новосибирск : Наука, 1984. 112 с.
4. Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со старописьменного монг. Яз. Д.Н. Музраевой, К.В. Орловой, В.П. Санчинова. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1999. 335 с.

5. Галдан. История монголов, именуемая «Эрдэнийнэрихэ». Исследование и комментированный перевод на русский язык П.Б. Балданжапова, Ц.П. Ванчиковой / Введение, подготовка к публикации, редактирование перевода, дополнения к комментариям, перевод глав 45–47 Ц.П. Ванчиковой // Monumenta Historica Institutii Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Tomus IX, Fasc. 1. Улан-Батор ; Улан-Удэ, 2012. 442 с.
6. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста : КНИИЯЛИ, 1969. 203 с.
7. Карагодин А.И. Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста : Изд-во КНИИИФиЭ, 1987. 132 с.
8. История бурятского буддизма. Письменные источники: транслитерация, перевод, комментарий и исследование Ц.П. Ванчиковой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 146 с.
9. Тобоев Тугулдур. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 5–36.
10. Юмсунов Вандан. История происхождения одиннадцати хоринских родов // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. С. 36–102.
11. Бурятские летописи / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Ц.П. Ванчикова. Улан-Удэ, 1995. 197 с.
12. Пүрэвжав С. Монгол дахьшарынхураангуйтүүх. Улаанбаатар, 1978. 288 с.
13. Ванчикова Ц.П. Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 2000. Вып. 4. С. 85–101.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

On the History of Buddhist Monastic Communities Formation Among Mongolian Peoples

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 120–124.

DOI: 10.17223/15617793/444/14

Tsymzhit P. Vanchikova, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Irina G. Ayushieva, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: aig1973@mail.ru

Keywords: Buddhist monasteries; Buddhist community; monks; lamas; history of Buddhism in Tibet; Mongolia; Buryatia; Mongolian peoples.

The aim of this article is to fill the gaps in the history of the spread of Buddhism among the Mongolian peoples. In this connection, a number of objectives were set such as to reveal and analyze historical chronicles, monastic charters, archival documents in the Mongol language; on their basis, to trace the history of the spread of Buddhism and the formation of Buddhist monastic communities in historical retrospective and to determine the specific features of the formation of Buddhist communities in Mongolian monasteries in the 17th–18th cc. The main aim of the study determined the use of complex analysis based on a combination of different methods and approaches. The basic principles of historicism, objectivity and consistency were used in the article. The principle of historicism helped to research the history of the spread of Buddhism and the formation of Buddhist monastic communities against the background of the general historical development of the peoples in question. The principle of objectivity made it possible to reveal a set of historical facts, to consider and analyze the historical experience of the formation of communities among the Tibetans, the Mongols, the Kalmyks and the Buryats. The principle of consistency provided a comprehensive survey of the formation of monasteries and their communities in conjunction with historical processes. All this made it possible to give a general characteristic of the formation of Buddhist monastic communities in Mongolia, Buryatia and Kalmykia at the initial period of the spread of Buddhism. Based on the study of a variety of sources written in the classical Mongolian writing, such as biographies of Buddhist monks, historical records and literary monuments and monastic statutes, several ways of forming Buddhist monastic communities among Mongolian peoples have been identified. It has been established that the formation and replenishment of Buddhist monasticism occurred through: (1) the transfer of prisoners and dependent young people to Buddhist monasteries; (2) the tradition of giving senior priests some subordinate people along with property (this practice was particularly widespread among the Mongols who had a special institution of *shabi* (pupils)); (3) the “import” of lamas and novices from Tibet; (4) the gradually forming mechanism of mandatory transfer of one of the sons of a family to monks (usually the youngest son). In conclusion, it can be said that all these mechanisms in different proportions were the same in all parts of the Mongolian world: in Mongolia, Buryatia, Kalmykia. Despite the fact that the information about the formation of monastic communities among the Buryats is quite scarce, unlike the Mongols and the Oirats, the sources cited in the article show that the mechanisms of recruiting Buddhist clergy in Buryatia did not differ from those of other parts of the Mongolian world.

REFERENCES

1. Sarat Chandra Das. (1996) Buddhism and written language in Tibet. In: Sharma, S.K. & Sharma, U. (eds) *Encyclopaedia of Tibet*. Vol. 4. Religious heritage of Tibet. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD.
2. Waddell, A. (1996) Rise, development and spread of Lamaism. In: Sharma, S.K. & Sharma, U. (eds) *Encyclopaedia of Tibet*. Vol. 4. Religious heritage of Tibet. New Delhi: Anmol Publications PVT LTD.
3. Purbueva, Ts.P. (1984) “*Biografiya Neydzhitoyna*” – *istochnik po istorii buddizma v Mongolii* [“The biography of Neiji Toin”, a source on the history of Buddhism in Mongolia]. Novosibirsk: Nauka.
4. Norbo, Sh. (1999) *Zaya-pandita (Materialy k biografii)* [Zaya Pandita (Materials for the biography)]. Translated from Old Mongolian by D.N. Muzraeva, K.V. Orlova, V.P. Sanchirov. Elista: Kalmyts. kn. izd-vo.
5. Galdan. (2012) *Istoriya mongolov, imenuemaya “Erdeniynerikhe”* [The history of the Mongols, called “Erdeni-yin erike”]. Translated from English by P.B. Baldanzhapov, Ts.P. Vanchikova. Ulaan-baatar; Ulan-Ude: [s.n.].
6. Badmaev, A.V. (ed.) (1969) *Kalmytskie istoriko-literaturnye pamyatniki v russkom perevode* [Kalmyk historical and literary monuments in Russian translation]. Elista: KNIYA LI.
7. Karagodin, A.I. (1987) *Kalmytskoe dukhovenstvo v XVII – pervoy polovine XIX vv.* [Kalmyk clergy in the 17th – first half of the 19th centuries]. In: Zhukovskaya, N.L. et al. (eds) *Voprosy istorii lamaizma v Kalmykii* [Issues of the history of Lamaism in Kalmykia]. Elista: Izd-vo KNIIFiE.
8. Vanchikova, Ts.P. (2006) *Istoriya buryatskogo buddizma. Pis'mennyye istochniki* [History of Buryat Buddhism. Written sources]. Ulan-Ude: Izd-vo BSC SB RAS.
9. Toboev, T. (1995) *Proshlaya istoriya khorinskikh i aginskikh buryat* [The past history of Khorinsky and Agin Buryats]. In: Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences SB RAS.
10. Yumsunov, V. (1995) *Istoriya proiskhozhdeniya odinnadtsati khorinskikh rodov* [The history of the origin of the eleven Khorinsky clans]. In: Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences SB RAS.

11. Chimitdorzhiev, Sh.B. et al. (1995) *Buryatskie letopisi* [Buryat chronicles]. Ulan-Ude: Buryat Institute of Social Sciences SB RAS.
12. Pürevjav, S. (1978) *Mongol dakhsharynkhuraanguitüükh*. Ulaanbaatar. (In Mongolian).
13. Vanchikova, Ts.P. (2000) Tibetskie i mongol'skie istochniki o deyatel'nosti pervykh nastoyateley Tsugol'skogo datsana [Tibetan and Mongolian sources about the activities of the first superiors of the Tsugolsky datsan]. In: *Kul'tura Tsentral'noy Azii: pis'mennye istochniki* [Culture of Central Asia: written sources]. Is. 4. Ulan-Ude: BSC SB RAS. pp. 85–101.

Received: 24 October 2018

А.И. Ермолова

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСТВА СОЦИАЛЬНЫМИ АНТРОПОЛОГАМИ

Рассматриваются методологические особенности исследований детства социальными антропологами. Описывается зарубежный и отечественный опыт современных исследований. Анализируются возможные трудности работы с детьми в зависимости от возраста. Автор приходит к выводам о необходимости рассмотрения ребенка самостоятельным объектом исследования без привязки к дихотомиям «ребенок–взрослый», «мать и дитя» и перспективности использования «дружественных» методов, сочетающих в себе психофизиологические, социальные, культурные и другие важные характеристики при работе с детьми.

Ключевые слова: антропология детства; методология в антропологии; дети; возрастные особенности.

Детство – очень сложная категория для изучения, с одной стороны, это период жизни человека, часть культуры любого народа – с другой. Изучение детства носит междисциплинарный характер: педагогика, социология, антропология – вот лишь небольшой перечень наук, в которых детство является одним из возможных объектов исследований. Каждая из них изучает детей с точки зрения своей особой исследовательской оптики. Круг вопросов для антрополога очень широк: интересно посмотреть, как устроена повседневная жизнь современного ребенка, какое место он занимает в иерархии «ребенок–взрослый», существует ли «префигуративная» культура, в чем она проявляется? Подобные исследования актуальны не только для научной теории, но и важны для формирования дальнейшей социальной политики в государстве.

Использование опыта своего детства, взросление собственных детей происходит на наших глазах. На первый взгляд, это делает детство доступным объектом изучения. И. Дуденкова справедливо замечает, что эта доступность обманчива. Детство остается закрытой страной; его нельзя предъявить как первичный феноменологический опыт, потому что на него всегда смотрят взрослым взглядом. Другая трудность состоит в том, что детство веками мыслилось, как объект, который жестко встроено в связку «женщины и дети» или «ребенок в семье». Любая попытка проблематизации детства самого по себе, без привязки к профессиональному мнению педагогов, отношений между детьми и родителями, детьми и взрослыми влечет за собой мгновенное переключение от сущности к отношениям [1. С. 48].

Зарождение исследований детства в первую очередь связано с работами М. Мид, ученицы Ф. Боаса. Она была первой из ученых этнографов, сделавших мир детства предметом изучения. М. Мид обращалась к детству как к опыту, через который можно объяснить, понять структуру и дальнейшее развитие изучаемых сообществ.

Рассмотрим методы, которые она использовала при работе с детьми. Ее первая экспедиция состоялась на Самоа, где объектом для изучения стали девушки-подростки, а позднее и младшие девочки: «Я женщина и, следовательно, могла рассчитывать на большую доверительность в работе с девушками, чем с юношами. Кроме того, женщин-этнологов мало, и потому

наши знания о девушках, принадлежащих к примитивным народам, значительно более скудны, чем знания о юношах. Это и побудило меня обратить преимущественное внимание в моем исследовании на самоанскую девушку-подростка» [2. С. 60]. Помимо использования классического метода наблюдения, М. Мид обратилась к использованию тестов для детей. «На Самоа я все еще была под влиянием психологии, усвоенной мною в колледже. Вот почему я исследовала индивидуальные случаи, а тесты изобрела сама: тест на наименование предметов в картинках, заимствованных мною из журнального рассказа Флаерти «Моана из Южных морей», и тест на идентификацию цвета, для которого я нарисовала сотню маленьких квадратиков» [Там же. С. 12].

Впоследствии М. Мид принимала участие во многих экспедициях, но детство оставалось основой ее исследовательского интереса. Она впервые применила новый метод работы с детьми анализ рисунков: «Для арапешей, ятмулов и балийцев я располагаю небольшими, но вполне достаточными коллекциями детских рисунков. У всех этих народов стиль рисунков детей был подобен стилю рисунков взрослых: угловатые, деревянные фигуры у арапешей, стилизованные узоры у ятмулов, живое воспроизведение образов театра теней у балийских мальчиков и кондитерски-пышные изображения людей у балийских девочек. Но когда я обнаружила, что дети манус не разделяют даже в малой степени анимистического мировоззрения своих родителей и рисуют только максимально ясные образы реального мира, я должна была коллекционировать и коллекционировать их рисунки, пока не решила, что объем коллекции в тридцать пять тысяч единиц будет достаточным» [Там же. С. 23].

Обратимся к опыту советских и российских ученых, работающих с детьми. Отечественная этнография в целом не уделяла детству большого внимания, его рассматривали лишь в контексте повседневных практик изучаемых народностей, описывался процесс родов, способы обустройства колыбельных, пеленание ребенка, детские игрушки, но положение детей в семье, или их общение со взрослыми, или между собой обычно не были объектом специального анализа.

В дореволюционной российской науке целенаправленные исследования в этой области знания проводили лишь немногочисленные ученые: Е.А. По-

кровский, В.Н. Харузина, Н.Н. Харузин, В.В. Богданов. В 1920-е гг. советские этнографы включили изучение воспитания детей в программы своих полевых исследований, выдвинув исследования народной педагогики, детского фольклора и т.д. в качестве важных научных направлений (Виноградов, Заглада, Капица) [3. С. 33].

Действительно революционной в этом направлении стала деятельность И.С. Кона. В 1983 г. главная редакция издательства «Наука» выпустила в свет две его книги, посвященные социализации ребенка в контексте традиционных систем воспитания. Это была первая в советской этнографической литературе попытка комплексного исследования традиционных способов и форм социализации детей и подростков у народов зарубежной Азии, осуществленного по специальной единой этносоциологической программе, составленной И.С. Коном [4. С. 5–6].

Программа, составленная И. Коном, включала в себя 11 блоков (общая характеристика описываемого этноса, представление о жизненном цикле и его этапах, система институтов социализации, семья как институт социализации, общество сверстников как фактор социализации, социализация на уровне общины и общества, трудовое воспитание, половая социализация и усвоение половых ролей, межпоколенные отношения, социально-классовые и индивидуальные вариации процесса социализации, взаимодействие традиционных и современных институтов и способов социализации). Сам он говорил о своей программе, что она кажется ограниченной в том смысле, что ребенок в ней выступает главным образом как объект заботы и попечения со стороны взрослых, а не как субъект, носитель и творец собственной автономной субкультуры [5. С. 12]. И. Кон заложил основы «нового» изучения детства, когда ребенок становится активным актором, преобразующим социальную реальность. Это, в свою очередь, требует отказа от прежних установок рассмотрения детей с позиции становления как объектов социализирующего воздействия взрослых. Новый взгляд на детство связан с его изучением «здесь и сейчас» [6. С. 80].

С точки зрения «новой» исследовательской традиции ребенок признается социальным актором, а значит и самостоятельным объектом исследования. По словам С.Ю. Митрофановой, специфика «нового» подхода к детству заключается также в том, что он фокусируется на социальной значимости детства, утверждении детей как участников общественной жизни, признании их социальными акторами со своими правами и обязанностями. Ученые признают, что дети способны действовать, исходя из своих собственных интересов в отношениях со взрослым миром, они способны понимать, где они живут, каковы их потребности, проблемы и возможные решения этих проблем. Исследования детства сегодня – это исследования, проводимые «с» детьми и «для» детей, а не «на» детях и «о» детях [7. С. 165].

Поэтому в фокусе внимания второй части статьи будет взаимодействие исследователя и ребенка. Будут рассмотрены способы сбора информации в зависимости от возраста потенциального респондента.

Первая сложность, ожидающая антрополога, избравшего детство в качестве объекта исследования, это выбор возрастного периода. Понятие возрастной периодизации не имеет единой общепринятой формулировки. Как и когда детство начинается и заканчивается? Например, И.С. Кон, говоря о возрасте, предлагал учитывать три системы отсчета [8. С. 74]. Первая – индивидуальное развитие (такое понятие подразумевает объективное измерение и связано в первую очередь с биологическим возрастом человека); вторая – социально-возрастная; третья система возрастного символизма (отражение возрастных процессов в культуре). Существует большое количество определений возрастных границ детства, которые зависят от научного направления исследования и его задач.

В Конвенции о правах ребенка возрастные рамки детства определяются от 0 до 18 лет, если по закону, действующему в данной стране, ребенок не достигает совершеннолетия ранее. Федеральный Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», принятый в июле 1998 г., подтвердил именно эти границы детского возраста [9]. Возрастные границы детства обусловлены историческими, экономическими, социальными и культурными факторами, которые предполагают варьирование верхней границы детского периода. Определение возраста детства, как нам кажется, должно находиться в плоскости совпадений всех имеющихся взглядов на этот вопрос [10. С. 155]. Поэтому учитывая данные медико-биологических, психологических, правовых и многих других наук, наиболее приемлемой является возрастная периодизация, предложенная С.Н. Щегловой: младенчество (от рождения до 1 года); дошкольное детство (1–3 года); дошкольное детство (3–6 лет); младший школьный возраст (6–11 лет); подростковый возраст (12–15 лет); ранняя юность (15–17 лет); второй период юности (17–21 год) [11. С. 4].

Остановимся на рассмотрении методологических особенностей работы с детьми, выделяемых возрастных периодов.

Первый и второй – *младенчество и дошкольное детство*. Для детей этого возраста характерна сильная связь с родителями, в большей степени с матерью, поэтому детство можно рассматривать скорее в контексте материнских практик, у ребенка нет собственного мнения, он только познает мир вокруг себя, оптимальным способом изучения детей в этот период является классический этнографический метод наблюдения.

Следующий период – это *дошкольное детство*. Мысль ребенка в этом возрасте проникнута тенденциями игры и фантазиями, чрезвычайно трудно отличить выдумку от мысли, принимаемой за правду [12. С. 222]. Работать с детьми этого возраста стоит с использованием «дружественных» методов, это способ получения информации с помощью игровых методик. Например, анализ рисунков на заданную тему (мой день в садике, мой город, моя семья), проектирование ситуации или метод неоконченных предложений. (Больше всего я люблю... самые любимые занятия...). В качестве перспективного метода при работе с данной возрастной категорией А.А. Бесчасная предлагает

метод фокус-группы. Особенности, характерные для этого метода, гармонично вписываются в черты детского мышления, где преобладают наглядно-образные представления, базирующиеся на конкретном повседневном опыте; свойствах детского эмоционально окрашенного непосредственного общения, требующего одновременно учета индивидуальности и защищенности посредством присутствия коллектива гомогенных участников. В связи с органичным переплетением особенностей метода исследования фокус-группы и психолого-возрастных особенностей детей предполагаем, что существуют большие перспективы использования данного метода [13. С. 305].

Младший школьный возраст. До 7–8 лет у ребенка развивается лишь так называемая эгоцентрическая мысль: отсутствуют дедукция, образные схемы, схемы аналогий. Эгоцентрическая мысль не исчезает в одночасье, остается в наиболее отвлеченной, вербальной части речи. Только с 7–8-летнего возраста начинают появляться навыки социализированной мысли [12. С. 222]. У ребенка выражается позиция «Я и общество». В то же время в этом периоде еще нет негативизма подросткового возраста, недоверия ко взрослым, стремления уйти от ответа или дать неверный ответ [11. С. 6]. Поэтому среди детей данной возрастной группы антрополог может проводить интервью, но при этом следует учитывать, что язык и формулировка вопросов должны быть понятны ребенку, рекомендованная продолжительность интервью – не более 20–30 мин, дети этого возраста могут быстро уставать. Успешным примером работы с детьми этой возрастной категории можно считать работу английского исследователя детства Бери Майола. Он изучал, как устроена повседневная жизнь ребенка в возрасте 9–12 лет, обучающихся в Восточной и Северной школах Лондона, где традиционно в Северной школе учились дети родителей «среднего класса», а в Восточной – дети мигрантов с Индийского субконтинента [14. С. 114]. На протяжении трех месяцев он посещал уроки, проводил время с детьми на переменах, в столовой, позиционируя себя как новый помощник учителя. Вел дневник наблюдения, а также проводил серию интервью, сначала он общался одновременно с двумя детьми, ему казалось, что вдвоем дети лучше будут идти на контакт с ним, но в ходе исследования стал общаться с детьми и в индивидуальном порядке.

Подростковый возраст. Ранняя юность. Второй период юности. Согласно данным исследования, проведенного А.Г. Филипповой в 2016 г., именно эта возрастная группа чаще всего выступает в качестве объекта изучения. Распределение возрастных групп информантов-детей выглядит следующим образом: дошкольники 3,1% исследований, младшие школьники 8,6%, подростки, юношество 88,3% [6. С. 82]. Такие предпочтения в исследованиях можно объяснить несколькими факторами, во-первых, к этому возрасту у ребенка формируется собственное мнение, он может не только оценивать события, действия, но и соотносить их между собой, интерпретировать их с точки зрения своих убеждений. Во-вторых, для данной возрастной группы можно использовать стандартные исследовательские методы, как для взрослых респон-

дентов: глубинные, формализованные и полужформализованные интервью.

Основные особенности, о которых должен помнить антрополог, работая с детьми, признание ребенка компетентным участником исследования, носителем собственной субкультуры и собственного мнения, готовность встретиться с проблемами, связанными в первую очередь со слабой методологической адаптацией традиционных методов для работы с детьми, так и с малым количеством разработанных «дружественных» методик в целом.

Говоря о процедуре проведения исследования, антропологу следует использовать методы в соответствии с возрастной группой ребенка. Для детей дошкольного возраста можно использовать наблюдение или фокус-группы, которые требуют предварительной подготовки, исследователь должен быть знаком детям, так они лучше пойдут с ним на контакт. С детьми младшей и старшей школы можно использовать метод интервью, но нужно помнить о продолжительности и понятности задаваемых вопросов. Кроме того, при работе с данной возрастной группой следует уделить внимание разработке новых «дружественных» методов: анализ рисунков, метод неоконченных предложений, проективные методики. Работая с детьми старшей возрастной категории, можно использовать любые методы, имеющиеся в арсенале антропологии.

Проиллюстрируем ограничения и трудности работы с детьми собственным опытом. Область исследовательских интересов автора лежит в плоскости городской антропологии детства. Интерес к детям в городской среде связан с тем, что пространства города и пространства повседневности можно считать тождественными, поэтому интерес к деталям городской жизни становится актуальным и для антропологии. Город и его пространства – новое поле. Любой современный город как живой организм, многоструктурен и многофункционален, этим и интересен.

Первой попыткой работы с детьми стало проведенное в 2016 г. этнографическое исследование публичного пространства детства, в качестве основного метода был выбран метод наблюдения, поскольку «преимущества включенных наблюдений очевидны: они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять поступки людей и действия социальных общностей» [15. С. 106]. Было поставлено несколько исследовательских задач: во-первых, посмотреть, как физическое пространство конструирует пространство социальное, во-вторых, сформировать возрастные группы детей, проводящих время на детской площадке, описать с кем и как они это делают. На основании выделенных групп ставилась задача: определить наиболее самостоятельную (гуляют без родителей, сами определяют свои действия и поступки) и с этой группой продолжить дальнейшую исследовательскую работу, но с применением техники интервьюирования. Уже на данном этапе были замечены некоторые особенности работы антрополога в детском исследовательском поле.

На первый взгляд, кажется, что на детской площадке не происходит ничего интересного, мамы смотрят за детьми, дети играют, обычная повседневная жизнь,

состав посетителей непостоянен. Но, включая антропологическое воображение, оптика наблюдения за детской площадкой строится совсем по-другому, становится понятно, что повседневная жизнь детской площадки не настолько хаотична, как может показаться вначале, есть состав постоянных посетителей, есть свои негласные правила и нормы. Антропологу «без прикрытия» было бы сложно посещать детскую площадку каждый день и открыто вести необходимые записи, у постоянных посетителей возник бы ряд вопросов и недопонимание к исследователю, особенно в ситуации, когда детской безопасности со стороны родителей уделяется повышенное внимание.

Мне повезло, моим «прикрытием» был собственный сын, поэтому во время проведения исследования было легко вступать в контакт с детьми, уточняя их возраст, гуляют они с родителями или без, что означают правила той или иной игры, иногда была возможность стать участником детских игр. Как правило, дети младше 9 лет гуляют только в сопровождении взрослых, дети старше 13 лет уже не рассматривают детскую площадку как место своего времяпрепровождения, только в качестве сопровождения для младших братьев или сестер. Возрастная группа детей от 9 до 13 лет стала самой самостоятельной из всех представленных возрастных категорий, они гуляют без родителей, и в то же время это все еще дети, нуждающиеся в детском пространстве, на котором организовываются детские игры: «зомби», ролевые игры (семья, магазин, больница), «догонялки», «прятки». Кроме того, данная возрастная группа является наиболее комфортной для проведения интервью, о чем было сказано выше.

Следующий этап исследовательской работы – это сбор интервью среди детей в возрасте от 9 до 13 лет, но и здесь антропологу приходится сталкиваться с рядом трудностей. Получить доступ к этому «полю», охраняемому не только родителями, но и учителями,

руководством школ, не просто. На подготовительном этапе исследования антропологу сразу стоит заручиться поддержкой всех категорий, причем не только в устной форме, но и получить письменную форму согласия от родителей на интервьюирование их ребенка. Когда препятствия бюрократического характера преодолены, встает проблема мотивации участия самого ребенка в исследовании, он может согласиться, но не в силу собственного интереса, а в силу привычки подчинения взрослым, при такой мотивации и интервью, скорее всего, не даст той информации, на которую рассчитывает исследователь. Поэтому «дружественность» в изучении детей должна быть представлена на всех этапах исследовательского процесса: включая определение методологии и дизайна, разработку и обоснование методов и техник исследования, выход «в поле», сбор данных, а на заключительном этапе – обработка и анализ полученного материала и представление результатов [16. С. 169]. Возможно, стоит предложить ребенку внешние стимулы, такие как благодарность за участие в исследовании или помощь в качестве эксперта при проведении самими детьми исследований в своей школе или классе.

Несмотря на неизбежность трудностей и ограничений, связанных с исследованиями детства, в целом возможность работы с детьми кажется не только актуальной, но и в каком-то смысле уникальной для антрополога задачей. Методологическими основами изучения детского сообщества должно стать гармоничное сочетание «нового» теоретического подхода, признающего ребенка самостоятельным объектом исследования, и его возрастных социально-психологических возможностей. Такой методологический базис формирует широкий тематический спектр изучения детства: от повседневных практик отдельного ребенка до социальной стратификации общества в целом. Исследовательскому направлению, связанному с изучением детей, принадлежит большое будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.
2. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 430 с.
3. Комарова А.Г. Этнография детства: междисциплинарные исследования. 2-е изд., доп. М.: ИЭА РАН, 2014. 160 с.
4. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / И.С. Кон, А.М. Решетов. М.: Наука, 1988. 232 с.
5. Кон И.С. Этнография детства (проблемы методологии) // Советская этнография. 1981. № 5. С. 3–14.
6. Филиппова А.Г. Детство в фокусе отечественных социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 1 (41). С. 80–87.
7. Митрофанова С.Ю. Дети как объект социогуманитарного исследования: социологический ракурс // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10, вып. 2. С. 160–169.
8. Кон И.С. Ребенок и общество : учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 336 с.
9. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» : Федер. закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2018. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
10. Бесчасная А.А. Проблема возрастной периодизации в социологии детства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 41. С. 151–156.
11. Щеглова С.Н. Как изучать детство: социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ЮНПРЕСС, 2000. 60 с.
12. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 527 с.
13. Бесчасная А.А. Использование метода фокус-группы в социологических исследованиях детей старшего дошкольного возраста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Сер. Социология. 2009. № 96. С. 302–309.
14. Mayall B. Understanding childhoods: a London study // Conceptualizing Child-Adult Relations / ed. by L. Alanen, B. Mayall. [S. l.], 2001. P. 111–121.
15. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 323 с.
16. Митрофанова С.Ю. (раз)очарование «Участвующей» перспективой социологии детства: участвующий подход в исследовании детства и его критическое осмысление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 167–176.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 октября 2018 г.

Methodological Peculiarities of Childhood Studies in Social Anthropology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 125–129.

DOI: 10.17223/15617793/444/15

Aleksandra I. Ermolova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mery-05@mail.ru

Keywords: anthropology of childhood; research methods; children; age peculiarity.

The article considers the methods and the role of children in childhood studies by Russian and foreign researchers. The article demonstrates that the contemporary socio-humanitarian tendency in the study of children is a field open to interdisciplinary studies of childhood in which children can play a special role. The article shows that children's roles (positions) are changing in the socio-humanitarian research today. Previously, children were regarded as irresponsible and dependent on adults. The childhood culture was structured through the idea that childhood was not a special period of a human life. At present, children are perceived as social actors. According to this approach, children's subjectivity extends to their own understanding and their own experience. Following the idea of children as active social actors who must be involved and heard, children become participants or co-researchers. Based on the works of foreign and Russian childhood anthropologists, the author considers the key foundations of the modern methods of childhood studies. From the point of view of the modern approach, methodological features and difficulties in working with children of different ages by social anthropologists were considered. Children and childhood as an investigation focus are examined by many branches of science. This explains some difficulties in the determination of childhood age periods. The author singles out four main childhood age periods. The infant age can be considered in the context of maternal practices, children do not have their own opinions, they only know the world around them, and the optimal method of studying children during this period is the classical ethnographic method – observation. "Child friendly" methods are the most comfortable for working with preschoolers, they help to obtain information using gaming techniques (image analysis, situation design). When working with children of the primary school age, the range of methods is broader (interviews, focus groups); communication should not be long and tiring; the language should be understandable for children. Adolescence is a period in which children have their own opinions; therefore, standard research methods can be used, like for adult respondents: deep, formalized and semi-formalized interviews. The author concludes that, when working with children, anthropologists should use methods in accordance with children's age group. In addition, it is very important to pay attention to the development of new "child friendly" methods, as the need to study children of primary and pre-school ages is topical, and opportunities for working with them are limited. "Child friendly" method open up opportunities for a wide attraction of children of various ages to investigate issues connected with childhood. Such methods take into account the psycho-physiological, ethnic, cultural and other socially important characteristics of children. Modern anthropologists must try to find optimal ways for promoting and protecting the interests of children in childhood studies.

REFERENCES

1. Dudenkova, I. (2014) "Children's question" in sociology: between normativity and autonomy. *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power*. 3. pp. 47–59. (In Russian).
2. Mid, M. (1988) *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow: Nauka.
3. Komarova, A.G. (2014) *Etnografiya detstva: mezhdistsiplinarnye issledovaniya* [Ethnography of childhood: interdisciplinary research]. 2nd ed. Moscow: IEA RAS.
4. Kon, I.S. & Reshetov, A.M. (1988) *Etnografiya detstva. Traditsionnye formy vospitaniya detey i podrostkov u narodov Yuzhnoy i Yugo-Vostochnoy Azii* [Ethnography of childhood. Traditional forms of raising children and adolescents among the peoples of South and Southeast Asia]. Moscow: Nauka.
5. Kon, I.S. (1981) *Etnografiya detstva (problemy metodologii)* [Ethnography of childhood (problems of methodology)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 3–14.
6. Filippova, A.G. (2016) Childhood in the focus of Russian sociological research. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 1 (41). pp. 80–87. (In Russian).
7. Mitrofanova, S.Yu. (2017) Children as an object of sociohumanitarian research: a sociological perspective. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*. 10 (2). pp. 160–169. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.202
8. Kon, I.S. (2003) *Rebenok i obshchestvo* [Child and society]. Moscow: Akademiya.
9. Russian Federation. (1998) *Federal'nyy zakon "Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii"*: *Feder. zakon ot 24.07.1998 N 124-FZ* [Federal Law "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" No. 124-FZ of July 24, 1998]. Moscow: KonsultantPlus.
10. Beschasnaya, A.A. (2007) Problema vozrastnoy periodizatsii v sotsiologii detstva [The problem of age periodization in the sociology of childhood]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 41. pp. 151–156.
11. Shcheglova, S.N. (2000) *Kak izuchat' detstvo: sotsiologicheskie metody issledovaniya sovremennykh detey i sovremennogo detstva* [How to study childhood: sociological methods of research of modern children and modern childhood]. Moscow: YuNPRESS.
12. Piaget, J. (1994) *Rech' i myshlenie rebenka* [The language and thought of the child]. Translated from French. Moscow: Pedagogika-Press.
13. Beschasnaya, A.A. (2009) Use of a focus group in sociological research on elder preschool children. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 96. pp. 302–309. (In Russian).
14. Mayal, B. (2001) Understanding childhoods: a London study. In: Alanen, L. & Mayall, B. (eds) *Conceptualizing Child-Adult Relations*. London: RoutledgeFalmer.
15. Yadov, V.A. (2001) *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob'yasnenie, ponimanie sotsial'noy real'nosti* [Strategy of a sociological research. Description, explanation, understanding of social reality]. Moscow: Dobrosvet.
16. Mitrofanova, S.Yu. (2016) The charm and disappointment of the "participatory" perspective of sociology of childhood: the participatory approach in the studies of childhood and its critical evaluation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 4 (44). pp. 167–176. (In Russian).

Received: 21 October 2018

Д.С. Коньков

DOCTILOQUUS СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ: СЛОВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Рассматривается использование латинского слова *doctiloquus* галло-римским писателем V в. Сидонием Аполлиnaireм. Цель данной статьи – выявление интенций Сидония при использовании в своих работах редких лексем на примере термина «*doctiloquus*». Исследование основано на герменевтической интерпретации и сравнительном анализе поэм и писем Сидония Аполлиnaireя. Сделан вывод, что в основе действий Сидония лежит репрезентация себя как выдающегося ритора ради получения покровительства при продвижении по карьерной лестнице.

Ключевые слова: Сидоний Аполлиnaireй; Лев Нарбоннский; поздняя Античность; римская Галлия; позднеримская аристократия; Вестготское королевство.

В середине V в. в южной Франции сложилась чрезвычайно комплексная и интересная политическая ситуация. Прогрессирующий упадок центральной власти привел к большой самостоятельности региональных элит. В особенности активно проявляла себя галльская аристократия, попытавшаяся при поддержке военных формирований вестготов привести к власти в Италии своего представителя – Авита. Попытка оказалась неудачной. Сама аристократия не была монолитна, раздираемая вопросом отношения к вестготам, бургундам, императору, папе и к прочим властным локусам. Все эти процессы хорошо видны на примере текстов Сидония Аполлиnaireя, аристократа, поэта, оратора, политика и, наконец, епископа Клермона. Сидоний маневрировал в сети социальных связей, пытаясь сохранить свой статус, сделать карьеру, достичь престижного положения префекта или консула, что удавалось ему с переменным успехом. Как представляется, главная цель его текстов – поэм и писем – способствовать выживанию и продвижению в чиновничьей иерархии поздней империи. В этом смысле используемые им термины и выражения призваны вносить свой вклад в достижение этой цели. Рассмотрению одного из этих терминов в контексте его социального воздействия посвящена данная статья.

В панегирике своему другу Консентию Сидоний с ностальгией вспоминает о поездке в Нарбонну. Он пишет: «...o convivia, fabulae, libelli, risus, serietas, dicacitates, occurus, comitatus unus idem, seu delubra dei colenda nobis <...> sive ad doctiloqui Leonis aedes (quo bis sex tabulas docente iuris ultro Claudius Appius lateret claro obscurior in decemviratu; at si dicat epos metrumque rhythmis flectat commaticis tonante plectro, mordacem faciat silere Flaccum, quamvis post satiras lyramque tendat ille ad Pindaricum volare cygnum)» [1. Р. 260] – «О пиры, и разговоры, и книги, смех, серьезность, остроумные замечания, счастливые встречи, и неизменная поддержка, божий храм ли был почтен нашим присутствием, или дом красноречивого Льва (Если бы Лев участвовал в составлении Двенадцати Таблиц, Аппий Клавдий должен был бы умалить свой вклад, и в его столь блистательном децемвирате Лев был бы значимой фигурой; если же Лев бы занялся эпическим жанром, ведя стих чеканным слогом своего громового плектра, он заставил бы даже придиричвого Флакка замолчать, хотя этот поэт после своих Сатир и Од, должно быть, стремился взлететь к высо-

там лебедя Пиндара)». В этом фрагменте текста обращает на себя внимание лексема *doctiloquus*, используемая для характеристики Льва Нарбоннского – означающая буквально «говорящий учено, умело» [2. С. 344; 3. Р. 568]. Этот термин примечателен своей редкостью и необычностью. Латинские авторы практически не использовали его – он не встречается ни в текстах таких классиков, как Цицерон или Овидий, ни в работах тех, на кого Сидоний непосредственно ориентировался – Плиния Младшего, Фронтон, Авзония, ни в сочинениях современников Сидония – Августина, Орозия, Эннодия, Идация, ни в более поздних трудах Иордана, Григория Турского, Исидора Севильского. В этой связи закономерен вопрос, почему именно Сидоний Аполлиnaireй использовал его, и именно в контексте характеристики своего знакомого из Нарбонны.

Цель данной статьи – выявление интенций Сидония при использовании в своих работах редких лексем на примере термина «*doctiloquus*». Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить этимологию, происхождение и семантическое значение термина; 2) определить семантический контекст его использования Сидонием Аполлиnaireм; 3) выявить лексически близкие и подобные термины в текстах Сидония и их семантическое значение; 4) определить исторический и биографический фон использования лексемы «*doctiloquus*» и ей подобных. Соответственно, в работе применены методы герменевтической интерпретации Х.-Г. Гадамера, сравнительного анализа, принцип историзма и элементы биографического подхода.

Настоящая интерпретация текста основывается на принципах герменевтического анализа источника, предложенных И.Н. Данилевским (в свою очередь, базирующихся на подходе Г. Гадамера) [4], аналитике позднеримского источника в историческом контексте, осуществленной А. Камероном на материале речей Синезия Киренского [5], специфике авторской позиции в раннесредневековых текстах, показанной в уже ставшей классической работе У. Гоффарта [6], и на трактовках личности и творчества Сидония Аполлиnaireя Дж. Харрис и Р. Матисена [7–9].

О термине «*doctiloqui*» в I в. до н.э. писал Теренций Варрон в произведении, являвшемся впоследствии настольной книгой любого знатока латинского языка, ритора и грамматика – *De lingua latina*. Данная

работа посвящена этимологии и разъяснению значения слов, очевидно, не вполне ясных с точки зрения контекста использования. Она использовалась в качестве учебника в латинских школах грамматики, и Сидоний не мог о ней не знать. Варрон ссылается в трактовке значения «*doctiloquus*» на Энния [10. Р. 308], автора II в. до н.э., однако труд последнего (очевидно, известные *Анналы*) сохранился во фрагментах, и о значении искомого слова можно судить только по процитированному Варроном отрывку. В нем говорится следующее: когда дело является очень важным, выбирают сильнейших ораторов, которые это дело могут изложить наиболее приемлемым образом, т.е. это «ораторы, учено говорящие» (*Cum res maior erat, orationi legabantur potissimum qui causam commodissime orare poterant. Itaque Ennius ait – oratores doctiloqui*) [11. Р. 438–439]. Очевидно, что под важным делом имеются в виду судебные процессы или законодательные инициативы, а ораторы необходимы для выступлений в комициях или сенате.

Следовательно, «учено говорящий» подразумевает не просто красноречивость, как, к примеру, транслирует это понятие У. Андерсон в своем переводе поэм Сидония, а более сложный образ, включающий в себя авторитет, широкую эрудицию, правовые, политические, риторические умения. Это превосходная степень характеристики римского государственного деятеля, политика и интеллектуала, искусно презентующего свой вопрос перед советом или народным собранием. Подобный контекст свойствен для политической жизни республиканского Рима, построенной на соревновательном принципе. В ее условиях искусство убеждения критически настроенных и равных по статусу, образованности и влиянию оппонентов ценилось чрезвычайно высоко. Принимая во внимание этот контекст, становится ясно, что в период империи данный термин не был востребован в силу его республиканских смысловых интенций.

Тем не менее Сидоний считает возможным применить его для характеристики Льва Нарбоннского – но при этом делает это не в полном соответствии с семантикой, обозначенной Варроном. Коррекция семантического поля «*doctiloquus*» Сидонием довольно сильна. Она выделена в отдельный структурный фрагмент, сравнивающий Льва с Аппием Клавдием и Горацием. По сути, эти сравнения призваны разъяснить читателю, что именно Сидоний подразумевает под «учено говорящим», что вполне понятно в свете редкости и нетривиальности этого термина. В первую очередь обращается внимание на ученость в законах – эрудицию и умение толковать, улавливать суть правовых отношений. Сидоний сравнивает Льва с Аппием Клавдием (Крассом), дечемвиром 451 г. до н.э., одним из создателей хрестоматийных Законов Двенадцати Таблиц – основы римского права. Это позволяет предположить, что Лев Нарбоннский также имел непосредственное отношение к правотворчеству, что, в свою очередь, указывает на его влиятельный должностной статус в рамках города и провинции. Действительно, в другом месте Сидоний называет Льва *vir spectabilis* [1. Р. 232], что подразумевает ранг государственного должностного лица уровня викария,

комита или дукса, т.е. одного из ведущих представителей провинциальной администрации [12. С. 89–92]. Для Сидония подобное знакомство, безусловно, представляло интерес, имея в виду возможную поддержку и опору в карьере.

Более того, Сидоний утверждает, что Лев мог бы затмить Аппия Клавдия, окажись они вместе в дечемвирате [1. Р. 260]. Это сопоставление выглядит исключительно лестным для Льва, однако при ближайшем рассмотрении вызывает вопросы. В описании событий дечемвирата 451 г. до н.э. и римские, и современные историки ориентируются на слова Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского. И тот, и другой характеризуют Аппия Клавдия исключительно негативно (в особенности Тит Ливий, обвиняющий главу дечемвиров в лицемерии, похотливости, стремлении к узурпации, злоупотреблении должностными полномочиями и т.д.) [13. С. 144–165; 14. С. 113–155]. В начале V в., уже во времена Сидония, эту позицию в краткой форме воспроизводит Павел Орозий в своей «Истории против язычников» [15. С. 165–166]. Если исходить из предположения, что Сидоний был хорошо знаком с историческими работами Тита Ливия или Орозия и знал о негативной характеристике Аппия Клавдия, то подобное сравнение выглядит неприкрытым оскорблением. Однако более вероятно, что Сидоний хотел написать именно похвалу, подчеркнуто ассоциировав Льва с Аппием Клавдием только по принципу законотворчества. Этические и нравственные оценки личности Аппия Клавдия в данном случае вынесены за скобки и, по всей видимости, просто не волнуют Сидония, хотя именно они составляют поствостовательный пафос в сюжете о дечемвирах в исторических хрониках.

Сидоний не столько впечатлен юридическими дарованиями Льва, сколько его литературным талантом – и это также включено в понимание эпитета «*doctiloquus*». Поэзия, красноречие, риторическое искусство – в дискурсивном пространстве Сидония эти понятия занимают почетные места. Именно через них он презентует собственный социальный вес и авторитет, идентифицирует себя как общественно значимого. Лев, как пишет Сидоний, «учено говорит» эпическими и метрическими ритмами, чеканным слогом своего громового плектра заставляет замолчать самого Горация, в свою очередь достигшего высот полета крылатого лебедя – поэзии Пиндара [1. Р. 260]. У.Б. Андерсон усматривает в этих строках парафраз собственно Горация [16. Р. 314]. Действительно, в оде к Юлу Антонию Гораций говорит о Пиндаре как диркейском лебеде (*multa Dircaeum levat aura cygnum...* (стих 25)), а чуть ниже упоминает о его полнозвучном плектре (*concines maiore poeta plectro* (стих 33)) [17. С. 109–110]. Очевидно, Сидоний использует этот случай, чтобы подчеркнуть собственный уровень владения классическими литературными текстами, которыми он может достаточно свободно оперировать, чтобы гармонично вставлять в свою работу. В предыдущей аналогии, построенной по идентичной схеме, но исторической, а не литературной, Сидоний не обращался к подобной игре коннотаций. Вероятно, не потому, что не хотел бы, но по причине отсутствия

интереса к истории и необходимых знаний. Приоритет поэтического дискурса над историческим в данном тексте Сидония достаточно очевиден.

Слово *doctiloquus*, помимо описания Льва Нарбоннского, употреблено Сидонием только один раз, в поэме «*Burgus Pontii Leonii*». Сидоний помещает этот эпитет в развернутый контекст описания шествия Аполлона. Описание насыщено упоминаниями различных персонажей и чудовищ эллинистической мифологии – грифонов, муз, Пифона, змея Эскулапа, Пегаса и, наконец, Кротоса. Сидоний пишет следующим образом: «Здесь и пушистые складывал Пегас крылья, несущий Кротоса, [дарующего] учено говорящему красноречие [своею] ногою» (*hic et crinisatas iungebat Pegasus alas, portans doctiloquo facundum crure Crotonem*) [1. Р. 246]. Здесь необходимо отметить, что Пегас в античной традиции был соотнесен с мудростью, а не с творчеством, как в период Возрождения. Коннотация мудрости в образе Пегаса основана на отсылке через него к образу Афины (что встречается у Пиндара) [18. С. 54]. Таким образом, Сидоний в данном случае повторяет ассоциацию учености с Афиной. Но учено или умело говорящему красноречие несет не просто Пегас, а едущий на нем Кротос, антропоморфное воплощение физического и духовного соединения разнородных сущностей. Сидоний ориентировался в трактовках мифологических фигур, среди прочего, на распространенную в период поздней Античности «Астрономию» Гигина [19. С. 55, 73–74].

Кротос в «Астрономии» – кентавр или сатир, сын музы и мастер в свободных искусствах и, одновременно, в охоте. Знаками его умений являются лошадиные ноги и хвост сатира. Кротос верхом на Пегасе – свободные искусства и мудрость, образованность. Семантически этот образ несколько избыточен и химеричен, так же, как избыточно само слово *doctiloquus* в тезаурусе Сидония. Однако этот пример вновь отсылает к пониманию данного эпитета как синтеза смысловых линий эрудированности, мудрости в философском ключе, с одной стороны, и поэтического дара – с другой. Гротескность аллегории, созданной Сидонием, может восприниматься как очередной пример его тяжеловесного стиля (к чему склоняется У. Андерсон), но возможен и другой вариант толкования – Сидоний, осознанно или нет, отразил собственное видение подобного сочетания. Красноречие (подразумевающее владение поэтическим и риторическим мастерством) для него имеет самодостаточную ценность и законченность, что делает избыточным такое дополнение к нему, как мудрость. Отсюда происходит та специфичная дистанция, которую формирует в своих тестах Сидоний между собой и Львом Нарбоннским, включая последнего в собственное социальное пространство и одновременно создавая для него уникальное место в нем.

Сидоний не только использует архаичное и анахроничное понятие, но и вводит новый термин, неологизм, созданный им по подобной схеме. Это *doctisonus* (*doctus+sonus*), «учено звучащий» [2. С. 344]. Такой оборот не встречался ранее в известных источниках, поэтому велика вероятность изобре-

тения его Сидонием. Для этого автора характерно стремление к словотворчеству через формирование составных терминов. Слово *doctisonus* он использует в эпиграмме, посвященной свадьбе Аранеолы, дочери нарбоннского аристократа Магнуса [20. Р. 126], и Полемия, галльского аристократа и философа, ставшего впоследствии префектом Галлии [Ibid. Р. 895]. Время написания этой эпиграммы относится к 460-м годам, так же, как и другие рассмотренные здесь поэмы. Контекст появления *doctisonus* сходен со случаями использования *doctiloquus* – это сопоставление поэтического и философского начал. По сюжету эпиграммы Аранеола является служительницей храма Афины и вышивает сценки браков из различных известных античных мифов. Однако вдруг, достаточно резко, ее внимание переходит на сценки из жизни философов. Эту связку двух реальностей, далеких друг от друга в мировоззрении Сидония, осуществляет термин «*doctisonus*». Сидоний пишет: «...но вот дева, оглянувшись, видит Тритониду обратившей свой взгляд на учено звучащего, желая пристальнее его рассмотреть» (*Cum virgo aspiciens vidit Tritonida verso lumine doctisonas spectare libentius artes*) [1. Р. 238]. Далее уже идет речь о философе-кинике. Посредством этого перехода идея брака объединяется с образом философа, что дает возможность Сидонию подвести эпиграмму к ее непосредственной теме союза Аранеолы и Полемия. В этом ему помогает отсылка к Афине, которая, очевидно, тесно связана с понятием учености во взглядах Сидония. Тритонида в приведенном фрагменте – эпитет Афины, происходящий от легенды о ее рождении в результате брака нимфы озера Тритонис в Ливии и Посейдона, приводимой Павсанием [21. С. 47]. Образ Афины объединяет поэзию и ученость в семантическом пространстве Сидония, поскольку сам по себе является частью мифопоэтического канона, но при этом указывает на ученую мудрость. Опираясь на эту и другие мифопоэтические фигуры, Сидоний ведет разговор о чуждой для него области на собственном языке и по собственным правилам.

Создавая лексему *doctisonus* по образцу *doctiloquus*, Сидоний следует своему опыту написания панегириков. Пара *doctiloquus* – *doctisonus* находит соответствие в ранних текстах Сидония в паре *dulciloquus* – *dulcisonus* («сладкоречивый» – «сладкозвучный» [2. С. 351]). Так же, как и в первом случае, *dulciloquus* является отсылкой к классическим авторам (вероятно, к Апулею, использовавшим это слово в «Апологии» – *...cedent uicta tuo dulciloquo calamo* – «ежели в гулкий тростник ты соизволишь подуть», перевод Е. Рабинович [22. С. 34]); впрочем, оно не было столь уж редким и во времена Сидония, поскольку Аврелий Августин употребляет его в своей Исповеди (*...simul legere libros dulciloquos* – «вместе читали сладкоречивые книги» – перевод Киевской Духовной Академии [23. С. 518]).

Сам Сидоний цитирует в одном из писем 478–479 г. написанную им поэму, в которой в хвалебном контексте использована характеристика «сладкоговорения» – «...видеть Орфея, который ежедневно смягчает скалы и твердые, как рог, деревья мелодией искусства сладкоговорения» (*...Orpheum visere, qui со-*

tidiana saxa et robora corneasque fibras mollit dulciloqua canorus arte). Как упоминает здесь же Сидоний, эти стихи связаны с посещением Бордо [1. Р. 139]. У. Андерсон полагает, что визит в Бордо состоялся в тот же период, что и посещение Нарбонны – в начале 460-х гг. [16. Р. xxxix]. Поэма была посвящена Лампридию, известному в Галлии поэту, находившемуся в фаворе у Майориана, а затем – у Эвриха [20. Р. 656]. Можно предположить, что способность этого человека входить в доверие к правителям делала его интересным для Сидония, поэтому он указывал на дружеские отношения с Лампридием. Кроме того, Лампридий – коллега Сидония по образованию, роду деятельности и карьере, что давало Сидонию основания для сближения, формирования групповости. Использование редкого и неординарного слова, отсылающего к классической и исключительно лестной поэме Апулея, было большим шагом в этом направлении. Это являлось реверансом в сторону адресата – Лампридия, но также показывало образованность автора – Сидония. Последний применяет этот термин как эпитет флейты музы Эвтерпы, покровительницы образования и поэтов (*dulciloquis calamos Euterpe flatibus arguet*) [24. Р. 280]. Подобным же образом понимает его Августин – как связанный с лирикой, поскольку помещает его в пассаж о светских утехах. Явно, что семантическое контекст поздней Античности связывает *dulciloquus* с лирической поэзией.

Сидоний использовал этот термин для достижения нескольких целей – так же, как и в случае с *doctiloquus*. Отличие же этих казусов в понимании и принятии терминов самим Сидонием, применительно к его картине мира и идентификации себя с общественной ролью. Безусловно, «сладко говорящий» для него более естественный и приемлемый в тезаурусе эпитет, чем «учено говорящий», поскольку первый входит в сферу поэзии (в которой Сидоний стремился обозначить свое лидерство), а второй – нет. Более того, «ученоговориение» некоторым образом противостоит архетипическому образу Орфея, поэта-панегириста и лирика, с которым соотносил себя Сидоний, поскольку связано с формальными, политическими и юридическими мотивами.

Если термин «сладко говорящий» встречается у других авторов, то родственный или производный от него «сладкозвучный» впервые фиксируется именно у Сидония [2. С. 351] в контексте фразы «...*dulcisonum quatur fidibus dum pectine murmur...*» (сладкозвучный звон вибрирующих перебираемых струн) [1. Р. 202]. Следует отметить, что эта фраза была написана для прелюдии к панегирику императору Авиту, зачитанному в Риме в 456 г. Если прелюдия не была добавлена Сидонием постфактум, то это означает, что Сидоний прибегал к словотворчеству значительно раньше 460-х гг., в относительно молодом возрасте (около 25 лет), и имел успех – в его честь поставили статую на форуме Траяна. Это достижение стимулировало Сидония к повторению данного приема. В ситуации 460-х гг., когда Сидонию были жизненно необходимы признание и авторитет, он воспроизвел этот опыт. Представляется, что для него подобное словотворчество не являлось сложной и проблемной задачей, свя-

занной с семантическими нюансами. Он явно рассматривает термины «*dulciloquus*» – «*dulcisonus*» как синонимичные, взаимозаменяемые, возможно, просто путает их, поскольку эти эпитеты применяются равнозначно относительно звучания струн лиры как символа поэзии. Возможно, что и в случае пары *doctiloquus*–*doctisonus* Сидоний не видит между ними отличия.

Понятие «учено говорящий» не находило себе применения в течение нескольких столетий. Для Сидония и его современников «*doctiloquus*» должно было являться безусловным архаизмом, причем это несоответствие времени выходило на первый план в восприятии термина, затмевая изначальный контекст. Тем более оно обращает на себя внимание в тексте Сидония и заставляет задаться вопросом, почему оно нашло свое применение именно в нем. Представляется, что это не случайность. Сидоний сознательно подобрал и ввел в свой текст именно такое слово, которое ассоциируется с римской древностью и, одновременно, для круга посвященных, с классическим трудом о грамматике. Этим он хотел показать свой уровень знаний, произвести впечатление на читателей и подкрепить собственный образ ценителя и блюстителя классической римской культуры письма. Уникальность слова *doctiloquus* для римских текстов наводит на мысль, что Сидоний, используя его, также претендовал на уникальность в социальной роли, которую он для себя выбрал, или, возможно, даже создал. Кроме того, обращение к раритетной архаике может свидетельствовать о сравнительной слабости позиции Сидония или о его стремлении выглядеть наилучшим образом в конкретной ситуации.

Действительно, данное словопотребление в текстах Сидония привязано к отдельному эпизоду в его биографии. Слово *doctiloquus* использовано Сидонием всего два раза, только в поэмах, но не в письмах. Оба случая связаны с посещением Нарбонны – о чем говорит сам автор (*dum apud Narbonem quondam Martium dictum sed nuper factum moras necto*) [1. Р. 243]. То же самое можно сказать и о термине «*doctisonus*», появившемся в эпитафаме на свадьбу дочери ведущего нарбоннского аристократа Магнуса. Это позволяет предположить, что появление данных слов в тезаурусе Сидония связано с посещением Нарбонны, как результат его общения и знакомств, а исчезновение – с тем, что данный эпитет остался чужеродным для него, не вписавшись в сложившийся персональный дискурс. Поездка в Нарбонну, знакомство с ее аристократическими кругами, связи, которые выстроились благодаря этому знакомству – все это имело место незадолго до 462 г., когда город перешел под контроль вестготов. Поэма «*Burgus Pontii Leonii*» (поэма 22) была написана непосредственно во время визита в Нарбонну, панегирик Консентию (поэма 23) – около 462–463 гг., как полагает У. Андерсон [16. Р. lvii]. Аудиторией обеих поэм являлась в первую очередь нарбоннская элита. Перед ней – или перед отдельными ее представителями – Сидоний хотел подчеркнуть свое уникальное знание ар-

хаичных слов и оборотов и, таким образом, собственную значимость.

Позиционировать себя наилучшим и выдающимся в каком-либо отношении для Сидония в этот период было жизненно важно, поскольку позволяло обратить на себя внимание и добиться покровительства. В начале 460-х гг. он находился, по сути, в опале, поскольку ранее поддерживал лионскую группировку провинциальной аристократии, выступившей против императора Майориана в 458 г. У Сидония в это время не было официальных постов, император закрыл для него возможности карьерного роста и не смягчал свое отношение, несмотря на попытки поэта реабилитировать себя [20. Р. 116–117]. Сидоний был достаточно молод (около 30–35 лет) и амбициозен, но в сложившихся условиях для реализации своих амбиций мог рассчитывать только на сильное покровительство. Именно в Нарбонне жил один из его главных покровителей, Магнус, префект Галлии и консул империи 460 г. [Ibid. Р. 700–701]. Влияние этого человека было чрезвычайно большим, и, возможно, именно на него рассчитывал произвести впечатление Сидоний. Хотя ни одна из рассматриваемых поэм не адресована непосредственно Магнусу, до него могли

дойти отзывы о них и соответствующе сформировавшаяся репутация Сидония, или же сам текст через третьи руки.

У. Андерсон полагает, что поэмы 9–24 были посвящены сыну Магнуса Феликсу и издавались Сидонием специально для него. Также исследователь доказывает, что поэмы 22 и 23, в которых было использовано слово *doctiloquus*, были написаны специально к изданию книги [16. Р. lv]. Такая возможность принципиально не меняет главный вывод данной статьи – использование сложных, архаических и семантически перегруженных терминов Сидонием в своих поэмах было призвано представить его перед читателями в наилучшем свете как поэта, ратора и эрудированного в латинской грамматике человека, ценного и уникального в своем роде. Читатели же представляли собой конкретную целевую аудиторию – наиболее родовитых и знаменитых чиновников Нарбонны, их друзей и родственников. Вероятно, подразумевался даже более тесный круг – семья и знакомые Магнуса, префекта претория Галлии при императоре Майориане, и сам Магнус, который мог покровительствовать Сидонию при движении последнего по карьерной лестнице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gai Sollii Apollinaris Sidonii Epistulae et Carmina. Monumenta Germaniae Historica. Berlin, 1887. T. VIII.
2. Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М., 1976.
3. Oxford Latin Dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1969.
4. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы толкования летописных текстов. М., 2004.
5. Cameron A., Long J. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. Berkeley, 1993.
6. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton, 1988.
7. Harries J. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome. Oxford, 1995.
8. Mathisen R.W. Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul // Transactions of the American Philological Association. 1981. Vol. 111. P. 95–109.
9. Mathisen R.W. The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul // Classical Philology. 1988. Vol. 83, № 1. P. 45–52.
10. Varro. On the Latin language. Vol. I (1938). Books V–VII.
11. Remains of Old Latin. V. I: Ennius and Caecilius. Cambridge : Harvard University Press, 1935.
12. Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII вв. М. : Наука, 2010.
13. Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989. Т. 1.
14. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. М., 2005. Т. 1.
15. Орозий П. История против язычников. М., 2004.
16. Sidonius. Poems. Letters. Books 1–2. Cambridge : Harvard University Press, 1936.
17. Q. Horati Flacci Opera. Edidit Fridericus Klingner. Leipzig : BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970.
18. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
19. Гигин. Астрономия. М., 1997.
20. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge : Cambridge University Press, 1980. Vol. II.
21. Павсаний. Описание Эллады. М., 2002. Т. 1.
22. Апулей. Метаморфозы и другие сочинения. М. : Худож. лит., 1988.
23. Блаженный Августин. Творения. СПб.: Алетеия, 2000. Т. 1.
24. Ausonius. London : William Heinemann, 1921. Vol. II.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июня 2018 г.

“Doctiloquus” by Sidonius Apollinaris: Word as a Social Action

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 130–135.

DOI: 10.17223/15617793/444/16

Dmitriy S. Konkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

Keywords: Sidonius Apollinaris; Late Antiquity; Leo of Narbonne; Roman Gaul; late Roman aristocracy; Visigothic Kingdom.

The aim of this article is to identify Sidonius’s intentions which lay behind the use of rare lexemes in his works. An example of the lexemes is the term “doctiloquus”. This use of the term in the texts of Sidonius is connected with a particular episode in his biography. To achieve this aim, the etymology, origin and meaning of the term are given in the article; the semantic context of the use of the term by Sidonius Apollinaris is described; synonymous terms (such as “doctisonus”, “dulciloquus”, “dulcisonus”) and their meanings are found in Sidonius’s texts; the historical and biographical background of the use of the lexeme “doctiloquus” and others is determined. Methods of H.-G. Gadamer’s hermeneutic interpretation, comparative analysis, the principle of historicism and elements of the biographical approach are used to analyze the subject. The interpretation of the texts is based on the principles of hermeneutic analysis of the source proposed by I.N. Danilevsky. The author’s position analysis (W. Goffart) and the interpretations of

the personality and works of Sidonius Apollinaris by J. Harris and R. Mathisen are also used. Sidonius used the word “doctiloquus” only twice. Both cases are related to his visit to Narbonne. The same can be said about the term “doctisonus”, which appeared in the epithalamium for the wedding of the daughter of the leading Narbonne aristocrat Magnus. So, the appearance of these words in Sidonius’s thesaurus was connected with his visit to Narbonne as a result of his communication and acquaintances. Vice versa, the word’s disappearance could be explained by the fact that it was not incorporated into the actual personal discourse. Sidonius’s trip to Narbonne, his acquaintance with its aristocratic circles, connections that lined up thanks to this acquaintance – all this took place shortly before 462 when the city came under the control of the Visigoths. Sidonius’s audience was the Narbonne elite. For this elite, Sidonius wanted to emphasize his unique knowledge of archaic words and phrases and, thus, his importance. At the beginning of the 460s, he was in disgrace, since he previously supported the Lyon group of provincial aristocracy, which opposed Emperor Majorian in 458. At the time, Sidonius was young enough (c. 30–35) and ambitious; under the circumstances he needed a strong patronage to realize his ambitions. The author of the article believes that the use of complex, archaic and semantically overloaded terms in Sidonius’s poems was intended to present him to the readers as a person who is valuable as an erudite in the Latin grammar so that he could be patronized to move up the career ladder.

REFERENCES

1. Gai Sollii Apollinaris Sidonii. (1887) *Epistulae et Carmina. Monumenta Germaniae Historica*. Vol. VIII. Berlin: [s.n.].
2. Dvoretzkiy, I.Kh. (1976) *Latino-russkiy slovar'* [Latin-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Glare, P.G.W. (1969) *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press.
4. Danilevskiy, I.N. (2004) *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy tolkovaniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years: the hermeneutic basis for the interpretation of chronicle texts]. Moscow: Aspekt-press.
5. Cameron, A. & Long, J. (1993) *Barbarians and politics at the Court of Arcadius*. Berkeley: University of California Press.
6. Goffart, W. (1988) *The Narrators of Barbarian History*. Princeton: Princeton University Press.
7. Harries, J. (1995) *Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome*. Oxford: Oxford University Press.
8. Mathisen, R.W. (1981) Epistolography, Literary Circles and Family Ties in Late Roman Gaul. *Transactions of the American Philological Association*. 111. pp. 95–109.
9. Mathisen, R.W. (1988) The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul. *Classical Philology*. 83 (1). pp. 45–52.
10. Varro. (1938) *On the Latin language*. Vol. I. Books V–VII. London: W. Heinemann
11. Ennius & Caecilius. (1935) *Remains of Old Latin*. Vol. I. Cambridge: Harvard University Press.
12. Chekalova, A.A. (2010) *Senat i senatorskaya aristokratiya Konstantinopolya. IV – pervaya polovina VII vv.* [The Senate and senatorial aristocracy of Constantinople. The 4th – the first half of the 7th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Titus Livius. (1989) *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda* [The history of Rome]. Translated from Latin by V.M. Smirin. Vol. 1. Moscow: Nauka.
14. Dionysius of Halicarnassus. (2005) *Rimskie drevnosti* [The Roman antiquities]. Translated from Old Greek by N.G. Mayorova, I.L. Mayak. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skiy dom “Rubezhi XXI”.
15. Orosius, P. (2004) *Istoriya protiv yazychnikov* [The Seven Books of History against the pagans]. Translated from Latin by V.M. Tyulenev. St. Petersburg: “Izdatel'stvo Olera Abyshko”.
16. Sidonius. (1936) *Poems. Letters*. Translated from Latin by W.B. Anderson. Books 1–2. Cambridge: Harvard University Press.
17. Horati Flacci, Q. (1970) *Opera. Edidit Fridericus Klingner*. Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft.
18. Pindar. Bacchylides. (1980) *Ody. Fragmenty* [Odes. Fragments]. Translated from Old Greek by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka.
19. Hyginus. (1997) *Astronomiya* [Poetic Astronomy]. Translated from Latin by A.I. Ruban. St. Petersburg: Aletyya.
20. Martindale, J.R. (ed.) (1980) *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Pausanias. (2002) *Opisanie Ellady* [Description of Greece]. Translated from Old Greek by S.P. Kondrat'ev. Vol. 1. Moscow: Ladomir.
22. Apuleius. (1988) *Metamorfozy i drugie sochineniya* [Metamorphoses and other stories]. Translated from Latin BY M.L. Gasparov. Moscow: Khudozh. lit.
23. Saint Augustine. (2000) *Tvoreniya* [Writings]. Translated from Latin. Vol. 1. St. Petersburg: Aletyya.
24. Ausonius. (1921) *Ausonius: In 2 vols*. Translated from Latin by H.G. Evelyn-White. Vol. 2. London: William Heinemann.

Received: 13 June 2018

Д.С. Кривошеев, Е.Ф. Троицкий

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ВАЛЛОНИИ (2000–2017 гг.)

Рассматривается вопрос региональных диспропорций в Бельгии, а также попытки их сглаживания в рамках программ Европейского Союза, направленных на уравнивание экономического развития регионов. На примере региональной политики ЕС в отстающем регионе Валлония показывается форма и качество данной политики в целом. Рассматриваются исторические предпосылки социально-экономической отсталости региона и эффективность проводимых в прошлом и приводящихся на сегодняшний день программ.

Ключевые слова: Бельгия; Валлония; Европейский Союз; региональная политика; региональные диспропорции.

После более чем 200-летнего экономического перекоса франкоязычной Валлонии над голландоязычной Фландрией вплоть до Второй мировой войны экономическое развитие регионов постепенно выравнивалось, а позднее ситуация кардинально изменилась. Валлония была процветающим промышленным центром Бельгии, тогда как Фландрия развивала сельское хозяйство и пополняла казну государства за счет порта Антверпен. После Второй мировой войны экономика страны осталась практически неповрежденной, что и способствовало быстрому развитию регионов, в частности Фландрии, получавшей дивиденды от использования Антверпена многими сопредельными странами.

Однако трудности в модернизации экономики, опиравшейся только на промышленность Валлонии и импорт сырья из африканской колонии Конго, вскоре привели экономику страны к относительному упадку. В 1950–1960-х гг. экономическое положение страны было неоднозначным: взаимоотношения с партнерами по Бенилюксу и ЕОУС давали определенные преимущества экономике страны, однако обретение независимости Конго в 1960 г. ввергло экономику в рецессию. В этот период в Валлонии происходила ликвидация убыточных предприятий и шахт, что повлекло за собой рост безработицы в регионе. Эти события заставили власти пересмотреть экономическую политику государства, а также начать развитие современных отраслей промышленности во Фландрии. С Юга на Север, из Валлонии во Фландрию, были переведены предприятия черной и цветной металлургии. Перемещение экономического центра во Фландрию сопровождалось ростом привлеченности этого региона для иностранных инвесторов и государственных капиталовложений: 64% инвестиций доставалось фламандскому региону, а Валлонии только 27%; распределение государственных средств происходило почти в таких же пропорциях: 62 на 38% соответственно. В 1966 г. национальный доход на душу населения Фландрии в первый раз за всю историю государства превысил национальный доход на душу населения в Валлонии [1. С. 331]. Сейчас в Бельгии остро стоит вопрос о развитии Валлонии.

Цель данной работы – показать эффективность региональной политики Европейского Союза для проблемного региона Бельгии – Валлонии. Исследование проводилось с опорой на работы отечественных авто-

ров и официальные программные документы Еврокомиссии и правительства Валлонии.

Бельгия получала довольно большие преимущества от европейской интеграции, однако с экономическим ростом страны одновременно шло увеличение разрыва в экономическом развитии между Севером и Югом. Региональный разрыв влечет за собой диспропорции в размещении капиталов как в промышленности, так и в сфере услуг. Во многом это объясняется оттоком инвестиций из Валлонии и притоком во Фландрию, где сосредоточены основные предприятия современных отраслей промышленности. Также региональные диспропорции усугубляют инфляционные проблемы и безработицу.

Начало XXI в. ознаменовалось реформами региональной политики Европейского Союза. Новая политика объяснялась сокращением ресурсов структурных фондов и вступлением в ЕС новых стран, почти все из которых имели доход ниже среднего по Евросоюзу. Кроме того, в 1999 г. были разработаны новые цели региональной политики для финансового периода 2000–2006 гг. [2. С. 80].

Цель 1: оказание помощи слаборазвитым регионам, ВВП которых менее 75% от среднего по ЕС. В таких регионах проживало около 20% населения ЕС. Для реализации этой цели выделялось около 70% (136 млрд евро) средств региональной политики. Финансирование обеспечивалось всеми структурными фондами.

Цель 2: способствование экономической и социальной конверсии в регионах, зависящих от развития определенных сфер народного хозяйства и имеющие проблемы инфраструктуры. На решение этих проблем было выделено около 22 млрд евро. Помощь оказывалась вне ареала «цели 1».

Цель 3: помощь снижению безработицы и изменение системы переобучения (не распространялась на регионы, подходящие для цели 1). Ассигнования на эту цель составили около 24 млрд евро.

В этот период для Валлонии реализовывалась программа INTERREG IIIA Бельгия / Франция / Люксембург, которое предполагало трансграничное сотрудничество (объединенное региональное развитие граничащих районов). Программа имела несколько приоритетных целей: 1) обеспечение поддержки сетей между основными политическими игроками с целью разработки совместного трансграничного подхода к пространственному развитию, разработки общих инструментов наблюдения, согласования инструментов

планирования и создания служб и инфраструктуры для укрепления общих стратегий; 2) содействие экономическому динамизму через развитие сети работников и экономических операторов; 3) усиление привлекательности трансграничных регионов и защита их окружающей среды; 4) содействие человеческому развитию, использованию человеческих ресурсов и усилению социальной и культурной интеграции. Европейский фонд развития регионов (ЕФРР) выделил на реализацию программы 25 млн евро, в то время как общий бюджет программы составил 56 млн евро [3].

Другой инициативой Сообщества стала LEADER+, направленная на развитие сельского хозяйства. Её приоритетными целями являлись: 1) использование новых технологий для способствования конкурентоспособности товаров и услуг на территории Валлонии; 2) улучшение качества жизни в сельских зонах; 3) увеличение стоимости местных продуктов путем упрощения доступа к рынкам для малых структур производства; 4) переоценка природных и культурных ресурсов; 5) развитие сельского хозяйства. На реализацию этой программы было выделено 11 млн евро из структурных фондов [4].

URBAN II, нацеленная на развитие городов и агломераций, находящихся в состоянии кризиса, стала ещё одной инициативой, реализовывавшейся в Валлонии. Под влияние программы попали города коммуны Самбрвиль: Арзимон, Овле, Фализоль, Кеумие, Муаньле, Тамин и Велен-Сюр-Самбр. Высокий уровень безработицы и преступности, нищета и сокращение населения явились основными причинами реализации данной программы в этих городах. Приоритетными отраслями стали: 1) восстановление существующих построек; 2) Предпринимательство и трудовые договоры; 3) борьба с социальным исключением и дискриминацией; 4) интегрированные системы и повышение эффективности общественного транспорта; 5) сокращение и обработка отходов, эффективное управление водными ресурсами, снижение уровня шумового загрязнения и т.д.; 6) развитие потенциала, связанного с информационными и коммуникационными технологиями; 7) стратегии, ориентированные на организационные реформы, на управление, основанное на участии, и делегации. Европейский фонд регионального развития (ЕФРР) выделил 7 млн евро на реализацию URBAN II в Валлонии [5. С. 26–27].

Эно (Hainaut), одна из пяти валлонских провинций, попадавших под критерии цели 1 региональной политики ЕС. Это провинция насчитывает 1,2 млн населения (40% от населения Валлонии), она также характеризовалась высокой безработицей – 15,4% из-за недостатка рабочих мест. Эно страдает от недостаточной диверсификации, дефицита разработок и исследований, низкого уровня подготовки и загрязнения окружающей среды. Помимо недостатков, провинция имеет и ряд преимуществ, таких как центральное географическое положение, хорошо развитая транспортная инфраструктура, высокая производительность труда, качество человеческих ресурсов и благоприятная для бизнеса среда.

Европейская комиссия активно участвовала в софинансировании программы кратковременной под-

держки Эно Objective 1. На её осуществление из бюджета таких фондов, как ЕФРР, Европейский социальный фонд (ЕСФ), Фонд руководства и гарантий для сельского хозяйства (ФРГСХ) и Финансовый инструмент руководства для рыболовства (ФИРР), было выделено 672,5 млн евро, а общий бюджет составил 2,2 млрд евро.

Основными целями программы являлись: 1) увеличение производственной базы региона через содействие капиталовложениям, диверсификацию финансовых инструментов, определение мер, необходимых бизнесу для экономической стимуляции и приобретение материалов и оборудования для агентств социальной интеграции; 2) содействие росту с помощью науки; 3) развитие возможностей сельского, лесного хозяйств и аквакультуры; 4) способствование привлекательности региона с помощью реставрационных работ и улучшение его имиджа; 5) усовершенствование доступа к рынку труда путем адаптации образовательных систем для нужд и ожиданий бизнеса; 6) создание условий для реинтеграции в рабочую среду и обеспечение социальной интеграции – поддержка безработных и обездоленных людей [6].

Местное правительство Валлонии, представленное его премьер-министром, являлось руководящим органом для программы цели 1, который также ответствен за выбор проектов, оцениваемых и предлагаемых Целевой группой. Управление программой осуществляется директором Европейской программы. За мониторинг этой программы отвечают соответствующие структуры: ЕФРР: Министерство экономики Валлонии; ЕСФ: Министерство занятости Валлонии; ФРГСХ и ФИРР: Министерство сельского хозяйства Валлонии.

На период 2000–2008 гг. ожидалось суммарное привлечение дополнительных инвестиций примерно в размере 1,5 млрд евро, что соответствует ежегодному увеличению роста в среднем на 0,26%, по докладу 2008 г. данные практически совпали. В вопросе занятости населения ожидалось создание 12,175 тыс. рабочих мест к 2008 г., реальный эффект в сфере занятости составил 10,8 тыс. мест к этому же году. Также должно было произойти смягчение падения занятости в промышленном секторе до 1,170 тыс. мест к 2008 г. Добавочный эффект в НИОКР стал 419 млн евро против ожидаемых 337 млн. Увеличение среднего ежегодного роста ВВП должно было составить 0,26%, таким образом, среднегодовой рост ВВП провинции Эно должен был стать 1,27%. В сельскохозяйственном секторе не должно было произойти существенных изменений, поскольку не было обнаружено никаких значительных различий между сценариями с учетом и без учета региональной политики с точки зрения инвестиций и занятости [7].

Что касается программ цели 2, то в Валлонии реализовывалась программа развития Мёз-Фесдре, рек, бассейнов которых находятся в провинции Льеж. На этой территории проживали 720 тыс. людей (22,1% населения Валлонии). Слабый экономический рост и низкие темпы производительности этой провинции требуют особого внимания для обеспечения социального и экономического процветания региона. Туризм

в этой провинции считается используемым не в полном объеме. Данная стратегия должна быть подкреплена предоставлением квалифицированной рабочей силы и специалистов. Должно было быть выбрано несколько специализаций, основанных на сильных сторонах провинции, таких как местоположение в центре экономически сильной зоны и доступности, позволяющей Льежу стать центром грузовых перевозок. Должны были быть также усилены преимущества туристических и культурных достопримечательностей. Вдобавок предусмотрены конкретные меры для городских районов, имеющих негативное влияние на окружающую среду и условия жизни. На реализацию программы структурные фонды ЕФРР и ЕСФ выделили 164 млн евро [8].

Правительством Валлонии была разработана процедура отбора проектов, обеспечивающая прозрачность, объективность и согласованность инициатив как между собой, так и по отношению к стратегии, которая была определена. Сначала целевая группа рассматривает приемлемость проектов нормативным требованиям. Затем руководящий комитет предлагает правительству список проектов на основе рекомендации целевой группы. И, наконец, правительство Валлонии отбирает проекты и Комитет мониторинга осуществляет развитие программы.

По результатам стратегии должно быть создано определенное количество предприятий, предполагалось развитие некоторых уже существующих, ежегодное увеличение числа рабочих мест и создание кластеров. Также предполагалось интенсивное развитие туризма и долгосрочное развитие городов.

К цели 2 также относится программа развития сельского хозяйства в провинциях Намюр–Люксембург. В результате нарастающей либерализации товарного обмена, экономические субъекты конкурируют друг с другом. Эта конкуренция имеет большое влияние и на сельское хозяйство, поэтому оно должно быть переориентировано на глубинное развитие или действия, связанные с собственными особенностями региона. Основная цель стратегии – стимулировать и укрепить эндогенное развитие этого региона путем повышения конкурентоспособности и динамизма местных субъектов. Таким образом, программа базируется на здоровье окружающей среды и качестве ландшафта, сохранение которых способствует развитию конкурентоспособности предприятий, функционированию пищевой и деревообрабатывающей отраслей, сельского и лесного хозяйства, а также продвижению туризма и развитию возобновляемых источников энергии [9]. На реализацию программы структурными фондами ЕФРР и ЕСФ было выделено 60 млн евро [10].

Всего по стратегии цели 2 предполагалось к 2006 г. создать 453 рабочих места, снизить уровень безработицы на 1,7%, увеличить ВВП на душу населения Валлонии с 72,5% в 1997 г. до 78,1% от уровня ЕС-15 [9].

С 2007 по 2013 г. длился следующий период региональной политики в Валлонии. На данный программный период в связи с крупным расширением ЕС были изменены цели региональной политики [2. С. 83–86].

Цель 1: «Конвергенция: поддержка роста и создание новых рабочих мест в наименее развитых странах и регионах». На эту цель было выделено 283 млрд евро, т.е. 81,5% бюджета ЕС. В рамках «Конвергенции» выделяют два вида регионов: 1) регионы, ВВП которых менее 75% от среднего по ЕС-25; 2) регионы, ВВП которых больше от среднего по ЕС-25, но меньше от среднего по ЕС-15.

Цель 2: «Региональная конкурентоспособность и занятость». Цель 2 тоже подразумевает разделение регионов на две категории: 1) регионы «постепенного введения», для них появляются программы цели 2 так, как их уровень ВВП на душу населения стал больше 75% от среднего по ЕС-15 в период финансирования 2007–2013 гг.; 2) остальные регионы, чей ВВП выше среднеевропейского как в ЕС-15, так и в ЕС-25.

Цель 3: «Территориальное сплочение в Европе». На финансирование этой цели выделяется 2,5% бюджета ЕС – 8,7 млрд евро. Объектом финансирования являются регионы, расположенные не больше чем в 150 км от границы. Цель этой программы – технологическое и опытное сотрудничество между местными и региональными органами власти в сферах «Инновационная экономика» и «Окружающая среда и предотвращение рисков».

Под условия цели 1 «Конвергенция...» наиболее подходящим валлонским регионом стал Эно. Несмотря на то, что в программный период 2000–2006 гг. ВВП Эно значительно повысился, но провинция по-прежнему оставалась отсталой по сравнению с бельгийским и среднеевропейским уровнем, поэтому Европейский фонд регионального развития и Европейский социальный фонд выделили на развитие региона 1,5 млрд евро. Оба фонда преследуют конкретные цели, которые способствуют росту потенциала провинции. Приоритеты, преследуемые ЕФРР: 1) приближение ВВП на душу населения Эно к среднеевропейским показателям; 2) сведение уровня занятости к европейским целям, т.е. 70% (60% среди женского населения). Также будут осуществлены следующие конкретные цели: увеличение расходов на НИОКР для достижения европейской цели (3% от ВВП); рост числа заявок на патенты, в том числе на высокотехнологичные; увеличение числа предприятий и рабочих мест, снижение уровня безработицы, особенно среди молодых людей; укрепление отраслевой структуры, рост инвестиций, повышение уровня образованности населения и повышение уровня участия в обучении на протяжении всей жизни; уменьшение численности получателей пособия по социальной интеграции; повышение привлекательности территории; снижение территориальных диспропорций и сбалансированное и устойчивое развитие территории. К 2015 г. по программе были созданы 654 предприятия, 1 041 было развито, образовано 5 858 непосредственных рабочих мест и привлечены устойчивые инвестиции на 1 млрд [11].

ЕСФ поставил перед собой такие цели, как преодоление изменений и содействие адаптации к работе и мобильности; способствование развитию человеческого капитала, образованию и обучению на протяжении всей жизни; увеличение предложения квалифи-

цированной рабочей силы; содействие проектам, которые задействуют людей с низким уровнем квалификации и создают новые рабочие места; а также развитие предпринимательства и сопровождение создания предприятий. К 2015 г. планировалось достигнуть соответствия со 100-процентным значением ЕС-25 по таким показателям, как занятость населения, уровень безработицы (в 2005 он составлял 137,8% по сравнению со средним по ЕС-25) и уровень участия в подготовке работников. Однако в 2015 г. уровень безработицы Валлонии составил 12%, а в 2005 г. он составлял 11,9% [12].

Под реализацию цели 2 «Региональная конкурентоспособность и занятость» попали четыре из пяти провинций: Намюр, Люксембург, Льеж и Валлонский Брабант. Бюджет программы по данным валлонского правительства составил 1,3 млрд евро. Основными целями стратегии являются развитие восстановления конкурентоспособности зон метрополий, а также усиление конкурентоспособности в сельских районах. Для реализации этих целей был разработан список приоритетов программы: 1) разработать новые виды деятельности в отраслях, способных способствовать экономическому росту и созданию новых рабочих мест при сохранении уже существующих фабрик и заводов и усилить экономическую среду сельских районов через создание крупных предприятий, а также развитие уже существующего в этих регионах бизнеса; 2) развить человеческий капитал, знания, умения и исследования через поддержку проектов НИОКР, проводимых малыми и средними предприятиями; укрепление исследовательских центров и сервисов, которые впоследствии станут доступными для предприятий в их регионе, и создание эффективной инфраструктуры для распространения знаний о новых технологиях, чтобы активизировать население, в частности молодых людей; 3) обеспечить сбалансированное и устойчивое территориальное развитие путём восстановления и использования бесхозных промышленных и городских земель, развития конкурентоспособных инфраструктур и поддержки политики городского обновления и территориальной привлекательности; и, наконец, 4) поддержка систем эффективного управления, мониторинга и контроля. К 2015 г. предполагалось создать около 11 тыс. рабочих мест, учитывая всё косвенное воздействие [13].

Немаловажный эффект произвело программное направление INTERREG IVA, ориентированное на трансграничное сотрудничество регионов. В рамках направления осуществлялись несколько программ:

1. Оперативная программа «Бельгия-Нидерланды», направленная на экономическое развитие регионов, осуществляемое путем экономического, научного и предпринимательского сотрудничества; совместные действия по сохранению окружающей среды и усиление социальной и культурной интеграции и социальной заботы через народное сотрудничество. Общий бюджет программы составил 190 млн евро [14].

2. Оперативная программа «Бельгия-Франция», бюджет которой составил 248 млн евро. Стратегия нацелена на развитие общей идентичности программного региона путем увеличения осведомленности лю-

дей о нем и привлечения посетителей, сохранение окружающей среды и способствование устойчивому развитию регионов; создание совместных инфраструктур, сервисов и оборудования; и, наконец, экономическое развитие приграничных регионов [15].

3. Оперативная программа «Большой регион», направленная на Валлонию и немецкоязычную общину в Бельгии, Лотарингию во Франции, Рейнланд-Пфальц и Саарланд в Германии, а также Великое Герцогство Люксембург. Стратегия ставит цели сделать «Большой регион» более привлекательным; поощрять инновации и экономическое развитие, что ведет к созданию более качественных рабочих мест; а также улучшить диапазон и потенциал учебных структур. Бюджет этой программы составил 212 млн евро [16].

За данный программный период ВВП региона Валлония вырос с 84,7 до 87,1 млрд евро, в то время как ВВП Фландрии увеличился с 209,7 до 217,2 млрд евро.

В рамках региональной политики ЕС нынешнего программного периода 2014–2020 реализуется оперативная программа «Валлония», нацеленная на увеличение роста ВВП на душу населения и достижение к 2020 г. устойчивых темпов развития региона. Стратегия направлена на следующие приоритеты: 1) усиление научного и технологического развития, содействие взаимодействию между компаниями, центрами НИОКР и сферой высшего образования; 2) увеличение количества малых и средних предприятий и их конкурентоспособности; 3) инвестиции в образования, профессиональную подготовку и пожизненное обучение путем улучшения инфраструктуры и оборудования; 4) использование возобновляемых источников энергии, содействие энергоэффективности в строительстве и использование устойчивой мультимодальной городской мобильности для стимулирования низкоуглеродной городской экономики; 5) сохранение и защита окружающей среды посредством рационального использования ресурсов, обеспечение зеленого роста и эко-инноваций путем улучшения городской окружающей среды и повышения привлекательности и устойчивости городов. Общий бюджет программы составляет 1,7 млрд евро, ЕФРР внес 682 млн евро [17].

К концу программного периода стратегия предполагает создание и поддержку более 10 тыс. малых и средних предприятий; развитие синергии между бизнесами, научно-исследовательскими центрами и высшим образованием; восстановление около 10 тыс. га городского общественного пространства, реконструкцию и очищение 210 га участков под застройку; способствование энергоэффективности и использованию возобновляемой энергии в общественных инфраструктурах и сокращение потребления энергии природных источников до 18%; усиление производства и распространения возобновляемого электричества до 13%; а также сокращение выбросов, содействующих парниковому эффекту [17].

Также Валлония остается в приоритете программного направления INTERREG VA, нацеленного на трансграничное сотрудничество. Одна из программ этого направления – «Еврегио Маас-Рейн», действующая на приграничных территориях Нидерландов, Германии и Бельгии. Она работает по принципу

предыдущих программ INTERREG и предполагает дальнейшую интеграцию приграничных регионов. В её приоритеты входит усиление трансграничного сотрудничества в инновационной сфере, способствование созданию малых и средних предприятий, содействие сотрудничеству в сферах подготовки и образования и углублению регионального и институционального сотрудничества. К 2020 г., по окончании программного периода, ожидается увеличение доли инновационных средних и малых предприятий с 67 до 70%, увеличение количества создаваемых предприятий на 5%, усиление трансграничной трудовой мобильности и прекращение роста числа людей, подвергающихся риску социального отчуждения. Под влияние программы попали такие валлонские провинции, как Льеж, Люксембург, Намюр, а также одна фламандская провинция – Лимбург. Общий бюджет программы составляет 140 млн евро [18].

Следующая программа, реализуемая в Валлонии, – «Бельгия–Франция» ставит перед собой цели: улучшение межграничного сотрудничества в исследованиях и новаторстве; увеличение трансграничной конкурентоспособности предприятий среднего и малого бизнеса; защита и улучшение окружающей среды через совместное управление приграничными ресурсами; а также содействие социальной интеграции и борьбе с бедностью. Предполагается участие 80 новых компаний в исследовательских проектах; создание 200 рабочих мест в компаниях, получающих помощь; польза от защитных экологических мер; 5,6 млн посещений объектов культурного и природного наследия и доступ к здравоохранению для 11 тыс. человек с другой стороны границы. Оперативная программа располагает бюджетом в 283 млн евро [19].

Наконец, программа «Большой регион», направленная на те же регионы, что и в предыдущий программный период. Её цели: продвигать развитие единого рынка рабочей силы, содействовать развитию, учитывающему окружающую среду приграничного района, улучшение условий жизни и увеличение конкурентоспособности и привлекательности региона. К концу программного периода ожидается усиление трансграничного сотрудничества в сфере НИОКР и поддержки среднего и малого бизнеса, увеличение доли возобновляемых источников энергии, числа туристов и приграничных работников, а также улучшение транспортной инфраструктуры с минимальным ущербом окружающей среде. Бюджет данной стратегии составил 233 млн евро [20].

Подводя итоги исследования, важно отметить, что региональная политика Европейского Союза внесла огромный вклад в развитие Валлонии, которая большую часть истории страны была экономически и политически доминирующим регионом. Политика ЕС по отношению к этому проблемному региону стала важным инструментом стимулирования экономического роста и решения социально-экономических проблем. Она отлично проявила себя в создании и развитии предприятий малого и среднего бизнеса, создании большого количества рабочих мест для ликвидации первоочередной проблемы Валлонии – безработицы. Также значительный вклад был внесен в развитие транспортной инфраструктуры, образования и инновационных исследований в сфере НИОКР. Немаловажным фактором стало развитие туризма, сохранение окружающей среды и развитие связей в различных сферах с приграничными регионами. Значительный эффект от политики ЕС в данном регионе обусловлен её финансированием как из национального бюджета, так и из бюджета ЕС.

Данное исследование позволило рассмотреть социально-экономические проблемы одного из передовых государств Европы, где проблема региональных диспропорций является столь острой. Исторически сложившиеся экономические и этнолингвистические различия Валлонии и Фландрии играют ключевую роль в современной политике Бельгии. Региональная политика Евросоюза направлена на решение этих проблем.

Сегодня Валлония по-прежнему отстает от Фландрии по экономическому развитию, и в ближайшем будущем маловероятно, что она сможет выйти на один уровень с бельгийским Севером. С 2013 по 2016 г. ВВП Валлонии вырос с 87 до 90,3 млрд евро, а ВВП Фландрии – с 217,2 до 228,8 млрд евро. ВВП на душу населения Валлонии на этот же временной отрезок вырос с 29 до 29,8 тыс. евро, в то время как во Фландрии он увеличился с 40,5 до 42 тыс. евро. Уровень безработицы в Валлонии за этот же временной отрезок снизился с 11,4 до 10,6%, а во Фландрии – с 5,1 до 4,9% [21]. Можно заметить, что экономические показатели Юга растут, но темпы роста значительно ниже, чем у Севера. Экономический разрыв этих двух регионов продолжает увеличиваться. Таким образом, Валлония остается проблемным регионом, требующим особого внимания Европейского Союза. Региональная политика, проводимая в этом регионе, на сегодняшний день не является достаточно эффективной и требует первоочередных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Швейцер В.Я. Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе М. : Весь Мир, 2009.
2. Яровой Г. Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб. : Норма, 2012.
3. INTERREG III A - Belgium / France / Luxembourg. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/european/interreg-iii-a-belgium-france-luxembourg
4. Les documents de programmation LEADER+. URL: <http://europe.wallonie.be/node/244>
5. Rapport final: évaluation à mi-parcours URBAN Sambreville. URL: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/rapportfinal_urban.pdf
6. Objective 1 programme of transitional support for Hainaut. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/belgium/objective-1-programme-of-transitional-support-for-hainaut
7. Evaluation de la mise en œuvre du Phasing Out Objectif N°1 en Hainaut. URL: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/TB_Helm_2008.pdf
8. Objectif 2 Meuse-Vesdre. URL: <http://europe.wallonie.be/node/242>
9. Objectif 2 Rural. URL: <http://europe.wallonie.be/node/243>

10. Objective 2 Programme for the provinces of Namur and Luxembourg. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/belgium/objective-2-programme-for-the-provinces-of-namur-and-luxembourg
11. Programme opérationnel «Convergence» HAINAUT, Intervention FEDER, 2007–2013. URL: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/PO%20Convergence%20FEDER_Texte%20du%20PO%20CE%2019112015.pdf
12. Programme opérationnel «Convergence» Hainaut – Intervention FSE. Octobre 2007. URL: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/PO%20convergence%20FSE%202007%202013_octobre%202007.pdf
13. Operational Programme 'Wallonia (not including Hainaut)'. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/belgium/operational-programme-wallonia-not-including-hainaut
14. Operational Programme 'Belgium – Netherlands'. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/crossborder/operational-programme-belgium-netherlands
15. Operational Programme 'Belgium – France'. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/crossborder/operational-programme-belgium-france
16. Operational Programme 'Grande Région'. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/crossborder/operational-programme-grande-region
17. OP Wallonia. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014be16rfop003
18. Interreg V-A – Belgium-Germany-The Netherlands (Euregio Meuse-Rhin/Euregio Maas-Rijn/Euregio Maas-Rhein). URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014tc16rfcb001
19. Interreg V-A – Belgium-France (France-Wallonie-Vlaanderen). URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014tc16rfcb044
20. Interreg V-A – France-Belgium-Germany-Luxembourg (Grande Région/Großregion). URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014tc16rfcb045
21. Organisation for economic co-operation and development. Regional statistics. URL: <https://stats.oecd.org/>

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2019 г.

The EU Regional Policy in Wallonia (2000–17)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 136–142.

DOI: 10.17223/15617793/444/17

Denis S. Krivosheev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ovi-for@mail.ru

Evgeny F. Troitskiy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eft@rambler.ru

Keywords: Belgium; Wallonia; European Union; regional policy; regional disparities.

This article examines the effectiveness of the European Union regional policy in the Belgian region Wallonia in 2000–2020. It also observes the economic development of the region in comparison to another Belgian region, Flanders. All the information on the programmes exercised in Wallonia and statistics are taken from the official sources of the Walloon government and the European Commission. The aims of the article are to trace how the economy of Wallonia has been changing since the beginning of the EU regional policy and if the regional development gap has been shortening. The authors appeal to the historical context, in which the economic inequality of the regions reversed its polarity. Flanders, being a less developed region than Wallonia, became the most economically effective in Belgium. The regional policy had its own aims for each of three program periods covered by this article: 2000–06, 2007–13, 2013–20. There is a number of programmes focused on a definite economic aspect for each of the aims. All of these programmes are financed by one or several EU Structural Funds which are related to a certain economic sphere. One of the common series of the programmes for the entire EU for each period is INTERREG. It aims to promote cooperation between the EU member states and to reduce the influence of national borders. In the case of Wallonia, it covers the national borders of Belgium, France, the Netherlands, Germany, and Luxembourg. The authors also notice such common initiatives as URBAN, which assumes the economic and social regeneration of cities and neighborhoods and LEADER+, aiming to assist the development of rural areas. There is also a number of programmes implemented in Wallonia which are focused on more narrow issues. The EU regional policy failed to achieve the expected result during the first program period in Wallonia, for example, it was expected to create 12 175 jobs by 2008, the real effect in the employment sector was 10.8 thousand jobs. Also, the growth in the regional revenue in 2008 was estimated at 326 million euros against the expected 350 million euros. During the second period, the Walloon economic growth was also minor, for example, the GDP of the Walloon region increased from 84.7 to 87.1 billion euros while the GDP of Flanders increased from 209.7 to 217.2 billion euros. The last program period has not finished yet but there are some expected results so it is possible only to survey annual statistics. The authors come to the conclusion that the regional policy pursued in this region is not sufficiently effective and requires priority reforms. From 2013 to 2016, the Walloon region's GDP grew from 87 to 90.3 billion euros, while the GDP of Flanders increased from 217.2 to 228.8 billion euros. The GDP per capita for the same time period increased from 29 to 29.8 thousand euros while in Flanders it increased from 40.5 to 42 thousand euros. The economic gap between these two regions continues to increase. Thus, Wallonia remains a problem region requiring special attention of the European Union.

REFERENCES

1. Shveytser, V.Ya. (2009) *Gosudarstva Al'piyskogo regiona i strany Benilyuks v menyayushcheysya Evrope* [The states of the Alpine region and the Benelux countries in a changing Europe]. Moscow: Ves' Mir.
2. Yarovoy, G. (2012) *Evropeyskiy Soyuz dlya regionov: chto mozno i nuzhno znat' rossiyskim regionam o ES* [The European Union for the regions: what can and should be known to the Russian regions about the EU]. St. Petersburg: Norma.
3. European Commission. (2004) *INTERREG III A - Belgium / France / Luxembourg*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/european/interreg-iii-a-belgium-france-luxembourg.
4. Wallonie.be. (n.d.) *Les documents de programmation LEADER+*. [Online] Available from: <http://europe.wallonie.be/node/244>.
5. Wallonie.be. (2003) *Rapport final: évaluation à mi-parcours URBAN Sambreville*. [Online] Available from: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/rapportfinal_urban.pdf.
6. European Commission. (2004) *Objective 1 programme of transitional support for Hainaut*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/belgium/objective-1-programme-of-transitional-support-for-hainaut.
7. Wallonie.be. (2008) *Evaluation de la mise en œuvre du Phasing Out Objectif N°1 en Hainaut*. [Online] Available from: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/TB_Helm_2008.pdf.
8. Wallonie.be. (n.d.) *Objectif 2 Meuse-Vesdre*. [Online] Available from: <http://europe.wallonie.be/node/242>.

9. Wallonie.be. (n.d.) *Objectif 2 Rural*. [Online] Available from: <http://europe.wallonie.be/node/243>.
10. European Commission. (2004) *Objective 2 Programme for the provinces of Namur and Luxembourg*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2000-2006/belgium/objective-2-programme-for-the-provinces-of-namur-and-luxembourg.
11. Wallonie.be. (2015) *Programme opérationnel "Convergence" HAINAUT, Intervention FEDER, 2007–2013*. [Online] Available from: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/PO%20Convergence%20FEDER_Texte%20du%20PO%20CE%2019112015.pdf.
12. Wallonie.be. (2007) *Programme opérationnel "Convergence" Hainaut – Intervention FSE, Octobre 2007*. [Online] Available from: http://europe.wallonie.be/sites/default/files/PO%20convergence%20FSE%202007%202013_octobre%202007.pdf.
13. European Commission. (2007) *Operational Programme 'Wallonia (not including Hainaut)'*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/belgium/operational-programme-wallonia-not-including-hainaut.
14. European Commission. (2007) *Operational Programme 'Belgium – Netherlands'*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/crossborder/operational-programme-belgium-netherlands.
15. European Commission. (2007) *Operational Programme 'Belgium – France'*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/crossborder/operational-programme-belgium-france.
16. European Commission. (2007) *Operational Programme 'Grande Région'*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2007-2013/crossborder/operational-programme-grande-region.
17. European Commission. (n.d.) *OP Wallonia*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014be16rfop003.
18. European Commission. (n.d.) *Interreg V-A – Belgium-Germany-The Netherlands (Euregio Meuse-Rhin/Euregio Maas-Rijn/Euregio Maas-Rhein)*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014tc16rfcb001.
19. European Commission. (2004) *Interreg V-A – Belgium-France (France-Wallonie-Vlaanderen)*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014tc16rfcb044.
20. European Commission. (n.d.) *Interreg V-A – France-Belgium-Germany-Luxembourg (Grande Région/Großregion)*. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/atlas/programmes/2014-2020/belgium/2014tc16rfcb045.
21. OECD. (n.d.) *Organisation for economic co-operation and development. Regional statistics*. [Online] Available from: <https://stats.oecd.org/>.

Received: 26 March 2019

Г.М. Птицына

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАРТЕ–ОКТЯБРЕ 1917 г.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-11-33002.

Анализируются крестьянские религиозные представления во Владимирской губернии в условиях революционных событий 1917 г. Опираясь на данные архивных документов, периодических изданий и выводы отечественной историографии, выявляется степень религиозности сельского населения в марте – октябре 1917 г., образ духовенства на страницах местной прессы, а также отношение сельского населения к духовенству и особенности взаимодействия с ним.

Ключевые слова: крестьянство; Русская революция 1917 г.; Владимирская губерния; религиозные представления; церковь; духовенство.

В современной отечественной историографии становится хрестоматийным представление о нарастающей к началу XX в. секуляризации сознания в Российской империи [1. С. 140]. Однако в отношении непосредственно крестьян бытуют две полярных точки зрения. С позиции одной из них, тесное взаимодействие с городом (миграция, отхожие промыслы), вовлечение в рыночные отношения и расширение кругозора привели в начале XX в. к постепенному обмирщению сознания сельского населения, к так называемому религиозному индифферентизму (см., например, [2. С. 93, 124; 3. С. 93; 4. С. 28–29; 5. С. 72]). Другая же часть исследователей, напротив, приходит к выводу о высокой степени устойчивости крестьянской религиозности к воздействию модернизационных процессов в деревне [6. С. 207, 252; 7. С. 68; 8. С. 99; 9. С. 544].

В данной статье мы ставим задачей выяснить особенности религиозных представлений владимирских крестьян в марте – октябре 1917 г., как эти воззрения вплетались в канву революционных событий и каким образом определили социальное поведение сельского населения.

Еще в XIX в. православие было для сельского жителя не просто сводом правил и обязательных к исполнению обрядов, оно стало основой его миропонимания [10. С. 152]. Христианской верой и обрядностью была проникнута вся жизнь крестьянина – от рождения до самой смерти. Ярko иллюстрируют такую религиозность сельского населения Владимирской губернии в конце XIX в. произведения Н.Н. Златовратского, где описан местный крестьянский быт, пронизанный заветом «без Бога ни до порога» [11. С. 32].

Но вместе с этим на протяжении веков крестьянскому сознанию были присущи дуализм и многослойность: здесь причудливо смешивались православная вера и отголоски языческих культов – приметы и суеверия. Этнограф Г.К. Завойко, в 1911–1912 гг. собиравший материал о крестьянских обычаях Владимирской губернии, отмечает, что владимирский крестьянин отличается чрезвычайной религиозностью. Всякому делу он считает необходимым «начал положить», т.е. осенить себя троекратным крестным знамением и прочесть краткую Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» или же только начальные слова ее. «Молитву из

устов никогда не выпускай», – говорили обыкновенно крестьяне. Многие из стариков, а в особенности старухи, даже когда зевали, ограждали рот крестным знамением, чтобы воспрепятствовать разной нечистой силе забраться внутрь и навредить. У женщин вообще чуть ли не каждый шаг сопровождался призывом имени Христа. Церкви, по сообщениям Завойко, крестьянами посещались охотно и усердно, много жертвуется на благолепие и постройку храмов, на помин души и т.д. [12. С. 81].

В красном углу владимирской крестьянской избы почти всегда имелись «божница» или «киот» с несколькими иконами и лампадкой перед ними. Кроме того, иконы были и вне избы: на столбах, воротах, амбарах и у колодцев. Образ Божий сопровождал крестьянина повсюду – мужчины, женщины и дети обязательно носили на шее «на гайтане» или «на гайташке» (шнурке) крестик либо иконку, обыкновенно медные. Почти в каждом селении имелась деревянная, реже каменная, часовня, а также одна-две часовенки [12. С. 83].

И в то же самое время автор особо подчеркивает, что крестьянин, наряду с христианскими обрядами, сплошь и рядом исполнял еще и древние языческие. «Религиозный хаос, существующий в настоящее время в народной массе, не поддается определению; вера с суеверием постоянно перепутываются между собой, и точно разграничить, где кончается одна и начинается другое, крестьянин не в силах». В Судогодском уезде, например, встав с утра и выйдя в первый раз на улицу, крестьянин молится обыкновенно «на Церковь» или «на часовню», затем – «на восход» («на солнышко»), далее он молится «на столб» или «на ворота», а потом и «на все четыре стороны». При виде восходящего, а также и заходящего солнца, некоторые из крестьян благоговейно снимают шапки и крестятся «на солнышко». В д. Лужки Вязниковского уезда за грех крестьяне считают есть неопаленных поросят, даже если они только обварены; причина тому – вера, что свинья якобы «ясли разрыла», где родился Христос [12. С. 84–85].

Верили крестьяне и в разную нечисть, будь то леший, домовый, русалки, Баба-Яга. Но и они в представлении сельского жителя были тесно взаимосвязаны с верой христианской. Так, например, в одном рассказе леший говорит о себе: «Я такой же человек, как и все люди, на мне только креста нет, – я проклят,

меня мать прокляла». А в д. Брюховая, Вязниковского уезда народ верил, что если на русалку надеть крест, она человеком делается. В д. Мальцевой Вязниковского уезда рассказывали даже о двух случаях, когда на русалках женились деревенские парни, причем священник будто бы через крещение сделал их предвительно людьми.

Переплелся с христианством встречник – злой дух, который, по поверьям д. Таковец того же уезда, в виде воздушного потока мчится по проезжим дорогам за душой умирающего грешника, особенно самоубийцы. Человека или же лошадь, повстречавшихся ненароком этому духу на пути, он «силой своей окаянной» почти мгновенно расшибает. От встречника можно было, по представлениям крестьян, излечиться прощением с землей: «...прости, матушка, сырая земля, раба Божия N» [12. С. 100–111].

Становится очевидным, что при всей своей значительности отголоски языческих культов в религиозных представлениях крестьян в начале XX в. не были равноценны христианству. Большую роль в сохранении такой двойственности сыграли природно-климатические факторы, которые обусловили особенности психологических характеристик сельского населения. Худые и малоплодородные почвы центрального нечерноземья, суровый климат и короткий сезон земледельческих работ («страда») при господстве трехполья сформировали не только трудолюбие, поворотливость и проворность русского крестьянина. Крайне неблагоприятные условия часто сводили на нет результаты тяжелого, изнуряющего крестьянского труда, что порождало в сознании русского крестьянина идею всемогущества Господа Бога. Судьба даже минимального урожая полностью зависела от непредсказуемой погоды, что также погружало русского крестьянина в пучину суеверий, примет и обрядов [8. С. 98; 13. С. 80, 84].

Склонность к дуализму сохраняется в крестьянском менталитете и в 1917 г. В это время происходит слияние политического и религиозного сознания, в результате которого возникает так называемый христианский социализм [14. С. 83]. Примечательно, что в городах и селах Владимирской губернии смену власти праздновали по схожему сценарию, менявшему только последовательность – сначала под звон колоколов торжественная процессия, украшенная красными флагами и революционными лозунгами, шла на богослужение, а затем двигалась на митинг. Не только упоминания, но и красочные описания таких праздников можно найти в местной прессе.

Например, 6 марта с раннего утра в Юрьев-Польский со всех сел и деревень потянулись крестьянские обозы. Все собрались на центральной площади города. Ровно в 11.00 все местное духовенство, под перезвон колоколов Соборной церкви и в сопровождении войска, впереди которых реяли красные знамена с надписями «Да здравствует свободная Россия» и «Ее народом избранное правительство», подошло к площади для молебна «о даровании свободному народу русскому и его великой армии победы над врагом, благополучия и счастья».

Еще до начала молебна священник местной кладбищенской церкви произнес вдохновенную речь по

поводу переживаемых событий. В глубоком молчании молился освобожденный народ. По окончании молебна огромные толпы народа «продефилировали» по улицам, была пропета «Вечная память» павшим борцам за свободу [15. № 56 (11 марта). С. 4].

В этот же день в с. Ставрово Владимирского уезда было торжественно отпраздновано «уничтожение старого деспотического правления». Было шествие с флагами, говорились речи о значении этого великого события для России. Торжество закончилось благодарственным молебствием в храме. «Народу было так много, что очень обширный храм еле вместил всех, много народу было из окружающих селений» [Там же. № 58 (14 марта). С. 3].

Из села Казакова Муромского уезда сообщают: «12 марта состоялся первый всесословный волостной сход. Народу было столько, что, судя по собравшимся, можно подумать, что в домах никого не осталось, так как тут были: глубокие старики, подростки, дети, более всего женщин, а также было и духовенство. Перед открытием был отслужен благодарственный молебен в местном храме. На сходе были произнесены речи прибывшими делегатами: агрономом, офицером и солдатом, в коих последний успеха среди публики имел более, т.к. на его речь лилось долгое и несмолкаемое “ура”. Ему высказана благодарность от многих граждан» [16. № 16 (22 марта). С. 3].

«Весть о революции, об отречении от престола Николая II дошла до нашей волости только 7–8 марта, – сообщает народный корреспондент из Мордовинской волости, Гороховецкого уезда. – Первоначально народ при такой вести как бы поник головою, ожидали, что-то будет. Ожидали, что настанет конец мира». Такое настроение автор объясняет тем, что в волости кроме стариков и женщин среднего возраста мужчин нет. Затем в церкви был прочитан манифест об отречении от престола, было объяснено: почему отрекся царь от престола, к чему привело самовластие, какие еще большие невзгоды и несчастья ожидали бы Россию, если бы не сменилась власть. Тогда «народ уже более спокойно стал ожидать дальнейших событий».

Затем 12 марта был созван волостной сход для выбора Волостного комитета. Перед выборами опять был прочитан и разъяснен манифест об отречении от престола, с призывом помолиться «об умирении мятежа». Во время молебна было провозглашено многолетие Державе Российской, воинству и вечная память борцам за свободу. После молебна было объяснено: из кого и как составилось Временное правительство, объяснено значение свобод, народ призывался к дружбе и совместной работе с Временным правительством [Там же. № 25 (6 апреля). С. 6].

Слилось с революцией и празднование Пасхи, например, заканчивая свое письмо к сестре, дочери мещанина г. Вязники, учительнице церковно-приходской школы, солдат пишет: «Поздравляю тебя с новым правительством, свобода! Ура! И также с праздником св. Пасхи» [17. С. 187]. В Петрограде даже продавались пасхальные открытки с поздравлениями такого же характера: «Христос воскрес. Да здравствует республика!», «Христос воскрес. Свобода России»,

на них были помещены изображения солдата и рабочего, озаренных «солнцем свободы» [14. С. 83].

Очевидно, что церковь всячески подпитывала такое слияние христианства и революции в народном сознании. В конце марта во Владимирских Епархиальных Ведомостях в отделе неофициальном напечатано воззвание под ярким заголовком «Христос Воскресе, Христос Воскресе, Христос Воскресе!», которое гласило: «Наступающие дни величайшего христианского праздника свободная Россия встречает при новых условиях своего политического и общественного существования. Пусть же источник жизни, воссиявший человечеству из Живоносного Гроба, оживит и новые формы нашего бытия, и освятит их той неизгладимой печатью духа Христова, без которой нет истинной свободы. Забудем, братья, все наши партийные распри и разногласия, взаимные обиды и препирательства, и в единении любви рцем и ненавидящим нас: «простим вся воскресением» [18. № 13 (30 марта). С. 170].

По знакомому сценарию проходило и празднование 1 мая (18 апреля). Граждане с. Кощева Юрьевского уезда после церковной службы и благодарственного молебна ходили по улицам, украшенным красными флагами и знаменами с надписями «Земля и Воля», «Да здравствует Свободная Россия и Социализм», с пением революционных песен. Потом состоялся митинг, где «ораторы-крестьяне» произносили речи о земле и крестьянском самоуправлении, а в самом конце постановили насадить деревья «в память великих дней обновления России» [16. № 54. (13 мая). С. 4]. Благодарственный молебен с панихидой по убитым на поле брани воинам и павшим борцам за свободу прошел 1 мая «при большом стечении народа» и в деревне Вахромеево Ковровского уезда [15. № 87 (25 апреля). С. 3].

В конце лета описал свое пребывание в деревне в качестве лектора корреспондент А. Вахлин. Крестьяне с интересом слушали, обсуждали и задавали много вопросов, когда же встал вопрос о ночлеге, толпа зашумела: «Чай мы православные, ночлег дадим». А провожая его на следующий день, староста говорил: «Старуха Акулина после вашей речи пошла домой, перекрестилась и говорит, что должно антихрист родился» [Там же. № 168 (25 августа). С. 3].

Во второй половине сентября Меленковский уездный комиссар сообщает, что религиозного движения в уезде нет, но религиозность среди мужского населения понизилась [19. Л. 112]. Вторит этому сообщению и отчет Меленковского исполкома за 1917 г., где ни разу не упоминаются конфликты на религиозной почве [20. Л. 2–10]. Подобные конфликты также практически не упоминаются в отчетах других уездных комиссаров и редко всплывают прессе, но за редкостью они не становятся менее информативными, и попытка осветить подобные исклечения будет представлена ниже.

Таким образом, религиозность крестьян Владимирской губернии на протяжении революции 1917 г. оспорить довольно сложно. Особенной религиозностью отличались женщины. Отступление от православия если и наблюдалось, то прежде всего, среди отходников, солдат и подрастающей молодежи, т.е. тех групп крестьян, которые подолгу отсутствовали в

деревне и активно взаимодействовали с городом. Однако совершенно иным было отношение сельских жителей непосредственно к духовенству. И речь здесь не только о периоде март – октябрь 1917 г., рост негативного отношения к клиру наблюдался еще с конца XIX в. Если до революции среди основных причин негативного отношения к духовенству видели в поборах на разного рода требы, землевладении и сговоре с дворянством [4. С. 28–29; 5. С. 72], то теперь к ним прибавляется еще и обвинение в шпионаже, контрреволюционном заговоре.

Уже в марте Архиепископ Владимирский и Шуйский Алексей пишет, что к нему в последнее время стали часто поступать просьбы от прихожан за подписью отдельных лиц или группы лиц об увольнении священников, о назначении членов клира на праздные места, с жалобами на членов клира по тем или иным причинам. Алексей заявил, что движение он будет давать таким просьбам только тогда, когда они будут исходить от всех прихожан или от не менее двух третей общего числа, и подобные ходатайства должны предоставляться в виде приговора крестьян, подписанного сельским старостой или волостным старшиной с приложением казенной печати [18. № 13 (30 марта). С. 167].

«Сельское духовенство забило тревогу», – пишет местный священник в июньском номере Старого Владимирца. – Мало было связи у духовенства с приходом при старом строе и это отчуждение сильно чувствуется теперь». При этом добавляет, что батюшки на местах заняли неопределенное положение: идти ли рука об руку с прихожанином или выждать благоприятного момента. Некоторые энергичные батюшки пошли навстречу движению, выступают с речью на крестьянских собраниях, выбираются уполномоченными на разные съезды. Были попытки организовать приход как самостоятельную единицу, на новых началах, но из-за смешения православных со старообрядцами объединение прихода дается очень трудно [15. № 117 (22 июня). С. 3]. Образ гнетущей для духовенства ситуации на селе усиливает еще и то, что этом же номере размещено объявление некоего священника с просьбой перевестись из села в город [Там же. С. 4].

Главным камнем преткновения стало церковно-монастырское землевладение. С самого начала революции волостные собрания и сходы посягали на реквизицию церковных земель. Например, 7 апреля в Суздальском уезде Коварчинское волостное собрание в количестве 120 человек постановило «просить о передаче сельскому населению всех кабинетских, удельных, казенных, помещичьих и частновладельческих, монастырских и церковных земель» [16. № 33 (15 апреля). С. 4]. А в Покровском уезде Короваевский волостной сход, на котором присутствовало около 1 000 человек постановил реквизиовать половину скота у помещиков и духовенства на нужды армии [Там же. № 34 (16 апреля). С. 4]. Прихожане с. Перников ходатайствовали о запрете основания женского монастыря при д. Новоселове, который будет стеснять земельные владения крестьян смежных селений [15. № 83 (20 апреля). С. 3].

На епархиальном съезде во Владимире после горячих прений между клиром и мирянами по вопросу о церковных землях, в итоге постановили, что до решения аграрного вопроса Учредительным Собранием никаких изменений не вносить [Там же. № 99 (9 мая). С. 3]. Однако волостные исполкомы, чувствуя свою силу и безнаказанность, могли своими приговорами самовольно менять условия аренды монастырских земель, а также использовать часть пашен и лугов под собственные нужды. Погромного характера такие конфликты не носили, а принимали вид имущественных споров, за решением которых стороны обращались в уездные и губернские исполкомы, духовную консисторию, а также к комиссарам [21. Л. 1–6; 22. Л. 12–15]. В пользу крестьян такие вопросы решались чаще [23. Л. 46, 51–53].

Вызывали негодование поборы на разного рода требы, что выразилось в пожеланиях прихожан на одном из съездов с духовенством, в которых крестьяне всегда принимали активное участие: обеспечить священников жалованием за счет церковных и монастырских сумм, а также пенсией и уравнивать доходы сельского и городского духовенства [15. № 86 (23 апреля). С. 3]. В июльской местной хронике «Старый Владимирец» сообщает: «Священники увеличили плату за крещение подкинутых младенцев с 1 рубля до 2-х. Дороговизна отозвалась и здесь» [Там же. № 135 (14 июля). С. 3].

На общей волне локальных грабежей и хулиганства некоторые были не прочь поживиться и церковной утварью. Так, в Судогодском уезде в Георгиевском погосте в ночь на 7 сентября в местной церкви похищена церковная утварь: 2 серебряные чаши, 3 ковчега, 4 напрестольных креста и 300–400 руб. денег. Воры проникли через северные ворота со взломом наружного замка. Все похищенное оценили в более чем 13 тыс. рублей. Важно, что сообщение об этом инциденте напечатано под заголовком «Святотатство» [24. № 4 (16 сентября). С. 2].

В Переславском Даниловом монастыре 13 октября в отсутствие настоятеля было совершено ограбление, которое в прессе окрестят «дерзким». Около 4 часов пополудни в келью архимандрита ворвались три вооруженных револьверами грабителя и пригрозили келейнику смертью указать, где хранятся деньги. Всего похитили около 7 тыс. руб., в том числе монастырских около 2 тыс. и золотые часы. Привязав келейника к кровати, никем незамеченные скрылись [19. Л. 143; 21. Л. 1–6].

Но самое будоражающее событие произошло в Шуйском уезде. 14 сентября в праздник Воздвижения в Воскресенско-Федоровском женском монастыре в д. Сергееве был произведен самовольный и насильственный захват храма во имя Михаила Архангела [25. Л. 38; 26. № 122. 12 сентября]. Хотя это и было явлением для губернии единственным, да и к тому же произошедшим в промышленном районе, но подробности этого захвата живописно показывают разницу в отношении крестьян к вере христианской и к духовенству.

В 8.00 утра, когда в монастыре еще не начиналась церковная служба, толпа прихожан Воскресенско-Сергеевской церкви д. Сергеева, в числе 50, а по дру-

гим сведениям, в 200–250 человек, состоящая исключительно из мужчин, подошла к келье игуменьи – настоятельницы монастыря: Игуменья мать Афанасия, увидя толпу, вышла на балкон и спросила о причинах ее появления. Собравшееся потребовали передать им ключи от храма Михаила Архангела и сам храм, как принадлежащий Воскресенско-Сергеевскому приходу и незаконно находящийся в пользовании монастыря. В ответ на требование толпы мать Афанасия заявила, что выдать ключ от Храма и сам храм она не имеет права, так как это зависит от высшего патриархального начальства, прибавив, что храм Михаила Архангела находится в пользовании монастыря уже 30 лет. Толпа, не удовлетворившись ответом, стала угрожать силой отнять храм.

Далее упоминаются два священника, но совершенно в разных ипостасях. Первый – приходской священник этой деревни о. Павел Беляев, который находился в толпе и говорил своим прихожанам, что церковь Михаила Архангела раньше принадлежала приходу и лет 27 тому назад подложно была уступлена монастырю. Второй – о. Михаил Быстровзоров, который пришел для совершения богослужения, и, поняв в чем дело, стал объяснять, что ключи от храма мать игуменья выдать им не в праве и советовал просить о передаче храма у епархиального начальства, на что толпа ответила, что теперь власть в их руках, и они не уйдут, пока не получают ключей. Видя, что ключи от храма добровольно выданы не будут, толпа начала буйствовать и расправляться с находившимися во дворе монахинями, послушницами и частными лицами, проживающими в монастыре.

В чем еще обвиняли монахинь? Когда мать Дорофея начала объяснять, что ключи не могут быть выданы, ее отогнали, а затем к ней подошел Василий Торшин и, говоря «Зачем она здесь – выслеживать народ и личностей, я тебя арестую», схватил ее за руку, но она вырвалась и ушла; монахиню Капитолину, находившуюся на улице у крыльца, схватил Спиридон Торшин и, желая ее арестовать, повел к помойному сараю, но она ухватилась за дерево, и запереть в сарай ее не удалось; послушницу Е.М. Скрипкину какой-то мужчина взял за руку и также хотел втащить в помойный сарай, но она вырвалась, затем, по-видимому, тот же мужчина схватил за грудь послушницу Ф.А. Бабашеву и начал ее трясти, приговаривая: «Что, пришла шпионить», а в Василий Торшин при этом кричал: «Прибавь еще, набралось их сюда Судогодских». Послушницу А.М. Пономареву какие-то парни втащили в чулан и заперли, но старшие, боясь, в сарае она будет подслушивать, выпустили ее и стали требовать – «Подать им игуменью». Пономарева, ответив, что дверь открыть не может, ушла. Стоявшую у чулана послушницу А.С. Логинову толпа с криком «зачем она здесь» втолкнула в чулан и заперла; проживающего в монастыре Д.Г. Гаврилова Спиридон Торшин схватил за руку и стал толкать, говоря: «Уходи отсюда», а другие в это время нанесли ему два удара по шее.

После всех описанных буйств, ужасных не только потому, что бесчинства совершались над лицами духовными, но и особо потому, что это насилие толпы мужчин над безоружными женщинами, ключи оказа-

лись у захватчиков. И самое важное то, что, открыв храм, толпа вошла в него, пропела «Царю Небесный» и вышла! Храм заперли и ключ передали приходскому церковному старосте Т.Н. Смирнову.

Местная пресса внесла свою лепту в дело формирования негативного образа духовенства. Весь апрель—май на страницах газеты «Старый Владимирец» бушевали нешуточные страсти вокруг владимирского архиерея Алексия. Его публично обвинили в том, что он посылал брошюру с дарственной надписью Распутину. Шла судебная тяжба между Алексием и редактором газеты П.Ф. Леонтьевым. Помимо этого само духовенство обвиняло его в очень жестких, авторитарных методах управления епархией, ситуация с обвинением в центральных изданиях лишь подлила масла в огонь, став отличным поводом для его громкого переизбрания [15. № 117 (22 июня). С. 3–4]. В это же время публикуется пространный фолетон «Из современного быта князей церкви» [Там же. № 92–93 (30 апреля). С. 2–3].

В начале июля в течение нескольких номеров публикуется сатирический рассказ Семёна Подъячева «Герой дня» про сельского священника отца Власия и церковного старосту, дядю Игнатия, прозванного «богатая буржуа» в некой деревне, пораженной небывалой засухой. «Уныние, злоба и затаенный страх охватили деревню», а Игнатий злобствовал и радовался, предложил бежать к священнику. Поддержала вся деревня, особенно бабы, а мужики молчали и старались не смотреть друг на друга. Отец Власий один воспитывает пятерых дочек, высохло в огороде все, никто работать к нему не идет. Была одна, да и та ушла, обозвав «стоялым жеребцом». Батюшка рисуется озлобленным, измученным да охочим до крепкого словца.

«Отслужили на скорую руку утреню, потом обедню и, подняв иконы и хоругви, или как их зовут в деревне “херовы”, пошли ходить по полям и молебствовать». Пришел батюшка домой, еще раз удостоверился, что барометр падал. Пошел дождь. Но больше был доволен Игнатий, он был горд и чувствовал себя каким-то героем. «Через тебя что ли дождик-то шел? Что ж тебя теперича в рамку врезать, да молиться на тебя? Чудотворец какой ново-явленный, герой», — посмеялись мужики и разошлись [15. № 123 (29 июня). С. 2–3, № 124 (1 июля). С. 3; № 125 (2 июля). С. 3. № 126 (4 июля). С. 3–4].

В печати подчеркивалось нежелание некоторых священников участвовать в строительстве новой жизни, что также добавляло штрихи к негативному образу клира. Например, в с. Новосёлки Шуйского уезда

25 марта по инициативе местного учителя прихожане учредили общество просвещения. Для создания средств на это дело приходом единогласно было решено: «пустить в церкви кружку». Местный священник всему этому делу противился, чем обострил отношения с прихожанами. Но приход не послушал запугиваний батюшки и настоял на своем. «Теперь каждая из 7 деревень прихода имеет 1–2 газеты и пользуется учрежденной при церковной сторожке библиотекой» [15. № 86 (23 апреля). С. 3].

По окончании митинга в с. Кошево Юрьевского уезда, о котором уже упоминалось выше, было посажено 300 тополей и лип вдоль трех улиц села с тем условием, что крестьяне будут поддерживать деревца. В статье особо подчеркнуто, что не подчинились этому общему желанию лишь бывший старшина Гульдяшев, да священник села о. Тихомиров посадил деревья только на третий день и не по указанной линии [16. № 54. (13 мая). С. 4]. А при описании уездного съезда клира и мирян сказано, что на процедуре выборов духовник «открыто шептал на ушко» мирянам нужную кандидатуру, но они были непреклонны и провели своего делегата [15. № 86 (23 апреля). С. 3].

Данные архивных документов свидетельствуют, что сразу после свержения монархии духовенство входило в состав волостных и уездных исполкомов, а также в губернский комитет [27. Л. 63]. Но уже в начале лета, в результате перевыборов, их там уже не оказалось [28. Л. 260–261], что также свидетельствует об отсутствии доверия со стороны населения.

Таким образом, источники свидетельствуют не об обмирщении сознания, а о нарастающих антиклерикальных настроениях крестьян Владимирской губернии в исследуемый период. Революционные события органично вплелись в христианскую картину мира сельских жителей. Оставаясь на протяжении марта–октября 1917 г. глубоко религиозным, крестьянство негативно относилось к духовенству, в большей степени считая его иждивенцем. В глазах жителей деревни церковь как институт оставалась прежде всего землевладельцем, которого революция должна была уравнивать в правах с рядовыми общинниками. Подлила масла в огонь и местная пресса, которая зачастую в своих материалах формировала образ ушлого, жадного до наживы священника, противника устройства новой жизни. Однако важно отметить, что разного рода погромные движения в отношении церковного-монастырского землевладения и имущества массового распространения во Владимирской губернии не получили.

ЛИТЕРАТУРА

1. Egorova G.S., Petrovicheva E.M. The secularization of the Russian mind in the nineteenth century (case study: old-believer merchants) // *European Journal of Science and Theology*. October 2017. Vol. 13, № 5. P. 131–142.
2. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.
3. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX в. Самара : Самар. ун-т, 1999. 156 с.
4. Садырова М.Ю. Церковь и духовенство в представлениях русского крестьянства в начале XX века (по материалам среднего Поволжья) // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. 2010. № 120. С. 27–33.
5. Андреева Л.А., Элбакян Е.С. Отношение к духовенству сословий и социальных групп Российской империи (начало XX века) // *Социологические исследования*. 2011. № 10. С. 69–80.
6. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнограф. исслед. / РАН. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая ; ред. кол. Т.А. Листова и др. М. : Наука, 2001. 363 с.

7. Воронина Т.А. Традиции соблюдения поста в крестьянской среде в XIX – начале XX в. // Россия и современный мир. 2010. № 3 (68). С. 136–147.
8. Синякина Е.Г. Психологические характеристики русского крестьянства до революции 1917 года // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 3. С. 96–104.
9. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М. : РОССПЭН, 2008. 677 с.
10. Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва ; Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. 304 с.
11. Прибылов Ю.А. Произведения Н.Н. Златовратского как источник для изучения религиозной жизни крестьян Владимирской губернии во II половине XIX в. // Материалы XVII межрегиональной краеведческой конференции (20 апреля 2012 г.) : в 2 т. Владимир, 2013. Т. 2. С. 28–33.
12. Завойко Г.К. Вера, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение. 1914. № 3-4. С. 80–121.
13. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 76–87.
14. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьбы за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 83.
15. Старый Владимирец. 1917.
16. Известия Владимирского губернского Временного исполкома. 1917.
17. Богатырёва Л.П. Дореволюционная Россия в письмах провинциалов // Рождественский сборник. Ковров, 2006. Вып. XIII. С. 184–188.
18. Владимирские епархиальные ведомости. 1917.
19. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 1186. Оп. 2. Д. 42.
20. ГАВО. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 10.
21. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 5045.
22. ГАВО. Ф. 1186. Оп. 2. Д. 65.
23. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 120.
24. Владимирская жизнь. 1917.
25. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 70.
26. Шуйские известия. 1917.
27. ГАВО. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 3.
28. ГАВО. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 56.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 апреля 2019 г.

Religious Views of the Peasants of Vladimir Guberniya in March–October 1917

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 143–149.

DOI: 10.17223/15617793/444/18

Galina M. Ptitsyna, Vladimir State University (Vladimir, Russian Federation). E-mail: ms_ptitsina@mail.ru

Keywords: peasantry; Russian revolution of 1917; Vladimir Guberniya; religious views; Russian Orthodox Church; clergy.

The religious representations of the peasants of Vladimir Guberniya in 1917 under the revolutionary events of the year are analysed in this article. Relying upon the analysis of archive documents and periodicals of Vladimir Guberniya and the conclusions of the national historiography, the author reveals the degree of religiosity of the peasantry in March–October 1917, the image of the clergy in the local press, the attitude of the peasantry towards the clergy and the specifics of interaction with them. The author concludes that the religiosity of the peasants of Vladimir Guberniya during the Russian revolution of 1917 is difficult to challenge. Women were especially religious. A retreat from Orthodoxy was mostly observed among seasonal workers, soldiers and growing young people, that is, groups of peasants who were long away from the village and actively interacted with the city. In 1917, the propensity to duality was preserved in the peasant mentality, too. The revolutionary events organically intertwined in the rural residents' Christian picture of the world. At the time, the political and religious consciousness was merging, which resulted in the so-called Christian socialism. It is noteworthy that, in the cities and villages of Vladimir Guberniya, the change of power was celebrated according to a similar scenario, with the altering sequence of events. First, with the chimes of the bells, the solemn procession carrying red flags and revolutionary slogans went to a worship service and then moved to a rally. Not only references, but also colorful descriptions of such holidays can be found in the local press. However, the attitude of the villagers towards the clergy was completely different. Historical sources show the growing anti-clerical moods of the peasants of Vladimir Guberniya in the period under investigation rather than the secularization of consciousness. Remaining deeply religious throughout March–October 1917, the peasantry had a negative attitude towards the clergy, considering them dependents. In the eyes of the villagers, the church as an institution remained primarily a landowner, whom the revolution was to equalize with the ordinary members of the community. The local press also poured fuel on the fire by forming the image of a cunning, greedy priest, an opponent of the new way of life. However, it is important to note that various kinds of pogroms against church-monastic land ownership and property were not common in Vladimir Guberniya.

REFERENCES

1. Egorova, G.S. & Petrovicheva, E.M. (2017) The secularization of the Russian mind in the nineteenth century (case study: old-believer merchants). *European Journal of Science and Theology*. October. 13 (5). pp. 131–142.
2. Porshneva, O.S. (2000) *Mentalitet i sotsial'noe povedenie rabochikh, krest'yan i soldat Rossii v period Pervoy mirovoy voyny, 1914–1918 gg.* [The mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia in the period of the First World War, 1914–1918]. History Dr. Diss. Yekaterinburg.
3. Kabytov, P.S. (1999) *Russkoe krest'yanstvo v nachale XX v.* [Russian peasantry at the beginning of the 20th century]. Samara: Samara State University.
4. Sadyrova, M.Yu. (2010) Church and clergy in the perceptions of Russian peasantry at the beginning of the 20th century (based on the materials of the Middle Volga Region). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 120. pp. 27–33. (In Russian).

5. Andreeva, L.A. & Elbakyan, E.S. (2011) Otnoshenie k dukhovenstvu sosloviy i sotsial'nykh grupp Rossiyskoy imperii (nachalo XX veka) [Attitude to the clergy of estates and social groups of the Russian Empire (early 20th century)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 69–80.
6. Listova, T.A. et al. (eds) (2001) *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX–XX vekov: Itogi etnograf. issled.* [The Orthodox life of Russian peasants of the 19th–20th centuries: The results of an ethnographic research]. Moscow: Nauka.
7. Voronina, T.A. (2010) Fasting Traditions among Russian Peasants, 19th – Early 20th Centuries. *Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the Contemporary World*. 3 (68). pp. 136–147. (In Russian).
8. Sinyakina, E.G. (2011) Psikhologicheskie kharakteristiki russkogo krest'yanstva do revolyutsii 1917 goda [Psychological characteristics of the Russian peasantry before the revolution of 1917]. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*. 32 (3). pp. 96–104.
9. Sukhova, O.A. (2008) *Desyat' mifov krest'yanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsial'noy psikhologii i mentaliteta russkogo krest'yanstva (konets XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ya* [Ten myths of peasant consciousness: Essays on the history of social psychology and the mentality of the Russian peasantry (late 19th – early 20th centuries) based on the materials of the Middle Volga region]. Moscow: ROSSPEN.
10. Bezgin, V.B. (2004) *Krest'yanskaya povsednevnost' (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasant daily life (traditions of the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow; Tambov: Tambov State Technical University.
11. Pribylov, Yu.A. (2013) [The works of N.N. Zlatovratsky as a source for studying the religious life of the peasants of Vladimir Guberniya in the second half of the nineteenth century]. *Proceedings of the XVII Interregional Local History Conference (April 20, 2012): in 2 vols.* Vol. 2. Vladimir: Vladimirskaia oblastnaya nauchnaya biblioteka im. M. Gor'kogo. pp. 28–33. (In Russian).
12. Zavoyko, G.K. (1914) Verovaniya, obryady i obychai velikorossov Vladimirskey gubernii [Beliefs, rituals and customs of Great Russians of Vladimir Guberniya]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 3-4. pp. 80–121.
13. Milov, L.V. (1995) Prirodno-klimaticheskii faktor i mentalitet russkogo krest'yanstva [The climatic factor and the mentality of the Russian peasantry]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1. pp. 76–87.
14. Kolonitskiy, B.I. (2012) *Simvoly vlasti i bor'by za vlast': K izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: On the study of the political culture of the Russian revolution]. St. Petersburg: Liki Rossii3.
15. *Staryy Vladimirets*. (1917).
16. *Izvestiya Vladimirskey gubernskoy Vremennogo ispolkoma*. (1917).
17. Bogatyreva, L.P. (2006) Dorevolyutsionnaya Rossiya v pis'makh provintsialov [Prerevolutionary Russia in the letters of provincial people]. In: Zudina, I.N. & Monyakova, O.A. (eds) *Rozhdestvenskiy sbornik* [Christmas collection]. Is. 13. Kovrov: OOO NPO “Mashteks”.
18. *Vladimirske eparkhial'nye vedomosti*. (1917).
19. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1186. List 2. File 42. (In Russian).
20. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1190. List 1. File 10. (In Russian).
21. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 556. List 1. File 5045. (In Russian).
22. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1186. List 2. File 65. (In Russian).
23. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1181. List 1. File 120. (In Russian).
24. *Vladimirskaia zhizn'*. (1917).
25. State Archive of the Russian Federation. Fund 1791. List 6. File 70. (In Russian).
26. *Shuyskie izvestiya*. (1917).
27. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1183. List 1. File 3. (In Russian).
28. State Archive of Vladimir Oblast (GAVO). Fund 1181. List 1. File 56. (In Russian).

Received: 04 April 2019

А.К. Салмин

ГУННСКАЯ ВЕРСИЯ В ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ (ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ШТРИХИ)

Статья посвящена анализу этнографических источников и опубликованной литературы о гуннах в Восточной Европе в I в. н.э. Сложная и запутанная проблематика этногенеза чувашского народа включает и версию о гуннах как об исторических предках. У этой версии есть как сторонники, так и противники. В данной публикации рассматриваются только этнографические аспекты. Аспекты этнонимии, собственно истории, географии и другие проблемы пока остаются за пределами предлагаемой статьи. Автор концентрирует внимание на наиболее дискуссионных эпизодах.

Ключевые слова: гунны; савиры; чуваш; этнография; II–V вв.; Кавказ.

Одна из версий происхождения чувашей предполагает, что ключевым компонентом, сыгравшим решающую роль в сложении чувашского народа, были гунны, а затем – сувары [1]. В то же время имеются возражения против гуннского субстрата предков чувашей [2. С. 246–250]. Попробуем в этом разобраться.

Следует особо обратить внимание на такую подмеченную Аммианом деталь: «Вследствие их необычайной быстроты нельзя и заметить, как они вторгаются за стену или грабят неприятельский лагерь» [3. С. 260]. Часто можно читать в источниках, что гуннские войска штурмом брали крепости, при этом использовали таранные орудия. При внимательном чтении можно обнаружить, что таранные орудия использовали не гунны, а состоявшие в их войсках савиры. Гунны же искусно использовали луки, мечи и арканы.

Раннесредневековые армянские авторы именovali гуннов *honk'* и при этом не смешивали их ни с савирами, ни с хазарами, ни с другими этническими группами [4. С. 43]. Видимо, не ушедшие в Западную Европу оставшиеся части гуннов в середине V в. обитали в восточнокавказских степях. Армянские источники называли их еще *хайландурами*. Они совершали рейды на другую сторону Кавказских гор через Чор (Дарбанд). Их использовали сасаниды для подчинения Закавказской Албании [5. С. 31, 71].

В этом контексте важен факт устранения Бледа от власти в 445 г. Устранение было насильственным. Об этом в одном из источников сообщается достаточно ясно: «Бледа, король гуннов, был убит по умыслу своего брата Атилы. <...> Король гуннов Бледа погиб в результате интриг своего брата Атилы» [6. С. 106, 110]. Все источники исторического, географического и этнографического плана говорят о том, что два брата командовали над своими племенами по географическому признаку: Бледа владел землями в Восточной Европе, а Атила – в Западной. Да и после смерти Бледа этот принцип сохранялся: восточные земли оставались под контролем «гуннов, именуемых, савирами», а Атила продолжал оставаться в Западной Европе. Выходит, гуннский предводитель убил своего брата, командовавшего над савирами, и таким образом хотел окончательно подчинить савиров. Однако его умысел не мог быть исполнен до конца. Савиры сумели сохранить свое этническое единство и территориальную приверженность.

Помимо савиров и альциагиров, Иордан, Прокопий и Агафий называют множество других племен,

входивших в гуннское объединение. Это – хунугуры, биттугуры, алпидзуры, алцилдзуры, ултзиндзуры, ангискиры, бардоры, итимары, тункарсы, босики, утигуры, кутригуры. Гуннов иногда называли массагетами и киммерийцами по причине заселения ими бывших массагетских и киммерийских территорий. Приск в 433 г. называл гуннов скифами [7. С. 19–20]. Конечно, в случае, когда Прокопий писал о походе гуннов на Иран в 503 г., также следует иметь в виду не собственно гуннов, а савиров или «савиров, называемых гуннами». Часть исследователей не без основания полагают, что гунны западноевропейские и восточнокавказские не имели генетических связей друг с другом [8. С. 49].

Примеры сохранения этнонима после исчезновения самого носителя имеются. Например, вавилоняне с конца VII в. до н.э. не делали различий между киммерийцами, скифами и саками, ибо это не было существенным, так как все они не представляли опасности. «Киммерийцы не обязательно должны были оставаться в это время живой реальностью – достаточно было сохранения воспоминаний о них. Подобные случаи долгого существования этнонима после исчезновения его реального носителя хорошо известны. Так, византийцы называли скифами гуннов, славян и некоторые другие народы спустя многие столетия после исчезновения реальных скифов из степей Причерноморья» [Там же. С. 20]. Название гуннов употреблялось расширительно. В целом в государстве Атилы сами гунны представляли собой скромное меньшинство. Огурские племена также могли иметь гуннские «метки». Так, происхождение сарагуров / шарагуров маркируют наличием в племенном названии термина *огур*, чаще всего именуемых «гунно-болгарские» или «болгаро-чувашские» племена [9. Р. 136]. Весьма любопытно отметить, что огуры и оногуры воспринимаются в литературе и как уйгуры. Так, В.В. Радлов отчетливо писал, что *Оу́р* – это *уйгуры*, а *Оноуо́уор* и *О́уноуо́уор* следует читать как *он-уйгуры* [10. С. 114–115]. Все перечисленные огурские племена составляли огромную толпу гуннов и жили, в основном, вокруг Мэотиды [11. С. 219]. Иордан отмечал и то, что после смерти Атилы его сын Динтик в трудные эпизоды собирал вокруг себя все еще остававшихся в его подчинении племена ултзингуров, ангискиров, биттугуров, бардоров [12. С. 85].

Говоря о Кавказской Гуннии эпохи Атилы и в постгуннский период, авторы нарративных источни-

ков и исследователи в большинстве случаев под ее населенниками подразумевают не собственно гуннов, а население аланского и болгарского круга, вошедшего в гуннский союз (хайландуры, барсилы, савиры, беленджеры, хазары) [13. С. 56].

Некоторые историки полагают, что после Аттилы Гуннская империя распалась на улусы, а гунны из Паннонии распространились к черноморским и азовским степям. Здесь они постепенно стали известны как болгары. Возможно, частично гунны и влились в болгарскую конфедерацию. Однако в большей степени в этом регионе оставшиеся части гуннов влились в савирское общество, набравших после Аттилы военно-политическое преимущество на всем Кавказе.

В северокавказский период савиров часто именовали гуннским племенем, гуннами из числа так называемых сабиров или гунно-савирами. Например, Иордан четко писал, что савиры (*Saviri*) составляли основное ядро мощного гуннского (*Hunni, Hunuguri*) союза племен: «А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альтиагирами, другие – савирами» [14. Р. 29]. Он назвал альтиагиров и савиров могущественными хуннами, словно произрастающими из дерна. Изысканная фраза Иордана восходит к тексту Кассиодора, а сама информация – к Приску. Не следует думать, что альтиагиры и савиры выступают здесь как две ветви гуннов (как понимал Дуглас Данлоп [15. Р. 27]). «Образ здесь иной, как из дерева, из сплетения корней, вырастают многие растения, так из среды гуннов вырастают могущественнейшие народы, два из которых автор (Приск?) счел нужным упомянуть» [16. С. 142].

В описании племен, обитавших в середине V в. в районе Кавказского хребта, Прокопий также, в частности, отметил: «Тут живут гунны, так называемые сабиры (*Σάβιροι*), и некоторые другие гуннские племена» [17. Р. 497]. Он так и писал: *Οἱνοὶ ἐκ τῶν Σάβιρων* «Савиры являются гуннским племенем» [Ibid. Р. 553]. В 17-й главе III книги Агафий говорил о «гуннах, которых называют савирами (*Σάβιρων*)». Он же в другом месте (кн. IV, гл. 13) указал, что у персов были вспомогательные войска из гунно-савиров (*Οἱνοὶ Σάβιροι*) (552–558 гг.). Георгиус Кедренус также писал о них как о «гуннах, называемых савирами» (*Οἱνοὶ οἱ λεγόμενοι Σάβιρ, Οἱνοὶ τῶν λεγόμενων Σάβιρ*) [18. Р. 633, 644]. По мнению Феофилакта Симокатты, барсилты, унугуры и сабиры (*Βαρσῆλτ καὶ Οἱνοῦγοῦροι καὶ Σάβιροι*) – это гуннские племена (589–596 гг.) [19. Р. 258]. Моисей Хоренский под 682 г. писал, что севернее Дербендской стены живут гунны, у которых есть город Варачан [20. С. 38]. Однако историкам и этнографам давно известно, что в эти годы гунны уже не имели свою страну, тем более – столицу. Савиров, входивших более двух веков назад в гуннскую конфедерацию, так называли по инерции. Тем более что с Варачаном исследователи идентифицируют столицу савиров. Под гуннами, которые вместе с хазарами отстаивали крепость Дарбант от армянских дружин в 785 г. [21. С. 112], также следует иметь в виду савиров. Вхождение савиров в гуннскую конфедерацию до се-

редины V в. и использование соседями наименования «гунны» ко всем племенам в данном сообществе еще не означают этническое обезличивание. Поэтому не вполне корректны утверждения наподобие «этнически савиры не отличались от гуннов» [22. С. 6].

Видимо, частое упоминание в исторических источниках этнонима «гунно-савиры» позволило некоторым исследователям говорить о гуннах как о прямых предках чувашей. Так, Широ Хаттори полагал: «Чувашские племена, возможно, являются одной из ветвей прямых потомков гуннов, давших толчок к 70-м гг. IV в. к “Великому переселению народов” и в конце V в. сошедших с исторической арены» [23. С. 94]. Племена, известные как *сабиры* и *Sabeiroi*, считал Г.С. Дестунис, родственны гуннам [7. Примеч. 98]. Однако верно обратное утверждение, что в постаттиловское время гунны Дагестана были частью савирских племен. Проще говоря, распавшиеся гунны были поглощены савирами. Многие племена, входившие в гуннский союз, близки к савирам в этническом отношении. Например, утигуры, котригуры, хунугуры, унугуры, барселты и залы. По мнению Е.Ч. Скржинской, хунугуры – это гуннское племя, близкое или сливающееся с савирами, обитателями Северного Кавказа. У Феофана наименование «гунны» относится не только к самим гуннам, но и гунно-савирам, аварам, болгарам, тюркам. Мовсес Каланкатуаци город Варачан называл метрополией хонов, который следует считать столицей гунно-савиров. Как часто можно встретить в литературе, савиры, кроме города Варачана, имели города Таргу и Семендер. Однако Дербанд-наме в переводе с тюркского языка на персидский утверждает, что «город Семенд – это крепость Тарху». Следует заметить, что *Тарху* есть имя армянского божества, в свою очередь заимствованное из хурритского языка. В конце VII в. у савиров был единый на все племя высокопрестольный князь Алп-Илитвер. На местах правило военное сословие в лице тарханов. В то же время следует помнить, что гунны в Европе – это не хунны в Азии. Этнические составляющие гуннской орды в Европе включали многие племена. Среди них – огуры (онногуры, утигуры, кутигуры) и савиры. В целом следует согласиться с утвердившимся в литературе мнением о подразумевании в V–VII вв. под различными гуннскими племенами савиров, занимавших степи от Дербента до Азовского моря и Волги, так как в этот период именно савиры возглавляли военный союз полукочевых и кочевых народов степей Предкавказья [24. С. 8].

Сумма опубликованной литературы позволяет получить предварительные выводы по гунно-савирским взаимоотношениям.

Указанная Иорданом цифра 500 тыс. человек учитывает воинов всех племен, входивших в войска гуннов. Однако Е.Ч. Скржинская считала, что Иордан преувеличивал реальную численность войск самих гуннов. Тогда можно предполагать, что воинов в гуннских соединениях было менее 500 тыс. Из них 120 тыс. составляли воины-савиры, т.е. примерно четверть. Такая пропорция также идет в пользу моего подсчета савиров [25], ибо они в составе гуннов по сравнению с другими племенами занимали подавляющую численность.

По хронологическим и географическим раскладкам выходит, что савиры составляли восточное крыло территорий, контролируемых гуннами. На реконструктивном уровне допустимо, что савиры входили в контингент войск под предводительством Бледы. В сражениях под руководством Атилы они действительно не зафиксированы. И неудивительно, что сразу же после смерти диктатора савиры становятся единственными лидерами на Кавказе. Однако частенько савиры соседние племена по инерции продолжают называть гуннами и гунно-савирами.

Согласно Феофану Византийцу, в 520-х гг. гуннский царь Гордас присоединился к императору, принял христианство. А тот его осыпал дарами и отправил в собственную страну охранять римские пределы и собирать дани с соотечественников. Он также собрал золотые и серебряные фигурки божеств, перелил их. Гунны рассердились, убили его, а на его место поставили его брата Муагера. Свидетельство Псевдо-Захария о сущности религии племен «пределов гуннов» напрямую относится к савирскому союзу племен. Албанская миссия среди гуннов в середине VI в. на Северо-Восточном Кавказе, известная из достоверных источников, конечно, относится не столько к гуннам, сколько к савирам.

В чувашском языке сохранился ряд слов, совершенно одинаковых как в китайском, так и во многих тюркских языках (*лаш* «лачуга», *ылтайн* «золото», *кёмёл* «серебро», *тимёр* «железо», *сар* «войска», *чын* «правда», *тум* «одежда», *кёвё* «мелодия», *сёр* «краска», *ёнчё* «жемчуг»). А.В. Дыбо, опираясь на фонетические особенности этих заимствований, устанавливает их китайский субстрат. Она же датирует их временем ухода гуннов на запад, т.е. первой половиной I в. н.э. Видимо, эти слова были заимствованы савирами от гуннов во II–V вв. на Кавказе.

В северокавказский период савиры часто именовали гуннским племенем, гуннами из числа так назы-

ваемых сабиров или гунно-савирами. Например, Иордан четко писал, что савиры составляли основное ядро мощного гуннского союза племен. У чувашей имеется сюжет, как бы объединяющий два гуннских нарратива, – о следовании за оленем и о следовании по следам крови. Информант предваряет этот рассказ преамбулой, что предание бытовало еще во времена Волжской Булгарии. У хана было три сына. Старшего звали *Сёмтёр*. Однажды с друзьями на охоте он заблудился и не знал, как пробраться к Волге. Вдруг они увидели волка, напавшего на олененка. Выстрелили охотники из луков и повалили волка. Олененок, облизывая раны и оглядываясь назад, ушел вперед. Сембер и его друзья пошли за ним. Олененок вывел их к Волге. Дома Сембер рассказал о случившемся отцу. А отец сказал, что олененок вывел их к месту, указанное божеством *Пулёхсё*. Место это было чистое, и хан построил там город и разместил в нем войска. А все земли вокруг подарил сыну. Так возник город *Чёмтёр* «Симбирск». Действительно, в документах XVI–XVIII вв. упоминается Симбирское городище, расположенное на противоположном (левом) современному Симбирску берегу. Этот прежний Симбирск был разрушен Тамерланом.

В статье были разобраны гипотезы, версии и факторы, имевшие или имеющие отношение к обсуждаемой теме. Стояла задача – достать из ячеек истории забытые факты и разложить по возможности последовательно с тем, чтобы читатель сам смог делать (при желании) выводы. Обнаружилось, что большинство работ по обсуждаемой теме написано по уже известным лекалам. Утверждение о тождестве исторических предков чувашей с гуннами оказалось не более чем мифом, возникшим, сформировавшимся и утвердившимся в конце XIX в. В плену у этой гипотезы априорно оказалось большинство исследователей. Миф приобрел черты традиции, отойти от которой кажется теперь почти невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1965. 484 с.
2. Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: Археология и этнография Татарии. Казань : ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971. Вып. 1. С. 232–271.
3. Аммиан Марцеллин. История / пер. В.В. Латышева // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. I: Античные источники. С. 259–266.
4. Семенов И.Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк») // Краткие сообщения Института археологии. М. : Языки славянской культуры, 2014. Вып. 234. С. 43–54.
5. Егишэ. О Вардане и войне армянской / пер. с древнеармян. И.А. Орбели. Ереван : Изд-во АН Армян. ССР, 1971. 193 с.
6. Комит Марцеллин. Хроника / пер., ред. Н.Н. Болгов. Белгород : БелГУ, 2010. 230 с.
7. Приск Панийский. Сказания / пер. Г.С. Дестунис. СПб. : Тип. Имп. АН, 1860. 112 с.
8. Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы: Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М. : Палеограф, 2001. 323 с.
9. Golden Peter B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / ed. by Cătălin Hriban. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2011. 424 p.
10. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб. : Изд-во Имп. АН, 1893. Т. I. 66 с.
11. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб. : Алетея, 2001. 512 с.
12. Иордан. О происхождении и деяниях геттов. *Getica* / вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб. : Алетея, 2013. 512 с.
13. Боталов С.Г. О гуннах европейских и гуннах азиатских // Гуннский форум: Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : ЮУрГУ, 2013. С. 32–87.
14. Iordanis de Getarum sive Gothorum origine et rebus Gestis. *Recognovit, annotatione critica instruxit et cum varietate lectionis adidit Carol. Aug. Closs. Stuttgartiae: Impensis Eduardi Fischhaber, 1861. XII, 227 p.*
15. Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton Univ. Press, 1954. XV, 293 p.
16. Анфертьев А.Н. Комментарии к «Иордан. *Getica*» // Свод древнейших письменных известий о славянах. М. : Вост. лит., 1994. Т. I (I–VI вв.). С. 98–160.
17. Procopii Caesariensis Opera omnia. *Recognovit Jaecobus Haury. Vol. II: De bellis libri V–VIII. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905. II, 678 p.*

18. Cedrenus Georgius. Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkero suppletus et emendates. Vol. I: Historianum Compendium. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. XVIII, 802 p.
19. Theophylacti Simocatta Historiae. Ed. Carolvs de Boor. Lipsiae: In Aedibvs B.G. Tevbnieri, 1887. XIV, 438 p.
20. Хоренский Моисей. Армянская география VII века по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому): Текст и пер. с присовокуплением примеч. издал К.П. Патканов. СПб. : Тип. Имп. АН, 1877. XXVIII, 84, 26, 2 карты.
21. Гевонд Вардапет. История халифов / пер. с армян. К. Патканьян. СПб. : Тип. Имп. АН, 1862. [2], XII, 165, [3] с.
22. Гмыря Л.Б. Явление двоеверия в среде несвободного населения «страны гуннов» Прикаспия (VI–VII вв.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. 2006. № 1. С. 3–16.
23. Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 86–94.
24. Гмыря Л.Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане в IV–VII вв. : автореф. ... канд. ист. наук. СПб. : ИА АН СССР, 1980. 20 с.
25. Салмин А.К. Краткая история савиров // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 119–125.

Статья представлена редакцией «История» 4 апреля 2019 г.

The Hunnic Version in the Chuvash History (Ethnographic Notes)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 150–154.

DOI: 10.17223/15617793/444/19

Anton K. Salmin, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: antsalmin@mail.ru

Keywords: Huns; Savirs; Chuvashes; ethnography; II–V centuries; Caucasus.

The aim of the article is the analysis of the version of the Hun origin of the Chuvash nation. The author has set an objective to investigate the main primary sources (Ammianus Marcellinus, Yeghishe, Marcellinus Comes, Priscus of Panium, Jordanes, Cedrenus Georgius, Theophylact Simocatta, Procopius Caesariensis, Moses of Khoren, Ghewond) and publications on the subject. The problem range was the discussions of the Hun component in traditional ethnographic blocks of the Savirs and the Chuvash. There are too many unclear points in the history of the origin and development of the Chuvash nation. The truth which the reader wants to know is still locked behind seven seals. The excessive desire of the readers to know, on the one hand, and the great intent of the authors to deliver their considerations to the reader as quickly as possible, on the other hand, have generated compilation, mess and fiction. Most of papers on the ethnogenesis of the Chuvash as of today have been prepared at a level not higher than amateur regional ethnography. One of the reasons for such failures is the absence of direct sources of knowledge about the historical ancestors of the Chuvash. History was merciless to the Chuvash and their language. They were completely forgotten and unknown for centuries, kind of in a position of a nation without kith or kin. In similar cases, the historical science always resorts to retrospection and comparative historical methodology. All tribes with the most enigmatic history always had neighbors, communicated with other tribes, and were incorporated in alliances. The author raises a debating question of the Hun leaders brothers Bleda and Attila. He comes to the conclusion that Bleda who had been removed from power was commanding the eastern wing of the Hun confederation which also included “Huns called Savirs”. One can also read in the sources that Hun troops carried fortresses by storm, using rams. However, an attentive reader may find that rams were used not by Huns but by Savirs stationed in their troops. The analysis of sources and basic literature proves that the Hun-Savir topic has been written so far on the basis of known patterns and deviates substantially from reality. The researchers have been captured by the existing hypotheses and confused the Huns with the Savirs – the historical ancestors of the Chuvash. This situation may only be resolved by way of a thorough analysis of primary sources. The sum of the provisions set out in the article and published by previous authors makes it possible to establish that the Savirs and the Huns were absolutely different tribes, though the sources confused them, and they occasionally became members of the same military and political confederations.

REFERENCES

1. Kakhovskiy, V.F. (1965) *Proiskhozhdenie chuvashskogo naroda: Osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [The origin of the Chuvash people: The main stages of ethnic history]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
2. Alekseev, V.P. (1971) *Ocherk proiskhozhdeniya tyurkskikh narodov Vostochnoy Evropy v svete dannykh kraniologii* [Essay on the origin of the Turkic peoples of Eastern Europe in the light of craniology data]. In: Khalikov, A.Kh. (ed.) *Voprosy etnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya: Arkheologiya i etnografiya Tatarii* [Issues of the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga region: Archeology and ethnography of Tartary]. Is. 1. Kazan: IYALI KF AN SSSR. pp. 232–271.
3. Ammianus Marcellinus. (2009) *Istoriya* [History]. Translated from Latin by V.V. Latyshev. In: Jackson, T.N. et al. (eds) *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya* [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology]. Vol. 1. Moscow: Rus. fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
4. Semenov, I.G. (2014) The position of the ruler of the East-Caucasian Huns in the hierarchy of the state of the European Huns (based on data from the History of the Land of Alwank'). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – Brief Communications of the Institute of Archeology*. 234. pp. 43–54. (In Russian).
5. Yeghishe. (1971) *O Vardane i voyne armyanskoy* [History of Vardan and the Armenian War]. Translated from Old Armenian by I.A. Orbeli. Erevan: Armenian SSR AS.
6. Marcellinus Comes. (2010) *Khronika* [Chronicle]. Translated from Latin by N.N. Bolgov. Belgorod: Belgorod State University.
7. Priscus of Panium. (1860) *Skazaniya* [Tales]. Translated from Old Greek by G.S. Destunis. St. Petersburg: Tip. Imp. AN.
8. Ivanchik, A.I. (2001) *Kimmeriysy i skify: Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni* [Cimmerians and Scythians: Cultural, historical and chronological problems of archeology of the Eastern European steppes and the Caucasus before the pre- and early Scythian time]. Moscow: Paleograf.
9. Golden, P.B. (2011) *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Ed. by Cătălin Hriban. București: Editura Academiei Române.
10. Radlov, V.V. (1893) *Opyt slovary tyurkskikh narechiy* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. Vol. 1. St. Petersburg: Izd-vo Imp. AN.
11. Jordanes. (2001) *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov, Getica* [The origin and deeds of the Goths]. Translated from Latin by E.Ch. Skrzhin-skaya. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Jordanes. (2013) *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov, Getica* [The origin and deeds of the Goths]. Translated from Latin by E.Ch. Skrzhin-skaya. St. Petersburg: Aleteyya.
13. Botalov, S.G. (2013) O gunnakh evropeyskikh i gunnakh aziatskikh [On the European and Asian Huns]. In: Botalov, S.G. et al. (eds) *Gunn-skiy forum: Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury evraziyskikh gunnov* [The Hunnic Forum: Problems of the origin and identification of the culture of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 32–87.

14. Iordanis. (1861) *De Getarum sive Gothorum origine et rebus Gestis*. Recognovit, annotatione critica instruxit et cum varietate lectionis addidit Carol. Aug. Closs. Stuttgartiae: Impensis Eduardi Fischhaber.
15. Dunlop, D.M. (1954) *The history of the Jewish Khazars*. Princeton: Princeton University Press.
16. Anfert'ev, A.N. (1994) Kommentarii k "Iordan. Getica" [Commentaries on Jordanes's Getica]. In: Gindin, L.A. & Litavrin, G.G. (eds) *Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh* [The collection of the most ancient written information on the Slavs]. Vol. 1. Moscow: Vost. lit.
17. Procopius Caesariensis. (1905) *Opera omnia*. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. II: De bellis libri V–VIII. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri.
18. Cedrenus Georgius. (1838) *Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkero suppletus et emendates*. Vol. I: Historianum Compendium. Bonnae: Impensis Ed. Weberi.
19. Carolvs de Boor. (ed.) (1887) *Theophylacti Simocattae Historiae*. Lipsiae: In Aedibvs B.G. Tevbneri.
20. Movses Khorenatsi. (1877) *Armyanskaya geografiya VII veka po R.Kh. (pripisyvaemaya Moiseyu Khorenskomu)* [The History of Armenia attributed to Movses Khorenatsi]. Translated from Armenian by K.P. Patkanov. St. Petersburg: Tip. Imp. AN, XXVIII.
21. Ghewond. (1862) *Istoriya khalifov* [The history of the caliphs]. Translated from Armenian by K. Patkan'yan. St. Petersburg: Tip. Imp. AN.
22. Gmyrya, L.B. (2006) Yavlenie dvoeveriya v srede nesvobodnogo naseleniya "strany gunnov" Prikaspiya (VI–VII vv.) [The phenomenon of dual faith among the non-free population of the "country of the Huns" of the Caspian Sea (6th–7th centuries)]. *Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 1. pp. 3–16.
23. Khattori, S. (1980) O formirovanii tatarskogo i chuvashskogo yazykov [On the formation of the Tatar and the Chuvash languages]. *Voprosy yazykoznaviya*. 3. pp. 86–94.
24. Gmyrya, L.B. (1980) "Tsarstvo gunnov" (savir) v Dagestane v IV–VII vv. [The Kingdom of the Huns (Savirs) in Dagestan in the 4th–7th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
25. Salmin, A.K. (2014) A brief history of the Savirs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 383. pp. 119–125. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/383/18

Received: 04 April 2019

М.В. Симонова

Е.И. ПУГАЧЁВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматривается эволюция оценок отечественными историками личности и деятельности Емельяна Ивановича Пугачёва, который возглавил крестьянское восстание в Российской империи в 1773–1775 гг. Автор приходит к выводу, что эти оценки всегда носили тенденционный характер. Историки дореволюционного периода высказывались о Пугачеве негативно. В советский период Пугачёв был представлен как идеальный народный герой. Современная историография рисует вождя восстания как авантюриста.

Ключевые слова: Е.И. Пугачёв; отечественная историография; исторический портрет.

Самым знаменитым из всех крестьянских вождей является Емельян Иванович Пугачёв, возглавивший самое крупное крестьянское восстание в истории России. Личность его всегда привлекала внимание историков, писателей, публицистов, хотя реальных фактов из его жизни до сих пор найти удалось немного.

Основной массив информации о жизни и деятельности Е.И. Пугачёва изъят из материалов его допросов во время следствия по делу восстания. Помимо дополнительных допросов и очных ставок с участниками восстания, было три основных допроса Пугачёва в 1774 г.: 1) в Яицком городке 16 сентября; 2) в Симбирске с 3 по 6 октября; 3) в Москве с 4 по 14 ноября. Материалы первых двух допросов были опубликованы в периодическом издании – «Чтения Общества истории и древностей российских» в 1858 г. [1]. Материалы последнего допроса от 4 ноября 1774 г. были опубликованы в 1935 г. в журнале «Красный архив» С. Пионтковским [2]. Многие историки в своих работах использовали именно этот документ для анализа личности Пугачёва, так как третий допрос является самым объёмным и подробным. В нём содержатся следующие сведения о жизни и деятельности Е.И. Пугачёва.

Е.И. Пугачёв родился в 1742 г. на Дону в Зимовейской станице. В юнстве помогал отцу в обработке земли. В 17 лет женился на Софье Дмитриевне Недюжевой. В этот же год был отправлен в Пруссию (период Семилетней войны). После возвращения был отправлен на Ветку на территории Речи Посполитой (центр старообрядчества в современной Гомельской области в Беларуси) для отлова беглецов и их возвращения в Россию. Участвовал в первой Русско-турецкой войне, а именно сражался при осаде Бендер. В походе заболел и вернулся на Дон. На Дону содействовал побегу мужа своей сестры, из-за чего был вынужден начать скрываться. 9 февраля 1772 г. первый раз был арестован. После второго побега скрывался в Польше на Ветке. Там получил паспорт и вернулся в Россию, на Терек. Далее деятельность Пугачёва связана с событиями на Яике. Он узнаёт о восстании яицких казаков и об их готовности поддержать антиправительственное движение.

Так как эти сведения совпадают по своему содержанию в работах большей части исследователей, то мы не будем к ним возвращаться, а остановимся более подробно на расхождениях в оценках и интерпретациях действий Пугачёва во время восстания. Важ-

ность и значительность событий 1773–1774 гг. были очевидными, поэтому уже в честь столетия восстания издавались научные работы. Одной из них стала книга «Казань 12 июля 1774 года» П.П. Васильева [3]. Издание книги приурочено к столетию со дня нашествия Пугачёва на Казань (12 июля 1774 г.). В этой работе Пугачёв и его армия представлены как шайка разорителей города. Никаких конкретных характеристик личности вождя восстания не приведено. Сама работа носит обзорный характер и совсем небольшая по объёму – пять страниц текста.

Первым исследователем, кто смог увидеть архивные материалы пугачёвского дела стал, Яков Карлович Грот. Исследователь не занимался специально изучением восстания Пугачёва, он работал над изданием сочинений Державина и составлением его биографии. Но впоследствии им были опубликованы материалы, относящиеся к пугачёвщине, которые он смог изучить в архивах [4]. Николай Фёдорович Дубровин первым был допущен к работе с материалами следственного дела над Е.И. Пугачёвым. Его работа насыщена сносками на источники [5].

Ещё один крупный исследователь событий пугачёвского бунта – Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов. Его книга «Пугачёвский бунт в Зауралье и Сибири» впервые была издана в 1895 г. В ней объёмными кусками приводятся отрывки документов или целые документы. Но комментарии к этим текстам мало, оценок событий почти нет. Повествование идёт от лица правительственной стороны. Есть показания перебежчиков из лагеря Пугачёва – Ивана Белоносова и сотника Сутормина, в которых содержатся сведения о внешности Пугачёва, но особое внимание уделено злодейским действиям вождя восстания. Это и понятно, раз изложение даётся по материалам правительства. Портрет Е.И. Пугачёва таков: «Пугачёв роста среднего, волосы и борода чёрные, под правым глазом рубец, лицом бел, немного сухощав, платье на нём казачье, шаровары малинового бархату, мерлушка чёрная, рубашка белая косой ворот, волосы обриты под кружало и немножко сверху спущены. <...> Многие из Яицких казаков хотят тоже бежать от него, но опасаются напрасной смерти, потому что злодей вешает за самонадеянные вины» [6. С. 36]. Автор приводит показания крестьянина Усть-Суэрской слободы Петра Шалобанова, который утверждал, будто «Пётр Фёдорович» получил благословение на царство от папы римского [Там же. С. 156]. Ещё один

человек – ссыльный колодник, содержащийся в Омской тюрьме, Василий Морозов утверждал, что после воцарения Екатерины II царь Пётр Фёдорович укрывался у папы римского [6. С. 156]. В этих показаниях отражаются попытки следователей найти след пугачёвщины за границей.

В целом работы дореволюционного периода являются описательными, которые иллюстрируют ход событий восстания. Оценок вождя восстания немного, но если они и встречаются, то являются негативными. Это подтверждают материалы книги П.Е. Мельгуновой «Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век».

В книге целый раздел посвящён восстанию Пугачёва. В этот раздел входят материалы переписки о происходящих событиях Екатерины II, графа П.И. Панина, С. Долгорукого; сведения о том, как проходило восстание в Тамбовском крае; отрывки из воспоминаний А.Т. Болотова о взятии и казни Пугачёва. Все материалы отражают определённое настроение в обществе по отношению к Е.И. Пугачёву. Показательно сообщение А.Т. Болотова о казни Пугачёва. Это было зрелище, увидеть которое было много желающих. Сам автор смог увидеть казнь Е. Пугачёва из места с хорошим обзором. Оценка события видна в следующем отрывке: «...можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем» [7. С. 225]. Описание внешнего вида самого Пугачёва показывает разочарование автора, несоответствие образа вождя действительности, который распространялся: «Вид и образ показался мне совсем несоответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклоченные и весь вид ничего незначущий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего...» [Там же. С. 226]. Здесь же приведены свидетельства ещё одного очевидца – И.И. Дмитриева, которому в 1775 г. было четырнадцать лет. В них содержится отражение того впечатления, которое Пугачёв производил во время восстания: «Оренбургской губернии в казацком городке Яике, прозванном потом Уральским, появился донской казак прозвищем Пугачёв, под именем бывшего императора Петра Третьего. Он собрал нарочитое войско из тамошних казаков, всякой сволочи и распространил ужас по всему краю» [Там же. С. 228]. Внешнее описание схоже с тем, которое давал А.Т. Болотов: «Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, чёрные и небольшую бородку клином» [Там же. С. 230].

Советский период в изучении крестьянских движений был более плодотворным, судя по объёму издаваемых работ. Стали появляться труды, посвящённые региональной истории. Так, в 1931 г. Т.В. Васильев издал книгу «Мордовия». Автор описывает историю мордовского народа, в том числе участие мордвы в пугачёвщине. Он упоминает, что легенды о Пугачёве среди мордовского населения сохранились.

Например, он сообщает легенду о том, как Е.И. Пугачёв укрывался в семье у мордвина по имени Юрка. Однако сведений о личности Т.В. Васильев не приводит [8. С. 82].

В 1937 г. вышел сборник документов «Емельян Пугачёв в Нижнем Поволжье» [9]. В книге собраны опубликованные материалы, связанные с пребыванием Пугачёва на Волге. В ней прослеживается апологетика Разина и Пугачёва с первых строк введения. При составлении книги использовались документы из сборников «Пугачёвщина», журнала «Красный Архив» и «Материалы по истории Пугачёвского бунта» Я.К. Грота. Исследователь советского периода Михаил Васильевич Жижка использовал огромный массив архивных документов в своей работе «Емельян Пугачёв»: дела VI разряда Государственного архива, Пугачёвский фонд Панинского архива, которые хранятся в Центральном государственном архиве. Основная масса используемой литературы – это материалы, выпущенные в XIX в.

М.В. Жижка приводит много новых фактов из жизни Е.И. Пугачёва. Изначально после выхода из Ветки, где Е.И. Пугачёв какое-то время укрывался, он просто пытался бежать как можно дальше от властей [10. С. 15]. Затем возникла идея увести яицких казаков на Кубань, по примеру казаков-некрасовцев. Переломным моментом в судьбе Пугачёва, по мнению историка, стала его встреча с раскольников-монахом Филаретом Семёновым, что привело к идее называться императором [Там же. С. 18]. Прибыв в Яицкий городок, Пугачёв на базаре выводил обстановку в городе и в среде казаков. Он выяснил, что из-за притеснений они были готовы на крайние меры. После того, как он прибыл в Яицкий городок и стал распускать слухи о том, что хочет увести казаков на реку Лабу, его снова арестовали. Это был уже четвёртый арест и четвёртый побег. Емельян Иванович не мог бездействовать и быть пассивным: «Он жаждал широкой деятельности и стремился окунуться в самый бурный водоворот событий, происходивших в Яицком городке» [10. С. 33]. Автор напрямую связывает мотивы деятельности Пугачёва с его осознанием тяжёлого положения трудящихся масс. Крестьянство с огромным сочувствием относилось к деяниям Пугачёва, поэтому всячески ему помогло.

Характеристика, которую исследователь приводит, является ярким показателем его явного расположения к личности атамана: «Пугачёв был человеком незаурядным. Серьёзная жизненная школа помогла ему хорошо изучить психологию людей. Его ум, смелость, находчивость, его кипучая энергия внушали обаяние. Он умел влиять на массы, и они в него верили» [Там же. С. 49]. Крайне негативно автор отзывался о казаках, предавших Пугачёва. Обращает М.В. Жижка внимание на роль раскольников в восстании Пугачёва. Эту идею развивает современный автор Алексей Юрьевич Щербаков.

Выделены промахи Пугачёва, которые относятся к событиям января 1774 г. Е.И. Пугачёв уехал из-под Оренбурга в момент всеобщего наступления правительственных войск, а также затеял несвоевременную женитьбу на казачке Устинье Кузнецовой. Интересно,

что Пугачёв выступает инициатором женитьбы на казачке, хотя последующие историки будут утверждать, что это было организовано яицкими казаками для того, чтобы их связь с Е.И. Пугачёвым была ещё крепче. При этом М.В. Жижка приводит показания пугачёвцев, которые свидетельствовали о том, что многие были недовольны этой женитьбой.

В 1951 г. вышла стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Михаила Порфирьевича Вяткина о Емельяне Пугачёве. Говоря о самом вожде восстания, М.П. Вяткин кратко пересказывает содержание материалов последнего допроса Е.И. Пугачёва от 4 ноября 1774 г. с привлечением показаний других лиц, каким-либо образом причастных к Пугачёву.

Автор пытался передать настроение Е.И. Пугачёва для определения мотивов его деятельности: «Пугачёв возвращался в Россию с непримиримой ненавистью к царскому правительству. Он видел бедственное положение и бесправие крепостного крестьянства, видел безудержный произвол помещиков» [11. С. 14]. По предположению М.П. Вяткина, идея представиться Петром Фёдоровичем возникла у Пугачёва во время посещения им Яицкого городка. Выделены слабые стороны движения Пугачёва: он не смог до конца преодолеть национальную вражду между участниками выступления, разрозненность их действий. Большое внимание уделено деятельности сподвижника Пугачёва – Ивану Зарубину (по прозвищу Чика), как организатору восстания.

Учёный Ростовского государственного университета Александр Павлович Пронштейн в 1961 г. (за год до защиты своей диссертации «Земля Донская в XVIII в.») издал сборник документов под названием «Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов». В сборник вошли документы, которые отражают участие донских и волжских казаков в пугачёвском восстании. Большая часть из этих документов была опубликована впервые. Розыск документов проводился как в центральных государственных архивах, так и в областных (Ростов, Астрахань).

Составитель сборника обращает внимание читателя на то, что основная масса документов создавалась чиновниками правительственных учреждений – «защитниками самодержавного строя»: «...текст изобилует злобными выражениями по адресу Е. Пугачёва и его сторонников» [12. С. 4].

Огромную по объёму работу по изучению восстания Е.И. Пугачёва провёл историк Юрий Александрович Лимонов. В 1965 и 1974 гг. Ю.А. Лимонов совместно с В.В. Мавродиным и В.М. Панеяхом выпустил работы о пугачёвщине [13, 14]. Повествование о Е.И. Пугачёве начинается с приведения сведений о его деде – Михаиле Пугаче. Сделано предположение, что раз он являлся выходцем из Зимовейской станицы, то, возможно, его семья имела украинское происхождение. Это предположение основано на том, что станица была расположена на малороссийских землях. Емельян Иванович был самым младшим среди детей своей семьи. Исследователь приводит интересные сведения о старшем брате Пугачёва – Дементии. Так как Дементий не был замешан в восстании, он «был освобождён от присмотра, награждён 100 руб-

лями с приказанием впредь именоваться “Дементиём Ивановым”» [13. С. 8]. Это указывает на стремление властей искоренить даже саму фамилию Пугачёва после восстания.

По словам автора, Е.И. Пугачёв всегда имел желание отличиться от других. Приведена его следующая характеристика: «...натура Пугачёва – свободолюбивая, упорная, настойчивая, храбрая, осторожная» [Там же. С. 10]. Идея объявить себя царём Петром Фёдоровичем возникает на Добрянском форпосте в Польше. Причиной возникновения этой идеи выступить от имени царя назван «наивный монархизм» крестьянства, о котором писал ещё К.В. Чистов в своей работе. У Пугачёва было семь предшественников, которые именовали себя Петром III. По дороге из Польши Пугачёв представлялся богатым купцом, повидавшим Царьград и Египет.

Некоторые факты из биографии Пугачёва интерпретируются по-разному в работах советских авторов. Например, по сведениям Ю.А. Лимонова, купец Щелоков не проявил особой активности, чтобы помочь Пугачёву освободиться из тюрьмы в Казани. А тяжёлые кандалы сняли с него по причине болезни. По Х.И. Муратову, Щелоков вёл переговоры с губернатором и секретарём по поводу Пугачёва. А упоминаемые кандалы сняли после разговора Пугачёва и секретаря, когда Пугачёв стал жаловаться на невероятную их тяжесть. А.Ю. Лимонов считал, что Пугачёву довелось увидеть много несправедливости в государственном режиме, поэтому он решает с этим устройством бороться, а не бежать от него. Своим ближайшим соратникам Пугачёв признался, что царём он не являлся, но они поддерживали его из-за собственных целей. Все пугачёвцы были твёрдо убеждены в правоте своего дела. Качества личности самого Пугачёва, по словам историка, завоёвывали сердца и люди поддерживали его с такой неукротимостью. Интересный факт – на знамёнах Пугачёва был раскольничий крест. Это наводит на мысль, что, возможно, он был старовером. Многие историки поднимали этот вопрос, и мы ещё вернёмся к нему.

Огромное значение для казачества имел захват Оренбурга, так как они видели в нём источник основных зол для себя. Он являлся стратегическим центром обороны, экономическим центром региона, а также административным центром региона, из которого исходили все распоряжения относительно яицкого казачества. Пугачёв хотел захватить Оренбург именно в угоду казакам. Зависимость Пугачёва от яицких казаков подтверждает и его женитьба на казачке Устинье Кузнецовой. Этим они хотели теснее привязать его к себе.

Все лозунги и обращения Пугачёва были дифференцированы: каждой категории населения было обещано то, в чём она нуждалась. Но не было у Пугачёва чёткого представления о том, каково должно быть устройство государства после его победы: «Манифесты, указы и обращения Пугачёва пронизывают неясные мечты о воле, труде, равенстве, справедливости» [Там же. С. 28].

Ю.А. Лимонов анализирует отзывы современников о Е.И. Пугачёве и заключает, что отвагу, решительность и храбрость признавали и друзья, и недру-

ги. Историк ссылается на переписку Екатерины II с Вольтером от ноября 1774 г., где она пишет о смелости и решительности Пугачёва. По отзывам самих пугачёвцев, Емельян Иванович был отменным артиллеристом, хорошим минёром. Владел разными видами оружия, был опытным наездником. В общении Пугачёв использовал наречие донских казаков. Был склонен к фантазированию. Был очень добр и своим заступничеством, по словам историка, спас жизнь многим людям из вражеского стана; не допускал мародёрства в своём лагере.

Не обделён вниманием историка и внешний облик казацкого вождя. Приведено описание Е.И. Пугачёва, взятое из его паспорта, который им был получен на Добрянском форпосте в августе 1772 г. при переходе русско-польской границы: «...росту два аршина четыре вершка с половиной <...> волосы на голове тёмно-русые и борода чёрная с сединой, от золотухи на левом виску шрам» [13. С. 32]. Также приведены словесные описания Пугачёва, которые были даны его первой женой Софьей Дмитриевной Недюжевой, соратником Максимом Шигаевым, корнетом Пустоваловым и несколькими видевшими его простыми людьми. Историк считает неправомерным ставить вопрос о тактических ошибках Пугачёва, так как было множество объективных причин, по которым, казацкий вождь просто не мог поступить по-другому: «...следует не перечислять “ошибки” Пугачёва, а отметить его место в истории трудового народа России» [Там же. С. 36].

В 1973 г. в СССР широко отмечалось 200-летие начала восстания под предводительством Е.И. Пугачёва, поэтому этот период (1973–1975) характеризуется наличием огромного числа работ, посвящённых данному событию. В этой связи в 1975 г. вышла в свет ещё одна книга Ю.А. Лимонова «Емельян Пугачёв и его соратники». Она книга не многим отличается по своему содержанию от предыдущих работ автора. Есть сообщение о том, когда Пугачёв начинает открыто называться Петром III. Это происходит, по его словам, после побега из Казани. В своём лагере Пугачёв систематически устраивал званые обеды для своих ближайших сподвижников. Эти обеды всегда сопровождались песнями и изрядным количеством спиртного. Сам же Е.И. Пугачёв не злоупотреблял горячительными напитками.

Историк Х.И. Муратов провёл анализ причин, по которым население поддержало Е.И. Пугачёва. В 1760-е гг. сложилась сложная ситуация для крестьян. Угнетению подвергались не только русские, но и башкиры, татары, киргизы, казахи, удмурты, мордва, чуваш. Наблюдалось наступление на казацкие вольности. Так, например, яицкие казаки были в этот период лишены всех элементов самоуправления.

Идея представиться Петром III возникла во время нахождения Е. Пугачёва в Польше. Но она созрела не у самого Пугачёва, а у Алексея Семёнова и купца Кожеевникова, который даже предложил Пугачёву выслать деньги в случае необходимости. Впервые называться царём Пугачёв стал во время поездки из Мечетной слободы на Яик с целью разведать там обстановку. Очевидно, что этот вопрос о том, когда и где стал именовать себя Пугачёв покойным императором,

стал спорным и до конца не разрешимым. Основные характеристики Е.И. Пугачёва, которыми наделяет его Х.И. Муратов: хитрость, наличие острого желания продемонстрировать уровень своей власти и своего превосходства. Это иллюстрирует сюжет со знаменитым портретом Пугачёва, который был написан по верху портрета Екатерины II. Х.И. Муратов, как А.Ю. Лимонов, заключает, что во время своих странствий Е.И. Пугачёв повидал много бедствий угнетаемого народа и именно поэтому у него родилась идея поднять народ на восстание.

Описание внешности Е.И. Пугачёва Х.И. Муратовым приводит к мысли, что речь идёт о былинном персонаже: «...широкие, богатырские плечи, тёмно-русые волосы, остриженные по-казацки в кружок, чёрная борода и пронизательные карие глаза» [15. С. 26]. Ещё один апологетический образ автор рисует в момент, когда Пугачёв впервые предстаёт перед казаками в образе царя: «Перед ними был человек, много видевший и много переживший. Умный, пронизательный взгляд, многочисленные морщины, преждевременно избороздившие лоб, седеющая в тридцать лет борода явились тому красноречивыми свидетелями» [15. С. 30].

События, которые затем вылились в пугачёвское восстание, по словам автора, произошли по воле случая, т.е. не были спланированы: «Однажды Степан Максимович (Оболяев) пригласил Пугачёва в баню. Когда Пугачёв разделся, Оболяев обратил внимание на какие-то знаки на груди Емельяна Ивановича. Это были следы золотухи, которой Пугачёв когда-то болел» [Там же. С. 27]. Эти следы Е.И. Пугачёв представил как царские отметины. Кроме этого автор подчёркивает, что Пугачёв обладал всеми необходимыми качествами для руководства: энергичность, смелость, находчивость, военный опыт и т.д. Таким образом, историки советского периода видели в Пугачёве личность энергичную, целеустремлённую и всецело проникшуюся идеей помощи простому угнетённому народу, очевидно также, что многие характеристики классово акцентированы.

После 1991 г. интерес к персоне Емельяна Ивановича не утихает. Продолжают печататься сборники документов, уточняются факты его биографии, изменяются оценки событий.

В 1997 г. произошла первая публикация протоколов следственных показаний Е.И. Пугачёва в сборнике, подготовленном Р.В. Овчинниковым. Во введении Пугачёву дана небольшая характеристика: «За время службы Пугачёв побывал во многих местах Европейской России, на Украине, в Польше, Восточной Пруссии и в Бессарабии. Будучи человеком свободолюбивым и предприимчивым, он с годами стал тяготиться доставшейся ему судьбой и, наконец, решившись, оставил службу, родную станицу и семью и отправился на поиски лучшей доли и вольной жизни» [16. С. 6]. Людей в нём привлекали его энергия и страстная жажда лучшей жизни. Р.В. Овчинников считает, что восстание Пугачёв готовил, оно не было спонтанным.

Оценка Пугачёва не однобока, показаны как положительные, так и отрицательные его черты: «Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля

и смелость, великодушие, верность избранному пути, сострадание к угнетённому народу. Но порою в поступках его проявлялось и плутовство, и коварство, и мстительность, и даже жестокость» [16. С. 24].

При анализе материала первого допроса Пугачёва Мавриным, историк обратил внимание на то, что в нём не встречаются уничижающие характеристики Пугачёва и его соратников. По его мнению, это связано с тем, что дознаватель проникся уважением к Пугачёву из-за его достойного и мужественного поведения во время допроса. Именно этот допрос исследователь считает наиболее достоверным. Материалы допросов в Симбирске основаны на ложных показаниях Пугачёва, так как его пытали. Допрашивал и пытал П.С. Потёмкин. Пугачёв оговаривал всех, кого только мог вспомнить. Но из материалов этого допроса всё же можно почерпнуть информацию, соответствующую действительности с опорой на критический анализ. Удивляет историка феноменальная память мятежника, в которой сохранились множественные подробности его жизни.

Во введении указанного сборника характеризуются личности дознавателей и лиц, которые прямо или косвенно принимали участие в следствии по делу Пугачёва. Состояние же самого Е.И. Пугачёва во время следствия было не самым лучшим. Уже в Москве были опасения за его жизнь. Относительно следа старообрядцев в деле восстания, указано, что раскольники, имена которых называл Пугачёв на следствии, при допросах и очных ставках свою причастность к организации восстания отрицали. Учтена тенденциозность в оценках действий пугачёвцев, что выражалось «в чрезмерном сновании следствия к фактам расправ повстанцев со своими врагами, причём факты такого рода преподносились в протоколах дознания в извращённом виде» [Там же. С. 53].

Авторы книги «О воззрениях русского народа» (2000) поставили перед собой задачу рассказать «на профессиональном уровне, опираясь на многообразные и достоверные источники, о тех представлениях русских, которые наиболее характерны для них, как народа, органично присущи им, как русским» [17. С. 3]. Основой повествования является рассказ о религиозной стороне жизни русских, так как православие являлось основой их жизни. Проведены аналогии с современностью. Две части книги из трёх посвящены именно религии и её восприятию народом. Третья часть представляет отношение русских к отечеству и царю. По мнению автора, это отношение отчётливо видно в переломные моменты истории. Как важнейшая особенность исторической памяти выступает избирательность: «Народное сознание выделяет наиболее значимые эпохи и события» [Там же. С. 423]. Вплоть до XIX в. память о каких-либо событиях передавалась устно в виде исторического фольклора, в котором также содержалась оценка событий. При этом все жанры народного творчества имели свои законы развития (былины, песни, предания). Подобные труды могут помочь сформировать образ личности крестьянского вождя в народном представлении.

Фольклор, содержащий сведения о Пугачёве, обычно разделяют на два блока: 1) повествования о

Пугачёве – императоре Петре Фёдоровиче; 2) короткие рассказы об отдельных событиях восстания и о пугачёвскихкладах. Сбор основного фольклорного материала по теме проходил в 60–70-е гг. XIX в. Историки утверждают, что первым собирателем фольклора о Пугачёве был А.С. Пушкин, который совершил поездку по местам восстания. Удивительно, но по сравнению с объёмом материала о Разине, объём сведений о Пугачёве более скуден и география распространения тоже невелика. О восстании С.Т. Разина было известно даже жителям Сибири, что подтверждает работа С.Р. Хмыровой [18]. Авторы утверждают, что скудость песен и преданий о Пугачёве не является показателем того, что их было мало и что они не пелись. Основной мотив песен пугачёвского цикла – расправа пугачёвцев с господами-помещиками – «рассказы эти похожи один на другой, они вполне устойчивы и лишены фантастического элемента» [17. С. 473].

В крестьянской среде также встречались антипугачёвские песни и предания. Авторы приводят пример такой песни: при царице Екатерине жилось народу хорошо, но пришёл на землю Русскую Пугачёв и стал нарушителем спокойной жизни народа и государства. В подобных песнях подвергается осуждению жестокости Пугачёва и его соратников. Крестьяне вспоминали, как пугачёвцы расправлялись со священниками, с господами, которым они сострадали в их положении. Есть предания, в которых говорится о том, как крестьяне вооружались и учились стрелять, чтобы отбиваться от пугачёвцев. Хотя при всём этом крестьяне не оспаривали масштабность событий пугачёвщины, что также отражается в преданиях. Например, некоторые губернии вели своё летоисчисление от восстания Пугачёва, когда соотносили то или иное событие с восстанием (было оно до, во время или после пугачёвщины).

Примечательно, что песни о народных вождях часто переплетались по сюжету. Так авторы книги приводят в пример песни, где в одном временном пространстве живут и содействуют Ермак Тимофеевич, Разин, Мазепа, Отрепьев. Или песни, в которых Разин переносится в XVI в. и помогает Ивану Грозному брать Казань, или даже сам берёт Казань: «На основе разинского репертуара довольно часть возникали песни о Пугачёве. Так была создана песня “Пугачёв в Астрахани”» [Там же. С. 475]. В песнях встречалось и упоминание о Пугачёве как помощнике Разина. Приведены записи беседы Н.И. Костомарова со столетним стариком, который ещё видел Пугачёва. Старик показал следующее: «Тогда иные думали, что Пугачёв-то и есть Стенька Разин, сто лет кончилось, и он вышел из своей горы» [Там же. С. 476].

Обобщающая характеристика Е.И. Пугачёва дана в журнале «Наша история. 100 великих имён» за 2010 г. Журнал позиционирует себя как энциклопедическая коллекция. Номер издания полностью посвящён Е.И. Пугачёву. В небольшом вступлении он характеризуется следующим образом: «Донской казак, в силу стечения обстоятельств, ставший бродягой, решил бороться с несправедливостью окружающего мира самым отчаянным образом – и превратился в самозванца». Описание происхождения атамана совпадает

с работами предшествующих историков: начало повествования с судьбы деда Емельяна Ивановича, от которого он перенял прозвище «Пугач»; описано его участие в Семилетней войне; участие в отлове беглых в Польше; болезнь золотухой во время Русско-турецкой войны. Слишком многое в биографии Пугачёва и его действиях отводится случайности: «Прожив в Черкасске около двух недель, Пугачёв принял роковое решение: он вздумал съездить в Таганрог, где жила сестра Федосья с мужем Симоном Павловым» [19. С. 8].

Сделано замечание, касающееся внешнего облика Пугачёва, на основе его паспорта, выданного на Добрянском форпосте в 1772 г. при переходе польско-русской границы: «Обратите внимание: 30-летний Пугачёв уже начал седеть. Десяток лет он, несомненно, добавил от себя, но характерно, что это не вызвало подозрений у пограничников. Видимо, потрясения последнего года сказались и на его внешнем облике» [Там же. С. 10]. Власть Пугачёва охарактеризована как демонстративная, нежели действительная. Так, например, когда Е.И. Пугачёв отлучился из Бердской станицы, казаки расправились с его любовницей Татьяной Харловой.

В журнале содержится самый поверхностный историографический обзор, это скорее обобщённое восприятие образа Пугачёва в разные периоды. XVIII–XIX вв. характеризуются вытравливанием любых упоминаний о восстании и его руководителе. Дошло даже до переименования Зимовейской станицы в Потёмкинскую станицу, а Яика в Урал. В этот же период самого руководителя восстания именовали «Емельякой»: «Он был “вор”, “злодей”, “изверг”, “разбойник”, и его превращение в такового объяснялось исключительно дурными свойствами его характера» [Там же. С. 29]. Показательным произведением XIX в. названа работа Н.Ф. Дубровина, которая уже самим названием своим («Пугачёв и его сообщники») подчёркивает преступный характер деятельности Е.И. Пугачёва. Переломным моментом в отношении к Пугачёву стала «Капитанская дочка» Пушкина. После революции та же самая станица, где родился Пугачёв, снова была переименована в Пугачёвскую, так как сам Е.И. Пугачёв стал символом освободительной народной борьбы. В советский период «Капитанская дочка» не раз была сыграна на сцене театра и переснята кинорежиссёрами. В современный период появились, по выражению авторов журнала, «сниженные версии» «Капитанской дочки». Речь идёт об одноимённом мультфильме и мюзикле «Куда путь держишь, Ваше благородие?..». Помимо официальной версии и художественного образа Пугачёва, уделено внимание народному мнению, которое являлось полярным официальной версии.

Интересен взгляд петербургского журналиста Алексея Юрьевича Щербакова в его книге «Емельян Пугачёв. Изнанка Золотого века». Пугачёв, по мнению А.Ю. Щербакова, не обладал талантом военачальника, но был великим авантюристом, которому «даже не пришлось направлять движение бунта, он просто следовал ему» [20. С. 6]. Им использованы материалы допросов и агитационных писем, материа-

лы правительственных распоряжений, работы А.С. Пушкина, Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Н. Ваиленко, А. Иванова, Л. Агеевой, Н. Шефова, В. Буганова, М. Пинегина. Исследователь предположил, что Е.И. Пугачёв передвигался по так называемым дорогам. Под этим понятием он подразумевает систему явок «при которых люди передают от одного к другому, им предоставляют кров и сообщают заодно местные особенности – куда стоит соваться, а какое место лучше обойти по широкому кругу – и так далее» [20. С. 79]. Автор сообщает, что старообрядцы проложили такие «дороги» по всей территории вплоть до Алтая.

Помимо версии о том, что Пугачёву могли помогать староверы, автор разобрал версии о поляках и французах. Он заключает, что ни поляки, ни французы не могли помогать Пугачёву. Ещё одной силой, которая могла оказать поддержку или влияние на деятельность Пугачёва, по мнению автора, являлась Блистательная Порта. Автор это подтверждает тем, что изначальная агитация Пугачёва заключалась в призыве казаков уйти на р. Лабу по примеру казаков-некрасовцев. Осуществить это можно было через старообрядцев (некрасовцы также были староверами).

28 мая 1773 г. – это дата побега Пугачёва из Казани. Но о его бегстве сообщение было написано только через семь дней, а также были разосланы увещания в те места, где Пугачёв не мог находиться. Эти сведения наталкивают Щербакова на мысль о том, что это было сделано при поддержке старообрядцев: «...всем было хорошо заплачено» [Там же. С. 137].

Автор останавливается на подробном анализе вооружения Пугачёва. Из показаний Михаила Кожевникова следует, что на встречу с яицкими казаками он пришёл с винтовкой: «Стреляющее средство, которое называли винтовкой, было более известно как штуцер, оно являлось нарезным дульнозарядным ружьём. Это было элитное оружие во всех отношениях» [Там же. С. 142]. Опять же автор считает, что именно старообрядцы позаботились о таком снаряжении Пугачёва.

А.Ю. Щербаков поднял вопрос о монете с портретом Петра III и надписью «Redivivus et uitor» («Воскрес и мщу»), чеканенной в лагере Пугачёва. Он отмечает, что этих монет никто не видел, хотя из материалов допроса Пугачёва видно, что его спрашивали о выпускаемых им монетах. Автор заключает, что монеты в лагере Е.И. Пугачёва всё-таки чеканились. Их выпустили в Алатыре. Приведено описание этой монеты современного нумизмата Евгения Арсюхина. Это были медные деньги с портретом Пугачёва и гербом Людовика XIV (в Поволжье было много жетонов с подражанием его герба).

При описании действий пугачёвцев в Саранске, исследователь приводит материалы, собранные местным краеведом. Интересно, что, судя по этим материалам, все местные жители, местные города прекрасно знали, что к городу приближается Пугачёв, который не является Петром III, но, тем не менее, его ждали с нетерпением и соблюдали все необходимые условности поведения при встрече «царской особы». А.Ю. Щербаков высказал предположение, что Екате-

рина II целенаправленно старалась сохранить память о Пугачёве, а не наоборот. Так как, по его мнению, переименования объектов и сожжение домов Пугачёва еще более его прославляло. Это делалось якобы для устрашения помещиков, чтобы они помнили, каким может быть гнев озлобленного народа.

Свое видение личности Е.И. Пугачёва изложил Евгений Николаевич Трефилов в книге «Пугачёв». Е.Н. Трефилов в своей работе опирался не только на изданные источники, но и на неопубликованные архивные материалы. Автор уверен, что Пугачёв не был раскольников. В этом вопросе он ссылается на показания самого Пугачёва и его первой жены Софьи, которые никак не были связаны (показания его жены были получены до его ареста). Е.Н. Трефилов считает несостоятельным утверждение В.В. Мавродина о том, что Пугачёв впервые испытал жестокость крепостной системы, когда был наказан плетью за то, что упустил лошадь полковника Денисова во время пребывания на фронте Семилетней войны. Исследователь полагает, что подобная мера наказания не могла быть видена и испытана Пугачёвым впервые, так как казаки также применяли телесные наказания: «...эта версия несостоятельна хотя бы потому, что Пугачёв был наказан за оплошность своим же казачьим полковником» [21. С. 19]. Автор соглашается с мнением В.Я. Мауля о том, что самооценка Пугачёва была чрезмерно высока, что сказывалось на его восприятии происходивших событий. В том числе, это могло сказаться на том, что Е.И. Пугачёв запомнил эти побои и сам о них рассказывал на следствии.

Историк подвергает жёсткой критике достоверность показаний Пугачёва на следствии. С одной стороны, он выявил много разногласий в показаниях, пытаясь определить где правда, а где вымысел. Для этого исследователь предпринял параллельный анализ источников, сравнивая показания Пугачёва и лиц, которых он упоминал в допросах. Например, в побеге во время его конвоирования из станицы Чирской в Черкасск в 1772 г., он оговорил Лукьяна Ивановича Худякова. Пугачёв утверждал, что именно Худяков спланировал и организовал его побег, но сам Худяков это отрицал на следствии. Автор склоняется к версии Худякова. С другой стороны, исследователь указывает, что Пугачёв начал оговаривать других в тех или иных действиях после того, как на допросе в Симбирске к нему начали применять физические меры давле-

ния – пытки. Так, на первом допросе Е.И. Пугачёв утверждал, что он по собственной инициативе принял имя покойного императора. Во время второго допроса, после истязаний, он оговаривает в этом Логачёва и Кожевникова. Уже на третьем допросе в Москве «Пугачёв превратил этот оговор в красочный рассказ» [21. С. 47].

Автор однозначно утверждает об отсутствии заговора старообрядцев, так как «заговорщики» «палец о палец не ударили для осуществления своего предприятия» [Там же. С. 49]. Таким образом, исследователь заключает, что Пугачёв самостоятельно принял на себя имя Петра Фёдоровича, так как Пугачёв врал и до этого, выдавая себя то старовером, то богатым купцом. Историк отвергает идею советских историков о том, что целью деятельности Пугачёва было сострадание к простому народу. Но при этом он не исключает, что Пугачёв действительно испытывал подобные чувства.

Подводя итог, можно говорить, что в отечественной историографии личность Е.И. Пугачёва оценивается неоднозначно. В дореволюционный период работы историков носили описательный характер, составленные на основе архивных материалов, которые имели ярко тенденциозный характер, вследствие чего деятельность Пугачёва оценивалась негативно. Историки советского периода опирались на классовую идеологию марксизма, поэтому Пугачёв предстаёт как народный герой, сочувствовавший тяготам населения. Но, надо отдать должное, советские историки издали огромный массив документов по пугачёвщине. Современные исследователи представляют Е.И. Пугачёва как жертву случая, которая смогла выплеснуть свою неутолимую чрезмерную энергию. Кроме этого, его оценка перестала быть однобокой. Появились материалы, которые подтверждают, что среди населения были сочувствовавшие Пугачёву, были и те, которые оказывали ему сопротивление.

В ходе анализа литературы выделились спорные вопросы: 1) когда и где Е.И. Пугачёв решил именоваться Петром III? 2) было ли восстание спланированным? 3) какова роль старообрядцев в восстании? Эти вопросы подлежат дальнейшему изучению, так как являются важными для понимания сущности пугачёвщины. Ответы на второй и третий вопросы могут дать объяснение реальных мотивов деятельности пугачёвцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы отечественные. Допросы Пугачёва // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1858. Апрель–Июнь. Книга вторая. (626 с.) С. 1–52. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8180/461576>, свободный (дата обращения: 18.09.2016).
2. Допрос Е.И. Пугачёва в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 г. // Красный архив. 1935. Т. 2–3. С. 159–237. (часть 1, часть 2) / предисл. С. Пионтковского. URL: http://annales.info/sbo/contents/ka.htm#35_2, свободный (дата обращения: 11.09.2016).
3. Васильев П.П. (1840–1883.). Казань 12 июля 1774 года: [К столетию восстания Пугачёва] / [Соч.] П.-льва. Казань : Унив. тип., 1874. 8 с. Авт. установлен по изд.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов... М., 1957. Т. 2. С. 340.
4. Грот Я.К. Материалы для истории Пугачёвского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачёва. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1876. 144 с.
5. Дубровин Н.Ф. Пугачёв и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.: по неизданным источникам. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1884. Т. 1–3.
6. Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачёвский бунт в Зауралье и Сибири: [16+]. М. : Вече, 2013. 283 с.
7. Мельгунова П.Е. Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век : сб. отрывков из зап., воспоминаний и писем сост. П.Е. Мельгуновой, К.В. Сивковым и Н.П. Сидоровым. М. : Задруга, 1914–1923. Ч. 1–2.
8. Васильев Т.В. Мордовия. М. : Центриздат, 1931. 207 с.

9. Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье: [Документы]. Сталинград : Обл. кн-во, 1937. 134 с.
10. Жижка М.В. Емельян Пугачев / под ред. проф. В.И. Лебедева. 2-е изд. М. : Учпедгиз, 1950. 216 с.
11. Вяткин М.П. Емельян Пугачев : стенограмма публичной лекции... : д-р ист. наук М.П. Вяткин ; Всесоюз. о-во по распространению пол-лит. и науч. знаний. Ленингр. отд-ние. Л., 1951. 40 с.
12. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов : сб. док. / Архивный отд. Упр. внутр. дел Рост. облисполкома / под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1961. 231 с.
13. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и его сподвижники / Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. М. ; Л. : Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. 140 с.
14. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 188 с.; 20 см. (Научно-популярная серия / АН СССР).
15. Муратов Х.И. Крестьянская война под предводительством Е.И. Пугачева. М. : Просвещение, 1970. 160 с.
16. Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. арх. древ. актов; [сост. Р.В. Овчинников, А.С. Светенко]. М. : Языки рус. культуры, 1997. 463 с.
17. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа / Ин-т этнологии и антропологии Рос. Акад. наук. М. : Паломникъ, 2000. 541 с.
18. Хмырова С.Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII – конце XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 23 с.
19. Наша история. 100 великих имен: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО «Де Агостини». М. : Де Агостини, 2010.
20. Щербаков А.Ю. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. 396 с.
21. Трефилов Е.Н. Пугачев: [16+]. М. : Молодая гвардия, 2015. 398 с. вып. 1732 (1532).

Статья представлена научной редакцией «История» 25 марта 2019 г.

Yemelyan Pugachev in Russian Historiography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 155–163.

DOI: 10.17223/15617793/444/20

Marina V. Simonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

Keywords: Yemelyan Pugachev; Russian historiography; historical portrait.

The aim of the article was the review of the assessments of the personality of Yemelyan Pugachev made by Russian historians. Pugachev led a Russian rebellion in 1773–74 that became the biggest revolt in Russia in the eighteenth century. The sources of the article were the works of Russian historians: monographs, articles, lecture materials. The author divided the works of Russian historians into three periods: pre-revolutionary, Soviet and modern. Using a comparative historical method, the author revealed certain tendencies of the making of Pugachev's image in each of the periods of national historiography. The author came to the following conclusions. Pre-revolutionary historians' works could be considered narrative because sources of information about this period were hardly accessible. Materials of the commission of inquiry that was running Pugachev's rebellion investigation are the main source of studying Pugachevshchina. Ya.K. Grot was the first to see the investigation materials, and N.F. Dubrovin was the first to examine them. Therefore, their works can be considered as compilations made up of texts of documents. Pugachev himself is presented as an anti-state villain in these works, since the main part of them was governmental materials. Many works related to peasant speeches were published during the Soviet period. This was due to the Marxist ideology. The leaders of these speeches were presented as national heroes and liberators worried about the rights of poor people. This was the then image of Pugachev. Some authors (e.g., A.Yu. Limonov) even opposed any criticism of Pugachev and justified all his actions by objective circumstances. Still, we must pay tribute to Soviet historians who published a great number of documents about Pugachev's rebellion. They worked in central and regional archives. During the Soviet period, the Pugachevshchina study started to be carried out in regions: the Volga, Mordovia, Ural, and others. Modern historians are making a detailed analysis of the investigation materials. They pay attention to the investigators who were questioning Pugachev and his accomplices. Pugachev's personality assessment stops being one-sided with either positive or negative sides only. Now we know that it was not only Cossacks that were aware of the spuriousness of the "emperor" Pugachev was trying to pretend to be, but also peasants that he met in the villages knew who he really was. They kindly welcomed him because of the fear of being defeated. Some peasants even tried to resist. At the same time, this information is not contained in governmental records only, but in the folk stories and songs about Pugachev as well. Another feature of modern historiography is that much of Pugachev's action is attributed to coincidence. However, during the rebellion he was able to apply all his tireless energy Soviet historians wrote about.

REFERENCES

1. Imperial Society of Russian History and Antiquities. (1959) *Materialy otechestvennye. Doprozy Pugacheva* [Russian materials. Interrogations of Pugachev]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. April–June. Book 2. pp. 1–52. [Online] Available from: <http://www.runivers.ru/lib/book8180/461576>. (Accessed: 18.09.2016).
2. Krasnyy arkhiv. (1935) *Dopros E.I. Pugacheva v Taynoy ekspeditsii v Moskve 4 noyabrya 1774 g.* [Interrogation of E.I. Pugachev in the Secret Office in Moscow on November 4, 1774]. *Krasnyy arkhiv*. 2–3. pp. 159–237. [Online] Available from: http://annales.info/sbo/contents/ka.htm#35_2. (Accessed: 11.09.2016).
3. Vasil'ev, P.P. (1874) *Kazan' 12 iyulya 1774 goda: [K stoletiyu vosstaniya Pugacheva]* [Kazan, July 12, 1774: [On the centenary of Pugachev's rebellion]]. Kazan': Univ. tip.
4. Grot, Ya.K. (1876) *Materialy dlya istorii Pugachevskogo bunta: Bumagi, odnosyashchiesya k poslednemu periodu myatezha i k poimke Pugacheva* [Materials for the history of Pugachev's rebellion: Papers relating to the last period of the revolt and the capture of Pugachev]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
5. Dubrovin, N.F. (1884) *Pugachev i ego sobshchniki: Epizod iz istorii tsarstvovaniya imperatritsy Ekateriny II. 1773–1774 gg.: po neizdannym istochnikam* [Pugachev and his accomplices: Episode from the history of the reign of Empress Catherine II. 1773–1774: according to unpublished sources]. Vols 1–3. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova.
6. Dmitriev-Mamonov, A.I. (2013) *Pugachevskiy bunt v Zaural'e i Sibiri: [16+]* [Pugachev's rebellion in the Trans-Urals and Siberia: [16+]]. Moscow: Veche.
7. Mel'gunova, P.E. et al. (1914–1923) *Russkiy byt po vospominaniyam sovremennikov: XVIII vek: sb. otryvkov iz zap., vospominaniy i pisem* [Russian life according to the memoirs of contemporaries: 17th century: Extracts from notes, memories and letters]. Parts 1–2. Moscow: Zadruga.
8. Vasil'ev, T.V. (1931) *Mordoviya* [Mordovia]. Moscow: Tsentrizdat.

9. Aleseev, V. (1937) *Emel'yan Pugachev v Nizhnem Povolzh'e: [Dokumenty]* [Yemelyan Pugachev in the Lower Volga region]. Stalingrad: Obl. kn-vo.
10. Zhizhka, M.V. (1950) *Emel'yan Pugachev* [Yemelyan Pugachev]. 2nd ed. Moscow: Uchpedgiz.
11. Vyatkin, M.P. (1951) *Emel'yan Pugachev: stenogramma publichnoy lektsii* [Yemelyan Pugachev: transcript of a public lecture]. Leningrad: [s.n.].
12. Pronshteyn, A.P. (ed.) (1961) *Don i Nizhnee Povolzh'e v period krest'yanskoy voyny 1773–1775 godov: sb. dok.* [The Don and the Lower Volga region during the peasant war of 1773–75: Documents]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
13. Limonov, Yu.A., Mavrodin, V.V. & Paneyakh, V.M. (1965) *Pugachev i ego spodvizhniki* [Pugachev and his associates]. Moscow; Leningrad: Nauka.
14. Limonov, Yu.A., Mavrodin, V.V. & Paneyakh, V.M. (1974) *Pugachev i pugachevtsy* [Pugachev and Pugachev men]. Leningrad: Nauka.
15. Muratov, Kh.I. (1970) *Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom E.I. Pugacheva* [Peasant war led by Ye.I. Pugachev]. Moscow: Prosveshchenie.
16. Ovchinnikov, R.V. & Svetenko, A.S. (1997) *Emel'yan Pugachev na sledstvii: sb. dok. i materialov* [Yemelyan Pugachev at the investigation: Documents and materials]. Moscow: Yazyki rus. kul'tury.
17. Gromyko, M.M. & Bugarov, A.V. (2000) *O vozzreniyakh russkogo naroda* [On the views of the Russian people]. Moscow: Palomnik".
18. Khmyrova, S.R. (2006) *Istoricheskoe soznanie russkogo naseleniya Sibiri vo vtoroy chetverti XVIII – kontse XIX vv.* [The historical consciousness of the Russian population of Siberia in the second quarter of the 18th – the end of the 19th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
19. De Agostini. (2010) *Nasha istoriya. 100 velikikh imen* [Our hisstory. 100 great names]. Moscow: De Agostini.
20. Shcherbakov, A.Yu. (2014) *Emel'yan Pugachev. Iznanka Zolotogo veka* [Yemelyan Pugachev. The reverse side of the Golden Age]. Moscow: OLMA Media Grupp.
21. Trefilov, E.N. (2015) *Pugachev: [16+]*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).

Received: 25 March 2019

А.С. Шевляков, О.А. Черемных

СНАБЖЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ТОВАРАМИ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Анализируется организация снабжения городского населения Новосибирской области товарами широкого потребления в годы Великой Отечественной войны. Авторы отмечают, что производство предметов потребления резко сократилось. Существенно изменился ассортимент продукции легкой промышленности. Напротив, количество городского населения региона заметно возросло. Проблема обеспечения населения элементарными бытовыми товарами промышленного производства приобрела особую остроту. С весны 1942 г. в Новосибирской области была введена карточная система снабжения населения непродовольственными товарами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; горожане; непродовольственные товары.

В годы Великой Отечественной войны значительная часть промышленных предприятий по понятным причинам была переключена на выпуск военной продукции, производство предметов народного потребления резко сократилось. Существенно изменился ассортимент продукции легкой и пищевой промышленности: основное место в нем заняла продукция, необходимая для снабжения армии продовольствием и обмундированием. С 1940 по 1945 г. выработка чулочно-носочных изделий уменьшилась в стране в 5,4 раза, бельевого трикотажа – в 4,7 раза, резиновой обуви – в 4,7 раза, кожаной обуви – в 3,4 раза, мыла – в 3 раза и т.д. Производство таких товаров, как хлопчатобумажные, шерстяные и льняные ткани, кожаная обувь снизилось за годы войны до уровня середины 1920-х гг. [1. С. 456].

Демографические процессы в Новосибирской области отличались стремительной динамикой и характеризовались противоречивыми тенденциями. Мобилизации на фронт мужчин призывных возрастов, увеличение смертности гражданского населения вследствие постоянного недоедания, болезней и неблагоприятных условий проживания вызвали значительное сокращение городского населения. Однако встречный поток эвакуированных граждан и сельских жителей, мобилизованных для работы на оборонных предприятиях, расположенных в городах, существенно увеличивал количество населения. В целом к концу войны городское население Новосибирской, Кемеровской и Томской областей, например, увеличилось на 33,8% [2. С. 214]. В этих условиях проблема обеспечения населения элементарными бытовыми товарами промышленного производства приобретала особую остроту. Недоставало одежды, обуви, постельных принадлежностей, соли, керосина, мыла, посуды, мебели и множества других необходимых вещей.

Необходимость удовлетворять нужды населения, хотя бы в ограниченных размерах, потребовала введения нормированного снабжения. Переход к карточной системе снабжения населения продовольственными товарами в Западной Сибири был осуществлен в основном осенью 1941 г. Постепенно вводилось нормированное снабжение населения и непродовольственными товарами. С конца апреля 1942 г. карточная система снабжения непродовольственными товарами была распространена на все города и рабочие поселки региона.

Следует отметить, что в отличие от порядка снабжения, установленного на продукты питания, снабжение непродовольственными товарами не гарантировалось выдачей по карточкам строго фиксированных количеств тех или иных товаров. Сделать так не представлялось возможным в условиях войны. Продажа нормированных непродовольственных товаров производилась в пределах лимитов, которые устанавливались для каждой категории населения (рабочие и ИТР, служащие, иждивенцы и учащиеся) в виде определенного количества условных единиц (купонов) на каждый товар.

Исходя из общего лимита и числа купонов, засчитываемых по каждому товару, владелец промтоварной карточки имел право в течение всего срока ее действия купить по своему выбору любые нормированные товары, которые, естественно, были в продаже. Формально для рабочих и ИТР в карточках на непродовольственные товары предусматривалось 125 купонов, для служащих – 100, для иждивенцев (включая детей) – 80 купонов. При покупке пары обуви для взрослых нужно было сдать 50 купонов, за пальто – 80, за женское платье хлопчатобумажное – 40, за пару чулок для детей – 3 купона и т.д.

К концу войны карточки на непродовольственные товары получали 60 млн человек [1. С. 469]. В последние годы войны карточная система снабжения промышленными товарами была заменена продажей этих товаров населению по специальным ордерам. К примеру, за осенне-зимний семестр 1944 / 45 учебного года студентам Томского государственного университета было выдано 402 ордера на различные товары. Порядок получения промышленных товаров был следующим: со студентов собирали деньги, на которые приобретались товары. Действовал определенный принцип распределения товаров: в первую очередь получали остро нуждающиеся, затем – в порядке поощрения – успевающие студенты. Все полученные предметы распределял студенческий профсоюзный комитет [3. С. 194].

Трудности, связанные с приобретением одежды и обуви, были настолько велики, что они до сих пор сохранились в памяти людей, переживших военное лихолетье. Труженик тыла Е.Т. Крапивина, с 17 лет работавшая на заводе «Сибсельмаш» в Новосибирске, вспоминала: «В годы войны хорошую обувь или

одежду достать было практически невозможно. Однажды дали ордер на сапоги. Прослужили они недолго. Голяшки матерчатые, простроченные на машинке, подошвы деревянные. В них я даже до цеха не дошла – лопнула подошва. Потом мне дали ордер на мужские брезентовые туфли. В них я и ходила. Главное – прочные, а остальное не волновало» [4. С. 13].

При резком сокращении централизованных фондов непродовольственных товаров значительно возрасла нагрузка на кооперативную и местную промышленность. Однако и местные предприятия в условиях войны вынуждены были сократить производство изделий широкого потребления, которых и в мирное время не хватало.

В справке о плане производства товаров ширпотреба и продовольствия на предприятиях местной промышленности и промкооперации Новосибирска на 1942 г., представленной в горком ВКП(б), отмечалось, что потребность в товарах широкого потребления в связи с резким увеличением населения возросла. По ориентировочным расчетам, потребность города в промышленных товарах на 1942 г. исчислялась в размере 93 891 тыс. руб. на товары широкого потребления, в размере 67 225 тыс. руб. – на продовольственные товары [5. Л. 412]. Помимо этого, серьезную озабоченность вызывало заметное сокращение количества мастерских, оказывавших услуги населению по ремонту одежды и обуви. Всего за три месяца войны мастерских стало наполовину меньше.

Таблица 1
Ремонтные мастерские в Новосибирске в 1941 г. [5. Л. 412]

	Количество ремонтных точек на 01.07.1941 г.	Количество ремонтных точек на 01.10.1941 г.
Горкожвалутильсоюз	51	25
Горшвейтрикотажсоюз	54	26
Горстройтранссоюз	14	6

Планы по выпуску товаров ширпотреба и продовольствия из местного сырья систематически не выполнялись. За первый квартал 1942 г. в Томске план по изделиям ширпотреба был выполнен по предприятиям Госпромкомбината лишь на 82%, по артели си-

стемы Горпромсоюза – на 45,5% и по артелям системы Промлессоюза – на 20%. Еще хуже дела обстояли с выполнением плана по ассортименту. На отдельных предприятиях кооперативной промышленности к выпуску ряда товаров ширпотреба даже не приступили (подковы, столы, тумбочки, деревянные кровати, расчески, гребешки, ученические ручки и т.п.) [6. Л. 2]. План по трикотажному белью в артели «8 марта» был выполнен на 12,5%, по пеньковым чуням в артели «Канат» – на 1,7%, по обуви в артели «Обувщик» – на 15,7% [Там же].

В Кемерове за 9 месяцев 1942 г. по Промкомбинату план по валовой продукции был выполнен на 94,7%. Вместе с тем по изделиям ширпотреба годовой план за 9 месяцев был выполнен: по производству столов – на 29%, стульев и табуреток – на 50%, кроватей деревянных – на 81%, бочек и кадок – на 7%, ложек деревянных – на 16%, по ремонту обуви – на 44%, производству зубного порошка – на 11%, досок стиральных – на 28%, лопат деревянных – на 45% [7. Л. 213].

Не выполнили установленных заданий в 1943 г. предприятия местной промышленности Анжеро-Судженска. План производства товаров широкого потребления был исполнен лишь на 50%. Не лучше обстояли дела и в других городах. В Белово план был выполнен на 51%, в Тайге – на 48%. В Ленинск-Кузнецке план производства валенок по артелям промкооперации был выполнен на 76%, по ремонту обуви – на 84%, мыла – на 6,6%, а Горпромкомбинат выполнил план по производству табуреток и стульев лишь на 20% [8. Л. 5].

В декабре 1943 г. в справке секретарю Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагину «О работе по обеспечению нужд трудящихся Новосибирской области продовольственными и промышленными товарами первой необходимости за годы войны» говорилось, что фактический завоз промышленных товаров в область был значительно ниже запланированных отгрузок по установленным фондам области, а по отдельным видам (хлопчатка, шерсть, лен, шелк, швейные изделия) завоз сократился до минимальных размеров.

Таблица 2
Выполнение планов поставок промышленных товаров в Новосибирскую область в 1941–1943 гг. [9. Л. 78]

Наименование товара	1941			1942			1943		
	План	Выполнение	%	План	Выполнение	%	План	Выполнение на 01.12	%
Платки, тыс. руб.	5 086	3 998,8	78,6	1 492	986,4	66,1	2 858	1 193	41,7
Нитки, тыс. руб.	2 986	2 285	76,5	4 010	1 061	26,4	2 448	1 166,2	47,6
Швейные Изделия, тыс. руб.	78 149	60 670	77,6	39 014	5 363,6	13,7	22 933	9 123,5	39,8
Трикотаж, тыс. руб.	18 212	12 241,8	67,2	16 084	3 381,7	21	10 282	3 182,5	30,9
Чулочно-носовые, тыс. руб.	14 234	11 066,3	77,7	11 524	2 389,1	20,7	8 337,1	3 990,4	47,9
Кожобушь, тыс. руб.	40 397	28 862,7	71,4	17 610	3 978,1	22,6	11 889,9	8 239	69,3
Резиновая обувь, тыс. руб.	11 285	9 437,1	83,6	1 800	50,1	2,8	315	219,2	69,6
Мыло хозяйствен- ное, т	5 164	4 993	96,7	2 919,4	2 346,4	80,4	2 133,4	1 924,2	90,2
Спички, ящик	12 8410	10 3889	80,9	96 210	50 888	52,9	60 469	22 017	36,4

Остро стояла проблема нехватки мыла. Из воспоминаний М.М. Переволоцкой: «Мыла не было, поэтому стирались мы щёлоком. Иногда папе удавалось взять комочек каустической соды, которую закладывали в паровоз в котел с водой, чтобы не было накипи. Её мы также использовали вместо мыла. Мазутную одежду стирали глиной. Нужно было намазать глину на мазут и тереть. Мыло можно было купить на “толкучке”, но стоило оно очень дорого. Часто мыло подделывали: на деревяшку сверху накатывали тонкий слой мыла и продавали как целый кусок» [2. С. 189].

В 1942 г. в Томске производственная программа изготовления хозяйственного мыла в артели «Кожмех» была выполнена лишь на 8% [10. Л. 86].

В стенограмме Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся от 26 января 1944 г. констатировалось, что мыла было запланировано произвести 155 т, а сделали лишь 5 т (3,1%) [5. Л. 142–144]. Уточним, мыло в годы войны изготовлялось по особой рецептуре (расчет на 100 кг готовой продукции): кости – 150 кг, сода каустическая – 30 кг, канифоль – 15 кг [12. Л. 21].

Предметы потребления можно было приобрести на рынке, но цены были очень высокими.

Таблица 3

Базарные цены на товары в Новосибирске, руб.
[13. С. 237]

Товар	Единица измерения	Июль 1943 г.	Декабрь 1943 г.	Июль 1944 г.	Декабрь 1944 г.
Мыло хозяйственное	400 г	130	130	120	40
Ситец	Метр	200	200	250	150
Галоши мужские	Пара	1 000	800	800	800
Сапоги хромовые	Пара	3 500	3 500	3 500	2 500

Партийные и советские органы региона, понимая трудности горожан, пытались решать проблемы путем открытия различных починочных мастерских. На 1 января 1944 г. в Томске имелись следующие мастерские: по ремонту обуви – 60, по ремонту часов – 8, по ремонту металлоизделий – 5, по ремонту трикотажных изделий – 12, по ремонту мебели – 2, парикмахерских – 12, по ремонту головных уборов – 5, по реставрации и индивидуальному пошиву – 31, пимокатных мастерских – 4, по ремонту бочкотары – 1, химкраски и химчистки – 2, мастерских фотографии – 17, волосяных изделий – 1, по ремонту изделий домашнего обихода – 3, художественных мастерских – 1 [14. Л. 23].

Конечно, в условиях острейшего дефицита жилья и нехватки производственных помещений, подобные мастерские ютились где придется. Во многих из них отсутствовали примерочные комнаты, стулья и зеркала. Нередкими были случаи завышения цен сверх установленных преysкурantom, утвержденным облисполкомом. Сплошь и рядом нарушались установленные Горпромсоюзом сроки выполнения заказов (мелкий ремонт обуви – 2 дня, средний – 5, капитальный – 10 дней, реставрация одежды – до одного месяца) [Там же. Л. 26–27].

Пошив и починка одежды и обуви часто производились с низким качеством. Квалифицированных и опытных мастеров осталось мало. В мастерские приходили работать новые люди, пройдя минимальный курс практического обучения непосредственно на рабочем месте, без соответствующей теоретической подготовки. После трехмесячного обучения они переводились в мастера и уже самостоятельно принимали и выполняли заказы [14. Л. 31]. Имелись случаи, когда ботинки, валянная и другая обувь изнашивались буквально в течение 2–3 недель, когда в ведро нельзя было налить воду, а в выставленных игрушках нельзя было разобрать, где заяц, а где волк [Там же. Л. 142–144].

Удовлетворить потребности растущего населения региона в непродовольственных товарах в годы войны не представлялось возможным. Там, где был дефицит, всегда появлялась спекуляция. Архивные документы, периодическая печать военного времени содержат многочисленные факты этого явления. Например, в феврале 1942 г. газета «Советская Сибирь» сообщала: «Гражданка А.А. Новоселова и ее дочь Л.И. Коноплева и Е.А. Гуторова – продавщица магазина Промторга № 20 – систематически скупали промышленные и продовольственные товары и спекулировали ими. При обыске у спекулянтки были изъяты припрятанные 10 кг масла, 11 персидских ковров, несколько ценных женских дох и различные промышленные товары, оцениваемые в общей сложности в 25 тыс. руб.». Там же: «И.И. Воронцов и его родственница А.Т. Маршева систематически спекулировали валяной обувью. За последние два месяца они продали 25 пар по 400–500 руб. При обыске у них изъято 4 куля шерсти и 9 000 руб. деньгами. Дела этих спекулянтов закончены. Все они арестованы и преданы суду» [15].

В докладной записке Новосибирской городской прокуратуры, направленной прокурору РСФСР, сообщалось: «В октябре 1944 г. в трест № 7 г. Новосибирска поступило и было принято в подотчет начальником группы вспомогательных материалов треста – Болотинским – 2 731,5 м х/б сукна, которое предназначалось для пошивки теплой одежды. Начальник снабжения треста № 7 Розенберг договорился с Болотинским о присвоении части сукна. Они умышленно завышали нормы расхода при пошиве спецодежды. С каждого комплекта одежды они создавали экономию 60 сантиметров» [16. Л. 20].

Приведенные факты, а их можно продолжить, действительно свидетельствуют о преступлениях с целью наживы. Однако следует отметить, что тяжелые условия труда и быта, полуголодное существование зачастую толкали людей на преступления. Архивные документы свидетельствуют о многочисленных фактах хищения непродовольственных товаров с целью обмена их на продукты. Многие люди делали это от безысходности. В спецсообщении Томского горотдела НКГБ Новосибирской области приводились выдержки из перехваченных писем: «...стала воровать с фабрики спички и уже я попала, меня поймали со спичками, первый раз попала, мне простили, сказали больше не воруй. Но я все покушаюсь воровать, воруя потому что мне никакого выхода нет или с голо-

ду пропадай, или в тюрьму иди (отправитель Тимохина, спичфабрика «Сибирь»)» [17. Л. 27]; или: «в Томске мы живем 3 года все свои вещи за это время продали, остались разутые и раздетые, вшивые, грязные, по неволе приходится воровать, все равно в тюрьме так будем жить (отправитель Громова)» [17. Л. 48].

В начале войны горожане еще как-то обходились скудными довоенными запасами, одеждой и обувью ушедших на фронт близких. Из этих же запасов помогали эвакуированным гражданам, приехавшим в Западную Сибирь «налегке», без теплой одежды, посылали вещи бойцам на фронт, отдавали в детские дома. Но на всю войну довоенных запасов, естественно, хватить не могло. Починочные мастерские также не могли справиться с нагрузкой, а зачастую просто не имели необходимых ресурсов. Поэтому горожане носили все, что было: телогрейки, ватники, на ногах – пеньковые чуни и изготовленные из автопокрышек, брезента, старых пожарных рукавов, непригодных резиновых обрезков не то ботинки, не то сапоги – так называемую «суррогатную обувь» [18. С. 434].

Проявляя смекалку и практичность, молодые рабочие изготавливали одежду из подручных средств. Для

зачистки изделий в цехах выдавалось наждачное полотно на хлопчатобумажной основе. Сбереженные кусочки ткани работницы отстирывали и шили из них платья, халаты. Марля от повязок-респираторов использовалась для изготовления блузок. Из ветоши с хлопчатобумажной пряжей, предназначенной для протирки металлических поверхностей, тщательно выбирали нитки и вязали из них кофты, платки [19. С. 12].

Улучшение материально-бытового положения граждан и до войны никогда не рассматривалось властью как первоочередная задача. Приоритет всегда отдавался развитию производственных мощностей. В годы войны материально-бытовое положение граждан, и без того оставлявшее желать лучшего, резко ухудшилось. Это было выживание в условиях полуголодного состояния, изматывающего интенсивного труда на производстве, угрозы болезней и приглушенной, но постоянной боли за родных и близких, воевавших на фронте. Люди трудились не покладая рук, терпели тяготы и лишения войны, связывая улучшение жизни с грядущей Победой. В этом и состоит подвиг самопожертвования тылового населения в годы военного лихолетья.

ЛИТЕРАТУРА

1. История социалистической экономики СССР : в 7 т. М. : Наука, 1978. Т. 5: Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. 568 с.
2. Черемных О.А., Шевляков А.С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 218 с.
3. Ульянов А.С. Материально-бытовые условия жизни студентов университета в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: взгляд из XXI века : материалы регион. науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 189–198.
4. Аргументы недели. Сибирь. 2017. 4 мая.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 4. Оп. 6. Д. 19.
6. Государственный архив Томской области (ГАО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 806.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАО). Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 15.
8. ГАО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАО. Ф. П-4. Оп. 7. Д. 40.
10. ГАО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 791.
11. ГАО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 17.
12. ГАО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 35.
13. Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945. М. : РОССПЭН, 2003. 470 с.
14. ГАО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 862.
15. Советская Сибирь. 1942. 8 февр.
16. Новосибирский государственный городской архив. Ф. 604. Оп. 1. Д. 2.
17. Центр документации новейшей истории Томской области. Ф. 80. Оп. 3. Д. 327.
18. Томская область: исторический очерк. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. 684 с.
19. Шевляков А.С., Черемных О.А. Повседневная жизнь горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: жилищно-бытовой аспект // Русин. 2015. № 2. С. 7–22.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 декабря 2018 г.

The Supply of the Urban Population of Novosibirsk Oblast with Consumer Goods During the Great Patriotic War
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 164–168.
DOI: 10.17223/15617793/444/21

Aleksandr S. Shevlyakov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

Olga A. Cheremnykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga375@sibmail.com

Keywords: the Great Patriotic War; city people; non-grocery goods.

The article describes the supply of consumer goods for the urban population of Novosibirsk Oblast during the Great Patriotic War. At the time, a lot of industrial plants converted to defense production for obvious reasons. The range of light industrial goods also changed notably: goods for munitioning took the lead. The aim of the article is to reveal the characteristics of the supply of non-food items for the population of Novosibirsk Oblast. The research is based on data from archival documents. The production of consumer goods for people in the rear decreased sharply, e.g., the manufacture of cotton, wool and flax textile, leather and rubber footwear, soap decreased by three to five times, back to the level of the mid-1920s. The population process in the urban areas of Novosibirsk Oblast was dynamic and controversial. The urban population was reducing significantly due to the mobilization of military-aged males to the front, the increase in the death rates in the urban areas due to the lasting malnutrition, illnesses and poor living conditions. But the counterstream of evacuated people and country dwellers increased the number of the population. People were

mobilized to work at defense plants in urban areas. On the whole, the population in, for instance, Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Oblasts grew by the end of the war. Under the circumstances, the problem of supplying the population with common household goods became urgent. Since the spring of 1942, the standardized supply with non-grocery goods was introduced in the urban areas of the region and in the whole country. The standardized non-grocery goods were selling within the established limit for each population category in form of fixed conditional units (coupons) for each item of goods. In view of the limit and the number of coupons for each item, a ration card owner could choose and buy standardized goods on offer. Over the last years of the war, the card system of industrial goods was replaced by special orders, which allowed people in the urban areas to buy these goods. Non-grocery goods were in an increasingly short supply despite of governmental plans. Local and cooperative industry plants could not remedy the situation because of their weakness and the lack of raw material. Clothing, footwear, soap and other goods were a severe shortage during the wartime. Thus, the government never saw the improvement of living conditions as a high-priority problem even before the war. The priority was to increase production capacity. The article concludes that during the war poor living conditions, which had already been bad, changed for the worse. People had to survive while they starved, were exhausted by intense work at plants, were ill and worried about their family members and close ones fighting at the front. People worked without cease, endured hardships and waited for the improvement of living conditions after the upcoming victory.

REFERENCES

1. Gladkov, I.A. (ed.) (1978) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR: v 7 t.* [The history of the socialist economy of the USSR: in 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
2. Cheremnykh, O.A. & Shevlyakov, A.S. (2017) *Budni tylovogo goroda. Material'no-bytovoe polozhenie gorozhan Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Novosibirskoy, Kemerovskoy i Tomskoy oblastey)* [The everyday life of a rear town. The financial and living situation of the citizens of Western Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945 (on materials of Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk Oblasts)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Ul'yanov, A.S. (2010) Material'no-bytovye usloviya zhizni studentov universiteta v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Financial and living conditions of university students during the Great Patriotic War]. *Velikaya Otechestvennaya vojna: vzglyad iz XXI veka* [The Great Patriotic War: a look from the 21st century]. Proceedings of the Regional Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 189–198. (In Russian).
4. *Argumenty nedeli. Sibir'*. (2017) 4 Maya
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 4. List 6. File 19. (In Russian).
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 806. (In Russian).
7. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 15. (In Russian).
8. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 22. (In Russian).
9. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 7. File 40. (In Russian).
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 791. (In Russian).
11. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 17. (In Russian).
12. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 35. (In Russian).
13. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (2003) *Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie 1939–1945* [Soviet daily life and the mass consciousness of 1939–45]. Moscow: ROSSPEN.
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 862. (In Russian).
15. *Sovetskaya Sibir'*. (1942) 8 February.
16. Novosibirsk State City Archive. Fund 604. List 1. File 2. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast Fund 80. List 3. File 327. (In Russian).
18. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: A historical essay]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Shevlyakov, A.S. & Cheremnykh, O.A. (2015) Shevlyakov A.S., Cheremnykh O.A. (2015) Everyday life of people in Western Siberia during the Great Patriotic War: on housing and household. *Biblioteka zhurnala Rusin – Rusin Journal Library*. 2. pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.17223/23451734/2/2

Received: 11 December 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.126

И.Ю. Малкова, О.Г. Масленникова

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ МАГИСТРАТУРЫ

Освещаются вопросы, связанные с интернационализацией образовательных программ магистратуры, включающей процессы изменения содержания, технологий, результатов и способов их оценивания на основании международных измерений и направленной на формирование глобальной компетентности выпускников. Представлен сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта интернационализации образовательных программ, выявлены условия организации интернационализации образовательной программы магистратуры в исследовательском вузе. Определены дидактические характеристики международной образовательной программы магистратуры в исследовательском вузе.

Ключевые слова: интернационализация образовательных программ; международная образовательная программа; глобальная компетентность.

Введение. Результаты последних исследований в области развития высшего образования позволяют констатировать, что в настоящее время ведущие мировые университеты считают интернационализацию образовательных программ ресурсом подготовки выпускников для успешной жизни и работы в глобализованном мире. Отмечая особую важность и ценность международного образования, вместе с тем утверждаем, что преподаватели и сотрудники университетов не всегда понимают значение интернационализации и / или не имеют условий для разработки и реализации международных образовательных программ [1].

В нашем исследовании под «интернационализацией образовательной программы» будем понимать определение, предложенное американским ученым Б. Лиск, наиболее полно отражающее ее значение: «...это процесс, в результате которого содержание образования, результаты учебной деятельности, система оценивания, методы преподавания и организационные элементы образовательной программы приобретают международное, межкультурное и глобальное измерение» [2. Р. 25]. При этом средства и инструменты, используемые университетами для достижения поставленных целей, могут быть разнообразными. Отметим некоторые из них: сравнительный анализ международной научной литературы, приглашенные национальные и зарубежные лекторы из ведущих глобально-развивающихся компаний или ведущих мировых университетов, использование международного опыта, цифровая образовательная среда, программы студенческого и преподавательского обмена, совместные образовательные программы, включая программы двойных дипломов и др. [3, 4].

Цель исследования – проанализировать современное состояние интернационализации образовательных программ в исследовательских вузах на уровне магистерской подготовки, направленной на формирование глобальной компетентности будущих выпускников; предложить на основе анализа и накопленного опыта структурно-функциональную модель интернационализации образовательных программ в исследовательском вузе.

В результате исследования представлена структурно-функциональная модель интернационализации

образовательных программ как целостная система, состоящая из целевого, содержательного, процессуального, контрольно-оценочного блоков, взаимосвязанных между собой.

При построении модели мы учитывали ситуацию, которая складывается в системе высшего образования при подготовке современных выпускников. Существенное значение в данной ситуации имеет процесс компетентностного обновления, связанный с необходимостью межкультурного взаимодействия и изменениями ценностных ориентаций, происходящих под влиянием постоянных, непрерывных и интенсивных трансформаций, цифровизации общества и автоматизации различных видов деятельности человека [5]. В контексте данного исследования важным является раскрытие содержания модели интернационализации образовательных программ, связанное с формированием глобальной компетентности будущих выпускников магистратуры. Анализ научной литературы позволил сформировать матрицу глобальной компетентности, на основе которой была разработана модель интернационализации образовательной программы. Установлено, что матрица глобальной компетентности включает следующие умения и навыки: умение понимать и уважать другие нации и культуры; умение коммуницировать с представителями разных культур; умение понимать и учитывать разные точки зрения при решении сложных глобальных проблем; умение работать в межнациональных командах; умение критически мыслить и оценивать себя; умение чувствовать себя комфортно в условиях неопределенности и постоянных изменений; умение принимать новое и быть открытым к познанию в условиях межкультурного и полилингвального взаимодействия и т.д. [6].

Основные результаты. В ходе обработки научных материалов было установлено, что формирование содержания структурно-функциональной модели интернационализации образовательных программ обусловлено тенденциями современного развития общества и зависит от постановки международных образовательных результатов, направленных на формирование глобальной компетентности будущих выпускников магистратуры. Таким образом, в модели актуали-

зируется новая роль преподавателя, обладающего особым образом мышления и готового использовать современные образовательные подходы, влияющие на формирование глобальной компетентности выпускников в рамках соответствующих дисциплин. Результаты исследования позволяют констатировать, что особое влияние на формирование содержания дисциплины имеют контексты, в которых работают преподаватели (институциональный, локальный, национальный и глобальный) [7]. Контексты и их возможное влияние на представление преподавателей об интернационализации и образовательной программе представлены в структурно-функциональной модели на уровне учебного плана и процесса сопровождения образовательного процесса (рис. 1). Каждый контекст, прямо или косвенно, влияет друг на друга, создавая комплексное понимание условий разработки учебного плана образовательной программы.

С нашей точки зрения, важным элементом при формировании учебного плана международной (интернационализированной) образовательной программы является определение международных образовательных результатов на различных этапах обучения. Было выявлено, что для достижения запланированных международных образовательных результатов целесообразно использовать студенто-центрированный подход, учитывающий принцип индивидуализации образовательного процесса, и обеспечить в процессе обучения обратную связь и оценку студенческих достижений в использовании международных и межкультурных целей обучения [9].

Для выяснения организации процесса интернационализации образовательной программы в предложенной модели, нам потребовалось рассмотреть особенности образовательного взаимодействия заинтересованных субъектов на различных этапах [10]. В табл. 1 представлены этапы интернационализации образовательной программы, цели и требования, влияющие на ее эффективность.

Для решения задач оценки эффективности предложенной модели интернационализации образовательных программ магистратуры был выполнен сравнительный анализ подходов к интернационализации образовательных программ в 29 ведущих исследовательских вузах США, Германии, Нидерландов и России, входящих в топ-400 международного рейтинга Университетов QS, а также проведены анкетирование и опрос студентов международных образовательных программ магистратуры 2016–2018 гг. поступления.

Анализ подходов к интернационализации образовательных программ магистратуры был проведен на основе следующих критериев:

1. Соответствие миссии (стратегии) вуза подготовке выпускников магистратуры для глобального рынка труда (учитываются тенденции глобализации / интернационализации высшего образования).

2. Этнокультурное разнообразие (diversity) на основе показателей:

а) наличие иностранных ППС (% от общего числа ППС);

б) наличие иностранных студентов (% от общего количества студентов).

3. Глобальный контекст магистерских программ (в аннотации программы присутствуют понимание глобальных вопросов).

4. Базовые дисциплины с международным или глобальным контекстом.

5. Элективные курсы с глобальным контекстом.

6. Академическая мобильность в зарубежный вуз во время обучения.

7. Особые условия обучения на интернационализированной образовательной программе.

Проведенное исследование показало, что использование в стратегии и миссии вуза слов «глобальный», «международный», «мир», «иностранный» позволяет сделать заключение о том, частность использования данных слов способствует положительному влиянию на изменение внутриуниверситетской культуры и динамике изменений системы высшего образования в стране. Было выявлено, что «глобальная» тема присутствует в большинстве миссий и стратегий ведущих вузов России, Германии, Нидерландов и США. Она раскрывает различные аспекты управления современным образованием, в частности:

– привести новизну в мир;

– подготовить гражданина мира. Заметим, что согласно взглядам ученых, гражданином мира считают профессионала, владеющего знаниями о современном мире и обществе, способного эффективно взаимодействовать с представителями разных культур, имеющего высокий уровень владения иностранным языком и способного понимать и уважать разные культуры [8].

В целом сравнительный анализ миссий вузов (рис. 2) показывает, что важность глобализации признана ведущими вузами мира и связана с подготовкой специалистов, способных успешно представлять себя, общаться, вести переговоры, управлять, сотрудничать на постоянно меняющемся глобальном рынке.

Результаты также показали, что не все международные программы магистратуры одинаковы. Некоторые вузы включают в образовательную программу только несколько курсов с глобальным контекстом и называют ее «международной» или «глобальной». Другие переводят традиционные образовательные программы на английский язык или отправляют студентов на обучение в партнерские зарубежные вузы, что, согласно мнениям опрошенных студентов, не способствует полноценному формированию навыков глобальной компетентности. Причиной этому, в первую очередь, является малое количество иностранных студентов или преподавателей на программе (рис. 3).

Анализ учебного плана образовательных программ исследуемых вузов показал, что из 29 вузов девять не включают в базовые дисциплины глобальный контекст, что не соответствует заявленной миссии вуза и ставит под вопрос подготовку выпускников, обладающих глобальной компетентностью.

В рамках анализа нами было отмечено, что те университеты, которые формируют многонациональную академическую среду за счет привлечения иностранных студентов и преподавателей, предоставляют студентам получение уникальных возможностей для культурного обмена (знакомство с культурой и рели-

гиями со всего мира, совершенствование иностранного языка и т.д.). Верхние позиции «международности» по численности иностранных преподавателей и студентов занимают Университет Маастрихта, Гронингенский университет и Корнеллский университет (рис. 4).

На следующем этапе нами были проведены опрос и анкетирование студентов международных образовательных программ магистратуры 2016/18 гг. поступления, который позволил определить влияние интернационализированных образовательных программ на формирование глобальной компетентности выпускников.

Участники получили анкету на английском языке, которая была разработана в онлайн-форме. В опросе приняли участие 135 обучающихся из вузов России, США, Германии и Нидерландов. Все респонденты свободно владеют английским языком, 75% опрошенных знают второй или третий иностранный язык (немецкий, испанский, французский, японский), 45% опрошенных жили или путешествовали в трех или более стран. По окончании магистратуры 25% респондентов хотят продолжить обучение за рубежом, 65% – работать в международной компании в своей стране или за рубежом; 10% опрошенных пока не определились с выбором.

При ответе на вопросы анкеты, первоначально студенты обозначили степень значимости навыков глобальной компетентности, необходимой для их профессиональной деятельности. Каждый ответ содержал описание одного из пяти глобальных навыков до начала обучения и на стадии формирования:

K1: Понимание глобальных (мировых) проблем;

K2: Продуктивная коммуникация с представителями других культур;

K3: Умение конструктивно решать незнакомые и сложные задачи в международной группе;

K4: Умение быть открытым и гибким к новым идеям и способам мышления;

K5: Способность вырабатывать инновационные идеи в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы.

Поэтому нами был исследован опыт студентов – будущих выпускников магистратуры – в отношении их понимания ключевых навыков глобальной компетентности, необходимых им для успешной профессиональной и личной жизни (рис. 5).

Результаты анализа такого анкетирования показали, что K1 (понимание глобальных (мировых) проблем) и K2 (продуктивная коммуникация с представителями других культур) были отмечены 85–90% респондентов как важные (30–35%) или очень важные (50–60%). K3 (умение конструктивно решать незнакомые и сложные задачи в международной группе) и K5 (способность вырабатывать инновационные идеи в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы) отмечены 80% респондентов как очень важные (45%) и важные (35%). По поводу K4 (умение быть открытым и гибким к новым идеям и способам мышления) мнения студентов были различные – от очень важного (45%) до неважного или совсем неважного (20%).

Для проведения исследования нами использовался метод экспертной оценки сформированности глобальной компетентности студентов. Студентам для оценивания сформированности компетенций были предложены специально разработанные вопросы по каждому навыку глобальной компетентности.

Для понимания взаимосвязи между этими разрывами, нами была составлена сопряженность признаков от (1) полностью не согласен или не согласен; (2) частично; (3) полностью согласен или согласен (табл. 2).

Анализ данных показал, что до начала и во время обучения на международной программе (на констатирующем этапе), от 60–73% испытуемых по K1 (понимание глобальных (мировых) проблем) и K2 (продуктивная коммуникация с представителями других культур) навыки были сформированы полностью или на высоком уровне, у 20–32% – на среднем, у 7–8% – уровень сформированности навыков был оценен как низкий; по K3 (умение конструктивно решать незнакомые и сложные задачи в международной группе), K4 (умение быть открытым и гибким к новым идеям и способам мышления) и K5 (способность вырабатывать инновационные идеи в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы) у 63–67% испытуемых навыки глобальной компетентности были сформированы полностью или на высоком уровне, у 25–33% – на среднем, у 10–12% – уровень сформированности навыков был оценен как низкий; и по K5 (способность вырабатывать инновационные идеи в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы) 56% респондентов отметили, что навыки глобальной компетентности были сформированы на среднем уровне; высокий уровень сформированности отметили 34% испытуемых и 10% обозначили его как низкий.

На основе метода опроса нами также было проведено эмпирическое исследование, цель которого было выявление видов образовательной деятельности, способствующих формированию глобальной компетентности студентов. Данный блок был поделен на две группы вопросов. По первой группе вопросов респондентам было предложено оценить степень влияния методов обучения и педагогической поддержки на формирование глобальной компетентности студентов. В рамках данного блока нашей задачей являлось также определить наличие базовых характеристик кадрового потенциала интернационализированной образовательной программы (рис. 6).

По итогам анализа данных опроса, 90% опрошенных не оценивали умение использовать преподавателем междисциплинарного подхода как вид деятельности, обеспечивающий «эффект глобальной компетентности» в контексте задач глобального самопознания, карьерного самоопределения и саморазвития; 65% респондентов отмечали, что международный состав преподавателей в интернационализированной программе способствует созданию инновационных идей и формированию способности работать в интернациональной группе специалистов, учиться видеть не только близкие перспективы, но и разворачивать свои идеи и предложения на глобальный масштаб; 90% студентов полностью согласны с важностью использования иноязычных источников для проведения исследования или научной работы.

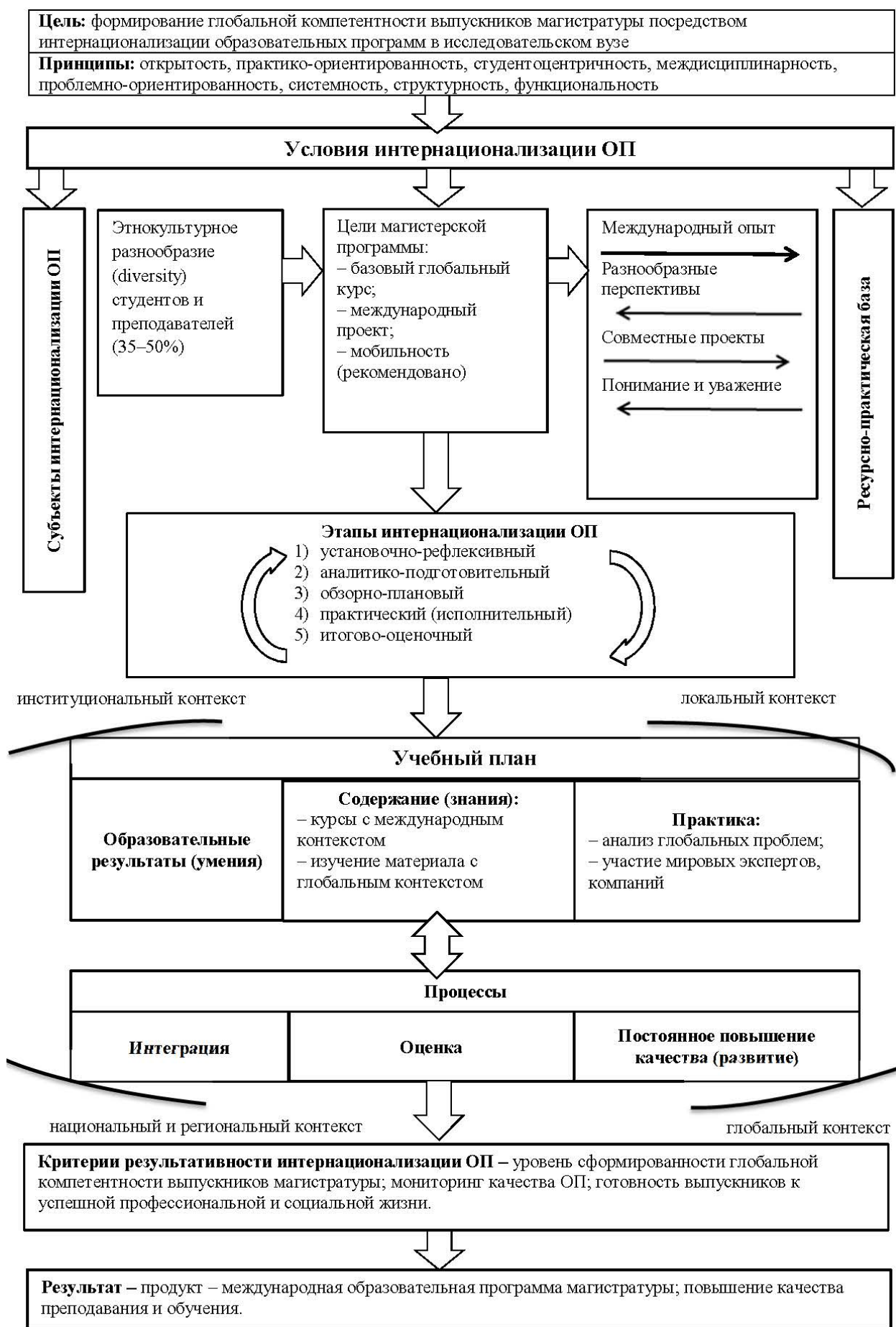

Рис. 1. Структурно-функциональная модель представления преподавателей об интернационализации и образовательной программе

Этапы интернационализации образовательной программы

Этап	Содержание	Требования
Установочно-рефлексивный: какие знания включить; какие навыки развивать; как развивать и оценивать; как организовать профессио- нальную практику	Цель – определение ресурсов интернационализации образова- тельной программы; – обоснование причин интернационализации образовательной программы; – обзор содержания, технологий преподавания, обучения, оцен- ки образовательных результатов дисциплины в соответствии с причинами интернационализации образовательной программы; – мониторинг отношения студентов на предмет актуальности включения международных и межкультурных элементов в учебный план образовательной программы; – сравнительный анализ результатов оценки различных элемен- тов образовательной программы, полученных от иностранных и российских студентов; – обратная связь от других стейкхолдеров (профессиональные ассоциации и промышленные / бизнес-партнеры); – сопоставление целей Университета в отношении интернацио- нализации с целями интернационализации образовательной программы; – описание потенциальных преимуществ, определение рисков и способы их преодоления	– разработчики составляют учебный план; принимают решения об использо- вании механизмов интернационализа- ции образовательной программы; – проведение опроса среди участников образовательного процесса на предмет актуальности интернационализации образовательной программы
Аналитико-подготовительный	Цель – определить способы мышления поверх сложившихся парадигм: – обсуждение культурных основ доминирующих парадигм дис- циплин; – изучение происхождения и характера парадигмы предметной области; – выявление возникающих парадигм и размышление о возмож- ностях, которые они предлагают; – представление мира будущего: чему и как должны научиться обучающиеся, чтобы жить и работать эффективно и успешно в этом будущем мире; – предположить, какие навыки будут необходимы выпускникам в обозримом будущем	– принятие решений об интернациона- лизации образовательной программы принимаются всеми стейкхолдерами, участвующими в разработке образова- тельной программы; – каждый разработчик должен опреде- лить для себя роль и способ достиже- ния запланированных образовательных результатов программы; – возможна необходимость включения интенсивного изучения иностранного языка в рамках определенных дисциплин; – определить, как будут оцениваться достижения студентов
Обзорно-плановый	Цель – определить цели и задачи интернационализации образо- вательной программы: – определить команду промышленных и бизнес-партнеров, а также других заинтересованных лиц на уровне университета для достижения поставленных целей; – определение необходимых ресурсов и форм финансовой под- держки студентам и преподавателям, необходимые для преодо- ления основных препятствий; – определение приоритетов и разработка плана мероприятий; – обсуждение способов мониторинга эффективности интерна- ционализации образовательной программы, включая ее влияние на формирование у студентов глобальной компетентности; – ведение переговоров о роли отдельных членов команды в процессе интернационализации образовательной программы на следующих двух этапах	– определить четкие связи между кур- сами (дисциплинами) программы; – поддерживать взаимодействие препо- давателей дисциплин
Практический (исполнительный)	Цель – обеспечить поддержку студентов и преподавателей с целью реализации плана по интернационализации образова- тельной программы: – внедрение новых образовательных процессов и вспомога- тельных сервисов для сотрудников и студентов; – использование новых форм сервисов во внеурочной работе; – введение обязательных международных семинаров для всех студентов; – разработка и использование новых подходов оценки обучения; – введение нового курса / дисциплины; – разработка методики оценки и показателей сформированности глобальной компетентности у выпускников (качественные и / или количественные показатели)	– подключение всех необходимых стейкхолдеров для реализации про- граммы; – использование различных образова- тельных механизмов, направленных на формирование глобальной компетент- ности выпускников
Итогово-оценочный	Цель – определить достижение запланированных целей интер- национализации образовательной программы: – мониторинг удовлетворенности всех стейкхолдеров, включая студентов и преподавателей; – проведение корректирующих мероприятий; – рассмотрение всех факторов «вмешательства», например неожиданные (незапланированные) события, которые, возмож- но, будут иметь положительное или отрицательное воздействие на достижение поставленных целей; – рассмотрение всех рисков и возможности их преодоления; – подведение итогов в соответствии с задачами первого этапа «установочно-рефлексивного»	– ведение переговоров о текущих ролях и обязанностях разработчиков с целью развития процесса интернационализа- ции образовательной программы; – проведение мониторинга и корректи- ровки полученных результатов

Рис. 2. Глобальный фокус вуза (миссия, стратегия, интернационализация)

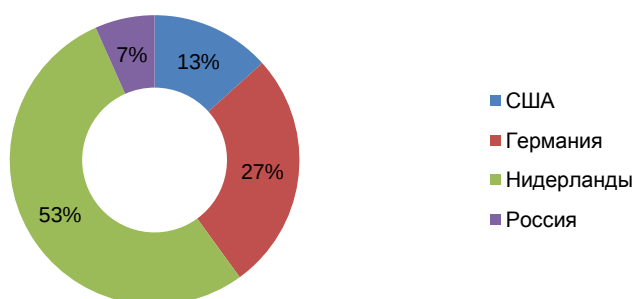

Рис. 3. Интернационализированные программы магистратуры (% от общего количества программ магистратуры)

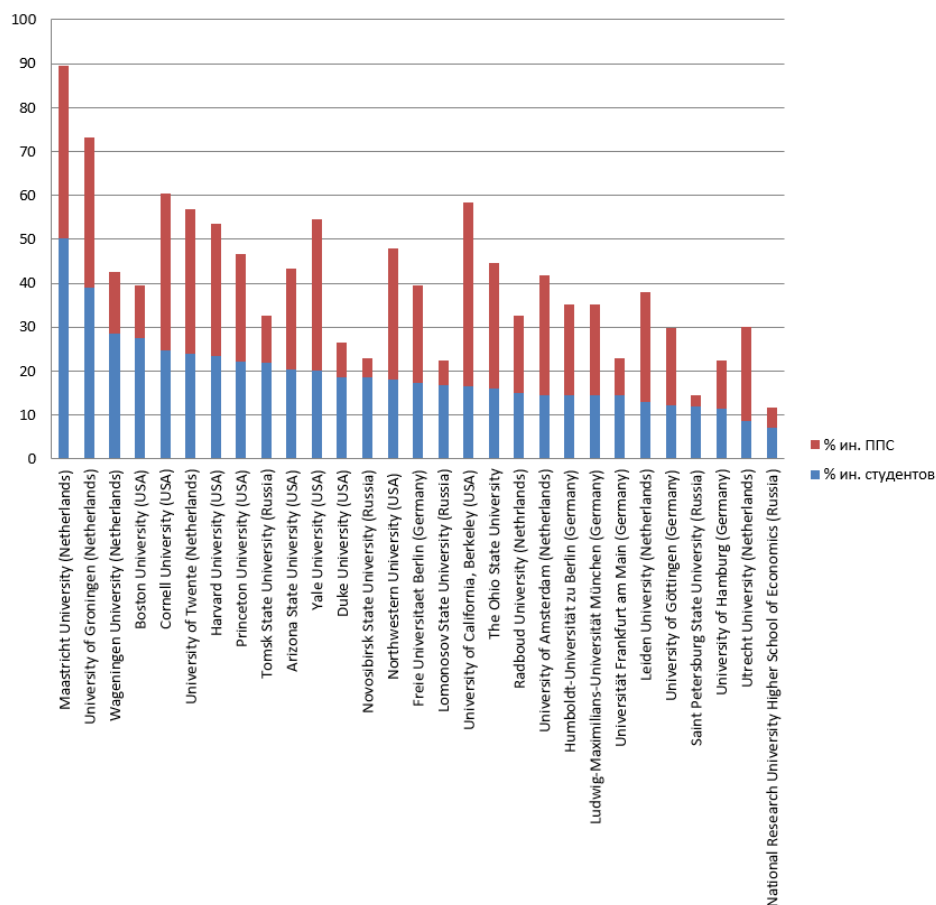

Рис. 4. Этнокультурное разнообразие ППС и студентов (diversity)

Уровень владения навыками глобальной компетентности до поступления в магистратуру

Компетенция	Уровень сформированности глобальной компетентности					
	До			Сейчас		
	Полностью не согласен или не согласен, %	Частично, %	Полностью согласен или согласен, %	Полностью не согласен или не согласен, %	Частично, %	Полностью согласен или согласен, %
К1: Понимание глобальных (мировых) проблем	33	57	10	7	20	73
К2: Продуктивная коммуникация с представителями других культур	24	63	13	8	32	60
К3: Умение конструктивно решать незнакомые и сложные задачи в международной группе	30	25	45	12	25	63
К4: Умение быть открытым и гибким к новым идеям и способам мышления	20	34	46	10	33	67
К5: Способность вырабатывать инновационные идеи в своей области знаний в ответ на глобальные вызовы	46	21	33	10	56	34

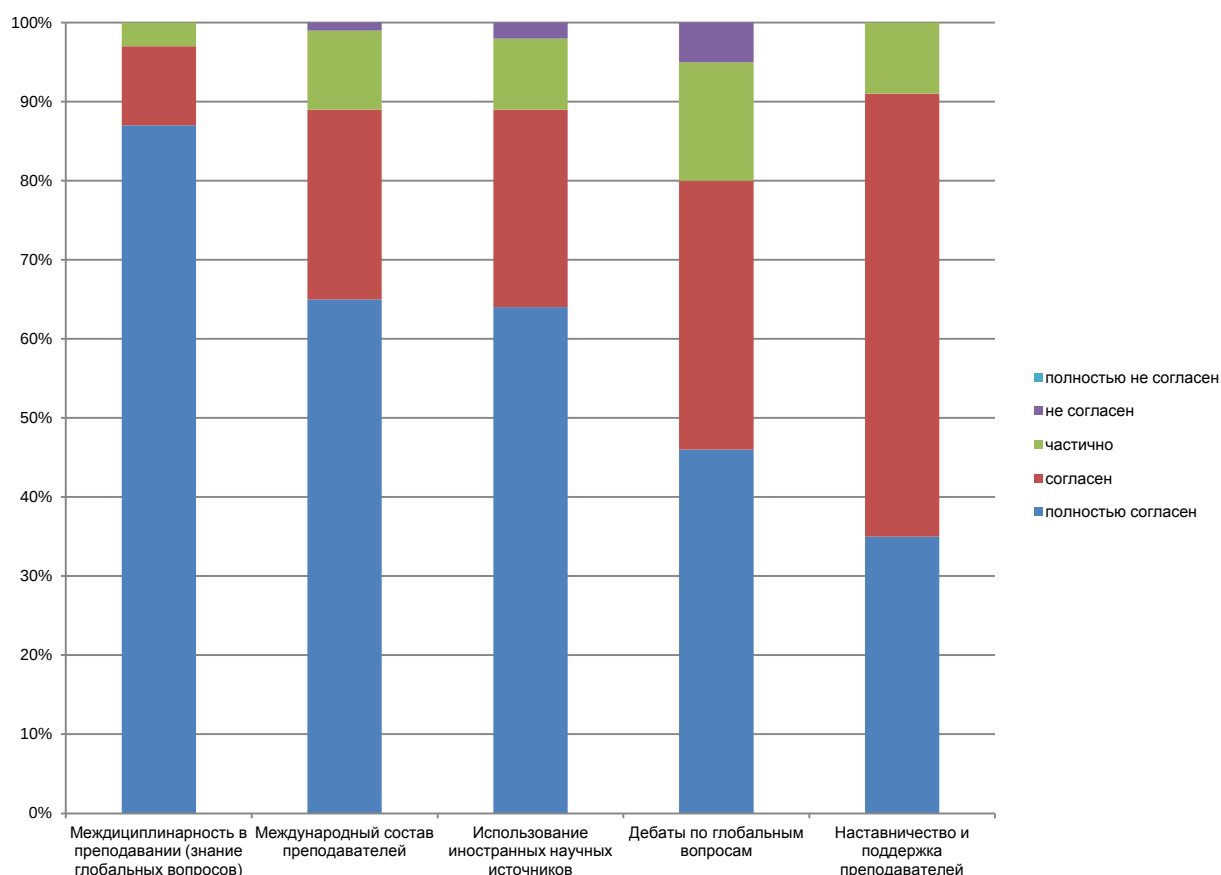

Рис. 6. Степень влияния методов обучения и педагогической поддержки на формирование глобальной компетентности студентов

Это подтверждается предыдущим тезисом о наличии международной группы преподавателей. 80% респондентов указали на то, что возможность участия в дебатах по актуальным глобальным вопросам помогает им сформировать навык эффективного выступления на иностранном языке. При этом во время интервью большинство участников отметили огромную значимость реализации программы на ан-

глийском языке и свободное владение преподавателей иностранным языком. Отмечают как значимый фактор интернационализированной программы роль преподавателя как наставника 90% респондентов.

По второй группе вопросов респондентам было предложено оценить степень влияния образовательных элементов программы на формирование глобальной компетентности студентов (рис. 7).

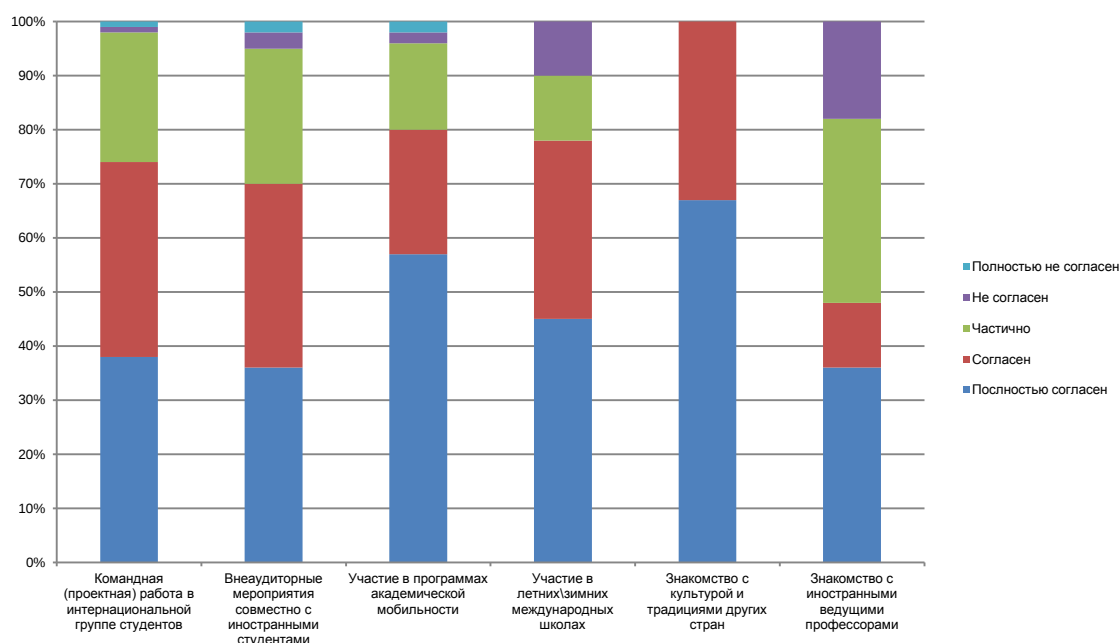

Рис. 7. Степень влияния образовательных элементов программы на формирование глобальной компетентности

Данные, приведенные на рис. 7, указывают на необходимость учитывать элементы образовательной программы, влияющие на формирование глобальной компетентности. Так, большинство респондентов (75–100%) отмечают важность для формирования глобальной компетентности участие в совместных внеаудиторных мероприятиях и командной работе совместно с иностранными студентами, участия в программе академической мобильности и летних / зимних школах. Также 47% респондентов отметили, что на развитие их лидерского потенциала повлияли знакомство и общение с международными лидерами и мировыми учеными в их области знаний. Согласились с этим высказыванием 37% респондентов, однако они сожалеют о том, что во время обучения на международной программе не имели возможности лично познакомиться лично с ведущими мировыми исследователями.

Заключение. Обобщая итоги проведенного анализа, считаем, что интернационализация образовательных программ выступает одним из значимых факторов формирования метакомпетенций современных выпускников магистратуры. Данные анализа показали, что целенаправленная организация интернационализации образовательной программы магистратуры в исследовательском вузе положительно влияет на формирование у сту-

дентов навыков глобальной компетентности, а также аргументируют необходимость конструирования модели интернационализации образовательных программ магистратуры в исследовательском вузе. Проведенное исследование дает возможность заключить, что обучение на интернационализированной образовательной программе позволит будущему выпускнику магистратуры набрать достаточный опыт для постановки продуктивного глобального мышления, успешно определиться с будущей профессиональной международной деятельностью.

Результаты исследования дают основания считать, что разработанная модель интернационализации образовательной программы магистратуры в ведущем исследовательском вузе способствует осуществлению качественной подготовке современных выпускников магистратуры. В перспективе данное исследование может иметь продолжение в аспекте применения модели интернационализации образовательной программы в исследовательских вузах в России, а также подготовки иностранных студентов в российских вузах с целью выполнения проекта экспорта образования. Таким образом, можно рассматривать модель интернационализации образовательных программ как средство, обеспечивающее непрерывную профессионализацию подготовку современных магистров, востребованных на глобальном рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whitsed C., Green W. Internationalization begins with the curriculum. University World News, 2013. P. 256.
2. Leask B. Internationalizing the curriculum. London : Routledge, 2015. 125 p.
3. Leask B. Internationalizing curriculum and learning for all students // Global and Local Internationalization / in E. Jones, R. Coelen, J. Beelen & H. de Wit (Eds.). Rotterdam : Sense, 2016. P. 49–54.
4. Biggs J.B., Tang C. Teaching for Quality Learning at University. 3rd ed. Maidenhead : McGraw Hill Education & Open University Press, 2007. 335 p.
5. Дахин А.Н. Педагогическое моделирование: сущность, эффективность и неопределенность // Педагогика. 2003. № 4. С. 21–26.
6. Jones E.D. Killick Graduate attributes and the internationalized curriculum: Embedding a global outlook in disciplinary learning outcomes // Journal of Studies in International Education. 2013. Vol. 17, № 2. P. 165–182.
7. Beelen J. Global at home: Internationalisation at Home in the 4th Global Survey Global and Local Internationalization / E. Jones, R. Coelen, J. Beelen & H. de Wit (Eds.). Rotterdam : Sense, 2016. P. 55–65.

8. Hudzik J. Comprehensive internationalization: From concept to action. Washington : NAFSA, 2011. 245 p.
9. Choudaha R., H. de Wit. Challenges and Opportunities for Global Student Mobility in the Future: A Comparative and Critical Analysis // *Internationalization of Higher Education and Global Mobility* / B. Streitwieser (Ed.). Oxford Studies in Comparative education Series, Symposium Books, 2014. P. 19–34.
10. Малкова И.Ю., Цигулева О.В. Человеческий капитал и высшее образование в России и за рубежом // *Управление талантами и трансформация корпоративной культуры : материалы Междунар. конф. «HR-тренд 2015: управление талантами и трансформация корпоративной культуры»* (13–14 ноября 2015 г., г. Томск). Томск : Издательский Дом ТГУ, 2016. С. 11–18. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27268636>

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 марта 2019 г.

Internationalization of the Curriculum as a Resource for Building Global Competence of Master's Graduates

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 169–177.

DOI: 10.17223/15617793/444/22

Irina Yu. Malkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkovoi@yandex.ru

Olga G. Maslennikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pro-77@mail.ru

Keywords: curriculum internationalization; international program; global competence.

The aims of the study are to analyze the current state of internationalization of the curriculum in the leading universities at the level of master's degree, to justify the structural functional model of internationalization of the curriculum, to identify effective conditions for the organization of this process for the development of students' global competence. The problem of internationalization of the curriculum in the context of pedagogical science means the development of the structure, content, description of the learning outcomes and methods to achieve them that correspond and correlate with international standards (global competence). Management of the internationalization of the curriculum in the university requires an appropriate organizational and methodological support. The material of the study is a comparative analysis of the strategies of the internationalization of the curriculum of 29 leading research universities in Russia, the United States, Germany and the Netherlands. The method of comparative analysis of the content of the best master's programs and of the practice of their internationalization identifies the criteria that determine the effectiveness of this process: compliance with the mission (strategy) of the university in the training of master's graduates for the world labor market; creation of conditions for teachers and students to join international community; the global context of the subject content of the master's programs; academic mobility of students and professors, etc. On the basis of the survey and the interviews of the students of the master's programs of Tomsk State University, the factors of influence of the internationalized curriculum on the building of students' global competence are proved. According to the results of a comparative benchmarking analysis, a study of the master's programs of the leading universities in Russia, the USA, Germany and the Netherlands, interviews of master's students, the mechanisms of implementation of the internationalized curriculum are proposed, and the positive effect of the process on the building of students' global competence is proved. The study presents a structural functional model of the curriculum internationalization as an integrated system consisting of target, content, procedure and assessment blocks. The data obtained allow concluding that the training on the internationalized program helps students to gain sufficient experience for the building of productive global thinking and its effective use in the future professional activities.

REFERENCES

1. Whitsed, C. & Green, W. (2013) *Internationalization begins with the curriculum*. University World News.
2. Leask, B. (2015) *Internationalizing the curriculum*. London: Routledge.
3. Leask, B. (2016) Internationalizing curriculum and learning for all students. In: Leask, B. et al. (eds) *Global and Local Internationalization*. Rotterdam: Sense.
4. Biggs, J.B. (2007) *Teaching for Quality Learning at University*. Maidenhead: McGraw Hill Education & Open University Press.
5. Dakhin, A.N. (2003) Pedagogicheskoe modelirovanie: sushchnost', effektivnost' i neopredelennost' [Pedagogical modeling: essence, efficiency and uncertainty]. *Pedagogika*. 4. pp. 21–26.
6. Jones, E. (2013) Graduate attributes and the internationalized curriculum: Embedding a global outlook in disciplinary learning outcomes. *Journal of Studies in International Education*. 17 (2). pp. 165–182. DOI: 10.1177/1028315312473655
7. Beelen, J. (2016). Global at home: Internationalisation at Home in the 4th Global Survey. In: Leask, B. et al. (eds) *Global and Local Internationalization*. Rotterdam: Sense.
8. Hudzik, J. (2011) *Comprehensive internationalization: From concept to action*. Washington: NAFSA.
9. Choudaha, R. (2014) Challenges and Opportunities for Global Student Mobility in the Future: A Comparative and Critical Analysis. In: Streitwieser, B. (ed.) *Internationalization of Higher Education and Global Mobility*. Symposium Books.
10. Malkova, I.Yu. & Tsiguleva, O.V. (2016) [Human capital and higher education in Russia and abroad]. *Upravlenie talantami i transformatsiya korporativnoy kul'tury* [Talent management and corporate culture transformation]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 13–14 November 2015. Tomsk: Tomsk State University. pp. 11–18. [Online] Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=27268636>. (In Russian).

Received: 05 March 2019

Л.А. Мокрецова, А.М. Беспалов, М.М. Прудникова

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗОВ ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ СТУДЕНТАМИ И ПЕДАГОГАМИ

Анализируются результаты исследования, проведенного авторами весной 2018 г. среди учителей и студентов педагогических направлений подготовки в городе Бийске относительно их представлений об идеале учителя и о реальных учителях современности. Авторы приходят к выводу, что современные учителя придерживаются в своей педагогической деятельности принципов педагогики формирования, через призму которой также рассматривают и идеал учителя.

Ключевые слова: идеал; идеальный учитель; образование; педагогика формирования; педагогика способностей; педагогика воспитания.

Введение. В первом томе знаменитого «Капитала» К. Маркс указал на один из наиболее важных, не потерявших своей значимости и сегодня, отличительных признаков человека от других видов животных: «...самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально» [1. С. 189].

Постановка проблемы. Понятие идеала прочно вошло в философский, а потом и в научный оборот, прежде всего, из работ древнегреческих философов. Концепт «идеал учителя» в последние годы рассматривался такими исследователями, как Е.В. Астапенко [2], Г.С. Вяликова, Т.С. Бушуева, Ю.А. Плужникова [3, 4], Г.И. Герасимов, Е.Н. Васильева, Е.В. Куницына [5–7], Ю.А. Егорова [8], С.Н. Касаткина, Е.А. Анохин [9], С.Л. Фролова [10–13], О.Ф. Черемушкина [14] и т.д. И. Кант, анализируя в «Лекциях по этике» идеал высшего блага у древних греков, выделял идеалы киников, эпикурейцев и стоиков [2. С. 15]. Как полагают Г.С. Вяликова, Т.С. Бушуева, Ю.А. Плужникова, «педагогический идеал как образ-образец стимулирует постепенное продвижение будущих и действующих учителей к освоению новых знаний, умений, компетенций, обретению ценностей, расширению потребностно-мотивационной и рефлексивной сфер, а также к совершенствованию их профессиональных и личностных качеств» [3. С. 43]. Этимологию и развитие смысла понятия «идеал», в том числе и в отношении профессионального идеала, достаточно полно раскрыла в своей диссертации С.Л. Фролова [16. С. 85–114]. Проведя подробный анализ понятия «идеал», С.Л. Фролова отметила, что профессиональный идеал следует рассматривать «в трех «ипостасях»: *идеал профессии* (существует в общественном сознании), *корпоративный профессиональный идеал* (существует в групповом сознании людей определенной профессии), *личностный профессиональный идеал* (существует в индивидуальном сознании конкретной личности)» [Там же. С. 106]. В своем исследовании мы уделили внимание двум последним аспектам понятия «профессиональный идеал», однако при этом ограничились рассмотрением личностных качеств учителя. В целом разделяя выводы, сделанные С.Л. Фроловой в отношении понятия «идеал», нельзя согласиться с

ней в том, что «от понятия “ценность” профессиональный идеал отличается также функциональными характеристиками. Ценность как таковая не обладает побудительной силой, не является мотивом, пока она не присвоена личностью, не приобрела “личностный смысл”» [16. С. 113]. Понятие «ценность» является более широким понятием, чем понятие «идеал», и включает последнее в себя как более узкое понятие. В связи с этим следует заметить, что идеал, не приобретая личностного смысла, также не обладает побудительной силой, а остается теоретической абстракцией.

Подробно образ идеального учителя и его изменения в истории педагогики рассмотрен в работах Е.В. Астапенко [2, 17–19], В.В. Колпачева и О.Ю. Колпачевой [20], О.Е. Кошелевой [21], И.Д. Лельчицкого [22–26], А.В. Репринцева [27], И.В. Тимонина [28], С.Л. Фроловой [16], Е.А. Шульги [29], I. Kozikoglu [30] и др.

Понятия «идеал учителя», «идеальный учитель», «идеальный педагог» и т.п. появляются уже в Античности, хотя эти термины античными авторами и не употребляются. В то же время роли учителя с глубокой древности придавалось особое значение. Так, название одного из основополагающих древнеиндийских трактатов индуизма «Упанишады» (upaniṣad) буквально переводится как «усаживание рядом», «сидеть около» (т.е. у ног учителя) [31. С. 10–12]. Получение истинного, «скрытого» от обычного взгляда, знания возможно только через Учителя, который учит *быть*, а не только *знать* [32. С. 118]. В Древней Греции Сократ выступает в роли учителя. Но он не дает готового знания, на что сам же и указывает: «...я и не знаю ничего из того, что знают прочие великие и удивительные мужи, сколько их есть и сколько их было» [33. С. 274]. А потому он и сам учится, уча других, с помощью положительной диалектики, майевтики (μαῖευτική – родовспоможение), помогая «родиться» истине. Но и этот метод он не приписывает себе, утверждая, что «повивальное это искусство я и моя мать получили в удел от бога, она для женщин, я – для благородных юношей...» [Там же].

В Средние века важно было научиться и научить понимать слово Божие. Но оно проявилось двояко: в Творении Его и в Писании как непосредственном послании Господа. Поскольку Творение все же вторично, то приоритет отдавался Писанию и его истолкованию. Хороший учитель тот, кто «правильно» истол-

ковывает слово Божие. Идеал учителя – сам Господь, явившийся людям, чтобы дать им истину. Не случайно об этом в своей «Исповеди» писал Августин Блаженный: «...кроме Тебя нет другого учителя истины, где бы и откуда бы ни появился ее свет» [34. С. 129]. Еще во времена господства христианского мировоззрения учили и ремеслу, но из письма Ваньки Жукова на деревню дедушке [35] мы можем составить себе представление о подобном обучении. Хотя и стремились обучаться у великих мастеров, но далеко не все ученики создавали шедевры и сами становились мастерами.

В Новое время постепенно стали переходить к массовой школе. Христианские взгляды еще господствовали, но прагматизм все больше проникал в систему образования. Уже в христианско-антропологической концепции Я.А. Коменского признается самоценность человека [36. С. 87]. Это можно сказать и о концепциях И. Канта, Г. Гегеля, И. Гербарта, В. Гумбольдта, В. Дильтея, Д. Дьюи, М. Бубера, К. Ясперса, А.Н. Уайтхеда, Н.И. Пирогова, К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого, а также других выдающихся мыслителей и педагогов, в том числе и Новейшего времени. Несмотря на наличие элементов гуманистических устремлений у отдельных педагогов и педагогических систем, как верно отметил современный казахстанский философ А.А. Хамидов, «все воспитательно-образовательные системы – начиная с греческой *пайдейи* и кончая педагогиями современных буржуазных и тоталитарных режимов – нацелены не только не на стимулирование целостного (т.е. *все-уровневого*) становления-образовывания вступившего в жизнь потенциального Микрокосма в по возможности более полно актуализированный, но и не на стимулирование развития и совершенствования его хотя бы как полноценно общественного существа. Все они нацелены на *формирование*, формовку индивида под углом зрения его пригодности и полезности для функционирования в системе наличного Социума» [32. С. 119]. В значительной мере такое состояние было характерно и для советской системы образования. Не вызывает сомнения также и тот факт, что элементы иного отношения к педагогическому процессу в разное время, в том числе и в современной школе, так или иначе проявляются в деятельности учителей. Однако важна общая тенденция, которая доминирует в тот или иной период.

Поиск путей формирования будущих педагогов на примере идеального образа учителя осуществлен в ряде современных исследований. В частности, И.А. Алехин и С.В. Тенитилов в статье «Проблема педагогического идеала и его формирование у преподавателей высших учебных заведений» рассматривают пути и условия формирования и развития педагогического идеала у преподавателей вузов, а также делают теоретический анализ содержания понятия «идеал учителя» [37]. В других своих статьях С.В. Тенитилов раскрывает значение идеала учителя для совершенствования педагогического мастерства [38, 39]. Также Т.С. Бушуева, Г.С. Вяликова и Ю.А. Плужникова особое внимание уделяют идеалу учителя как профессионально-стимулирующему ори-

ентиру деятельности учителя [3, 40]. В.Н. Гоголев в своей диссертации, посвященной рассмотрению условий формирования и влияния педагогического идеала на профессиональную подготовку будущих учителей, показал, что существующий в тот период (1985 г.) учебно-воспитательный процесс, осуществляемый в педагогических вузах, оказывает влияние на повышение интереса будущих учителей к овладению профессионально-педагогическими качествами, но недостаточно влияет на формирование профессионального идеала и желания студентов становиться педагогами [40]. В.И. Горюха и Г.И. Шевченко в статье «Устойчивость профессионального идеала будущего педагога как фактор эффективности предстоящей деятельности» анализируют этапы формирования профессионального идеала педагога [41]. Диссертация Н.Д. Дудиной направлена на решение проблемы становления и развития идеального образа учителя как ценности-цели и смысла профессионального становления студентов педагогических вузов, разработку модели и условий его формирования [42]. С философской и педагогической точек зрения понятие «идеал» анализируется в статье И.В. Осипенкова «Педагогический идеал как источник разработки цели обучения отечественными педагогами на рубеже XIX–XX веков», на основании чего автор выделяет его педагогические функции и обосновывает его связь с понятиями «педагогический идеал», «обучение» и «цели обучения» [43]. О.В. Розина в статье «Нравственный идеал и миссионерское служение педагога» проблему педагогического идеала рассматривает через призму православной нравственности и служения нравственному развитию подрастающего поколения [44]. С.Л. Фролова в своих многочисленных статьях, посвященных рассмотрению профессионального идеала педагога, уделила внимание различным аспектам его определения, моделирования и формирования [45–52]. В. Morrison и S. Evans в статье «University students' conceptions of the good teacher: A Hong Kong perspective» рассматривают особенности образа «хорошего учителя» ('good' teacher) с точки зрения студентов Гонконгского университета [53].

В целом эти статьи дают общее представление о том, как в научном и педагогическом сообществе понимают проблему идеала современного учителя с точки зрения его социально желательного образа, обладания педагогом совершенными качествами: аналитическим складом ума, воспитанностью, изобретательностью, коммуникабельностью, креативностью, любознательностью, наблюдательностью, оригинальностью, ответственностью, речевой культурой, самообладанием, сообразительностью, стремлением к самообразованию, стрессоустойчивостью, толерантностью, трудолюбием, уверенностью в себе, умением расположить к себе обучаемых, эмпатией, эрудированностью и т.п., а также значение этого образа для формирования будущих педагогов.

Эмпирическим исследованиям образа идеального учителя посвящены работы Z. A. A. Ida [54], Г.С. Вяликовой [55–58], В.И. Горюхой, И.А. Даниловой [59], В.А. Козырева, В.Д. Черняк [60], М.В. Корниловой [61] и т.д. Авторы в своих исследованиях использова-

ли либо собственные наблюдения [60], либо открытые вопросы для раскрытия понятия «идеальный учитель» («a good teacher») [57–59], либо самостоятельно составленные списки характеристик образа идеального учителя, из которых респонденты выбирали нужные [61], либо сочетание обоих вариантов [56]. В результате выделялись наиболее значимые характеристики, которые и составляли образ идеального учителя. Результаты этих исследований представляют интерес и имеют определенное значение для понимания современных представлений об идеале учителя. Однако все они имеют один существенный недостаток: их весьма сложно, а в чем-то и невозможно сравнивать. Это снижает их научную значимость. Поэтому нам важно было посмотреть на эту проблему с использованием апробированного и положительно зарекомендовавшего себя метода, основанного на отождествлении собственного образа «Я» с образом идеального «Я», сформированного как на базе оценок значимых других на уровне осознанного самоконтроля, так и неосознанно на базе символики идентификации. Это позволит в дальнейшем сравнивать наши результаты с результатами, полученными в других регионах и в другое время.

Теоретической основой для проведения исследования для нас стала статья Г.С. Батищева «Три типа педагогики», опубликованная в «Учительской газете» в 1988 г. в разгар перестройки. В ней он выделяет три типа педагогики, каждому из которых соответствует и определенный тип учителя, наделенный рядом характерных черт. Педагогике формирования соответствует учитель – «авторитарный требователь и формирователь» [62. С. 297]. В начале XX в. именно такую задачу поставил перед системой образования немецкий социолог К. Манхейм: «Образование формирует не человека вообще, а человека в данном обществе и для этого общества» [63. С. 609]. Г.С. Батищев по этому поводу писал: «Педагогика формирования не открывает, а закрывает воспитаннику возможность избрать и принять свое призвание, ибо не будит, а подавляет самостоятельный суд личностной совести. Она делает человека пассивным, безответственным соучастником социально-группового самоутверждения (социально-группового эгоизма)» [62. С. 297]. В педагогике способностей, или педагогике развития, ради развития учитель «сам оказывает влияние на воспитуемого именно благодаря своим способностям, благодаря тому, что преподаваемая им культура для него – не внешнее и чуждое содержание, но раскрытое ему в его динамизме, множественности концепций, стилей, образцов. Поэтому он и детей может пригласить к проникновению в этот динамизм и в эту многоликость» [Там же. С. 298]. И в третьем типе педагогики, собственно педагогике воспитания, или педагогике со-творчества и безусловно-ценностной посвященности, учитель «воспитывает по принципу: подобное вызывает подобное, всеми измерениями и ярусами своего личностного мира как целым, через полноту своей открытости и готовности войти в сопричастность с воспитуемыми до конца» [Там же. С. 300]. В другой своей работе, в «Тезисах не к Фейербаху», Г.С. Батищев раскрывает еще одну сторону

Учителя, придерживающегося третьего типа педагогики: «Истинный Учитель встречается только тому, кто зовет его в самоотверженном искании и устремленности в *путничество*» [64. С. 403]. Термин «путничество», согласно Г.С. Батищеву, означает нахождение в постоянном восхождении-совершенствовании во взаимности с другими Путниками [Там же. С. 850].

Задачи исследования. Основной задачей нашего исследования является выявление субъективного образа идеального учителя, который, чтобы понять некоторые основы этого образа, рассматривается в сопоставлении его с восприятием образа реального учителя студентами педагогического вуза и работающими учителями общеобразовательных школ города Бийска. В своем исследовании мы ограничились исследованием личностных характеристик учителей, необходимых им для осуществления профессиональной деятельности и имеющих универсальный характер. Мы не ставили себе задачу исследовать профессиональные качества, необходимые учителю, так как они носят более специфический характер, представлены в утвержденном 18 октября 2013 г. профессиональном стандарте «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» [65] и в определенной мере привязаны к предметной области педагогического труда. В статье рассматривается проблема видения работающими и будущими учителями идеального образа учителя, который, чтобы понять некоторые основы этого видения, сравнивается с восприятием ими же реального образа учителя.

Методы исследования. Респонденты. В исследовании приняли участие 678 человек, из них 542 женщины и 136 мужчин в возрасте от 18 до 67 лет (средний возраст $M = 18,54$, $SD = 1,26$). Среди них было 403 студента (59,4%), обучающихся по программам педагогического образования в АГГПУ, и 275 учителей (40,6%) города Бийска. Опрошенные учителя отличались педагогическим стажем: 30,5% респондентов – со стажем работы до 10 лет; 59,6% – от 11 до 30 лет и 9,8% – свыше 30 лет. В ходе исследования использовалась случайно-вероятностная выборка, при которой студенты и учителя добровольно участвовали в опросе.

Методика. Л.А. Собчик, представляя методику диагностики межличностных отношений (ДМО) американского психолога Т. Лири, указывает: «Реализуя потребность в общении, человек соотносит свое поведение с оценками значимых других на уровне осознанного самоконтроля, а также (неосознанно) с символикой идентификации» [66. С. 76]. Для выявления субъективной оценки образа идеального учителя в сопоставлении с представлениями о реальных современных учителях нами использовался опросник диагностики межличностных отношений (ДМО) американского психолога Т. Лири (в модификации Л.А. Собчик [66, 67]). Опросник состоит из 128 оценочных суждений, которые при обработке объединяются в 8 октантов (по 16 пунктов в каждом), и наиболее дифференцированно выражает представления че-

ловека о себе, об эталоне отношений и т.д. через такие факторы, как доминирование – подчинение и дружелюбие – агрессивность. Выбор методики Т. Лири был обусловлен тем, что в отличие от сугубо эмпирических факторных опросников (типа 16PF Р. Кеттелла), данная методика представляет собой теоретически обоснованный измерительный инструмент, основанный на известной психологической теории (теории межличностных отношений Г. Салливена). Структура теста Лири соответствует круговой модели «radex», что свидетельствует, во-первых, о целостности и завершенности данной модели и, во-вторых, о хорошем соответствии опросника теоретической модели [68]. Кроме того, методика характеризуется относительно компактным объемом, простотой и доступностью заданий, что важно в условиях проведения массовых обследований.

Для анализа полученных результатов использовались методы математической статистики, в частности критерий ϕ^* (угловое преобразование Фишера) для сравнения независимых выборок, критерий Вилкоксона для сравнения зависимых выборок, для сравнения долей в трех выборках использовался критерий χ^2 .

Результаты. Уровни значимости различий между представлениями всех респондентов об идеале и о реальных качествах современного учителя достаточно высоки: для 5 из 8 октантов уровень значимости $p < 0,01$. В трех оставшихся (II, V и VI) различия не являются статистически значимыми (рис. 1).

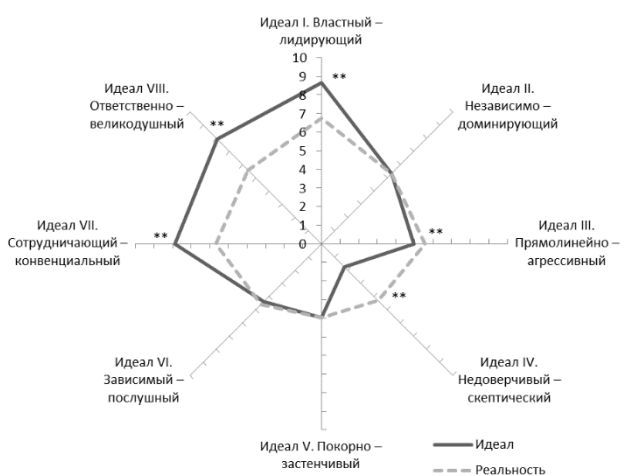

Рис. 1. Дискорама образов идеального и реального учителя по данным всех респондентов (обозначение «**») означает уровень значимости различий по критерию Вилкоксона $p < 0,01$)

В целом представленная дискорама (рис. 1) показывает, что респонденты прежде всего стремятся к лидерству, доминированию, тесному сотрудничеству с референтной группой, готовности прийти на помощь. Преобладание значений I октанта свидетельствует, что современные учителя видятся респондентам высокоактивными людьми-экстравертами, легко и быстро принимающими решения, стремящимися вести других за собой, подчинять их своей воле, к доминированию, уделяющими повышенное внимание собственному мнению и минимально подчиняющимся внешним факторам, с выраженной ориентацией на достижения, спонтанную самореализацию, актив-

ное воздействие на окружающих, с повышенным уровнем притязаний. Также высокие, по сравнению с другими, значения VII и VIII октантов идеального образа учителя демонстрируют стремление респондентов проявлять дружелюбие к окружающим, к поиску признания в глазах значимых людей, общности с окружающим миром, а также желание соответствовать принятым нормам поведения, быть глубоко вовлеченными в происходящее, иметь гармонию в межличностных отношениях. Значения других октантов образа идеального учителя либо равно, либо меньше значений образа реального учителя, что свидетельствует о желании быть более сдержанными в самовыражении, прямолинейности, иметь более доверительные отношения с окружающими, не брать на себя чужие обязанности, быть более независимым и т.п.

Конфигурация дискораграмм студентов, учителей, мужчин, женщин, а также учителей с различным стажем работы практически не отличаются друг от друга. Отличия выявились в соотношениях между показателями октантов идеального и реального образов современного учителя. Как мы видим из дискораграммы (рис. 1), значения I, VII, VIII октантов идеального образа (8,7; 7,9; 7,9) достаточно заметно превышают значения этих октантов реального образа (6,7; 5,7; 5,6) учителя, в то же время значения III и IV октантов идеального образа (4,98; 1,8) меньше значений этих октантов у реального образа учителя (5,6; 4,3). Это свидетельствует о том, что респонденты не удовлетворены ситуацией, существующей в этих сферах взаимоотношений в современном образовании. Понимание того, чем недовольны опрошенные, более детально можно получить через рассмотрение данных отдельно по различным социально-демографическим признакам: половой принадлежности, стажу работы, социальной принадлежности (студенты или учителя).

Рис. 2. Дискорама идеального и реального образов учителя у студентов (обозначения те же, что на рис. 1)

Как видно из дискораграмм на рис. 2 и 3, более высокие значения I, VII и VIII октантов идеального образа (у студентов: 9,1; 8,2; 8,2; у учителей: 7,9; 7,4; 7,5) по сравнению со значениями этих октантов реального образа учителя (у студентов: 7,95; 5,8; 5,5; у учителей: 4,97; 5,5; 5,8) свидетельствуют о том, что студенты и учителя не видят в реальных педагогах в достаточной мере успешных лидеров, наставников и

организаторов, склонных к сотрудничеству и кооперации с обучающимися, считают их недостаточно искренними, деликатными, отзывчивыми и доброжелательными людьми. В то же время респонденты в идеальном учителе видят людей, способных к сотрудничеству, которые являются более властными и ответственными лидерами. У студентов эти стремления носят ярче выраженный и более внешний характер, связанный с большим желанием произвести впечатление на окружающих. Небольшое различие показателей II, III, V и VI октантов (у студентов: 6,3; 6,2; 4,2; 5,0; у учителей: 4,0; 4,7; 3,7; 3,98) и значительное отличие показателей IV октанта (у студентов: 4,98; у учителей: 3,3) реального образа по сравнению с показателями этих октантов (у студентов: 5,6; 5,2; 4,2; 4,7; 1,9; у учителей: 4,99; 4,6; 3,7; 3,9; 1,5) идеального образа учителя означают, что респонденты достаточно критично относятся к современному состоянию образования, где учитель занимает не самые удовлетворительные для них позиции.

Рис. 3. Дискограмма идеального и реального образов учителя у педагогов (обозначения те же, что на рис. 1)

Поскольку, как уже было указано выше, конфигурация дискограмм, отражающих результаты ответов учителей, имеющих разный стаж работы (до 10 лет, до 30 лет и свыше 30 лет), также не сильно отличаются друг от друга, приведем табл. 1, из которой видны различия в значениях различных октантов по этим категориям респондентов.

Значения октантов у учителей, имеющих различный стаж работы, отличается не только величиной показателей (самые высокие у учителей с педагогическим стажем свыше 30 лет, самые низкие – у учителей со стажем от 10 до 30 лет), но и рейтингом этих значений. У учителей с педагогическим стажем свыше 30 лет самыми высокими, в отличие от своих коллег с меньшим стажем работы, оказались показатели VIII октанта идеального образа учителя (8,9), что свидетельствует о склонности к идеализации ими межличностных отношений, их выраженной эмоциональной вовлеченностью, носящей зачастую декларативный характер. Поскольку у них образ реального учителя включает в себя низкие показатели IV октанта (4,26), то есть проявляется определенное недоверие, настороженность и неудовлетворенность сложившимися отношениями с окружающими, а образ идеального учителя показывает преобладание VIII октанта (8,93) и более низкие показатели IV (1,81), то это, по мнению Л.Н. Собчик, говорит о том, что учителя данной категории «тяготеют межличностными конфликтами и отчасти склонны самокритично оценить свою роль в создавшейся ситуации, стремясь в идеале быть более доброжелательными и конгруэнтными с окружающими их людьми» [66. С. 89]. В то же время показатели I, VII и VIII октантов, превышающие значение 8, могут говорить об их подавленной враждебности, вызывающей повышенную напряженность. Возможно, подобное состояние связано с профессиональным выгоранием. У учителей с педагогическим стажем до 10 лет и от 10 до 30 лет самыми высокими показателями оказались значения I октанта идеального образа учителя (соответственно 8,2 и 7,7), что характеризует их как достаточно оптимистичных людей, отличающихся повышенной активностью, стремлением к высоким достижениям, к доминированию, высоким уровнем притязаний, ориентированным, в основном, на собственное мнение, минимальной зависимостью от внешних факторов. Но значение I октанта идеального образа учителя, которое мы видим у учителей со стажем работы до 10 лет, свидетельствует о доминировании завоевательной позиции, стремлении вести за собой и подчинять своей воле окружающих.

Таблица 1

Значения октантов идеального и реального образов учителя в представлениях учителей (обозначение «**» означает уровень значимости различий по критерию Вилкоксона $p < 0,01$, «*» – уровень значимости различий по критерию Вилкоксона $p < 0,05$)

Шкала	Стаж до 10 лет		Стаж от 10 до 30 лет		Стаж свыше 30 лет	
	Идеальный	Реальный	Идеальный	Реальный	Идеальный	Реальный
I. Властный – лидирующий	8,21**	5,67**	7,73**	4,50**	8,37**	5,63**
II. Независимо – доминирующий	4,58	4,39	5,07**	3,70**	5,7	4,63
III. Прямолинейно – агрессивный	4,24	4,45	4,69	4,57	5,3	5,74
IV. Недоверчивый – скептический	1,48**	3,27**	1,49**	3,21**	1,81**	4,26**
V. Покорно – застенчивый	3,44	3,33	3,63	3,71	4,52	4,7
VI. Зависимый – послушный	3,89	3,85	3,84	3,83	4,56	5,33
VII. Сотрудничающий – конвенциональный	6,88**	5,35**	7,49**	5,4**	8,56**	6,52**
VIII. Ответственно – великодушный	6,80*	5,79*	7,65**	5,52**	8,93*	7,22*

Примечание. Значимость различий определялась между показателями образов идеального и реального учителя в пределах каждой из подгрупп учителей с одинаковым стажем работы в школе.

Наиболее важные качества идеального и реального образов учителей в представлениях всех респондентов, студентов и педагогов
 (обозначение «**» означает уровень значимости различий по критерию χ^2 $p < 0,01$;
 «*» – уровень значимости различий по критерию χ^2 $p < 0,05$)

Качества	Образ идеального учителя (все, %)	Образ реального учителя (все, %)	Образ идеального учителя (студенты, %)	Образ реального учителя (студенты, %)	Образ идеального учителя (учителя, %)	Образ реального учителя (учителя, %)
Уверен в себе	86,2	56,2	86,9	63,9**	85,1	44,9**
Строгий, но справедливый	86,0	65,6	86,6	62,9*	85,1	69,6*
Обладает чувством достоинства	86,0	66,0	84,7	65,3	88,0	67,0
Дружелюбный, доброжелательный	85,9	69,0	84,7	66,1*	87,7	73,2*
Пользуется у других уважением	85,9	52,5	83,7*	59,4**	89,1*	42,4**
Способен к сотрудничеству	84,7	74,0	83,9	69,6**	85,9	80,4**
Отзывчивый на призывы о помощи	84,3	66,6	84,2	58,9**	84,4	77,9**
Уважительный	83,7	68,7	84,4	68,1	82,6	69,6
Способен признать свою неправоту	83,1	52,5	84,9*	44,3**	80,4*	64,5**
Деликатный	81,9	50,3	82,2	47,5	81,5	54,3
Может быть искренним	80,3	60,4	82,9*	57,9	76,4*	64,1
Стремится к успеху	76,9	61,3	77,2	63,4	76,4	58,3
Умеет настоять на своем	76,3	62,1	73,8*	64,9*	80,1*	58,0*
Способен быть критичным к себе	74,9	56,2	71,0**	47,8**	80,4**	68,5**
Способен сам позаботиться о себе	74,7	64,1	73,0	66,3	77,2	60,9
Умеет распоряжаться, приказывать	55,6	57,2	60,1**	67,8**	48,9**	41,7**
Способен быть суровым	43,7	61,5	47,5**	69,6**	38,0**	49,6**

Примечание. Значимость различий определялась отдельно между показателями образов идеального и отдельно между показателями образов реального учителя у учителей и студентов.

Также интерес представляют и те качества, которые респонденты отметили в описании образов идеального и реального учителя. В приводимых далее таблицах представлены данные о качествах, которые вошли в десять или двенадцать, в случае совпадения количества выборов, наиболее значимых качеств для представителей определенной группы респондентов. В табл. 2 представлены наиболее важные качества с точки зрения как всех респондентов, так и опрошенных учителей и студентов. Среди 10 наиболее важных качеств (из 128), которыми должен обладать идеальный учитель, были названы следующие: «уверен в себе»; «строгий, но справедливый»; «обладает чувством достоинства»; «дружелюбный, доброжелательный»; «пользуется у других уважением»; «способен к сотрудничеству»; «отзывчивый на призывы о помощи»; «уважительный»; «способен признать свою неправоту»; «деликатный». Среди десяти качеств, которыми, по мнению респондентов, реально обладают современные учителя, были выделены следующие: «способен к сотрудничеству»; «уважительный»; «дружелюбный, доброжелательный»; «отзывчивый на призывы о помощи»; «обладает чувством достоинства»; «строгий, но справедливый»; «способен сам позаботиться о себе»; «умеет настоять на своем»; «способен быть суровым»; «стремится к успеху».

Большинство различий между желательными качествами идеального и приписываемыми качествами реального учителя в представлениях респондентов всех анализируемых категорий являются статистически значимыми ($p < 0,001$). Поэтому в таблицах показатель уровня значимости для этих различий не представлен. Наибольшие различия между этими качествами оказались следующими: «другие думают о нем благосклонно» (разница на 40%); «обладает талантом руководителя» (37%); «независимый» (37%); «любит ответственность» (36%); «способен вызывать восхищение» (34%); «пользуется у других уважением» (33%);

«деликатный» (32%); «внимательный, ласковый» (31%); «уверен в себе» (30%); «способен признать свою неправоту» (30%) и т.д. Это говорит о неудовлетворенности респондентами наличием данных качеств у работающих учителей, а также определенными сторонами межличностных отношений, существующих в педагогических коллективах.

Меньше всего в идеальном учителе опрошенные хотели бы видеть такие качества, как «злой, жестокий» (5%); «ревнивый» (5%); «легко попадает впросак» (5%); «любит, чтобы его опекали» (5%); «недоверчивый, подозрительный» (5%); «злопамятный» (5%); «язвительный, насмешливый» (5%); «эгоистичный» (5%); «долго помнит свои обиды» (5%); «жалобщик» (5%); «часто гневлив» (4%); «холодный, черствый» (4%); «озлобленный» (3%). В то же время этими и рядом других негативных качеств значительно большее количество респондентов наделили образ реального учителя: «злой, жестокий» (12%); «ревнивый» (11%); «легко попадает впросак» (11%); «любит, чтобы его опекали» (10%); «со всеми соглашается» (12%); «любит подчиняться» (12%); «робкий» (12%); «отличается чрезмерной готовностью подчиняться» (12%); «легко поддается влиянию друзей» (12%); «стыдливый» (11%); «готов довериться любому» (10%) и т.п. Это, на наш взгляд, также говорит о некоторой неудовлетворенности системой межличностных отношений в современной школе.

Образы идеала учителя у студентов и учителей по наиболее значимым для них качествам отличаются незначительно, за исключением частоты выбора тех или иных качеств. У студентов в первых десяти и у учителей в первых четырнадцати (в связи с одинаковым количеством выбравших некоторые из качеств) наиболее значимых качествах идеального образа учителя оказались: «строгий, но справедливый» (студенты – 87%; учителя – 85%); «уверен в себе» (87%, 85%); «обладает чувством достоинства» (85%, 88%);

«способен признать свою неправоту» (85%, 80%); «дружелюбный, доброжелательный» (85%, 88%); «уважительный» (84%, 83%); «способен к сотрудничеству» (84%, 86%); «отзывчивый на призывы о помощи» (84%, 84%); «пользуется у других уважением» (84%, 89%); «может быть искренним» (83%, 76%); «деликатный» (82%, 82%); «обладает талантом руководителя» (82%, 80%), «умеет настоять на своем» (74%, 80%); «способен быть критичным к себе» (71%, 80%). В то же время представления о реальном учителе у студентов и учителей несколько различаются. Причем эти различия являются статистически значимыми. Студенты не посчитали присущими современным учителям в наибольшей степени такие качества, как «способен быть критичным к себе» (30-е место, 48%) и «способен признать свою неправоту» (40-е место, 44%), которые у учителей оказались на 6-м (68%) и 9-м (64%) местах. А качества, оказавшиеся у студентов на первом («способен быть суровым» – 70%) и девятом («уверен в себе» – 64%) местах, у учителей расположились только на 23-м (50%) и 32-м (45%) местах соответственно.

Но еще большие различия в представлениях студентов и учителей о реальных педагогах проявились по следующим качествам: «ожидает восхищения от

каждого» (различия между значениями = 28%); «умеет распоряжаться, приказывать» (26%); «властный» (26%); «сноб (судит о людях по рангу и достатку, а не по личным качествам)» (25%); «распоряжается другими» (22%); «производит впечатление значимости» (21%); «любит ответственность» (21%); «холодный, черствый» (21%); «упрямый» (21%); «злопамятный» (20%); «другие думают о нем благосклонно» (20%); «способен быть суровым» (20%). Несколько меньшие, но все же значительные различия можно увидеть в ответах студентов и учителей относительно качеств образа идеального учителя. Это такие качества, как «всем симпатизирует» (44%, 24%); «производит впечатление значимости» (60%, 41%); «критичен к другим» (31%, 49%); «властный» (28%, 11%); «нежный, мягкосердечный» (44%, 28%); «любит давать советы» (51%, 35%); «любит всех» (44%, 29%); «самоуверен, напорист» (45%, 32%); «благорасположен ко всем без разбору» (28%, 14%); «стремится сыскать расположение каждого» (22%, 8%). Уровень значимости отмеченных различий $p < 0,01$. Как видно из этих различий, студенты больше отмечают авторитарных качеств у педагогов и желают видеть у них некоторые демократические черты.

Таблица 3

Наиболее важные качества идеального и реального образов учителя в представлениях опрошенных мужчин и женщин (обозначения те же, что и в табл. 2)

Качества	Образ идеального учителя (мужчины, %)	Образ реального учителя (мужчины, %)	Образ идеального учителя (женщины, %)	Образ реального учителя (женщины, %)
Уважительный	90**	74	82**	67
Строгий, но справедливый	89	64	85	66
Уверен в себе	89	61	85	55
Способен к сотрудничеству	88	73	84	74
Обладает чувством достоинства	88	64	85	66
Пользуется у других уважением	88	58	85	51
Дружелюбный, доброжелательный	85	67	86	70
Может быть искренним	84	50**	79	63**
Отзывчивый на призывы о помощи	83	64	85	67
Способен признать свою неправоту	83	44*	83	55*
Деликатный	82	50	82	50
Обладает талантом руководителя	82	49	81	43
Способен сам позаботиться о себе	81*	73**	73*	62**
Умеет настоять на своем	81	67	75	61
Стремится к успеху	77	60	77	62
Умеет распоряжаться, приказывать	65**	67**	53**	55**
Способен быть суровым	56**	66	41**	60

Примечание. Значимость различий определялась отдельно между показателями образов идеального и отдельно между показателями образов реального учителя у опрошенных мужчин и женщин.

Мужчины и женщины в выборе наиболее важных качеств образа идеального учителя (табл. 3) во многом совпали (если не считать их рейтинговые позиции, которые также оказались весьма близкими, а также наличием у мужчин в числе десяти наиболее важных качеств такого, как «может быть искренним» (вместо «деликатность» у женщин)). Статистическая значимость различий между этими качествами отсутствует, за исключением различий между таким качеством, как «уважительный», которое для мужчин находится на первом месте, а для женщин – на десятом (уровень значимости $p < 0,01$). Эти качества также полностью совпадают с теми, которые в целом были выбраны респондентами и указаны нами выше в данной статье. Несколько больше различий среди десяти наиболее

важных качеств можно выделить в представлениях мужчин и женщин, относящихся к образу реального учителя. Прежде всего различается ранжирование качеств. Также в десяти наиболее важных качествах образа реального учителя, выделенных мужчинами, присутствуют такие качества, как «умеет распоряжаться, приказывать» (4-е место у мужчин и лишь 15-е у женщин), «способен быть суровым» (7-е и 11-е места соответственно). У женщин-респондентов в этой десятке оказались такие качества, которые у мужчин имеют меньшее значение: «может быть искренним» (у женщин 7-е место, у мужчин – 23-е) и «стремится к успеху» (9-е и 13-е места соответственно).

В то же время можно отметить различия между мужчинами и женщинами в выборе менее значимых

качеств образов как идеального, так и реального учителя. Так, у мужчин в сравнении с женщинами в рейтинге качеств образа идеального учителя на более высоких местах находятся такие качества, как «любит соревноваться» (у мужчин – 43-е место, у женщин – 49-е), «способен быть суровым» (42-е, 47-е), «умеет распоряжаться, приказывать» (34-е, 40-е), «самоуверен, напорист» (46-е, 52-е), «начальственно-повелительный» (60-е, 65-е), «скепичен» (66-е, 72-е), «властный» (64-е, 70-е), «благорасположен ко всем без разбору» (63-е, 68-е), «упрямый» (72-е, 79-е). В рейтинге качеств образа реального учителя можно наблюдать такие же различия между мужчинами и женщинами. Наиболее различаются здесь следующие

качества: «производит впечатление значимости» (22-е, 45-е), «любит соревноваться» (41-е, 57-е), «может быть искренним» (23-е, 7-е), «умеет распоряжаться, приказывать» (4-е, 15-е), «любит давать советы» (11-е, 25-е), «всегда любезен в общении» (49-е, 60-е), «властный» (52-е, 68-е), «упрямый» (54-е, 70-е), «способен сам позаботиться о себе» (2-е, 8-е), «другие думают о нем благосклонно» (47-е, 53-е), «предоставляет другим принимать решения» (53-е, 66-е), «способен признать свою неправоту» (37-е, 16-е). Из этого следует, что в выборе мужчин и женщин проявляются традиционные представления о мужских и женских качествах, которые переносятся на образы идеального и реального учителя.

Таблица 4

Наиболее важные качества идеального и реального образов учителя в представлениях опрошенных педагогов с различным стажем работы в школе (обозначение «» означает уровень значимости различий по критерию $\chi^2 p < 0,01$; «*» – уровень значимости различий по критерию $\chi^2 p < 0,05$)**

Качества	Образ идеального учителя (стаж до 10 лет, %)	Образ реального учителя (стаж до 10 лет, %)	Образ идеального учителя (стаж от 10 до 30 лет, %)	Образ реального учителя (стаж от 10 до 30 лет, %)	Образ идеального учителя (стаж свыше 30 лет, %)	Образ реального учителя (стаж свыше 30 лет, %)
Обладает чувством достоинства	86	71**	89	61**	86	88**
Дружелюбный, доброжелательный	86	80	88	69	93	76
Обладает талантом руководителя	86	32	76	33	90	36
Пользуется у других уважением	85	49	91	39	93	40
Отзывчивый на призывы о помощи	82	82	86	76	83	76
Производит впечатление на окружающих	82	40	70	40	76	36
Способен к сотрудничеству	81	89*	88	75*	90	84*
Уверен в себе	81	52	86	42	93	40
Строгий, но справедливый	79	79	87	65	90	64
Другие думают о нем благосклонно	79	18	72	23	72	36
Уважительный	78	74	85	66	83	72
Умеет настоять на своем	77	57	79	58	93	60
Деликатный	76	53	83	52	90	72
Способен быть критичным к себе	76	76	83	65	79	64
Способен признать свою неправоту	74	71	82	60	86	72
Способен сам позаботиться о себе	74	66	78	59	83	56
Благодарный	72	63	73	54	69	68
Может быть искренним	71	59	78	67	83	64
Добросердечный	68	52	76	52	69	64
Одобряющий	68	54	71	59	86	56
Стремится ужиться с другими	68	62	67	59	79	44

Примечание. Значимость различий определялась отдельно между показателями образов идеального и отдельно между показателями образов реального учителя у групп учителей с различным стажем работы в школе.

Стаж работы также не сильно повлиял на выбор наиболее значимых качеств, которыми должен обладать идеальный учитель и которыми обладает реальный учитель. Уровень значимости связи между стажем работы и наиболее значимыми качествами образа идеального учителя не выявлен и обнаружен только для двух качеств образа реального педагога: «обладает чувством достоинства» и «способен к сотрудничеству» (см. табл. 4). Идеальный учитель, по мнению всех опрошенных педагогов, должен иметь следующие наиболее значимые качества: «обладает чувством достоинства»; «дружелюбный, доброжелательный»; «пользуется у других уважением»; «способен к сотрудничеству»; «уверен в себе»; «строгий, но справедливый». Помимо тех, которые выбраны всеми педагогами, у учителей со стажем работы до 10 лет и от 10 до 30 лет в топ-10 качеств образа идеального учителя вошло «отзывчивый на призывы о помощи»; до 10 лет и свыше 30 лет – «обладает талантом руководителя»; от 10 до 30 лет и свыше 30 лет – «деликат-

ный». И только по два качества идеального учителя, вошедшие в десятку необходимых качеств, оказались у учителей, относящихся к разным категориям по стажу работы: «производит впечатление на окружающих», «другие думают о нем благосклонно» (стаж работы в школе до 10 лет); «уважительный», «способен быть критичным к себе» (стаж – от 10 до 30 лет); «умеет настоять на своем», «способен признать свою неправоту» (стаж – свыше 30 лет). Последнее говорит о некотором смещении у молодых учителей акцента на желание производить внешнее впечатление.

Качества, которые не хотели бы видеть у идеального учителя, совпали уже в меньшей степени. Среди общих можно назвать: «холодный, черствый»; «язвительный, насмешливый»; «злой, жестокий»; «часто гневливый»; «озлобленный». У учителей со стажем работы от 10 до 30 лет и свыше 30 лет совпало и такое качество, как «мягкотелый». Остальные качества, которые не должны быть присущи образу идеального учителя, по мнению опрошенных учителей, оказались

следующими: «своекорыстный», «долго помнит свои обиды», «сноб (судит о людях по рангу и достатку, а не по личным качествам)» (стаж – до 10 лет); «любит, чтобы его опекали», «легко попадает впросак» (стаж – от 10 до 30 лет); «обидчивый, щепетильный», «жалобщик», «ревнивый», «безынициативный», «деспотичный», «злопамятный», «мягкотелый» (стаж – свыше 30 лет). Еще больше совпадений мы видим в образе реального педагога: «способен к сотрудничеству»; «отзывчивый на призывы о помощи»; «дружелюбный, доброжелательный»; «строгий, но справедливый»; «способен быть критичным к себе»; «уважительный»; «обладает чувством достоинства»; «способен признать свою неправоту». У учителей со стажем работы до 10 лет и от 10 до 30 лет добавилось еще одно общее качество: «способен сам позаботиться о себе». И только четыре качества, которые вошли в список 10 качеств, в наибольшей степени присущих реальным учителям, были выбраны только в одной из рассматриваемых категорий педагогов: «стремится к успеху» (стаж – до 10 лет); «может быть искренним» (стаж – от 10 до 30 лет); «деликатный», «благодарный» (стаж – свыше 30 лет).

Интерес для нас представляют и отличия в мнениях учителей с неодинаковым педагогическим стажем об образах идеального и реального учителей. Процент педагогов, выбравших качества, необходимые идеальному учителю и имеющие положительную коннотацию, как правило, превосходит процент педагогов, выбравших эти же качества, имеющиеся у реальных учителей. Достаточно большие различия (от 25 до 61 позиции) у всех опрошенных педагогов были выявлены по следующим качествам: «обладает талантом руководителя» (**), «способен вызвать восхищение» (**), «производит впечатление на окружающих» (**), «любит ответственность» (**), «пользуется у других уважением» (**), «независимый» (**). К ним следует добавить и такие качества, как «другие думают о нем благосклонно» (стаж до 10 лет**, стаж от 10 до 30 лет**), «всегда любезен в общении» (стаж от 10 до 30 лет**, стаж свыше 30 лет**), «всегда дружелюбен» (стаж до 10 лет**), «производит впечатление значимости» (стаж до 10 лет**), «деликатный» (стаж от 10 до 30 лет**), «добрый, вселяющий уверенность» (стаж от 10 до 30 лет**), «любит соревноваться» (стаж свыше 30 лет**), «деловитый, практичный» (стаж свыше 30 лет**).

Что касается различий в представлениях учителей об образе идеального учителя, то можно выделить наибольшие отличия в выборе качеств для педагогов со стажем работы менее 10 и более 30 лет: «всегда любезен в общении» (49%*, 79%*); «начальственно-повелительный» (31%**, 3%**); «деловитый, практичный» (58%*, 83%*); «ищущий одобрения» (31%**, 55%**); «нежный, мягкосердечный» (21%, 45%); «любит заботиться о других» (54%, 76%); «критичен к другим» (46%, 66%); «независимый» (60%, 79%); «доверчив и стремится радовать других» (36%, 55%); «одобряющий» (68%, 86%); «прощает все» (23%, 41%); «переполнен чрезмерным сочувствием» (13%, 31%) и т.д. Как видно из перечисленных качеств, учителя со стажем работы свыше 30 лет через

образ идеального учителя в большей мере проявляют желание ощутить признание, помощь и доверие со стороны окружающих, готовность оказать помощь другим, быть великодушным, но все же оставаться практичным и независимым. В то же время у молодых учителей более ярко выразилось стремление к доминированию.

Также довольно высокий уровень расхождений по качествам идеального учителя обнаружился в ответах учителей со стажем работы от 10 до 30 и свыше 30 лет: «ищущий одобрения» (26%**, 55%**); «прощает все» (20%, 41%); «не терпит, чтобы им командовали» (25%, 45%); «любит давать советы» (28%**, 48%**); «любит соревноваться» (40%, 59%); «всегда любезен в общении» (60%*, 79%*); «переполнен чрезмерным сочувствием» (12%, 31%); «критичен к другим» (48%, 66%); «всем симпатизирует» (20%, 38%); «доверчив и стремится радовать других» (38%, 55%); «нежный, мягкосердечный» (28%, 45%). Из этих данных можно сделать вывод о том, что учителя, проработавшие в школе менее 30 лет, более сдержаны в своих ожиданиях и менее декларативны в наделении образа идеального учителя возвышенными качествами.

Уровень различий между качествами образов идеального учителя, который проявился у учителей с педагогическим стажем работы в школе менее 10 и от 10 до 30 лет, оказался статистически более значимым: «производит впечатление значимости» (53%*, 34%*); «добрый, вселяющий уверенность» (58%*, 77%*); «любит давать советы» (45%**, 28%**); «начальственно-повелительный» (31%**, 14%**); «дорожит мнением окружающих» (49%, 64%); «производит впечатление на окружающих» (82%, 70%); «деловитый, практичный» (58%*, 70%*); «властный» (19%*, 8%*); «всегда любезен в общении» (49%*, 60%*). Из данного сравнения видно, что качества, относящиеся в основном к I октанту и свидетельствующие о стремлении командовать другими, явно преобладают у молодых учителей, имеющих стаж работы до 10 лет. У учителей со стажем работы от 10 до 30 лет в основном преобладают качества, касающиеся желания сотрудничать, дорожить мнением окружающих, быть доброжелательными и т.д.

Представления учителей о своих реальных коллегах также имеют различия, связанные с их педагогическим стажем. Учителя со стажем работы до 10 лет чаще, чем учителя со стажем работы свыше 30 лет, наделяют своих коллег зачастую негативными качествами: «может проявлять безразличие» (47%*, 20%*); «часто разочаровывается» (59%**, 36%**); «самоуверен, напорист» (38%, 16%); «охотно принимает советы» (57%*, 36%*); «способен проявлять недоверие» (56%, 36%); «раздражительный» (40%, 20%); «ищущий одобрения» (51%, 32%); «способен быть суровым» (54%, 36%); «стремится ужиться с другими» (62%, 44%). В отличие от них учителя со стажем работы более 30 лет чаще называют положительные качества: «откровенный» (24%*, 44%*); «деликатный» (53%, 72%); «другие думают о нем благосклонно» (18%, 36%).

То же касается и различий в представлениях учителей с педагогическим стажем свыше 30 лет и их

более молодых коллег, со стажем работы от 10 до 30 лет. Учителя со стажем работы от 10 до 30 лет склонны наделять реальных учителей более адекватными качествами, где есть место как положительным, так и отрицательным качествам: «раздражительный» (39%, 20%); «может проявлять безразличие» (38%*, 20%*); «ищущий одобрения» (50%, 32%); «не терпит, чтобы им командовали» (34%, 16%); «стремится ужиться с другими» (59%, 44%); «скромный» (38%, 24%). Учителя же со стажем работы свыше 30 лет склонны приукрашивать действительность и наделять, прежде всего, положительными качествами образ реальных учителей: «обладает чувством достоинства» (со стажем менее 10 лет – 71%**, со стажем от 10 до 30 лет – 61%**, со стажем свыше 30 лет – 88%**); «откровенный» (24%*, 19%*, 44%*); «деликатный» (53%, 52%, 72%); «благодарный» (64%, 54%, 68%); «заботится о других в ущерб себе» (38%, 30%, 44%).

Обсуждение. Если рассмотреть полученные результаты с позиции «трех типов педагогики» Г.С. Батищева, то получается, что большая часть респондентов, включая и тех, кто только готовится стать учителем, являются сторонниками и проводниками педагогики формирования, которая была доминирующим типом в системе образования в XIX – первой половине XX в. Во второй половине XX в. в образовательной системе нашей страны стала завоевывать передовые позиции педагогика способностей, но переход к рыночной экономике вновь повернул массовую школу к педагогике формирования. Это наиболее

ярко видно у студентов и учителей со стажем работы менее 10 лет, у которых значения индексов доминирования превосходит значения индексов дружелюбия (табл. 5). Достаточно высокие уровни значений индекса доминирования (лидерства – Л) образа идеального учителя ($L \geq 7,2$) в отличие от уровня значений индекса доминирования образа реального учителя ($L \leq 3,5$) указывает на выраженное стремление респондентов к лидерству в общении, к доминированию и на неудовлетворенность наличием этого качества в реальности. Также значительное преобладание значений индекса доброжелательности (Д) для идеального образа ($D \geq 6,5$) над значениями индекса доброжелательности для реального образа учителя ($D \leq 0,5$) свидетельствует о выраженном стремлении опрошенных к установлению дружелюбных отношений и к сотрудничеству с окружающими, но в то же время показывает неудовлетворенность наличием таких отношений в реальности. Отрицательное значение индекса доброжелательности ($D \leq -0,9$) для образа реального учителя у студентов (см. табл. 5) свидетельствует о наличии у них проявлений агрессивно-конкурентной позиции, препятствующей сотрудничеству и успешной совместной деятельности и в целом может быть охарактеризовано как дисгармоничное отношение вчерашних школьников к педагогам. Данный момент представляется очень важным с точки зрения тенденций современной педагогики и требует более детального исследования современной системы образования в России.

Т а б л и ц а 5

Индексы доминирования и дружелюбия и различия между ними

Индекс	Учителя						Все респонденты		Студенты	
	Стаж до 10 лет		Стаж от 10 до 30 лет		Стаж свыше 30 лет					
	Идеальный	Реальный	Идеальный	Реальный	Идеальный	Реальный	Идеальный	Реальный	Идеальный	Реальный
Доминирование	6,8	3,7	6,8	2,0	6,9	2,3	7,2	3,5	7,4	4,1
Дружелюбие	5,9	2,3	6,3	2,5	7,4	3,3	6,5	0,5	6,7	−0,9
Различия между индексами доминирования и дружелюбия	0,9	1,4	0,5	−0,5	−0,5	−1,0	0,7	3,0	0,7	5,0

Процент выбора школьными учителями значимых качеств с положительной коннотацией, приписываемые образу идеального учителя, превосходит процент выбора этих качеств, когда характеризуется образ реального учителя: «другие думают о нем благо-склонно», «обладает талантом руководителя», «способен вызвать восхищение», «производит впечатление на окружающих», «любит ответственность», «пользуется у других уважением», «независимый», «всегда дружелюбен», «уверен в себе», «производит впечатление значимости», «деликатный», «всегда любезен в общении». И это относится, как мы можем видеть (табл. 2, 4), не только к самым значимым качествам, выделяемым учителями. Уровень значимости этих различий $p < 0,001$. Напротив, процент выбора качеств с отрицательными коннотациями, описывающих образ реального учителя, превосходит процент выбора этих качеств, которые хотят меньше видеть в образе идеального учителя: «часто разочаровывается», «раздражительный», «способен проявлять недоверие», «может проявлять безразличие», «склонный к

самобичеванию», «часто печален», «ищущий одобрения», «любит поплакаться», «проникнут духом противоречия», «недоверчивый, подозрительный», «озлобленный», «предоставляет другим принимать решения», «обидчивый, щепетильный», «скепичен», «любит, чтобы его опекали», «легко смущается», «часто прибегает к помощи других», «любит давать советы», «начальственно-повелительный». И это также далеко не самые нежелательные качества. Уровень значимости этих различий от $p < 0,05$ до $p < 0,001$. Эти различия также, как и в предыдущих случаях, говорят о существовании в межличностных отношениях негативных тенденций.

Выводы. Таким образом, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют, что большая часть респондентов, прежде всего, недовольны существующей системой отношений в современной российской школе. В этих условиях они стремятся к лидерству, доминированию, тесному сотрудничеству с референтной группой, готовы прийти на помощь, проявлять дружелюбие к окружающим, к поиску при-

знания в глазах значимых людей, общности с окружающим миром, а также проявляют желание соответствовать принятым нормам поведения, быть глубоко вовлеченными в происходящее, иметь гармонию в межличностных отношениях, желание быть более сдержанными в самовыражении, прямолинейности, иметь более доверительные отношения с окружающими, не брать на себя чужие обязанности, быть более независимыми и т.п. Современные учителя видятся респондентам высокоактивными людьми-экстравертами, легко и быстро принимающими решения, стремящимися вести других за собой, подчинять их своей воле, к доминированию, уделяющими повышенное внимание собственному мнению и минимально подчиняющимся внешним факторам, с выраженной ориентацией на достижения, спонтанную самореализацию, активное воздействие на окружающих, повышенным уровнем притязаний. Особую тре-

вогу вызывает тенденция к проявлению агрессивноконкурентной позиции, препятствующей сотрудничеству и успешной совместной деятельности по воспитанию и обучению подрастающего поколения, обнаружившаяся у студентов. Такие негативные тенденции могут быть вызваны разными факторами: проблемами в управлении школами или всей системой образования в целом, проблемами в системе подготовки учителей в вузах, а также и более глубокими проблемами, присущими всему обществу. Чтобы достоверно выявить и проанализировать эти факторы, недостаточно тех данных, которые были получены в ходе нашего опроса, и требуется проведение более глубокого исследования выявленных тенденций. В то же время полученные данные могут быть использованы в современной практике подготовки будущих учителей в системе высшей школы и непрерывного педагогического образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 3–568.
2. Астапенко Е.В. В поиске формулы идеального учителя // Основные вопросы теории и практики педагогики и психологии : сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 11 мая 2016 г.). Омск, 2016. Вып. III. С. 141–144.
3. Бушуева Т.С., Вяликова Г.С., Плужникова Ю.А. Педагогический идеал как стимулирующий ориентир профессиональной деятельности учителя // Профессионально-личностное становление и развитие специалиста: история и современность : сб. ст. Рязань : Концепция, 2017. С. 41–48.
4. Вяликова Г.С., Бушуева Т.С., Плужникова Ю.А. Историко-педагогические и теоретические аспекты проблемы педагогического идеала как социокультурного феномена // Известия Российской академии образования. 2015. № 2. С. 30–41.
5. Герасимов Г.И. Образовательный идеал в дискурсе теории идеала // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 145–162.
6. Герасимов Г.И., Васильева Е.Н., Куницына Е.В. Проблемы исследования педагогического идеала в социально-философском контексте // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. № 4. С. 11–16.
7. Герасимов Г.И., Куницына Е.В. Генезис социального смысла педагогики и педагогический идеал в условиях новой социальной реальности // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 103–118.
8. Егорова Ю.А. К вопросу о педагогическом идеале и стратегической цели высшей школы // Высшее образование сегодня. 2016. № 9 (сентябрь). С. 15–17.
9. Касаткина С.Н., Анохин Е.А. Идеал учителя как философско-педагогическая категория // Модернизация содержания педагогического образования: проблема и пути решения : сб. ст. / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Р.К. Сережниковой. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2017. С. 259–267.
10. Фролова С.Л. Диагностика профессиональных идеалов // Преподавание истории в школе. 2009. № 1. С. 48–50.
11. Фролова С.Л. Классификация идеалов в педагогике // Перспективы развития современного образования: от дошкольного до высшего: Сборник статей Девятых Всероссийских Шамовских педагогических чтений научной школы Управления образовательными системами (25 января 2017 г.) : в 2 ч. / отв. ред. С.Г. Воровщиков, О.А. Шклярова. М. : МПГУ, 2017. Ч. 1. С. 12–17.
12. Фролова С.Л. Классификация идеалов в педагогике // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 2, № 1. С. 12–17.
13. Фролова С.Л. Профессиональный идеал как педагогическая категория // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 1. С. 126–133.
14. Черемушкина О.Ф. Представление об идеальном образе педагога, как о субъекте педагогической деятельности // Вестник Исык-кульского государственного университета. 2012. № 33.
15. Кант И. Лекции по этике / пер. с нем.; общ. ред., сост. и вступ. ст. А.А. Гусейнова. М. : Республика, 2000. 431 с.
16. Фролова С.Л. Система педагогического сопровождения формирования профессионального идеала у студентов высшей школы : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2013. 447 с.
17. Астапенко Е.В. Поиски идеала школьного учителя в трудах известных педагогов, философов и психологов XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. 2014. № 1. С. 67–81.
18. Астапенко Е.В. Генезис и развитие проблемы идеального школьного учителя в американской педагогике во второй половине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. 2014. № 2. С. 119–131.
19. Астапенко Е.В. Трансформация личностных и профессиональных качеств идеального учителя в западной педагогике XIX–XX веков // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. 2015. № 4. С. 275–283.
20. Колпачев В.В., Колпачева О.Ю. Идеалы и ценности русского учительства в середине XX столетия // Педагогика. 2015. № 6. С. 106–114.
21. Кошелева О.Е. Педагогический идеал Просвещения и современная историография // Историко-педагогический журнал. 2011. № 3 (декабрь). С. 123–131.
22. Лельчицкий И.Д. С.И. Гессен о педагогической миссии учителя // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 3. С. 145–153.
23. Лельчицкий И.Д. Идеал учителя в педагогических воззрениях М.М. Рубинштейна: традиции и новации // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов. Тверь : Тверск. Гос. ун-т, 2014. С. 158–163.
24. Лельчицкий И.Д. Педагогическое наследие М.М. Рубинштейна: к проблеме идеала учителя // Непрерывное образование. 2014. № 4 (10). С. 56–59.
25. Лельчицкий И.Д. Интерпретация проблемы компетентности учителя в педагогическом наследии К.Д. Ушинского // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2015. С. 52–56.

26. Лельчицкий И.Д. Духовно-ценностный концепт идеала учителя: история и современность // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы. Традиции и инновации под общ. ред. Н.Б. Карабушенко, Н.Л. Сунгуровой. М., 2016. С. 374–387.
27. Репринцев А.В. Образ идеального учителя в философско-педагогической концепции В.А. Сухомлинского диалектика идеального и реального // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2013. № 2 (261). С. 14–19.
28. Тимонина И.В. О корреляции педагогического и риторического идеалов К.Д. Ушинского // Образование и наука. 2011. № 2. С. 104–113.
29. Шульга Е.А. Образ идеального учителя в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Синергия наук. 2017. № 14. С. 590–596.
30. Kozikoglu I. Prospective Teachers' Cognitive Constructs Concerning Ideal Teacher Qualifications: A Phenomenological Analysis Based on Repertory Grid Technique // International Journal of Instruction. 2017. Т. 10, № 3. С. 63–78.
31. Упанишад : в 3 кн. Кн. 1: Брихадараньяка упанишад / пер. с санскрита, предисл. и ком. А.Я. Сыркина. М. : Наука, НИЦ «Ладомир», 1991. 240 с.
32. Хамидов А.А. Отчуждение в сфере образования // Человек в мире отчуждения. Алматы : Гылым, 1996. С. 117–143.
33. Платон. Тезетт // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи ; примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 192–274.
34. Августин А. Исповедь / пер. с лат. М.К. Сергеев ; вступит. ст. А.А. Столярова. М. : Ренессанс, СП ИВО СпД, 1991. 488 с.
35. Чехов А.П. Ванька // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1984. Т. 5. С. 478–481.
36. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. Т. I: великая дидактика / пер. с лат. проф. Д.Н. Королькова ; под ред. с биографическим очерком и примеч. проф. А.А. Красновского. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. 318 с.
37. Алексин И.А., Тенитилов С.В. Проблема педагогического идеала и его формирование у преподавателей высших учебных заведений // Мир образования – образование в мире. 2015. № 4. С. 27–34.
38. Тенитилов С.В. Идеалы педагога в образовательном процессе // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 12. С. 301–305.
39. Тенитилов С.В. Психолого-педагогическая характеристика формирования педагогического идеала преподавателя вуза // Наука и общество в эпоху технологий и коммуникаций : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 3 декабря 2015 года / под ред. Ю.С. Руденко, Н.А. Рыбаковой, Э.Р. Гатиатуллиной. М. : ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2016. С. 793–807.
40. Гоголев В.Н. Становление профессионального идеала как фактор формирования направленности личности будущего учителя : дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985. 155 с.
41. Горюва В.И., Шевченко Г.И. Устойчивость профессионального идеала будущего педагога как фактор эффективности предстоящей деятельности // Преподаватель XXI век. 2017. № 2-1. С. 41–47.
42. Дудина Н.Д. Формирование идеального образа педагога у будущих педагогов-психологов в процессе изучения педагогических дисциплин : дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2009. 176 с.
43. Осипенкова И.В. Педагогический идеал как источник разработки цели обучения отечественными педагогами на рубеже XIX–XX веков // Право и образование. 2012. № 12. С. 131–136.
44. Розина О.В. Проблема нравственного идеала в подготовке учителей к духовно-нравственному воспитанию школьников // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 22. С. 97–99.
45. Фролова С.Л. Идеалоориентированное образование: традиции и новации // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 14. С. 426–432.
46. Фролова С.Л. Организация идеалоориентированного образовательного процесса в вузе // Педагогическое образование. 2009. № 4. С. 116–123.
47. Фролова С.Л. Практика создания модели специалиста как образа профессионального идеала // Преподаватель XXI век. 2009. № 4 (1–2). С. 28–35.
48. Фролова С.Л. Самосовершенствование педагога: от профессионального идеала к реализации профстандарта // Перспективы развития современного образования: от дошкольного до высшего : сб. ст. Девятых Всероссийских Шаповских педагогических чтений научной школы Управления образовательными системами (25 января 2017 г.) / отв. ред. С.Г. Воронцов, О.А. Шклярова : в 2 ч. М.: МПГУ, 2017. Ч. 1. С. 17–22.
49. Фролова С.Л. Технологические аспекты самовоспитания по профессиональному идеалу // Среднее профессиональное образование. 2008. № 12. С. 4–7.
50. Фролова С.Л. Технология разработки модели специалиста как образа профессионального идеала // Человек и образование. 2009. № 4. С. 113–118.
51. Фролова С.Л. Формирование профессионального идеала студентов в учебно-воспитательном процессе // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 7. С. 379–387.
52. Фролова С.Л. Формирование профессиональных идеалов у студентов высшей школы // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2016. Т. 2, № 4. С. 198–211.
53. Morrison B., Evans S. University students' conceptions of the good teacher: a Hong Kong perspective // Journal of Further and Higher Education. 2018. Т. 42, № 3. С. 352–365.
54. Ida Z.Ā. et al. What Makes a Good Teacher? // Universal Journal of Educational Research. 2017. Т. 5, № 1. С. 141–147.
55. Бушуева Т.С. Моделирование процесса формирования профессионализма учителя на примере педагогического идеала // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Педагогика. 2011. № 1. С. 136–143.
56. Вяликова Г.С., Бушуева Т.С., Плужникова Ю.А. Педагогический идеал как стимулирующий ориентир профессиональной деятельности современного учителя // Сегменты социально-педагогической сферы. Ч. 3 : в 2 т. / под ред. Е.Н. Белоус, М.А. Ерофеевой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. Т. 1. 374 с.
57. Вяликова Г.С. Идеальный учитель в представлении будущих бакалавров // Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний : сб. ст. М. : Перо, 2015. С. 60–63.
58. Вяликова Г.С. Идеальный учитель в представлении будущих бакалавров // Научный вестник Гуманитарно-социального института. 2015. № 4. С. 7.
59. Горюва В.И., Данилова И.А. Образ идеального педагога в представлениях студентов // Вестник Ставропольского государственного университета. Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 68. С. 145–150.
60. Козырев В.А., Черняк В.Д. Речевой портрет современного учителя: поиски идеала // Вестник Герценовского университета. 2010. № 1. С. 36–42.
61. Корнилова М.В. Социальный портрет учителя: идеальная модель и реальность // Наука через призму времени. 2017. № 5. С. 135–144.
62. Батищев Г.С. Три типа педагогики // Батищев Г.С. Философско-педагогические произведения [Текст] : собрание сочинений : в 2 т. Т. 2: Работы 1980-х годов. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2015. С. 294–301.
63. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М. : Говорящая книга, 2010. 744 с.
64. Батищев Г.С. Тезисы не к Фейербаху // Батищев Г.С. Избранные произведения / под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. С. 400–425.
65. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (ред. от 05.08.2016) «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (Регистрация в Минюсте России 06.12.2013 № 30550). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=>

66. Собчик Л.Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. СПб. : Речь, 2005. 624 с.
67. Собчик Л.А. Метод диагностики межличностных отношений // Школьный психолог. 2003. № 05 (125). URL: <http://psy.1september.ru/article.php?id=200300509> (дата обращения: 08.05.2018).
68. Lyons J., Hirschberg N., Wilkinson L. The radex structure of the Leary interpersonal behavior circle // Multivariate behavioral research. 1980. Vol. 15 (3). P. 249–257.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 11 марта 2019 г.

An Ideal Teacher: Students' and Teachers' Views

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 178–192.

DOI: 10.17223/15617793/444/23

Lyudmila A. Mokretsova, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: rektor@bigpi.biysk.ru, familym@mail.ru

Alexander M. Bepalov, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: bam56@mail.ru

Marina M. Prudnikova, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: mimoza.95@mail.ru

Keywords: ideal; ideal teacher; education; formation pedagogy; pedagogy of abilities; pedagogy of upbringing.

The article analyzes the results of a study carried out by the authors in the spring of 2018 among teachers of Biysk, Russia, and students of pedagogical directions of the Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russia) concerning their perception of the ideal of a teacher and the real teachers of our time. It provides a brief overview of the sources that consider the concept of the “ideal of a teacher”, its changes in the history of pedagogical thought, the search for ways to form future educators by the example of the ideal image of a teacher, as well as empirical studies of the concept of the ideal image of a teacher. The main objective of the study was the identification of the subjective evaluation of the image of an ideal teacher in comparison with the image of a real modern teacher among students of a pedagogical university and teachers working at schools in Biysk. The article also substantiates the representativeness of the conducted research and its main methodological foundations. The authors note that as a whole the results obtained are reliable and valid. They show that the respondents, first of all, see an ideal teacher as a leader inclined to domination, closely cooperating with the reference group, always helpful, showing friendliness, seeking recognition among significant people, wishing to collaborate with the outside world, to comply with the accepted norms of behavior and to be deeply involved in current events, having harmony in interpersonal relationships. The responding students and teachers do not see real teachers as sufficiently successful leaders, mentors and organizers inclined to cooperate and collaborate with students, do not consider them to be sincere, sensitive, sympathetic and benevolent people. In conclusion, the authors note that analyzing the pedagogical systems that existed in the history of humankind, G.S. Batishchev singled out three types of pedagogy: the pedagogy of formation, the pedagogy of abilities and the pedagogy of education or creativity. Within the framework of each type, he singled out types of teachers corresponding to these pedagogy types. Proceeding from this concept, the authors come to the conclusion that the majority of the respondents, including those who are just preparing to become a teacher, are supporters and conductors of the pedagogy of formation, which was the dominant type in the education system in the 19th – first half of the 20th centuries.

REFERENCES

1. Marx, K. (1960) Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. A critique of political economy]. Vol. 1. In: Marx, K. & Engels, F. *Soch.* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 23. Moscow: Politizdat.
2. Astapenko, E.V. (2016) [In search for the formula of an ideal teacher]. *Osnovnye voprosy teorii i praktiki pedagogiki i psikhologii* [Basic questions of the theory and practice of pedagogy and psychology]. Proceedings of the III International Conference. Omsk. 11 May 2016. Is. 3. Omsk: Innovatsionnyy tsentr razvitiya obrazovaniya i nauki. pp. 141–144. (In Russian).
3. Bushueva, T.S., Vyalikova, G.S. & Pluzhnikova, Yu.A. (2017) Pedagogicheskiy ideal kak stimuliruyushchiy orientir professional'noy deyatel'nosti uchitelya [Pedagogical ideal as a stimulating landmark of the teacher's professional activity]. In: *Professional'no-lichnostnoe stanovlenie i razvitie spetsialista: istoriya i sovremennost'* [Professional and personal development and development of a specialist: history and modernity]. Ryazan: Kontseptsiya.
4. Vyalikova, G.S., Bushueva, T.S. & Pluzhnikova, Yu.A. (2015) Historical, Pedagogical and theoretical Components of the Problem of Pedagogical Ideal as a Sociocultural Phenomenon. *Izvestiya Rossiyskoy akademii obrazovaniya*. 2. pp. 30–41. (In Russian).
5. Gerasimov, G.I. (2012) Obrazovatel'nyy ideal v diskurse teorii ideala [Educational ideal in the discourse of the theory of the idea]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 3. pp. 145–162.
6. Gerasimov, G.I., Vasil'eva, E.N. & Kunitsyna, E.V. (2012) Problemy issledovaniya pedagogicheskogo ideala v sotsial'no-filosofskom kontekste [Problems of the study of the pedagogical ideal in the socio-philosophical context]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 4. pp. 11–16.
7. Gerasimov, G.I. & Kunitsyna, E.V. (2012) Genezis sotsial'nogo smysla pedagogiki i pedagogicheskiiy ideal v usloviyakh novoy sotsial'noy real'nosti [The genesis of the social meaning of pedagogy and the pedagogical ideal in the conditions of the new social reality]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 4. pp. 103–118.
8. Egorova, Yu.A. (2016) K voprosu o pedagogicheskom ideale i strategicheskoy tseli vysshey shkoly [On the pedagogical ideal and the strategic goal of higher education]. *Vysshee obrazovanie segodnya – Higher Education Today*. 9 (September). pp. 15–17.
9. Kasatkina, S.N. & Anokhin, E.A. (2017) Ideal uchitelya kak filosofsko-pedagogicheskaya kategoriya [The ideal of a teacher as a philosophical and pedagogical category]. In: Serezhnikova, R.K. (ed.) *Modernizatsiya soderzhaniya pedagogicheskogo obrazovaniya: problema i puti resheniya* [Modernization of the content of pedagogical education: the problem and ways of solution]. Kaluga: Kaluga State University.
10. Frolova, S.L. (2009) Diagnostika professional'nykh idealov [Diagnostics of professional ideals]. *Prepodavanie istorii v shkole*. 1. pp. 48–50.
11. Frolova, S.L. (2017) Klassifikatsiya idealov v pedagogike [Classification of ideals in pedagogy]. In: Vorovshchikov, S.G. & Shklyarova, O.A. (eds) *Perspektivy razvitiya sovremennogo obrazovaniya: ot doshkol'nogo do vysshego: Sbornik statey Devyatykh Vserossiyskikh Shamovskikh pedagogicheskikh chteniy nauchnoy shkoly Upravleniya obrazovatel'nyimi sistemami (25 yanvarya 2017 g.): v 2 ch.* [Prospects for the development of modern education: from preschool to higher education: Collection of articles of the Ninth All-Russian Shamov Pedagogical Readings of the Scientific School of the Management of Educational Systems (25 January 2017): in 2 parts]. Pt. 1. Moscow: Moscow Pedagogical State University.

12. Frolova, S.L. (2010) Klassifikatsiya idealov v pedagogike [Classification of ideals in pedagogy]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2 (1). pp. 12–17.
13. Frolova, S.L. (2011) Professional'nyy ideal kak pedagogicheskaya kategoriya [Professional ideal as a pedagogical category]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. 1. pp. 126–133.
14. Cheremushkina, O.F. (2012) Predstavlenie ob ideal'nom obraze pedagoga, kak o sub"ekte pedagogicheskoy deyatel'nosti [The idea of the ideal image of a teacher as a subject of pedagogical activity]. *Vestnik Issyk-kul'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 33.
15. Kant, I. (2000) *Leksii po etike* [Lectures on ethics]. Translated from German. Moscow: Respublika.
16. Frolova, S.L. (2013) *Sistema pedagogicheskogo soprovozhdeniya formirovaniya professional'nogo ideala u studentov vysshey shkoly* [The system of pedagogical support of the formation of the university students' professional ideal]. Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
17. Astapenko, E.V. (2014) The search of the ideal school teacher in the works of famous educators, philosophers and psychologists of the XIX–XX centuries. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya*. 1. pp. 67–81. (In Russian).
18. Astapenko, E.V. (2014) Genesis and development of the problem of the ideal school teacher in the american pedagogy of the second part of the XIX century. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya*. 2. pp. 119–131. (In Russian).
19. Astapenko, E.V. (2015) Transformation of personal and professional qualities of an ideal teacher in the western pedagogy of the XIX–XX centuries. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pedagogika i psikhologiya*. 4. pp. 275–283. (In Russian).
20. Kolpachev, V.V. & Kolpacheva, O.Yu. (2015) Idealy i tsennosti russkogo uchitel'stva v seredine XX stoletiya [The ideals and values of Russian teachers in the middle of the 20th century]. *Pedagogika*. 6. pp. 106–114.
21. Kosheleva, O.E. (2011) Pedagogicheskiy ideal Prosveshcheniya i sovremennaya istoriografiya [Pedagogical ideal of the Enlightenment and modern historiography]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*. 3 (December). pp. 123–131.
22. Le'l'chitskiy, I.D. (2008) S.I. Gessen o pedagogicheskoy missii uchitelya [S.I. Gessen on the pedagogical mission of the teacher]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*. 3. pp. 145–153.
23. Le'l'chitskiy, I.D. (2014) [The ideal of a teacher in the pedagogical views of M.M. Rubinstein: traditions and innovations]. *Traditsii i novatsii v professional'noy podgotovke i deyatel'nosti pedagoga* [Traditions and innovations in professional training and teacher's activities]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tver: Tver State University. pp. 158–163. (In Russian).
24. Le'l'chitskiy, I.D. (2014) M.M. Rubinshtein's Pedagogical Heritage: to the Ideal Teacher Problem. *Nepreryvnoe obrazovanie*. 4 (10). pp. 56–59. (In Russian).
25. Le'l'chitskiy, I.D. (2015) [Interpretation of the problem of teacher competence in the pedagogical heritage of K.D. Ushinsky]. *Traditsii i novatsii v professional'noy podgotovke i deyatel'nosti pedagoga* [Traditions and innovations in professional training and teacher's activities]. Proceedings of the All-Russian Conference. Tver: Tver State University. pp. 52–56. (In Russian).
26. Le'l'chitskiy, I.D. (2016) Dukhovno-tsennostnyy kontsept ideala uchitelya: istoriya i sovremennost' [The spiritual axiological concept of the teacher's ideal: past and present]. In: Karabushchenko, N.B. & Sungurova, N.L. (eds) *Psikhologiya i pedagogika XXI veka: teoriya, praktika i perspektivy. Traditsii i innovatsii* [Psychology and pedagogy of the 21st century: theory, practice, and prospects. Tradition and innovation]. Moscow: RUDN. pp. 374–387.
27. Reprintsev, A.V. (2013) The image of an ideal teacher in V.A. Sukhomlinsky's philosophical and pedagogical concept: dialectics of the ideal and real. *Izvestiya VGPU. Pedagogicheskie nauki – Proceedings of Voronezh State University. Series: Pedagogical Sciences*. 2 (261). pp. 14–19. (In Russian).
28. Timonina, I.V. (2011) O korrelyatsii pedagogicheskogo i ritoricheskogo idealov K.D. Ushinskogo [On the correlation of pedagogical and rhetorical ideals of K.D. Ushinsky]. *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 2. pp. 104–113.
29. Shul'ga, E.A. (2017) The image of the ideal teacher in the works of Russian and foreign researchers. *Sinergiya nauk*. 14. pp. 590–596. (In Russian).
30. Kozikoglu, I. (2017) Prospective Teachers' Cognitive Constructs Concerning Ideal Teacher Qualifications: A Phenomenological Analysis Based on Repertory Grid Technique. *International Journal of Instruction*. 10 (3). pp. 63–78. DOI: 10.12973/iji.2017.1035a
31. Anon. (1991) *Upanishady: v 3 kn.* [The Upanishads]. Book 1. Translated from Sanskrit by A.Ya. Syркин. Moscow: Nauka, NITs "Ladimir".
32. Khamidov, A.A. (1996) Otchuzhdenie v sfere obrazovaniya [Alienation in education]. In: Khamidov, A.A. et al. *Chelovek v mire otchuzhdeniya* [Man in the world of alienation]. Almaty: Gylm, pp. 117–143.
33. Platon. (1993) Teetet [Teetet]. in: Losev, A.F. et al. (eds) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: In 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
34. Augustine. (1991) *Ispoved'* [Confessions]. Translated from Latin by M.K. Sergeenko. Moscow: Renessans, SP IVO SiD.
35. Chekhov, A.P. (1984) Van'ka [Vanka]. In: Bel'chikov, N.F. et al. (eds) *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: In 30 vols]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
36. Komenskiy, Ya.A. (1939) *Izbrannyye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical works]. Vol. I. Translated from Latin by D.N. Korol'kov. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Narkomprosa RSFSR.
37. Alekhin, I.A. & Tenitilov, S.V. (2015) A pedagogical ideal problem and its formation at lecturers of higher educational institutions. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire*. 4. pp. 27–34. (In Russian).
38. Tenitilov, S.V. (2010) Idealy pedagoga v obrazovatel'nom protsesse [The ideals of the teacher in the educational process]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta – Herald of Kazan Technological University*. 12. pp. 301–305.
39. Tenitilov, S.V. (2016) [Psychological and pedagogical characteristics of the formation of the pedagogical ideal of a university teacher]. *Nauka i obshchestvo v epokhu tekhnologii i kommunikatsiy* [Science and society in the era of technology and communications]. Proceedings of the International Conference. 3 December 2015. Moscow: ChOUVO "MU im. S.Yu. Vitte". pp. 793–807. (In Russian).
40. Gogolev, V.N. (1985) *Stanovlenie professional'nogo ideala kak faktor formirovaniya napravlenosti lichnosti budushchego uchitelya* [Formation of a professional ideal as a factor in shaping the orientation of the personality of the future teacher]. Psychology Cand. Diss. Leningrad.
41. Gorovaya, V.I. & Shevchenko, G.I. (2017) Sustainability of the Professional Ideal of the Future Teacher as the Factor of Effectiveness of the Upcoming Activity. *Prepodavatel' XXI vek*. 2-1. pp. 41–47.
42. Dudina, N.D. (2009) *Formirovanie ideal'nogo obraza pedagoga u budushchikh pedagogov-psikhologov v protsesse izucheniya pedagogicheskikh distsiplin* [Formation of an ideal image of a teacher in prospective psychology teachers while learning pedagogical disciplines]. Pedagogy Cand. Diss. Rostov-on-Don.
43. Osipenkova, I.V. (2012) Pedagogicheskiy ideal kak istochnik razrabotki tseli obucheniya otechestvennymi pedagogami na rubezhe XIX–XX vekov [Pedagogical ideal as a source for the development of the purpose of teaching by Russia's teachers at the turn of the 20th century]. *Pravo i obrazovanie*. 12. pp. 131–136.
44. Rozina, O.V. (2011) The problem of the moral ideal in preparing teachers to the spiritual and moral education of pupils. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 22. pp. 97–99.
45. Frolova, S.L. (2008) Idealoorientirovannoe obrazovanie: traditsii i novatsii [Ideal-oriented education: traditions and innovations]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 14. pp. 426–432.
46. Frolova, S.L. (2009) Organizatsiya idealoorientirovannogo obrazovatel'nogo protsessa v vuze [The organization of the ideal-oriented educational process in higher school]. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 4. pp. 116–123.
47. Frolova, S.L. (2009) Praktika sozdaniya modeli spetsialista kak obraza professional'nogo ideala [Practice of creating a model of a specialist as an image of a professional ideal]. *Prepodavatel' XXI vek*. 4 (1–2). pp. 28–35.

48. Frolova, S.L. (2017) Samosovershenstvovanie pedagoga: ot professional'nogo ideala k realizatsii profstandarta [Teacher self-improvement: from the professional ideal to the implementation of a professional standard]. In: Vorovshchikov, S.G. & Shklyarova, O.A. (eds) *Perspektivy razvitiya sovremennoy obrazovaniya: ot doskol'nogo do vysshego: sb. st. Devyatykh Vserossiyskikh Shamovskikh pedagogicheskikh chteniy nauchnoy shkoly Upravleniya obrazovatel'nyimi sistemami* (25 yanvarya 2017 g.) [Prospects for the development of modern education: from pre-school to university: Collected Articles of The Ninth All-Russian Shamov Pedagogical Readings of the Scientific School of the Management of Educational Systems (January 25, 2017)]. In 2 parts. Part 1. Moscow: Moscow State Pedagogical University. pp. 17–22.
49. Frolova, S.L. (2008) Tekhnologicheskie aspekty samovospitaniya po professional'nomu idealu [Technological aspects of self-education according to the professional ideal]. *Srednee professional'noe obrazovanie*. 12. pp. 4–7.
50. Frolova, S.L. (2009) Tekhnologiya razrabotki modeli spetsialista kak obraza professional'nogo ideala [Technology of developing a model of a specialist as an image of a professional ideal]. *Chelovek i obrazovanie*. 4. pp. 113–118.
51. Frolova, S.L. (2009) Formirovanie professional'nogo ideala studentov v uchebno-vospitatel'nom protsesse [Formation of the professional ideal of students in the educational process]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 7. pp. 379–387.
52. Frolova, S.L. (2016) Formation of Professional Ideals of High School Students. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates – Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2 (4). pp. 198–211. (In Russian). DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-198-211
53. Morrison, B. & Evans, S. (2018) University students' conceptions of the good teacher: a Hong Kong perspective. *Journal of Further and Higher Education*. 42 (3). pp. 352–365.
54. Ida, Z.Ā.Ā. et al. (2017) What Makes a Good Teacher? *Universal Journal of Educational Research*. 5 (1). pp. 141–147.
55. Bushueva, T.S. (2011) Modelirovanie protsesa formirovaniya professionalizma uchitelya na primere pedagogicheskogo ideala [Modeling the formation of teacher professionalism on the example of the pedagogical ideal]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika – Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*. 1. pp. 136–143.
56. Vyalikova, G.S., Bushueva, T.S. & Pluzhnikova, Yu.A. (2015) Pedagogicheskiy ideal kak stimuliruyushchiy orientir professional'noy deyatel'nosti sovremennoy uchitelya [Pedagogical ideal as a stimulating benchmark for the professional activity of a modern teacher]. In: Belous, E.N. & Erofeeva, M.A. (eds) *Segmenty sotsial'no-pedagogicheskoy sfery* [Segments of the social and pedagogical sphere]. Pt. 3. In 2 vols. Vol. 1. Kolonna: State University of Humanities and Social Studies.
57. Vyalikova, G.S. (2015) Ideal'nyy uchitel' v predstavlenii budushchikh bakalavrov [The ideal teacher in the opinions of prospective bachelors]. In: Mysenko, G.V. et al. (eds) *Aktual'nye problemy sotsial'no-gumanitarnykh znaniy* [Topical problems of social and humanitarian knowledge]. Moscow: Pero.
58. Vyalikova, G.S. (2015) Ideal'nyy uchitel' v predstavlenii budushchikh bakalavrov [The ideal teacher in the opinions of prospective bachelors]. *Nauchnyy vestnik Gumanitarno-sotsial'nogo instituta*. 4. pp. 7.
59. Gorovaya, V.I. & Danilova, I.A. (2010) Obraz ideal'nogo pedagoga v predstavleniyakh studentov [The image of an ideal teacher in students' opinions]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauka. Innovatsii. Tekhnologii*. 68. pp. 145–150.
60. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2010) Rechevoy portret sovremennoy uchitelya: poiski ideala [Speech portrait of a modern teacher: the search for the ideal]. *Vestnik Gertsenskogo universiteta*. 1. pp. 36–42.
61. Kornilova, M.V. (2017) Sotsial'nyy portret uchitelya: ideal'naya model' i real'nost' [Social portrait of a teacher: an ideal model and reality]. *Nauka cherez prizmu vremeni*. 5. pp. 135–144.
62. Batishchev, G.S. (2015) *Filosofsko-pedagogicheskie proizvedeniya: sobranie sochineniy: v 2 t.* [Philosophical and pedagogical works: collected works: in 2 vols]. Vol. 2. Biysk: FGBOU VPO "AGAO". pp. 294–301.
63. Mannheim, K. (2010) *Izbrannoe: Diagnostika nashego vremeni* [Selected works: Diagnosis of our time]. Translated from German and English by L.V. Vol'fon, A.B. Dranov, S.V. Karpushina Moscow: Govoryashchaya kniga.
64. Batishchev, G.S. (2015) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Almaty: Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of the CS MES RK. pp. 400–425.
65. Russian Federation. (2016) Order of the Ministry of Labor of Russia No. 544n of 18 October 2013 (as amended on 05 August 2016) On the Approval of the Professional Standard "Teacher (Pedagogical Activity in the Field of Preschool, Primary General, Basic General, Secondary General Education) (Educator, Teacher)" (Registered in the Ministry of Justice of Russia, December 6, 2013, No. 30550). [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=727697805013389850568575778&cacheid=850E03538A1EF73AA4E206A62A787F57&mode=splus&base=LAW&n=203805&rnd=0.8341313033104987#01588143490574423>. (Accessed: 08.05.2018). (In Russian).
66. Sobchik, L.N. (2005) *Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki* [Psychology of individuality. Theory and practice of psychodiagnosics]. St. Petersburg: Rech'.
67. Sobchik, L.A. (2003) Metod diagnostiki mezhluchnostnykh otnosheniy [Method of diagnosing interpersonal relationships]. *Shkol'nyy psikholog*. 05 (125). [Online] Available from: <http://psy.1september.ru/article.php?id=200300509>. (Accessed: 08.05.2018).
68. Lyons, J., Hirschberg, N. & Wilkinson, L. (1980) The radex structure of the Leary interpersonal behavior circle. *Multivariate Behavioral Research*. 15 (3). pp. 249–257.

Received: 11 March 2019

Н.И. Пономарева

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА АЭРОБИКИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

Проводится научное обоснование эффективности разработанной комплексной программы учебно-спортивной специализации «Аэробика» в рамках дисциплины «Физическая культура и спорт» у студенток I курса ($n = 126$) ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» посредством функциональных проб и тестов по физической подготовленности. Результаты исследования свидетельствуют о целесообразности и эффективности применения средств и методов аэробики в процессе физического воспитания девушек вуза.

Ключевые слова: аэробика; физическая культура и спорт (элективная дисциплина); физическая подготовленность; функциональная подготовленность; здоровье; студенты.

Введение. Мониторинг функционального состояния студенческой молодежи является первоочередной задачей, так как данный критерий – один из основных при оценке физического развития. Под физическим развитием понимают биологический процесс формирования морфофункциональных систем организма. У студентов, возраст которых варьируется от 18 до 21 года, средние показатели физического развития соответствуют пороговому уровню взрослого человека [1, 2].

Основное влияние на развитие функциональной системы обучающихся оказывают систематические занятия физическими упражнениями в рамках физкультурно-спортивных специализаций учебной элективной дисциплины «Физическая культура и спорт». Эффективность физической подготовки во многом зависит от выбора средств и методов, направленных на развитие физических качеств занимающихся [3–5].

Таким образом, *проблемой исследования* является совершенствование средств и методов физической культурой, способствующих повышению уровня физической, функциональной подготовленности, а также же здоровья студентов.

Целью исследования является разработка методики комплексов аэробики для занятий физической культурой в вузе.

Объект исследования: учебный процесс по физическому воспитанию студентов высшего учебного заведения.

Предмет исследования: изменения уровня физической подготовленности и физиологических показателей студентов в результате занятий аэробикой и традиционными видами физических упражнений.

Гипотеза исследования состояла в том, что применение занятий аэробикой в рамках элективной дисциплины «Физическая культура и спорт» на основе рационального сочетания базовой и вариативной части учебной программы повысит ее эффективность, уровень физической и двигательной подготовленности студентов, укрепление здоровья и мышления.

Для достижения цели исследования были поставлены *следующие задачи*:

1. Разработать комплексы по аэробике и методики их применения на занятиях по физическому воспитанию с направленным развитием двигательных способностей.

2. Провести опытно-экспериментальное исследование эффективности применения разработанных комплексов для студентов вуза.

Практическая значимость определяется тем, что разработанная в ней комплексная программа аэробики может быть использована преподавателями физического воспитания высших учебных заведений, в студенческих специализированных группах с целью оздоровления и повышения уровня всесторонней физической подготовленности.

Организация и результаты исследования. Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет». В ходе исследования были обследованы 126 девушек первого курса. Сформированы контрольная группа (64 человека), занимающаяся по стандартной программе и экспериментальная группа (62 человека), занимающаяся по разработанной методике с использованием комплексов аэробики.

Схема распределения учебных часов продиктована целью и задачами работы, а именно использованием упражнений аэробики в физическом воспитании студенток вуза, и представляла собой проведение второго занятия на неделе в виде комплекса аэробики, который состоял из следующих основных фаз: разминка, аэробная фаза, заминка, силовая нагрузка [4, 5].

Все комплексы по аэробике были взаимосвязаны и рассчитаны на один учебный год. Новый комплекс отличался от предыдущего аэробной фазой (новый комплекс упражнений – новая «связка») и силовой частью [4, 6].

Оздоровительный эффект занятий аэробикой подразумевал прежде всего повышение аэробных возможностей организма, уровня общей выносливости и физической работоспособности, что сопровождалось профилактическим эффектом в отношении факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний, а также позволяло в значительной степени затормозить развитие возрастных изменений физиологических функций [7–10].

Результаты по двигательной подготовке на этапе констатирующего эксперимента показали, что по большинству показателей достоверных различий между группами не обнаружено ($p < 0,05$). Результаты тестов на гибкость и силовую выносливость туловища имеют различия ($p < 0,05$) в пользу студенток экспериментальной группы, данные результаты представлены в табл. 1.

Существенные различия до эксперимента были лишь по двум тестам. При этом следует сказать, что определение гибкости зависит от состояния связок, мышц и температуры воздуха.

Анализируя улучшения, произошедшие в контрольной группе, можно отметить лишь такой показатель, как силовая выносливость – подъем туловища, который в начале эксперимента составлял $18,3 \pm 0,5$, а после экспе-

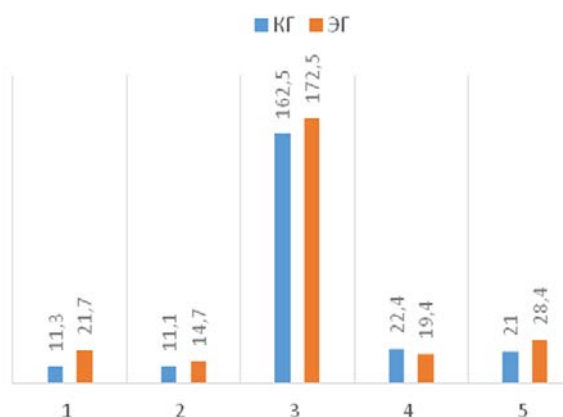
римента $21,0 \pm 0,7$ ($t = 3,1$). По другим показателям достоверных значимых улучшений не выявлено (табл. 2). Из табл. 1 видно, что существенные различия по данным челночного бега и силовой выносливости выявлены в экспериментальной группе, т.е. прирост показателей, характеризующих уровень развития физических качеств, произошел в большинстве тестов у студенток экспериментальной группы (рис. 1).

Т а б л и ц а 1

Динамика результатов тестов по определению физической подготовленности в течение эксперимента

Показатель	Наклон вперед	Сгибание и разгибание рук в упоре лежа	Прыжок в длину	Челночный бег	Подъем туловища
Уровень развития физических качеств на этапе констатирующего эксперимента					
кг	$9,1 \pm 1,2$	$11,8 \pm 0,3$	$160,7 \pm 2,44$	$23,0 \pm 0,3$	$18,3 \pm 0,5$
эг	$11,6 \pm 0,97$	$12,3 \pm 0,2$	$163,2 \pm 2,8$	$22,1 \pm 0,4$	$20,4 \pm 0,6$
t	1,7	1,25	3,9	1,0	2,9
Уровень развития физических качеств на этапе формирующего эксперимента					
кг	$11,3 \pm 0,7$	$11,1 \pm 0,2$	$162,5 \pm 2,44$	$22,4 \pm 0,3$	$21,0 \pm 0,7$
эг	$21,7 \pm 0,97$	$14,7 \pm 0,2$	$172,2 \pm 2,8$	$19,6 \pm 0,4$	$28,4 \pm 0,6$
t	8,6*	2,33	5,9*	3,0*	7,44*

*Достоверность различий ($P < 0,05$).

Примечания: 1 – Наклон вперед; 2 – Сгибание и разгибание рук в упоре лежа; 3 – Прыжок в длину с места; 4 – Челночный бег; 5 – Подъем туловища

Рис. 1. Сравнительная диаграмма уровня развития физических качеств после эксперимента в контрольной и экспериментальной группах: 1 – наклон вперед; 2 – сгибание и разгибание рук в упоре лежа; 3 – прыжок в длину с места; 4 – челночный бег; 5 – подъем туловища

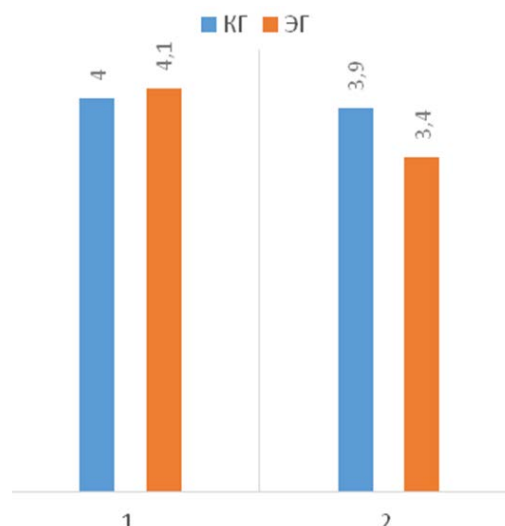

Рис. 2. Показатели восстановления ЧСС (в мин) до и после проведения эксперимента в контрольной и экспериментальной группах

Т а б л и ц а 2

Показатели функционирования сердечно-сосудистой системы на различных этапах исследования

Показатель	Пульс, уд./мин		Время восстановления ЧСС
	покой	нагрузка	
Показатели функционирования сердечно-сосудистой системы на этапе констатирующего эксперимента			
кг	73,2 ± 2,1	129,4 ± 2,8	4,0 ± 0,69
эг	73,5 ± 1,7	130,0 ± 2,8	3,9 ± 1,39
t	0,1	0,2	0,58
Показатели функционирования сердечно – сосудистой системы на этапе формирующего эксперимента			
кг	70,0 ± 1,4	133,4 ± 2,8	4,1 ± 1,39
эг	68,8 ± 1,4	130,0 ± 1,8	3,1 ± 1,39
t	0,6	3,27*	1,65*

* Достоверность различий ($P < 0,05$).

Межгрупповое сравнение после проведения эксперимента выявило значительное улучшение показателей в экспериментальной группе. Это различия

в параметрах гибкости и силовой выносливости, в максимальной силе, скорости бега и общей выносливости.

В обеих группах данные измерений функционирования сердечно-сосудистой системы существенных отличий не имели ($p > 0,05$) и находились в пределах возрастных норм (табл. 2).

Прирост ЧСС сразу после нагрузки в контрольной группе составил $56,2 \pm 3,5$ уд./мин (67,5%), в экспериментальной – $56,5 \pm 3,5$ уд./мин, что говорит о хорошем функциональном состоянии сердечно-сосудистой системы, так как изменение ЧСС после нагрузки не превышает 60–80% от цифр покоя.

Показатели ЧСС и времени восстановления исходно существенных отличий между группами не имели ($p > 0,05$). В ходе эксперимента эти данные отличались по многим показателям. Результаты формирующего эксперимента отражены в табл. 2.

Уменьшение времени на восстановление в экспериментальной группе характеризует эффективность кровоснабжения, и большую тренированность сердечно-сосудистой системы организма. В экспериментальной группе время на восстановление уменьшилось в среднем на 0,8 с, в контрольной, напротив, оно увеличилось на 0,1 с, что в последнем случае можно расценивать как неблагоприятный фактор. В соответствии с этим проявилось достоверное различие между группами с вероятностью 95% (рис. 2).

Прирост показателей ЧСС в контрольной группе сразу после нагрузки составил 63,4 уд./мин, в экспериментальной – 61,2 уд./мин., т.е. при более высоком уровне работоспособности студенток экспериментальной группы по сравнению с контрольной сдвиги

показателей кровообращения более экономичны и время на восстановление уходит меньше, восстановление происходит быстрее. Если в контрольной группе средний показатель, после эксперимента, на одну сотую увеличился и составил 4,1 мин, то в экспериментальной он равнялся 3,1 мин ($p < 0,05$).

Кроме того, статистически доказаны различия в показателях ЧСС после нагрузки между группами ($p < 0,05$) и внутри экспериментальной группы ($p < 0,05$).

Вторым показателем функционирования ССС была ортостатическая проба, результаты которой представлены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, в начале учебного года разница между показателями была практически одинакова и находилась в пределах удовлетворительного состояния. В ходе эксперимента видно, что у студенток экспериментальной группы разница в горизонтальном и вертикальном положении уменьшилась и не превышала 12 уд./мин, что говорит об адекватной реакции организма на нагрузку (рис. 3).

В то же время следует отметить, что в начале учебного года пульс в покое у студенток обеих групп был ниже, чем в конце года. Эти данные свидетельствуют о том, что к концу учебного года происходит утомление организма, и пульс в покое увеличивается.

Результаты исследования представлены показателями задержки дыхания на вдохе и выдохе (пробы Штанге и Генчи), табл. 4.

Таблица 3

Показатели состояния ССС на различных этапах эксперимента (ортостатическая проба)

Показатель	Констатирующий эксперимент			Формирующий эксперимент		
	Пульс лежа	Пульс стоя	Разница	Пульс лежа	Пульс стоя	Разница
кг	$56,3 \pm 0,23$	$74,1 \pm 0,5$	17,8	$58,7 \pm 1,1$	$75,4 \pm 0,9$	16,7
эг	$53,2 \pm 0,34$	$70,4 \pm 0,46$	17,2	$54,1 \pm 0,87$	$66,3 \pm 0,54$	12,2*

* Достоверность различий ($P < 0,05$).

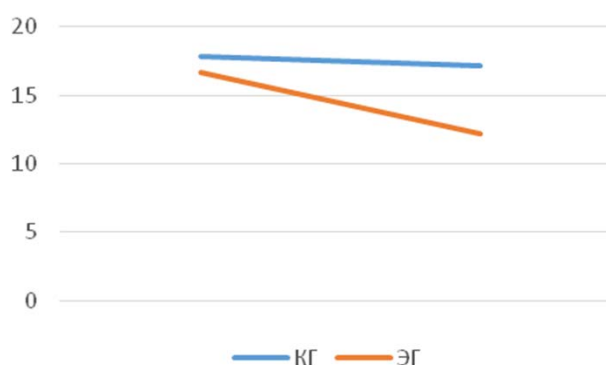

Рис. 3. Динамика показателей состояния ССС до и после эксперимента, по результатам ортостатической пробы

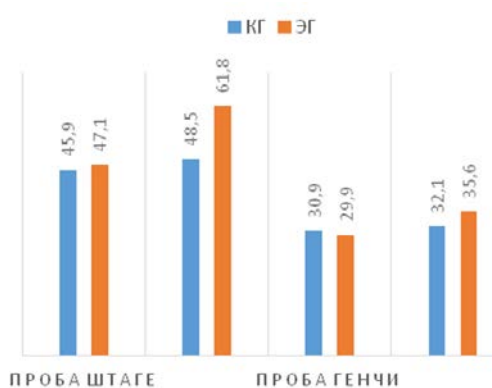

Рис. 4. Динамика показателей состояния дыхательной системы в пробах Штанге и Генчи

Таблица 4

Показатели состояния дыхательной функции до и после эксперимента

Показатель	Констатирующий эксперимент		Формирующий эксперимент	
	Задержка дыхания		Задержка дыхания	
	вдох	выдох	вдох	выдох
кг	$45,9 \pm 5,9$	$45,9 \pm 5,9$	$48,5 \pm 2,8$	$32,1 \pm 1,7$
эг	$47,1 \pm 3,8$	$47,1 \pm 3,8$	$61,8 \pm 0,8$	$35,6 \pm 2,4$
t			2,35*	0,86

* Достоверность различий ($P < 0,05$).

В основе проб Штанге и Генчи лежит генетически обусловленная реакция организма на изменение концентрации CO_2 в крови. При этом длительность задержки дыхания связана с психоэмоциональным статусом обследуемого. Физиологическая норма адаптации составляет на вдохе 46 с, на выдохе – 26 с. Высокая степень адаптации позволяет испытуемому задерживать дыхание на вдохе в пределах 60–120 с, на выдохе – 40–60 с.

У студенток обеих групп функциональное состояние аппарата внешнего дыхания до начала эксперимента находилось в пределах физиологических норм. Полученные данные у студенток контрольной группы отражают улучшение результатов в пробе Генчи и Штанге на 1,2 и 2,6 с соответственно. В экспериментальной группе улучшение в пробе Генчи и Штанге составляло 5,7 и 14,7 с ($p < 0,05$) (см. рис. 4).

Таким образом, сравнивая конечные результаты, можно видеть значительное улучшение показателей в экспериментальной группе, что говорит о преимуществе упражнений оздоровительной тренировки (аэробикой), которые связаны с гипервентиляцией.

Анализ результатов исследования, проведенного в рамках формирующего эксперимента, дает основание заключить, что в общем числе показателей достоверно значимое улучшение в контрольной группе произошло по параметрам, характеризующим двигательную подготовленность (силовая выносливость). Тенденция к улучшению выявлена в отдельных тестах, определяющих уровень развития физических качеств (гибкость, скоростные качества, максимальную силу).

Значительное улучшение отмечено в экспериментальной группе по показателям, характеризующим физическое развитие, уровень развития физических качеств (гибкость, скорость движения рукой, максимальная сила, скорость бега, силовая выносливость), состояние сердечно-сосудистой системы (пульс при нагрузке), дыхательной (проба Штанге). Тенденция к улучшению выявлена в параметрах восстановления ЧСС – функциональная

проба ($p > 0,05$). Ухудшений показателей в экспериментальной группе не отмечено.

Межгрупповые различия выявлены в показателях физического развития, уровне двигательной подготовленности (гибкость, максимальная сила, силовая выносливость туловища, скорость бега, общая выносливость), в параметрах функционирования сердечно-сосудистой системы (пульс при нагрузке), дыхания (проба Штанге) и имеют достоверность 95–99%.

В течение года в экспериментальной группе не произошло увеличения количества девушек, не желающих посещать занятия физической культурой, в то же время в группе контроля отмечена тенденция к пропуску занятий. По коэффициенту настроения 67% девушек контрольной группы не испытывают отрицательных эмоций, у девушек экспериментальной группы эта цифра составила 90,9%.

Заключение. Приведенные результаты исследования дают основание сделать вывод о целесообразности и эффективности применения упражнений оздоровительной тренировки в процессе физического воспитания девушек вуза.

1. Результаты показателей констатирующего эксперимента отразили возрастные особенности двигательной подготовленности и функционального состояния студенток вуза. Все показатели находились на среднем уровне или ниже среднего, что говорило о снижении двигательной активности в связи с поступлением в вуз.

2. Внедрение экспериментальной программы обеспечило улучшение скоростно-силовых качеств, физической работоспособности, ловкости, гибкости, показателей в пробах Штанге (в основном в пределах 7–16%), что свидетельствует об оздоровительном эффекте и совершенствовании функциональных возможностей.

3. Доказана эффективность использованных упражнений оздоровительной тренировки для повышения мотивации студентов и регулярности посещения занятий физической культуры, что особенно важно в период обучения в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинков С.Н. Исследование антропометрических показателей физического развития учащейся молодежи мужского пола 17–19 лет Самарской области // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 5 (135). С. 25–28.
2. Ханов Р.Г., Моисеев А.В., Сурнин Д.И., Усачев Н.А. Анализ эффективности внедрения специализации «Аквааэробика» в учебный процесс дисциплины «Физическая культура (Элективная дисциплина) в вузе» // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. № 3 (157). С. 303–306.
3. Прыткова Е.Г., Сазонова И.М. Физическая работоспособность как ведущая составляющая здоровья человека // Спортивная медицина. 2005. № 1. С. 26–30.
4. Бушма Т.В., Зуйкова Е.Г. Организация учебного процесса по дисциплине «Физическая культура» на специализации «Аэробика»: учеб.-метод. пособие. СПб.: СПбГПУ, 2013. 74 с.
5. Фильченков Д.А., Ларина С.Г., Тиунова О.В. Особенности реализации учебных программ по физическому воспитанию студенческой молодежи в соответствии с требованиями новых образовательных стандартов // Здоровье нации – основа процветания России: материалы X Всерос. форума. г. Москва, 28–30 апреля 2016 г. / Общероссийская общественная организация «Лига здоровья нации». М., 2016. С. 100–102.
6. Кошелева Е.А. Организационно-методические условия построения процесса физического воспитания в вузе как фактор формирования мотивации студентов к занятиям физической культурой // Физическое воспитание студентов. 2012. № 3. С. 70–73.
7. Кувшинов О.Н., Усачев Н.А., Сурнин Д.И. Мониторинг вовлеченности студентов Поволжского государственного университета сервиса в дисциплину «Физическая культура и спорт» // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 2 (144). С. 110–115.
8. Маскаева Т.Ю., Урываев Ю.В. Здоровье студента: новый метод самоконтроля // Актуальные проблемы естественнонаучного образования, защиты окружающей среды и здоровья человека. 2016. Т. 4, № 4. С. 446–453.
9. Пашенко Л.Г., Шарипова Д.Т. Влияние выбора физкультурно-спортивной специализации на отношение к занятиям физической культурой и спортом студенток вуза // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма: материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2013. Т. 1. С. 181–189.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 апреля 2019 г.

A Comprehensive Aerobics Program as a Means of Increasing the Level of Students' Physical and Functional Fitness

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 193–197.

DOI: 10.17223/15617793/444/24

Natalya I. Ponomareva, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: nauka.tlt@gmail.com

Keywords: aerobics; physical culture and sports (elective discipline); physical fitness; functional fitness; health; students.

The problem of the study is the search for new means and methods of physical training which would contribute to improving the level of students' physical fitness and health. The aim of the study is to develop methods of aerobics complexes for physical education at the university. The study focuses on the physical education of university students, namely, on changes in the level of students' physical fitness and physiological parameters as a result of doing aerobics and traditional types of exercise. The hypothesis of the study was that the use of aerobics classes in the physical culture and sports discipline on the basis of a rational combination of the basic and elective parts of the curriculum would increase its efficiency, the level of students' physical and motor training, better health and thinking. To achieve the aim, the following objectives are set: (1) to develop aerobics complexes and methods of their application in physical education classes with the directed development of motor abilities; (2) to conduct a pilot study of the effectiveness of the developed systems for university students. The practical significance of the study is determined by the fact that it developed a comprehensive program of aerobics that can be used in physical education classes at universities in specialized student groups in order to improve the level of general physical fitness. The study was conducted on the basis of Togliatti State University. The study examined 126 first-year female students. A control group (64 people) was formed engaged in a standard program, and an experimental group (62 people) engaged in the developed technique with the use of aerobics complexes. A significant improvement was noted in the experimental group in indicators characterizing physical development: the level of physical qualities development, the state of the cardiovascular (pulse under load) and respiratory (timed inspiratory capacity) systems. The tendency to improvement was revealed in the parameters of heart rate recovery via a functional test. There was no indicator deterioration in the experimental group. The analysis of the results of the study conducted in the framework of the formative experiment gives reason to conclude that in the total number of indicators a significant improvement in the control group occurred in the parameters characterizing motor preparedness (strength endurance). The tendency to improvement is revealed in separate tests determining the level of physical qualities development.

REFERENCES

1. Blinkov, S.N. (2016) Research of anthropometrical indicators of physical development of the studying male youth of 17-19 years of the Samara region. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 5 (135). pp. 25–28. (In Russian). DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.05.135.p25-28
2. Khanov, R.G. et al. (2018) Analysis of efficiency of implementation of Aqua-Aerobic specialization in the educational process of discipline "Physical culture (elective discipline)" at the University. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 3 (157). pp. 303–306. (In Russian).
3. Prytkova, E.G. & Sazonova, I.M. (2005) Fizicheskaya rabotosposobnost' kak vedushchaya sostavlyayushchaya zdorov'ya cheloveka [Physical performance as a leading component of human health]. *Sportivnaya meditsina*. 1. pp. 26–30.
4. Bushma, T.V. & Zuykova, E.G. (2013) *Organizatsiya uchebnogo protsessa po distsipline "Fizicheskaya kul'tura" na spetsializatsii "Aerobika"* [Organizing the educational process in the discipline "Physical Education", specialization "Aerobics"]. St. Petersburg: St. Petersburg State Pedagogical University.
5. Fil'chenkov, D.A., Larina, S.G. & Tiunova, O.V. (2016) [Features of the implementation of curricula for physical education of students in accordance with the requirements of the new educational standards]. *Zdorov'e natsii – osnova protsvetaniya Rossii* [Health of the nation is the basis of Russia's prosperity]. Proceedings of the X All-Russian Forum. Moscow. 28–30 April 2016. Moscow: Obshcherossiyskaya obshchestvennaya organizatsiya "Liga zdorov'ya natsii". pp. 100–102. (In Russian).
6. Kosheleva, E.A. (2012) Organizatsionno-metodicheskie usloviya postroeniya protsessa fizicheskogo vospitaniya v vuze kak faktor formirovaniya motivatsii studentov k zanyatiyam fizicheskoy kul'turoy [Organizational and methodological conditions for the arrangement of physical education in the university as a factor in the formation of students' motivation to engage in physical culture]. *Fizicheskoe vospitanie studentov*. 3. pp. 70–73.
7. Kuvshinov, O.N., Usachev, N.A. & Surnin, D.I. (2017) Monitoring вовлеченности студентов Поволжского государственного университета сервиса в дисциплину "Физическая культура и спорт" [Monitoring the involvement of students of the Volga State University of Service in the discipline "Physical Culture and Sports"]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2 (144). pp. 110–115.
8. Maskaeva, T.Yu. & Uryvaev, Yu.V. (2016) Zdorov'e studenta: novyy metod samokontrolya [Student health: a new method of self-control]. *Aktual'nye problemy estestvennonauchnogo obrazovaniya, zashchity okruzhayushchey sredy i zdorov'ya cheloveka*. 4 (4). pp. 446–453.
9. Pashchenko, L.G. & Sharipova, D.T. (2013) [Influence of the choice of physical culture and sports specialization on university students' attitude to physical education and sports]. *Problemy sovershenstvovaniya fizicheskoy kul'tury, sporta i olimpizma* [Problems of improving physical culture, sports and Olympism]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol. 1. Omsk: Siberian State University of Physical Culture and Sports. pp. 181–189. (In Russian).
10. Razmakhova, S.Yu. & Mitrokhina, V.V. (2014) Dancing aerobics as means of improving adaptive possibilities of foreign female students. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. "Psikhologiya i pedagogika" – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2. pp. 36–40. (In Russian).

Received: 03 April 2019

Т.П. Симакова, Т.А. Костюкова

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С СЕМЬЯМИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Статья посвящена осмыслению результатов исследования педагогической позиции, проявляющейся во взаимодействии с родителями обучающихся, проведенного в 2017–2018 гг. среди педагогов общеобразовательных учреждений Московской и Томской областей. Анонимным анкетированием было охвачено 138 педагогов из 45 общеобразовательных учреждений. Вопросы были направлены на изучение отношения педагогов к семьям как субъектам воспитания, развития, обучения детей, изучение цели их взаимодействия, его содержания и организационно-педагогических форм.

Ключевые слова: семья; взаимодействие; образовательные отношения; педагогическая позиция.

Сегодня о проблемах и сложностях взаимоотношений между образовательными учреждениями и семьями обучающихся (воспитанников) говорится на всех уровнях. Активное участие родителей в образовании закреплено законодательством, так же как и их обязанности нести ответственность за физическое, нравственное и интеллектуальное развитие личности ребенка [2]. Образовательные учреждения, согласно требованиям ФГОС ОО (п. 18.2.3), должны обеспечивать «возможность участия обучающихся, их родителей (законных представителей), педагогических работников и общественности в разработке основной образовательной программы общего образования, проектировании и развитии внутришкольной социальной среды, а также в формировании и реализации индивидуальных образовательных маршрутов обучающихся» [3].

Соответственно, такая государственная установка на приоритет семейного воспитания требует особой позиции образовательного учреждения (администрации и педагогического коллектива), ориентированной на эффективное взаимодействие с семьями. Безусловно, позиция самой семьи в этом взаимодействии играет также немаловажную роль, но здесь мы рассмотрим именно *педагогическую позицию*, так как, во-первых, считаем, что при взаимодействии данных субъектов в образовательном пространстве приоритетная роль принадлежит педагогическому коллективу, а во-вторых, позиции семьи мы уделили достаточное внимание в предыдущих работах [1, 4–6].

Под *педагогической позицией* по взаимодействию с семьями обучающихся в данном случае мы понимаем *систему отношений* педагогов к семьям обучающихся в образовательном пространстве. Она включает в себя *видение педагогами* роли и места семьи в образовании детей; *готовность педагогов* к взаимодействию с семьями обучающихся (психологическая, когнитивная, практическая); *понимание* своей роли во взаимодействии с семьями в образовательном пространстве.

Для изучения данной педагогической позиции был использован метод анонимного опроса педагогов образовательных учреждений Московской и Томской областей. В данном случае выборка двух регионов не преследовала цели сравнения, а была направлена на расширение количества реципиентов. Путем случайного выбора данным исследованием было охвачено 138 классных руководителей, работающих на уровне

основного общего образования, из 45 общеобразовательных учреждений данных регионов России. Им был предложен опросник, состоявший из 15 вопросов, 10 из них – открытые.

Вопросы были направлены на исследование следующих аспектов взаимодействия с точки зрения педагогов:

- отношение педагогов к семьям как субъектам воспитания, развития, обучения детей;
- готовность педагогов к взаимодействию с родителями;
- видение педагогами цели взаимодействия, его возможного содержания и форм;
- ожидания педагогов от участия семей во взаимодействии со школой.

Ожидания педагогов представляют собой желательную степень и содержание активности родителей, в том числе они отражают готовность делегировать родителям, семье определенные функции и виды деятельности в образовательном процессе.

Исследование показало, что точками соприкосновения педагогов и родителей, из которых могут произрастать как конструктивное взаимодействие, так и конфликтные ситуации, чаще всего являются:

- образовательные потребности (запросы) семьи;
- доверие / недоверие в отношениях;
- доступность («безбарьерность» как информационная, так и физическая) / недоступность образовательной среды для родителей;
- причастность к происходящему с ребенком / отстраненность;
- востребованность / невостребованность опыта родителей в школе (жизненного, профессионального).

Относительно *видения педагогами* роли и места семьи в образовании детей, по мнению подавляющего большинства педагогических работников (почти 90%), ответственность за воспитание и образование детей должна, в первую очередь, делегироваться именно семье, остальные на первое место ставят школу и государство. На второе место 36,2% педагогов относят образовательное учреждение, 26,1% респондентов считают, что объединение усилий и разделение ответственности должны осуществляться в первую очередь между двумя социальными институтами: семьей и школой; 17,4% относят государство на второе место; 8,7% включают в круг ответственных общество; 7,2% на второе ме-

сто поставили семью и 4,4% уверены, что ответственность должна делиться между всеми субъектами. Суммарные результаты выборов тех или иных субъектов в качестве ответственных за образование детей отражены на рис. 1.

Из рис. 1 видно, что приоритет в данном случае, безусловно, за семьей; образовательное учреждение и совместная ответственность семьи и школы, хотя и отстают от самой семьи, но значительно опережают остальные институты.

При этом педагоги разделяют роли семьи и школы в таких позициях, как обучение, воспитание и развитие обучающихся. Подавляющее большинство опрошенных отводят семье первостепенное место в воспитании (82,6%), чуть меньше – в развитии (68,8%),

оставляя за собой приоритет в обучении (91,3%). Наглядно результаты представлены на рис. 2.

В то же время обращает на себя внимание оценка педагогами того, насколько позитивно сами семьи влияют на своих детей и доверяют ли им педагоги в данном вопросе. При всех критических оценках современной семьи, тем не менее, только 8,7% педагогов склоняются в сторону отрицательной оценки; 15,9% опрошенных характеризуют данное влияние как «50 на 50», но большинство педагогов (68,1%) все же считают, что во влиянии семьи на ребенка положительного больше, чем отрицательного, при этом полностью позитивным его признают лишь 5,8% из них. Некоторая часть опрошенных (7,3%) затруднилась с ответом на этот вопрос.

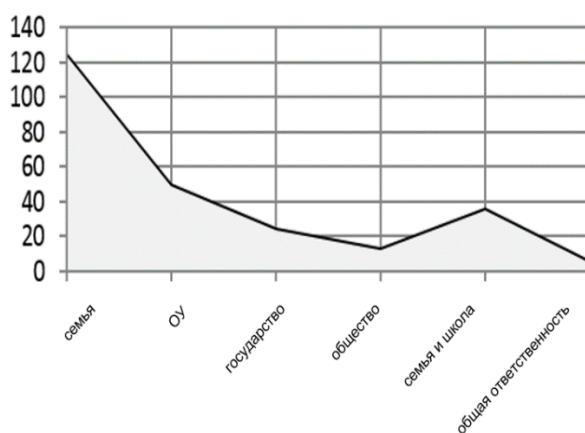

Рис. 1. Распределение ответов педагогов о приоритете ответственности за образование ребенка

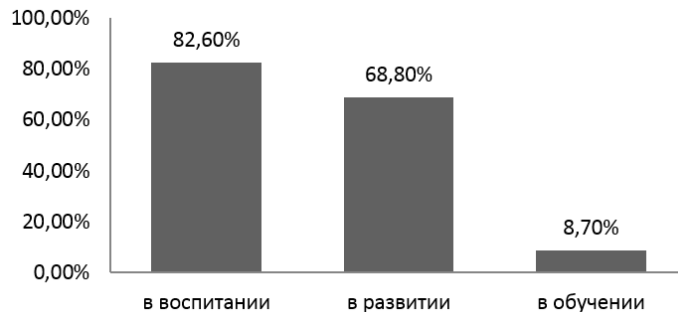

Рис. 2. Роль, отводимая педагогами семье в воспитании, обучении и развитии ребенка

Далее рассмотрим еще один параметр исследования – *готовность педагогов* взаимодействовать с семьями при обозначенном выше видении роли семьи в образовании. Потребность в таком взаимодействии, согласно нашему исследованию, есть у небольшого числа педагогов. Положительно на этот вопрос ответили лишь 24,6% (условно – «первая группа»). Чего бы хотели достичь педагоги в результате взаимодействия с семьями? Они обозначили свои потребности следующим образом (они расположены по степени значимости – самые важные, по мнению педагогов, на первых позициях):

- выработка единых требований к ребенку;
- совместное решение проблем воспитания и обучения, поиск выхода из трудных воспитательных и учебных ситуаций;
- коррекция поведения учащихся;

– повышение уровня контроля родителей за поведением и успеваемостью детей;

– психологическое просвещение родителей (психология ребенка, трудности школьной адаптации и др.);

– создание условий для благоприятного пребывания детей в ОУ;

– выбор индивидуального маршрута обучения, определение результативных методов воспитания конкретного ребенка;

– повышение собственного мастерства по взаимодействию с семьями обучающихся.

Однозначно отрицательно (сказав, что у них нет такой профессионально-личностной потребности) – 33,3% («вторая группа»). Большая часть тех, кто не имеет потребности во взаимодействии с семьями, отдали ей приоритет в образовании детей. Очевидно,

что «вторая группа» опрошенных педагогов рассматривает взаимодействие с семьями как односторонний процесс, в котором родители, имея приоритет в ответственности за образование ребенка, оказывают поддержку в реализации образовательной деятельности школьников. Сами же педагоги, выполняя свои профессиональные функции, не должны участвовать в решении проблем семейного воспитания ребенка. В процессе дополнительного собеседования с участниками опроса они объясняли это обстоятельство тем, что, по их мнению, родители должны заниматься своими детьми «на своей – домашней территории», а на территории школы детьми занимаются педагоги.

Такая педагогическая позиция – уже один из факторов риска в реализации идей, заложенных в федеральном государственном образовательном стандарте как социальной конвенциональной норме и общественном договоре между семьей, обществом и государством.

Педагоги, заявившие о своей потребности во взаимодействии с семьями и тем самым проявившие свою психологическую готовность, указали на понимание возможного предмета своего участия в таком взаимодействии. Возлагая на родителей в боль-

шей степени ответственность в воспитании и развитии ребенка, более 75% позитивно настроенных педагогов (из «первой группы») сами готовы оказывать поддержку семьям в сфере отношений между детьми и родителями, а также между детьми в классе (56,5% из них); часть педагогов готова оказывать содействие родителям и в вопросах дополнительного образования (24,6%).

Ожидания от семей обучающихся следующие: в первую очередь, *это подготовка ребенка к занятиям, контроле дисциплины и посещения учащимися уроков*; вторыми по значимости являются *проблемы воспитания и развития детей*. Дополнительно к наиболее значимым для взаимодействия вопросам можно добавить ожидания от родителей помощи в организации учебно-исследовательской деятельности ребенка, изготовлении учебно-дидактических пособий и материалов. В целом помощь семьи в учебной деятельности ребенка для педагогов более значима, чем помощь в воспитании и развитии. Минимальные ожидания педагогов связаны с помощью в самооценке и самореализации личности ребенка и материально-финансовой поддержке – на них пришлось лишь по 5% (рис. 3).

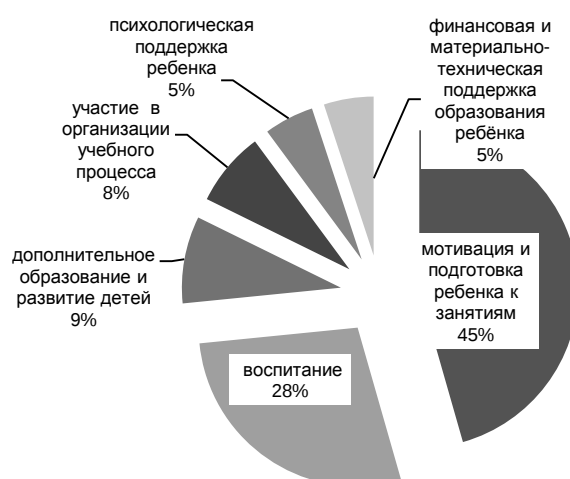

Рис. 3. Видение педагогами содержания участия семей обучающихся во взаимодействии со школой

Каким видится педагогам сам процесс взаимодействия с родителями обучающихся? Насколько они *практически* готовы к активности родителей в образовательной деятельности? Прежде всего, выяснилось, что 63,8% опрошенных хотят, чтобы родители по необходимости посещали образовательное учреждение. Категорически не хотят – 24,6%. Остальные (11,6%) либо выдвигают те или иные условия («только если с разумными предложениями» или «только не во время образовательного процесса»), либо в принципе выражают сомнения в целесообразности такого посещения.

Если же все-таки родители оказались в пространстве взаимодействия с сотрудниками образовательного учреждения, каким образом представляется дальнейший процесс их включения, общения, деятельности (совместной или индивидуальной)? Как он должен быть организован с точки зрения педагогов?

В основном они говорят о «привлечении родителей к активному участию». Каковы ожидания педаго-

гов в этой части взаимодействия? Опрос дает следующие варианты ответов:

- 1) посещение сайта школы, регулярный просмотр электронного дневника, вход в электронную школу – 94%;
- 2) посещение родительских собраний – 86%;
- 3) участие в мероприятиях, проводимых в школе / классе (как правило, воспитательная или досугово-развлекательная деятельность) – 72%;
- 4) работа в коллегиальных органах управления школой и / или органах родительского самоуправления – 69%;
- 5) взаимодействие с классным руководителем и учителями-предметниками по вопросам образовательной деятельности ребенка – 56%.

Одной из сложных и неоднозначных (с точки зрения организации, содержания деятельности и результатов) форм активности родителей является участие в коллегиальном управлении и самоуправлении. Отно-

сительно возможных полномочий органов родительского самоуправления педагогами высказаны разные точки зрения. Чаще всего в данном контексте они называют следующие желательные направления деятельности:

- *организация* – встречи, внеклассные и внешкольные мероприятия – 20,3%;
- *профилактика* – работа с трудными детьми (прогулы, дисциплина) – 15,9%;
- *материально-техническая поддержка ОУ* (благоустройство, ремонт и т.п.) – 15,9%;
- *финансовая поддержка* – спонсорская помощь – 10,1%;
- *межсемейное взаимодействие* – работа с семьями, в том числе неблагополучными, проведение родительских собраний, участие в малых педсоветах – 7,2%.

Помимо этого, небольшой процент ответивших (по одному человеку на каждый вариант ответа) называют совершенствование условий организации УВП, информационно-просветительскую деятельность, взаимодействие с социумом, защиту прав учащихся, поддержку педагогов, профориентацию, введение школьной формы, имидж ОУ. Не знают, что можно поручить родителям в ОУ 7,2% педагогов, 2 педагога сказали, что ничего бы не стали поручать и 3 не дали ответа. При этом 8,7% педагогов указали, что органам родительского самоуправления нельзя поручать «вопросы непосредственно воспитания и образования детей», а только вопросы, связанные с созданием условий. В этом кроется опасение педагогов, высказываемое и в ходе индивидуальных собеседований, вмешательства родителей во внутренние процессы профессиональной деятельности педагога и педагогического коллектива. Справедливости ради необходимо отметить, что поскольку границы участия родителей во взаимодействии со школой в настоящее время обозначены недостаточно четко, такой риск в практике реально существует.

При этом, по нашим наблюдениям, за организацией деятельности органов родительского самоуправления и, исходя из собеседования, дополнительно проведенного с участниками исследования, родительские органы самоуправления в подавляющем большинстве случаев «организуются самими педагогами», а не «самоорганизуются». При этом мера их самостоятельной активности достаточно условна. Это другой (противоположный обозначенному выше) риск включения родителей в «активное взаимодействие» со школой – риск формализации участия, снижающий мотивацию обеих сторон.

Для нас было важно понять *отношение педагогов* к данному виду активности родителей. А оно заключается по большей части (72%) в неготовности делегирования данному органу серьезных вопросов, фиксации некомпетентности родителей и нежелании предоставлять им серьезные полномочия.

Если соотносить предложенные педагогами виды «активности родителей» с возможными функциями, выявленными нами в ходе теоретического анализа субъектной активности (по А.К. Осницкому, см. [7]) и

адаптированными применительно к семье в образовании [8] (перечень выявленных нами потенциальных функций родителей в образовании: потребительская, исполнительская, организационно-координационная, экспертная, донорская), то можно сделать следующие выводы:

- педагогические ожидания родительской активности на 90 и более процентов определены их потребительской и исполнительской функциями. Поясним, что *потребительская функция во взаимодействии*, в данном случае – это не то же самое, что «потребительское отношение к образованию», и предполагает включение родителей во взаимодействие с целью приобретения опыта, информации, развития способностей, осмысления собственной деятельности и т.д., т.е. потребление потенциала школы для развития собственных компетенций. *Исполнительская функция* предполагает действия семьи на основе имеющегося опыта в соответствии с конкретным запросом педагога (коллектива) для достижения результата, индивидуально (для самого ребенка) или социально-значимого (для класса или образовательного учреждения);

- функции, предполагающие выход родителей за пределы «адаптивной активности» (организационно-координационная, экспертная, донорская), востребованы очень ограниченно – в отношении небольшого количества представителей родительской общественности, что вполне объяснимо соображениями «безопасности» взаимодействия, исходя из возможных рисков, в том числе описанных выше.

Таким образом, из анализа этих вариантов можно сделать вывод о том, что под «активным участием родителей» зачастую понимается деятельность, не связанная напрямую с ожидаемыми результатами. Показатели активности, предложенные педагогами, отражают по большей части внешние характеристики, в то же время ожидаемые результаты, по сути, связаны с более содержательной работой семьи с ребенком по его воспитанию и развитию, мотивации к учебной деятельности. Здесь видится один из возможных источников проблемы взаимной неудовлетворенности сторон взаимодействия, когда организуемая родительская активность не оправдывает ожиданий. С одной стороны, это очевидно и предсказуемо: деятельность, выстроенная не от желаемых результатов, а от внешних показателей, лишь случайным образом (при совпадении индивидуальных потребностей с отдельными параметрами событий) может оправдывать ожидания участников. При этом, по большому счету, результативность (как соответствие осуществленной деятельности ожидаемым результатам) не может быть высокой.

Необходимо отметить, что невысокий уровень активности родителей, на которую нередко жалуются педагоги и руководители образовательных учреждений, может быть, в том числе, одним из следствий недостаточно грамотной организации взаимодействия. Хотя чаще всего коллектив школы волнует отсутствие активности определенной части родителей: а именно тех, которые не справляются (не могут или не хотят) с базовыми функциями семейного воспитания

(социализация и развитие личности ребенка, мотивация к учебной деятельности), что может стать предметом специального исследования.

Перейдем к анализу третьей составляющей педагогической позиции в отношении взаимодействия с семьями обучающихся – *понимание педагогами собственной роли в этом процессе*.

В частности, важнейшим аспектом, напрямую связанным с развитием необходимой активности родителей, о которой шла речь ранее, является вопрос их стимулирования. В связи с этим была запрошена информация о соответствующих способах и средствах, по мнению педагогов. В результате были получены следующие ответы:

- моральное поощрение: через благодарность (устную, письменную, на уровне ОУ или города), вручение грамот, наградного материала – 42,8%;
- включенностью в процесс – 13%;
- приглашением на мероприятия с участием их детей – 6,5%;
- материальное поощрение родителей – 4,35%;
- «никакие» – 4,35%;
- «не знаю» – 10,2%;
- не ответили – 18,8%.

Интересен предложенный вариант стимулирования активности родителей «включенностью в процесс». Здесь имеется в виду (согласно контексту ответов) предложение родителям активных ролей, делегирование полномочий и т.д. в сфере образования и воспитания их детей, в благоустройстве ОУ и других видах деятельности. Группа ответов, обозначенных как «приглашение на мероприятия», предполагает участие в открытых детских праздниках и других событиях, где дети приглашенных родителей будут задействованы в активной роли.

При этом, как видно из анализа ответов, достаточно большая часть опрошенных педагогов (в совокупности – более 30%) не видят вариантов, не знают их, не могут ответить на поставленный вопрос. Это говорит о необходимости дополнительной работы с педагогическими коллективами по обсуждению и проектированию данного направления взаимодействия, так как вопросы стимулирования и мотивации играют огромную роль в процессе любого взаимодействия. Наглядно описанные результаты можно представить диаграммой (рис. 4).

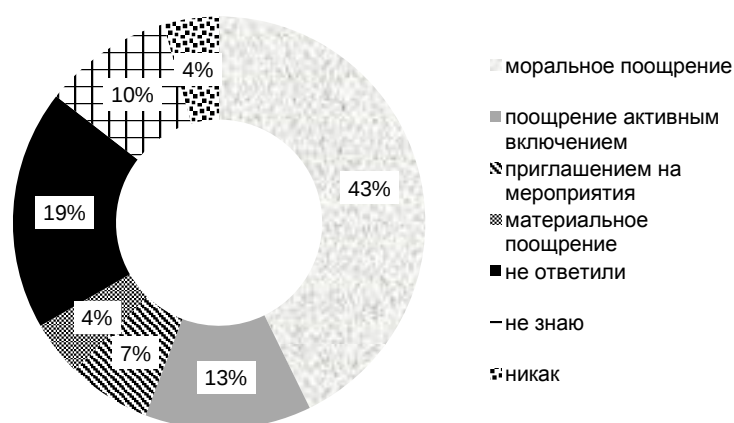

Рис. 4. Варианты стимулирования активности родителей по мнению опрошенных педагогов

Относительно практической стороны организации взаимодействия был задан вопрос относительно видения последовательности и форм взаимодействия. В процессе анализа ответов мы обратили внимание на то, что достаточно заметно обозначились две группы педагогов, по-разному расставляющих акценты в этой деятельности. Почти 2/3 педагогов в процессе установления контакта отдают предпочтение личностным формам сбора информации – собеседование, личный контакт, неформальные встречи, а 1/3 – более формальным – анкетам и опросникам.

Интересно, что в практике работы педагогов действительно заметны оба этих подхода, причем, на первый взгляд, организация работы с родителями в том и другом случае внешне мало чем отличается. При любом подходе на начальном этапе при стороннем наблюдении фиксируем проведение первого родительского собрания. Но персонально ориентированный педагог часто уже предварительно собирает информацию о родителях и других членах семей, иногда встречается с кем-либо из родителей, посеща-

ет некоторые семьи, организует какое-либо событие, где можно познакомиться в неформальной обстановке хотя бы с частью семей, передавая через детей приглашение родителям и т.д., для того чтобы составить некоторое представление о потенциале родительского коллектива.

Педагог, более «формально» подходящий к организации взаимодействия, как правило, начинает с анкетирования, заполнения договоров, ознакомления родителей с порядком организации образовательного процесса. Затем проводятся выборы родительского комитета, обсуждаются организационные, финансовые вопросы и т.п. При этом очевидно, что все эти действия, не опирающиеся на информацию о потенциале и личностных характеристиках родителей, и будут осуществлены в достаточной степени «формально».

Принципиальная разница в этих подходах состоит в том, что по-разному расставляются акценты: в первом случае – на установление личностных отношений, во втором – на соблюдение всех необходимых

формальностей. В то же время для эффективной организации процесса взаимодействия с семьями, как показывает исследование и практика работы со школами, важны именно сущностное отношение педагогов к семье и педагогическая готовность к реальному, а не формальному включению в образовательные отношения с родителями.

Свою роль в процессе взаимодействия педагоги оценивают по-разному. Достаточно большая часть

педагогов видит себя здесь в главной, ведущей роли (около 35%), еще примерно столько же педагогов отводят себе хотя и активную, но не руководящую, а посредническую роль – они организуют, координируют, действуют вместе с родителями. Небольшая группа педагогов (около 6%) отводит себе незначительную второстепенную роль, еще 4% не определились в этом вопросе, а 20% вообще не ответили на него (рис. 5).

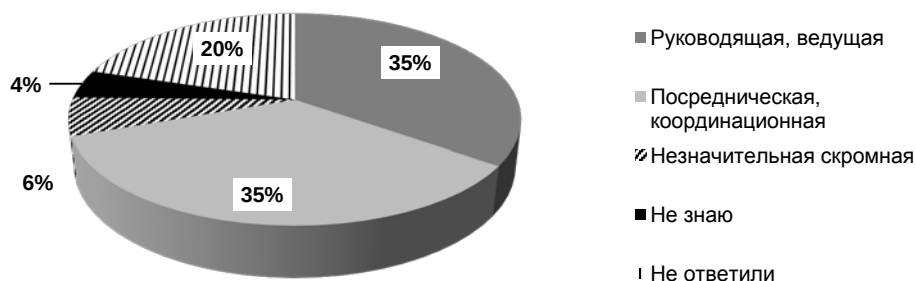

Рис. 5. Роль педагога во взаимодействии с семьями обучающихся – самооценка

Понятно, что в зависимости от той роли, которую отводят себе сами педагоги, процесс и результат взаимодействия тоже будут разными. Установление более определённой взаимосвязи может быть исследовано дополнительно.

В ходе проведенного исследования был также построен портрет педагога, обладающего необходимыми компетенциями во взаимодействии с семьёй:

1. Признает ведущее значение семьи родителей в воспитании и развитии обучающихся. У него сформирована установка на доверительное и безоценочное взаимодействие с родителями.

2. Владеет знаниями о семье, специфике семейного воспитания, методах изучения образовательных потребностей родителей и учитывает интересы и образовательные потребности родителей при взаимодействии с ними.

3. Умеет организовать диалогическое общение с родителями, проявляет коммуникабельность, внимание, выдержку, такт.

4. Обладает устойчивой потребностью в самосовершенствовании в сфере взаимодействия с семьями обучающихся.

5. Взаимодействует с родителями по вопросам образования ребёнка, непосредственного вовлечения их в образовательную деятельность, в том числе посредством создания образовательных проектов совместно с семьями на основе выявления потребностей и поддержки их образовательных инициатив.

6. Стремится к активному и содержательному общению с родителями с целью оказания им помощи в решении возникающих проблем в процессе образования и развития ребенка.

7. Умеет планировать предстоящее общение: подбирать необходимую информацию, традиционные и нетрадиционные формы организации общения и методы активизации родителей.

Итак, анализируя результаты анкетирования педагогов по вопросам взаимодействия с семьями обуча-

ющихся, можно утверждать, что достаточно большое количество препятствий в эффективности взаимодействия образовательного учреждения с семьями может быть скрыто в позициях самих педагогов. Какой же в результате обобщения представляется педагогическая позиция относительно взаимодействия с семьями (родителями) обучающихся? Обращает на себя внимание невысокий процент потребности педагогов во взаимодействии с семьями. И, как показал опрос, основной причиной этого является не отрицательное отношение к семьям, а отсутствие понимания того, чем эти два важнейших субъекта образовательных отношений могут быть полезны друг другу и как этот взаимовыгодный процесс организовать.

С одной стороны, очевидно, что педагоги в большей степени, как предметники, заинтересованы в поддержке именно учебной стороны образовательной деятельности, и здесь ждут поддержки от семьи, но по большей части организационной (посещаемость, дисциплина, подготовка к занятиям). Самой же семье преимущественно отводятся функции воспитания и дополнительного образования, организации досуга и социализации. Отводя родителям данную сферу деятельности как основную, некоторые педагоги готовы помогать семьям на этой «их территории» в коррекции сферы отношений и реализации дополнительного образования. Тем не менее примерно четверть педагогов считает излишним «вмешиваться в проблемы семейного воспитания». Также примерно четверть педагогов категорически против того, чтобы родители активно посещали образовательное учреждение. Из тех, кто готов взаимодействовать с родителями, четко определились две группы педагогов:

- ориентированные на личностное взаимодействие;
- ориентированные на формальное взаимодействие.

Есть проблемы в практической готовности педагогов к взаимодействию с семьями: далеко не у всех из

них есть понимание этапов данной деятельности, способов вовлечения родителей в активные образовательные отношения, видение своей роли в данном процессе.

Таким образом, педагогическая позиция в отношении организации взаимодействия с семьями обучающихся у опрошенных педагогов неоднозначна. Порой она формируется на базе недоверия к родителям, их способности эффективно влиять на процесс и результат образовательной деятельности ребенка.

Следовательно, в настоящее время для повышения эффективности взаимодействия семьи и образовательных учреждений, как того требует современное законодательство в области образования, необходимо в первую очередь активизировать работу с педагогами. Это возможно как в самих учреждениях в процессе методической работы, так и в ходе курсовой подготовки в системе повышения квалификации.

В процессе повышения компетентности педагогов важно затрагивать вопросы ценностно-мотивационных

оснований взаимодействия с семьями, содержательные и организационные аспекты взаимодействия с разными категориями родителей и общетеоретические представления о семье (особенности современных семей, типология, психология индивидуального, группового и коллективного взаимодействия с семьями) и др. В итоге должна быть сформирована система диагностики и формирования мотивационного, а затем – когнитивного и деятельностного компонентов педагогической готовности к взаимодействию с семьями. Это позволит существенно повысить эффективность включения семьи как субъекта образовательных отношений в пространство деятельности образовательного учреждения.

Тем не менее подчеркнем, что, безусловно, данное исследование является локальным и выявляет только небольшую часть существующих проблем во взаимодействии семьи и образовательного учреждения. Само по себе это направление достаточно обширно и актуально, а значит, требует к себе внимания и более глубокого дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон «Об образовании в РФ» от 29 декабря 2012 года в актуальной редакции. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 20.04.2018).
2. Приказ Министерства образования и науки от 17 декабря 2010 года № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (с актуальными изменениями). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56619643/>
3. Грибоедова Т.П. (Симакова). Образовательный потенциал современной российской семьи. Новокузнецк, 2006. 104 с.
4. Костюкова Т.А., Симакова Т.П. Образовательное учреждение как пространство субъектной активности современной семьи // CRITIC 2014. № 12 (Vol. II). Centre of Russian Studies, SLL&CS, JNU. P. 43–47.
5. Симакова Т.П. Семья как субъект и объект образовательных отношений // Педагогика и профессиональное образование / под ред. Л.Н. Антоновой, Г.Б. Корнетова, А.И. Салова. М.: АСОУ, 2015. С. 87–103.
6. Симакова Т.П. Понятие педагогической компетентности в парадигмах патернализма и партнерства // Взаимодействие семьи и дошкольной образовательной организации: взгляд с позиции компетентностного подхода : учеб.-метод. пособие / под ред. Т.Н. Рагозиной, Т.А. Шааб, Т.П. Симаковой, М.Б. Федорцевой, Н.З. Медведевой. Томск, 2014. С. 33–51.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 14 апреля 2019 г.

Peculiarities of the Teachers' Position in Interaction with Schoolchildren's Families in Educational Institutions

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 198–205.

DOI: 10.17223/15617793/444/25

Tatyana P. Simakova, Academy of Social Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: ipktmvr@yandex.ru

Tatyana A. Kostyukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kostyukova@inbox.ru

Keywords: family; educational relations; teachers' position.

The article aims to identify the features of the teachers' position concerning the interaction of school with schoolchildren's families. The teachers' position in this context is a system of teachers' attitudes towards schoolchildren's families in the educational space. It includes teachers' views on the role and place of family in children's education; teachers' readiness to interact with schoolchildren's families; teachers' understanding of their role in the interaction with schoolchildren's families in the educational space. For the research, the method of an anonymous poll of teachers of educational institutions of Moscow and Tomsk Oblasts was used. The questionnaire contained 15 questions, two thirds of them were open-ended. The questions aimed to study the teachers' attitude towards families as subjects of education, development, children's training; the teachers' readiness to interact with parents and the purposes of the interaction, its content and forms from the teachers' point of view; teachers' expectations from families' participation in the interaction with the school – the desirable degree and content of parents' activity. Using the method of random sampling, this research captured 138 class teachers working at the level of the basic general education from 45 educational institutions of two regions of Russia. The analysis of the results of the poll allowed making several conclusions. The vast majority of the interviewed teachers stated that family plays the paramount role in children's bringing up and development yet reserved teachers' prior role in education. In general, the teachers' attitude towards family as a social institution influencing children is rather positive than negative. Nevertheless, less than a quarter of the respondents feel the need to interact with family in the educational process, and this is one of risk factors in the implementation of the ideas of the federal state educational standard as a social conventional norm, a public contract between family, society and the state. Further, possible areas of interaction between school and schoolchildren's families from the point of view of teachers are presented in article. They are: correction of children's behavior and progress; correction of parents' behavior concerning the child (control, responsibility, etc.); creating favorable conditions for children's training and development; increase of the teachers' own (pedagogical) competence of interaction with families. If to speak about the teachers' position concerning the interaction of school and schoolchildren's families in general, it should be noted that there are many problems and contradictions in this question that must be resolved. The authors of the article believe that their discussion in this article will help heads of

schools to see the problem more clearly and to choose ways of improvement of the relations of family and school when working with the teaching staff.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2018) *Zakon "Ob obrazovanii v RF" ot 29 dekabrya 2012 goda v aktual'noy redaktsii* [The Law "On Education in the Russian Federation" of December 29, 2012 in the current edition]. [Online] Available from: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru>. (Accessed: 20.04.2018).
2. Russian Federation. (2018) *Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki ot 17 dekabrya 2010 goda № 1897 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta osnovnogo obshchego obrazovaniya" (s aktual'nymi izmeneniyami)* [Order of the Ministry of Education and Science No. 1897 of December 17, 2010, "On approval of the federal state educational standard of basic general education" (with current amendments)]. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56619643/>.
3. Griboedova (Simakova), T.P. (2006) *Obrazovatel'nyy potentsial sovremennoy rossiyskoy sem'i* [Educational potential of the modern Russian family]. Novokuznetsk: Izd-vo IPK.
4. Kostyukova, T.A. & Simakova, T.P. (2014) *Obrazovatel'noe uchrezhdenie kak prostranstvo sub'ektnoy aktivnosti sovremennoy sem'i* [Educational institution as a space of the modern family's subject activity]. *CRITIC*. 12 (II). pp. 43–47.
5. Simakova, T.P. (2015) *Sem'ya kak sub'ekt i ob'ekt obrazovatel'nykh otnosheniy* [Family as a subject and object of educational relations]. In: Antonova, L.N. et al. (eds) *Pedagogika i professional'noe obrazovanie* [Pedagogy and vocational education]. Moscow: ASOU.
6. Simakova, T.P. (2014) *Ponyatie pedagogicheskoy kompetentnosti v paradigmatkakh paternalizma i partnerstva* [The concept of pedagogical competence in the paradigms of paternalism and partnership]. In: Shaab, T.A. et al. (eds) *Vzaimodeystvie sem'i i doskol'noy obrazovatel'noy organizatsii: vzglyad s pozitsii kompetentnostnogo podkhoda* [Interaction of family and pre-school educational organization: a view from the position of the competence approach]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI.

Received: 14 April 2019

Д.И. Сурнин, Н.А. Усачёв

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВУЗОВ г.о. ТОЛЬЯТТИ

Посредством анализа Федеральных статистических отчетов, 1-ФК и 2-ГТО, программ развития физической культуры и спорта вузов г.о. Тольятти, нормативно-правовых актов различных уровней дается научное обоснование необходимости создания объединенного межвузовского физкультурно-спортивного кластера с целью модернизации и развития студенческого спортивного движения. Разработана схема организации, даны практические рекомендации для успешной деятельности предложенной кластерной системы.

Ключевые слова: физическая культура и спорт; студенты; ГТО; вузы; универсиада г.о. Тольятти; физкультурно-спортивный кластер; студенческое спортивное движение; система физического воспитания.

Введение. В последние годы в Российской Федерации предприняты меры, направленные на формирование системы физического воспитания, студенческого (в том числе адаптивного) спорта, физкультурно-спортивной и оздоровительной работы в системе высшего образования. Так, например, «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» предусматривает достижение следующих показателей:

1) доля учащихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей численности учащихся и студентов – не менее 80%;

2) доля лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидов среди студенческой молодежи, систематически занимающейся физической культурой и спортом, в общей численности указанной категории, – не менее 20%;

3) доля учащихся и студентов, выполнивших нормативы испытаний (тестов) Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ВФСК «ГТО»), не менее 51% [1, 2].

На сегодняшний день модернизация системы физического воспитания в образовательных организациях высшего образования предусматривает обеспечение:

– современной физкультурно-спортивной инфраструктуры;

– повышения квалификации профессорско-преподавательского состава с учетом введения федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения;

– расширения сети студенческих спортивных клубов; увеличения количества студенческих спортивных лиг и федераций по видам спорта [3].

Несмотря на проводимую государством политику, существует ряд проблем, препятствующих активному вовлечению студенческой молодежи в физкультурно-спортивное движение, среди них: недостаточное привлечение студенческой молодежи, в том числе и с ОВЗ, к регулярным занятиям физической культурой и спортом во внеучебное время; несоответствие уровня материальной базы и инфраструктуры высших учебных заведений задачам развития межвузовских центров тестирования ГТО; отсутствие достаточного количества физкультурных и спортивных проектов с участием внутривузовских активов студенческих спортивных

клубов; отсутствие активной мотивации у студенческой молодежи к занятиям физической культурой и спортом, сдачи нормативов (тестов) ВФСК «ГТО» [4].

Целью исследования является обоснование необходимости создания межвузовского физкультурно-спортивного кластера.

Для достижения поставленной цели сформированы задачи:

1. Обзор нормативно-правовой документации, регламентирующей развитие системы физического воспитания в структуре высшего образования, студенческого спорта (в том числе адаптивного) на современном этапе.

2. Анализ вовлеченности студенческой молодежи г.о. Тольятти в занятия физической культурой и спортом (в том числе адаптивного) на основе документов официальной статистики.

3. Разработка практических рекомендаций по созданию межвузовской системы физического воспитания и развитию студенческого спорта (в том числе адаптивного).

В соответствии с целями и задачами определены следующие этапы:

На первом этапе (сентябрь – декабрь 2017 г.) исследовались нормативно-правовые акты федерального и регионального уровней, а также локальные акты отдельно взятых вузов, регламентирующие процесс развития системы физического воспитания в структуре высшего образования.

На втором этапе (январь – февраль 2018 г.) посредством методов математической статистики проводился анализ ежегодных федеральных отчетов Управление физической культуры и спорта при мэрии г.о. Тольятти формы № 1-ФК, № 3-АФК, № 2-ГТО за период 2014–2017 гг.

На третьем этапе (март 2018 – февраль 2019 г.) выявлялись факторы, сдерживающие развитие системы физического воспитания в вузах, исследовались «Программа развития физической культуры и спорта, спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы университета на период 2013–2017 годы» ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса», «Программа развития Опорного университета ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» на период 2017–2021». Предложена структура создания межвузовского физкультурно-спортивного кластера г.о. Тольятти.

Четвертый этап (март 2019 г.) – разработаны практические рекомендации для вузов г.о. Тольятти по совершенствованию и развитию системы физического воспитания, студенческого спорта (в том числе адаптивного).

Результаты исследования. В рамках реализации первого этапа исследования выявлено, что правовые основы развития студенческого спорта в Российской Федерации регулируются, прежде всего, Федеральным законом от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Цели государственной политики в сфере физической культуры и спорта, а также меры, направленные на модернизацию системы физического воспитания и развитие студенческого спорта, определены и в «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р, и в Государственной программе Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 302. В соответствии с «Планом мероприятий по реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, приказом Минспорта России от 21 ноября 2017 года № 1007» утверждена «Концепция развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года». Соответствующие нормы, регулирующие студенческий спорт, также закреплены и в региональном законодательстве.

Вышеперечисленные нормативно-правовые акты предусматривают создание условий беспрепятственного доступа к развитой спортивной инфраструктуре студентов (в том числе и с ОВЗ) вузов и, как следствие, повышение конкурентоспособности российского студенческого спорта (в том числе адаптивного) на международной спортивной арене.

Во исполнение вышеуказанных нормативно-правовых актов проведен сравнительный анализ ежегодных федеральных статистических отчетов (форма

1-ФК, 3-АФК, 2-ГТО) с целью определения динамики развития студенческого спорта г.о. Тольятти (рис. 1).

В течение исследуемого периода состояние рынка образовательных услуг в г.о. Тольятти претерпело серьезные изменения. Согласно результатам мониторинга эффективности вузов, реорганизованы 11 филиалов и 2 вуза. К 2018 г. в г.о. Тольятти действуют 4 головных вуза и 1 филиал, не находящиеся в стадии реорганизации или ликвидации:

- ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (ТГУ);
- ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (ПВГУС);
- ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления» (ТАУ);
- АНО ВО «Поволжский православный институт имени Святителя Алексия, митрополита Московского»;
- филиал ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия» в г. Тольятти.

Несмотря на достаточное количество вузов, в Универсиаде высших учебных заведений ежегодно принимают участие лишь «Тольяттинский государственный университет», «Поволжский государственный университет сервиса» и «Тольяттинская академия управления».

Как видно из рис. 2, наблюдается снижение количества студентов очной формы обучения, имеющих право выступать в городских соревнованиях в рамках Универсиады вузов. При этом по количеству студентов, обучающихся в вузах города, уменьшилось только в ПВГУС с 2 180 в 2014 г. до 858 в 2017 г., в остальных учебных заведениях количество студентов варьируется примерно в одних и тех же показателях.

По данным федеральных статистических отчетов 1-ФК, 2-ГТО, видно, что в большинстве случаев наблюдается нисходящая тенденция по количественной численности участников соревнований в рамках Универсиады. Если в период 2015–2016 гг. это было связано с реорганизацией вузов, то в 2017 г. уменьшение количества соревнующихся связано с причиной неготовности адаптации вузов к быстро меняющейся системе федеральных государственных образовательных стандартов (табл. 1, 2).

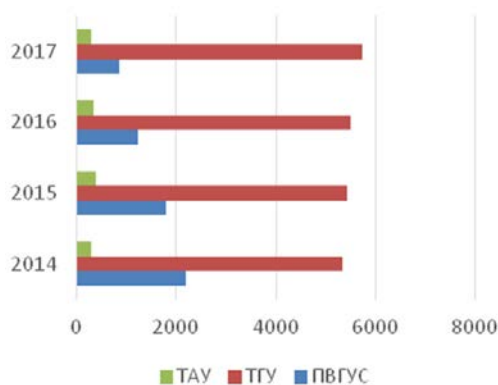

Рис. 1. Общее количество студентов очной формы обучения по вузам г.о. Тольятти (не претерпевшим реорганизацию на период 2018 г.)

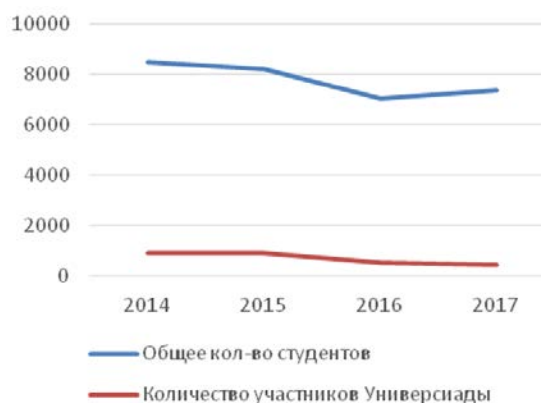

Рис. 2. Соотношение общего количества студентов очной формы обучения к участникам Универсиады вузов г.о. Тольятти

Таблица 1

Сравнительный анализ количественного состава участников универсиады вузов г.о. Тольятти по видам спорта за период 2014–2017 г.

№ п/п	Спортивные мероприятия Универсиады среди обучающихся вузов	Количество участников, чел.			
		2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
1	Лыжные гонки	72	84	56	30
2	Баскетбол	144	216	129	63
3	Волейбол	144	144	108	82
4	Мини-футбол	72	70	50	30
5	Легкоатлетический кросс	120	100	50	58
6	Спортивное ориентирование	53	67	–	–
7	Плавание	75	55	46	48
8	Настольный теннис	68	45	18	60
9	Гандбол	96	70	35	66
10	Стритбол	54	44	33	16
Итого		898	895	525	453

Таблица 2

Статистические данные массовости занятий физической культурой и спортом вузов г.о. Тольятти за период 2014–2017 г.

№	Наименование учебного учреждения	Статистические данные массовости занятий физической культурой и спортом								
		Универсиада вузов			Спортивно-массовые мероприятия			ВФСК «ГТО»		
		2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
1	Тольяттинский государственный университет	310	215	185	107	88	282	112	165	23
2	Поволжский государственный университет сервиса	305	156	163	128	163	82	56	30	8
3	Тольяттинская академия управления	280	154	105	296	285	–	10	7	–

Полученные статистические показатели физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой деятельности вузов г.о. Тольятти позволили провести оценку массовости занятий физической культурой и спортом (ФКиС) среди студенческой молодежи (табл. 3) [5]. За основу был взят коэффициент массовости занимающихся физической культурой и спортом, предложенный Федеральной службой государственной статистики, который рассчитывается по формуле:

$$M = 3/H \times 100,$$

где 3 – количество участников спортивно-массовых мероприятий; H – количество обучающихся.

Коэффициент показывает, какое количество занимающихся приходится на каждые 100 человек, обучающихся в вузах г.о. Тольятти [6].

Дальнейшая оценка проводилась посредством использования адаптированной «Шкалы для оценки массовости занятий населения физической культурой и спортом», разработанной и предложенной Федеральной службой государственной статистики.

Таблица 3

Оценка массовости занимающихся ФК и С в вузах г.о. Тольятти за период 2014–2017 гг.

№	Наименование учебного учреждения	Год	Количество обучающихся очного отделения	Коэффициент массовости	Оценка массовости занятий ФКиС
1	Тольяттинский государственный университет	2015	5 357	13,2	Весьма низкий уровень
		2016	5 629	10	
		2017	5 731	8,7	Чрезвычайно низкий уровень
2	Поволжский государственный университет сервиса	2015	1 282	45,9	Уровень выше среднего
		2016	1 045	42,9	
		2017	858	31,8	Средний уровень
3	Тольяттинская академия управления	2015	415	71,2	Чрезвычайно высокий уровень
		2016	374	41,1	Уровень выше среднего
		2017	280	0	Чрезвычайно низкий уровень

Полученные результаты свидетельствуют о планомерном снижении общей численности занимающихся физической культурой и спортом как в целом, так и в отдельно взятых вузах г.о. Тольятти, что противоречит основным целям и ориентирам «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года», «Концепция развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 года» и т.д. С целью выявления факторов, сдерживающих развитие системы физического воспитания в

вузах, исследовались «Программа развития физической культуры и спорта, спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы университета на период 2015–2020 годы» ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса», «Программа развития Опорного университета ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» на период 2017–2021», «Программа развития системы физического воспитания, студенческого спорта (в том числе адаптивного) академии на период 2018–2023 годы» в ЧОУ ВО «Тольяттин-

ская академия управления». Анализ программ выявил, что разрозненная обеспеченность спортивными сооружениями не позволяет в полной мере реализовать физкультурно-спортивную и оздоровительную деятельность студенческой молодежи (табл. 4).

Вышеописанные статистические данные были представлены в рамках ежегодного объединённого

совещания при управлении физической культурой и спортом мэрии г.о. Тольятти. Посредством открытого голосования было принято решение о создании межвузовского физкультурно-спортивного кластера, позволяющего объединить в единую спортивную структуру как материально-техническую базу университетов, так и кадровый потенциал.

Т а б л и ц а 4

Обеспеченность спортивными сооружениями вузов г.о. Тольятти

№ п/п	Наименование учебного учреждения	Общая площадь крытых спортивных сооружений, м	Наличие спортивных сооружений						
			Игровые залы	Тренажерные залы	Стадион	Тир	Залы аэробики и фитнеса	Лыжная база	Бассейн
1	Тольяттинский государственный университет	4 382	+	+	–	+	+	–	+
2	Поволжский государственный университет сервиса	1 799	+	–	–	–	–	–	–
3	Тольяттинская академия управления	209	–	+	+	+	+	+	–

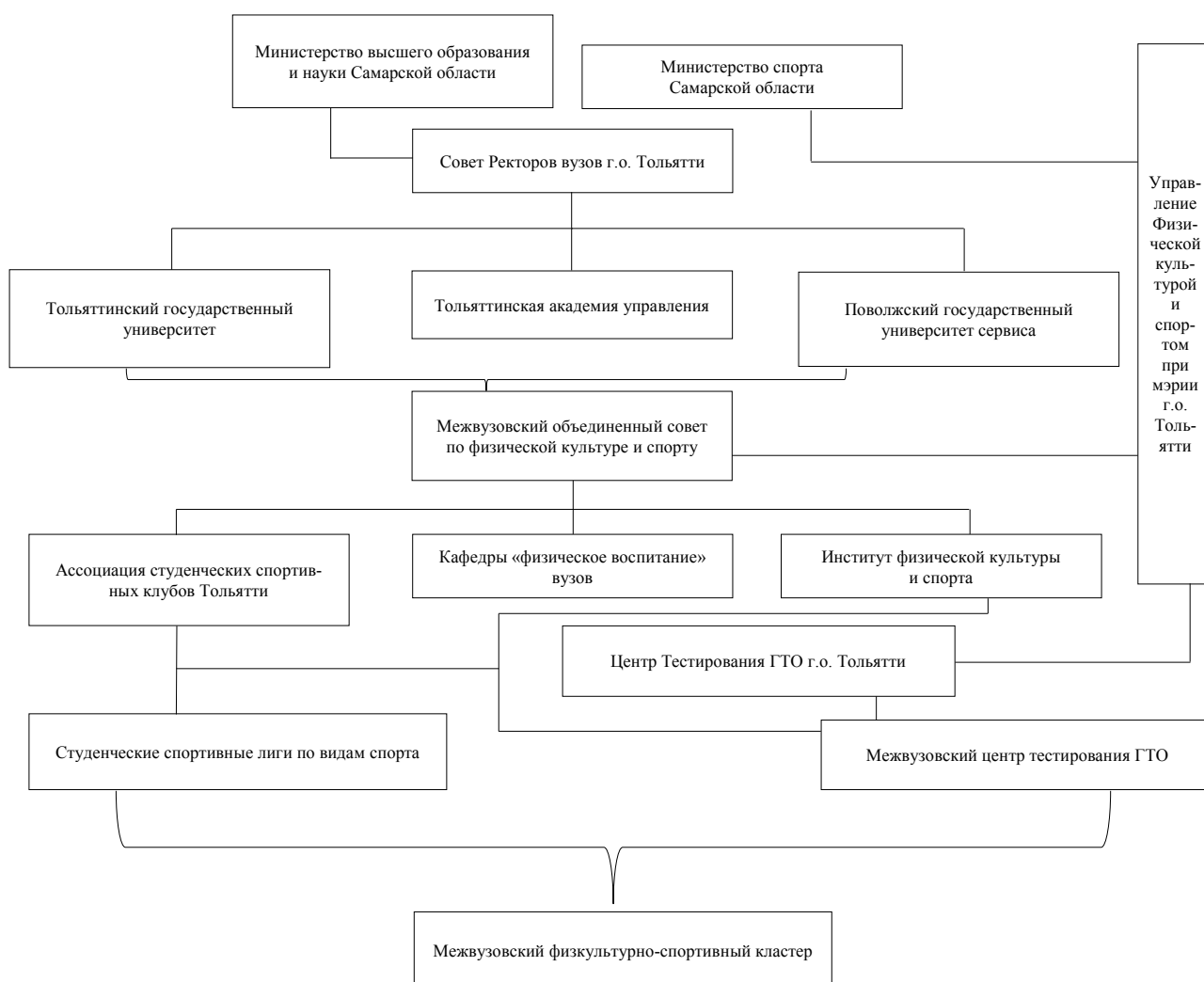

Рис. 3. Схема организации объединенного межвузовского физкультурно-спортивного кластера г.о. Тольятти

Сотрудниками кафедры «Физическая культура» ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления», «Физическое воспитание» ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» и ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» была представлена структура организации «Объеди-

ненный межвузовский физкультурно-спортивный кластер» (рис. 3) [7–9].

Практические рекомендации. Создание объединенного физкультурно-спортивного кластера государственных, негосударственных профессиональных образовательных организаций и образовательных орга-

низаций высшего образования и спортивных студенческих клубов позволит:

1) провести научное исследование и социологический опрос для определения степени вовлеченности и спектра индивидуальных потребностей (мотивации) в занятия физической культурой и спортом студентов вузов и ссузов г.о. Тольятти, также факторов, препятствующих развитию студенческого спортивного движения;

2) организовать масштабную информационно-коммуникационную кампанию, направленную на: формирование в среде студенческой молодежи новой культуры отношения к физическому развитию и массовому спорту (в том числе ВФСК «ГТО»); создание системы индивидуальной мотивации к регулярным занятиям физическими упражнениями, информирование о физкультурных, спортивных мероприятиях и деятельности физкультурно-спортивных организаций; развитие различных способов сотрудничества студенческих спортивных клубов со средствами массовой информации, в том числе студенческими СМИ, а также создание и продвижение в системе студенческого спорта специализированных интерактивных продуктов, актуализированных для их восприятия как в профессиональном сообществе, так и в молодежной среде;

3) совершенствовать нормативно-правовые основы системы студенческого спорта посредством разработки новых и внесения изменений в действующие локальные акты организаций профессионального и высшего образования; разработки предложений по

совершенствованию использования существующих бюджетных источников финансирования студенческого спорта и оздоровления обучающихся образовательных учреждений; обеспечения системы студенческого спорта физкультурной и спортивной инфраструктурой через развитие и эффективное использование существующей материально-технической, санаторной и оздоровительной базы как государственных, так и негосударственных профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования;

4) создать научно-методический совет кафедр физического воспитания и физкультурно-спортивных студенческих клубов вузов и ссузов г.о. Тольятти с целью внедрения инновационных разработок в практическую деятельность образовательных организаций; апробации различных методик организации спортивно-массовой работы со студентами (в том числе с ограниченными возможностями здоровья) на основе опыта ведущих вузов страны; развития кадрового потенциала системы студенческого спорта посредством разработки и внедрения программ переподготовки и повышения квалификации в области физической культуры и спорта; совершенствования технологий инклюзивного образования студентов посредством адаптации федеральных государственных образовательных стандартов по дисциплинам (модулям) по физической культуре и спорту, системы студенческих соревнований, ВФСК «ГТО» под потребности студентов, относящихся к различным нозологическим группам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Предложения по внесению изменений в текст стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://minsport.gov.ru/.../Предложения-по-внесению-изменений-в-текст-Стратегии.pdf> (дата обращения: 13.10.2018).
2. Приказ о плане мероприятий по реализации Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года от 14 марта 2016 г. № 245. URL: <http://www.minsport.gov.ru/documents/ministry-orders/29672/> (дата обращения: 10.08.2017).
3. Приказ «Об утверждении Положения об управлении реализацией Федеральной целевой программы “Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2016–2020 годы”» от 6 мая 2015 г. № 505. URL: <http://www.minsport.gov.ru/documents/ministry-orders/27545/> (дата обращения: 27.09.2018).
4. Кувшинов О.Н., Усачев Н.А., Сурнин Д.И. Мониторинг вовлеченности студентов Поволжского государственного университета сервиса в дисциплину «Физическая культура и спорт» // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2017. № 2 (144). С. 110–115.
5. Официальный сайт департамента физической культуры и спорта г.о. Тольятти. URL: <http://tgl-sport.ru/> (дата обращения: 06.11.2018).
6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 01.10.2018).
7. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет». URL: <http://www.tltsu.ru/> (дата обращения: 12.10.2018).
8. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса». URL: <http://www.tolgas.ru/> (дата обращения: 12.10.2018).
9. Официальный сайт ЧОУ ВО «Тольяттинская академия управления». URL: <http://www.taom.ru/> (дата обращения: 12.10.2018).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 3 апреля 2019 г.

Problems and Prospects of the Development of the Physical Education System in the Universities of Togliatti

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 206–211.

DOI: 10.17223/15617793/444/26

Dmitry I. Surnin, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: surnindima@gmail.com

Nikolay A. Usachev, Togliatti Academy of Management (Togliatti, Russian Federation). E-mail: usachev24.12@mail.ru

Keywords: physical culture and sport; students; “GTO”; university; Universiade in Togliatti; sports cluster; student sports movement; system of physical education.

The aim of the study was to substantiate the need to create an inter-university sports cluster. To achieve this aim, the following objectives were set: (1) to review legal documents regulating the development of the system of physical education in the structure of higher education, student sports (including adaptive ones) at the present stage; (2) to analyze the involvement of Togliatti students in physical culture and sports (including adaptive ones) on the basis of documents of official statistics; (3) to develop practical recommendations for the creation of an inter-university system of physical education and student sports (including adaptive ones). The

study had four stages. At the first stage (September–December 2017), the normative legal acts of the federal and regional levels and local acts of individual universities regulating the development of the system of physical education in the structure of higher education were studied. At the second stage (January–February 2018), using the methods of mathematical statistics, the annual federal reports of the Department of Physical Culture and Sports of Togliatti (Form 1 – FK, Form 3 – AFK, Form 3 – GTO) for 2014–17 were analyzed. At the third stage (March 2018 – February 2019), the factors hindering the development of the system of physical education in the universities were identified; the development programs of physical culture and sports of Togliatti universities were studied; a model for creating an inter-university sports cluster was proposed. At the fourth stage (March 2019), practical recommendations for Togliatti universities were formulated aimed at the improvement and development of the system of physical education and student sports (including adaptive ones). The results of the study show that, according to the federal statistical reports, there is a downward trend in the number of participants in the Universiade of Togliatti, from 898 people in 2014 to 453 people in 2017. There is a regular decrease in the total number of people engaged in physical culture and sports in Togliatti, both in general and in its single universities, which contradicts the main goals and guidelines.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2014) *Predlozheniya po vneseniyu izmeneniy v tekst strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Suggestions for amending the text of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2020]. [Online] Available from: <http://minsport.gov.ru/function/wp-content/uploads/2014/11/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D0%BE-%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B2-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82-%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf>. (Accessed: 13.10.2018).
2. Russian Federation. (2016) *Prikaz o plane meropriyatiy po realizatsii Strategii razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda ot 14 marta 2016 g. № 245* [Order No. 245 of March 14, 2016, on the action plan for the implementation of the strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2020]. [Online] Available from: <http://www.minsport.gov.ru/documents/ministry-orders/29672/>. (Accessed: 10.08.2017).
3. Russian Federation. (2015) *Prikaz "Ob utverzhdenii Polozheniya ob upravlenii realizatsiei Federal'noy tselevoy programmy "Razvitie fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii na 2016–2020 gody" ot 6 maya 2015 g. № 505* [Order No. 505 of May 6, 2015, On Approval of the Regulation on the Management of the Implementation of the Federal Target Program "Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for 2016–2020"]. [Online] Available from: <http://www.minsport.gov.ru/documents/ministry-orders/27545/>. (Accessed: 27.09.2018).
4. Kuvshinov, O.N., Usachev, N.A. & Surnin, D.I. (2017) Monitoring вовлеченности студентов Поволжского государственного университета сервиса в дисциплину "Физическая культура и спорт" [Monitoring the involvement of students of the Volga State University of Service in the discipline "Physical Culture and Sports"]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2 (144). pp. 110–115.
5. *The official website of the Tolyatti Department of Physical Culture and Sports*. [Online] Available from: <http://tgl-sport.ru/>. (Accessed: 06.11.2018). (In Russian).
6. *The official website of the Federal State Statistics Service*. [Online] Available from: <http://www.gks.ru>. (Accessed: 01.10.2018). (In Russian).
7. *The official website of Togliatti State University*. [Online] Available from: <http://www.tltsu.ru/>. (Accessed: 12.10.2018). (In Russian).
8. *The official website of the Volga Region State University of Service*. [Online] Available from: <http://www.tolgas.ru/>. (Accessed: 12.10.2018). (In Russian).
9. *The official website of Togliatti Academy of Management*. [Online] Available from: <http://www.taom.ru/>. (Accessed: 12.10.2018). (In Russian).

Received: 03 April 2019

В.И. Терентьев

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ МОНГОЛИИ

Рассматриваются основные проблемы преподавания истории по российским образовательным программам в школах, расположенных за рубежом. На примере Монголии обозначена актуальная задача адаптации учебного материала в соответствии с этнокультурными особенностями и национальной спецификой государства. Решение данной задачи автор видит в интеграции материала по истории страны, в которой находится российская школа, в рабочую программу по учебной дисциплине «История». Приводятся гипотетические последствия преподавания российской истории как истории чужого государства.

Ключевые слова: Монголия; Россия; преподавание истории; система образования.

В условиях преподавания истории по российским образовательным программам в школах за рубежом требуется более адекватная подача учебного материала. Необходима адаптация программ к этнокультурному и национальному окружению, а в идеале – корректировка всех учебных программ по гуманитарным предметам или как минимум по истории. Актуальность заявленной темы также отчасти соприкасается с гипотетически возможным введением в российских школах обязательного ЕГЭ по истории, что приведет к дополнительной нагрузке не только на учителей-предметников, но и на детей, заставит их быть более внимательными в отношении данной учебной дисциплины.

Логично под «русской школой» подразумевать учебное заведение, реализующее российские образовательные программы в сфере общего образования. Данное учреждение может располагаться за пределами Российской Федерации. Именно по отношению к ним в отечественной практике в последние годы стало употребительно имеющее в названии некий национальный оттенок словосочетание «русская школа» (ср.: «еврейская школа», «татарская школа»). Толкование данной дефиниции представлено в Концепции «Русская школа за рубежом», принятой президентом РФ В.В. Путиным в 2015 г. По сути, в трактовке этого понятия национальный оттенок не прослеживается, акцент ставится на преподавании на русском языке. Концепция под «русскими школами» понимает «специализированные структурные образовательные учреждения в загранучреждениях МИДа России», определяемые нами как «русские школы», «образовательные организации, созданные в соответствии с международными договорами Российской Федерации», и «иностранные организации, осуществляющие образовательную деятельность полностью или частично на русском языке и / или в соответствии с ФГОС» [1].

Сегодня история в российской школе за рубежом не только учениками, но и некоторыми учителями других предметов воспринимается как «устный урок», на котором не требуется особая самоотдача ученика, а отрицательная оценка по нему в принципе невозможна и выглядит нелепо. Максимальный акцент в процессе обучения, особенно начиная с 9-го класса, ставится на тех предметах, по которым предстоит сдача ЕГЭ. В первую очередь, это обязательные русский язык и математика, во вторую – предметы по выбору.

Задача – получить высокий балл на экзамене, а не овладение материалом обретает свою специфическую принципиальность в атмосфере российских школ, расположенных в Монголии. Здесь хороший показатель на выпускных испытаниях, а именно наличие не более двух оценок «3» в аттестате – непереносимое условие попадания в кандидаты на получение квоты на бесплатное обучение в российских вузах.

Конкурс на бесплатные российские квоты остается не высоким – примерно 2 человека на место. Тенденция сохраняется с 2005/06 учебного года [2. С. 110]. Данный факт говорит о низком спросе на российское образование в Монголии в отличие от японского, китайского, корейского и т.п. Из 9,5 тыс. монгольских студентов, обучающихся за рубежом, 2,3 тыс. обучаются в КНР, в России – 1,3 тыс. [3. С. 134]¹. Несмотря на то, что количество квот увеличилось с 270 мест в 2011 г. до 450 в 2017 г. [5. С. 21], среди иностранных языков русский в Монголии занимает 6-е место по количеству изучающих его после английского, китайского, японского, корейского и турецкого [6. С. 14].

Характеристика монгольской системы образования. По монгольскому закону «Об образовании» 1991 г. право создавать образовательные учреждения получили органы местного самоуправления, общественные и иностранные организации, частные лица и фонды [7. С. 157]. Это привело к появлению в Монголии целой группы активных инвесторов из Японии, Южной Кореи, США, Китая, Европейского Союза (Великобритании, Германии) и ряда организаций: Международный валютный фонд, Всемирный банк, Азиатский банк развития, ЮНИСЕФ. В общей сложности в процессе поддержки проектов развития монгольского образования в 1990-е гг. ими было выделено 2,6 млрд долл. США [8. С. 244]. Западные консультанты вполне определенно отмечали главное в своей деятельности: «демонтаж социалистической системы образования [и] переориентация населения с социалистических на капиталистические идеалы демократии» [2. С. 110].

Логика событий привела к тому, что в 2015–2017 гг. почти все средние школы Монголии были перепрофилированы на Кембриджский стандарт. Несколько лет назад правительством было анонсировано получение соответствующей аккредитации международного образца [9. С. 137], но полный переход, как отмечал в январе 2019 г. депутат Великого государственного хурала Н. Учрал, к настоящему времени не

состоялся [10]. На практике реформа образования привела к появлению в Монголии школ с самыми разнообразными стандартами образования: государственным монгольским, «кембриджско-монгольским», кембриджским, китайским, немецким, корейским, российским.

До 2005 г. в Монголии существовал 10-летний срок обучения в школе, в первый класс принимали официально с 8 лет. В 2005 г. страна перешла на 11-летний срок обучения, а с 2008 г. – на 12-летний срок. Среди причин увеличения срока обучения указывались «мировая тенденция увеличения срока общего образования... исследование о том, что более раннее поступление в школу для детей является основой успешного усвоения учебных дисциплин и общего развития» [7. С. 159]. Стоит сказать, что при общей коммерциализации системы образования в Монголии сюда можно отнести и лоббирование интересов представителей бизнеса, для которых дополнительный год обучения – это возможность получения внеочередной прибыли. Образовательный бизнес – одно из перспективных направлений предпринимательства в современной Монголии. Из 798 школ, насчитывающихся в стране в 2017/18 учебном году, 652 государственные и 146 – частные. В столице (г. Улан-Батор) 241 школа: 134 и 107 соответственно [11]. В среднем в одном классе столичной государственной школы обучается по 40–60 учеников. Низкое качество и успеваемость учащихся в переполненных классах вынуждают родителей изыскивать средства на обучение ребенка в частной школе. Цена в подобных учреждениях колеблется от 3–4 до 15–20 млн тугр. (от 75 до 500 тыс. руб.) в год. Эта сумма больше, чем в частных вузах страны, доля которых в системе высшего образования Монголии составляет примерно 80%.

На 2019 г. в Монголии от всего богатого советского образовательного наследия осталось только три средних общеобразовательных школы, осуществляющих свою деятельность полностью по российским образовательным программам. По некоторым сведениям, в 2012 г. таких школ насчитывалось 16 [12. С. 109], но, вероятнее всего, количество было несколько завышено и не соответствовало действительности. Сегодня к этим школам относятся Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова (1 295 учащихся), средняя общеобразовательная школа при Посольстве РФ в Монголии (г. Улан-Батор, 480 учащихся) и школа № 19 в г. Эрдэнэт (филиал МБОУ «Кяхтинская СОШ № 4, 425 учащихся»)². Из указанного числа особым статусом обладает СОШ, являющаяся структурным подразделением Посольства РФ в Монголии и ведомственно относящаяся к МИДу. Данная школа нацелена, в первую очередь, на предоставление образования детям сотрудников дипмиссии, но в Улан-Баторе подавляющую часть среди учеников составляют монголы (466 из 700). Все перечисленные организации работают исключительно по российским лицензиям, история преподается в 5–11-х классах по 2 ч в неделю. Выпускники, как и все российские школьники, обязаны сдавать ЕГЭ, но большинство 11-классников делают это только для приобретения аттестата, поскольку они еще задолго до сда-

чи ЕГЭ получили квоты на бесплатное обучение в одном из российских вузов. При квотной системе все сложности, связанные с госэкзаменом, обесмысливаются.

Частично реализуют адаптированные российские образовательные программы еще семь школ. Выражаю здесь предельно условно, поскольку большинство из ниже перечисленных образовательных организаций (за исключением СМРШ № 3 и «Радуги») имеют тенденцию к превращению в обычные монгольские средние школы. Согласно требованиям обновленных государственных законов Монголии «Об образовании» (2002 г.) и «О начальном и среднем образовании» (2002 г.), школы с монгольской лицензией обязаны иметь в своем педагогическом составе 70% учителей – граждан Монголии и 30% иностранцев. При подобном процентном соотношении практически невозможно выстроить образовательный процесс в соответствии с российскими образовательными программами. Крупнейшая среди таких школ – Совместная монголо-российская школа (СМРШ) № 3 (2 182 ученика), имеющая российскую и монгольскую лицензии. Остальные частные школы: «Русский лицей им. Ю.А. Гагарина» (сведения по количеству обучающихся отсутствуют), «Радуга» (225 учащихся), «Galaxy» (155 учащихся), «Русская гимназия» (57 учеников), начальные школы «Кириллица» (85 учеников) и «Ромашка» (67 учеников) – имеют только монгольскую лицензию. В школах рассматриваемой группы история преподается в 6–12-х классах по 1 ч в неделю. Крайне сложно именовать их «русскими» или «русскими», пытаясь встроить их в логику утвержденной президентом РФ в 2015 г. Концепции «Русская школа за рубежом», несмотря на «частичное» преподавание на русском языке. Сама степень этой частичности, ее качественно-количественное выражение (часы / предметы) в Концепции не оговариваются, что дает подобным школам возможность афишировать себя как «русские».

Проблема преподавания всемирной истории. Существующее популярное мнение, будто «историю пишут победители», спорно. Получается, что историю проигравших должен писать кто-то посторонний, но опыт национальной историографии Второй мировой войны, например, в ФРГ, говорит об обратном (см.: [13]). Взяв в руки российские учебники истории, монгольский школьник, конечно, может задаться вопросом: «Кто кого победил?» Ведь в российской системе образования мировая история в 5–9-х классах изучается с позиций западноевропейской системы ценностей и взглядов. История Латинской Америки, Африки, Океании и, что самое главное для нас, Азии остается на периферии. Параграфы, посвященные истории перечисленных регионов, находятся в конце учебников.

Здесь формируется первая проблема: актуализация и встраивание истории страны, в которой находится российское образовательное учреждение, в общий учебный материал. В нашем случае этого требуют и сами монгольские школьники, обладающие достаточно развитой гражданской и национальной идентичностью, четко определяющие себя как граждане Монголии, непод-

дельно интересующиеся своим прошлым и гордящиеся им. В моей практике дети уже в 5-м классе спрашивают о том, когда будет изучаться история Монголии?

Во всех иностранных школах страны обязательным требованием является преподавание монгольских дисциплин: монгольского языка, монгольской литературы, старомонгольской письменности и истории Монголии, но качество и содержание преподавания истории родной страны разнятся. В нашем образовательном учреждении история Монголии изучается в 9-м классе 1 ч в неделю (всего 34 ч). Нельзя утверждать, что этого достаточно для постижения всей глубины и сложности национальной истории. К сожалению, у учеников в переходном возрасте возникают иные проблемы. Интерес к истории своей Родины несколько угасает, но не исчезает полностью.

Известны случаи, когда в престижных школах Улан-Батора, осуществляющих свою деятельность по Кембриджским образовательным стандартам, отсутствуют учебники по истории Монголии, а сам предмет преподается иностранцами, хотя подразумевается его преподавание на родном языке. Ученики, планирующие дальнейшее обучение за границей (а именно такие преимущественно и обучаются в иностранных школах), имеющие правительственные квоты на бесплатное обучение в зарубежных вузах, не заинтересованы в сдаче монгольского аналога ЕГЭ – Единого вступительного экзамена (ЕВЭ). У выпускников школ мотивация отсутствует, поскольку сдача ЕВЭ обязательно требуется от тех, кто обучается в школах, имеющих монгольскую лицензию. К ним относятся и зачастую некорректно называемые «русские школы», перечисленные выше, поэтому больше внимания в них уделяется родному языку. Также ЕВЭ сдают те, кто планирует поступать в монгольские вузы. По указанным причинам школьники, получающие образование в учебных заведениях с иностранной лицензией, не заинтересованы в изучении монгольского языка, литературы и старомонгольской письменности, из которых комплексно состоит ЕВЭ. Иной вектор мотивации формирует и определенный характер гражданской идентичности у монголов по паспорту, но иностранцев по душе.

Начиная уже с 5-го класса, указанная проблема, связанная с желанием детей изучать родную историю, разрешается при преподавании предмета не как процесса, лежащего в одной плоскости, а путем формирования у ребенка понимания истории как пространства процессов. Так история Монголии начинает осваиваться с 5-го класса через аналогии.

Несмотря на общекультурный, цивилизационный характер учебного материала по истории Древнего мира, на уроках, посвященных таким выдающимся полководцам, как, например, Александр Македонский, 10–11-летние дети сравнивают его завоевательные кампании с деятельностью Чингисхана. Сама постановка детьми вопроса о месте Монголии в общемировых процессах прошлого и постоянная отсылка большинства учеников к личности Чингисхана в ходе рассмотрения различных исторических фигур древности (несмотря на то, что хан – персонаж средневековый) говорят о высокой роли исторического сознания, значимости историко-культурной идентичности, ре-

флексивном восприятии учебного предмета «История» и желании видеть величие и доминирование своей страны, встроенным в общемировую фабулу.

При преподавании истории в 5-м классе важна компетенция учителя не как педагога, а как историка, знакомство его, в первую очередь, с археологическими артефактами. Дописьменной истории в 5-м классе отводится 7–8 уроков – практически весь первый месяц обучения. При изучении истории первобытного общества приводятся археологические примеры стоянок древнего человека, археологических находок и наскальной живописи, но все они территориально далеки от Монголии, которая сама богата артефактами. Параллельное рассмотрение монгольской археологии поможет применить полученные из учебника знания на практике. Каждый ученик может почувствовать себя связанным с древностью. Для понимания образа жизни бродячего охотника-собирателя каменного века, знакомства с животным миром древней территории Монголии и реальными местонахождениями стоянок древнего человека на уроках ученикам предлагаю авторское задание в форме настольной игры «Каменный век Монголии». В ходе его выполнения ученики в роли охотников-собирателей поочередно перемещают по игровому полю (по карте Монголии с обозначенными на ней стоянками древнего человека) фишки и собирают основные ресурсы (дерево, камень, шкуры, мясо), охотятся на типичных представителей плейстоценовой фауны Монголии. Благодаря игре (адекватной для пятиклассников форме) изучение дописьменного периода монгольским ученикам становится понятнее.

В 6-м классе при изучении феодализма ключевым понятием выступает земля как собственность. На уроках в качестве аналога западноевропейской земли можно приводить скот, определявший характер «феодалных» (условное название) отношений в Монголии. Он, как и земля в Западной Европе, передавался в условное пользование, был мерой достатка и состояния человека.

Казалось бы, что эпоха Нового времени, изучаемая в 7–8-х классах, не коснулась Монголии, но именно при рассмотрении этого исторического периода нам пригодится опыт Чингисхана по созданию Монгольской империи – первого глобализационного проекта, мира, который иногда называют *Pax Mongolica*. В Новое время благодаря Великим географическим открытиям стал складываться мировой рынок. Мир постепенно начинает превращаться в глобальную систему. Именно для понимания масштаба процессов школьникам необходимо приводить указанные аналогии. Как в эпоху Великих географических открытий европейцы расширили свои представления о мире, так и во время завоеваний XIII в. монголы вышли за пределы центральноазиатских степей. Если в предыдущих классах использовались синхронные аналогии, то здесь – аналогия в диахронном аспекте.

Всемирная история XX в., изучаемая в 9-м классе, уже максимально тесно взаимосвязана с историей Монголии, России и Советского Союза. Это первая причина, по которой не возникает проблем с ее преподаванием. Вторая причина – параллельное преподавание истории Монголии.

Проблема преподавания истории России. В курсе истории России изучается история нашего Отечества. По ФГОС второго поколения педагоги в результате освоения основной образовательной программы обязаны формировать у учеников «российскую гражданскую идентичность, патриотизм, уважение к своему народу, чувство ответственности перед Родиной» и т.д. [14. С. 4]. В условиях зарубежной школы данное положение ФГОС требует особого творческого понимания.

В российской школе за рубежом учитель не должен забывать, что он преподаёт иностранную, для большинства школьников, историю как свою. Если другие учебные дисциплины не столь сильно зависят от национального контекста региона, в котором находится образовательное учреждение, то учителю истории сложнее в выстраивании учебного материала. Мы помним, что уклад школьной жизни по ФГОС должен учитывать историко-культурную и этническую специфику региона и строится на основе базовых национальных ценностей российского общества [Там же. С. 31].

В курсе истории России ученики знакомятся с Монголией в ходе тем, посвящённых нашествию на Русь монгольских воинов и последующим социально-экономическим, политическим и культурным взаимоотношениям между Золотой Ордой и русскими княжествами. Согласно современным требованиям в практике школьного преподавания отошли от термина «татаро-монгольское иго», заменив его «ордынским владычеством». Если в атмосфере современной российской действительности это связано с государственно-политическим заказом, то в обстоятельствах преподавания монгольским школьникам нам невозможно дистанцироваться от конкретно-личностного восприятия данных тем, являющихся основами современного монгольского национального самосознания. Здесь нужно больше заострять внимание учеников не на истории кровавых военных столкновений и уничтожении русских городов, в чем в то время преуспевали и сами русские князья, а на этнокультурном взаимодействии представителей двух иных миров, взаимно обогащавших друг друга.

Большой период отечественной истории XX в. связан с изучением Великой Отечественной войны, Советского Союза, формированием блока социалистических стран. Но современным монгольским школьникам события нашей войны представляются столь же отдалёнными, сколь и перипетии Столетней войны XIV–XV вв. Актуализировать историю XX в. способно обращение к синхронной монгольской истории, а это война на р. Халхин-гол 1939 г. и Освободительная война лета 1945 г.

В ходе столкновений с милитаристской Японией на р. Халхин-гол крепло боевое братство наших народов, воспитывалось чувство солидарности, взаимопонимания и взаимовыручки. Участие Монголии в военных конфликтах XX в. не ограничилось только сражениями против японских частей. Монголия принимала участие в войне против нацистской Германии. В ходе рассмотрения этих важнейших для новейшей истории событий детям необходимо уяснить синхронность процессов.

Осознание причин конфликта на р. Халхин-гол станет основой для понимания причин и содержания Второй мировой войны, частью которой является Великая Отечественная война, а также характера советско-монгольских взаимоотношений на всем протяжении XX в.

Вместо заключения. Преподавая историю России в наших условиях, можно получить три результата. Во-первых, замещение истории своей страны историей соседнего государства, что ведет к размыванию гражданской и национальной идентичностей. Во-вторых, неприятие чужой истории или осознание своего культурного превосходства, что потенциально может стать причиной формирования этнонационализма. В-третьих, формирование исторического мышления, принципа историзма и представления о включенности истории Монголии в общемировой исторический процесс. В нашей педагогической деятельности мы ориентируемся на третий результат. Ведь на уроках истории мы воспитываем граждан Монголии – страны, которая доверила нам обучение и воспитание подрастающего поколения в лучших традициях российского и монгольского образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По официальным данным Министерства образования КНР, в Китае в 2012 г. обучалось 8 210 монгольских студентов, в 2014 г. – 7 920, в 2015 г. – 7 428. В 2010/11 учебном году в российских вузах обучалось 3 120 студентов из Монголии [4. С. 180].

² Сведения по количеству учащихся взяты из официального отчета Министерства образования, науки, культуры и спорта Монголии за 2017/18 учебный год [11]. Сведения по учащимся филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова взяты из отчета за 2018-й календарный год.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция «Русская школа за рубежом». Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/50643> (дата обращения: 27.03.2019).
2. Супрунова Л.Л. Образование в Монголии: трудности и достижения переходного периода // Педагогика. 2006. № 2. С. 101–112.
3. Батаа Н., Рулиева Л.Н. Модернизация высшего образования в Монголии: достижения и проблемы // Ценности и смыслы. 2016. № 5 (45). С. 130–136.
4. Журавлева Е.В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 1. С. 171–192.
5. Будаева Т.Ч. О проблематике и перспективах продвижения российского образования в Монголии // Российское образование за рубежом: традиции, современность и перспективы : материалы науч.-практ. конф. (Улан-Батор, 16–17 марта 2017 г.) / редкол.: Н.В. Фалилеева, Н.В. Самсонова, Т.А. Витульева. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. С. 20–27.
6. Фалилеева Н.В., Филин С.А., Дугаржав Л., Ерофеева И.А. Проблемы взаимодействия России и Монголии в сфере образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность России. 2013. № 12 (201). С. 10–22.
7. Бариушанов Н. Этапы реформирования начальной школы Монголии // Наука и школа. 2017. № 2. С. 156–162.
8. Осодоева О.А., Санжина О.П., Багинова В.М. Особенности формирования рынка образовательных услуг Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 2а. С. 242–247.

9. Бариушанов Н. Современные проблемы модернизации школьного образования в Монголии // Преподаватель XXI век. 2013. № 2. С. 136–138.
10. Энхцэцэг М. Учрал Н.: Цэцэрлэг болог бага ангиин багш нар хамгийн өндөр цалинтай байна // Монголын Үнэн. 21.01.2019. № 013.
11. Статистическая информация по общему образованию за 2017–2018 уч.г. от 04.06.2018 г. Сайт Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии. URL: <https://mecss.gov.mn/media/uploads/4667d4ae-37e0-443c-9cd3-02ab323da156.pdf> (дата обращения: 31.01.2019).
12. Лувсанцэрэнгийн Д., Филин С.А. Монголия: позитивное влияние русского языка и российской педагогической школы // Педагогика. 2018. № 11. С. 106–115.
13. Преподавание военной истории в России и за рубежом / под ред. К.А. Пахалюка. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 432 с.
14. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. 2012 г. URL: <https://минобрнауки.рф/документы/2365> (дата обращения: 26.01.2019).

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 12 апреля 2019 г.

The Specifics of Teaching History in Russian Schools in Mongolia

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 212–216.

DOI: 10.17223/15617793/444/27

Vladislav I. Terentyev, Plekhanov Russian University of Economics, Ulaanbaatar Branch (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: vlad33@bk.ru

Keywords: Mongolia; Russia; teaching history; education system.

On the example of Mongolia, the article addresses the problem of teaching history according to Russian educational standards in foreign schools, whose students perceive the discipline taught as a history of foreign states. A systemic approach is used as the methodological basis of the study. This approach considers the education system as a multi-level integrated complex of interrelated phenomena. The methodology of the study is personal active observation, analysis of statistical data and the regulatory framework, analysis and synthesis. The article notes the tendency of reduction of the Russian educational system in Mongolia. The specific number of students enrolled in schools that fully carry out Russian educational programs and the number of schools that partially teach academic subjects in Russian are given. The essence of the problem stated in the article is that starting from Grade 5 children are interested in the history of their country, which will only be taught in Grade 9. For this reason, the only way to motivate students to study foreign history is the method of analogy: a parallel comparison of universal and Russian history with the history of Mongolia. With this approach, children will form an idea of history as a space of processes rather than as a process lying in one plane. In the Russian history course, which is taught to foreign children inadequately as the history of their homeland, it is necessary to creatively interpret the model and the results dictated by the federal state educational standard of the second generation. According to the standard, the teacher should form a Russian civil identity among citizens of Mongolia. The teacher must take into account the historical, cultural and ethnic qualities of the region. There can be three results from teaching Russian history abroad. The first is the replacement of their own history with the history of the neighboring state. This will lead to the erosion of civic and national identities. The second is the rejection of a foreign history or the comprehension of their own cultural superiority. This could potentially lead to the formation of ethnic nationalism. The third is the formation of historical thinking, the principle of historicism and the understanding of Mongolian history as part of the global historical process. While working abroad, the teacher is obliged to focus on the third result. Ultimately, in practice, in history lessons, Russian teachers educate citizens of Mongolia.

REFERENCES

1. Kremlin.ru. (2015) *Kontseptsiya “Russkaya shkola za rubezhom”* [The concept of a “Russian school abroad”]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/acts/news/50643>. (Accessed: 27.03.2019).
2. Suprunova, L.L. (2006) *Obrazovanie v Mongolii: trudnosti i dostizheniya perekhodnogo perioda* [Education in Mongolia: Difficulties and achievements of the transition period]. *Pedagogika*. 2. pp. 101–112.
3. Bataa, N. & Ruliene, L.N. (2016) Modernization of the higher education in Mongolia: achievements and problems. *Tsennosti i smysly*. 5 (45). pp. 130–136. (In Russian).
4. Zhuravleva, E.V. (2018) Applied Analysis of the Soft Power of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy – International Organizations Research Journal*. 13 (1). pp. 171–192. (In Russian).
5. Budaeva, T.Ch. (2017) [On the problems and prospects for the promotion of Russian education in Mongolia]. *Rossiyskoe obrazovanie za rubezhom: traditsii, sovremennost’ i perspektivy* [Russian education abroad: traditions, modernity and prospects]. Proceedings of the Conference. Ulaanbaatar. 16–17 March 2017. Cheboksary: TsNS “Interaktiv plus”. pp. 20–27. (In Russian).
6. Falileeva N.V. et al. (2013) Problemy vzaimodeystviya Rossii i Mongolii v sfere obrazovaniya [Problems of interaction between Russia and Mongolia in the field of education]. *Natsional’nye interesy: prioriteti i bezopasnost’ Rossii*. 12 (201). pp. 10–22.
7. Bariushanov, N. (2017) Stages of reforming the Mongolian primary school. *Nauka i shkola – Science and School*. 2. pp. 156–162. (In Russian).
8. Osodoeva, O.A., Sanzhina, O.P. & Baginova, V.M. (2015) Features of the formation of the market of educational services in Mongolia *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 2a. pp. 242–247. (In Russian).
9. Bariushanov, N. (2013) Sovremennyye problemy modernizatsii shkol’nogo obrazovaniya v Mongolii [Current problems of modernization of school education in Mongolia]. *Prepodavatel’ XXI vek*. 2. pp. 136–138.
10. Enkhtsetseg, M. (2019) Uchral N.: Tsetserleg болог бага ангиин багш нар хамгийн өндөр цалинтай байна [Uchral, N.: Kindergarten and elementary teachers have the highest wage]. *Mongolyn Үнэн*. 21 January. 013.
11. Ministry of Education, Culture, Science and Sport of Mongolia. (2018) *Statisticheskaya informatsiya po obshchemu obrazovaniyu za 2017–2018 uch.g. ot 04.06.2018 g.* [Statistical information on general education for the 2017–18 academic year. 04 June 2018]. [Online] Available from: <https://mecss.gov.mn/media/uploads/4667d4ae-37e0-443c-9cd3-02ab323da156.pdf>. (Accessed: 31.01.2019).
12. Luvsantserengiyin, D. & Filin, S.A. (2018) Mongoliya: pozitivnoe vliyaniye russkogo yazyka i rossiyskoy pedagogicheskoy shkoly [Mongolia: the positive influence of the Russian language and the Russian pedagogical school]. *Pedagogika*. 11. pp. 106–115.
13. Pakhalyuk, K.A. (ed.) (2018) *Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom* [Teaching military history in Russia and abroad]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
14. Russian Federation. (2012) *Federal’nyy gosudarstvennyy obrazovatel’nyy standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya* [Federal State Educational Standard of Secondary (Complete) General Education]. [Online] Available from: <http://www.xn--80achddrlnpe7bi.xn--p1ai/index.php/fgosob.html>. (Accessed: 26.01.2019).

Received: 12 April 2019

ПРАВО

УДК 347

Е.С. Болтанова

ПРОИЗВОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Показана история развития правового регулирования производных финансовых инструментов. Рассматривается современное понимание дериватива, в результате было определено, что он определяется законодателем как договор, предусматривающий одну или несколько названных в ФЗ «О рынке ценных бумаг» обязанностей. Раскрывается классификация деривативов. Дается общая характеристика каждого вида производного финансового инструмента (фьючерса, форварда, опциона, свопа), выделяются их отличительные черты.

Ключевые слова: производный финансовый инструмент; дериватив; фьючерс; форвард; опцион; своп.

Следствием перехода России к рыночной экономике, либерализации товарно-денежных отношений, появления частного собственника, формирования класса предпринимателей стало возрастание рисков. В зависимости от сферы деятельности выделяются различные виды рисков: а) валютные, товарные риски, связанные с неблагоприятным изменением показателей курсов валют и цен на товары; б) риск наступления у контрагента состояния неплатежеспособности и, как следствие, его банкротства; в) риски неисполнения обязательств другой стороной договора; г) риск увеличения процентных ставок и, следовательно, увеличения «стоимости» обслуживания займов и т.д. Кроме того, в условиях рыночной экономики изменение показателей риска прямо пропорционально изменению доходности активов: чем ниже риск, тем ниже доходность и наоборот (например, увеличение вероятности неисполнения обязательств эмитентом облигации влечет рост доходности процентных ставок по облигации (купонного дохода)).

С количественным и качественным изменением рисков в хозяйственный оборот были привнесены «средства (инструменты) управления» таким риском, которые позволили не только его зафиксировать на определенном уровне, но и компенсировать издержки, минимизировать себестоимость и, как следствие, увеличить прибыль от осуществления предпринимательской деятельности. Вслед за развитыми финансовыми рынками Запада в России такими инструментами стали деривативы (далее также – производные финансовые инструменты, срочные сделки).

История развития российского срочного рынка (рынка деривативов) берет начало еще с дореволюционного времени. Уже в тот период вслед за Великобританией, Францией и Германией в России стали появляться биржевые сделки, заключаемые в ходе биржевых торгов, опосредующие поставку товара (сырьевые товары, ценные бумаги) и уплату денежных средств, а также срочные сделки или, как их именovali дореволюционные ученые, «сделки на разницу». Такие сделки заключались, в том числе, в ходе биржевых торгов. Спекулятивный характер подобных сделок, способный разорить любого участника торгов, стал предметом пристального внимания юристов-

теоретиков. В частности, правовая природа сделок на разницу анализировалась в трудах таких известных исследователей, как Г.Ф. Шершеневич, П.П. Цитович, К.С. Победоносцев и иные [1–5]. Их существо описывалось следующим образом.

Стороны могут заключить между собой договор, по которому спустя определенный промежуток времени одна сторона обязуется поставить другой стороне товар, а последняя обязуется уплатить за него согласованную сумму денежных средств. Если к моменту исполнения рыночная цена товара увеличится, то покупатель приобретет товар по цене ниже рыночной. И, соответственно, если рыночная цена снизится, то продавец продаст товар выше рыночной цены. Вместе с тем, если стороны имеют интерес лишь в получении меновой стоимости товара, покупатель, получив такой товар по цене ниже рыночной, тут же продаст его по рыночной цене. Тем самым он получит прибыль. И наоборот, если покупатель, купивший товар по цене выше рыночной, тут же его продаст, то он получит убыток в виде разницы между покупной и продажной ценой. Учитывая исключительно спекулятивный интерес сторон при заключении такого договора, стороны могут не передавать товар, а лишь уплатить денежные средства в зависимости от изменения рыночных показателей товара. Следовательно, если к моменту истечения срока действия договора рыночная цена товара превысит цену, согласованную в договоре, продавец должен будет уплатить покупателю разницу между рыночной и согласованной ценой. И наоборот, если рыночная цена опустится ниже цены, согласованной в договоре, покупатель уплатит продавцу денежные средства. Такой подход позволяет снизить транзакционные издержки, в том числе, за счет экономии времени, снижения расходов по хранению товара, по его транспортировке и т.д.

Помимо изложения общего принципа действия сделок на разницу, дореволюционные исследователи вслед за европейскими авторами задавались вопросом о возможности отнесения таких сделок к числу сделок пари, которым уже в то время отказывали в исковой защите. Известны положения немецкого и французского законодательств, по которым сделкам на разницу отказывалось в предоставлении исковой защиты

[6. С. 15–54]. Аналогичной позиции в то время стала придерживаться и российская судебная практика [7. С. 123].

В советский период ввиду значительного ограничения частной собственности, национализации средств производства, фактического «уничтожения» класса предпринимателей и, как следствие, перехода к административно-командной системе экономики потребность в сделках на разницу отпала сама собой. В этот период времени термины «срочная сделка», «сделка на разницу», «дериватив», «производный финансовый инструмент» в советском законодательстве не встречались, юридические исследования не осуществлялись, срочный рынок не развивался.

Историю современного правового регулирования деривативов принято отсчитывать с начала 1990-х гг. В Законе РФ от 20.02.1992 № 2383-1 «О товарных биржах и биржевой торговле» впервые были использованы термины «опционная сделка», «фьючерсная сделка», «форвардная сделка» (ст. 8). Только в 2009 г. были внесены в этот закон изменения, в результате которых из названного закона были исключены понятия таких сделок, и акцент в правовом регулировании отношений из договоров, являющихся производными финансовыми инструментами, заключаемых на биржевых торгах, был перенесен на положения ФЗ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Особенностью правового регулирования деривативов является базовый характер нормативных актов Банка России. Следует также отметить письмо Государственного комитета по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур 30.07.1996 № 16-151/АК (в настоящее время – ФАС России), в котором содержалось определение трех видов деривативов (форварды, фьючерсы и опционы), а также акты Федеральной комиссии по ценным бумагам (ФКЦБ), функции которой впоследствии перешли к Федеральной службе по финансовым рынкам (ФСФР) и в конечном счете были закреплены за Банком России.

В 2010 г. в ст. 2 ФЗ «О рынке ценных бумаг» появляется легальное определение производного финансового инструмента. Последний определяется как договор, предусматривающий одну или несколько названных в этом ФЗ обязанностей. Казалось бы, четкое отнесение производных финансовых инструментов к числу договоров должно повлечь интерес со стороны цивилистов к этой правовой категории. К сожалению, специальных научных исследований монографического характера по производным финансовым инструментам, их отдельным видам явно недостаточно. При этом правовая квалификация (прежде всего с позиции гражданского права) остается спорной и требует специального анализа. Закрепить, что какое-то действие является договором, еще не значит решить вопрос о применимости конкретных норм, в частности гл. 2 Гражданского кодекса РФ, к возникающим общественным отношениям. Между тем анализ производных финансовых инструментов позволяет увидеть в них (отдельных разновидностях в зависимости от их условий) и традиционные классические гражданско-правовые сделки (договоры купли-

продажи, мены, страхования и др.). Отсюда возникает вопрос о применимости норм об отдельных видах сделок и разрешении возникающих споров на их основе.

В переходный период (1990–2000-х гг.) правовому опосредованию подверглись три вида деривативов: фьючерсы, форварды и опционы (см. ст. 8 ФЗ «О товарной бирже и биржевой торговле», Постановление ФКЦБ от 14.08.1998 № 33). В настоящее время Банк России в указании от 16.02.2015 № 3565-у «О видах производных финансовых инструментов» закрепляет четыре вида деривативов. Помимо вышеуказанных деривативов были добавлены своп-договоры. Появление последних стало следствием развития финансовых рынков, а также широкого распространения своп-договоров в зарубежном и отечественном хозяйственном обороте (что не в последнюю очередь стало следствием развития финансового рынка и увеличения числа сделок секьюритизации активов).

Указанные четыре вида деривативов охватываются понятием «производный финансовый инструмент». С учетом правового регулирования выделяются различные классификации производных финансовых инструментов. Во-первых, по способу исполнения договора деривативы делятся на поставочные и расчетные. Поставочными именуются такие виды деривативов, по которым одна из сторон обязуется передать товар в собственность другой стороны, а другая сторона – уплатить денежные средства. Расчетные деривативы исполняются путем уплаты денежных средств – «разницы», сформировавшейся в результате изменения рыночных показателей базисных активов относительно показателей, зафиксированных в договоре. Такое деление предложено в указании ЦБ России. В юридической литературе обосновывается выделение и расчетно-поставочных деривативов.

Во-вторых, по месту заключения договора деривативы делятся на биржевые и внебиржевые. Биржевые деривативы заключаются в ходе организованных (биржевых) торгов, в связи с чем они базируются на специальных правовых нормам и им свойственны специальный субъектный состав, порядок заключения (на основе встречных биржевых заявок) и процедура разрешения споров (как правило, в третейских судах при организаторах торгов). Внебиржевые деривативы подчиняются общим положениям о свободе договора, к ним не предъявляется требований по субъектному составу, порядку заключения или содержанию условий договора. Такие сделки, как следует из названия, заключаются вне организованных торгов.

В-третьих, по виду базисного актива деривативы делятся на процентные, товарные, индексные, погодные, кредитные, нефтяные, газовые, энергетические. Перечень деривативов в зависимости от разновидности базисного актива не закрытый, рынок производных финансовых инструментов постоянно развивается, что приводит к появлению новых видов срочных сделок. Например, в 2014 г. на Нью-Йоркской фондовой бирже начали заключаться фьючерсы на мощностях по хранению сжиженного природного газа. Указанная классификация деривативов является предметом пристального внимания представителей экономи-

ческой науки, поскольку отражает их экономические характеристики [8].

В-четвертых, в зависимости от групп базисных активов выделяются также товарные (например, газовые, нефтяные деривативы) и финансовые деривативы (например, валютные опционы). Как следует из названия, базисным активом товарных деривативов являются сырьевые товары, а финансовых – финансовые инструменты (ценные бумаги, иностранная валюта и т.д.).

Из всех представленных выше классификаций легальными являются только первая и вторая. Это вполне логично, так как именно эти разновидности деривативов характеризуются специфическим правовым режимом.

Рассматривая отдельные виды деривативов, можно заметить, что наибольшую известность в судебной практике, юридической литературе получили расчетные форвардные договоры. Как следует из названия договора, такой производный финансовый инструмент исполняется путем уплаты денежных средств в зависимости от колебания согласованных в договоре показателей базисного актива. Так, по условиям такого договора, базисным активом которого является ценная бумага стоимостью 50 руб. за бумагу, одна сторона по истечении шести месяцев вправе требовать от другой стороны уплаты денежных средств в размере разницы между рыночной стоимостью ценной бумаги и согласованной ценой, если она окажется выше рыночной. Другая сторона вправе требовать уплаты денежных средств («разницы») при снижении рыночной стоимости по отношению к согласованной цене.

Наиболее распространенными в период становления рыночной экономики в России были валютные форвардные договоры, которыми стороны хеджировали риски изменения курса иностранной валюты. Дефолт августа 1998 г. послужил причиной девальвации рубля (снижения его курсовой стоимости по отношению к иностранным валютам), что, в свою очередь, явилось отлагательным условием, относительно которого отечественные участники гражданского оборота должны были уплатить зарубежным инвестиционным фондам (например, LTCM) значительные суммы денежных средств [9. С. 273–304]. Именно в тот период времени в судебной практике был сформирован подход, по которому расчетный форвард является договором пари и, как следствие, по нему не предоставляется исковая защита [10]. Основанием такого решения судов послужило то, что участники спора не доказали наличие реальной хозяйственной цели сторон договора, что в целом соответствовало подходу зарубежных правовых порядков.

Расчетному форвардному договору противопоставляется поставочный форвард. По условиям этого договора стороны договариваются о поставке товара через определенный промежуток времени по заранее согласованной цене. Исполняется такой договор путем передачи товара в собственность другой стороны.

Фьючерсные договоры так же, как и форвардные договоры, могут порождать обязанности по уплате денежных средств в зависимости от изменения показателей базисных активов либо обязанность по пере-

даче товара в собственность другой стороны. Ключевой особенностью фьючерсного договора, отличающей его от форвардного, является то, что он заключается исключительно в ходе биржевых торгов. Следовательно, другой его стороной во всех случаях является центральный контрагент, а участие в торгах обеспечивается при посредничестве профессионального участника рынка ценных бумаг, как правило, – брокера. Исполнение и прекращение обязательств из фьючерсного договора подчиняется правилам биржевой торговли. В частности, одним из способов прекращения обязательств таких договоров является заключение офсетной сделки, а также проведение неттинга обязательств сторон договора. Помимо того, что порядок совершения указанных сделок, а также исполнения, изменения и прекращения возникающих из них обязательств подчиняется правилам биржевой торговли, условия фьючерсных договоров определяются на основании биржевых спецификаций.

Опционные договоры (опционы) отличаются от вышеприведенных деривативов тем, что в нем только одна из сторон имеет право требовать от другой стороны передачи товара в собственность или уплаты денежных средств в зависимости от изменения показателей базисных активов. Уполномоченная сторона такого договора уплачивает обязанной стороне опционную премию. Договоры могут заключаться как в ходе биржевых торгов, так и вне их. Данное обстоятельство подтверждается анализом котировальных списков и спецификаций ПАО «Московская биржа». Встречаются опционы на акции, облигации, сырьевые товары и иные. В настоящее время опционы нашли отражение в ГК РФ (ст. 429.2, 429.3).

Последним и наиболее сложным видом деривативов является своп. Традиционно отмечается, что указанный договор опосредует обмен либо платежами, либо товарами (в том числе иностранной валютой, ценными бумагами, сырьевыми товарами, например, нефтью, газом, золотом и т.д.) [11. С. 112]. К числу свопов принято относить множество видов деривативов, среди которых наиболее распространенными являются: процентные, валютные, валютно-процентные, кредитно-дефолтные свопы.

По условиям процентного свопа, где фиксируются показатели нескольких процентных ставок, одна из которых всегда «плавающая», а другая, как правило, фиксированная, одна из сторон обязуется уплачивать денежные средства (относительно определенной номинальной суммы), исходя из показателей «плавающей» процентной ставки, а другая – фиксированной. В конечном счете, денежные средства будет уплачивать та сторона, чей показатель процентной ставки в момент платежа окажется выше показателя контрагента. Экономически такие договоры направлены на снижение расходов его стороны по обслуживанию займов или минимизацию рисков изменения процентных ставок.

Валютный своп предусматривает обязанность одной из сторон сначала продать товар (иностранную валюту) другой стороне по заранее согласованной цене, а впоследствии приобрести этот же товар (иностранную валюту) обратно по более высокой цене через определен-

ный промежуток времени. С экономической точки зрения такой своп может быть использован в целях получения «займа», а также извлечения прибыли от спекуляции курсом иностранной валюты.

Валютно-процентный своп включает в себя характеристики как валютного, так и процентного свопа. Совершая сделки по передаче иностранной валюты от одной стороны в пользу другой, стороны обязуются уплачивать друг другу денежные средства в зависимости от изменения показателей базисных активов (процентных ставок). Такой договор может быть использован для минимизации рисков изменения показателей процентных ставок и изменения курсов иностранной валюты.

Кредитно-дефолтный своп является договором, схожим с договором страхования, по которому одна из сторон («покупатель защиты») обязуется уплачивать денежные средства другой стороне («продавец защиты»), а при наступлении кредитного события «прода-

вец» защиты обязуется совершить одно из следующих действий (в зависимости от условий договора): 1) уплатить денежные средства в размере разницы между согласованной ценой актива и его рыночной стоимостью; 2) приобрести актив по цене, заранее согласованной в договоре. Указанный договор с экономической точки зрения позволяет либо извлекать прибыль от наступления кредитного события, либо перераспределять риски наступления кредитного события.

Несмотря на длительный период существования в России срочного рынка, а также его значительную роль в экономике, договоры, охватываемые термином «производный финансовый инструмент», требуют специальных исследований в отечественной цивилистике. Глубокий, всесторонний анализ производных финансовых инструментов способен улучшить гражданско-правовое регулирование этой группы договоров, а также будет способствовать разрешению судебных споров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М. : Статут, 2003. Т. 2.
2. Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права. Киев : Тип. И.Н. Кушнерова и Ко, 1886.
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М. : Зерцало, 2003. Т. 3.
4. Радлов В. Сделки на разность // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 1.
5. Гольмстен А.Х. Очерки по русскому торговому праву. СПб. : Тип. Д.В. Чичинадзе, 1895. Вып. 1.
6. Амбарцумян С.Р. Гражданско-правовое регулирование расчетного форвардного договора : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
7. Кондратьев Д.Л. Как в России биржа строилась. М. : ММВБ, 2001.
8. Джон К. Халл. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты. 6-е изд. Москва ; Санкт-Петербург ; Киев : Вильямс, 2008. 1024 с.
9. Лоран Ж. Опасные игры с деривативами: Полувековая история провалов от Citibank до Barings, Société Générale и AIG. М. : Альпина Паблишер, 2017.
10. Постановление ФАС Московского округа от 10.08.1999 № ГК-А40/2424-99 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2018.
11. Мадагаева Т.Ф. Рисковые и алеаторные договоры в гражданском праве России. 2-е изд., перераб. и доп. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2019 г.

Derivative Financial Instruments: Development of Russian Legislation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 217–221.

DOI: 10.17223/15617793/444/28

Elena S. Boltanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bes2@sibmail.com

Keywords: derivative; futures; forward; option; swap.

The aim of the study was the historical and legal analysis of the development of derivative financial instruments (derivatives) in Russia. The materials of the study were international acts, acts of civil and business legislation of Russia, judicial precedents, scientific literature. To solve this problem, general and specific scientific methods were used: analysis and synthesis, deduction and induction, abstraction, the formal legal method. As a result of the study, it was determined that the derivative is defined by the legislator as a contract providing for one or more obligations listed in the Federal Law “On the Securities Market”. Unfortunately, there is no sufficient complex research on derivative financial instruments and their individual types. At the same time, their legal qualification (primarily in terms of civil law) remains controversial and requires special analysis. To fix that an action is a contract does not mean to solve the question of the applicability of specific rules, in particular Chapter 2 of the Civil Code of the Russian Federation, to the arising public relations. Currently, there are four types of derivatives enshrined in the regulations: futures, forwards, options and swap contracts. The article distinguishes these types. Taking into account the legal regulation, various classifications of derivative financial instruments are identified and considered: supply and settlement, exchange and over-the-counter; interest, commodity, index, weather, credit, oil, gas, energy; commodity and financial derivatives. The article concludes that the history of the Russian derivatives market dates back to the pre-revolutionary period. Back then, exchange transactions, “transactions for difference” began to appear in Russia. The speculative nature of such transactions, capable of ruining any bidder, became the subject of close attention of theoretical lawyers. The second wave of interest in derivatives is associated with the cardinal economic transformations in Russia in the early 1990s. Today, the feature of the legal regulation of derivatives is the basic nature of the regulations of the Central Bank of Russia. The legal framework also consists of acts of specialized bodies. Despite the long period of existence of the derivatives market in Russia as well as its significant role in the economy, the derivative financial instrument requires special research in Russian civil law. An in-depth comprehensive analysis of derivative financial instruments can improve the civil law regulation of this group of contracts and contribute to the resolution of litigation.

REFERENCES

1. Shershenevich, G.F. (2003) *Kurs trgovogo prava* [The course of trade law]. Vol. 2. Moscow: Statut.
2. Tsitovich, P.P. (1886) *Ocherk osnovnykh ponyatiy trgovogo prava* [Essay on the basic concepts of trade law]. Kiev: Tip. I.N. Kushnereva i Ko.
3. Pobedonostsev, K.P. (2003) *Kurs grazhdanskogo prava* [The course of civil law]. Vol. 3. Moscow: Zertsalo.
4. Radlov, V. (1885) *Sdelki na raznost'* [Deals on the difference]. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. 1.
5. Gol'msten, A.Kh. (1895) *Ocherki po russkomu trgovomu pravu* [Essays on Russian trade law]. Is. 1. St. Petersburg: Tip. D.V. Chichinadze.
6. Ambartsumyan, S.R. (2010) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie raschetnogo forvardnogo dogovora* [Civil law regulation of a settlement forward contract]. Law Cand. Diss. Moscow.
7. Kondrat'ev, D.L. (2001) *Kak v Rossii birzha stroilas'* [How Russia built the exchange]. Moscow: MMVB.
8. Hull, J.C. (2008) *Optionsy, f'yuchersy i drugie proizvodnye finansovye instrumenty* [Options, futures and other derivatives]. Translated from English. 6th ed. Moscow; St. Peterburg; Kiev: Vil'yams.
9. Laurent, J. (2017) *Opasnye igry s derivativami: Poluvekovaya istoriya provalov ot Citibank do Barings, Société Générale i AIG* [Global derivative debacles: From theory to malpractice]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.
10. Konsul'tantPlyus. (2018) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 10.08.1999 № GK-A40/2424-99* [Resolution of the Federal Antimonopoly Service of the Moscow district of August 10, 1999, No. GK-A40/2424-99]. Moscow: Konsul'tant Plyus.
11. Madagaeva, T.F. (2013) *Riskovye i aleatornye dogovory v grazhdanskom prave Rossii* [Risk and aleatory treaties in the civil law of Russia]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 26 March 2019

О.В. Ермакова, И.В. Ботвин, А.М. Репьева

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Исследованы действующие нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие принудительные меры воспитательного воздействия. Делается вывод о том, что прошедшие десятилетия свидетельствуют о недостаточной эффективности действующих дефиниций, неразрешенных проблемах закрепления, применения и дифференциации существующих мер освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности. Предлагается инновационная схема, реализация которой позволит государству добиться существенного успеха в консолидировании усилий органов государственной власти, а также социальных институтов и институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий для несовершеннолетнего, находящегося в конфликте с законом.

Ключевые слова: концепция освобождения от уголовной ответственности; принудительные меры; воспитательное воздействие; несовершеннолетний; реформирование.

Проблематика эффективности применения мер воздействия на несовершеннолетнего, совершившего преступление, многогранна и разноаспектна по следующим причинам. Во-первых, понимание правоприменителем их содержательной части вызывает значительные трудности. Во-вторых, следует констатировать отсутствие детального законодательного закрепления понятия, видов и возможностей применения рассматриваемых мер. Таким образом, учитывая вышесказанное, а также общую гуманную направленность уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних [1. С. 183–187], с каждым годом актуальность применения принудительных мер воспитательного воздействия (без наличия судимости у подростка) и, как следствие, их действенность приобретают все большую значимость.

Принудительным мерам воспитательного воздействия посвящены всего две статьи УК РФ (ст. 90–91), закрепляющие основания применения, виды, сроки, а также последствия неисполнения. При этом их законодательная регламентация характеризуется многочисленными пробелами.

Так, в нормах уголовного закона не закрепляется понятие принудительных мер воспитательного воздействия. Основываясь на положениях теории государства и права, дефинитивный аппарат строится на осмыслении категории права с точки зрения совокупности различных подходов: этимологического, научного, системного толкования правовой природы.

Исходя из трактовок, составляющих словосочетание «принудительные меры воспитательного воздействия», обращает на себя внимание, что толкование любого из терминов содержит указание на систематический характер мер. Следовательно, системность должна быть основой всего процесса воздействия на несовершеннолетнего, а также ключевым признаком формулируемого понятия.

Совокупное исследование этимологической характеристики позволило выделить наиболее существенные признаки, присущие категории «принудительные меры воспитательного воздействия»: система мер, исполнение которых обеспечивается силой государства и заключается в оказании влияния на несовершеннолетнего для привития ему конкретных навыков поведения.

Научное сообщество также не пришло к единому мнению по многим вопросам, касающимся познания принудительных мер воспитательного воздействия. Причиной назревшей проблемы видится их неопределенная юридическая природа [2. С. 35–41].

Логично, что разработка подхода к пониманию принудительных мер воспитательного воздействия с формулировкой дефиниции с последующим внесением изменений в законодательство положительно скажется и на содержательном аспекте данных мер, и на их воплощении в жизнь.

С учетом изложенного принудительные меры воспитательного воздействия – это система мер, осуществляемых государственными органами, назначаемых по решению суда, заключающаяся в освобождении от уголовной ответственности несовершеннолетнего с установлением обязанностей или правоограничений для достижения целей его исправления и предупреждения совершения новых преступлений, а также выявления и устранения их причин и условий.

Следуя буквальному толкованию ч. 1 ст. 90 УК РФ, основаниями применения принудительных мер воспитательного воздействия являются:

- 1) совершение преступления небольшой или средней тяжести;
- 2) убежденность суда в том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения указанных мер.

Из данных оснований только первое отличается определенностью и четкостью предъявляемого требования. В свою очередь, второе основание не имеет каких-либо критериев установления и полностью зависит от усмотрения судебных органов [3. С. 113–120].

Таким образом, перечень оснований, представленных в ч. 1 ст. 90 УК РФ, нуждается в конкретизации, поскольку неопределенность предписаний уголовного закона создает предпосылки нарушения принципов законности, справедливости, равенства, а также трудности в правоприменительной деятельности.

В частности, видится необходимым в качестве неотъемлемого основания закрепить возможность назначения принудительных мер воспитательного воздействия только в случае совершения преступления впервые.

Кроме того, существует потребность в законодательном закреплении понятия исправления, являющегося целью применения исследуемых мер. Основываясь на норме, закрепленной в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, предлагаем сформулировать следующее определение: «Исправление без привлечения к уголовной ответственности представляет собой формирование у несовершеннолетнего уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

С учетом изложенного, перечень оснований, требующих закрепления в уголовном законе, представляется следующим образом:

- а) совершение преступления впервые;
- б) совершение преступления небольшой или средней тяжести;
- в) признание возможности исправления без привлечения к уголовной ответственности, т.е. формирование у несовершеннолетнего уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения.

Помимо закрепления последних, пробелом уголовного законодательства в части регламентации принудительных мер воспитательного воздействия следует признать отсутствие перечня тех оснований, которые препятствуют применению данного института, что объясняется следующими причинами.

Во-первых, существующая в настоящая время уголовная политика проявляется в установлении запретов применения отдельных институтов уголовного права (ст. 73, 78, 82, 83, 92 УК РФ и др.) при совершении некоторых видов преступлений, посягающих на наиболее охраняемые ценности. Основываясь на сказанном, а также с учетом законодательного запрета в смежном институте освобождения несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ), считаем возможным заимствовать положения ч. 5 ст. 92 УК РФ, вычленив преступления небольшой и средней тяжести. Таким образом, к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 223, ст. 280, ст. 280.1, ч. 1 ст. 282 УК РФ, применение принудительных мер воспитательного воздействия недопустимо.

Во-вторых, обращает на себя внимание отсутствие возможности повторного назначения принудительных мер воспитательного воздействия. Полагаем, если применение таких мер не дало должного эффекта, и лицо вновь совершает преступление, соответственно, их действенность на данного подростка вызывает большие сомнения. Следовательно, его исправление может быть достигнуто лишь в ходе реализации уголовной ответственности.

Идентично выглядит ситуация, если несовершеннолетний не исправился, находясь в условиях воспитательной колонии. Объективно предположить, что применение предлагаемых нами мер не будет иметь положительного эффекта при воздействии на несовершеннолетнего.

Таким образом, по нашему мнению, принудительные меры воспитательного воздействия не должны применяться к несовершеннолетним:

а) совершившим преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 223, ст. 280, ст. 280.1, ч. 1 ст. 282 УК РФ;

б) ранее освобожденным от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия;

в) ранее отбывавшим лишение свободы.

В части 2 ст. 90 УК РФ закреплён исчерпывающий перечень видов принудительных мер воспитательного воздействия.

Является ли данный перечень системой принудительных мер воспитательного воздействия?

Думается, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ, что объясняется следующими обстоятельствами:

– в любой системе элементы построены в определенной последовательности (например, в системе наказаний такая последовательность исходит из степени тяжести наказания). Применительно к ч. 2 ст. 90 УК РФ такая градация не усматривается, поскольку только одно предупреждение можно отнести к менее тяжкой мере воздействия, а остальные обладают схожим «карательным эффектом»;

– элементы системы должны обладать признаком взаимозаменяемости. В свою очередь, исходя из ч. 3 ст. 90 УК РФ, суд может одновременно назначить несколько мер (и даже все меры в совокупности). Указанные доводы подтверждают, что виды мер воспитательного воздействия представляют собой не систему, а закрытый перечень.

По нашему мнению, разнovidности мер, предлагаемые законодателем в ст. 90 УК РФ, с одной стороны, недостаточны для более дифференцированного подхода, с другой – обладают низкой превентивной составляющей, в связи с чем считаем необходимым построение системы принудительных мер воспитательного воздействия с последующим ее закреплением в УК РФ.

В первую очередь видится необходимым исключить некоторые меры из действующего на сегодняшний момент перечня. В частности, существование таких мер, как предупреждение и передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, нам представляется неэффективным.

Данная точка зрения может быть подкреплена следующими доводами:

– порицание в форме разъяснения несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений (именно так раскрывает содержание предупреждения УК РФ) должно осуществляться в целом в ходе заседания суда и каждодневно в ходе воспитательного процесса, а не как мера принудительного воздействия, назначаемая в качестве альтернативы уголовной ответственности [4. С. 38–39];

– содержание меры в виде передачи подростка под надзор родителей или лиц, их заменяющих (возложение на указанных лиц обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю

за его поведением), по сути, повторяет требования семейного законодательства. Иначе получается следующая ситуация. Родители на протяжении всего периода взросления подростка не смогли ему привить нормы и традиции человеческого общежития, морали и правопослушного поведения, в результате чего несовершеннолетний совершил преступление, а УК РФ допускает, что альтернативой привлечения к ответственности может быть, по сути, его оставление в кругу этих же лиц без каких-либо особых изменений условий его повседневной жизни. Возникает справедливый вопрос: насколько серьезно это повлияет на мировоззрение подростка и отношение к совершенному деянию?

Построение дифференцированной, целостной системы невозможно только путем исключения из перечня неэффективных принудительных мер воспитательного воздействия. По нашему мнению, большим исправительным потенциалом обладает помещение подростка в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа (СУВУОТ), которое в настоящий момент в перечне мер, предусмотренных ст. 90 УК РФ, отсутствует.

Сегодня в ряде норм законодательства предусмотрено существование для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением, нуждающихся в особых условиях воспитания, обучения и требующих специального педагогического подхода, такой образовательной организации, как СУВУОТ (ст. 22, 66 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании» [5], ст. 15 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [6]). Не совсем ясно, почему уголовное законодательство, уделяя внимание в ст. 92 УК РФ СУВУЗТ, механизм реализации которого, по мнению ряда ученых, также отличается несогласованностью и несбалансированностью [7. С. 230–235], проигнорировало возможность применения к несовершеннолетнему преступнику необходимость помещения в СУВУОТ. Как нам видится, существование в системе образования таких учреждений может стать хорошей основой исправительно-воспитательного воздействия на несовершеннолетнего.

В связи с указанным видится необходимость закрепления системы принудительных мер воспитательного воздействия:

- а) передача под надзор специализированного государственного органа;
- б) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- в) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего;
- г) помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа.

Построив систему принудительных мер воспитательного воздействия, необходимо подробно изучить и законодательно сформулировать их содержание.

Так, содержание такой принудительной меры воспитательного воздействия, как передача под надзор специализированного государственного органа, должно основываться на той регламентации, которая уже предложена законодателем в ч. 2 ст. 91 УК РФ и ви-

дится нам следующим образом: «Передача под надзор состоит в возложении на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением».

По нашему мнению, положительный эффект надзора будет достигнут лишь в том случае, если указанные полномочия будут предоставлены не только комиссиям по делам несовершеннолетних и защите их прав, но и подразделениям по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Что касается второй предлагаемой меры, а именно обязанности загладить причиненный вред, то на сегодняшний день ее содержание в рамках ст. 91 УК РФ не раскрыто. Учитывая, что понятие рассматриваемой меры используется в гл. 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» и разъясняется в п. 2.1 Постановления Пленума Верховного суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [8], предлагается взять за основу уже существующую трактовку. В частности, закрепить в уголовном законе следующую дефиницию: «Обязанность загладить причиненный вред состоит в возмещении ущерба, а также иных мерах, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего».

Содержание такой меры, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего действующей редакцией уголовного закона детально регламентировано ч. 4 ст. 91 УК РФ, в связи с чем считаем возможным использовать имеющуюся дефиницию.

Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа. В настоящее время понятие, содержание и цели существования СУВУОТ прописаны в ст. 15 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Взяв за основу указанные нормы законодательства, видится необходимым раскрыть понятие рассматриваемой меры следующим образом: «Помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа заключается в частичной изоляции несовершеннолетнего, нуждающегося в особых условиях воспитания, обучения и требующего специального педагогического подхода, путем направления в специализированное образовательное учреждение». При этом сам процесс пребывания несовершеннолетнего в СУВУОТ детально регламентирован в ст. 22, 66 ФЗ от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании» и ст. 15 ФЗ от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

В действующей редакции УК РФ законодателем не выделены в качестве самостоятельного блока особенности назначения принудительных мер воспитательного воздействия. Имеющиеся отдельные положения растворены в ст. 90–91 УК РФ. Такой подход затрудняет правоприменительную деятельность и не позволяет в полной мере регулировать весь процесс применения рас-

смаатриваемых мер, в связи с чем считаем необходимым выделить особенности реализации принудительных мер воспитательного воздействия в отдельную статью УК РФ, взяв за основу те положения, которые в настоящий момент указаны в уголовном законодательстве.

Во-первых, в ч. 3 ст. 90 УК РФ закреплена возможность суда назначить одновременно несколько мер. Видится, что такой подход вполне обоснован, поскольку позволяет всесторонне воздействовать на несовершеннолетнего. Кроме того, анализ правоприменительной практики показывает, что суды в большинстве случаев руководствуются данной нормой, назначая совокупность принудительных мер.

Во-вторых, в ч. 3 ст. 91 УК РФ регламентированы особенности применения такой меры, как обязанность загладить причиненный вред. В частности, должны учитываться имущественное положение несовершеннолетнего и наличие у него соответствующих трудовых навыков. Указанная позиция позволяет исключить ситуацию, в которой для несовершеннолетнего исполнение данной меры по объективным причинам становится невозможным.

В-третьих, с целью наиболее эффективного применения принудительных мер воспитательного воздействия, а также оперативного реагирования на необходимость их корректировки видится обязательным сопровождение любого вида назначаемых мер (а не в качестве одной из мер, как это прописано на данный момент) надзором и контролем со стороны специализированного государственного органа. В данном случае таким органом должна выступать комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав.

В-четвертых, хотелось бы обратить внимание, что деятельность, связанная с воспитательным воздействием и, как следствие, исправлением подростка, — это длительный процесс, требующий постоянного внимания. Суд объективно не может, применяя ту или иную меру, спрогнозировать и дать гарантии ее стопроцентной действенности. В этой связи нельзя ограничиваться только предоставлением возможности (в случае систематического неисполнения принудительной меры воспитательного воздействия) привлекать несовершеннолетнего к уголовной ответственности, а расширить полномочия путем возможности скорректировать назначенные меры, дополнив уже существующие или заменив другими.

Нельзя признать достаточной регламентацию, в рамках уголовного закона, особенностей отмены применения принудительных мер воспитательного воздействия или продления их срока.

В действующем уголовном законодательстве такие особенности представлены единственной нормой, закрепленной в ч. 4 ст. 90 УК РФ и предусматривающей отмену принудительных мер воспитательного воздействия в случае систематического неисполнения с дальнейшим привлечением к уголовной ответственности. Существование данной меры объективно, однако ее недостаточно для должной регламентации института рассматриваемых мер.

По нашему мнению, помимо предусмотренной отмены исследуемого института, выступающей крайней

мерой ответственности за уклонение несовершеннолетнего от исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, необходимо предоставить возможность суду решать вопрос продления первоначально назначенных сроков. Особенно важным указанное предложение видится в рамках назначения таких мер, как передача под надзор специализированного государственного органа, а также ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

В связи с тем что нами была предложена новая для уголовного закона мера в виде помещения в СУВУОТ, необходимо разработать и закрепить в УК РФ регламентацию процесса пребывания несовершеннолетнего в указанном учреждении.

К примеру, для стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетнего при пребывании в СУВУОТ необходимо закрепить возможность прекращения применения данной меры до истечения срока, установленного судом. В случае уклонения несовершеннолетнего от пребывания в СУВУОТ должно быть предусмотрено приостановление сроков с последующим их восстановлением. Кроме того, если будет установлено, что несовершеннолетний нуждается в дальнейшем применении такой меры, то суд может продлить ее сроки, но в пределах максимально возможного времени нахождения в СУВУОТ [9. С. 37–38].

Все вышеуказанное позволяет сформулировать и дополнить УК РФ ст. 91.3 в следующей редакции:

«Статья 91.3. Отмена применения принудительных мер воспитательного воздействия или продление их срока.

1. В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются в суд для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

2. Суд вправе продлить срок применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами “а”, “в”, “г” части 2 статьи 90 настоящего Кодекса, если судом будет признано, что несовершеннолетний нуждается в дальнейшем применении данной меры. При этом общий срок продления не может превышать максимально установленного срока, указанного в части 5 статьи 91 настоящего Кодекса.

3. Пребывание несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа прекращается до истечения срока, установленного судом, если судом будет признано, что несовершеннолетний не нуждается более в применении данной меры либо если у него выявлено заболевание, препятствующее его содержанию и обучению в указанном учреждении.

5. Суд вправе восстановить срок пребывания несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа в случае уклонения его от пребывания в указанном учреждении на срок, в течение которого такое уклонение производилось.

6. В случае необходимости завершения освоения несовершеннолетним соответствующих образова-

тельных программ или завершения профессионального обучения продление срока пребывания его в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа допускается только по ходатайству несовершеннолетнего».

Нам представляется, что без учета всех вышеуказанных мероприятий не представляется возможным поставить в центр внимания личность несовершеннолетнего правонарушителя и, как следствие, сформировать эффективную систему принудительных мер

воспитательного воздействия и добиться самой основной цели, наиболее интересной для общества и государства, – исправления подростка.

Таким образом, в регламентации принудительных мер воспитательного воздействия существуют проблемы, а содержание отдельных норм нуждается в изменении. Очевидна необходимость построения единой концепции освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокументов Л.М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 183–187.
2. Корягина С.А. Современные тенденции практики применения принудительных мер воспитательного воздействия // Академический юридический журнал. 2007. № 1. С. 35–41.
3. Овсянников И.В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5. С. 113–120.
4. Егоров В.С. Меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним как форма уголовного принуждения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2005. № 2. С. 38–39.
5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 07.03.2018) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; 2018. № 11. Ст. 1591.
6. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (в ред. от 07.06.2017) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; 2017. № 24. Ст. 3478.
7. Николок В.В., Марковичева Е.В. Решение судом вопросов, связанных с направлением несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: уголовно-процессуальные и организационно-правовые проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 230–235.
8. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.
9. Принудительные меры воспитательного воздействия: вчера, сегодня, завтра : учеб. пособие / И.В. Ботвин, О.В. Ермакова, А.М. Репьева. Барнаул : АЗБУКА, 2018. С. 37–38.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 марта 2019 г.

Conceptual Bases of Reforming the Institute of Compulsory Measures of Educational Influence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 222–227.

DOI: 10.17223/15617793/444/29

Olga V. Ermakova, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Ilya V. Botvin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: botviniv@mail.ru

Anna M. Rep'eva, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: anna-repeva@yandex.ru

Keywords: concept of exemption from criminal liability; compulsory measures; educational influence; juvenile; reforming.

In the present article, compulsory measures of educational influence as a kind of release of minors from criminal liability are considered. The authors analyzed in detail the legislative regulation of coercive measures of educational influence within the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis proved the lack of elaboration of this institution, which is expressed in the absence of a comprehensive presentation of criminal law regulations in Art. 90 and 91 of the RF Criminal Code. Taking into account the educational and preventive potential of coercive measures, the authors proposed the concept of reforming the legal regulation that consists of several directions. The first thing the authors pay close attention to is the development of the concept of coercive measures of educational influence, which will allow to learn their legal nature. Another direction of the concept is the reform of the grounds for application of forced measures of educational influence as the existing list of grounds enshrined in Part 1 of Article 90 of the RF Criminal Code must be elaborated on. The authors consider it necessary to consolidate the possibility of imposing coercive measures of educational influence only in the case of a first-time crime. In addition, there is a need for a legislative consolidation of the concept of correction, which is the purpose of the application of the measures under study. In addition to fixing the grounds, the absence of a list of grounds that prevent the application of this institution should be recognized as a gap in the criminal laws on the regulation of coercive measures of educational influence. The most serious direction of the concept is the development of types of coercive measures of educational influence. According to the authors, the types of measures proposed by the legislator in Article 90 of the RF Criminal Code are insufficient for a more differentiated approach, on the one hand, and have a low preventive component, on the other. In this connection, it is necessary to build a system of coercive measures of educational influence with its subsequent consolidation in the RF Criminal Code. It seems necessary to delete some of the measures from the current list. In particular, it is clear that the warning of parents or guardians and supervision over them do not seem to be effective. In addition, the placement of a teenager in a special educational institution of an open type, which is currently missing in the list of measures provided for in Article 90 of the RF Criminal Code, has a large correctional potential. The proposed changes to improve the institution of coercive measures of educational influence will undoubtedly contribute to the spread of law enforcement.

REFERENCES

1. Prozumentov, L.M. (2017) Russian criminal law policy in regard to juveniles: issues of law-making and law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 183–187. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/27
2. Koryagina, S.A. (2007) The contemporary tendencies in practice of application of compulsory arrangements of pedagogical influence. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal – Academic Law Journal*. 1(27). pp. 35–41. (In Russian).
3. Ovsyannikov, I.V. (2016) Determining the possibility of juvenile correction through application of compulsory educational measures. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 113–120. (In Russian).
4. Egorov, V.S. (2005) Mery vospitatel'nogo vozdeystviya, primenyaemye k nesovershennoletnim kak forma ugolovnogo prinuzhdeniya [Educational measures applied to minors as a form of criminal coercion]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2. pp. 38–39.
5. Russian Federation. (2012) Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (v red. ot 07.03.2018) [On education in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 07.03.2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 53 (Pt. 1). Art. 7598.
6. Russian Federation. (1999) Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarusheniy nesovershennoletnikh: Federal'nyy zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ (v red. ot 07.06.2017) [On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (as amended on June 07, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 26. Art. 3177.
7. Nikolyuk, V.V. & Markovicheva, E.V. (2018) The solution of issues dealing with sending minors to special closed educational and rehabilitative institutions by court: criminal procedural, organizational and legal problems. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 428. pp. 230–235. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/428/31
8. Supreme Court of the Russian Federation. (2013) O primenении sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobodzheniya ot ugolovnoy otvetstvennosti: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) [On the application by the courts of laws governing the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 27, 2013 (as amended on November 29, 2016)]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 8.
9. Botvin, I.V. et al. (2018) *Prinuditel'nye mery vospitatel'nogo vozdeystviya: vchera, segodnya, zavtra* [Coercive measures of educational influence: yesterday, today, tomorrow]. Barnaul: AZBUKA. pp. 37–38.

Received: 28 March 2019

С.А. Нищимная, Я.М. Крупко, Н.Е. Доний

ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Статья посвящена проблеме содержания общих принципов финансового права и их характеристике, поскольку правовые принципы в финансовом праве составляют единую систему и выступают одним из элементов юридического режима регулирования общественных отношений в сфере публичных финансов. На основании проведенного исследования в статье предлагается разделить общие принципы финансового права на две группы: общеправовые принципы (с учетом отраслевой специфики) и общие финансово-правовые принципы.

Ключевые слова: принципы; финансовое право; общие принципы финансового права; общеправовые принципы; общие финансово-правовые принципы.

Финансовое право, как и любая из отраслей права, характеризуется определенными принципами. В юридической науке встречается много трактовок понятия принципов права, о чем ярко свидетельствуют исследования, проведенные российскими учеными со ссылкой на различные источники прошлых лет: принципы – это базовые или исходные (коренные) руководящие, ключевые идеи, требования (начала, правила, положения), отражающие наиболее существенные особенности и целенаправленность, объективные закономерности, которые определяют сущность всей системы права, отрасли права или правового института (субинститута) [1]. Большинство советских ученых характеризовали принципы как часть правосознания [2. С. 17], комплекс идей, которые определяют содержание норм права [3. С. 261].

Понятию принципов финансового права уделялось внимание еще Е.А. Ровинским, который, по мнению Н.И. Химичевой, охарактеризовал их как принципы финансовой деятельности государства [4. С. 46]. Кроме того, профессор Н.И. Химичева указывала, что «такой подход был воспринят и другими авторами, поскольку финансовое право регулирует отношения, возникающие именно в финансовой деятельности государства» [Там же].

Продолжением научного обоснования соотношения понятий «принципы финансового права» и «принципы финансовой деятельности» стали публикации таких российских ученых, как: Ю.А. Крохина, Е.Ю. Грачева, А.Н. Козырин, Н.А. Саттарова и др. Так, профессор Ю.А. Крохина пишет: «Финансово-правовые исходные начала отражают объективные связи, закономерности развития финансовой деятельности государства, в результате чего они становятся качественными характеристиками этой отрасли права» [5. С. 90]. И далее: «В то же время принципы финансового права – результат деятельности человека, поскольку свое выражение они получают в процессе законотворчества. Важнейшие финансово-правовые начала формируются законодателем на основе конкретного правового опыта и правовой культуры в государстве, базовых положений правовой системы с учетом достигнутого уровня развития финансового законодательства. Поэтому, будучи закрепленными в правовых нормах, исходные начала финансовой деятельности по существу являются принципами финансового права» [5. С. 91; 6. С. 65–66].

Кроме того, А.А. Пилипенко в своем диссертационном исследовании «Принципы финансового права России и их нормативное закрепление», которое было проведено под руководством профессора Е.Ю. Грачевой, объектом работы определяет «общественные отношения, урегулированные нормами финансового права, складывающиеся в процессе финансовой деятельности» [7. С. 3]. Далее диссертантка обращает внимание на то, что «принципы финансового права, представляющие собой основополагающие нормативные положения, непосредственно закрепленные в действующем законодательстве, которые определяют концептуальные правовые основы создания, направленности и функционирования данной отрасли права, регламентируют наиболее важные социальные отношения, возникающие в финансовой деятельности государства, муниципальных образований, и охраняются от нарушений мерами юридического воздействия» [Там же. С. 7]. Дальнейшие исследования приводят автора к выводу о существовании общих принципов финансового права, среди которых названы: принцип законности, единства финансовой системы, гласность, плановость и т.д. [Там же. С. 13–14].

А.Н. Козырин, раскрывая принципы финансового права, констатирует, что «практически все общеправовые принципы входят в систему принципов финансового права» [8]. К ним он относит: принцип справедливости, принцип равенства, принцип гуманизма, принцип демократизма, принцип федерализма, принцип законности и некоторые другие [Там же].

В современном учебнике финансового права, подготовленном для магистров, Н.А. Саттарова и А.А. Копина утверждают, что «представителями современной науки финансового права сегодня в качестве отраслевых принципов финансового права выделяются принципы: приоритета в области финансовой деятельности государственных и муниципальных образований представительных органов перед исполнительными органами власти; федерализма; законности; плановости; единства и целостности системы финансовых органов...» и т.д. [9. С. 52]. И далее: «Поскольку принципы финансового права представляют собой один из элементов юридического режима регулирования общественных отношений в финансовой сфере, представляется, что такие принципы, как законность, принцип федерализма, принцип гласности следует отнести к общим принципам финансового права» [Там же. С. 55].

Считается, что в принципах права наиболее ярко отражаются как сущность права в целом, так и всех его отраслей. Не является исключением и финансовое право. Правовые принципы в финансовом праве образуют единую систему и выступают одним из элементов юридического режима регулирования общественных отношений в сфере публичных финансов. В принципах финансового права отражаются и конкретизируются общеправовые принципы, скорректированные особенностями его правового регулирования. Наряду с общими принципами финансового права действуют принципы его подотраслей и институтов, имеющих свои особенности.

Принципы финансового права рассредоточены между разными кодексами и другими нормативно-правовыми актами, что приводит к делению финансово-правовых принципов на отдельные группы подотраслей и институтов финансового права. В связи с этим возникает необходимость в принятии единого кодифицированного акта, который бы устанавливал основы правового регулирования отношений в сфере публичной финансовой деятельности и закреплял принципы финансового права отраслевого значения. Примером может служить Финансовый кодекс.

Принципы финансового права, на наш взгляд, должны отвечать таким основным требованиям:

- полнота – означает, что совокупность принципов должна выстраиваться в определенную систему, максимально охватывать направления публичной финансовой деятельности;

- процессуальная (практическая) реализация, в основе которой лежит необходимость учитывать определенные руководящие идеи в конкретных правоотношениях.

Общие принципы в финансовом праве предлагаем разделить на две группы: 1) общеправовые принципы (с учетом отраслевой специфики) и 2) общие финансово-правовые принципы.

Общие принципы, на которых основываются финансовые правоотношения, касаются принципов общей части финансового права, лежащих в основе правового регулирования общественных отношений в области публичных финансов. Для регулирования отраслевых отношений недостаточно только общих принципов. Существует потребность в специальных – отраслевых и межотраслевых принципах.

Под общеправовыми принципами понимают принципы, которые являются общими для права в международном, всемирном и общечеловеческом его понимании; общими для всех правовых систем одного исторического типа; для правовых подсистем (сторон) определенной правовой системы одного общества; для всех отраслей правовой системы определенного общества и государства [10. С. 108–109].

По мнению О.Ф. Скакун, к основным общим принципам права следует относить следующие принципы: принцип свободы, принцип справедливости, принцип равенства, гуманизма, демократизма, законности [11. С. 240–245]. В приведенном перечне, на наш взгляд, произошло смешивание общеправовых и общесоциальных (общечеловеческих) принципов.

С.Д. Дмитриев отмечает, что общеправовые принципы являются результатом широкого, устойчивого

воспроизводства общей практики разрешения юридических дел, которая обеспечивает переход от абстрактной правовой нормы к конкретному субъективному праву [12].

К общеправовым принципам предлагаем относить: принцип законности, принцип социальной справедливости, принцип социальной свободы, принцип верховенства права, принцип демократизма, принцип гуманизма, принцип равноправия (или равенства всех перед законом), принцип ответственности за вину, принцип равенства всех форм собственности.

Принцип законности означает, что соблюдение и укрепление законности в публичной финансовой деятельности зависят от уровня финансовой дисциплины в государстве и наличия реальных (действующих) механизмов ответственности субъектов такой деятельности в случае совершения ими финансовых и других правонарушений.

Законность отражает правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую связь права и власти, права и государства, права и общества. Требование законности в равной степени касается высших органов государственной власти, других государственных органов, которые издают в пределах своей компетенции подзаконные акты (сфера правотворчества), непосредственных исполнителей законов – должностных лиц, а также общественных организаций, коммерческих организаций, граждан (сфера правореализации).

Принцип законности выступает основополагающим и центральным принципом деятельности аппарата государства, а следовательно, и всех субъектов публичной финансовой деятельности.

Нормы Основного закона экономически развитого государства определяют основные принципы, правила, направления публичной финансовой деятельности и выступают основой для всего финансового законодательства.

На наш взгляд, принцип законности заключается в: 1) точном и неуклонном исполнении требований закона всеми субъектами финансового права; 2) обоснованности применения ответственности за совершение правонарушения.

При различных подходах к пониманию законности как правовой категории очевидным является то, что принцип законности является ключевым (базовым) понятием для права в целом и финансового права в частности. Принцип законности раскрывает правовую действительность с точки зрения практической реализации права.

Состояние законности является своеобразным показателем качества деятельности государственных органов и должностных лиц. Поэтому важным и непростым является вопрос об определении субъектов законности – или это все субъекты права, или только должностные лица. Законность в широком смысле означает требование соблюдения закона всеми субъектами права. В узком значении – это соблюдение законов собственно должностными лицами.

Действие принципа законности распространяется в равной степени на всех субъектов финансового права. Он находит свое выражение в том, что вся публичная

финансовая деятельность регламентируется нормами финансового права, соблюдение которых обеспечивается, в случае необходимости, принудительной силой государства. Одной из форм такого принуждения в финансовых правоотношениях называют финансово-правовой ответственностью. Принцип законности предполагает осуществление финансовой деятельности на всех этапах движения фондов средств при регламентации их нормами финансового права и возможности применения государственного принуждения [13. С. 46].

В финансовом праве реализация принципа законности требует наличия соответствующего законодательства. Для того чтобы законы, их нормы реализовывались наиболее эффективно, финансовое законодательство должно быть понятным для правоприменителей, а также стабильным. К сожалению, такие признаки современному финансовому законодательству присущи лишь частично.

Итак, принцип законности предполагает верховенство закона в финансовых правоотношениях, которые возникают и развиваются между государственными органами (должностными лицами) и гражданами.

В финансовом праве принцип законности также определяют как обязательное требование финансовых законов и основанных на них подзаконных актах всеми субъектами финансового права: государственными и местными органами власти, должностными лицами, предприятиями всех форм собственности, общественными организациями и гражданами. В финансовом праве принцип законности проявляется в тезисе, что соблюдать и выполнять финансовое законодательство должны все, но в первую очередь – сами финансовые органы и их должностные лица, участвующие в осуществлении публичной финансовой деятельности государства.

Итак, в финансовом праве и финансовом процессе вся публичная финансовая деятельность должна соответствовать принципу законности.

С принципом законности тесно связан принцип социальной справедливости, хотя иногда он рассматривается как составляющая законности. Данный принцип относится к морально-правовым принципам. На наш взгляд, принцип социальной справедливости в финансовом праве не имеет четко выраженного общего значения, поскольку довольно трудно проследить его реализацию в отношениях, имеющих двойственную правовую природу (частную и публичную). Речь идет, например, о банковских, страховых, денежно-кредитных отношениях. Зато в бюджетных и налоговых правоотношениях применения данного принципа является очевидным и законодательно подкрепленным.

Принцип социальной справедливости является предпосылкой существования другого принципа – социальной свободы. Принцип социальной свободы в финансовом праве находит свое выражение, например, в праве граждан (это право реализуется через представительные органы власти) и территориальных общин участвовать в распределении общественного богатства; праве получить компенсацию за счет публичных денежных фондов (в частности фондов государственного социального страхования) в случае

наступления соответствующих страховых случаев; праве физических и юридических лиц самостоятельно распоряжаться своими доходами после уплаты всех необходимых налогов и сборов.

Принцип верховенства права относится к общеправовым и, следовательно, применяется в финансовом праве. Верховенство права требует от государства его воплощения в правотворческую и правоприменительную деятельность, в частности в законы, которые по своему содержанию должны быть проникнуты прежде всего идеями социальной справедливости, свободы, равенства и т.п. Одним из элементов верховенства права является принцип пропорциональности. В сфере социальной защиты он означает, что меры, предусмотренные в нормативно-правовых актах, должны направляться на достижение легитимной цели и должны быть соразмерными с ней.

Верховенство права выражается прежде всего в верховенстве закона и заключается в урегулировании важнейших общественных отношений с помощью законов.

Итак, в финансовом праве принцип верховенства права означает, что вся публичная финансовая деятельность регламентируется правовыми нормами, которые устанавливают не только финансовые полномочия государственно-властных субъектов, но и ограничения осуществления публичной власти.

Принцип демократизма является неотъемлемой частью любого правового государства, который находит свое выражение в правовых нормах, регулирующих порядок организации и деятельности органов государственной власти, определяющих правовое положение лица и характер его взаимоотношений с государством.

На наш взгляд, особое (специфическое) применение данного принципа в финансовом праве не прослеживается, так же как и принципа «незнание закона не освобождает от ответственности».

Считается, что начала гуманизма свойственны всем цивилизованным правовым системам и раскрывают одну из важнейших характеристик права. Данный общеправовой принцип в финансовом праве достаточно опосредованно находит свое проявление, преимущественно в межотраслевых отношениях. Так, любое лицо – субъект финансовых правоотношений, – не имеющее властных полномочий, имеет право на защиту его нарушенных финансовых прав, на справедливое рассмотрение его дела беспристрастным судом.

Принцип равноправия или равенство всех перед законом означает, что для всех субъектов финансовых правоотношений существует единое законодательство. Известный древнеримский политический деятель, выдающийся оратор, философ и литератор Марк Туллий Цицерон утверждал, что под действие закона должны подпадать все. Позже этот тезис трансформировался в принцип равенства всех перед законом.

Суть принципа ответственности за вину заключается в том, что меры финансовой (финансово-правовой) ответственности возлагаются только на того, кто виноват в нарушении соответствующих правовых норм, т.е. на виновное лицо. В финансовом праве за одно правонарушение к ответственности мо-

гут быть привлечены: юридическое лицо и физическое лицо, которое действовало в интересах юридического лица.

Данный принцип является важным конституционным принципом легитимности государственной власти. Он обеспечивает рост доверия субъектов к публичной власти, а значит, и к государству в целом.

Принцип равенства всех форм собственности базируется на том, что собственность на публичные финансовые ресурсы долгое время была исключительно государственной. Стремительное развитие права коммунальной (муниципальной) собственности привело к выделению и закреплению данного принципа в рамках системы общеправовых принципов. В финансовом праве данный принцип означает, что публичные финансовые ресурсы могут находиться в государственной или муниципальной (коммунальной) собственности.

При этом вмешательство государственно-властных органов в управление финансами на местном уровне не допускается. Государством также гарантируется равная защита как права государственной, так и права коммунальной (муниципальной) собственности на соответствующие ресурсы (средства, денежные фонды и т.д.).

Подытоживая изложенное, отметим, что не все общеправовые принципы имеют особое значение в финансовом праве. Но все названные принципы являются базовыми для правовых отношений, в частности финансово-правовых отношений. Учитывая то, что общепризнанный перечень общеправовых принципов финансового права отсутствует, мы не настаиваем на представленном варианте как окончательном.

К общим финансово-правовым принципам предлагаем относить: принцип единства финансовой, бюджетной, налоговой, банковской и денежной системы государства; принцип единства и взаимодействия финансовой политики и финансовой системы; принцип финансовой безопасности государства; принцип единства и целостности системы финансовых органов.

Выработка финансово-правовых принципов является не только достижением науки финансового права (они сформировались и используются исключительно в ее границах), но и порождением науки и практики правоприменения.

Перечень принципов финансового права, представленный в современной финансово-правовой науке, больше выглядит как набор аргументов, обосновывающих определенные идеи в сфере публичных финансов, которые, к сожалению, не всегда согласованы между собой.

При этом часть из них характеризует не только сферу финансово-правового регулирования, но и сферы всего публичного права и экономического оборота. Во многих научных работах упоминаются принципы финансового права, но в то же время далеко не во всех раскрывается их сущность. К тому же, авторские видения определений и системы принципов могут существенно различаться.

Впервые принципы финансового права были сформулированы в советское время Е.А. Ровинским как принципы финансовой деятельности государства

[14. С. 21]. Сегодня же базовые финансово-правовые начала формируются органами правотворчества исходя из определенного юридического опыта и правовой культуры государства и опираются на основные положения правовой системы с учетом достигнутого уровня развития финансового законодательства.

Общие финансово-правовые принципы касаются как публичной финансовой деятельности, так и всех финансово-правовых отношений. К ним мы относим следующие принципы: единства финансовой, бюджетной, налоговой, банковской и денежной системы государства; единства и взаимодействия финансовой политики и финансовой системы; финансовой безопасности; единства и целостности системы финансовых органов.

Принцип единства финансовой, бюджетной, налоговой, банковской и денежной системы государства имеет межинституциональное значение и назначение. Любые финансовые правоотношения должны осуществляться не изолированно от других финансовых отношений, а в тесной связи и взаимодействии. Например, безоговорочной является связь бюджетного права и налогового права, ведь основным источником доходов бюджетов, входящих в бюджетную систему государства, являются налоги, включенные в налоговую систему. Стабильность банковской системы напрямую зависит от стабильности денежной системы государства.

Продолжением предыдущего принципа является принцип единства и взаимодействия финансовой политики и финансовой системы, который означает, что самостоятельность органов публичной власти – субъектов финансовых правоотношений, не должна выходить за пределы основ финансовой политики, от которой зависит стабильность финансовой системы и отдельных ее составляющих.

На современном этапе финансовая политика выступает составной частью экономической политики государства, направленной на формирование, распределение и использование централизованных и децентрализованных фондов денежных средств государства и органов местного самоуправления. Осуществление финансовой политики непосредственно связано с формами и методами публичной финансовой деятельности и имеет целью наиболее эффективное распределение национального дохода как между отраслями хозяйствования, так и отдельными субъектами.

Именно политика влияет на содержание публичной финансовой деятельности, на главный ее элемент, выражается в многочисленных и разнообразных функциях в сфере образования, распределения, перераспределения и расходования централизованных денежных фондов и определяется спецификой ее объекта. На наш взгляд, финансовая политика влияет не только на централизованные фонды средств, но и на все публичные и частные фонды средств.

Политика является обязательным условием формирования любых правовых норм. В этом контексте следует согласиться с утверждением о том, что финансовая политика является составляющей финансово-правового регулирования и фактором, влияющим на ее содержание, проявляется в многочисленных и

разнообразных функциях создания, распределения, перераспределения и использования фондов денежных средств. То есть все отношения вокруг публичных финансов взаимосвязаны и взаимозависимы от финансовой политики государства.

Ученый П.Н. Годме относительно финансовой политики писал, что в связи с тем, что государственные расходы рассматриваются как зло, финансовая политика руководствуется одним принципом – достичь максимальной экономии и как можно большего сокращения расходов. Такая упрощенная финансовая политика продолжает до сих пор составлять основу либеральной доктрины [15. С. 70].

Таким образом, принцип единства финансовой политики и финансовой системы государства в контексте финансового права обуславливает взаимосвязь всех звеньев финансовой системы и постоянное воздействие мер государства на публичные финансы.

Единство финансовой системы является необходимым условием единства государства и его суверенитета. Определяется оно единством денежной, бюджетной и налоговой систем, а также недопустимостью установления таможенных границ внутри государства и обеспечением свободы перемещения товаров, работ, услуг и финансовых ресурсов. Только при наличии единого рынка и участия в нем всех потенциальных товаропроизводителей может в полной мере действовать эффективная система публичных финансов. При этом финансово-правовое регулирование является лишь частью правового механизма, обеспечивающего единство экономического пространства. Это, в свою очередь, требует выстраивать все его нормы в соответствии с этим правилом, обеспечивая его действие в сфере публичных финансов.

Целью финансового права является поддержка эффективности публичных финансов и финансовой безопасности государства на уровне, необходимом для обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан. Итак, принципами, непосредственно отражающими эти цели, следует признать принцип эффективности публичных финансов и принцип обеспечения финансовой безопасности.

В условиях политической и экономической нестабильности особое место занимает принцип финансовой безопасности государства. Мировой опыт свидетельствует, что при построении модели финансовой системы с позиций национальной безопасности важно не прибегнуть к крайностям. Так, следует избегать как децентрализации финансовой системы, при которой может не остаться средств на оплату труда государственных служащих, так и излишней централизации финансовых ресурсов в государственном бюджете, которая исключает самостоятельное развитие частного сектора экономики.

На современном этапе развития государства целью финансового права является поддержка надлежащего уровня финансовой безопасности государства, которая должна обеспечить применение в полной мере гарантированных прав, свобод и законных интересов граждан. Такой цели соответствует принцип финансовой безопасности государства.

В каждой стране уровень финансовой безопасности государства определяется определенным набором

факторов. Наиболее характерными являются: степень экономической открытости государства и доступ к внутреннему рынку; степень развитости финансового рынка; привлекательность финансового климата страны; степень нормативно-правового обеспечения деятельности финансового рынка; степень доверия населения к финансовой политике государства, проявляющейся в его участии в операциях на финансовом рынке; эффективность борьбы с финансовыми правонарушениями.

Следующим общим финансово-правовым принципом является единство и целостность системы финансовых органов. В общем понимании, финансовые органы – это субъекты финансового права, составляющие финансовый аппарат государства. В свою очередь, финансовый аппарат государства является составной частью государственного аппарата, на которую возложена функция руководства и управления финансами.

Как справедливо отмечает Г.В. Петрова, принцип единства и целостности системы финансовых органов предусматривает функциональную общность совокупности самостоятельных звеньев, характеризующихся едиными целями и задачами, а также вертикальным подчинением нижестоящих вышестоящим. Цель деятельности, обуславливающей единство и целостность системы финансовых органов, сводится к осуществлению финансовой политики, заключающейся в охране и развитии бюджетного обеспечения государства. Достижение данной цели обусловлено решением следующих задач: 1) участием в разработке финансовой политики и ее реализации; 2) обеспечением в пределах своей компетенции экономической безопасности и единства контроля и управления; 3) защитой бюджетных интересов государства; 4) применением и совершенствованием средств финансового управления хозяйственной деятельностью на основе приоритетов развития экономики страны и необходимости создания благоприятных условий для развития России в мирохозяйственных связях; 5) организацией и совершенствованием финансового контроля за соблюдением финансового хозяйства; 6) обеспечением благоприятного режима для инвесторов с учетом международных обязательств России [16. С. 18–19].

На наш взгляд, принцип единства и целостности системы финансовых органов должен соблюдаться во всех сферах публичной финансовой деятельности (бюджетной, налоговой, банковской и т.д.) и касаться создания и функционирования тех органов, которые осуществляют эту деятельность. Кроме того, необходимо обратить внимание и на координацию деятельности различных органов.

Таким образом, перечень общих финансово-правовых принципов является недостаточно обширным, хотя тот спектр общественных отношений, которые они охватывают, достаточно важен для функционирования государства. Весомым является фактор соблюдения финансово-правовых норм при их применении и реализации в практической деятельности.

Принципами финансового права являются основополагающие начала, закрепленные в различных формальных источниках. В функциональном аспекте

принципы выступают, с одной стороны, восходящими началами правового регулирования, обеспечивающими согласованность и эффективность системы юридических норм, а с другой – непосредственными регуляторами поведения участников финансовых правоотношений.

1. Современные подходы к определению принципов права включают в себя преимущественно руководящие начала и идеи, закрепленные в действующем законодательстве, отражающие не только сущность норм любой отрасли права, но и основные направления государственной политики в определенной сфере правового регулирования соответствующих общественных отношений. Не является исключением и сфера публичных финансов. Таким образом, финансовое право, как любая из отраслей права, характеризуется определенными принципами.

2. К принципам финансового права предъявляются определенные требования, например: полнота (совокупность принципов должна выстраиваться в определенную систему, максимально охватывать направления публичной финансовой деятельности); процессуальная (практическая) реализация (назначение принципов – учитывать определенные руководящие идеи в конкретных правоотношениях).

3. Общие принципы в финансовом праве разделены на две группы: 1) общеправовые принципы (с учетом отраслевой специфики) и 2) общие финансово-правовые принципы. При этом не все общие принципы в финансовом праве являются результатом практической правовой деятельности – некоторые из них имеют оценочный смысл и возникли благодаря общественной мысли, социальной деятельности (например, справедливость, гуманизм).

ЛИТЕРАТУРА

1. Тадеев А.А. Парыгина А.А. К вопросу о некоторых принципах финансового права: принцип прозрачности (открытости) бюджетной деятельности // *Налоги*. 2010. № 1. URL: www.lawmix.ru/bux/15961/ (дата обращения: 12.11.2018).
2. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 361 с.
4. Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н.И. Химичева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. 768 с. URL: <http://znanium.com/catalog/product/133656> (дата обращения: 03.04.2019).
5. Крохина Ю.А. Принципы финансового права: постановка проблемы систематизации // *Ленинградский юридический журнал*. 2013. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printipy-finansovogo-prava-postanovka-problemy-sistematizatsii> (дата обращения: 03.04.2019).
6. Крохина Ю.А. Финансовое право России: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 720 с. URL: <http://ural-education.ru/wp-content/uploads/2017/01/%D0%9A%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%AE.%D0%90.%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf> (дата обращения: 03.04.2019).
7. Пилипенко А.А. Принципы финансового права России и их нормативное закрепление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1518222> (дата обращения: 03.04.2019).
8. Козырин А.Н. Понятие, сущность, функции и принципы финансового права // *Публично-правовые исследования*. 2016. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28123621> (дата обращения: 03.04.2019).
9. Саттарова Н.А., Копина А.А. Актуальные проблемы финансового права: учебник для магистров. М.: Прометей, 2018. 318 с. URL: <https://books.google.com.ua> (дата обращения: 03.04.2019).
10. Колодій А.М. Принципи права України. К.: Юрінком Інтер, 1998. 208 с.
11. Скаун О.Ф. Теория государства и права: учебник. Х.: Консум, 2000. 704 с.
12. Дмитриев С.Д. Общеправовые принципы: теоретические проблемы конкретизации и реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2012. 27 с.
13. Финансове право України: навчальний посібник / Л.К. Воронова, М.П. Кучерявенко, Н.Ю. Пришва та ін. К.: Правова єдність, 2009. 395 с.
14. Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 193 с.
15. Годме П.М. Финансовое право / пер. и вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Р.О. Халфиной. М.: Прогресс, 1978. 428 с.
16. Петрова Г.В. Финансовое право: учебник. М.: ТК Велби, 2006. 280 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 апреля 2019 г.

Problems of the Content of General Principles of Financial Law

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 228–234.

DOI: 10.17223/15617793/444/30

Svetlana A. Nishchinnaya, Academy of the State Penitentiary Service (Chernihiv, Ukraine). E-mail: yur_fak_kafedra@mail.ru

Yana M. Krupko, Academy of the State Penitentiary Service (Chernihiv, Ukraine). E-mail: krupko.yanna@gmail.com

Nataliya E. Doniy, Academy of the State Penitentiary Service (Chernihiv, Ukraine). E-mail: doniyne@ukr.net

Keywords: principles; financial law; general principles of financial law; general law principles; general financial and law principles.

The article presents studies on the definition of the content of the general principles of financial law and their characteristics, since the legal principles in financial law constitute a single system and present one of the elements of the legal regime of regulation of public relations in the area of public finance. The study is based on the advances of legal science that are outlined in the works of scholars who cover legal issues at the theoretical level and of those whose research interest covers the area of financial law. Thus, the concept of the principles of financial law was revealed by E.A. Rovinskiy, who, according to N.I. Khimicheva, characterized them as the principles of the state's financial activity. This approach is also used in modern studies of such scholars as Yu.A. Krokhina, E.Yu. Gracheva, A.N. Kozyrin, N.A. Sattarova, and others. The methodological framework of the study includes systemic and comparative analysis, comparison and grouping, inductive and deductive methods of scientific knowledge. On the basis of the study, it is proposed to divide the general principles of financial law into two groups: (1) general legal principles (including sectoral specifics) and (2) general financial and legal principles. The authors propose to refer to general legal principles the following ones: the principle of legality, the principle of social justice, the principle of social freedom, the principle of the rule of law, the principle of democracy, the principle of humanity, the principle of equality (or equality before the law), the principle of fault liability and the principle of equality

of all forms of ownership. The authors propose to refer to general financial and legal principles the principle of unity of the financial, budgetary, fiscal, banking and monetary systems of the state; the principle of unity and interaction of financial policy and financial system; the principle of financial security of the state; the principle of unity and integrity of the system of financial authorities. The principle of legality in financial law has been studied. It has been established that the principle of social justice in financial law does not have a precise general meaning. For financial law, the principle of the rule of law means that all public financial activities are regulated by legal norms. The principle of unity of the financial, budgetary, fiscal, banking and monetary systems of the state is of inter-institutional significance. The principle of unity and interaction of financial policy and financial system in the context of financial law determines the correlation of all levels of the financial system and the continuous impact of governmental measures on public finance. In the context of political and economic instability, the principle of financial security of the state is of particular importance.

REFERENCES

1. Tadeev, A.A. & Parygina A.A. (2010) K voprosu o nekotorykh printsipakh finansovogo prava: printsip prozrachnosti (otkrytosti) byudzhethnoy deyatel'nosti [On some principles of financial law: the principle of transparency (openness) of budgetary activities]. *Nalogi*. 1. [Online] Available from: www.lawmix.ru/bux/15961/. (Accessed: 12.11.2018).
2. Yavich, L.S. (1978) *Pravo razvitoogo sotsialisticheskogo obshchestva. Sushchnost' i printsipy* [The law of a developed socialist society. Essence and principles]. Moscow: Yurid. lit.
3. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [General theory of law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
4. Khimicheva, N.I. (ed.) (2008) *Finansovoe pravo* [Financial law] 4th ed. Moscow: NORMA. [Online] Available from: <http://znanium.com/catalog/product/133656>. (Accessed: 03.04.2019).
5. Krokhnina, Yu.A. (2013) Principles of financial law: problem ordering. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 3 (33). [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-finansovogo-prava-postanovka-problemy-sistematizatsii>. (Accessed: 03.04.2019). (In Russian).
6. Krokhnina, Yu.A. (2011) *Finansovoe pravo Rossii* [The financial law of Russia]. 4th ed. Moscow: Norma; INFRA-M. [Online] Available from: <http://ural-education.ru/wp-content/uploads/2017/01/%D0%9A%D1%80%D0%BE%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%AE%D0%90%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf>. (Accessed: 03.04.2019).
7. Pilipenko, A.A. (2013) *Printsipy finansovogo prava Rossii i ikh normativnoe zakreplenie* [Principles of the financial law of Russia and their normative consolidation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=1518222>. (Accessed: 03.04.2019).
8. Kozyrin, A.N. (2016) Ponyatie, sushchnost', funktsii i printsipy finansovogo prava [The concept, essence, functions and principles of financial law]. *Publichno-pravovye issledovaniya*. 4. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28123621>. (Accessed: 03.04.2019).
9. Sattarova, N.A. & Kopina, A.A. (2018) *Aktual'nye problemy finansovogo prava* [Urgent problems of financial law]. Moscow: Prometei.
10. Kolodiy, A.M. (1998) *Printsipy prava Ukraini* [Principles of law of Ukraine]. Kiev: Yurinkom Inter.
11. Skakun, O.F. (2000) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Kharkov: Konsum.
12. Dmitriev, S.D. (2012) *Obshchepravovye printsipy: teoreticheskie problemy konkretizatsii i realizatsii* [General legal principles: theoretical problems of specification and implementation]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
13. Voronova, L.K. et al. (2009) *Finansove pravo Ukraini* [Financial law of Ukraine]. Kiev: Pravova ednist'.
14. Rovinskiy, E.A. (1960) *Osnovnye voprosy teorii sovetskogo finansovogo prava* [The main issues of the theory of Soviet financial law]. Moscow: Gos. izd-vo yurid. lit.
15. Godmet, P.M. (1978) *Finansovoe pravo* [Financial law]. Translated from French by R.O. Khalfina. Moscow: Progress.
16. Petrova, G.V. (2006) *Finansovoe pravo* [Financial law]. Moscow: TK Velbi.

Received: 01 April 2019

П.В. Тепляшин

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОМПЛАЕНС: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА, ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дается понятие пенитенциарного комплаенса. В контексте реализации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации излагаются факторы актуализации европейского пенитенциарного комплаенса. Отмечается динамично распространяющаяся социально-правовая тенденция расширения процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и различными правами осужденных со стороны Европейского Суда по правам человека. Делается вывод о наличии стратегических рисков для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации со стороны практического расширения феномена европейского пенитенциарного комплаенса.

Ключевые слова: концепция реабилитации; международный договор; национальное законодательство; пенология; пожизненное тюремное заключение; пилотное решение; правовые позиции; Совет Европы.

Под пенитенциарным комплаенсом допустимо понимать обеспечение соответствия функционирования учреждений, исполняющих уголовные наказания, законодательству в сфере исполнения уголовных наказаний посредством разработки, реализации и соблюдения определенных процедур и правил обращения с осужденными. Обращаясь к европейскому пенитенциарному комплаенсу, необходимо закрепить его цель, которая может быть представлена в виде минимизации рисков, связанных с возможными нарушениями требований стандартов международного уровня, а также инициированных решений в этой области, принятых под эгидой Совета Европы.

Проблематика европейского пенитенциарного комплаенса актуальна в силу того обстоятельства, что вступление России в Совет Европы и последующая ратификация Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод привели к радикальным изменениям в характере условий содержания осужденных и лиц, находящихся под стражей. При этом процесс активного приведения отечественного законодательства в соответствие с рекомендациями международных и европейских стандартов в области обращения с осужденными во многом отражает лишь дискретную и непоследовательную реализацию положений ч. 1 ст. 3 УИК РФ, суть которых сводится к неукоснительному соблюдению Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Факторы актуализации европейского пенитенциарного комплаенса находятся в русле имеющихся попыток коренного изменения уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Причем особым фактором и фактически средством реализации такого комплаенса выступает практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), которая показывает его преторианский характер деятельности, выражающийся в постепенном расширении влияния судебных решений на необходимость корректировки национального законодательства. Не случайно В.И. Селиверстов пишет: «Применительно к стандартам Европы существует практика превращения норм-рекомендаций в обязательные установления. И эта

практика уже коснулась России» [1. С. 235]. Так, относительно требований к условиям содержания в одиночных камерах В.И. Селиверстов указывает, что «западноевропейские государства значительно легче перенесут изменение правовых позиций ЕСПЧ, поскольку у них тюремная система построена и она ориентирована на одиночное заключение осужденных в камерах на полные сутки или на ночь. Россия с ее громадным географическим разбросом исправительных учреждений, их ветхостью и непригодностью к такому содержанию осужденных окажется в довольно сложном положении: время упущено, тюремная реформа не состоялась, пришло время “платить” по обязательствам перед Советом Европы» [Там же. С. 236].

Необходимо заметить, что среди иностранных ученых-пенитенциаристов также распространено мнение о расширении процесса судебного контроля над исправительными учреждениями и различными правами осужденных как динамично распространяющейся социально-правовой тенденции, которая способствует прогрессивному развитию современных государств [2, 3]. Данная тенденция усиления влияния международных правозащитных организаций и судов на практику функционирования пенитенциарных учреждений обнаруживается с 60-х гг. XX столетия. Европейские судебные и инспекционные органы, которые разделяют общие принципы «глобальной справедливости», в последние годы приобретают все большее значение в области обращения с осужденными, соблюдения прав человека в рамках границ отдельных национальных государств. Так, по мнению Г. Кликуенноиса, национальная пенитенциарная политика европейских государств все более контролируется Советом Европы и Европейским союзом при тесном взаимодействии таких органов, как Европейский суд по правам человека, Комитет по предупреждению пыток и Комитет министров [4. Р. 1, 17]. Хотя справедливости ради нельзя не заметить, что при таком взаимодействии решаются достаточно сложные задачи европейской пенологии. Например, ряд исследователей указывает на успехи и прогрессивное развитие ювенальной реституционной юстиции, которая реализуется в пенитенциарных системах западноев-

ропейских стран уже более тридцати лет [5. Р. 628, 632–637], усиление, в сравнении с недостаточно принципиальной правозащитной практикой США (особенно после событий 11 сентября 2001 г.), общеевропейского подхода к надзорной деятельности за местами принудительного содержания лиц и предупреждение пыток, бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения в местах изоляции осужденных от общества [6. Р. 213].

Ряд авторов неоднозначно относятся к решению ЕСПЧ по рассмотрению вопроса о том, имеют ли лица, содержащиеся в исправительных учреждениях и страдающие синдромом героиновой зависимости, право на лечение опиоидным агонистом (ОАТ) [7. Р. 31–36; 8. Р. 3–9]. Специалистами Международного консорциума по политике в области наркотиков указывается, что по своему фармакологическому действию опиоидные агонистические препараты, назначаемые для лечения синдрома опиоидной зависимости в режиме заместительной терапии, имеют иной эффект, нежели опиоиды, используемые в гедонических целях в немедицинских условиях. Эти лекарства оказывают положительное влияние на людей, находящихся на лечении, а именно стабилизируют эмоциональное состояние, уменьшают или устраняют субъективные усиливающие эффекты, вызывающие зависимость, и защищают от опиоидной индуцированной смерти, поэтому они являются центральным элементом лечения, объединяющим медицинские, психологические и социальные аспекты. В силу клинической эффективности, надлежащий доступ к этим лекарствам приводит к значительному снижению смертности и сопутствующих заболеваний, в том числе связанных с внутривенным употреблением героина [9]. С учетом указанных обстоятельств ЕСПЧ, ссылаясь на ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), пришел к выводу о том, что государства – члены Совета Европы, которые отказываются от использования ОАТ, обязаны гарантировать, что иной альтернативный медицинский подход к лечению наркозависимых осужденных будет таким же эффективным [10]. Тем самым государства фактически вынуждены оптимизировать национальную практику обращения с наркозависимыми осужденными по пути одного из двух указанных вариантов, каждый из которых сам по себе уже является крайне сложной и неоднозначной задачей, включающей медицинский, социальный и правовой аспекты.

Как отмечает Д. Темперман, ЕСПЧ уполномочен следить за соблюдением гораздо более общей свободы религии или вероисповедания осужденных, нежели прописано в стандартах мягкого права – Европейских пенитенциарных правилах и Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 г. В частности, Страсбургский суд уточняет указанные стандарты в таких областях, как посещение тюремной церкви, общение с духовенством, диетические требования и использование религиозных предметов в тюремных камерах [11. Р. 49–67]. Кроме того, несмотря на то что Конвенция прямо не признает никаких социальных прав на помощь (кроме права на образова-

ние), Страсбургский суд, как указывает Е.С. Куэнка, широко толкует признанные гражданские и политические права, крайне разнообразно осуществляет защиту этих прав. По мнению ученого, одним из методов, используемых ЕСПЧ, выступает доктрина о позитивных обязательствах государств (в частности, защита здоровья, жилья, гарантии социальных пособий и помощь людям с ограниченными возможностями) в рамках европейской судебной практики. Фактически роль ЕСПЧ состоит в активизации государств к принятию законодательства, направленного на реализацию «позитивных обязательств» и социальных прав граждан, включая осужденных лиц [12].

По мнению М. Рогана, «политика и стандарты Совета Европы защищают так называемый редуционистский подход к тюремному заключению, которому следует ЕСПЧ... акцент в европейской уголовной политике является реабилитационным... реабилитация была и должна быть главной целью уголовной практики» [13. Р. 326–327, 329]. Признание «права на надежду» и характерное проявление комплаенса в европейском тюремном праве началось с решения Европейского суда по правам человека от 9 июля 2013 г. по делу «Vinter and Others v. the United Kingdom» (жалоба № 66069/09, 130/10, 3896/10), согласно которому лица, отбывающие пожизненное тюремное заключение, всегда должны иметь право на освобождение и дальнейшую реабилитацию. При этом, если внутреннее национальное законодательство не предусматривает возможности пересмотра приговора по любым возможным основаниям в сторону смягчения правового положения осужденного, пожизненный срок не может соответствовать стандартам статьи 3 Конвенции [14]. В деле «Narakchiev and Tolumov v. Bulgaria» (жалоба № 15018/11, 61199/12), основанием которого была жалоба первого заявителя на то, что вынесенный в отношении него приговор к лишению свободы пожизненно без возможности смягчения наказания и в отсутствие каких-либо перспектив реабилитации приравнивается к бесчеловечному и унижающему человеческое достоинство наказанию в нарушение требований ст. 3 Конвенции, жалоба второго заявителя на то, что вынесенный в отношении него приговор к лишению свободы пожизненно с возможностью смягчения наказания сопряжен с отсутствием эффективного внутригосударственного средства правовой защиты такой возможности, ЕСПЧ указал, что «акцент на реабилитацию и реинтеграцию должен стать «обязательным фактором», который должны учитывать государства-члены при разработке их уголовной политики... хотя статья 3 Конвенции не может толковаться как наложение на государство абсолютной обязанности обеспечить заключенных реабилитационными программами и мероприятиями по их реинтеграции в виде соответствующих курсов или консультаций, но требует предоставить пожизненно заключенному шанс, пусть и отдаленный, на то, что он когда-нибудь вернется к своей свободе. Чтобы этот шанс был подлинным и ощутимым, государство должно также предоставить пожизненно заключенным «надлежащую возможность реабилитироваться самим» [15]. В свою

очередь по делу «Murray v. The Netherlands» (жалоба № 10511/10) ЕСПЧ постулировал, что заключенные, отбывающие пожизненное тюремное заключение, «также должны быть допущены к участию в профессиональной или иной деятельности, которая может быть полезной для их реабилитации».

Кстати, по делу «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04) ЕСПЧ установил, что контакты осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы в исправительной колонии особого режима на строгих условиях, с внешним миром были ограничены только телефонными звонками и визитами родственников один раз в шесть месяцев, не более четырех часов, в ходе которых у Хорошенко с посетителями отсутствовал прямой физический контакт, поскольку они были отделены друг от друга стеклянной перегородкой, сотрудник исправительного учреждения всегда находился рядом на расстоянии прослушивания разговора. ЕСПЧ пришел к выводу о недопустимости однозначного запрета осужденному длительных свиданий в течение первых десяти лет отбывания наказания [16, 17].

Можно констатировать, что к настоящему времени оформилась четкая комплаенс-траектория со стороны европейских правозащитных органов поддержки идеи о том, что всем заключенным, в том числе отбывающим пожизненное тюремное заключение, должны быть предоставлена возможность реабилитации и перспектива (досрочного) освобождения. Ряд авторов, исследуя профилактический эффект надлежащего порядка освобождения заключенных из исправительных учреждений, отмечают, что «освобождение из тюрьмы представляет собой один из наиболее фундаментальных и конкретных поворотных моментов, которые может испытать человек. Этот переходный период сопровождается значительными изменениями в жизни человека, поскольку он или она должна восстановить старые отношения, сформировать новые отношения и столкнуться с проблемами, связанными с поиском жилья и занятости... именно перед освобождением формируется четкая обратная зависимость между уровнем поддержки семьи и намерением заниматься преступной деятельностью» [18. Р. 198].

Идея ресоциализации стала рассматриваться через формирование у осужденного принципа «усиления личной ответственности», который подразумевает осознанное движение от первых дней действия приговора, когда акцент делается на наказание и возмездие, к этапу его подготовки к освобождению. Как отмечает С. Мейер, «государства должны проводить индивидуальную оценку того, что означает “надлежащая возможность реабилитации” для осужденного. Среди реабилитационных мероприятий приоритет должен отдаваться потребностям заключенных. При этом индивидуальные потребности будут варьироваться от случая к случаю... толкование концепции реабилитации со стороны ЕСПЧ и государств-членов может быть интерпретировано по-разному» [19. Р. 151–152].

Еще одним проявлением редукционистского подхода правозащитной деятельности ЕСПЧ и обнаружением европейского пенитенциарного комплаенса представляется допустимым считать основанное на

ст. 10 и 14 Конвенции продуцирование механизмов защиты возможностей заключенных на прямое право голоса как выражение свободного мнения политического характера и преодоление дискриминации «по любым иным признакам». Данное направление правозащитной деятельности, по мнению Г. Конвея, выступает «ответом на тоталитарные национальные правовые системы» [20. Р. 138]. Так, в деле «Hirst v. United Kingdom» (жалоба № 74025/01) ЕСПЧ постановил, что полный запрет Соединенного Королевства на право политического голоса заключенного нарушает Протокол 1 ст. 3 Конвенции, нивелирует принцип всеобщего избирательного права и идею минимальных прав человека в их полноценном развитии и эволюционном понимании [21].

Таким образом, высвечивая тенденцию европейского пенитенциарного комплаенса и прогнозируя дальнейшую траекторию редукционистского подхода ЕСПЧ к тюремному заключению можно указать вероятность его продуцирования на проблемы так называемой лингвистической изоляции иностранных осужденных. Так, Э. Галлез отмечает, что процессы интенсивной миграции за последние двадцать пять лет, мультикультурализм и многоязычие становятся реальностью и проблемой европейских тюрем. Однако отсутствие реальных механизмов решения этой проблемы приводит к социальной изоляции осужденных, ставит под угрозу их освобождение и социальную реинтеграцию [22. Р. 738].

В заключение необходимо отметить стратегические риски (не рассматриваем их исключительно в негативном ключе) для уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы Российской Федерации со стороны практического расширения феномена европейского пенитенциарного комплаенса:

1) влияние норм и принципов международного и европейского пенитенциарного права на уголовно-исполнительную систему Российской Федерации показывает, что последняя утрачивает энергичный характер развития и приобретает определенную инертность, о чем в первую очередь свидетельствует отказ от намерения государства повысить эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и наметившийся переход к достаточно абстрактному и во многом инертному совершенствованию деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов. В связи с чем заметим, что отечественная уголовно-исполнительная политика должна приобретать стратегический и концептуальный характер. Не случайно В.А. Уткин обоснованно указывает, что «Концепция развития УИС должна быть нацелена, помимо прочего, на формирование у системы таких качеств, которые позволят ей дать эффективный ответ на существующие и потенциальные риски и вызовы, связанные с изменениями уголовно-карательной политики» [23. С. 212];

2) отчетливее высвечивается отсутствие научно проработанного и адаптированного к текущим задачам оптимизации уголовно-исполнительной системы механизма имплементации норм и принципов международного пенитенциарного права, что привело к со-

зданию ситуации неочевидности перспектив влияния международных пенитенциарных стандартов и европейской практики защиты прав заключенных на отечественное уголовно-исполнительное законодательство;

3) обнаруживается отсутствие научно проработанного и практически апробированного механизма амортизации решений Европейского суда по правам

человека, что не позволяет выстраивать адекватную систему тактических и стратегических мер реагирования на подобные решения и своевременно предупреждать принятие ЕСПЧ пилотных решений, значительно подрывающих репутационные составляющие уголовно-исполнительной политики Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстов В.И. Перспективы тюремного содержания осужденных в свете национальных интересов России, зарубежного опыта и международных стандартов // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2018. № 3. С. 229–238.
2. Oldenburg C.E., Perez-Brumer A.G., Reisner S.L., Mayer K.H., Mimiaga M.J., Hatzembuehler M.L., Bärnighausen T. Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis // Global Public Health. 2018. Vol. 13, is. 4. P. 414–425.
3. Privatising Punishment in Europe? / ed. Tom Daems, Tom Vander Beken. London : Imprint Routledge, 2018. 200 p.
4. Monitoring Penal Policy in Europe / ed. Gaëtan Cliquenois, Hugues de Suremain. London : Imprint Routledge, 2017. 202 p.
5. Reyes-Quilodrán C., Labrenz C.A., Donoso-Morales G. Comparative juvenile criminal justice systems: Contrasts between Chile and Western Europe // Politica Criminal. 2018. Vol. 13, is. 25. P. 626–649.
6. Hamilton C. The European Union: Sword or shield? Comparing counterterrorism law in the EU and the USA after 9/11 // Theoretical Criminology. 2018. Vol. 22, is. 2. P. 206–225.
7. Junod V., Wolff H., Scholten W., Novet B., Greifinger R., Dickson C., Simon O. Methadone versus torture: The perspective of the European court of Human Rights // Heroin Addiction and Related Clinical Problems. 2018. Vol. 20, is. 1. P. 31–36.
8. Rogan M. Human rights and correctional health policy: A view from Europe // International Journal of Prisoner Health. 2017. Vol. 13, is. 1. P. 3–9.
9. Opioid agonist treatment – Guiding principles for legislation and regulations. International Drug Policy Consortium. A global network promoting objective and open debate on drug policy. URL: <https://idpc.net/publications/2018/08/opioid-agonist-treatment-guiding-principles-for-legislation-and-regulations> (дата обращения: 24.02.2019).
10. Opioid agonist treatment Guiding principles for legislation and regulations. URL: <https://rm.coe.int/2017-ppg-15-oat-guidingprinciples-final-eng/16808b6d9e> (дата обращения: 24.02.2019).
11. Temperman J. Freedom of Religion or Belief in Prison: A Critical Analysis of the European Court of Human Rights' Jurisprudence // Oxford Journal of Law and Religion. 2017. Vol. 6, is. 1. P. 48–92.
12. Cuenca E.C. Social rights of assistance and positive obligations of the state in the case-law of the European Court of Human Rights // Revista de Derecho Politico. 2017. Is. 100. P. 1209–1238.
13. Rogan M. Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America // Howard Journal of Crime and Justice. 2018. Vol. 57, is. 3. P. 321–338.
14. European Court of Human Rights. CASE OF VINTER V. UNITED KINGDOM. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{"itemid":\["001-122664"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{) (дата обращения: 27.02.2019).
15. European Court of Human Rights. CASE OF HARAKCHIEV AND TOLUMOV V. BULGARIA. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Index_1999-2014_ENG.pdf (дата обращения: 22.01.2019).
16. European Court of Human Rights. CASE OF MURRAY V. THE NETHERLANDS. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/CP_Netherlands_ENG.pdf (дата обращения: 22.01.2019).
17. European Court of Human Rights. CASE OF KHOROSHENKO V. RUSSIA. URL: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{"fulltext":\["Khoroshenko%20v.%20Russia"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{) (дата обращения: 22.01.2019).
18. Boman J.H., Mowen T.J. The role of turning points in establishing baseline differences between people in developmental and life-course criminology // Criminology. 2018. Vol. 56, № 1. P. 191–224.
19. Meijer S. Rehabilitation as a Positive Obligation // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. 2017. Vol. 25, is. 2. P. 145–162.
20. Conway G. Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners // European Journal of Probation. 2018. Vol. 10, is. 2. P. 136–159.
21. European Court of Human Rights. CASE OF HIRST V. UNITED KINGDOM. URL: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{"fulltext":\["Hirst%20v.%20United%20Kingdom"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{) (дата обращения: 25.01.2019).
22. Gallez E. Foreigners and Refugees Behind Bars: How Flemish Prisons Tackle Linguistic Barriers // The European Legacy. 2018. Vol. 23, № 7–8. P. 738–756.
23. Уткин В.А. Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы как доктринальный политико-правовой акт // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 431. С. 210–214.

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 мая 2019 г.

The European Penitentiary Compliance: Problem Statement, Actualization Factors and Strategic Risks for the Penitentiary System of the Russian Federation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 235–239.

DOI: 10.17223/15617793/444/31

Pavel V. Teplyashin, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russian Federation); Law Institute of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pavlushat@mail.ru

Keywords: concept of rehabilitation; international treaty; national legislation; penology; life imprisonment; pilot decision; legal positions; Council of Europe.

The aim of the article is to clear up the phenomenon of European penitentiary compliance and its possible effect on the penal policy of the Russian Federation. The research is based on the analysis of decisions, including pilot ones, of the European Court of Human Rights (ECHR). The basic method of research consists in the content analysis of legal positions of the European human rights bodies and provisions of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The article gives the concept of penitentiary compliance. Within the context of realization of the penal policy of the Russian Federation, some facts of actualization of European penitentiary compliance are presented. It is pointed out that Russia's accession to the European Council resulted

in a radical change in the character of convicts' and detained people's treatment. However, the harmonization of Russian legislation with the recommendations of international and European penitentiary standards largely reflects the inconsistent realization of Part 1 of Article 3 of the Penal Executive Code of the Russian Federation. The essence of this part lies in the strict observance of the Constitution of the Russian Federation, generally accepted norms of the international law and international treaties of the Russian Federation. The dynamically spreading social legal tendency of greater court control over correctional institutions and various rights of convicts on the side of the ECHR is noted. The process of harmonization of Russian legislation with the recommendations of international and European standards and rules in the sphere of convicts' treatment is critically evaluated. The article deals with problems of application of the reductionist approach of the ECHR to the rehabilitation and early release of people serving a life sentence, to the protection of opportunities for convicts to have the right to speech, i.e. to express a free opinion of a political nature. The strategic risks for the penitentiary system of the Russian Federation is considered against the background of the practical broadening of the phenomenon of European penitentiary compliance. The article draws the conclusion on the clear lack of the mechanism of implementation of norms and principles of the international penitentiary law which is scientifically worked out and adopted to the current tasks of optimization of the Russian penitentiary system.

REFERENCES

1. Seliverstov, V.I. (2018) Prospects of Convicts' Imprisonment in Relation to Russia's National Interests, European Experience and International Standards. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University Education and Pedagogical Studies*. 3 (802). pp. 229–238. (In Russian).
2. Oldenburg, C.E. et al. (2018) Human rights protections and HIV prevalence among MSM who sell sex: Cross-country comparisons from a systematic review and meta-analysis. *Global Public Health*. 13 (4). pp. 414–425.
3. Daems, T. & Vander Beken, T. (eds) (2018) *Privatising Punishment in Europe?* London: Imprint Routledge.
4. Cliquenois, G. & de Suremain, H. (eds) (2017) *Monitoring Penal Policy in Europe*. London: Imprint Routledge.
5. Reyes-Quilodrán, C. et al. (2018) Comparative juvenile criminal justice systems: Contrasts between Chile and Western Europe. *Politica Criminal*. 13 (25). pp. 626–649.
6. Hamilton, C. (2018) The European Union: Sword or shield? Comparing counterterrorism law in the EU and the USA after 9/11. *Theoretical Criminology*. 22 (2). pp. 206–225. DOI: 10.1177/1362480616684195
7. Junod, V. et al. (2018) Methadone versus torture: The perspective of the European court of Human Rights. *Heroin Addiction and Related Clinical Problems*. 20 (1). pp. 31–36.
8. Rogan, M. (2017) Human rights and correctional health policy: A view from Europe. *International Journal of Prisoner Health*. 13 (1). pp. 3–9. DOI: 10.1108/IJPH-08-2016-0049
9. Opioid agonist treatment. (2018) *Guiding principles for legislation and regulations*. International Drug Policy Consortium. A global network promoting objective and open debate on drug policy. [Online] Available from: <https://idpc.net/publications/2018/08/opioid-agonist-treatment-guiding-principles-for-legislation-and-regulations>. (Accessed: 24.02.2019).
10. Opioid agonist treatment. (2017) *Guiding principles for legislation and regulations*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/2017-ppg-15-oat-guidingprinciples-final-eng/16808b6d9e>. (Accessed: 24.02.2019).
11. Temperman, J. (2017) Freedom of Religion or Belief in Prison: A Critical Analysis of the European Court of Human Rights' Jurisprudence. *Oxford Journal of Law and Religion*. 6 (1). pp. 48–92.
12. Cuenca, E.C. (2017) Social rights of assistance and positive obligations of the state in the case-law of the European Court of Human Rights. *Revista de Derecho Politico*. 100. pp. 1209–1238.
13. Rogan, M. (2018) Discerning penal values and judicial decision making: The case of whole life sentencing in Europe and the United States of America. *Howard Journal of Crime and Justice*. 57 (3). pp. 321–338. DOI: 10.1111/hojo.12251
14. European Court of Human Rights. (2013) *Case of Vinter and Others v. United Kingdom*. [Online] Available from: [https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{"itemid":\["001-122664"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre-press#{). (Accessed: 27.02.2019).
15. European Court of Human Rights. (2014) *Case of Harachiev and Tolumov v. Bulgaria*. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/Index_1999-2014_ENG.pdf. (Accessed: 22.01.2019).
16. European Court of Human Rights. (2016) *Case of Murray v. the Netherlands*. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/Documents/CP_Netherlands_ENG.pdf. (Accessed: 22.01.2019).
17. European Court of Human Rights. (2015) *Case of Khoroshenko v. Russia*. [Online] Available from: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pa-ges/search.aspx#{"fulltext":\["Khoroshenko%20v.%20Russia"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pa-ges/search.aspx#{). (Accessed: 22.01.2019).
18. Boman, J.H. & Mowen, T.J. (2018) The role of turning points in establishing baseline differences between people in developmental and life-course criminology. *Criminology*. 56 (1). pp. 191–224.
19. Meijer, S. (2017) Rehabilitation as a Positive Obligation. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 25 (2). pp. 145–162. DOI: 10.1163/15718174-25022110
20. Conway, G. (2018) Prospects and problems for European legal cooperation concerning prisoners. *European Journal of Probation*. 10 (2). pp. 136–159. DOI: 10.1177/2066220318792312
21. European Court of Human Rights. (2005) *Case of Hirst v. United Kingdom*. [Online] Available from: [https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{"fulltext":\["Hirst%20v.%20United%20Kingdom"\]}](https://www.echr.coe.int/sites/search_eng/pages/search.aspx#{). (Accessed: 25.01.2019).
22. Gallez, E. (2018) Foreigners and Refugees Behind Bars: How Flemish Prisons Tackle Linguistic Barriers. *The European Legacy*. 23 (7–8). pp. 738–756.
23. Utkin, V.A. (2018) The penitentiary system modernization concept as a doctrinal political and legal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 431. pp. 210–214. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/431/29

Received: 07 May 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАНЕСОВА Елена Григорьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

АЮШИЕВА Ирина Гармаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: aig1973@mail.ru

БЕСПАЛОВ Александр Михайлович – канд. филос. наук, науч. сотр. управления научно-исследовательской деятельности Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: bam56@mail.ru

БОЛТАНОВА Елена Сергеевна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой гражданского права Томского государственного университета. E-mail: bes2@sibmail.com

БОТВИН Илья Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: botviniv@mail.ru

БРАГИНА Наталья Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва); профессор кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: natasha_bragina@mail.ru

ВАЛЬДМАН Игорь Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета, доцент. E-mail: veritasnostra@mail.ru

ВАНЧИКОВА Цымжит Пурбуевна – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: vanchikova_ts@mail.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ВОЛКОВА Татьяна Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода Челябинского государственного университета. E-mail: tatia.volkova@gmail.com

ВОЛКОВА Татьяна Фёдоровна – канд. филол. наук, доцент отделения русского языка Томского политехнического университета. E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

ГАЙДАНКА Евгений Иванович – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и государственного управления Ужгородского национального университета (Украина). E-mail: haydankayew@ukr.net

ГАЛИМУЛЛИНА Алина Ринатовна – аспирант, ассистент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). E-mail: alin_240593@mail.ru

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им Г.Р. Державина. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

ГОНЧАРОВА Алина Алексеевна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Сергиево-Посадского гуманитарного института. E-mail: lynn-goncharova@mail.ru

ДОНИЙ Наталия Евгеньевна – д-р филос. наук, профессор кафедры экономики и социальных дисциплин Академии Государственной пенитенциарной службы (г. Чернигов, Украина). E-mail: doniyne@ukr.net

ЕРМАКОВА Ольга Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЕРМОЛОВА Александра Ивановна – аспирант кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета. E-mail: mery-05@mail.ru

ЗЮЗИНА Ольга Николаевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета. E-mail: 8olechka@mail.ru

КОНЬКОВ Дмитрий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: dkonkov@mail.ru

КОСТЮКОВА Татьяна Анатольевна – д-р пед. наук, профессор кафедры психологии Томского государственного университета. E-mail: kostyukova@inbox.ru

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: katrina97@yandex.ru

КРИВОШЕЕВ Денис Сергеевич – студент факультета исторических и политических наук Томского государственного университета. E-mail: ovi-for@mail.ru

КРУПКО Яна Михайловна – канд. юрид. наук, начальник аспирантуры Академии Государственной пенитенциарной службы (г. Чернигов, Украина). E-mail: krupko.yanna@gmail.com

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры информатики, математики и общегуманитарных наук Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: AALinchenko@fa.ru

МАЛКОВА Ирина Юрьевна – д-р пед. наук, зав. кафедрой управления образованием Томского государственного университета. E-mail: malkovoi@yandex.ru

МАСЛЕННИКОВА Ольга Георгиевна – директор Центра совместных образовательных программ Томского государственного университета. Email: pro-77@mail.ru

МИКАЕЛЯН Нина Артуровна – магистрант кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: nina952@mail.ru

МИЛЮТИНА Марина Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета (г. Ижевск). E-mail: mmilyutina@inbox.ru

МОКРЕЦОВА Людмила Алексеевна – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: rektor@bigpi.biysk.ru / familym@mail.ru

НИЩИМНАЯ Светлана Алексеевна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой административного, гражданского и хозяйственного права и процесса Академии Государственной пенитенциарной службы (г. Чернигов, Украина). E-mail: yur_fak_kafedra@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Наталья Ивановна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Тольяттинского государственного университета. E-mail: nauka.tlt@gmail.com

ПТИЦЫНА Галина Михайловна – аспирант кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. E-mail: ms_ptitsina@mail.ru

ПРУДНИКОВА Марина Михайловна – социолог отдела по внеучебной работе со студентами Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: mimoza.95@mail.ru

РЕПЬЕВА Анна Михайловна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: anna-repeva@yandex.ru

РОМАНОВИЧ Нелли Александровна – д-р социол. наук, профессор кафедры политологии и политического управления Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас» (г. Воронеж). E-mail: nelly@qualitas.ru

САЛМИН Антон Кириллович – д-р ист. наук, ведущ. науч. сотр. отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: antsalmin@mail.ru

СИМАКОВА Татьяна Петровна – д-р пед. наук, профессор кафедры образовательного менеджмента Академии социального управления (г. Москва). E-mail: ipktmvt@yandex.ru

СИМОНОВА Марина Владимировна – аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета. E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета. E-mail: annas24@yandex.ru

СУРНИН Дмитрий Игоревич – канд. пед. наук, доцент кафедры физического воспитания Тольяттинского государственного университета. E-mail: surnindima@gmail.com

ТЕПЛЯШИН Павел Владимирович – канд. юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Красноярск); доцент кафедры деликтологии и криминологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: pavlushat@mail.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич – канд. ист. наук, учитель истории школы при Улан-Баторском филиале Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Монголия). E-mail: vlad33@bk.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич – д-р ист. наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

УСАЧЁВ Николай Александрович – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой физического воспитания Тольяттинского государственного университета. E-mail: usachev24.12@mail.ru

ЧЕРЕМНЫХ Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: olqga375@sibmail.com

ШЕВЛЯКОВ Александр Семенович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2019. № 444. Июль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати ... 2019 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 30,3. Усл. печ. л. 28,1. Тираж 50 экз.
Заказ № ... Цена свободная.

Дата выхода в свет ... августа 2019 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием.
Учредитель – Томский государственный университет.
«Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru